

БЫЛОЕ

7 І Ю Л Ъ
1906

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 7 ІЮЛЬ 1906

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Ш м и д т ъ, Звенигородская, 20.
1906.

75243

СОДЕРЖАНІЕ.

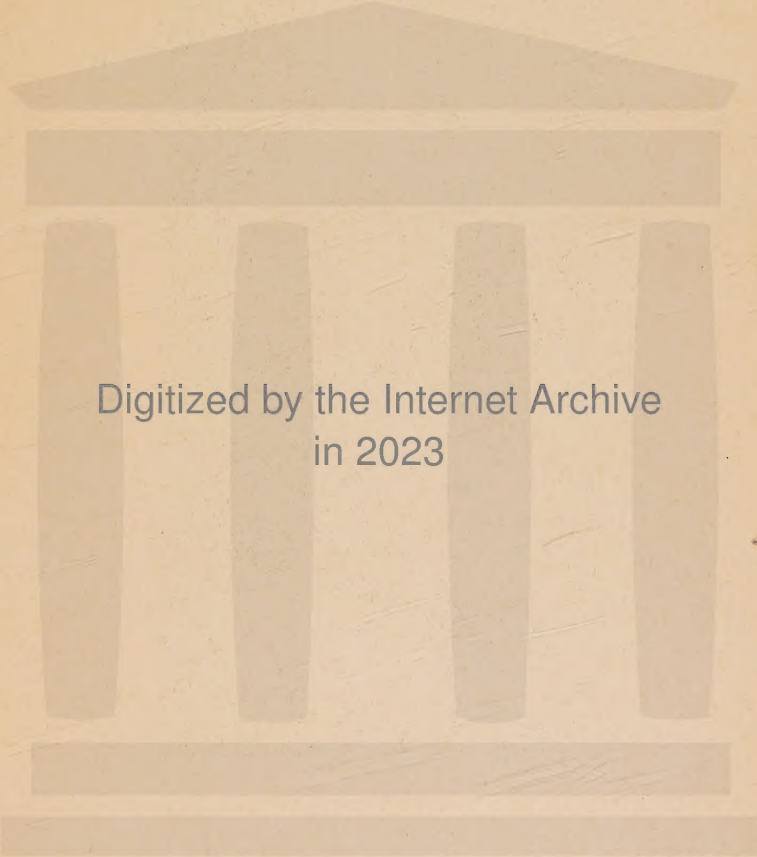
1. Неизданныя стихотворенія И. С. Никитина . . .	1
2. Военная организація партіи «Народной Воли». (<i>Воспоминанія</i>). М. Ю. Ашенбреннера	4
3. Изъ показаній В. Н. Фигнеръ	27
4. Орлица, Турухтанъ и Тетеревъ. (<i>Басня, приписываемая Д. В. Давыдову</i>)	44
5. Мой процессъ. И. Л. Манучарова	48
6. Въ Шлиссельбургской крѣпости. Начало общенія и зародышъ промышленной дѣятельности. М. В. Новорусскаго	55
7. Процессъ «Великорусцевъ». (<i>По неизданнымъ источникамъ 1861 г.</i>). М. К. Лемке	81
8. Централка. Изъ воспоминаній. Н. А. Виташевскаго	107
9. Сергѣй Геннадьевичъ Нечаевъ. (<i>Изъ моихъ воспоминаній</i>). Земфира Ралли-Арборе	136
10. Арестъ С. Г. Нечаева въ Цюрихѣ. (<i>По личнымъ воспоминаніямъ</i>). Д—а	147
11. С. Г. Нечаевъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ 1873—1883 гг.	151
12. Восемнадцать писемъ М. А. Бакунина	183
13. Годы скорби. (<i>Воспоминанія матери</i>). С. А. Савинковой	215
14. «Пролетаріатъ» передъ судомъ. Л. Василевскаго (Плохоцкаго)	257
15. Къ исторіи отношеній партіи «Народной Воли» и партіи «Пролетаріатъ»	282
16. Историческая библіографія (<i>А. Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. Пер. Вѣры Засу-</i>	

личъ, Д. Кольцова и др. <i>А. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Перев. подъ редакціей и съ примѣчаніями Л. Шишко.—В. Водовозова Zur Beurteilung der gegenwärtigen politischen Entwicklung Russlands von S. I. Giwago und Max. Weber.—Б. В. Russen über Russland. Ein Zammelwerk, herausgegeben von Jozef Melnik—Б. В).</i>	307
17. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.	319
18. Современная лѣтопись	321
19. Матеріалы, документы и мелкія замѣтки. (<i>Къ исторіи л.-гв. Сапернаго батальона—25; Къ дѣлу Бензенгера—104; Къ дѣлу В. И. Засуличъ—178; Дѣло Делькевича—255</i>).	
20. Объявленія	342

Въ этой книгѣ помѣщены портреты В. И. Засуличъ, Н. Д. Похитонова, М. А. Бакунина съ женой, П. В. Бардовскаго и С. Ч. Куницкаго.

Въ іюньской книгѣ при перечисленіи портретовъ не упомянутъ приложенный къ этой книгѣ портретъ А. И. Баранникова.

Digitized by the Internet Archive
in 2023

Вѣра Ивановна
ЗАСУЛИЧЪ.

Неизданныя стихотворенія И. С. Никитина.

Помѣщаемыя ниже стихотворенія И. С. Никитина не вошли въ полное собраніе сочиненій, по всей вѣроятности, по цензурнымъ условіямъ. Нами эти стихотворенія печатаются съ подлинной рукописи, хранящейся у наслѣдниковъ Н. И. Второва.

Ред.

I.

.
Падеть презрѣнное тиранство,
И цѣпи съ пахарей спадутъ,
И ты, изнѣженное барство,
Возьмешься нехотя за трудъ.
Не намъ, иному поколѣнью
Отдашь ты бичъ свой вѣковой
И будешь ненавистной тѣнью,
Пятномъ въ исторіи родной...
Весь твой развратъ и вѣроломство.
Всѣ козни—время обнажить,
И просвѣщенное потомство
Тебя проклятьемъ поразить..
Мужикъ, теперь твоя опора,
Твой волъ—и больше ничего—
Со славой выйдетъ изъ позора,
И вновь не купишь ты его.
Ужъ всходитъ солнце земледѣльца!...
Забитый, онъ на мѣсть не скоръ;
Но знай: на своего владѣльца
Давно ужъ точить онъ топоръ...

II.

Постыдно гибнетъ наше время...
Наслѣдство дѣдовъ и отцовъ—
Послушно носить наше племя
Оковы тяжкія рабовъ.

И стоимъ мы позорной доли!
Мы добровольно терпимъ зло:
Въ насъ нѣтъ ни смѣлости, ни воли...
На насъ проклятіе легло!

Насъ бьютъ кнутомъ, насъ мучать палкой,
Дурачатъ, грабятъ какъ хотятъ,
.....
..... 1)

Мы рабство съ молокомъ всосали,
Сроднились съ болью нашихъ ранъ.
Нѣтъ! Въ насъ отцы не воспитали,
Не подготовили гражданъ.

Не мститъ насъ матери учили
За цѣпи сильнымъ палачамъ.
Увы! бессмысленно водили
За палачей молиться въ храмъ.

Про жизнь свободную не пѣли
Намъ сестры... нѣтъ! подъ гнетомъ зла
Мысль о свободѣ съ колыбели
Для нихъ невѣдомой была!

И мы молчимъ. И гибнетъ время...
Насъ не пугаетъ стыдъ цѣпей—
И цѣпи носить наше племя,
И молится за палачей...

1) Двѣ строки не разобраны. Все четырехстишіе вычеркнуто авторомъ.

III.

Тяжкій крестъ несемъ мы, братья,
Мысль убита, ротъ зажать,
Въ глубинѣ души проклятья,
Слезы на сердцѣ кипятъ.

Русь подъ гнетомъ, Русь болѣетъ;
Гражданинъ въ тоскѣ нѣмой—
Явно плакать онъ не смѣетъ,
Сынъ объ матери больной!

Нѣтъ въ тебѣ добра и мира,
Царство скорби и цѣпей,
Царство взятокъ и мундира,
Царство палокъ и плетей.

И. Никитинъ.

Военная организація партіи „Народной Воли“ ¹⁾.

(Воспоминанія).

I.

Военно-революціонная организація.

Я приступаю къ самой трудной части моихъ воспоминаній съ большимъ смущеніемъ: мнѣ бы хотѣлось провѣрить себя, но мои попытки встрѣтили непреодолимые для меня трудности. Мнѣ остается только надѣяться, что мои невольныя погрѣшности будутъ, въ интересахъ истины, исправлены другими авторами.

Широкое, хотя, быть можетъ, и не глубокое движеніе въ войскахъ въ началѣ 80-хъ гг., во-первыхъ, служить показателемъ значительности общаго революціоннаго движенія въ Россіи въ ту эпоху. Военная среда, изолированная своими специальными интересами, не лишена была интеллигентности въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, разбросанныхъ по разнымъ концамъ Россіи; эти отдѣльныя лица, несомнѣнно, стояли въ рядахъ русской безсословной интеллигенціи, хотя и тонули въ безразличной массѣ у себя, въ своей средѣ. Декабристы стояли въ переднихъ рядахъ революціонной интеллигенціи; военная интеллигенція новаго времени, не чуждая современныхъ ученій объ обществѣ, по сходству своихъ убѣжденій, была солидарна съ передовой интеллигенціей, но стояла въ заднихъ ея рядахъ; и нужны были извнѣ стимулы, чтобы пробудить ее къ освободительной дѣятельности. Сила внѣшняго воздѣйствія нарастала, и эти военные интеллигенты стали ферментомъ, возбуждившимъ революціонное броженіе въ войскахъ.

Во-вторыхъ, движеніе въ военной средѣ служить также показателемъ назрѣвшей необходимости въ нелегальной дѣятельности въ силу утраты надежды на дѣйствительность оппозиціонной дѣятельности. Изъ сказаннаго выше не слѣдуетъ заключать, что революціонное движеніе въ войскахъ было созданіемъ нѣсколькихъ горячихъ головъ. Я останавлиюсь только на ближайшихъ причи-

¹⁾ Исторія военно-революціонной организаціи, созданной партіей «Народной Воли», до сихъ поръ необсѣдована и извѣстна крайне мало. Настоящая воспоминанія, принадлежащая одному изъ видныхъ представителей военно-революціоннаго движенія, проливаютъ свѣтъ на тактику военныхъ революціонныхъ организацій начала 80-хъ годовъ и даютъ схему движенія. Отъ оставшихся въ живыхъ участниковъ военно-революціонной организаціи мы ждемъ разъясненій и добавленій. Въ слѣдующей книгѣ «Былого» мы надѣемся дать документальныя данныя до военныхъ организацій «Народной Воли».

нах революціоннаго броженія между офицерами: это—безнадежное, отчаянное положеніе Россіи; вліяніе литературы и прессы, легальной и нелегальной, вѣрно отражавшей русскую дѣйствительность; военно-революціонная традиція, никогда не умиравшая, носителями которой были всегда отдѣльные лица; знакомства и связи съ революціонерами; а главное—привлеченіе военныхъ къ усмирительнымъ операціямъ и къ полицейской службѣ. Въ большихъ городахъ войска содѣйствовали полиціи въ антипатичнѣйшихъ предпріятіяхъ: арестахъ, облавахъ, охранѣ арестованныхъ, при усмиреніяхъ, судахъ и казняхъ. Военная община состоитъ изъ элементовъ, связанныхъ дисциплиною въ колонію. Эта община не можетъ быть лишена соціальнаго инстинкта; только въ ней элементы утрачиваютъ свою самостоятельность въ пользу цѣлаго, съ которымъ они солидарны безсознательно. Солдаты и офицеры, отправляясь на усмиренія, смущались, обижались, роптали и озлоблялись. Невольное участіе въ жестокомъ и несправедливомъ дѣлѣ и служеніе орудіемъ въ нечистыхъ рукахъ будили совѣсть и пробуждали сознаніе гражданской отвѣтственности и солидарности у болѣе чуткихъ, отзывчивыхъ и нравственно развитыхъ. Эти же чуткіе, наиболѣе развитые и были наиболѣе вліятельны. Такіе офицеры стали собираться и совѣщаться о томъ, какъ они должны относиться къ современнымъ событіямъ и какъ должны вести себя при усмиреніяхъ.

Въ-третьихъ, военные кружки возникали одновременно въ разныхъ концахъ Россіи, иногда самопроизвольно (напр., на югѣ), и развивались правильно и органически: они дѣлились на части, какъ клѣточка, или почковались, и эти части оставались между собою въ тѣсной и постоянной связи и вырабатывали одинаковую или общую программу. Это объясняется единствомъ происхожденія и естественнымъ стремленіемъ согласовать свои дѣйствія; а въ силу мѣстной близости, единства состава и происхожденія, существенныя измѣненія въ конституціяхъ провинціальныхъ группъ (такъ было на югѣ и юго-западѣ) принимались единогласно. Бывали случаи временнаго сліянія двухъ кружковъ. Въ скобкахъ замѣчу, что встрѣчались случаи регрессивнаго метаморфоза: кружки теряли связи и распадались.

Въ концѣ 80-го года сложилась первая военная группа, которая и стала затѣмъ центральной. Учредителями были Рогачевъ, Сухановъ, Штромбергъ, Желябовъ и Колодкевичъ; послѣдніе двое, какъ делегаты Исполнительнаго Комитета партіи «Народной Воли». Центральная группа поставила своей цѣлью организацію строго централизованной военно-революціонной партіи для борьбы за политическое и экономическое освобожденіе народа, во главѣ которой ставилась автономная по своимъ спеціальнымъ задачамъ центральная группа. Члены центральной группы назначались Исполнительнымъ Комитетомъ, программа котораго признавалась основной статьей кружкового устава; посему-то назначеніемъ военной организаціи было активное содѣйствіе партіи «Народной

Воли» въ революціонной борьбѣ съ существующимъ политическимъ и экономическимъ строемъ.

Въ началѣ 81-го года, если не ошибаюсь, въ составъ центральной группы вступили Дегаевъ, Буцевичъ, потомъ Похитоновъ. Весною 81-го г., Сухановъ и Штромбергъ были арестованы, а въ составъ центрального кружка вступили Серебряковъ, Папинъ и Завалишинъ, а въ началѣ 83-го года—Ашенбреннеръ.

Пропаганда была настолько дѣйствительна, а почва такъ благодарна, что повсюду стали складываться кружки: въ Кронштадтѣ—морскіе, артиллерійскій, армейскій, въ Петербургѣ—въ военныхъ академіяхъ (только не въ академіи генеральнаго штаба) и военныхъ училищахъ. Если не ошибаюсь, первый кружокъ былъ основанъ Рогачевымъ въ Гельсингфорсѣ; затѣмъ Рогачевъ и одинъ морякъ съ большимъ успѣхомъ дѣйствовали въ Прибалтійскомъ и Сѣверо-западномъ краѣ; а вскорѣ появились кружки въ центральныхъ губерніяхъ, по Волгѣ и на Кавказѣ. Ближайшіе къ центру кружки находились съ нимъ въ болѣе тѣсной связи; остальные, кажется, складывались самостоятельныѣ, и программы ихъ были разнообразнѣе, что, я думаю, больше зависѣло отъ ихъ удаленности отъ центра, чѣмъ отъ личнаго состава. Я не берусь описывать, какъ складывались и развивались эти провинціальныя группы въ надеждѣ, что люди, ближе знающіе ихъ исторію, не всѣ же вымерли и лучше меня исполнять эту задачу; но думаю, что по описанію, какъ дѣло шло на Югѣ на моихъ глазахъ, можно составить довольно вѣрное представленіе, какъ дѣло зарождалось и выросло вездѣ, потому что составъ, строеніе, разныя фазы развитія, а можетъ быть, и упадка, взаимныя отношенія кружковъ къ сосѣднимъ группамъ и къ центру вездѣ были одни и тѣ же, за исключеніемъ, вѣроятно, нѣкоторыхъ незначительныхъ индивидуальныхъ уклоновъ.

Первоначальная программа южныхъ кружковъ была очень эффектна, но мало состоятельна по существу. Эту программу можно формулировать, какъ дружественный нейтралитетъ въ пользу народа, протестантовъ, демонстрантовъ и возставшихъ. Въ другихъ мѣстностяхъ кружковыя программы были весьма разнообразны, начиная отъ программы самообразованія до террористической.

Вездѣ въ кружкахъ въ первый, подготовительный періодъ ихъ существованія, чувствовалась необходимость въ пополненіи и систематизаціи своихъ познаній. На югѣ велись бесѣды по экономическимъ и политическимъ вопросамъ, излагали по мѣрѣ силъ и возможности ученія Прудона, Луи Блана, Лассалья, Родбертуса, Маркса, катедеръ-соціалистовъ и др. Пропаганда между сослуживцами была весьма успѣшна. Къ сложившемуся ядру будущаго кружка однородные элементы притягивались одни силою, такъ сказать, химическаго сродства, то есть въ силу единства убѣжденія и согласія воли, другіе просто примѣшивались механически. Эти послѣдніе элементы ассоціировались не по сходству, а, такъ сказать, по смежности. Такая готовность вступить въ

связь внѣ ассимиляціи съ цѣлымъ объясняется служебнымъ сотрудничествомъ, школьными связями, личной дружбой и товариществомъ. Товарищество—высшая добродѣтель военного человека—немыслимо безъ взаимной выручки. Тутъ-то открываются сильныя и слабыя стороны военной кружковой организаціи. Отбившись такъ или иначе отъ союза, товарищъ утрачиваетъ активную силу, сохраняя, можетъ быть, свою потенциальную цѣнность. Руководимые сердечнымъ чувствомъ или чужою волею, они, въ одномъ случаѣ, напр., при разгромѣ, дѣлаются добычею сердецвѣдовъ-прокуроровъ и слѣдователей, а въ лучшемъ случаѣ неспособны къ инициативѣ и не оцѣниваютъ истиннаго призванія каждаго рядового революціонера состоятъ въ готовности занять мѣсто выбывшаго изъ строя главаря. Привитое службой безпрекословное, автоматическое повиновеніе волѣ старшаго приносило въ данномъ случаѣ сомнительную пользу, несравненно болѣе сомнительную, чѣмъ поведеніе по велѣнію нравственнаго сознанія. Этими соображеніями объясняется весьма условное значеніе дисциплинарной выправки для нелегальной политической дѣятельности.

Военная партія, взятая въ цѣломъ, выдѣлила нѣсколькихъ даровитыхъ организаторовъ. Талантливымъ организаторомъ былъ Бутевичъ, хорошимъ, по моему мнѣнію, былъ Рогачевъ, о другихъ, можетъ быть, еще живыхъ, я не буду говорить. Были очень способные и неутомимые пропагандисты; хорошихъ же конспираторовъ, какъ мнѣ кажется, было немного. Военная община—это большая открытая семья. Около кружковыхъ офицеровъ группировались люди, связанные съ ними разными узами, люди, которыхъ включить въ кружокъ было невозможно. Между такими встречались люди, сочувствовавшіе, но преданные платонически. Они оказывали иногда большія услуги и въ критическій моментъ могли быть увлечены. Эти люди знали слишкомъ много и даже случайно попадали на кружковые совѣщанія, а во время провала давали неосторожныя, а иногда и откровенныя показанія.

Пропаганда велась сначала осторожно, а потомъ слишкомъ смѣло и открыто. Въ одномъ южномъ кружкѣ собирались у семейнаго товарища, связаннаго съ кружкомъ личной дружбой. Тамъ, послѣ ужина, за стаканомъ вина, въ компаніи съ двумя, тремя случайными гостями, свободно обсуждались текущія въ Россіи дѣла, а зачастую раздавались и мятежныя рѣчи. Но такія бесѣды проходили по крайней мѣрѣ въ закрытомъ помѣщеніи. Въ лагерное время нерѣдко ходили ужинать въ одну пивную на большой и людной улицѣ. На улицу выходила веранда, обвитая дикимъ виноградомъ. Тутъ стояли столики. Столики сдвигались, и послѣ ужина приступали сначала къ спокойному обсужденію, которое зачастую заканчивалось горячимъ призывомъ къ возмущенію. Однажды въ этотъ городъ заѣхалъ одинъ нелегальный, какъ офицерамъ почему-то показалось, для провѣрки слуха, что

въ кружкѣ закутили. Съ этимъ «комисаромъ» сначала поговорили о дѣлахъ; потомъ его завели въ пивную, гдѣ и началась обычная исторія, завершившаяся «возмутительными» рѣчами. Въ это время на верандѣ сидѣлъ за своимъ столикомъ турецкій консулъ въ фескѣ, грекъ по происхожденію, отлично говорившій по-русски. Когда ораторъ произносилъ зажигательный спичъ, консулъ отвелъ одного офицера въ сторону и заговорилъ такъ:

«Этотъ офицеръ, должно быть, очень хорошій человекъ, но только онъ очень неостороженъ: такія рѣчи говорить въ Россіи на улицѣ опасно. Посмотрите: прохожіе останавливаются и прислушиваются. Вы, господа, должны беречь своего товарища, иначе онъ пропадетъ!»

Къ этимъ словамъ прислушивался пріѣзжій (нашъ гость) и горячо возразилъ:

«Нѣтъ! неправда! Если намъ зажимаютъ ротъ, то мы будемъ кричать! Если изъ нашего дома сдѣлали проѣзжую дорогу, то мы на улицѣ будемъ какъ дома!»

Такъ кончилась эта замѣчательная ревизія.

Нерѣдко сами командиры помогали агитаціи. Жестокій, циничный и неумолимый командиръ одного полка безпощадно билъ и поролъ солдатъ, невыносимо оскорблялъ офицеровъ и гнулъ ихъ въ три погибели. Его боялись и ненавидѣли. Полагая, что достаточно терроризировалъ полкъ, онъ сталъ безстыдно бравировать своимъ беззаконіемъ. Однажды, при писаряхъ и офицерахъ, онъ обратился къ квартирмейстеру такъ:

«Завтра привезите ко мнѣ на квартиру сажень дровъ (казенныхъ), да побольше! понимаете?»

«Слушаю» — отвѣтилъ ему поручикъ Н. На другой день командиру была доставлена сажень дровъ съ большимъ походомъ, но онъ остался недоволенъ и, при тѣхъ же свидѣтеляхъ, закричалъ:

«Поручикъ Н! Я, кажется, русскимъ языкомъ говорилъ вамъ: сажень да побольше! Берегитесь, безтолковый человекъ! Было бы болото, а черти будутъ!»

Особенно онъ свирѣпствовалъ, осматривая роты при разводѣ ихъ въ караулъ. За нимъ въ свитѣ слѣдовали батальонные и ротные командиры. Для того, чтобы приступить къ избиенію, у него была своя замашка: онъ открывалъ затворъ винтовки и осматривалъ каналъ ствола. Разумѣется, при желаніи нетрудно усмотрѣть какую-нибудь пылинку на стѣнкахъ канала. Тогда онъ билъ солдата прикладомъ въ грудь такъ, что грудь трещала и приговаривалъ: «Бейте, гг. офицеры, солдатъ! Русскій солдатъ любитъ, чтобъ его били!» Таковую-то экзекуцію онъ однажды совершалъ въ одномъ батальонѣ, гдѣ «рукоприкладство» не существовало. Солдатская грудь трещала, избитые шатались и падали, но молчали, а онъ кричалъ: «Г. г. ротные командиры! бейте солдатъ! За битаго двухъ не битыхъ даютъ! Не смотрите на вашего гуманнаго батальоннаго командира!» Но въ этотъ моментъ выступилъ батальонный командиръ и заявилъ:

«Г. полковникъ! Вы возмущаете противъ меня передъ солдатами подчиненныхъ мнѣ офицеровъ и призываете ихъ къ непослушанію. О такомъ беззаконіи я немедленно заявлю высшему начальству, а командовать батальономъ, гдѣ совершаются истязанія, неслыханныя даже въ арестантскихъ ротахъ, не желаю!»

Вслѣдъ за тѣмъ, неожиданно подобное же заявленіе сдѣлали всѣ четыре ротныхъ командира. Такой протестъ ошеломилъ трусливаго буяна: «Г. г., зачѣмъ же выносить соръ изъ избы?! Я погорячился! Не всякое же лыко въ строку! Ну, хорошо, посмотримъ, какъ вы оболваните русскаго солдата гуманными мѣрами!» Этотъ инцидентъ имѣлъ значительныя послѣдствія. Побои въ этой части полка не повторялись; беззащитные солдаты, трепетавшіе передъ лютымъ начальникомъ, поняли, что его укротить нетрудно. Престижъ батальоннаго командира выросъ чрезвычайно. Еще одинъ случай: полковой адъютантъ просилъ предсѣдателя полкового суда отъ имени командира полка приговорить писаря N.N. къ зачисленію въ разрядъ штрафованныхъ, чтобы его можно было сбѣчь, такъ какъ его вліяніе на другихъ командирѣ признавалъ вреднымъ. На это послѣдовалъ отвѣтъ:

«Г. г., прошу быть свидѣтелями! Поручикъ! передайте командиру полка, что дѣло будетъ рѣшено по закону и по совѣсти, а я сейчасъ отправлюсь къ военному прокурору и сообщу ему о противозаконномъ предложеніи командира полка!» Присутствовавшіе офицеры поддержали предсѣдателя и, такимъ образомъ, протестъ офицеровъ избавилъ отличнаго и развитаго солдата отъ позорнаго наказанія, которое можно было примѣнять къ штрафованнымъ по усмотрѣнію начальниковъ. Такіе легальные протесты—прямая обязанность всякаго порядочнаго человѣка—имѣли воспитательное значеніе, поселяли довѣріе къ офицерамъ и сомнѣніе въ авторитетности начальника, пользующагося своей властію не по заслугамъ и способностямъ.

Численный составъ кружковъ на югѣ, достигнувъ извѣстнаго предѣла (около 10 чел.), не возрасталъ далѣе. Временными членами въ двухъ пѣхотныхъ кружкахъ состояли строевые офицеры посторонняго вѣдомства; предполагалось, что по возвращеніи въ свои части, они станутъ ядромъ новыхъ кружковъ. Кромѣ того завязывались связи съ нѣкоторыми артиллерійскими частями въ ближайшей мѣстности. Южный же морской кружокъ выросталъ не по днямъ, а по часамъ, такъ, что принялъ неудобные въ конспиративномъ отношеніи размѣры; но къ предложенію раздѣлиться на части, моряки отнеслись несочувственно. Въ декабрѣ 81 г. пріѣхалъ на югъ лейтенантъ Александръ Викентьевичъ Бучевичъ, и отъ него мы узнали о возникновеніи повсюду военныхъ революціонныхъ кружковъ и о существованіи центральной группы. Познакомившись съ нашей программой, онъ нашелъ ее недостаточной. Мы защищали свою программу, но онъ указывалъ на ея несостоятельность и доказывалъ, что, по смыслу своего существованія, военная организація должна носить боевой характеръ; что

ея назначеніе—активное содѣйствіе партіи «Народной Воли», и ея задача—готовиться къ военному мятежу. Ему возражали, что увлечь за собою единичныхъ солдатъ не трудно; но возмутить цѣлыя роты, батальоны, батареи возможно только при общемъ народномъ возстаніи, что тогда даже и недостаточная подготовка не помѣшаетъ; а общее народное возстаніе—праздная мечта; что революціонное движеніе въ Россіи до сихъ поръ не имѣло массоваго характера, а являлось въ видѣ частичныхъ мятежныхъ протестовъ; а потому единая практически осуществимая и достаточная задача наша—подготовить сначала отдѣльныя части, затѣмъ (какъ предѣльное требованіе) цѣлые гарнизоны къ тому, чтобы они не подымали оружія противъ народа и народныхъ защитниковъ ни въ какомъ случаѣ. Эта программа—минимумъ, и она исполнима, если не во всемъ объемѣ, то частично. Онъ же говорилъ, что наша программа-минимумъ праздная мечта, что смѣшно говорить о подготовкѣ армій и гарнизоновъ, да въ этомъ и нѣтъ надобности. Бываютъ такіе моменты въ общественной жизни, когда нужно открыто и безповоротно стать на ту, или другую сторону, а не оставаться благороднымъ свидѣтелемъ, такъ сказать, между молотомъ и наковальней; подготовить одну, двѣ роты, батарею, эскадронъ къ открытому возмущенію легче, чѣмъ осуществить наши неопредѣленные и обширные замыслы. Одна рота, открыто ставшая на сторону возмущившихся, можетъ принести неисчислимые услуги: напр. захватить арсеналы и передать оружіе инсургентамъ, захватить пушки, пороховые погреба, обезоружить цѣлыя части, арестовать энергичныхъ распорядителей усмиренія, освободить политическихъ заключенныхъ. Не надо забывать также, что въ подготовительномъ періодѣ у офицера есть свои техническія задачи: напр., изучить топографію будущаго театра дѣйствія, составить планы на разные случаи и т. д.

Въ результатѣ этихъ совѣщаній было присоединеніе двухъ армейскихъ кружковъ, а затѣмъ и морского кружка къ партіи «Народной Воли». Кружковыя программы двухъ первыхъ кружковъ были измѣнены такъ: задача кружковъ—активная поддержка протестующихъ и возставшихъ; главенство Исполнительнаго Комитета партіи «Народной Воли»; непосредственное подчиненіе по спеціальнымъ дѣламъ автономному военному центральному кружку; обязательство явиться въ распоряженіе военнаго центра по первому требованію. Этому параграфу, составлявшему существенную часть программы новаго типа почти вездѣ, Буцевичъ придавалъ особенную важность; только на югѣ морской кружокъ не усвоилъ этой послѣдней статьи. Истинный ея смыслъ извѣстенъ былъ только Буцевичу и мнѣ. Буцевичъ имѣлъ въ виду очень смѣлыя и остроумныя предпріятія, но они требовали нѣкоторой подготовки, посему подробности до поры до времени и составляли тайну. Этотъ параграфъ кружки принимали не особенно охотно, и не потому, что офицеры боялись взять на себя непонятное и

опасное обязательство, а потому, что оно предполагало непосильные денежные расходы и отставку. Потомъ я узналъ, что недостатокъ въ деньгахъ и служилъ камнемъ преткновенія для осуществленія такихъ плановъ.

Весною 82 г. сложился морской кружокъ. Онъ состоялъ въ тѣсной связи съ армейскимъ, и не разъ армейцы принимали участие въ его совѣщаніяхъ. Такъ были установлены правильные денежные сборы; армейцы устроили у себя конспиративную квартиру. На общемъ собраніи морского и армейскаго кружковъ былъ поставленъ вопросъ о пропагандѣ среди солдатъ и получили оригинальное рѣшеніе: признали цѣлесообразнымъ поручить пропаганду рабочимъ и обратились съ просьбой къ В. Н. Фигнеръ, проездомъ посѣтившей насъ, прислать двухъ подходящихъ рабочихъ для пропаганды въ двухъ городахъ. Офицеры должны были намѣчать и указывать рабочимъ болѣе надежныхъ и способныхъ людей, оберегать свиданія солдатъ съ рабочими, выручать солдатъ отъ всякихъ домашнихъ и внѣшнихъ напастей и повышать по-возможности ихъ служебное положеніе и т. д. Пропаганда шла довольно успѣшно, особенно между моряками. Офицеры предполагали открыться солдатамъ по окончаніи подготовительной работы, незадолго до рѣшительныхъ дѣйствій; но солдаты оказались наблюдательнѣе, чѣмъ мы думали, и безъ труда отличали своихъ офицеровъ. Наконецъ, явилась возможность испытать свою готовность, и составленъ былъ планъ освободить политическую заключенную. Два солдата и одинъ офицеръ взялись за это дѣло. Ключи послѣ вечерней зари находились у караульнаго начальника; но, чтобы спасти офицера отъ большой отвѣтственности, этими ключами рѣшено было не пользоваться, а по слѣпкамъ подобрать другіе ключи, а чтобы отклонить отвѣтственность отъ часового, его должна была угостить заключенная пирожкой съ минимальной дозой усыпительнаго. Все было готово. Недоставало паспорта для другого часового, который собирался бѣжать, заматавая такимъ образомъ всѣ слѣды; недоставало также экипажа для побѣга. Экипажъ и паспорта взяли въ поставку къ назначенному дню не военные, но опоздали; а между тѣмъ такая комбинація караульнаго наряда, когда встрѣчаются всѣ три исполнителя, случалась довольно рѣдко. Заключенную перевезли въ другой городъ и, такимъ образомъ, испытаніе нашей зрѣлости вышло неудачное.

Въ началѣ 82 г. Буцевичъ уѣхалъ на сѣверъ, а лѣтомъ мы узнали объ его арестѣ, и такимъ образомъ порвалась связь съ центральнымъ кружкомъ. Наша изолированность и оторванность отъ центра и другихъ кружковъ намъ стала невыносима—это было самое больное наше мѣсто—и нѣсколько человекъ отправились въ разныя стороны на поиски. Эта экспедиція была отчасти удачна. Центральнаго кружка не нашли; въ одномъ мѣстѣ я по оплошности перепуталъ рекомендаціи, и меня приняли за весьма подозрительную личность; но на обратномъ пути, въ одномъ боль-

помѣ городѣ я познакомился съ организованнымъ кружкомъ, исторія и программа котораго были почти тождественны съ нашей. Съ этимъ кружкомъ мы условились оставаться въ постоянной и тѣсной связи и для этого обмѣниваться почаще визитами, что и было исполнено. Въ этомъ городѣ существовало еще нѣсколько неорганизованныхъ группъ, находившихся въ первой стадіи развитія и переживавшихъ періодъ бурнаго броженія. Я думаю, что, вслѣдствіе оторванности отъ центра, имъ приходилось оцущью вырабатывать свою программу, хотя между ними, какъ я слышалъ, были очень способные люди. Въ ноябрѣ на югъ пріѣхалъ членъ Исполнительнаго Комитета Дегаевъ съ рекомендаціей, которой я долженъ былъ повиноваться. Онъ пожелалъ ознакомиться съ положеніемъ дѣла у военныхъ и просилъ меня познакомить его съ выдающимися лицами изъ нашей среды. Я пригласилъ 4-хъ офицеровъ. Тремъ изъ нихъ онъ предложилъ заняться организаціей террористическихъ предпріятій; но выборъ былъ неудаченъ въ томъ отношеніи, что одинъ изъ нихъ уѣзжалъ въ академію, другіе, люди семейные, были много должны въ офицерскій капиталъ и потому оставить службу не могли; а мы, въ видахъ огражденія юной военной организаціи отъ провала, уже постановили, что офицеръ, принимающій участіе въ террористическихъ предпріятіяхъ, обязанъ выйти изъ военной организаціи. Мнѣ лично онъ отъ Вѣры Николаевны предложилъ оставить службу и явиться въ распоряженіе центрального кружка. Я взялъ годовой отпускъ и отправился, заѣхавъ по пути къ Похитонову и Вѣрѣ Николаевнѣ. Въ центральномъ кружкѣ меня спросили, какъ я понимаю свое новое назначеніе? Я просилъ возложить на меня постоянные объѣзды между кружками съ цѣлью сведенія разнообразныхъ программъ къ единой—центрального кружка. Такъ и было рѣшено; но мнѣ предложили предварительно познакомиться съ высшими военными учебными заведеніями. Съ нѣсколькими академистами я познакомился. А когда по петербургскимъ дѣламъ мнѣ дали въ помощники очень способнаго и энергичнаго артиллерійскаго офицера Степурина, я сдалъ ему дѣла въ Петербургѣ и сдѣлалъ свой первый и послѣдній объѣздъ по Россіи. Тогда центральный кружокъ предполагалъ издавать военный журналъ, и мнѣ поручили, кромѣ согласованія кружковыхъ программъ, нанять корреспондентовъ, получить въ одномъ городѣ деньги, оповѣстить о предстоящемъ съѣздѣ и выбрать удобный для съѣзда пунктъ. Отчасти все это было сдѣлано. Но денегъ я не успѣлъ получить. Въ Смоленскѣ, куда я заѣхалъ отдохнуть, я былъ арестованъ.

Этимъ краткимъ очеркомъ я и ограничиваю мои воспоминанія о революціонной дѣятельности въ войскахъ. Кратковременность болѣе широкаго участія моего въ дѣлахъ объясняетъ неполноту фактической стороны. О томъ, чего я не видѣлъ самъ, мнѣ приходилось судить по аналогіи.

II.

Слѣдствіе и судъ.

Дегаевщина будетъ описана людьми болѣе меня свѣдущими. Я здѣсь скажу немногое, что мнѣ извѣстно. На югѣ Дегаевъ совершенно обворожилъ военныхъ. Намъ онъ казался человѣкомъ очень тонкимъ, ловкимъ, умнымъ, изворотливымъ и предприимчивымъ. На свѣрѣ военные его обожали; кажется, только одинъ Э. А. Серебряковъ не поддавался общему увлеченію. Онъ мнѣ говорилъ, что Сухановъ относился къ Дегаеву съ большимъ недовѣріемъ. Послѣ перваго ареста Дегаевъ былъ выпущенъ на поруки и скрылся. Лѣтомъ 82 г. онъ съ женою жилъ въ Тифлисѣ. Съ этого момента всѣ предпріятія, гдѣ онъ былъ главнымъ дѣятелемъ, оканчивались полнѣйшей неудачей. Въ ноябрѣ провалился въ Тифлисѣ военный кружокъ Мингрельскаго полка. Въ декабрѣ, правда послѣ его отъѣзда, рушилось горійское предпріятіе. Въ концѣ ноября (26-го) онъ пріѣхалъ въ Одессу для устройства типографіи, и 18 декабря ее открыла полиція. Дегаевъ съ женою, Спандони, Суровцевъ и Колюжная были арестованы. Въ тюрьмѣ онъ оставался очень недолго. На нашемъ судѣ читали очень интересное показаніе его жены. Ее потребовали въ жандармское управленіе, и тамъ она увидѣла такую картину: «Сидитъ Сережа съ Судейкинымъ. На столѣ бутылка вина и пирожки. «Садись, Любочка, кушай пирожки,—сказалъ Сережа,—не хочешь ли вина?»... Покушавъ пирожковъ съ Судейкинымъ, Дегаевъ учинилъ фиктивный побѣгъ, явился къ штабсъ-капитану Крайскому и, повѣдавъ ему, какъ онъ удачно ушелъ отъ жандармовъ, просилъ, не теряя ни минуты, отвезти его въ Николаевъ и скрыть тамъ на нѣкоторое время отъ розысковъ. Дѣло было зимою, и одинъ изъ офицеровъ отвезъ его туда и поселилъ у одного семейнаго офицера, у котораго бывали кружковые военные. Дегаевъ зналъ только трехъ офицеровъ, которыхъ я вызывалъ по его желанію въ Одессу, и хотѣлъ познакомиться вполнѣ съ положеніемъ дѣла и съ кружковымъ составомъ въ Николаевѣ. Затѣмъ онъ опять исчезъ, и начались аресты и провалы повсюду. 10 февр. 83 г. была арестована въ Харьковѣ В. Н. Фигнеръ, 25 февр. тамъ же Чуйковъ и В. Ивановъ, 22 іюня въ Харьковѣ обнаружена тайная типографія и арестованъ старый знакомый Дегаева Немоловскій. Въ мартѣ 83 г. въ Кіевѣ арестованъ поручикъ Тихоновичъ; въ мартѣ же— штабсъ-капитаны Рогачевъ и Похитоновъ; въ концѣ марта—Ашенбреннеръ; а весною и лѣтомъ начались массовые аресты офицеровъ, пока не исчерпали почти всю военную организацію. Сколько мнѣ извѣстно, уцѣлѣло нѣсколько кружковъ, о которыхъ Дегаевъ не имѣлъ свѣдѣній. Эти кружки, слышалъ я, мало-по-малу, прекратили свое политическое существованіе.

Арестованъ я былъ при исключительно благоприятныхъ об-

стоятельствахъ. При мнѣ были рекомендательныя письма и небольшая тетрадка изъ очень тонкой почтовой бумаги со спискомъ 400 офицеровъ ¹⁾ по городамъ. Все это было зашифровано по способу Гамбетты. Подобрать ключъ къ зашифрованному очень трудно, но возможно; стоитъ только удачно подставить при выкладкахъ напр., названіе города и, если въ текстѣ есть это слово, то ключъ найденъ. Поэтому фамиліи и города въ письмахъ мы зашифровывали другимъ ключемъ. Какъ разъ моя тетрадка съ фамиліями и не могла быть такъ зашифрована. Это меня страшно беспокоило, и я, выѣзжая въ свою экспедицію, вознамѣрился выучить всѣ эти списки наизусть. И дѣйствительно половину списка я зналъ какъ «Отче нашъ» и поэтому я ее сжегъ. Въ моментъ ареста при мнѣ находилась еще уцѣлѣвшая часть тетради съ 200 фамиліями. Около полуночи у подъѣзда остановился экипажъ. Ночь была лунная, сторы опущены, но одна родственница заглянула въ окно и увидѣла, какъ жандармскій полковникъ оцѣплялъ домъ жандармами и городовыми въ перемежку. Я успѣлъ затопить печь въ своей комнатѣ, сжечь всѣ опасныя бумаги и даже уничтожить всѣ багажные билетки на чемоданѣ, и сталъ наблюдать за дѣйствіями полковника. Цѣпь загибалась въ переулокъ (домъ угольный), что было видно изъ корридора; во дворѣ были также жандармы и городской. Такъ, по счастью, я приготовился къ приему посѣтителей, а они все медлили. Наконецъ, позвонили и вошли: жандармскій полковникъ, адъютантъ жандармскаго управленія, приставъ и воинскій начальникъ. Впослѣдствіи я узналъ, что адъютантъ, посланный за воинскимъ начальникомъ, не засталъ его дома, а между тѣмъ арестовать меня безъ депутата съ военной стороны въ тѣ времена было нельзя.

Меня доставили въ департаментъ полиціи, а оттуда въ Петропавловскую крѣпость. Смотритель Лѣсникъ съ кучею жандармовъ раздѣли меня и учинили варварскій тѣлесный осмотръ. Сосѣдей у меня долго не было. Потомъ около меня съ одной стороны оказался студентъ Камарницкій. Мы оба стучать не умѣли, но мало-по-малу научились стучать кое какъ. Стучали во время раздачи обѣда, или ужина, когда надзора было менѣе. Пища въ первый годъ заключенія была очень нехороша, а хлѣбъ—отвратительный. У меня было нѣсколько десятковъ рублей, и я покупалъ въ мѣсяцъ $\frac{1}{4}$ фун. табаку, $\frac{1}{4}$ фун. чаю и 3 фун. сахару, считая по 50 коп., на 1 р. 50 к.; книжку папирсной бумаги за 5 коп., и 1 коробку спичекъ, но съ меня аккуратно вычитали по 3 руб. каждый мѣсяцъ. Въ камерахъ было очень холодно, зато просторно и можно было ходить. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ камерахъ въ Петропавловкѣ, въ каменномъ полу были пробиты по діагонали глубокія дорожки многочисленными поколѣніями узниковъ. На прогулку водили ежедневно на $\frac{1}{4}$ часа. Книги сначала давали не

¹⁾ Я долженъ былъ, между прочимъ, во время объѣзда повѣрить этотъ списокъ, и оказалось, что туда попали по ошибкѣ и люди, совсѣмъ не подходящіе.

по моему выбору, а какія попадутся; я просилъ журналовъ и сталъ получать старыя «Отечественныя Записки», «Вѣстникъ Европы», «Русскій Вѣстникъ». Переводили изъ камеры въ камеру довольно часто и всегда, до отправленія въ административную ссылку, моимъ сосѣдомъ былъ Камарницкій. Одинъ только разъ мнѣ посчастливилось сидѣть рядомъ съ моимъ товарищемъ офицеромъ Успенскимъ. Мы вступили сейчасъ же въ разговоры; но насъ развели по разнымъ концамъ, и у меня отобрали на нѣкоторое время книги и табакъ; съ тѣхъ поръ я сидѣлъ въ угловыхъ камерахъ; съ одной стороны была лѣстница, съ другой цѣйхгаузъ, а на площадкѣ передъ камерой стоялъ часовой. Мѣсяца за два до суда я заболѣлъ дизентеріей. Докторъ Вильямсъ отнесся ко мнѣ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Я на свои деньги купилъ гутаперчевый клистиръ и дѣлалъ промыванія водой. Болѣлъ я около двухъ мѣсяцевъ. Слѣдствіе по нашему дѣлу было окончено, и меня посадили рядомъ съ субъектомъ, который назвался сначала именемъ моего нелегальнаго знакомаго, а потомъ именемъ моего пріятеля, кievскаго офицера. Онъ передалъ мнѣ поклонъ отъ Савелія Златопольскаго, я же на это передалъ ему поклонъ съ того свѣта отъ Гольденберга. Съ тѣхъ поръ сосѣдъ оставилъ меня въ покоѣ. Не останавливаясь на описаніи тюремной жизни въ Трубецкомъ равелинѣ, я перейду къ разсказу о слѣдствіи и судѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ водворенія въ равелинѣ, мнѣ объявили о моемъ исключеніи изъ службы; съ сюртука сняли погоны, спорили контрогончики, а съ шапки убрали кокарду. Въ этотъ же день ко мнѣ вошелъ жандармскій генераль Середа, очень любезно протянулъ мнѣ руку и объявилъ, что назначенъ по нашему дѣлу председателемъ слѣдственной комиссіи, затѣмъ попросилъ позволенія сѣсть.

«Я давно хотѣлъ познакомиться съ вами: я такъ много слышалъ хорошаго о васъ отъ нашихъ общихъ знакомыхъ—сказалъ онъ и, замѣчая мое удивленіе, прибавилъ—отъ Плотникова и Рѣдкина». Плотниковъ и Рѣдкинъ были моими товарищами по туркестанской службѣ. Онъ продолжалъ: «Они учились въ Оренбургскомъ юнкерскомъ училищѣ, когда я былъ тамъ начальникомъ и, когда они возвращались передъ турецкой войной, то были у меня, и мы о васъ вспоминали». Потомъ, внезапно повернувшись ко мнѣ, онъ впился въ меня глазами и спросилъ:

«А Вы были знакомы съ В. Н. Фигнеръ?»—Я отвѣтилъ отрицательно.

«Гм... Я совѣтую вамъ быть откровеннѣе; ваше дѣло очень серьезное!»

Затѣмъ, увидѣвъ у меня на столѣ книгу, онъ наклонился къ ней. Какъ разъ «Вѣстникъ Европы» былъ раскрытъ на статьѣ: «6000 верстъ по канату.» Авторомъ этой интересной статьи по первоисточникамъ, недоступнымъ для другихъ, былъ онъ самъ. Мы заговорили сначала о журналахъ.

«Я знаю, вы къ себѣ всегда приближали лучшихъ офицеровъ», закончилъ онъ и опять задалъ мнѣ вопросъ, на этотъ разъ совершенно мнѣ непонятный: «А въ Одессѣ вы не были знакомы съ генераломъ Ширинкинымъ?» Я ему отвѣчалъ, что въ первый разъ слышу эту фамилію. Онъ всталъ и откланялся со словами: «Будьте откровеннѣе, будьте откровеннѣе!»

На первомъ допросѣ меня опрашивали прокуроръ Богдановичъ, впослѣдствіи губернаторъ (уфимскій), и ротмистръ Лютовъ; послѣдній былъ въ полной парадной формѣ и просилъ меня писать поразборчивѣе, потому что мое показаніе онъ сейчасъ же отвезетъ къ государю.

Всякія наши кружковыя собранія заканчивались обсужденіемъ, какъ мы должны себя вести на слѣдствіи и судѣ для того, чтобы не оговорить товарищей и невольно не указать опытному прокурору на тотъ неуловимый кончикъ нити, схватившись за который легко распутать весь клубокъ, и рѣшили на всѣ вопросы давать по обстоятельствамъ два отвѣта: «Не знаю», или: «Не желаю отвѣчать». Въ первые дни моего заключенія я былъ въ оптимистическомъ настроеніи: я не имѣлъ понятія о всеобщемъ провалѣ и о предательствѣ Дегаева и воображалъ, что меня привлекаютъ по какому-нибудь частному случаю, на примѣръ, на основаніи указаній на мое знакомство съ нелегальными. Посему, отправляясь на допросъ, я рассуждалъ такъ: признать свою принадлежность къ партіи «Народной Воли» и къ Военной Организациіи я всегда успѣю; торопиться съ этимъ признаніемъ не слѣдуетъ. Если я заявлю о своей принадлежности къ Военной Организациіи, то отсюда необходимо вытекаетъ заключеніе о принадлежности къ ней около 40 человѣкъ офицеровъ на югѣ. Я слишкомъ тѣсно былъ съ ними связанъ и при разслѣдованіи, вызванномъ моимъ признаніемъ, сейчасъ же выяснится не только наша близость, но и солидарность. Заявлять о своей принадлежности къ партіи «Народной Воли» тоже пока не слѣдуетъ потому, что это поведетъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ. Посему я заявилъ, что не принадлежу ни къ какимъ партіямъ, или фракціямъ. Когда, на слѣдующемъ допросѣ, прокуроръ Добжинскій мнѣ показалъ прекрасный кабинетный портретъ В. Н. Фигнеръ, и я сталъ отговариваться незнаніемъ, онъ мнѣ замѣтилъ: «Если вы останетесь на почвѣ совершеннаго отрицанія, вамъ будетъ очень трудно на судѣ!» Теперь для меня наступилъ самый мрачный періодъ моей подневольной жизни. На допросы я шелъ, какъ на пытку. По вопросамъ слѣдователя, отъ Успенскаго и Камарницкаго я узналъ о провалѣ трехъ южныхъ кружковъ и объ арестѣ двухъ кронштадтскихъ моряковъ. Однажды на прогулкѣ я увидѣлъ на песчаной дорожкѣ знаки, которые указывали на гибель центрального кружка. На песокъ было начертано: *A*, *Eg* (логарифмъ) и топографическое изображеніе вершины. Первая фигура показывала, что арестованъ Палинъ (псевдонимъ: Угловъ), членъ центральной группы, вторая—что знаютъ о моемъ арестѣ, а третья указывала на арестъ артилле-

Николай Данилович
ПОХИТОНОВЪ.

риста Вершинина. У меня явилось опасеніе, что во время моего объѣзда по моимъ пятамъ слѣдовали сыщики, и я горько упрекалъ себя за неосмотрительность. По счастью я узналъ потомъ, что провинціальныя группы, куда я заѣзжалъ, всѣ уцѣлѣли, за исключеніемъ Кіевскаго кружка, который былъ преданъ Дегаевымъ (Тихановичъ и др.) ¹⁾

Однажды меня доставили въ департаментъ полиціи. Я съ конвойными прошелъ по длинному корридору, и мы вышли на большую площадку, уставленную шкафами. Направо, около стекляной двери, завѣшенной съ внутренней стороны кисейной занавѣской, меня посадили на стулъ и сказали, что меня желаетъ видѣть директоръ департамента Плеве. Прямо передо мною тянулся другой длинный корридоръ, въ концѣ котораго была дверь на правой сторонѣ. За стекляной дверью слышенъ былъ разговоръ, кажется, на французскомъ языкѣ. Потомъ тамъ замолчали, и черезъ полминуты дальняя дверь въ корридорѣ хлопнула, и къ намъ направилась какая-то личность; вступивъ на площадку, этотъ господинъ не свернулъ къ выходному изъ зданія корридору, а подошелъ вплотную ко мнѣ. Жандармы разступились, а онъ, взявшись за ручку стекляной двери, сталъ ее тянуть не въ ту сторону, куда дверь отворялась, и началъ меня упорно разсматривать. Это былъ высокій съ брюшкомъ, смуглый брюнетъ, съ густыми черными бровями и черными баками. Одѣтъ онъ былъ роскошно. Я видѣлъ массивную цѣпочку и брилліантовую булавку—словомъ это была типичная шулерская фигура. Когда онъ на меня насмотрѣлся, жандармскій офицеръ указалъ ему на дверь къ выходу, и онъ ушелъ, а въ кабинетѣ зазвонилъ колокольчикъ. Мнѣ открыли дверь, я увидѣлъ Плеве. Онъ предложилъ мнѣ сѣсть на кресло. Самъ онъ сидѣлъ напротивъ за большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ дѣлами и бумагами.

— Государь императоръ интересуется вашимъ происхожденіемъ. Скажите, вы нѣмецъ?—началъ онъ.

— Нѣтъ! одинъ мой дѣдъ нѣмецъ, а другой русскій, — отвѣтилъ я.

— Есть у васъ родственники въ Германіи?

— Возможно, но я о нихъ ничего не знаю.

— Вы потомственный дворянинъ?

— Да.

— Какой губерніи?

— Московской. Эти свѣдѣнія, ваше превосходительство, можете найти въ моемъ послужномъ спискѣ.

— Я васъ больше не задерживаю, — закончилъ онъ.

¹⁾ Съ того момента, какъ я выѣхалъ изъ Петербурга, меня потеряли изъ вида. Жандармскому полковнику въ Смоленскѣ предписали телеграфировать въ департаментъ полиціи, какъ только я покажусь въ Смоленскѣ. Такъ и было сдѣлано. Онъ получилъ въ отвѣтъ приказаніе арестовать меня.

Особенно памятенъ мнѣ одинъ допросъ, когда я испыталъ чувство ужаса. Меня ввели въ кабинетъ прокурора (на Гороховой улицѣ). Добжинскій сѣлъ спиною къ окну, а меня посадилъ лицомъ къ свѣту такъ близко, что наши ноги соприкасались. Рядомъ съ нимъ на диванѣ сидѣли Богдановичъ и Судейкинъ.

— Скажите, г-нъ Ашенбреннеръ, зачѣмъ вы были такого то числа во дворцѣ?

Я дѣйствительно заходилъ раза три въ Аничковъ дворецъ, гдѣ жилъ у отца морякъ Ювачевъ изъ морской академіи. «Ну!— подумалъ я,—значить Ювачевъ попался, а можетъ быть, и еще кто-нибудь изъ академистовъ, которые у него бывали!» Отвѣтъ на вопросъ я далъ удивительный:

— Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга мнѣ хотѣлось побывать въ Эрмитажѣ. Тамъ мнѣ сказали, что безъ билета изъ дворцовой конторы посѣтителѣ не допускаются, я и отправился во дворецъ...—Мое объясненіе прервалъ Добжинскій веселымъ и громкимъ смѣхомъ:

— Ха, ха, ха! Какая ложь! Какая ложь! А Богдановичъ замѣтилъ:

— Но дворцовая контора вовсе не во дворцѣ!

— Я этого не зналъ—отвѣтилъ я.

— Но вы могли справиться въ календаръ Суворина! Я возразилъ, что у меня было слишкомъ мало денегъ, чтобы платить рубль за справку. Послѣ этого Богдановичъ вышелъ, а Добжинскій, заложивъ руки въ карманы, сталъ прохаживаться; потомъ они съ Судейкинымъ подошли ко мнѣ и Добжинскій спросилъ меня:

— Можетъ быть вы искали во дворцѣ генерала Ширинкина?

— Я совершенно не знаю генерала Ширинкина. Меня почему-то второй разъ спрашиваютъ о Ширинкинѣ!

— Ширинкинъ можетъ дать очень хорошее мѣсто! можетъ быть, вы хотѣли просить его о мѣстѣ?

— Нѣтъ, ничего подобнаго!—отвѣчалъ я.

Судейкинъ вышелъ, а Добжинскій сѣлъ рядомъ со мною и сказалъ: «У насъ есть безспорныя указанія на вашу принадлежность къ партіи «Народной Воли» и къ военной фракціи. Напримѣръ, мы только что расшифровали ваше письмо къ Крайскому. Я вамъ напомнимъ его содержаніе: «Денежныя письма адресовать на имя лейтенанта П, а простыя на имя лейтенанта К!» Мнѣ показалось, что полъ уходитъ отъ меня. Руки и ноги онѣмѣли, а сверху на мою голову льются потоки горячей воды. Мнѣ кажется, у меня зашевелились волосы. Я смотрѣлъ безсмысленно на стѣну, и гдѣ-то далеко глухой голосъ говорилъ что-то непонятное. Я былъ пораженъ ужасомъ вотъ почему: меня всегда озабочивала оторванность южныхъ кружковъ отъ центра и, отъѣзжая на сѣверъ, я условился переписываться съ Крайскимъ. Крайскій, человѣкъ сильнаго и стойкаго характера, въ высшей степени осторожный и пунктуальный, былъ глубоко преданъ дѣлу. Мы изобрѣли способъ шифрованія, вскрыть который, ни при какихъ

обстоятельствахъ, невозможно. Мы уговорились, чтобы Крайскій никому не показывалъ моихъ писемъ, сообщая изъ нихъ товарищамъ только такія свѣдѣнія, которыя до нихъ прямо касаются. Въ день полученія онъ долженъ былъ сжечь письмо и тотчасъ же послать мнѣ извѣстную фразу, указывающую, что все сдѣлано, какъ мы условились. Я дѣйствительно далъ ему два адреса, и онъ мнѣ отвѣтилъ условной фразой, что сжегъ это письмо и т. д. Я началъ приходить въ сознаніе. «Слѣдовательно,—мелькнула у меня мысль,—Крайскій лжецъ, измѣнникъ, а я—его невольный сообщникъ!» Такая мысль о другѣ ужасна. Впослѣдствіи я узналъ, что Крайскій все исполнилъ, какъ слѣдуетъ; но рассказалъ о письмѣ Дегаеву, какъ члену Исполнительнаго Комитета, на котораго, конечно, не распространялась наша конспирація съ Крайскимъ. Я сталъ прислушиваться къ голосу Добжинскаго, который давно что-то говорилъ. Теперь онъ говорилъ о программѣ партіи «Народной Воли», о программѣ военнаго центрального кружка и закончилъ:

— Вы видите, что намъ все извѣстно; и послѣ этого вы станете утверждать, что не принадлежите къ партіи «Народной Воли» и къ военной фракціи?—Я отвѣчалъ:

— Вовсе я не утверждаю этого я принадлежу къ партіи «Народной Воли» и къ военной фракціи!—Онъ предложилъ мнѣ записать это на бумагѣ. Я записалъ и заявилъ, что другихъ показаній давать я не желаю; но онъ ко мнѣ еще разъ обратился:

— Какъ же вы, подполковникъ, старый офицеръ, рѣшились нарушить присягу?—Я отвѣтилъ:

— Я присягалъ царю и отечеству; подъ отечествомъ разумѣю народъ и землю русскую, и не моя вина, если царь съ народомъ находится въ антагонизмъ!

— А вотъ и это вы пожалуйста запишите!—очень быстро проговорилъ онъ; а я ему возразилъ:

— Если вамъ угодно, вы можете записать эти слова; но я ни писать, ни отвѣчать на какіе-нибудь вопросы болѣе не желаю!—Послѣ этого меня побеспокоили еще два раза: оба случая были очень любопытны. Теперь я нѣсколько успокоился, и допросы не терзали меня такъ мучительно. Мнѣ дали очную ставку съ знакомымъ артиллеристомъ, академикомъ Д. Мы не раскланивались другъ съ другомъ.

— Ну, что скажете?—обратился ротмистръ Ивановъ къ Д.

— Нѣтъ, не признаю: тотъ офицеръ, у котораго я бывалъ на Надеждинской улицѣ, былъ повыше и помоложе, и я его всегда видѣлъ въ тужуркѣ безъ погонь.

— Вы можете разсмотрѣть всѣ мои вещи,—вмѣшался я,—и не найдете тужурки. Да къ тому же я жилъ не на Надеждинской улицѣ, а на углу Пушкинской и Невскаго проспекта, противъ магазина монументовъ.

— Домъ, гдѣ я видѣлся съ подполковникомъ, фамилію котораго мнѣ не сказали, былъ посрединѣ улицы. Я думалъ даже,

что это былъ не настоящій подполковникъ, а переодѣтый,—прибавилъ Д. ¹⁾).

— Я знаю магазинъ монументовъ; мы наведемъ справку,—вставилъ ротмистръ; а чернокудрый, съ поэтическимъ лицомъ прокуроръ, который мнѣ сначала показался чистой копіей съ поэта Владиміра Ленскаго, замѣтилъ:

— Это все равно Пушкинская или Надеждинская улица: онѣ параллельны!—Я на это возразилъ:

— Г. прокуроръ, въ Петербургѣ всѣ улицы параллельны и перпендикулярны. Я не юристъ, но знаю, что для установленія alibi достаточно, если въ моментъ предполагаемаго свиданія моего, я находился не въ той же комнатѣ!—Ротмистръ Ивановъ былъ взбѣшенъ и закричалъ: «Жандармъ!» и когда тотъ явился, приказалъ, указывая на меня: «Убери его!»

Послѣдняя моя встрѣча со слѣдователями случилась не долго до суда. На допросѣ предсѣдательствовалъ самъ генераль Середа. Мнѣ предъявили толстую тетрадь въ четвертушку съ отмѣткой на поляхъ городовъ въ алфавитномъ порядкѣ, если не ошибаюсь, отъ Архангельска до Якутска. Это были разоблаченія Дегаева. «Вы узнаете эту подпись?» обратился ко мнѣ Середа, указывая на послѣднюю страницу.—«Я не знаю ни почерка, ни автора», отвѣтилъ я. Тогда мнѣ показали въ трехъ, четырехъ мѣстахъ текстъ, гдѣ говорилось обо мнѣ. Я успѣлъ замѣтить, что и въ другихъ мѣстахъ текстъ былъ испещренъ фамиліями, которыя перемежались разъясненіями. По отношенію ко мнѣ лично въ дегаевскихъ разоблаченіяхъ было сказано вѣрно, но выражено съ цинической откровенностью.

— Вы, можетъ быть, знали Дегаева подъ фамиліей Суворова?—спросили меня. Я отвѣтилъ отрицательно.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ вручили обвинительный актъ и перевезли въ Домъ Предварительнаго Заключенія.

Меня привезли въ Домъ Предварительнаго Заключенія часовъ въ 11 ночи, и сейчасъ же ко мнѣ вошелъ начальникъ тюрьмы. Онъ остановился у двери, протянулъ руки, печально покачалъ головой и проговорилъ:

«Какая встрѣча! Какая встрѣча!... Не узнаете? Ерофеевъ: 1-го московскаго (кадетскаго корпуса).

Я не могъ узнать въ немъ своего однокашника: прошло слишкомъ много лѣтъ; но припомнилъ маленькаго Ерофеева, который былъ въ моемъ капральствѣ. Мы сѣли.

«Что дѣлается въ Россіи?»—вотъ первый вопросъ, который предлагаетъ заключенный неофициальному посѣтителю.

«Наступили очень тяжелыя времена!»—отвѣтилъ Ерофеевъ,—военная партія разгромлена! Около 200 офицеровъ арестовано.

¹⁾ Угольный домъ, гдѣ я жилъ въ Петербургѣ, былъ очень великъ, съ нѣсколькими воротами и дѣйствительно, чтобы попасть ко мнѣ, нужно было долго идти по Пушкинской къ послѣднимъ воротамъ. Д. былъ правъ, но умышленно спуталъ названія улицъ.

«Однихъ исключили изъ службы; другихъ по исключеніи сослали административно. Здѣсь перебывало ихъ множество!»— «Но какъ же объяснить такой провалъ?»—«Дегаевъ выдалъ вась всѣхъ: онъ служилъ у Судейкина, а потомъ устроилъ ему западню, убилъ Судейкина и бѣжалъ!» Я закидалъ его вопросами о товарищахъ и знакомыхъ. Онъ отвѣчалъ не совсѣмъ вразумительно: очевидно, онъ самъ потерялъ счетъ злоключеніямъ своихъ многочисленныхъ узниковъ; я не узнавалъ въ его описаніи своихъ товарищей. Одинъ ослѣпъ, другой зарѣзался, третій помѣшался, послѣ четвертаго осталась большая семья въ нищетѣ и т. д. «Къ вамъ же шестерымъ отнесутся безпощадно!» закончилъ онъ, «принимавшихъ участіе въ дѣлѣ 1 марта казнить, а другимъ предстоить нѣчто худшее: Шлиссельбургъ! Тамъ, говорятъ, ужасные порядки!»

Резолюція по нашему дѣлу была предрѣшена, и описаніе судебной процедуры въ данномъ случаѣ не можетъ быть многосложнымъ. Это было чисто бумажное дѣло. 4 или 5 дней читали показанія не явившихся свидѣтелей, въ томъ числѣ длиннѣйшее показаніе Гольденберга. Столъ вещественныхъ доказательствъ былъ заваленъ горами дѣлъ въ синихъ обложкахъ. Свидѣтелей не было. На 5 минутъ появился запуганный экспертъ. Публику изображали кн. Имеретинскій, министръ Набоковъ и Ерофеевъ. Намъ хотѣлось прослужать показанія Дегаева, и кто-то спросилъ, приметъ ли судъ во вниманіе при постановленіи приговора, предъявленные намъ на слѣдствіи показанія Дегаева? Судъ не согласился на оглашеніе такого скандальнаго акта и объявилъ, что руководствоваться показаніями Дегаева не будетъ. На дѣлѣ, конечно, было не такъ. Всюду, гдѣ въ обвинительномъ актѣ говорится: «получены были указанія...» слѣдуетъ читать: «указанія Дегаева». Я не могу возстановить въ точныхъ выраженіяхъ показанія, данныя на судѣ, да ихъ почти и не было за исключеніемъ того, что всѣ признали себя членами партіи «Народной Воли», а военные, сверхъ того, свою принадлежность къ военной организаціи. Вѣра Николаевна, если не ошибаюсь, заявила, что она была агентомъ 3 степени; Людмила Александровна, что всецѣло принимаетъ на себя отвѣтственность за всѣ дѣянія партіи «Народной Воли». Вступать въ какое-нибудь объясненіе съ судомъ было невозможно потому, что предсѣдатель не давалъ говорить. Въ разъясненіяхъ судъ не нуждался, такъ какъ резолюція была продиктована заблаговременно, а рѣчи подсудимыхъ были интересны только для адвокатовъ, единственныхъ представителей общества на нашемъ судѣ. Конечно, лучше было бы не принимать ни малѣйшаго участія въ подобномъ судовомъ разбирательствѣ, но естественное возмущеніе противъ крючкотворства и злонамѣренныхъ извращеній заставило меня сдѣлать одно возраженіе. Военныхъ обвиняли за участіе въ террористическихъ фактахъ, совершенныхъ партіей «Н. В.», когда военные стояли еще внѣ всякихъ партій. Отвѣтственность за первородный грѣхъ праотца Адама, мо-

жетъ быть, имѣть богословскій смыслъ, но юридическаго не имѣтъ. Потомъ, когда военная партія уже сложилась и приняла программу «Н. В.», она принципиально не расходилась конечно со взглядами Исполнительнаго Комитета по вопросу о террористической дѣятельности: но фактическаго участія, какъ партія, въ этихъ дѣлахъ не принимала. Два, три офицера содѣйствовали нѣкоторымъ террористическимъ предпріятіямъ, какъ народовольцы, а не какъ члены военной организаціи, у которой была своя специальная задача—военный мятежъ, вооруженное возстаніе. Дѣянія, которыя имѣла въ виду военная партія, относились къ террористическимъ дѣяніямъ, какъ генеральное сраженіе относится къ поединку. Тактическіе приемы борьбы въ первомъ и во второмъ случаѣ не тождественны. Когда южные кружки оторвались отъ центральной группы, съ которой они на короткое время были связаны, то тамъ, волею неволею приходилось разрабатывать существеннѣйшіе вопросы самостоятельно. Тогда, въ видахъ огражденія юной военной организаціи отъ провала, для того, чтобы не привлекать вниманія властей къ партіи, пока ея сложеніе не завершится, мы обязали желающихъ участвовать въ террористическихъ предпріятіяхъ оставить военную организацію.

Свои разъясненія я началъ съ конца, именно съ послѣднихъ строчекъ только что изложеннаго здѣсь; но предсѣдатель меня оборвалъ и я замолчалъ. Потомъ, при допросѣ Рогачева и Похитонова, выяснилось, что вышеприведенныя соображенія вовсе не были исключительнымъ и случайнымъ изобрѣтеніемъ южныхъ кружковъ или еретическимъ искаженіемъ, не было тутъ и нарушенія партійной дисциплины: у насъ они получили формулировку, а въ другихъ мѣстахъ молчаливо предполагались. На этихъ допросахъ Рогачеву и Похитонову вмѣняли въ вину переговоры съ В. Н. относительно ихъ выхода въ отставку, чтобы посвятить себя образованію боевыхъ дружинъ. Похитоновъ по весьма важнымъ причинамъ не имѣлъ возможности согласиться на предложеніе В. Н. и потому не подалъ въ отставку, такъ же какъ три офицера на югѣ, получившіе подобное же предложеніе, не могли подать въ отставку и должны были уклониться отъ новаго назначенія. Рогачевъ подалъ въ отставку, но вскорѣ былъ арестованъ. В. Н., съ которой на судѣ я сидѣлъ рядомъ, сейчасъ же замѣтила противорѣчивость обвиненія и посоветовала мнѣ констатировать это. Я предложилъ суду вопросъ: «Если военные кружки были боевыми дружинами для террористическихъ предпріятій, какъ утверждалъ прокуроръ, то зачѣмъ же В. Н. приглашала Рогачева и Похитонова подать въ отставку, чтобы заняться организаціей боевыхъ дружинъ?» На это не послѣдовало никакого отвѣта.

На судѣ случилось два интересныхъ эпизода по отношенію къ офицерамъ. Тихановичъ уже на судѣ былъ совершенно ненормальнымъ, и возникъ вопросъ, мнѣ помнится по почину Ерофеева ¹⁾

¹⁾ Тихановичъ содержался въ послѣднее время въ Домѣ Предварительнаго Заключенія.

объ его освидѣтельствѣваніи, но судъ на это не согласился. Черезъ недѣли двѣ, въ Шлиссельбургѣ онъ повѣсился. Въ резолюціи было сказано про меня и Похитонова, что боевыя наши отличія служатъ уменьшающимъ вину обстоятельствомъ; но для того, чтобы нейтрализировать ихъ, судъ призналъ за нами увеличивающія вину обстоятельства, именно нарушеніе присяги. Это очевидная юридическая натяжка: по военнымъ законамъ нарушеніе присяги во-первыхъ, само по себѣ преступленіе, которое и поглощается болѣе значительнымъ преступленіемъ, во-вторыхъ, это преступленіе необходимо сопутствуетъ другому, высшему преступленію, а потому не можетъ считаться увеличивающимъ вину обстоятельствомъ. Что-нибудь одно: или военные юристы могли себѣ представить напр. принадлежность офицера къ мятежному сообществу безъ нарушенія присяги, или они допустили юридическую натяжку въ силу того, что приговоръ былъ заранѣе предрѣшенъ. Такъ оно и было, потому что судъ, сославшись на боевыя отличія какъ на уменьшающія вину обстоятельства, совѣмъ ихъ не признавъ, а оставивъ за нами въ резолюціи обстоятельства, увеличивающія вину.

Резолюція, вынесенная судомъ была такова: В. Н. Фигнеръ, Ашенбреннера, Рогачева, Похитонова, Штромберга, Ювачева, Тихановича и Л. А. Волкенштейнъ подвергнуть смертной казни черезъ повѣшеніе; В. Иванова, Немоловскаго, Чуйкова, Суровцева и Спандони въ каторжныя работы въ рудникахъ: Иванова и Немоловскаго безъ срока, Чуйкова на 20 лѣтъ, Суровцева и Спандони на 15 лѣтъ, Чегоданову на 4 года. Приговоръ надъ Штромбергомъ и Рогачевымъ 10 октября 84 г. приведенъ въ исполненіе. В. Н. Фигнеръ, Похитонову, Ашенбреннеру и Тихановичу казнь замѣнена каторжными работами безъ срока, Л. А. Волкенштейнъ и Ювачеву каторжными работами на 15 лѣтъ, Немоловскому на 20 лѣтъ, а Чегодановой—ссылкой на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста.

Приговоръ въ окончательной формѣ былъ объявленъ, кажется, 1 октября. Насъ перевезли въ Петропавловку. Кажется, 10 октября вечеромъ ко мнѣ вошелъ комендантъ, генералъ Ганецкій, съ бумагой, за нимъ слѣдовалъ смотритель. Ганецкій подошелъ ко мнѣ и, остановивъ на мнѣ свои тяжелые, недобрые взоры, сказалъ:

«Государю императору благоугодно было замѣнить вамъ смертную казнь каторжными работами безъ срока!» Затѣмъ трагическимъ шопотомъ прибавилъ: «Безъ срока!.. Подполковникъ! Старый солдатъ!! безъ срока!»

Потомъ медленно повернулся и, махая высоко поднятой правой рукою, въ которой была бумага, онъ, съ ѣдкимъ смѣхомъ и повторяя слова: «безъ срока!», вышелъ. На другой день утромъ меня остригли подъ гребенку и одѣли въ арестантскую куртку съ черными рукавами и бубновымъ тузомъ и въ сѣрые штаны съ разрѣзомъ для кандаловъ. Жандармскій офицеръ прочиталъ мнѣ какую-то бумагу, гдѣ говорилось о наказаніи розгами за маловажные проступки и о наказаніи шпигрутенами до 4000 ударовъ за важные. Ночью на 14-е октября меня заковали и на военномъ пароходѣ отвезли въ Шлиссельбургъ, куда мы при-

были въ 12 ч. дня. Кандалы мнѣ мѣшали подняться на трапъ. Съ того берега я услышалъ: «Поддай руку!» Меня подхватили и перенесли на островъ. Тамъ меня встрѣтила группа офицеровъ съ комендантомъ. Жандармы съ ружьями стояли шпалерами по всему пути до тюрьмы. Два рослыхъ солдата меня подхватили подъ мышки и быстро, чуть не бѣгомъ, поволокли: ноги мои болтались на воздухѣ. Когда мы проходили вдоль офицерскихъ флигелей, вездѣ были спущены занавѣски. Меня внесли черезъ караулку въ тюремный дворъ и расковали. Такъ началась моя тюремная жизнь.

М. Ашенбреннеръ.

Къ исторіи л.-гв. Сапернаго батальона.

(Дѣло студента Яковлева и гвардейскихъ саперъ Посникова, Еллинскаго и Ангеля, 1862 г.).

Въ концѣ апрѣля 1862 г. проѣзжавшій въ общественной каретѣ по Садовой улицѣ бывшій студентъ Яковлевъ, уже ранѣе исключенный изъ С.-Петербургскаго университета за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, познакомился съ ѣхавшимъ въ той же кареткѣ унтеръ-офицеромъ л.-гв. Сапернаго батальона Лядовымъ, котораго и обѣщалъ навѣстить въ казармахъ. 5 мая, въ день ротнаго праздника, а также и на слѣдующій день Яковлевъ пришелъ въ казармы къ Лядову, гдѣ познакомился съ фельдфебелемъ Минихомъ, и, развивая предъ ними революціонныя идеи, передалъ имъ для прочтенія статью изъ „Колокола“ — „Что нужно народу?“ Минихъ 9 мая доложилъ обо всемъ происшедшемъ своему ротному командиру штабсъ-капитану Ангелю, а этотъ послѣдній—батальонному командиру, распорядившемуся задержать Яковлева, когда онъ явится еще разъ въ казармы. Десятаго мая Яковлевъ пришелъ въ третій разъ въ казармы и, не давая Миниху новаго номера „Колокола“, потребовалъ возвращенія прежде даннаго номера, а затѣмъ, намѣреваясь уйти, былъ задержанъ и отправленъ подъ конвоемъ унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ въ караульное помѣщеніе при второй ротѣ. Тотчасъ дано было знать о случившемся дежурному по полку поручику Еллинскому, который распорядился отвести Яковлева въ другую дежурную комнату, при первой ротѣ и отпустить охранявшихъ его конвойныхъ. Черезъ часъ Еллинскій отпустилъ Яковлева обратно въ караульную комнату, а самъ ушелъ къ батальонному командиру, котораго не засталъ дома, и по возвращеніи снова привелъ къ себѣ Яковлева, опять безъ конвоя. Наконецъ, по пріѣздѣ домой батальоннаго командира, ему было доложено о задержаніи Яковлева.

Назначенная для разслѣдованія дѣла особая комиссія обнаружила, что поручики л.-гв. сапернаго батальона Посниковъ и Еллинскій предложили Яковлеву способы къ уничтоженію имѣвшихся у него запрещенныхъ бумагъ, а штабсъ-капитанъ Ангель не принялъ никакихъ мѣръ къ пресѣченію этихъ способовъ; кромѣ того, Посниковъ дозволилъ Яковлеву написать записку къ своему товарищу, студенту Кудиновичу, о своемъ арестованіи, а Еллинскій снесъ эту записку по назначенію вмѣстѣ съ портретами политическихъ преступниковъ.

Всѣ три офицера-саперы Ангель, Посниковъ и Еллинскій—и двое студентовъ—Яковлевъ и Кудиновичъ—были преданы военному суду.

Военный судъ приговорилъ Яковлева къ разстрѣлянью, Посникова и Еллинскаго къ ссылкѣ въ не столь отдаленныя мѣста Сибири, Ангеля—

къ исключенію изъ службы и Кудиновича—къ трехмѣсячному содержанію въ крѣпости. При этомъ одинъ изъ членовъ военнаго суда, подполковникъ 1-го конно-піонернаго дивизіона Ивановъ, подалъ особое мнѣніе. Въ немъ онъ писалъ: „Приговоръ суда, состоявшійся надъ офицерами 1-го Сипернаго батальона и студентами С.-Петербургскаго университета, подписываю, но священнымъ долгомъ считаю предъ Престолами Всевышняго и Монарха моего не произносить утвердительнаго послѣдняго слова моего по вопросу о присужденной смертной казни прежде, нежели бы имѣлъ сознаніе въ томъ, что дѣйствительно истощены всѣ, Богомъ и закономъ данныя человѣку сила и средства разума для рѣшенія столь строгаго слова правосудія, для чего необходимы всѣ формальности открытаго полевого суда; я остаюсь при убѣжденіи, что бывшій студентъ приговоренъ долженъ быть по силѣ второй половины 168 ст. Воен. Угол. Уст., а именно, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, переломленію надъ головою шпаги чрезъ палача и ссылкѣ въ каторжную работу безсрочно. Что же касается приговора надъ остальными подсудимыми, то мнѣніе коммисіи военнаго суда раздѣляю безусловно“. Съ своей стороны и предѣдатель военнаго суда генераль-майоръ фонъ Кауфманъ, въ частной запискѣ, поданной имъ Августѣйшему Генераль-Инспектору по Инженерной части, находилъ, что смертная казнь для Яковлева будетъ чрезмѣрно тяжкимъ наказаніемъ и, между прочимъ, писалъ: „Подвергнувъ смертной казни такого преступника, едва ли можно ожидать достиженія благотѣльной цѣли такого наказанія; свидѣтели его неминуемо должны чувствовать сожалѣніе къ караемому, а этимъ однимъ уже колеблется вѣра въ правосудіе и въ необходимость примѣненія строгости законовъ“.

Генераль-Аудиторіатъ относительно особаго мнѣнія подполковника Иванова выразился, что онъ, по закону, подлежитъ строгому взысканію, но, имѣя въ виду, что „онъ дозволилъ себѣ это по неопытности въ дѣлахъ судебныхъ, не давая полнаго отчета въ важности совершеннаго имъ проступка“, ограничился наложеніемъ на него дисциплинарнаго взысканія—семидневнаго ареста. Сверхъ того, Генераль-Аудиторіатъ полагалъ возможнымъ смертную казнь для Яковлева замѣнить двѣнадцатилѣтней каторжной работой въ рудникахъ, а Еллинскаго и Посникова вмѣсто ссылки подвергнуть содержанію въ крѣпости на два мѣсяца и исключенію изъ службы.

7 декабря 1862 г. послѣдовали на докладъ Генераль-Аудиторіата двѣ Высочайшихъ резолюціи. Первая резолюція гласила: „Быть по сему но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы Яковлеву ограничить шестью годами“. Во второй же резолюціи было изложено: „Приговоръ Генераль-Аудиторіата Я утвердилъ, сокративъ только срокъ каторжной работы Яковлеву на половину. Но при этомъ Я долженъ замѣтить Генераль-Аудиторіату, что нахожу приговоръ его о Посниковѣ и Еллинскомъ крайне слабымъ, и потому я поставленъ въ непріятную необходимость по нуждѣ, дабы не усиливать приговора, согласиться съ нимъ, тогда какъ желаніе Мое было Самому облегчить ихъ участь, но не въ такой степени“.

Изъ показаній В. Н. Фигнеръ.

Въ майской книгѣ «Былого» мы напечатали рѣчь В. Н. Фигнеръ на судѣ и относящіяся до нея выдержки изъ обвинительнаго акта. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность привести *въ подлинномъ видѣ* выдержки изъ замѣчательныхъ и по содержанію, и по тонѣ показаній, данныхъ В. Н. Фигнеръ во время предварительнаго слѣдствія, производившагося ген.-майоромъ Середой.

На первомъ же допросѣ В. Н. дала слѣдующее показаніе. Цитируемъ его буквально:

«Принадлежу къ революціонной партіи «Народной Воли» къ организаціи Исполнительнаго Комитета. Принимала изъ, событій послѣднихъ годовъ участіе въ 1876 г. въ демонстраціи на Казанской площади, знала о ея приготовленіи и цѣли. Въ 1879 г. знала и одобрила замыселъ Александра Соловьева; въ томъ же году участвовала въ съѣздѣ въ гор. Воронежъ; въ томъ же году, вмѣстѣ съ Николаемъ Кибальчичемъ, отправилась въ Одессу, доставила мѣсто желѣзнодорожнаго сторожа Фроленко и на своей квартирѣ хранила все необходимое для мины на желѣзной дорогѣ. Въ 1880 г. участвовала въ приготовленіяхъ къ царевубійству во время проѣзда императора чрезъ Одессу, состоявшихъ въ устройствѣ мины на Итальянской улицѣ, причѣмъ доставила необходимыя для этого денежныя средства. Въ 1881 г. участвовала въ приготовленіяхъ къ 1 марта, доставила часть денежныхъ средствъ для магазина Кобозева, послѣднія приспособленія бомбъ 1 марта были сдѣланы на моей квартирѣ у Вознесенскаго моста. Изъ послѣдующихъ событій принимала участіе въ убійствѣ генерала Стрѣльникова и въ организаціи типографіи «Народной Воли» въ Одессѣ».

Это первоначальное показаніе В. Н. Фигнеръ развила и дополнила въ подробномъ объясненіи, которое излагало исторію русскаго соціально-революціоннаго движенія за 1873—1882 годы, Изъ этого объясненія мы приводимъ лишь страницы, относя-

щіяся къ дѣятельности партіи и самой Вѣры Николаевны Фигнеръ послѣ Воронежскаго съѣзда.

«По окончаніи съѣзда въ Воронежѣ (слѣдовавшаго за Липецкимъ), я перешла въ нелегальное положеніе со всѣми его метаморфозами и псевдонимами. Я отправилась въ Петербургъ и поселилась въ Лѣсномъ, на квартирѣ Квятковскаго, подъ именемъ Елпатьевской, здѣсь я познакомилась съ Стефановичемъ, Дейчемъ и сошлась съ Федоромъ Юрковскимъ, только что выльзшимъ изъ Херсонскаго казначейства. Оба первые, только что прибывшіе изъ-за границы, обманули общія ожиданія, выразивъ большую симпатію «Черному Передѣлу», третій не переваривалъ подчиненія и дисциплины, требуемыхъ организаціей, и до конца остался независимо одинокимъ. Тогда же я увидѣла въ первый разъ Гольденберга, получившаго впослѣдствіи такую извѣстность; онъ явился на квартиру Квятковскаго и пробылъ въ Петербургѣ дня два, три.

Наша внутренняя жизнь была въ этотъ періодъ наполнена вопросомъ о раздѣленіи; когда оно было, наконецъ, рѣшено и состоялось, мы переѣхали въ городъ. При этомъ я, подъ именемъ Лихаревой, поселилась вмѣстѣ съ Квятковскимъ на той самой квартирѣ, гдѣ онъ, въ ноябрѣ того-же года, былъ арестованъ. Эта квартира должна была служить мѣстомъ собранія для агентовъ опредѣленнаго разряда, для нѣкоторыхъ нуждъ Комитета, на ней же происходило обсужденіе программы «Народной Воли» и устава организаціи.

Когда вся теоретическая и организаціонная работа была кончена, то было объявлено рѣшеніе комитета организовать въ трехъ различныхъ пунктахъ покушеніе на жизнь императора при возвращеніи его изъ Крыма въ столицу, и нѣкоторые изъ агентовъ, каждый особо, получили назначеніе ѣхать въ Москву, Харьковъ и Одессу. Всѣ покушенія должны были произойти посредствомъ взрыва полотна желѣзной дороги динамитомъ, заранее заготовленнымъ. Комитетъ не предрѣшалъ однако въ точности ни самыхъ мѣстъ, ни способовъ выполненія покушеній, представляя это на личное усмотрѣніе агентовъ. Составленный планъ долженъ былъ идти на утвержденіе Комитета; помощниковъ для выполненія агенты могли набирать изъ мѣстныхъ лицъ. Составъ исполнителей и способы совершенія покушенія въ одной мѣстности должны были оставаться неизвѣстными для агентовъ другихъ пунктовъ.

На ряду со всѣмъ этимъ въ Петербургѣ Комитетъ приготовлялъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, но никто изъ агентовъ не былъ посвященъ въ эту тайну. Только отъ одной личности, еще будучи въ Петербургѣ, я услышала загадочную фразу: «Въ то время, какъ идутъ всѣ эти приготовленія, здѣсь личная храбрость одного можетъ покончить все». Это были намеки на Халтурина, который впослѣдствіи самъ рассказывалъ мнѣ, что ему случалось бывать наединѣ съ государемъ въ условіяхъ, удобныхъ для того,

чтобы посягнуть на его жизнь. Такъ какъ я не попала совѣтъ въ число лицъ, назначенныхъ на царевубійство, которое одобряла, и такъ какъ для меня была невыносима мысль, что я буду нести только нравственную отвѣтственность за него, не участвуя матеріально въ преступленіи, за которое законъ угрожаетъ моимъ сообщникамъ самыми тяжкими карами,—то я употребила все усилія, чтобы организація дала и мнѣ какую-нибудь функцію при выполненіи ея замысловъ. Послѣ выговора, что я ищу личнаго удовлетворенія, вмѣсто того, чтобы предоставить организаціи располагать моими силами, какъ она сама найдетъ лучшимъ, я была послана въ Одессу, гдѣ нужна была женщина.

Чтобы не разстроить квартиру, необходимую для общественныхъ дѣлъ, я, съ согласія организаціи, упростила поселиться на ней, вмѣсто меня, сестру Евгенію, которая незадолго предъ тѣмъ пріѣхала изъ Рязанской губерніи, гдѣ она провела лѣто, въ Петербургѣ и проживала подъ фамиліей Побережской. Не подозрѣвая, что сестра, по неопытности, рекомендуется при знакомствѣ съ разными лицами тою же фамиліей, подъ которой живетъ, я предложила переселить ее къ Квятковскому съ тѣмъ же документомъ и такимъ образомъ была косвенной причиной ужасной его участи. Курсистка Богославская указала, что «Народная Воля», найденная у нея при обыскѣ, дана ей Побережской и, послѣ справки въ адресномъ столѣ, Евгенія, а вмѣстѣ съ ней и Квятковскій были арестованы.

Получивъ нужный запасъ динамита, я отправилась съ нимъ въ Одессу, должно быть, въ первыхъ числахъ сентября; тамъ я застала одного только Кибальчича, который заявилъ мнѣ, что надо поторопиться устройствомъ общественной квартиры, необходимою для совѣщаній, опытовъ и храненія вещей, нужныхъ для взрыва. Черезъ нѣсколько дней мы нашли подходящее помѣщеніе, гдѣ и поселились вдвоемъ подъ именемъ Иваницкихъ. Вскорѣ пріѣхали Колодкевичъ и Фроленко, а позднѣе Лебедева. Наша квартира была мѣстомъ общихъ встрѣчъ и свиданій, на ней происходили все совѣщанія, хранился динамитъ, сушился пироксилинъ, готовились запалы, совершались пробы индукционныхъ аппаратовъ и т. д., словомъ, совершались все работы подъ руководствомъ Кибальчича, но при помощи—и иногда очень существенной—со стороны другихъ, включая и меня.

На первыхъ же порахъ надо было составить планъ, какимъ образомъ и гдѣ подвести мину подъ полотно желѣзной дороги. Проектировали, ночью, въ промежутокъ между поѣздами, подложить динамитъ подъ рельсы непосредственно подъ Одессой, чтобъ потомъ провести проволоку въ полѣ, но это представляло много неудобствъ и трудностей, какъ въ подготовительной работѣ, такъ и при самомъ дѣйствіи; думали, что самое лучшее было бы кому-нибудь изъ своихъ получить мѣсто желѣзнодорожнаго сторожа и изъ будки провести мину; относительно момента дѣйствія нельзя было вообразить себѣ ничего болѣе удобнаго и вѣрнаго.

Я предложила свои услуги добыть такое мѣсто. Въ случаѣ удачи мы рѣшили, что его займетъ Фроленко, а если ему нужно будетъ явиться семейнымъ человѣкомъ, то роль его жены возьметъ на себя Лебедева. Сначала я думала помѣстить Фроленко на желѣзную дорогу при помощи знакомыхъ, но сказать имъ настоящую цѣль было невозможно, да едва ли кто-нибудь изъ нихъ и согласился бы на такого рода услугу; обмануть — тоже было нельзя, во-первыхъ, потому, что это значило бы злоупотребить довѣріемъ людей въ дѣлѣ, грозящемъ имъ серьезной отвѣтственностью, а во-вторыхъ, всякому должна была показаться необычайной и подозрительной просьба съ моей стороны мѣста желѣзнодорожного сторожа. Поэтому я рѣшилась обратиться къ кому-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ, служащихъ въ Правленіи Юго-Западной желѣзной дороги, въ качествѣ неизвѣстной просительницы, и выставить филантропическую цѣль мотивомъ моей просьбы. По наведеніи справокъ о разныхъ должностныхъ лицахъ, я остановилась на баронѣ Унгернъ-Штернбергъ. Въ то время онъ содержался на гауптвахтѣ за извѣстную Тилигульскую катастрофу. Узнавъ, что онъ принимаетъ тамъ посѣтителей, я отправилась къ нему. Когда я изложила барону свою просьбу, онъ заявилъ, что мѣста сторожей зависятъ не отъ него, а отъ начальника дистанціи, и что онъ не можетъ ничего сдѣлать, такъ какъ ему неизвѣстно, есть ли теперь вакансіи. Тогда я попросила записку «два слова» къ начальнику дистанціи, говоря, что это вполне обезпечитъ участь моего кліента, и баронъ вручилъ мнѣ нѣсколько строкъ къ инженеру Щигельскому. Замѣтивъ, что пріемъ, оказанный мнѣ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ, не походилъ на обычный пріемъ свѣтскими людьми, я поспѣшила исправить ошибку, сдѣланную мной въ костюмѣ, и явилась къ начальнику дистанціи въ бархатѣ, разодртая, какъ слѣдуетъ быть дамѣ-просительницѣ. Меня встрѣтили въ высшей степени любезно и просили завтра же прислать «моего человѣка». Придя домой, я написала Фроленко мѣщанскій паспортъ на имя Семена Александрова, какъ я его назвала его будущему начальству. Этотъ документъ такъ и остался въ желѣзнодорожной конторѣ, такъ какъ Фроленко, оставляя мѣсто, не взялъ расчета. На другой день онъ отправился къ начальнику дистанціи и былъ опредѣленъ на 11 или 13 верстѣ отъ Одессы, близъ Гнилякова, куда, по полученіи имъ отдѣльной будки, онъ перевезъ Татьяну Ивановну Лебедеву, какъ свою жену.

Послѣ этого, когда къ нимъ уже былъ перевезенъ динамитъ для закладки подъ рельсы, пріѣхалъ неожиданно Гольденбергъ съ требованіемъ отдать часть динамита въ Москву, такъ какъ количество этого вещества тамъ считалось недостаточнымъ, а Московско-Курская желѣзная дорога имѣла наибольшіе шансы на проѣздъ императора. Приходилось покориться. Гольденбергъ пробылъ въ Одессѣ не болѣе 2-хъ дней, пока изъ Гнилякова не былъ привезенъ динамитъ. Адресъ моей квартиры онъ узналъ,

кажется, отъ Кибальчича, съ которымъ встрѣтился на пути въ Одессу, когда тотъ ѣхалъ по направленію къ Харькову, по приглашенію тамошнихъ агентовъ, для какихъ-то техническихъ приспособленій. Впрочемъ, навѣрное не помню, знаю только, что на квартиру нашу его привелъ одинъ изъ посѣтителей ея и уже послѣ того, какъ всѣ мѣры были приняты для того, чтобъ онъ на слѣдующій же день могъ выѣхать обратно въ Москву. Онъ дѣйствительно во время уѣхалъ, но въ Елисаветградѣ, какъ извѣстно, былъ арестованъ. Послѣ этого Фроленко и Лебедева уѣхали сначала изъ Гнилякова, а потомъ и изъ Одессы. Затѣмъ мы услышали, что царскій поѣздъ благополучно прослѣдовалъ по Лозово-Севастопольской желѣзной дорогѣ черезъ Харьковъ, а 19-го ноября произошелъ взрывъ подъ Москвою.

Вскорѣ начались наши потери: погибъ Квятковский, потомъ Ширяевъ и другія лица; послѣ геройской защиты пала въ Саперномъ переулкѣ типографія «Народной Воли»; одинъ изъ¹ ея работниковъ застрѣлился, а четверо схвачены.

Въ половинѣ декабря изъ Одессы выѣхалъ Кибальчичъ, въ январѣ—Колодкевичъ, одновременно съ ними разѣхались и другія болѣе вліятельныя лица, и всѣ дѣла были переданы мнѣ и нѣсколькимъ мѣстнымъ людямъ, мало извѣстнымъ въ революціонномъ мірѣ. Я оставалась въ Одессѣ до іюля 1880 года; за это время моимъ занятіемъ была пропаганда. Просидѣвъ три мѣсяца на квартирѣ, требовавшей осторожности и не позволявшей частыхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, съ людьми посторонними, я жаждала знакомствъ, общества и живой дѣятельности. Въ то время я, дѣйствительно, могла бы оказать значительныя услуги организаціи, если-бъ мои проводники въ различныя сферы были людьми, болѣе способными или, лучше сказать, чуткими въ выборѣ сырого матеріала; долго сдерживаемая энергія была во мнѣ ключемъ, но то, что я получила въ наслѣдіе, было вяло, трусливо и не смотрѣло съ большой вѣрой впередъ; всѣхъ этихъ людей пришлось впослѣдствіи откинуть, какъ неподходящихъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ отѣзда Кибальчича я быстро завела обширный кругъ знакомствъ, въ которомъ фигурировали представители всѣхъ классовъ общества, начиная отъ профессора и генерала, помѣщика и студента, врача и чиновника до рабочаго и швеи, и вездѣ, гдѣ могла, проводила революціонныя идеи и защищала образъ дѣйствія партіи «Народной Воли», но моей любимой сферой была молодежь, у которой такъ сильно чувство и такъ искренно увлеченіе; къ сожалѣнію, у меня было мало знакомыхъ между студентами, а тѣ, которые были, относились пессимистически къ своей средѣ и рѣшительно не вѣрили въ существованіе въ ней хорошихъ элементовъ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ произошелъ 5 февраля взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ; виновникъ взрыва скрылся и остался неразысканнымъ. Вслѣдъ за тѣмъ было объявлено назначеніе графа Лорисъ-Меликова. 2-е апрѣля, 19-е ноября и 5-е февраля создали

такое настроеніе, что, если бы въ то время Комитетъ и вся организація «Народной Воли» отказались отъ своей разрушительной дѣятельности, то явились бы волонтеры или какая-нибудь новая организація, которые взяли бы на себя миссію царевубійства. Новыя покушенія были совершенно неизбѣжны, и Исполнительный Комитетъ предпринялъ ихъ. Въ мартѣ или апрѣлѣ 1880 г. въ Одессу пріѣхалъ сначала Саблинъ, потомъ Перовская. Явившись ко мнѣ, они заявили, что присланы Комитетомъ для приготовленія въ Одессѣ мины на случай проѣзда государя въ Крымъ. Въ это время я жила на Ямской улицѣ, въ домѣ Ставрова, подъ пименемъ Антонины Александровны Головлевой. Этотъ документъ былъ выправленъ мной у нотаріуса по паспорту Головлева, съ которымъ (не помню навѣрное, кажется въ февралѣ 1880 г.) проживалъ въ Одессѣ, а позднѣе былъ арестованъ въ Курской губерніи, Федоръ Юрковскій. При пріѣздѣ Перовской я была занята подготовленіемъ террористическаго факта—убійства правителя канцеляріи графа Тотлебена, статсъ-секретаря Панютина. Онъ былъ правой рукой генералъ-губернатора, который, кажется, всецѣло отдалъ въ его распоряженіе внутреннюю политику ввѣреннаго ему края. Исполнитель для этого дѣла былъ; онъ долженъ былъ поразить Панютина кинжаломъ въ одну изъ его прогuloкъ; былъ уже составленъ планъ относительно мѣста и времени; чтобъ дать возможность убійцѣ скрыться, я думала приготовить лошадь. Но пріѣздъ Перовской съ порученіемъ Комитета заставилъ бросить этотъ проектъ.

Перовская сообщила мнѣ, что привезла письмо отъ Желябова или Колодкевича къ рабочему Василию, который можетъ принять участіе въ предпринимаемомъ покушеніи, и что она желаетъ видѣть его. Этотъ Василій былъ Меркуловъ, выдавшій потомъ массу одесскихъ рабочихъ, Свѣденцева и обличавшій своихъ бывшихъ товарищей на судѣ по процессу 20-ти. Я познакомилась съ нимъ до пріѣзда Перовской, когда вздумала учиться у него искусству рѣзбы на камнѣ. Такъ какъ я слышала о немъ еще осенью отъ Колодкевича, какъ о парнѣ въ высшей степени честномъ и хорошемъ, и знала, что онъ помогалъ кое чѣмъ въ приготовленіяхъ въ Гниляковѣ, то я не задумалась сообщить ему адресъ моей квартиры на Ямской, куда онъ долженъ былъ приходиться учить меня рѣзбѣ. Поэтому свести Перовскую съ нимъ ничего не стоило, и чрезъ нѣсколько дней они свидѣлись. Саблинъ и Перовская явились уже съ готовымъ планомъ относительно покушенія: они должны были выбрать улицу, которая имѣла наибольше шансовъ на проѣздъ государя отъ вокзала къ паровой пристани; на этой улицѣ они должны были, въ качествѣ мужа и жены, снять лавочку и завести торговлю; изъ лавочки должно было провести мину подъ мостовую улицы. Словомъ, это былъ проектъ, осуществленный потомъ на Малой Садовой въ Петербургѣ. Технической стороной долженъ былъ руководить Григорій Исаевъ, вскорѣ пріѣхавшій вмѣстѣ съ Якимовой. Перовская не привезла съ собой денегъ:

она должна была, вмѣстѣ со всѣми нами, составить смѣту расходовъ и представить ее въ Комитетъ, который долженъ былъ выслать требуемую сумму. Мы разсчитали, что потребуется не меньше 1.000 руб. Я предложила извѣстить Комитетъ, что деньги не нужны, такъ какъ я берусь доставить средства, требуемыя для выполненія покушенія. Дѣйствительно я передала Перовской въ разное время около 900 рублей, которые пошли на плату за помѣщеніе, покупку бакалейнаго товара, буравъ, на содержаніе всѣхъ участниковъ и послѣдующій разѣздъ ихъ. Лавка была нанята на Итальянской улицѣ, и тотчасъ же было приступлено къ работѣ: надо было спѣшить—государя ждали въ маѣ, а наши приготовленія происходили въ апрѣлѣ; между тѣмъ работать было можно только ночью, такъ какъ проведеніе мины начато было не изъ жилыхъ комнатъ, а изъ самой лавочки, куда приходили покупатели. Мы предполагали провести ее не посредствомъ подкопа, а при помощи бурава. Работа имъ оказалась очень трудна, почва состояла изъ глины, которая забивала буравъ, онъ двигался при громадныхъ физическихъ усиліяхъ и съ медленностью поразительной; въ концѣ концовъ мы очутились подъ камнями мостовой, буравъ пошелъ вверхъ и вышелъ на свѣтъ Божій. Вскорѣ при неосторожномъ обращеніи съ гремучей ртутью Григорію Исаеву оторвало три пальца. Онъ перенесъ это, какъ стоикъ, но мы были въ высшей степени огорчены; онъ долженъ былъ лечь въ больницу; послѣ этого всѣ вещи (динамитъ, гремучая ртуть, проволока и проч.) хранившіяся у него, были перенесены ко мнѣ, такъ какъ мы боялись, что грохотъ взрыва въ его квартирѣ могъ обратить на себя вниманіе всего дома. Однимъ работникомъ сдѣлалось меньше. Я предлагала привлечь нѣкоторыхъ мѣстныхъ людей, мнѣ извѣстныхъ, но всѣ высказались противъ этого. Было рѣшено, бросивъ буравъ, провести подкопъ въ нѣсколько аршинъ длины и уже съ конца его дѣйствовать буравомъ, землю должны были складывать въ одну изъ жилыхъ комнатъ, по окончаніи работы мы рѣшили непременно всю ее вынести вонъ, на случай осмотра домовъ на пути слѣдованія царя. Поэтому мы заранѣе начали уносить ее, кто сколько могъ, и выбрасывать. У себя въ квартирѣ я нашла мѣсто, куда можно было сложить массу этой земли, ее привозили и приносили ко мнѣ въ корзинахъ, пакетахъ, узлахъ, которые я опорожняла, пользуясь отсутствіемъ домашнихъ и отсылая прислугу съ порученіями.

Между тѣмъ слухи о поѣздкѣ государя въ Ливадію замолкли; потомъ мы получили отъ Комитета увѣдомленіе прекратить приготовленія. Тогда мы предложили ему воспользоваться начатой работой, чтобъ взорвать графа Тотлебена; но это было отвергнуто, причемъ однако мы получили разрѣшеніе на покушеніе противъ графа какимъ-нибудь другимъ способомъ. Послѣ этого Саблинъ, я и нѣсколько лицъ, мной привлеченныхъ, стали слѣдить за генераль-губернаторомъ. Мы думали примѣнять метательный снарядъ и, если бы тогда уже существовало изобрѣтенное изо-

брѣненіе Исаева и Кибальчича, то, конечно, графа не было бы въ живыхъ, но мы имѣли лишь динамитъ и неусовершенствованные запалы: поэтому снарядъ былъ неудобенъ по объему и могъ быть невѣренъ по дѣйствию. Все-таки мы выполнили бы свои замыслы, если бы графъ Тотлебенъ не былъ переведенъ изъ Одессы. Тогда мы имѣли въ виду систематическимъ пестребленіемъ генераль - губернаторовъ добиться уничтоженія самого учрежденія, представителями котораго они были. Послѣ отъѣзда графа Тотлебена, всѣ приготовленія пришлось ликвидировать, лавка на Итальянской была закрыта, подкопъ въ ней, еще ранѣе, зарытъ съ помощью земли, вынутой изъ него; въ этой нетрудной работѣ помогала и я, таская ночью мѣшки съ землею изъ жилой комнаты и опуская ихъ въ подвалъ, гдѣ работающіе мужчины утаптывали рыхлую землю. Когда все было приведено въ надлежащій порядокъ, то Саблинъ и Перовская уѣхали, за ними послѣдовали Исаевъ и Якимовъ.

Я передала съ ними заявленіе въ Комитетъ, что прошу отозвать меня изъ Одессы и назначить лицо, которому я могла бы передать мѣстные дѣла и связи. Должно быть, въ іюлѣ я выѣхала въ Петербургъ, не дождавшись своего преемника. Петербургъ меня встрѣтилъ выговоромъ за самовольную отлучку, вслѣдствіе которой исчезла возможность личной передачи новому агенту всѣхъ знакомствъ. Въ это время въ С.-Петербургѣ шли подготовленія къ несостоявшемуся покушенію подъ Каменнымъ мостомъ; подробности его мнѣ не были сообщены; я знала только въ общихъ чертахъ, что готовится новый взрывъ и на этотъ разъ изъ подъ воды; участники его мнѣ были тоже неизвѣстны. Какъ извѣстно, покушеніе это не состоялось.

Осень 1880 и начало 1881 года были временемъ усиленной пропаганды и организационной работы партіи «Народной Воли». Къ этому времени относится заведеніе обширныхъ связей съ провинціями, организація въ нихъ мѣстныхъ группъ, подробная выработка плана дѣйствій по отдѣльнымъ мѣстностямъ; многіе агенты Комитета занимались разъѣздами по опредѣленнымъ районамъ, другіе были командированы для постоянного пребыванія въ главныхъ пунктахъ имперіи. Всѣ предыдущія событія подготовили уже достаточную почву: «Черный Передѣлъ» исчезъ, какъ обширная организація; его предводители скрылись за границу; обширная группа Миханла Родіоновича Попова въ Кіевѣ погибла отъ предательства завѣдомаго сыщика Забрамскаго, пробравшагося въ ея среду; усиленное распространеніе органа «Народной Воли», устная пропаганда программы Комитета, а главное громкіе эпизоды борьбы, говорившіе сами за себя, привлекли общія симпатіи къ принципамъ «Народной Воли». Отовсюду являлись въ Петербургъ делегаты къ Комитету для заведенія сношеній съ нимъ, съ предложеніемъ услугъ для выполненія какихъ-либо новыхъ плановъ, съ просьбами прислать агента для организаціи мѣстныхъ силъ. Такимъ

благоприятнымъ настроеніемъ Комитетъ, конечно, не замедлилъ воспользоваться, онъ пожиналъ плоды своихъ трудовъ и своихъ жертвъ. Въ ясно выраженномъ стремленіи кружковъ и отдѣльныхъ лицъ къ объединенію, въ домогательствахъ ихъ примкнуть къ партіи и въ постоянныхъ заявленіяхъ готовности принять участие въ активной борьбѣ съ правительствомъ—сказалось то громадное возбужденіе умовъ, которое явилось слѣдствіемъ дѣятельности Комитета «Народной Воли».

Въ самомъ Петербургѣ пропаганда, агитація и организація велись въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; отсутствіе полицейскихъ придирокъ и жандармскихъ обысковъ за этотъ періодъ очень благоприятствовало работѣ среди учащейся молодежи и рабочихъ. Это было время общаго оживленія и надеждъ. Всѣ слѣды подавленности, явившейся послѣ неудачъ первой половины 70-хъ г.г. и послѣдовавшей за ними реакціи, исчезли всецѣло. Но требованіе царевубійства раздавалось громко, потому что политика графа Лорисъ-Меликова не обманула никого, такъ какъ ничуть не измѣняла сущности отношеній правительства къ обществу, народу и къ партіи. Графъ измѣнилъ лишь грубыя и рѣзкія формы на болѣе мягкія. Поэтому общественное мнѣніе въ революціонномъ мірѣ требовало продолженія террора и умерщвленія какъ самого императора, такъ и его министра, и въ то время, какъ большинство агентовъ было занято пропагандой и организаціей, техники Комитета работали надъ усовершенствованіемъ метательныхъ снарядовъ, которые должны были играть вспомогательную роль при взрывахъ минъ, до сихъ поръ обнаруживавшихъ недостаточную силу.

Въ ноябрѣ былъ арестованъ Александръ Михайловъ, этотъ неоцѣненный стражъ всей организаціи, типъ хозяина-устроителя, отъ бдительности котораго не ускользала ни одна мелочь, касающаяся нашей общественной безопасности. Онъ былъ, можно сказать, всевидящимъ окомъ организаціи и блюстителемъ дисциплины, столь необходимой въ революціонномъ дѣлѣ; въ его лицѣ мы понесли тяжелую и незамѣнимую утрату. Его гибель была ударомъ, который мы вспоминали при всѣхъ несчастіяхъ, поразившихъ насъ впослѣдствіи.

Еще въ бытность Александра Михайлова на свободѣ, Комитетъ составилъ проектъ снять магазинъ или лавку на одной изъ тѣхъ улицъ Петербурга, по которымъ наиболѣе часто совершался проѣздъ императора; изъ лавки должна была быть проведена мина для взрыва. Съ этой цѣлью нѣкоторые изъ агентовъ должны были присматриваться ко всѣмъ сдаваемымъ помѣщеніямъ, пригоднымъ для осуществленія плана, а такъ какъ государь обязательно долженъ былъ ѣздить въ манежъ, то магазинъ искали по улицамъ, ведущимъ къ нему; такихъ магазиновъ при Михайловѣ и, кажется, имъ самимъ было найдено два, и на одномъ изъ нихъ остановился выборъ Комитета. Когда агентамъ стало извѣстно, какъ это, такъ и то, что Комитетъ подбираетъ составъ, необходимый для оста-

новки, то я предложила комитету для роли хозяина моего друга и товарища Юрія Николаевича Богдановича.

Все время послѣ выѣзда изъ Саратова въ 1879 г. до осени 1880 года онъ находился въ отлучкѣ (отлучка эта объясняется участіемъ, принятымъ имъ въ устройствѣ побѣга изъ Сибири Бардиной), и у меня прервалась съ нимъ даже переписка; но, пріѣхавъ въ Петербургъ и свидѣвшись съ стариннымъ пріятелемъ Писаревымъ, я рѣшилась употребить все усилія, чтобы найти его и вызвать къ себѣ. Такъ какъ онъ не отвѣчалъ на письма, посланные по его адресу, то я воспользовалась адресомъ моихъ знакомыхъ, къ которымъ я дала ему рекомендаціи при его отъѣздѣ, въ надеждѣ, что они знаютъ, гдѣ онъ находится, и что съ нимъ происходитъ. Я послала ему горячее письмо, въ которомъ упрекала за то, что онъ вполне оторвался отъ старыхъ друзей и призывала его настоятельно въ Петербургъ для свиданія. Онъ не замедлилъ явиться на призывъ. Ему пришлось осмотрѣться, познакомиться съ людьми и со всеми перемѣнами въ программѣ и въ партіи, которыя произошли за время его отсутствія; послѣ этого онъ примкнулъ къ практическимъ занятіямъ по организаціи, которыя вели нѣкоторые агенты Комитета, а потомъ принялъ самъ агентуру Комитета. Въ это то время я, какъ болѣе знающая его лично, и предложила Комитету, указывая на его практичность и чрезвычайную находчивость, сдѣлать его хозяиномъ лавки, что и было приведено въ исполненіе. Мѣстонахожденіе лавки и фамилія ея хозяина были мнѣ неизвѣстны, вплоть до того момента, когда, должно быть, въ концѣ февраля, Богдановичъ попросилъ меня написать текстъ второго паспорта на имя Кобозева, который, кажется, такъ и остался въ рукахъ дворниковъ дома Менгдена, послѣ прописки его, когда срокъ первому дубликату истекъ. Къ новому году Богдановичъ съ женой устроился и началась работа. Участниковъ ея мы узнавали по утомленнымъ и измученнымъ лицамъ тѣхъ, съ кѣмъ чаще сталкивались, но, вообще, они были неизвѣстны неработающимъ въ подпольѣ. Дальнѣйшее мое отношеніе къ торговлѣ Кобозева выразилось только въ томъ, что когда, однажды, Богдановичъ заявилъ, что въ лавкѣ мало товара, и что на покупку его нужно 300 руб., то я предложила достать эту сумму и на другой же день вручила ее по принадлежности.

Моймъ занятіемъ была тогда пропаганда и организація, и я участвовала, въ качествѣ агента Комитета, въ двухъ организаціонныхъ группахъ, которыя вели дѣло въ двухъ различныхъ сферахъ; кромѣ того Желябовъ приглашалъ меня иногда съ собой на бесѣды съ людьми той категоріи (военными), въ которой дѣйствовалъ онъ специально. Въ октябрѣ или еще въ сентябрѣ я познакомилась съ Ольгой Евгеньевной Сухановой, рекомендовавшись ей Вѣрой Павловной Лопатинской, псевдонимомъ, подъ которымъ я слыла весь этотъ сезонъ въ Петербургѣ. Встрѣтившись съ ней совершенно случайно, я сблизился съ ней, заходя къ ней иногда ночевать. Суханова

много говорила мнѣ о своемъ братѣ Николаѣ, котораго въ то время въ Петербургѣ не было; по ея разсказамъ я съ нимъ познакомилась гораздо раньше, чѣмъ увидала его, а когда онъ пріѣхалъ, и мы увидѣлись, то очень скоро между нами завязались самыя хорошія, дружескія отношенія. Въ первое время нашего знакомства, онъ былъ еще далеко не тѣмъ Сухановымъ, какимъ увидали его наши другіе товарищи въ мартѣ и апрѣлѣ, но было уже видно, что недостаетъ только искры, чтобъ онъ вспыхнулъ. Этой искрой была идея организаціи и привлеченіе его въ среду организаціи; въ февралѣ мѣсяцѣ можно было уже сказать, что Сухановъ умретъ на эшафотѣ.

Здѣсь мнѣ приходится говорить о сношеніяхъ партіи «Народной Воли» съ заграницей. Вліяніе постановки соціальнаго вопроса на Западѣ на русское революціонное движеніе въ 1876 году исчезло совершенно: съ этой поры оно сдѣлалось самобытнымъ и приняло вполне своеобразную форму и направление. вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось значеніе русской эмиграціи для революціонной Россіи, литература, служившая проводникомъ вліянія эмигрантовъ и находившаяся дотолѣ всецѣло въ ихъ рукахъ, перенеслась на русскую почву, чтобъ служить живымъ откликомъ новыхъ теченій и вопросовъ жизни. Послѣ этого правильныя сношенія революціонныхъ организацій съ русскими выходцами прерываются: они становятся отрѣзаннымъ ломтемъ для партіи дѣйствія. Такъ было до событій 19 ноября 1879 и 5 февраля 1880 г., когда два взрыва Исполнительнаго Комитета потрясли всю Европу и пробудили во всѣхъ слояхъ западно-европейскаго общества громаднй интересъ и вниманіе къ дѣятельности революціонной партіи въ Россіи. Поэтому «Народная Воля», сообразивъ значеніе, которое можетъ имѣть для партіи общественное мнѣніе Европы, рѣшила организовать за границей пропаганду своихъ истинныхъ цѣлей и стремленій и завоевать симпатіи европейскаго общества путемъ ознакомленія его съ внутренней политикой правительства. Для такой цѣли мы могли утилизировать тѣ революціонныя силы, которыя потеряны для революціонной работы внутри Россіи, т. е. эмигрантовъ. Вскорѣ Гартманъ и Лавровъ были приглашены Комитетомъ, въ качествѣ уполномоченныхъ партіи, предпринять за границей агитацію въ духѣ программы «Народной Воли». Чтобъ прекратить массу ложныхъ слуховъ и всевозможныхъ утокъ, которыя преподносились европейской публикѣ ежедневной прессой, необходимо было правильное доставленіе заграничнымъ агентамъ корреспонденцій изъ Россіи о всемъ, происходящемъ въ русскомъ революціонномъ мірѣ. Комитетъ избралъ меня осенью 1880 г. секретаремъ для заграничныхъ сношеній. Я вела его дѣловую переписку съ Гартманомъ, посылала ему корреспонденціи, біографіи казненныхъ, снабжала всякими выходящими революціонными изданіями, доставляла карточки арестованныхъ и осужденныхъ, посылала русскіе журналы, газеты и вообще удовлетворяла по-возможности

всѣ его требованія. Послѣ 1-го марта я послала ему свою послѣднюю корреспонденцію объ этомъ событіи, письмо Комитета къ императору Александру III и рисунокъ, изображающій внутренность магазина Кобозева, исполненный самимъ Кобозевымъ.

Въ январѣ 1881 года Исаевъ и я должны были, по предложенію Исполнительнаго Комитета, основать квартиру, которой должны были пользоваться одни лишь агенты 3-ей степени. Квартира была нанята на Вознесенскомъ проспектѣ у Вознесенскаго моста, № дома не помню; мы прописались подъ именемъ Кохановскихъ и прожили въ ней, Исаевъ до 3-го, я до 5-го Апрѣля того же года. Въ февралѣ мѣсяцѣ Исполнительный Комитетъ созвалъ своихъ агентовъ изъ всѣхъ провинцій и потребовалъ какъ отъ нихъ, такъ и отъ петербургскихъ и московскихъ агентовъ, подробный отчетъ о положеніи дѣлъ партіи по всѣмъ мѣстностямъ и по всѣмъ отдѣламъ дѣятельности. Сводъ этихъ частныхъ отчетовъ въ одинъ общій былъ представленъ Комитетомъ общему собранію агентовъ. На основаніи этого отчета Комитетъ предложилъ имъ высказаться по нѣкоторымъ организаціоннымъ внутреннимъ вопросамъ, а также и по вопросу о внѣшней политикѣ партіи. Относительно послѣдней Комитетъ желалъ знать, считаютъ ли агенты организацію партіи достаточно обширной и окрѣпшей, а общественное настроеніе достаточно благопріятнымъ для того, чтобъ вопросъ объ инсurreкціи былъ поставленъ теперь же въ число очередныхъ вопросовъ, т. е., чтобы вся дальнѣйшая работа членовъ партіи подгонялась къ осуществленію въ ближайшемъ будущемъ попытки къ инсurreкціи, а центръ занялся бы серьезной детальной разработкой практическаго плана ея. На этотъ запросъ агенты, громаднымъ большинствомъ голосовъ, отвѣтили, что практическая постановка вопроса объ инсurreкціи—своевременна и желательна. Совѣщанія по вопросамъ, поднятымъ Комитетомъ, потребовали многихъ собраній; эти собранія происходили черезъ день на квартирѣ Кохановскихъ; по окончаніи ихъ, агенты были распущены Комитетомъ, чтобъ приняться за работу, въ ожиданіи новыхъ подробныхъ инструкцій центра.

Во время этихъ собраній (но, можетъ быть, и ранѣе) были арестованы агенты Колодkevичъ и Баранниковъ, одни изъ любимыхъ нашихъ товарищей; ихъ арестъ повлекъ за собой гибель самага цѣннаго для всей организаціи чловѣка—Клѣточникова, который, будучи членомъ партіи, пробрался въ III Отдѣленіе и, въ теченіе двухъ лѣтъ, отражалъ удары, направляемые правительствомъ на организацію. Онъ охранялъ ея безопасность извнѣ, какъ Александръ Михайловъ заботился о ней внутри. Такъ доживали мы февральскіе дни, когда у Тригопи былъ арестованъ Желябовъ.

Въ это время пріѣзжіе агенты уже выѣхали, и подкупъ въ лавкѣ Кобозева былъ конченъ. За двѣ недѣли до 1-го марта императоръ, ѣздившій въ манежъ по воскресеньямъ, проѣхалъ по Малой Садовой, но мина не была готова; когда это стало извѣстно, то поднялся общій ропотъ: слѣдующаго проѣзда прихо-

дилось ожидать, быть можетъ, еще цѣлый мѣсяцъ. Поэтому Комитетъ распорядился тогда же, чтобъ къ воскресенью 1-го марта всѣ приготовленія были кончены какъ относительно мины, такъ и относительно снарядовъ. Тогда агентамъ былъ уже извѣстенъ планъ покушенія: подземный взрывъ при проѣздѣ государя и метальщики разрывныхъ снарядовъ, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, на случай, если взрывъ произойдетъ раньше или позже проѣзда или окажется недостаточно сильнымъ и не достигнетъ предполагаемой цѣли; о назначеніи лицъ всего дѣйствующаго персонала было также извѣстно, что оно уже состоялось. Такимъ образомъ, начиная съ 1-го марта, каждое воскресенье, мы должны были ожидать покушенія. Я совершенно не помню дня 27-го февраля, тогда какъ 28-е сохранилось отчетливо въ моей памяти, поэтому, мнѣ кажется, что Желябовъ былъ арестованъ 27-го вечеромъ, а 28-го утромъ Сухановъ принесъ это извѣстіе къ намъ на квартиру, но, можетъ, быть это было и днемъ раньше. Все же послѣдующее относится къ 28-му.

Въ этотъ день Исаевъ былъ отозванъ Комитетомъ въ магазинъ Кобозева для заложения мины и ночь на 1-е марта не ночевалъ дома; въ этотъ же день мы узнали, что еще нѣтъ ни одного готоваго метательнаго снаряда; вмѣстѣ съ тѣмъ, хозяева квартиры, гдѣ должны были происходить всѣ техническія приспособленія, еще наканунѣ заявили, что они считаютъ свою квартиру не безопасной и предполагаютъ, что за нею слѣдятъ. Въ то же время, по городу разнесся слухъ, что полиція считаетъ себя на слѣдахъ чрезвычайнаго открытія, при этомъ назывался тотъ самый участокъ, въ которомъ находился магазинъ Кобозева; молодежь передавала предостереженіе о подслушанномъ разговорѣ дворника дома Менгдена съ полицейскимъ, о какомъ-то обыскѣ въ этомъ домѣ. Явившійся Кобозевъ разсказалъ о посѣщеніи лавки какой-то, якобы санитарной комиссіей, полицейская цѣль которой была очевидна. Хотя, по его выраженію, этотъ осмотръ, подробности котораго были какой-то счастливой игрой въ «быть или не быть», вполне легализировалъ его, но мы, слушатели, были поражены, какъ громомъ. Ясно было, что дѣло, давно задуманное, съ трудомъ и опасностями доведенное до конца, дѣло, долженствовавшее закончить двухлѣтнюю борьбу у связывавшую намъ руки, висѣло на волоскѣ и наканунѣ своего осуществленія могло погибнуть. Все можно было перенести, но не это! Не личная безопасность тѣхъ или другихъ изъ насъ волновала насъ: все наше прошлое и все наше будущее было поставлено на карту въ ночь на 1-е марта. Никакая нервная система не могла бы вынести долгое время такого сильнаго напряженія; поэтому, когда Перовская поставила Исполнительному Комитету вопросъ, какъ поступить въ случаѣ, если 1-го марта императоръ не поѣдетъ по Малой Садовой, и не дѣйствовать ли тогда одними снарядами, то Комитетъ отвѣтилъ: «дѣйствовать во всякомъ случаѣ» и указалъ планъ. Одинъ Сухановъ заявилъ, что

онъ не можетъ сказать ни да, ни нѣтъ, потому что снаряды еще никогда не были въ дѣйстви. Это рѣшеніе Комитета состоялось только 28-го февраля. Тогда же мнѣ было объявлено, что въ 5 часовъ вечера три человѣка явятся на нашу квартиру и будутъ работать всю ночь надъ метательными снарядами. Это были: Сухановъ, Кибальчичъ и еще одна личность (Грачевскій). До восьми часовъ вечера на квартиру безпрестанно заходили агенты, то съ извѣстіями, то по текущимъ надобностямъ, но такъ какъ это мѣшало работѣ, то къ 8-ми часамъ всѣ разошлись, и на квартирѣ осталось, вмѣстѣ со мной и Перовской, 5 человѣкъ. Уговоривъ измученную Перовскую прилечь, чтобы собраться съ силами для слѣдующаго дня, я принялась за помощь работающимъ, тамъ гдѣ имъ была нужна посторонняя неопытная рука: то отливала грузы съ Кибальчичемъ, то обрѣзывала съ Сухановымъ купленные мной жестянки для керосина, послужившія формой для снарядовъ. Въ два часа ночи я оставила ихъ, потому что мои услуги не были болѣе нужны. Когда, въ 7 часовъ утра, Перовская и я встали, то мужчины все еще продолжали работу, но два снаряда были совсѣмъ готовы, и ихъ унесла Перовская; вслѣдъ за ней ушелъ Сухановъ; потомъ я помогла двумъ остальнымъ наполнить гремучимъ студнемъ двѣ остальные жестянки, и ихъ вынесъ Кибальчичъ. Итакъ, въ 8 часовъ утра, 1-го марта, четыре снаряда были готовы послѣ 15-ти часовъ работы трехъ человѣкъ.

По распоряженію Комитета, 1-го марта я должна была оставаться до 2-хъ часовъ дня дома для пріема Кобозевыхъ, такъ какъ они должны были выйти изъ магазина, она — за часъ до проѣзда государя, а онъ вслѣдъ за сигналомъ, что Государь показался на Невскомъ; сомкнуть же электрическій токъ должно было третье лицо, которое могло выйти изъ лавки, въ качествѣ посторонняго человѣка, въ томъ случаѣ, если-бъ ему не было суждено погибнуть подъ развалинами взрыва, произведеннаго его рукой. Но ни Богдановичъ, ни Якимовъ къ намъ не явились; воротился Исаевъ и съ нимъ нѣсколько сигналистовъ съ извѣстіемъ, что государь мимо лавки не проѣхалъ, и что изъ манежа онъ прослѣдовалъ домой. Упустивъ совершенно изъ виду, что они не изучали и не слѣдили за послѣдующимъ маршрутомъ государя и что они не оповѣщены о послѣднемъ рѣшеніи Комитета—дѣйствовать на опредѣленномъ мѣстѣ обратнаго пути бомбами, я ушла изъ дому, думая, что покушеніе не состоялось вслѣдствіе какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ причинъ.

Когда я шла по улицамъ, то все было покойно; но чрезъ полчаса послѣ того, какъ я зашла къ знакомымъ, къ нимъ явился человѣкъ съ извѣстіемъ, что были какіе-то два удара, похожіе на пушечные выстрѣлы, и что на улицахъ идетъ молва; что государь убитъ и что происходитъ уже присяга наслѣднику. Я бросилась къ своимъ; на улицѣ, повсюду шелъ говоръ, и было замѣтно волненіе: говорили о государѣ, о ранахъ, о смерти, о крови...

3-го марта Кибальчичъ принесъ на нашу квартиру вѣсть, что открыта квартира Гельфманъ (на Телѣжной улицѣ), что она арестована, а Саблинъ застрѣлился. Онъ разсказалъ также о вооруженномъ сопротивленіи человѣка, явившагося въ домъ послѣ ареста Гельфманъ и оказавшагося рабочимъ Михайловымъ. Первою мыслью лицъ, знавшихъ составъ посѣтителей квартиры Гельфманъ, имѣвшей специальное назначеніе и потому для большинства агентовъ неизвѣстной, было, что она указана Рысаковымъ. Въ виду этого соображенія Комитетъ отмѣнилъ свое рѣшеніе, чтобъ Кобозевы оставили свою лавку лишь послѣ того, какъ мина будетъ очищена отъ динамитнаго заряда: они должны были не только бросить ее въ тотъ же день, но вечеромъ же выѣхать изъ Петербурга. Въ три часа зашелъ Богдановичъ, чтобъ проститься со мной предъ отъѣздомъ—онъ выѣзжалъ первымъ. Съ тѣхъ поръ я не видалась съ нимъ до октября и ноября того же года, которые я провела въ Москвѣ, гдѣ находился и онъ; это было въ послѣдній разъ, потому что, когда я явилась, въ концѣ марта 1882 года въ Москву, то онъ былъ уже арестованъ. Вечеромъ, 3-го марта, на квартиру зашла Якимова, чтобъ перемѣнить костюмъ предъ выѣздомъ. Въ тотъ же день изъ Петербурга были высланы Комитетомъ еще нѣкоторые агенты.

Прошло не болѣе недѣли—и мы потеряли Перовскую, арестованную на улицѣ. Вслѣдъ за ней погибъ Кибальчичъ, у него былъ арестованъ Фроленко. Въ виду этого многіе изъ насъ, по предположенію Комитета, должны были выѣхать, въ томъ числѣ и я. Но я представила Комитету такіе аргументы, въ защиту моего желанія остаться на мѣстѣ, что Комитетъ разрѣшилъ мнѣ это. Къ сожалѣнію, какъ оказалось, не надолго: 1-го апрѣля Исаевъ не вернулся домой, онъ былъ арестованъ на улицѣ, подобно нѣкоторымъ другимъ агентамъ, задержаннымъ въ теченіе марта мѣсяца. Такъ какъ, во избѣжаніе безпокойствъ и недоразумѣній, мы придерживались правила, что хозяева общественныхъ квартиръ не имѣютъ права проводить ночь внѣ дома безъ предварительнаго уговора объ этомъ, то въ 12 часовъ ночи, 1-го апрѣля, я уже не сомнѣвалась, что Исаевъ арестованъ.

Въ это время наша квартира, въ силу разныхъ обстоятельствъ, превратилась мало-по-малу въ складъ для всевозможныхъ вещей: послѣ ликвидаціи рабочей типографіи, къ намъ былъ перенесенъ прифтъ и прочія ея принадлежности; когда закрылась химическая лабораторія, Исаевъ привезъ къ намъ всю ея утварь и большой запасъ динамита; Перовская передала намъ же все, что сочла нужнымъ вынести изъ своей квартиры; послѣ ареста Фроленко мы получили половину паспортнаго стола; въ довершеніе всего, вся литература, всѣ изданія шли изъ типографіи «Народной Воли» къ намъ и наполняли громадный чемоданъ, найденный пустымъ въ нашей квартирѣ. Такое богатство не должно было погибнуть, я рѣшила спасти все и уйти изъ квартиры, оставляя ее абсолютно пустой. 4-го апрѣля, вмѣсто того, чтобъ искать кого-нибудь

изъ своихъ, я рѣшилась ждать прихода къ себѣ, и принялась приводить революціонное имущество въ удобовыносимый видъ. Былъ уже часъ дня, когда на квартиру зашелъ агентъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что товарищи считаютъ меня уже погибшей. Тѣмъ не менѣе, онъ, пришедшій, одобрилъ желаніе спасти вещи; я просила его дать знать объ этомъ Суханову. Черезъ нѣсколько часовъ Сухановъ явился и съ своей обычной распорядительностью въ теченіе двухъ часовъ удалилъ съ квартиры все—осталось два узла съ вещами, не представляющими особой цѣнности. Это было уже въ 8 часовъ вечера. Тогда онъ потребовалъ, чтобъ я тотчасъ же ушла изъ дома; но я не видѣла никакой нужды уходить до утра, потому что была увѣрена, что Исаевъ квартиры не назоветъ. Дождавшись слѣдующаго утра и спровадивши подъ приличнымъ предлогомъ женщину, которая приходила убирать нашу квартиру, я вышла, заперевъ свое опустошенное жилище. Говорятъ, что власти прибыли на квартиру, когда еще не остылъ самоваръ, изъ котораго я пила чай.

Періодъ времени съ мая по октябрь 81 года я прожила въ разныхъ мѣстахъ юга, частью въ Одессѣ. Въ октябрѣ я была приглашена Исполнительнымъ Комитомъ въ Москву для совѣщаній по поводу измѣненія плана организаціи для Петербурга, сообразно тѣмъ новымъ условіямъ, среди которыхъ приходилось дѣйствовать тамъ послѣ событія 1-го марта. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ хотѣлъ выслушать мнѣніе агентовъ о программѣ новаго отдѣла дѣятельности, новой отрасли организаціи (Общества Краснаго Креста Народной Воли), основаніе которой въ то время было задумано Комитетомъ. Тогда же я передала Комитету многочисленныя жалобы на генерала Стрѣльникова. Я передала Комитету общій говоръ и мольбу устранить его съ поста, на которомъ онъ могъ дѣлать столько зла. Вмѣстѣ съ тѣмъ я сообщила Комитету о томъ вредѣ, который наноситъ система дѣйствій Стрѣльникова партіи вообще. Этотъ вредъ заключался въ дискредитированіи ея въ общественномъ мнѣніи, вслѣдствіе огульных оговоровъ и запутыванія массы лицъ со стороны людей, терроризированныхъ и деморализованныхъ Стрѣльниковымъ. Напоминая Комитету предыдущую дѣятельность Стрѣльникова, я настоятельно предлагала поставить на очередь вопросъ объ убійствѣ Стрѣльникова. Вмѣстѣ съ тѣмъ я указывала на Одессу, какъ пунктъ, гдѣ самый фактъ могъ быть совершенъ съ большимъ удобствомъ, чѣмъ въ Кіевѣ, гдѣ у него семья и масса знакомыхъ, и гдѣ онъ долженъ быть болѣе на сторожѣ, въ силу своей давней извѣстности тамъ и многочисленныхъ указаній, которыя онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ о различныхъ проектахъ покушеній на его жизнь. Мое предложеніе было принято, и участь Стрѣльникова рѣшена. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ согласился, что Одесса представляетъ шансы болѣе благопріятныя, чѣмъ Кіевъ, то необходимо было тотчасъ же послать туда чловека, который собралъ бы весь матеріалъ, необходимый для приведенія въ исполненіе задуманнаго. Такимъ чловекомъ всего удоб-

нѣе было явиться мнѣ, какъ знакомой съ Одессой и съ нѣкоторыми лицами, которыя могли въ той или иной формѣ помочь изученію всѣхъ условій жизни Стрѣльникова. Съ этой цѣлью Комитетъ и отправилъ меня въ Одессу съ тѣмъ, чтобы, собравъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, я дала знать о высылкѣ исполнителей.

Я воротилась въ Одессу въ началѣ декабря и черезъ двѣ недѣли сообщила на сѣверъ, что всѣ данныя о Стрѣльниковѣ находятся въ моихъ рукахъ. Комитетъ выслалъ двухъ человѣкъ, но пріѣхалъ изъ нихъ только одинъ Халтуринъ. Это было 31-го декабря. Я передала ему для провѣрки все, что знала о Стрѣльниковѣ, т. е. мѣстожительство, часы и условія пріема посѣтителей, время и мѣсто обѣда, часы прогулки и посѣщенія казармы № 5, куда онъ ѣздилъ для допросовъ, нѣкоторыя улицы, по которымъ онъ ходилъ, и дома, въ которыхъ онъ бывалъ. Когда мы узнали, что товарищъ Халтурина не можетъ пріѣхать, какъ было условлено, мы выписали другого агента, такъ какъ было рѣшеніе мѣстныхъ людей къ дѣлу не привлекать; но не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ Стрѣльниковъ уѣхалъ изъ Одессы, уже послѣ того, какъ Халтуринъ нѣсколько разъ видѣлъ его. Онъ не возвращался, должно быть, съ мѣсяцъ и былъ въ это время, кажется, въ Кіевѣ. За это время Халтуринъ выходилъ изъ себя отъ нетерпѣнія и нѣсколько разъ собирался ѣхать въ Кіевъ, чтобъ тамъ организовать покушеніе; мнѣ стоило много труда уговорить его остаться на мѣстѣ и ждать возвращенія Стрѣльникова вмѣсто того, чтобъ напасть на него въ Кіевѣ среди условій, вполне неизвѣстныхъ. Въ началѣ или срединѣ февраля Стрѣльниковъ явился вновь въ Одессу и произвелъ новую очистку, захвативъ сначала 12—16 человѣкъ, а потомъ продолжая аресты вплоть до своей смерти. Вскорѣ мы окончательно остановились на томъ, чтобъ совершить покушеніе во время послѣобѣденной прогулки Стрѣльникова по Приморскому бульвару, около 5 часовъ вечера, и приготовить лошадь и кабриолетъ для бѣгства; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ опасенія, что онъ носитъ кольчугу, было рѣшено цѣлить ему въ голову и стрѣлять по-возможности въ упоръ. Но Комитетъ не высылалъ намъ денегъ; впослѣдствіи оказалось, что триста рублей, которые были высланы намъ, не дошли по назначенію. Въ виду арестовъ, которые постоянно происходили во-кругъ, и которые могли зацѣпить и кого-нибудь изъ тѣхъ, кто долженъ былъ дѣйствовать, откладывать дѣло было невозможно. Тогда я достала 600 руб. на покупку лошади и акипажа, которые и были переданы мною Халтуруину. Дальше мое присутствіе было излишнимъ и могло быть даже вреднымъ, такъ какъ меня искали по всему городу. Кромѣ того Комитетъ и раньше отправлялъ меня въ Одессу на время со специальной цѣлью, которая была уже исполнена. Передъ отѣздомъ мы получили извѣстіе, что къ намъ ѣдетъ агентъ Желваковъ, который можетъ принять участіе въ дѣлѣ, но я съ Желваковымъ разѣхалась и съ нимъ не видалась».

Орлица, Турухтанъ и Тетеревъ.

(Басня, приписываемая Д. В. Давыдову).

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, извѣстный генералъ и поэтъ, началъ писать въ раннемъ возрастѣ. На 17-мъ году его отправили на службу въ Петербургъ; здѣсь онъ зачислился въ Кавалергардскій полкъ, 9 сентября 1802 года получилъ чинъ корнета, а 2 ноября 1803—поручика. Но военная служба не мѣшала литературнымъ занятіямъ. Давыдовъ, по его собственнымъ словамъ, „не оставлялъ и бесѣды съ музами: призывалъ ихъ во время дежурствъ своихъ въ казармы, въ госпиталь и даже въ эскадронную конюшню. Онъ часто на нарахъ солдатскихъ, на столікѣ больницы, на полу порожняго стойла, гдѣ избиралъ свое логовище, писывалъ сатиры и эпиграммы, коими началъ ограниченное словесное поприще свое“. Эти сатирическія произведенія навлекли грозу на голову молодого офицера. „Въ 1804 году—пишетъ Давыдовъ въ своей автобіографіи—судьба, управляющая людьми, или люди, направляющіе ее ударами, принудили повѣсу нашего выйти въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, расположенный тогда въ Кіевской губерніи“. Сынъ Д. В. Давыдова напечаталъ двѣ басни, которыя вызвали переводъ его отца изъ Петербурга въ армію. Одна изъ нихъ „Голова и Ноги“ говорить о томъ, какъ Ноги возмутились противъ Головы.

—„Молчите, дерзкія“—имъ Голова сказала,
Какъ смѣете вы бунтовать,
Когда природой Намъ дано повелѣвать?“

Ноги отвѣчаютъ на слова Головы:

Коль право ты имѣешь управляться,
То мы имѣемъ право спотыкаться,
И можемъ иногда, споткнувшись—какъ же быть—
Твое могущество объ камень расшибить“.

Другая басня „Рѣка и Зеркало“ заключаетъ притчу, рассказанную вельможей-философомъ царю-деспоту, осудившему его на смерть. Ребенокъ разсердился, увидавъ въ зеркалѣ свой безобразный видъ, и разбилъ его, но на утро

Свой гнусный видъ въ рѣкѣ увидѣлъ онъ опять.
Какъ рѣку истребить? нельзя, и поневолѣ
Онъ долженъ былъ и стыдъ и срамъ питать.

Вельможа сравниваетъ себя съ зеркаломъ и говорить деспоту:

Я Зеркало—разбей меня,
Рѣка—твое потомство,
Ты въ ней найдешь еще себя".
Монарха рѣчь сія такъ сильно убѣдила,
Что онъ велѣлъ ему и жизнь и волю дать...
Постойте, виновать,—велѣлъ въ Сибирь сослать;
А то бы эта была на сказку походила.

Но вѣриѣе предположить, что кара постигла Давыдова не за эти басни, а за печатаемую нами басню, впервые появляющуюся въ печати и сохранившуюся въ спискѣ у П. А. Ефремова. Басня эта имѣетъ въ виду извѣстные событія начала вѣка и чрезвычайно любопытна, какъ отраженіе современныхъ взглядовъ на происходившія событія и на главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Орлица, Турухтанъ и Тетеревъ.

Орлица

Царица

Надъ стадомъ птицъ была,
Любила истину, щедроты изливала,
Неправду, клевету съ престола презирала.
За то премудрою она изъ птицъ слыла,
За то ее любили,
Покой ея хранили.
Но наконецъ она Всемошною Рукой,
По правиламъ природы,
Проживъ несчетны годы,
Взята была судьбой,
А по-просту сказать—Орлица жизнь скончала;
Тоску и горести на птичій родъ нагнала;
И всѣ въ отчаяніи горчайши слезы льютъ,
Унылымъ тономъ
И со стономъ
Хвалы покойницѣ поютъ.
Что сердцу горестно, легко-ли то забыть?
Слеза души отрада
И доброй памяти награда.
Но какъ не горестно—ея не возвратить...
Пернаты разсуждаютъ,
Другъ друга увѣряютъ,
Что безъ царя нельзя никакъ на свѣтѣ жить,
И что царю у насъ, конечно, должно быть!
И стали толковать,
Кого въ цари избрать?
Но наконецъ избрали

Великій Боже!
Кого-же?
Турухтана!

Хоть знали многіе, что нравъ его крутой,
Что будетъ царь лихой,
Что сущаго тирана
Не надо было избирать,
Не должно было потакать,
И тысячью похвалъ вездѣ его хвалили,
Иной разумнымъ звалъ, другіе говорили,
Что будетъ онъ отецъ отечества,
Иные до небесъ ту птицу возносили,
А онъ—

Лишь шагъ на тронъ,
То хищной тварью всей себя и оградилъ:
Сычей, сорокъ, воронъ—въ павлины нарядилъ,
И съ сею сволочью онъ тѣмъ лишь забавлялся,
Что доброй дичью онъ безъ милости ругался:
Кого велитъ до смерти заклевать,
Кого въ лѣса дальнѣйшіе сослать,
Кого велитъ терзать сорокопугу—
И всякую минуту
Несчастья всякій ждалъ.

Томился птичій родъ, стеналъ...
Въ ужасномъ страхѣ всѣ и дѣлать что не знаютъ!
„Виновны сами мы—пернаты разсуждаютъ,—
И, зная, караетъ насъ вселенныя Творецъ,
За наши каверзы, тираномъ симъ въ конецъ,
Или за то, что мы въ цари избрали птицу
Кровопійцу!“

И въ горести они летятъ толпой къ лѣску,
Разсѣять тамъ свою смертельную тоску.
Не гимны, Турухтанъ, тебѣ дичина свищетъ,
Возмездія дѣламъ твоимъ тиранскимъ ищетъ.
Когда народъ стеналъ, всякъ часъ бѣда, напасть!
Пернаты, зная, злодѣйствъ терпѣть не будутъ болѣ!
Имъ нуженъ добрый царь, ты-жъ гнусенъ на престолѣ!
Какъ ты не обуздалъ свою несносну власть!

И птичій весь совѣтъ рѣшился,
Чтобъ жизни Турухтанъ и царствія лишился.
Къ такому приступить гораздо дѣлу трудно!

Однако, какъ-же быть?

Казалось многимъ то безумно,

Но чѣмъ инымъ перемѣнить?

Ужасно дѣйствіе и пропасть въ немъ грѣха!

Да какъ ни есть

Убили пѣтуха!

Не стало Турухтана,
Избавились тирана!
Въ восторгѣ, въ радости, всѣ птицы внѣ-себя,
Злодѣя истребя.
Другъ друга лобызають
И такъ болтають:

„Теперь въ спокойствіи и нѣгѣ заживемъ,
Какъ птицу смирную на царство изберемъ!“
И въ той сумятицѣ на тронъ всякъ предлагаетъ:
Кто гуся, кто сову, кто курицу желаетъ,
И въ выборѣ царя у птицъ различный толкъ.
О, рокъ!

Проникнуть можно-ли судебъ твоихъ причину?
Караешь явно ты пернатую дичину!
И вдругъ сомкнулись всѣ, во всѣхъ мѣстахъ запѣли,
Чтобъ Тетеревъ былъ царь.
Хоть онъ глухая тварь,
Хоть онъ розиня безтолковый,
Хоть всякому стрѣлку подарокъ онъ готовый;
Но всѣ въ надеждѣ той,
Что Тетеревъ глухой
Пойдетъ стезей Орлицы..
Ошиблись бѣдны птицы!
Глухарь безумный ихъ—
Скупяга изъ скупыхъ,

Не царствуетъ—корпитъ надъ скопленной добычю.
И управлять другимъ несчастной отдалъ дичю.
Не бьетъ онъ, не клюетъ,
Но крохи бережетъ.
Любимцы царство разоряютъ
Невинность гнуть въ дугу,
Срамцовъ обогащаютъ;

Ихъ гнусной прибылью: кто по-міру пошелъ,
Иной лишенъ гнѣзда—у нихъ колъ не нашелъ.
Нѣтъ честности ни въ чемъ, идетъ все на коварствѣ,
И сущій сталъ развратъ во всемъ дичиномъ царствѣ.
Вѣдь выборъ безъ ума урокъ вамъ далъ таковъ:
Не выбирать ни злыхъ, ни глупыхъ пѣтуховъ.

Мой процессъ ¹⁾).

Въ Харьковѣ, въ январѣ 1884 года, былъ убитъ рабочій Шкряба за предательство. Въ связи съ этимъ былъ произведенъ обыскъ у студента ветеринара Николая Владиміровича Іордана. У него на квартирѣ была типографія. Я въ ней работалъ, живя съ Іорданомъ, и только за недѣлю до ареста переѣхалъ къ земляку, студенту университета Шахназарову. Самъ я, хотя былъ исключенъ изъ Петербургскаго университета осенью 1882 г. съ правомъ немедленнаго поступленія въ другіе университеты, въ Харьковскій принятъ не былъ и проживалъ въ городѣ, занимаясь частными уроками.

Типографія была открыта недавно и кромѣ нѣсколькихъ прокламацій успѣла выпустить три брошюры: «Что такое социализмъ», «Роль интеллигенціи въ революціонномъ движеніи» и «Хитрая механика»—перепечатка стараго изданія съ исправленіемъ соотвѣтствующихъ цифровыхъ данныхъ.

Группа, которая руководила издательствомъ этой типографіи, принадлежала къ чернопредѣльческимъ остаткамъ и къ террору относилась, какъ будто, отрицательно. Я, сочувствуя болѣе террористической дѣятельности, тѣмъ не менѣе обрадовался, когда представилась возможность вступить на путь нелегальной дѣятельности, занявшись печатаніемъ «подпольной» литературы.

Кажется, 11 января, подходя къ воротамъ дома, гдѣ жилъ Іорданъ, я замѣтилъ, что что-то неладно, и прошелъ мимо, но былъ схваченъ городовыми, вышедшими со двора сосѣдняго дома, доставленъ въ комнату Іордана и оттуда отправленъ въ тюрьму.

Когда меня вызвали на допросъ къ жандармскому полковнику и прокурору, я отказался отъ дачи показаній, не желая своими отвѣтами признавать компетентность жандармовъ въ спорѣ нашемъ (спорѣ революціонеровъ) съ правительствомъ. И меня не беспокоили. Но когда я узналъ, что мое молчаніе по одному вопросу можетъ повредить товарищу, я написалъ въ судебную

¹⁾ Настоящая статья принадлежитъ Ивану Львовичу Манучарову. Въ 1885 году Манучаровъ (его настоящее имя Ованесъ Арсланьянъ Манучарьянцъ) былъ присужденъ военнымъ судомъ къ смертной казни. Смертная казнь замѣнена десятилѣтней каторгой. Весь свой каторжный срокъ Манучаровъ отбылъ въ Шлиссельбургской крѣпости, въ 1896 году былъ освобожденъ и въ настоящее время живетъ въ Сибири. До сихъ поръ о процессѣ Манучарова мы не имѣли рѣшительно никакихъ свѣдѣній.

палату заявленіе о томъ, что французскій сундукъ, въ которомъ нашли банку съ типографской краской, привезенъ въ Харьковъ мною. По поводу этого заявленія жандармскій полковникъ попытался получить отъ меня дополнителныя свѣдѣнія, но я уклонился отъ отвѣтовъ ему, повторивъ, что съ жандармами говорить о дѣлѣ не желаю.

Кромѣ меня и Иордана въ этотъ разъ арестовали вольнослупателя Харьковскаго университета Дмитрія Крыжановскаго, ученика сельско-хозяйственной школы Дмитрія Ослопова (изъ Владикавказа) и (Клюге не помню ни имени, ни отчества—онъ былъ германскій подданный).

Никто изъ насъ не былъ причастенъ къ убійству Шкрябы. Онъ былъ убитъ по рѣшенію изъ Петербурга, гдѣ имѣлись точныя свѣдѣнія о его предательствѣ. Такъ какъ Шкряба вѣлъ знакомство съ нами, то одновременно съ рѣшеніемъ убить его было поручено одному лицу предупредить насъ объ этомъ, но лицо это (кажется, Браунъ) было арестовано на улицѣ, когда шло къ намъ, и исполнить порученія не могло. Поэтому типографія не была своевременно унесена изъ квартиры Иордана.

Было констатировано, что кромѣ меня, какъ постоянного работника, въ типографіи работалъ еще Ослоповъ. Поэтому я и Иорданъ были приговорены административно къ ссылкѣ въ Восточную Сибирь на 5 лѣтъ, Ослоповъ на 3 года, Крыжановскій отданъ подъ надзоръ полиціи, а Клюге высланъ за границу.

Отправки въ московскую пересыльную тюрьму я съ Иорданомъ не дождались. Воспользовавшись тѣмъ, что насъ соединили въ одну камеру въ тюрьмѣ на Холодной горѣ, изъ которой легко было бѣжать, я съ нимъ 23 сентября 1884 г. бѣжалъ, перепиливъ желѣзную рѣшетку. Иорданъ погулялъ на волѣ только нѣсколько дней, былъ скоро арестованъ и впоследствии умеръ въ Якутской области.

Я выѣхалъ въ Новочеркасскъ.

Черезъ два мѣсяца, кажется, 16 ноября (1884 г.) я наткнулся на обыскъ въ квартирѣ учителя Богдана Марковича въ Ростовѣ на Дону, куда пріѣхалъ по дѣламъ типографіи, затѣвавшейся въ Новочеркасскѣ.

Изъ Новочеркасска я пріѣхалъ съ бывшимъ студентомъ Харитоновымъ и братомъ его, казачьимъ офицеромъ. Заночевали у Марковича. На разсвѣтѣ я проснулся отъ стука въ дверь, выглянулъ въ окно и, увидѣвъ полицію, наскоро одѣлся и пошелъ на кухню хозяина дома (Марковичъ снималъ двѣ комнаты, отдѣленные корридормъ отъ хозяйской половины). У кухонныхъ дверей на дворѣ стоялъ городской. Я отстранилъ его и пошелъ къ воротамъ. Тамъ стоялъ другой городской. Я вынулъ изъ кармана револьверъ, городской отскочилъ отъ воротъ, и я вышелъ на улицу. Города я совершенно не зналъ. Побѣжалъ по улицѣ налѣво, попалъ въ центръ города. Полицейскіе бѣжали за мной и свистѣли. Было свѣтло, попадались рабочіе. Одинъ, призванный

городовыми, хотѣлъ схватить меня, но я сдѣлалъ въ него выстрѣлъ, и онъ отсталъ. Я хотѣлъ вскочить на извозчика и заставить везти себя, но извозчикъ отъѣхалъ при моемъ приближеніи. Дѣло мое было проиграно. Я ходилъ по улицамъ, а за мной слѣдовали городовые и десятка два зѣвакъ. Прошло не менѣе часа, прежде чѣмъ на двухъ извозчикахъ не пріѣхали четыре солдата съ околоточнымъ Цвѣтковымъ. Окруживъ меня полукругомъ цѣпныи солдатъ, околоточный предлагалъ сдаться.

Сдаться!?

Я зналъ, что герои при такихъ обстоятельствахъ не сдаются. а умираютъ подъ пулями, стараясь, въ свою очередь, убить возможно большее число враговъ...

... Значить, нужно стрѣлять, цѣлясь въ околоточнаго, въ солдата, стараться ихъ убить. У меня пять зарядовъ... Постараться убить пять человѣкъ...

... Я буду убить, но зато убью и ихъ...

... За что?!... проносится у меня въ головѣ.

А околоточный кричитъ: «Сдавайтесь, бросайте револьверъ!».

... У меня быстро, быстро бьются въ головѣ мысли... Одинъ тонувшій и потомъ спасенный товарищъ рассказывалъ: «Нельзя себѣ представить, какъ быстро проносятся мысли въ головѣ въ тотъ короткій промежутокъ времени, который протекаетъ между потерей надежды выплыть изъ воды и моментомъ потери сознанія»... Въ эту минуту я вспомнилъ этого товарища по гимназіи, Ивана Бѣлова; вспомнилъ Куру, гдѣ онъ тонулъ; вспомнилъ Тифлисъ, гдѣ я родился; вспомнилъ мать...

А околоточный кричитъ: «Сдавайтесь! Бросайте револьверъ!».

Солдаты смыкаютъ цѣпь, приближаются, а за солдатами стоитъ уже большая толпа...

Сдаваться?!... Бросить оружіе! Какой позоръ!

...Такъ значить стрѣлять. Убить околоточнаго... не попаду въ него, попаду вотъ въ мальчика, стоящаго за нимъ...

... Господи, что же дѣлать?...

... Сдаться съ заряженнымъ оружіемъ?..

«Сдавайтесь! Бросайте оружіе!» слышу голосъ околоточнаго.

... И какъ будто найдя выходъ изъ своего положенія, я поднялъ вверхъ руку и разрядилъ въ воздухъ револьверъ... и бросилъ его околоточному.

Тогда окружили меня солдаты. Я стоялъ въ нишѣ каменнаго дома.

Когда меня усаживали на извозчика, нѣсколько человѣкъ толкнули меня въ спину и въ шею, но околоточный и солдаты отогнали патріотовъ, и меня доставили на извозчикѣ въ участокъ, а оттуда въ тюрьму.

Я здѣсь также никакихъ показаній не давалъ и не называлъ себя.

Въ Ростовѣ-на-Дону тюрьма свободная. Зданіе — въ 3 этажа, нижній на половину подвальный. Всѣ одиночныя камеры сосре-

доточены въ двухъ крыльяхъ огромнаго зданія по 18 камеръ въ каждомъ крылѣ (по 6 въ каждомъ этажѣ).

Мы свободно разговаривали, крича въ двери и въ окна, а гулять выводили подъ наши же окна, такъ что въ окна видѣли другъ друга. А насъ, политическихъ, въ зиму 1884—85 года было много. На югѣ производились аресты по дѣлу Лопатина. Въ нашей тюрьмѣ, кромѣ насъ, сидѣли Балецкій (пом. нач. ж. д. станціи), Пешенеровъ, Ранцъ (аптекарь. служ.) Чернышевъ Рафаиль, Вейнбергъ, Цейтлинъ, Наумъ Гуттерманъ, Харитоновъ, Бартенева съ женой, Ратнеръ (сестра Бартенева) и Марковичъ. Жили мы дружно, а если ссорились, то не на долго. Меня всѣ звали «неизвѣстнымъ», хотя черезъ мѣсяца полтора меня уличили по карточкѣ, присланной изъ Харькова. Смотритель не преслѣдовалъ разговоровъ. Марковичъ, сынъ писательницы Марко-Вовчокъ, задалъ даже концерты, пѣлъ изъ оперъ большія аріи, читалъ стихотворенія чужія и собственные.

Въ Ростовской тюрьмѣ я просидѣлъ годъ; въ ноябрѣ привезли въ Одессу. Конвоировалъ меня помощникъ пристава Цвѣтковъ (повышенный по службѣ изъ околоточныхъ за распорядительность при моемъ арестѣ), одинъ околоточный, который все время покировалъ г. помощника пристава, обращаясь къ нему по-товарищески на «ты», и двое городскихъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ меня привезли въ Одессу, меня повезли въ военно-окружный судъ и тутъ хотѣли вручить мнѣ обвинительный актъ. Я отказался.

— Почему?—спросилъ меня генераль Ушаковъ.

— Потому что хочу быть послѣдовательнымъ: разъ я обвиняюсь въ государственномъ преступленіи, то я не могу согласиться, чтобы слуги этого правительства были судьями въ моемъ спорѣ съ этимъ правительствомъ. Поэтому я не давалъ никакихъ показаній и не хочу принимать обвинительнаго акта, чтобы ничѣмъ не признавать за правительственными чиновниками права судить меня.

— Ну такъ подпишитесь, что отказываетесь принять обвинительный актъ,—сказалъ генераль.

Я, ничто же сумняшеся, подписалъ и въ первый разъ со времени послѣдняго ареста подписался своей фамиліей—«Манучаровъ». Совсѣмъ забылся. Годъ не называлъ себя, а передъ судомъ назвался. Конечно, это ничего новаго не внесло въ дѣло, такъ какъ личность моя вполнѣ была установлена пріѣзжавшими еще въ Ростовъ изъ Харьковской тюрьмы стражниками.

19 декабря 1885 года состоялся судъ ¹⁾. Предсѣдательствовалъ

¹⁾ (Остальные, арестованные одновременно съ Манучаровымъ, приговорены были административнымъ порядкомъ: Богданъ Марковичъ—на 3 года подъ надзоръ полиціи въ Новомосковскъ, а студентъ Харитоновъ на 3 года надзора, кажется, въ Новочеркасскъ.

генералъ-майоръ Ушаковъ, обвинялъ полковникъ Рыльке. Судей, кромѣ председателя было четыре, фамилій не знаю.

— Подсудимый,—началъ генералъ Ушаковъ,—назовите свою фамилію, имя, отчество, званіе.

— Я уже заявилъ, что я отказываюсь отъ дачи какихъ-либо свѣдѣній о себѣ, я не признаю вашей компетенціи.

— Но вы знаете, что васъ же будутъ судить!

— О, конечно, я это знаю... Мнѣ говорятъ, что здѣсь сидитъ мой защитникъ. Прошу освободить его, онъ мнѣ не нуженъ.

Началось чтеніе обвинительнаго акта.

Я обвинялся въ работѣ въ тайной типографіи, въ побѣгѣ изъ Харьковской тюрьмы посредствомъ взлома рѣшетки, въ вооруженномъ сопротивленіи, сопровождавшемся покушеніемъ на жизнь полицейскаго чиновника.

Никто изъ свидѣтелей не явился, а вызывалось до 15 человекъ. Судъ призналъ неявку законной и постановилъ читать ихъ показанія по мѣрѣ надобности.

Прокуроръ сказалъ рѣчи съ дрожаніемъ въ голосѣ, вспоминая событіе 1 марта 1881 г., къ которому обратился для доказательства того, что революціонная партія существуетъ, и закончилъ требованіемъ примѣненія ко мнѣ 249 ст. стараго уложенія.

Послѣ рѣчи прокурора генералъ Ушаковъ обратился ко мнѣ:

— Подсудимый! Можетъ быть, въ виду рѣчи прокурора вы воспользуетесь своимъ правомъ сказать что-нибудь въ свою защиту—вамъ угрожаетъ тяжкое наказаніе!

— Нѣтъ!—сказалъ я и отрицательно качнулъ головой.

Было тихо. Я сказалъ убѣжденнымъ внутреннимъ голосомъ. Мнѣ кажется, что за моимъ «нѣтъ» послѣдовалъ небольшой моментъ затаеннаго молчанія, и генералъ не тотчасъ объявилъ пренія сторонъ законченными.

Черезъ 1½ или 2 часа ген. Ушаковъ прочелъ: «приговаривается къ смертной казни». Листъ въ рукахъ генерала заколебался. Несмотря на то, что я ожидалъ такого приговора, что-то отхлынуло отъ головы, сжало. «Должно быть, я поблѣднѣлъ»,—подумалъ я и посмотрѣлъ направо, на стоявшихъ чиновниковъ канцеляріи, и потомъ налѣво, на караульнаго офицера. Это былъ мой землякъ—молодой офицеръ Лазаревъ. У него по щекамъ катилась слеза. Что выражало въ это время мое лицо—не знаю; я хотѣлъ смотрѣть и равнодушно и гордо...

— Пожалуйста,—сказалъ жандармскій офицеръ—и я вышелъ изъ залы суда, окруженный жандармами.

Въ тюрьмѣ меня совершенно изолировали, а на ночь посадили въ камерѣ надзирателя, чтобъ я не предупредилъ палача.

Прошелъ день, другой. Мнѣ прочли въ тюремной канцеляріи приговоръ въ окончательной формѣ. Утромъ на другой день я ждалъ на разсвѣтѣ прихода палача. Шаги часового въ тюремной оградѣ

и хлопанье имъ озябшими руками казались мнѣ сколачиваніемъ эшафота. Но наступилъ разсвѣтъ, утро, день... меня никуда не повели. У меня было хорошее настроеніе. Я думалъ: казнятъ—хорошо; не казнятъ—я останусь жить, меня повезутъ туда, гдѣ столько благородныхъ людей будутъ моими товарищами. И я былъ спокоенъ.

Гадая, я больше думалъ, что не казнятъ, а когда наступили и прошли праздники Рождества, то я почти увѣрился, что меня не казнятъ. Но только 8 января объявили мнѣ, что казнь замѣнена каторгою на 10 лѣтъ... Я былъ возмущенъ и помощнику начальника тюрьмы, который объявилъ мнѣ это, я выразилъ протестъ, призывая его въ свидѣтели, что ничѣмъ не далъ повода для такого рѣдкаго въ судебной исторіи «смягченія» приговора. Меня очень забеспокоила мысль, не будутъ ли друзья и враги объяснять это какимъ-нибудь выраженіемъ моего раскаянія. Я чѣмъ-нибудь хотѣлъ предотвратить такія предположенія, но ничего не придумалъ.

На другой день меня вызвали къ фотографу, который расположился тутъ же, на тюремномъ дворѣ, снять меня. Когда я увидѣлъ, для чего меня вызвали, то я заявилъ, что карточки съ себя снять я не дамъ. Пожало начальство плечами: «Почему?»—«Какъ почему, вѣдь вы снимаете карточку, чтобы, въ случаѣ моего побѣга, могли меня поймать и уличить, такъ съ какой же стати я добровольно буду давать вамъ это средство противъ себя?»

Говорилъ я это, конечно, принципиально, потому что по карточкѣ рѣдко кого разыщутъ. Со мной лично былъ случай, когда предо мной жандармъ стоялъ съ моей карточкой и не узналъ меня. Это было по дорогѣ изъ Харькова на Донъ послѣ побѣга изъ тюрьмы. Только что отъѣхалъ поѣздъ отъ станціи, какъ вошли въ вагонъ жандармы и штатскіе шпіоны. Въ рукахъ одного изъ нихъ была карточка. Онъ остановился въ проходѣ и сравнивалъ пассажировъ съ моей карточкой. Правда, на карточкѣ я былъ съ бородой, а теперь сидѣлъ въ вагонѣ подстриженный и подбритый съ одними усами съ картузомъ на головѣ, котораго я никогда раньше не носилъ, но все же онъ меня не узналъ. Изъ Харькова проважалъ меня извѣстный впослѣдствіи по процессу Лопатина предатель Елько. Онъ говорилъ мнѣ, что, когда жандармъ остановился передо мной, я поблѣднѣлъ, какъ смерть. Вѣрно, я сильно волновался и крѣпко сжалъ въ рукахъ револьверъ, полагая, что сейчасъ начнется бой. Я съ Елько расположились у входа такъ, чтобы въ случаѣ ареста попытаться выйти изъ вагона. И несмотря на мою смертельную блѣдность меня все же не узнали.

Тѣмъ не менѣе, въ Одессѣ я всетаки не хотѣлъ дать снять съ себя карточку. Сдѣлалъ я это въ Харьковѣ, какъ только меня арестовали въ первый разъ, и теперь повторять этой глупости не хотѣлъ.

Вечеромъ смотритель Одесской тюрьмы передалъ мнѣ, что

градоначальникъ велѣлъ приготовить розги и, если я снова откажусь дать снять съ себя карточку, то я буду тѣлесно наказанъ.

— Найдутся люди, которые отомстятъ ему за это. Пусть вспомнить Трепова и Вѣру Засуличъ!—сказалъ я.

Меня не наказали, а безъ карточки на другой день, закованнаго и съ головой, наполовину обритой (несмотря на протестъ и сопротивленіе), подъ конвоемъ четырехъ жандармовъ отправили въ Шлиссельбургъ.

И. Манучаровъ.

Благовѣщенскъ на Амурѣ
25 апрѣля 1906 г.

Въ Шлиссельбургской крѣпости ¹⁾).

Начало общенія и зародышъ промышленной дѣятельности.

„Все течеть, все измѣняется“ (Гераклитъ).

I.

Наслаждаться огородомъ мнѣ приходилось большею частью одному. Лукашевича водили въ тотъ же самый огородъ, но по какимъ-то соображеніямъ не одновременно со мной. Точно они считали ужъ слишкомъ большимъ и потому недопустимымъ благомъ соединять вмѣстѣ удовольствіе свиданія съ удовольствіемъ быть среди зелени. А можетъ быть, здѣсь просто сказывались тѣ практическія затрудненія, которыя создала для себя администрація, поставивши своей задачей пускать 28 человѣкъ въ 12 клѣтокъ и соблюдать при этомъ строжайшія правила изоляціи. А сдѣлать это было весьма не легко. Нужно было принять во вниманіе дарованныя льготы каждаго изъ 28 человѣкъ и осуществить ихъ, не нарушая ничьихъ другихъ. Большинство гуляло только одну смѣну (отъ 8 до 10 или отъ 10 до 12 ч.), либо первую, либо вторую, а нѣкоторые по двѣ (по назначенію врача). Затѣмъ, многіе гуляли попарно, либо на пескахъ, либо на огородахъ. Чтобы привести на вторую смѣну кого-либо изъ сидящихъ дома, Соколовъ долженъ былъ сначала освободить мѣсто, т. е. увести въ камеру одного или двоихъ (конечно поодиночкѣ, хотя бы гуляли они вмѣстѣ), либо изъ огорода, либо изъ клѣтки, смотря по тому, куда предлежитъ отправить того, кого онъ выведетъ. Самъ Соколовъ, съ присущимъ ему терпѣніемъ и усердіемъ, управлялся безъ затрудненій съ этой задачей, ежедневно мѣнявшейся, потому что, кто сегодня гулялъ въ парѣ, завтра будетъ одинъ, и обратно, и столкновеній «поѣздовъ», насколько помню, при немъ не происходило. Послѣ же него, особенно когда «разводъ съ церемоніей» перешелъ въ руки вахмистра, и когда почти всѣ стали гулять въ парѣ, дѣло пошло не такъ гладко. Помню, какъ отъ его недосмотра со мной произошло однажды «событіе», должно быть, ужъ не первое въ нашей тюрьмѣ. Меня пу-

¹⁾ См. „Былое“, кн. 4 и 6.

стили на 2-ю смѣну въ 4-ю клѣтку, въ увѣренности, что она пустая, такъ какъ одного только что увели оттуда. Между тѣмъ тамъ гуляли двое: Шебалинъ и Похитоновъ, и про послѣдняго забыли. Конечно, мы очень обрадовались другъ другу, отрекомендовались, обнялись, и не успѣли обмѣняться нѣсколькими словами, какъ ошибка была замѣчена, и насъ разъединили. Годъ черезъ четыре со мной повторилось такое же «событіе», но еще болѣе важное, причемъ аналогичная встрѣча произошла съ Вѣрой Николаевной, что для жандармовъ казалось тогда равносильнымъ скандалу. О всякомъ такомъ «событіи» у нихъ дѣлались доклады по начальству и, чего добраго, писались какія-нибудь бумаги. До самыхъ послѣднихъ дней вахмистръ велъ какія-то записки въ особой конторской книгѣ,—должно быть это былъ нашъ «кондуитъ», и, если онъ сохранится, будущій историкъ найдетъ въ немъ неисчерпаемый родникъ бюрократической мелочности и глупости ¹⁾.

Эти затрудненія при размѣщеніи насъ на дворѣ долгое время были, можетъ быть, однимъ изъ главныхъ препятствій мѣнять чаще товарищей для свиданій. А между тѣмъ, для лицъ, сидѣвшихъ уже давно, свѣжесть и разнообразіе впечатлѣній, даваемыхъ знакомствомъ съ новымъ человѣкомъ, были единственнымъ жизненнымъ явленіемъ, нарушавшимъ монотонное и унылое прозябаніе. Я помню, какъ въ самый, можно сказать, медовый мѣсяцъ нашихъ свиданій съ Лукашевичемъ, мы услышали, что наши сосѣди по клѣткѣ (кажется, Шебалинъ и Похитоновъ) проводили свои часы за чтеніемъ книги. Въ нашей наивности намъ казалось тогда чистѣйшимъ святотатствомъ посвящать чтенію, доступному и въ камерѣ, немногіе часы, единственно доступные для разговора. Мы еще не подозрѣвали тогда, что современемъ всѣ къ тому придемъ. Про душевное настроеніе другъ друга, въ общемъ, знали всегда по стуку и при полной изоляціи, и, если съ кѣмъ-нибудь начинались приступы меланхоліи, спѣшили устроить ему новую пару для свиданій, облегчая тѣмъ и здороваго товарища отъ тяжелой необходимости быть въ постоянномъ и исключительномъ общеніи съ мрачно настроеннымъ человѣкомъ. Для перваго, кажется, Щедрина, мы добились разрѣшенія, въ виду его явной ненормальности, мѣнять ему товарища какъ можно чаще. Сама администрація, въ интересы коей не входило превратить поскорѣе наше Эльдорадо въ сумасшедшій домъ, сравнительно легко уступала здѣсь нашимъ притязаніямъ.

Не такъ легко она уступала въ нашихъ притязаніяхъ удлинить прогулку до двухъ смѣнъ для всѣхъ безъ различія. А какимъ это казалось тогда наслажденіемъ, особенно въ лѣтнее время!

¹⁾ По выходѣ на свободу, мнѣ часто приходилось слышать самые удивительные и неожиданные вопросы о нашей жизни. Между прочимъ, одинъ благонамѣренный гражданинъ спрашивалъ: „А правда ли, что Александръ III приказалъ вамъ вести дневники и самолично ихъ перечитывалъ?“ Не относился ли этотъ наивный вопросъ, заключавшій въ себѣ какой-то отголосокъ изъ департаментскихъ сферъ, къ тому кондуиту, который такъ заботливо велъ нашъ вахмистръ?

Однажды Классикъ, въ награду за возвращеніе иголки (объ этомъ послѣ), пускалъ насъ съ Лукашевичемъ ежедневно въ теченіе цѣлой недѣли. Я отлично помню, какое удовольствіе доставляла тогда намъ обоимъ эта прогулка въ теченіе 4 часовъ подъ рядъ. Она не только не утомляла и не надоѣдала, но влекла къ себѣ все больше и больше, согласно извѣстной французской пословицѣ: «L'appétit vient en mangeant» (аппетитъ является во время ѣды). Казалось, гулять бы такимъ образомъ цѣлый день, и никогда бы не насытился. Радость, доставляемая свѣжимъ воздухомъ и солнечными лучами, обыкновенно не ощущается, или ощущается въ весьма слабой степени, и едва ли кто, не испытавши ее въ условіяхъ, подобныхъ нашимъ, можетъ хорошо понять, тѣ пріятныя волненія, которыя возникаютъ при видѣ такихъ ординарныхъ вещей, какъ облако, или голубое небо. Конечно, это—въ минуты большей или меньшей уравниженности. Но гулять всѣмъ по 2 смѣны на первыхъ порахъ было невозможно ужъ потому, что число жителей тогда было болѣе, чѣмъ вдвое противъ назначенныхъ для нихъ территорій. А когда умерли Арончикъ, Богдановичъ, Грачевскій, Варынский, и были построены два новыхъ огорода (7-й и 8-й), рѣшеніе вопроса объ удлиненіи прогулки облегчилось.

Облегчить же «спариваніе», и вообще всю эту сложную махинацію распредѣленія людей по клѣткамъ, помогъ жандармамъ Оржихъ уже тогда, когда въ ходу были наши мастерскія, и намъ, въ интересахъ труда, требовались болѣе частыя свиданія другъ съ другомъ. Онъ началъ самъ составлять «нарядъ» на прогулку (какъ выражались унтера) и предложилъ имъ подавать его ежедневно. Въ «нарядѣ» этомъ указывалось, кто, гдѣ, въ какую смѣну и съ кѣмъ будетъ гулять. Это было очень соблазнительно, особенно для безтолковой Феклы¹⁾, и ему оставалось только использовать даровую помощь и исполнять ежедневно готовое расписание. Вначалѣ оно не пугало новшествами, представляя собой только то, что уже установилось обычаемъ. А потомъ всякая перемѣна въ свиданіяхъ стала осуществляться, такъ сказать, явочнымъ порядкомъ. Въмѣсто того, чтобы звать смотрителя и торговаться съ нимъ, стоило прямо внести соотвѣтственное измѣненіе «въ нарядъ», и вахмистръ, разводившій на прогулку, механически осуществлялъ его. Это былъ первый зародышъ самоуправленія, чреватый послѣдствіями.

И чтобъ яснѣе сдѣлать для непосвященныхъ эту механику, я приведу по памяти одинъ изъ такихъ «нарядовъ», которыхъ появилось въ свѣтъ, должно быть, больше 1000 изданій.

¹⁾ Такъ звали мы смотрителя, который былъ присланъ, наконецъ, послѣ долгаго промѣжутка на мѣсто Ирода. Фамилія его—Федоровъ. Прозвище это, выражавшее всю его духовную сущность, дано было ему Г. А. Лопатинымъ, который всегда мѣтко нарекалъ имена животнымъ, появлявшимся въ огородѣ нашего «рая».

№№ кѣтокъ	1-я смѣна.	2-я смѣна.	№№ огоро- довъ.	1 я смѣна.	2-я смѣна.
1	11	25	II	13/14	13/23
2	27/18	20/22	III	26/25	26/4
3	30	30	IV	31/16	31/10
4	23/1	15	V	9/29	29/32
5	12	11/12	VI	20/17	18/9
6	4/15	1/28	VII	10/22	2/21
I	21/28	14/27	VIII	2/5	5/17

Здѣсь лица обозначены номерами, присвоенными имъ, такъ какъ, по правиламъ, жандармы имѣли дѣло только съ номерами и не должны были знать нашихъ фамилій. Чтобы сдѣлать удобочитаемой эту таблицу, я повторяю ее, замѣнивши номера соотвѣствующими имъ фамиліями.

№№ кѣтокъ	1-я смѣна.	2-я смѣна.	№№ огоро- довъ.	1-я смѣна.	2-я смѣна.
1	Вѣра Никол.	Новор.	II	В. Ивановъ. Ашенбреннеръ.	В. Ивановъ. Яновичъ.
2	Лопатинъ. Шебалинъ.	Панкратовъ. Манучаровъ.	III	Лукашевичъ. Новор.	Лукашевичъ. Морозовъ.
3	Конашевичъ.		IV	Антоновъ. Суровцевъ.	Антоновъ. Юровский.
4	Яновичъ. Тригони.	Похитоновъ.	V	Поливановъ. Стародворскій.	Стародворскій. Оржихъ.
5	Людмила Ал.	Людмила Ал. Вѣра Никол.	VI	Панкратовъ. Мартыновъ.	Шебалинъ. Поливановъ.
6	Морозовъ. Похитоновъ.	Тригони. С. Ивановъ.	VII	Юровский. Манучаровъ.	Фроленко. Лаговскій.
I	Лаговскій. С. Ивановъ.	Ашенбреннеръ. Лопатинъ.	VIII	Фроленко. Поповъ.	Поповъ. Мартыновъ.

Отсюда легко видѣть, кто и съ кѣмъ могъ видѣться по данному наряду, а также, кто гулялъ только одну смѣну. Насколько неблагоприятна такая задача ежедневно комбинировать вновь пары и группы согласно заявленнымъ желаніямъ, понять не трудно, особенно, если было лѣто, и каждаго въ интересахъ земледѣльческихъ нужно было помѣстить въ его собственный огородъ хоть на одну смѣну, хотя бы его сосѣди и замыслили какую-нибудь другую сложную комбинацію. Наконецъ, нужно помнить, что вся процедура сношеній и предварительныхъ соглашеній совершается посредствомъ стуковъ, и что часто заинтересованные лица сидятъ совершенно въ противоположныхъ углахъ корридора. Понятно поэтому, что понадобилась особая должность для осуществленія такихъ сложныхъ и необычайныхъ функцій. Къ такой щекотливой должности какъ нельзя лучше подходилъ нашъ при-снопамятный променадмейстеръ И. Л. Манучаровъ, который одинъ только и могъ осуществлять ее безъ раздраженій, благодаря своей удивительной незлобivosti, услужливости и всегдашней внимательности, почему и пришлось ему не одинъ годъ нести на себѣ это нелегкое бремя, кажется, вплоть до своего отъѣзда.

Вся эта египетская работа держалась цѣлые годы благодаря одному нелѣпому условію: каждый обязанъ былъ пробыть въ теченіе цѣлой смѣны тамъ, куда онъ записанъ. Едва это обязательство было сброшено и добыто право передвиженія (хоть и крайне ограниченного), я могъ спокойно идти гулять безъ всякихъ предварительныхъ «предначертаній». Выходя на дворъ, я просто спрашивалъ дежурнаго, гдѣ гуляетъ такой-то, шелъ къ нему и оставался тамъ столько времени, сколько хотѣлъ, отъ него къ другому, къ 3-му и т. д. Въ теченіе 4 часовъ я могъ обойти хоть всѣхъ поголовно, какъ это и дѣлалъ потомъ староста, голосуя какой-нибудь вопросъ, или предлагая свѣжепривозные фрукты и свѣди. Если лицо, которое мнѣ было нужно, было занято съ кѣмъ-нибудь, мы тутъ же у открытой двери условливались, когда оно будетъ свободно, и гдѣ лучше свидѣться. А то просто узнавалъ у дежурнаго, гдѣ есть свободное мѣсто, шелъ туда и просилъ его привести ко мнѣ такого-то, а рядомъ, если нужно, такихъ-то. Правда, много нужно было расхлебать горя, чтобъ добиться такихъ простыхъ вещей и разрушить прежніе порядки до основанія.

II.

Первое лѣто мы съ Лукашевичемъ провели въ готовомъ огородѣ, который былъ засѣянъ не нами, и были въ немъ только простыми зрителями. На слѣдующую весну, какъ только оттаяла почва, намъ предложили занять III огородъ, не весь, конечно, а только половину. Другая половина предназначалась другой парѣ. Вся же поверхность [этого огорода (съ дорожками и пр.)] заключала въ себѣ, кажется, около 140 кв. арш. Мы расположились въ немъ, черезъ 2 года (съ расширеніемъ огородной площади)

заняли его весь и просидѣли въ немъ почти 17 лѣтъ. Только въ послѣдніе годы я эмигрировалъ въ V огородъ, оставивши въ III-мъ за собой только небольшой участокъ. Почти всѣ остальные товарищи многократно мѣняли мѣста и, переходя изъ огорода въ огородъ, переносили съ собой и свои многолѣтнія насажденія. Благодаря такому хозяйничанью нѣкоторые кустарники стали у насъ настоящимъ движимымъ имуществомъ и такъ же легко мѣняли мѣсто своего жительства, какъ и ихъ владѣльцы. Въ 1904 году я водворилъ на 5-ое мѣсто тотъ же самый кустъ крупнаго крыжовника, который я получилъ въ наследство послѣ Шедрина, увезеннаго въ лѣчебницу въ 1896 году. Вслѣдствіе этого фizioномія того или другого огорода мѣнялась многократно, въ зависимости отъ вкусовъ владѣльцевъ, которые у одного и того же лица мѣнялись тоже часто. Нынѣшній огородъ превращался на будущій годъ въ земляничную плантацію, на слѣдующій—въ табачную, далѣе весь онъ засаживался цвѣтами, или пускался подъ малину. То появлялся въ немъ парникъ, то насыпныя оригинальныя клумбы, обдѣланныя камнемъ, досками, колышками, или дерномъ; то все это исчезало точно по манію волшебника, и глазъ случайнаго посѣтителя, давно тамъ не бывавшаго, находилъ опять гладкую равнину и какую-нибудь прозаическую культуру, а то и просто лужайку, разведенную человѣкомъ, стосковавшимся по роднымъ полямъ.

Прекрасно помню я нашъ первый огородный дебютъ. Прежде всего при работѣ оказалось, что я безъ очковъ даже копать землю не могу, и мнѣ первому удалось получить отъ доктора какой-то старенькій и плохенькій экземпляръ очковъ. Затѣмъ, лопату, конечно, дали деревянную, ту самую, которая служила для песочныхъ пересыпаній, и которой пользовался зимою для разгребанія снѣга. Но слѣдовъ желѣза на ней не было, и потому «земледѣльческимъ орудіемъ» она служить никоимъ образомъ не могла. Сразу мы отодвинуты были дальше каменнаго вѣка—къ тому времени, когда первобытный человѣкъ ковырялъ землю первымъ попавшимся сукомъ дерева. Ужъ коли начинать культуру, такъ начинать съ начала! За этимъ послѣдовало не менѣе оригинальное продолженіе, зависѣвшее, правда, исключительно отъ насъ самихъ. Мы съ Лукашевичемъ, какъ истые интеллигенты, неопытные въ трудѣ, предварительно взвѣшивали и обсуждали каждый шагъ до мелочей. И вотъ, по зрѣломъ размысленіи, мы опредѣлили примѣрный, и даже максимальный, діаметръ брюквы, и сообразивши, что ничто не мѣшаетъ корнямъ сидѣть вплотную другъ къ другу, мы по этому расчету намѣтили гнѣздо, гдѣ посадить разсаду. И конечно, посадили ее такъ часто, что ничего не получили. Думая все время о корняхъ брюквы, мы забыли о ея листьяхъ, которые требуютъ для своего развитія надлежащаго простора и безъ развитія которыхъ не растетъ и корень. Другіе, не менѣе насъ опытные огородники, сажали напр., лукъ рѣпчатый не иначе, какъ «вверхъ тормашками», и потомъ крайне удивлялись, видя, какъ изъ того

мѣста, гдѣ бы должна появиться луковая зелень, на самомъ дѣлѣ лѣзутъ корни! Впослѣдствіи, сдѣлавшись знаменитыми огородниками, мы стали тщательно замалчивать свои не менѣе знаменитые первые шаги. И только вотъ теперь, въ интересахъ истины, приходится извлекать ихъ изъ старой памяти.

Сѣмена огородныхъ растений вначалѣ выдавались жандармами; давалась также и расада капусты и брюквы. Цвѣты же привозились изъ Петербурга въ горшкахъ въ молодомъ возрастѣ уже въ срединѣ юня. Потомъ, когда мы помаленьку стали забирать все хозяйство въ свои руки, мы сами стали выписывать и сѣмена, и луковицы, и клубни, и готовые растенія. Если не ошибаюсь, В. Г. Ивановъ первый выхлопоталъ разрѣшеніе купить осенью нѣсколько луковицъ въ счетъ суммъ, отпускавшихся на наши ремесленные и огородныя нужды и еще не находившихся въ нашемъ распоряженіи; и Лукашевичъ, бывшій здѣсь истиннымъ инициаторомъ, произвелъ не малую сенсацію, когда неожиданно выгналъ гіацинтъ зимой и напустилъ неслыханныхъ у насъ ароматовъ чуть не на весь корридоръ. Впослѣдствіи, дѣло это широко развилось, и у насъ за всѣ годы перебивало множество самыхъ разнообразныхъ садовыхъ и огородныхъ растений, поставщикомъ которыхъ былъ главнымъ образомъ Лукашевичъ, какъ ботаникъ и знатокъ флоры, затѣмъ В. и С. Ивановы, Оржихъ и Похитоновъ. У меня сейчасъ подъ руками «Каталогъ Грачева сѣмянъ, растений» и т. п. Я насчиталъ въ немъ болѣе 175 родовъ (не считая видовъ) садовыхъ растений, которые разводились нами въ разное время. Такъ какъ мы выписывали еще главнымъ образомъ отъ Иммера (изъ Москвы), иногда—Регеля, Фрика и Запѣвалова, то я не погрѣшу, увеличивши общее число садовыхъ растений до 200 родовъ. Изъ огородныхъ растений я дѣлалъ гербаріи для Подвижнаго Музея, и въ нихъ помѣщалъ болѣе 50 видовъ. Теперь цвѣты мы могли имѣть уже круглый годъ. Грунтовые цвѣли почти непрерывно, начиная съ первыхъ чиселъ апрѣля, а комнатные и особенно луковичные можно было выгонять всегда по желанію. Когда развелось много ландышей изъ нѣсколькихъ купленныхъ кустиковъ, я каждый годъ (лѣтъ 9 подъ рядъ) выгонялъ нѣсколько горшковъ съ ними къ Рождеству и къ Новому году, и даже, уѣзжая 28 октября 1905 г., поручилъ М. М. Мельникову нѣсколько заготовленныхъ экземпляровъ, чтобы онъ выгналъ ихъ зимой согласно данному рецепту.

Выписывая сѣмена, Лукашевичъ съ самаго начала сталъ обозначать ихъ латинскими названіями. Чуть ли не въ первый годъ онъ, по желанію курильщиковъ, записалъ *Nicotiana Tabacum*, и сѣмена, по невѣдѣнію администраціи, были спокойно переданы въ наши руки, затѣмъ выращены въ парникахъ, расада высажена на грядку, а когда къ осени развились настоящіе листья, они были собраны, заморены и высушены. Все это было продѣлано на глазахъ жандармовъ, ничего не подозрѣвавшихъ до тѣхъ поръ, пока всюду не запахло табачнымъ дымомъ. Эта земледѣль-

ческая операція помогла доктору Безродному добиться разрѣшенія въ департаментѣ покупать табакъ на казенный счетъ.

Не менѣе оригинальнымъ способомъ (точь въ точь—изъ Робинзона) получилась у насъ плантація полевой земляники. Лукашевичъ, просматривая какъ-то «Русскую Старину», присланную изъ департамента, замѣтилъ внутри книги одно сѣмячко, которое онъ легко призналъ за сѣмя земляники. Онъ посѣялъ его на пробу и получилъ всходъ, а затѣмъ кустикъ. Отъ него на второй же годъ на жирной почвѣ пошли уже цѣлыя заросли, которыя я разсадилъ въ тѣнистое мѣсто и съ тѣхъ поръ ежегодно держалъ цѣлую грядку. Она плодоносила все лѣто, иногда до сентября.

III.

Но самые интенсивные сельско-хозяйственные успѣхи ожидали насъ въ будущемъ, когда мы постепенно перешли къ парниковой культурѣ. Попытки устроить парникъ начались вскорѣ послѣ того, какъ открылись мастерскія, и мы приобрѣли ремесленные навыки. Первый, съ позволенія сказать, парникъ, устроили мы съ Лукашевичемъ. Я сколотилъ изъ досокъ, которыя я самъ же вытесалъ изъ плахъ, ящикъ въ $\frac{3}{4}$ арш. шириной и около $1\frac{3}{4}$ арш. длиной. Этотъ ящикъ (безъ дна) мы поставили прямо на мелкую ямку, наполненную коровьимъ навозомъ, такъ какъ горячаго конскаго тогда не было, а затѣмъ накрыли этотъ ящикъ промасленной бумагой. Стеколъ у насъ еще не было, и мы вообще старались обходиться тѣми матеріалами, которые были подъ рукой. Въ этомъ парникѣ, кромѣ разной рассады, мы получили десятка 3 редисокъ къ 9 мая и считали, что мы сильно ускорили естественный ходъ роста! На другое лѣто смотритель обѣщалъ дать намъ готовую раму, которую онъ вынулъ гдѣ-то изъ башни, чуть ли не той самой, гдѣ сидѣла когда-то царица Евдокія Лопухина. Рама эта была въ формѣ трапеціи и имѣла весьма древній видъ. Точно такую же другую раму онъ далъ Похитонову. Соответственно такой необыкновенной формѣ рамы мы сдѣлали въ III огородѣ яму со срубомъ такого же фазона, и этотъ парникъ просуществовалъ, должно быть, лѣтъ 12. На третій годъ появилось уже нѣсколько парниковъ съ самодѣльными рамами.

Теперь за это дѣло въ серьезъ взялся М. Р. Поповъ, въ рукахъ котораго оно расцвѣло вполне. Главное наше горе съ этой культурой состояло въ недостаткѣ солнца. Въ III огородѣ на парникъ солнце заглядывало только въ 9 часовъ, а въ 2 часа уже уходило оттуда. Во всѣхъ другихъ огородахъ дѣло было не лучше. Поповъ облюбовалъ себѣ мѣсто на старомъ дворѣ, возлѣ «сарая», гдѣ солнце свѣтило чуть не вдвое дольше и, поторговавшись, какъ водится, съ администраціей, заложилъ сначала тамъ небольшую яму. Это было скромное начало, за которымъ послѣдовало блестящее развитіе. Въ 1904 году, когда насъ по-

гнали съ того двора и заставили переносить всѣ парники опять къ себѣ въ огородъ, я насчиталъ тамъ ровно 52 парниковыхъ рамы разной величины. Частью это было наслѣдство отъ уѣхавшихъ. Но строительныя работы въ этой области никогда не прекращались, и каждый годъ появлялись новыя рамы и новыя срубы. Въ это время большая часть первыхъ рамъ уже отслуживала свой вѣкъ, и мы замѣнили ихъ новыми, сдѣланными болѣе прочно, какъ разъ для того, чтобы бросить ихъ тамъ навсегда. Навѣрное, этимъ наслѣдствомъ, безъ нашего дозволенія и завѣщанія, воспользовался кто-нибудь изъ близкихъ къ жандармскому міру. Стекла сначала рѣзали намъ жандармы и солдаты, а затѣмъ мы купили свой алмазъ, и я скоро обучился дѣйствовать имъ.

Въ парникахъ всякій насаждалъ то, что ему нравилось, кто руководясь только личными вкусами, а кто, войдя въ соглашеніе съ другими, съ цѣлью поставлять товаръ на цѣлую компанію. Больше всего тутъ трудился тотъ же М. Р. Поповъ, за что Поливановъ и острилъ надъ нимъ, что онъ приговоренъ къ «каторжнымъ работамъ въ парникахъ безъ сроку». Онъ же, вмѣстѣ съ С. Ивановымъ, не разъ побивалъ рекордъ, доставляя на какое-нибудь наше празднество дыню либо арбузъ собственнаго издѣлія. Но самой распространенной культурой, насаждаемой всѣми безъ исключенія, были, конечно, огурцы, которые въ хорошее лѣто появлялись въ количествѣ, превосходящемъ потребность въ нихъ. Въ послѣднее напр. лѣто ихъ было такъ много, что мы съ ранней весны и въ теченіе всего лѣта сдавали ихъ своей администраціи «на книжку», а потомъ осенью получали отъ нея соотвѣтствующій эквивалентъ огурцами же (для солки) или фруктами. Послѣ такихъ успѣховъ, какихъ мы достигли съ парниками, долженъ казаться дѣтской забавой мой первый ящикъ съ промасленной бумагой, въ которомъ редисъ могъ вырасти только къ 9 мая. Теперь мы старались на спортъ и получали его иногда къ 1 апрѣля, а первые огурцы къ 1 мая. Въ послѣдній годъ П. Л. Антоновъ заложилъ свой парникъ уже въ началѣ февраля и имѣлъ зелень въ мартѣ. Для парниковъ специально покупался конскій навозъ, который привозили изъ города рано, иногда въ январѣ, пока ледъ на рѣкѣ былъ надеженъ. А всего требовалось намъ, въ эпоху расцвѣта, воевъ до 60-ти, и взимали за нихъ по 50—60 коп. за маленькій возъ.

IV.

Первый опытъ расширенія земледѣльческой площади былъ сдѣланъ очень рано и состоялъ въ захватѣ «песковъ» подъ культуру. Форменные «пески» существовали при мнѣ, должно быть, только одно лѣто, т. е. только при Иродѣ. Еще годъ или два они сохраняли прежній пустынный видъ, но трава уже не искоренялась, и кое-гдѣ свободно пробивались сквозь толщу песка

кустики зелени. Само собой являлось желаніе превратить эти пустоши въ культурную площадь. Но какъ ни естественно и ни похвально это желаніе, оно встрѣтило со стороны начальства полное неодобреніе, и только послѣ неоднократныхъ настояній разрѣшено было сдѣлать и въ клѣткахъ по узенькой грядкѣ, и то исключительно вдоль заборовъ. И у меня осталось въ памяти, точно «событіе» особой важности, какъ мы съ Лукашевичемъ впервые вонзили лопаты (уже желѣзныя!) въ песчаную грудь своего стойла, и затѣмъ совершенно негодный каменистый грунтъ превратили въ сносную культурную почву. Кончилось, конечно, тѣмъ, чѣмъ и должно было кончиться: торжествомъ разума надъ недѣльностью. «Пески» были засажены вплотную, и такъ какъ солнца въ нихъ было очень мало, то сюда помѣщали больше кустарники и деревья (сирень, рябина, черемуха, смородина, малина, яблоня), верхушки которыхъ достигали желаннаго свѣта.

Должно быть, въ концѣ концовъ изъ нашихъ стойлъ получились уголки, не лишенные привлекательности, особенно, если взглянуть на нихъ, конечно, лѣтомъ, издали и сверху. Но эти уголки до такой степени опротивѣли намъ своей безысходностью и повторяемостью, что мы совсѣмъ не замѣчали созданной нами поэтической прелести. Жандармы не переставали вносить въ наши насажденія свое специально жандармское содѣйствіе. Такъ, если тотъ или другой кустъ имъ почему-либо не нравился (можетъ быть, давалъ слишкомъ густую зелень, непроницаемую для ихъ глазъ), они тайно въ наше отсутствіе подливали подъ корень кипятку, и черезъ нѣсколько дней хозяинъ, лелѣвшій свой кустарникъ, и, можетъ быть, единственный въ своемъ родѣ ботаническій видъ, замѣчалъ, что его насажденіе быстро и безъ всякой причины засыхаетъ. Изслѣдованіе почвы обнаруживало, что близъ корней она была истыкана ломомъ и въ сдѣланныя такимъ образомъ ямки наливался кипятокъ изъ чайника. Такой «культуркампфъ» особенно практиковался при полковникѣ Яковлевѣ и, по всей вѣроятности, былъ продуктомъ его изобрѣтательнаго ума.

V.

Не мало труда потрачено было нами на то, чтобы всѣ свои мѣста для прогулокъ превратить въ удобный для этой цѣли видъ. Въ позднѣйшей инструкціи было сказано, что «заключенные гуляютъ въ особо для сего назначенныхъ дворикахъ». А были ли эти дворики защищены отъ дождя, снѣга, слякоти, наводненія и грязи, объ этомъ въ инструкціи не говорилось, а на практикѣ игнорировалось.

Теперь я совсѣмъ не представляю себѣ, какъ мы гуляли въ первые годы во время дождя и слякоти безъ малѣйшаго прикрытія. Помню, какъ въ III огородѣ мы съ Лукашевичемъ устроили «бесѣдку» изъ хмѣля, который надъ головой образовалъ густое сплетеніе, не пропускавшее свѣта. Временно онъ защищалъ и отъ

дождя, но скоро съ такой крыши начинало течъ за шею. Со-
временемъ, научившись мастерству, мы понадѣлали себѣ досча-
тыхъ навѣсовъ по всѣмъ клѣткамъ и огородамъ. И много было
потрачено остроумія, творческихъ силъ, художественныхъ способ-
ностей, труда и усердія на созиданіе этихъ навѣсовъ! Здѣсь,
какъ и всюду, насъ учила практика, скоро показавшая намъ,
что наши первые навѣсы были съ большой «протекціей», осо-
бенно послѣ лѣтнихъ жаровъ, отъ которыхъ коробились и трес-
кались тонкія доски. А потому мы стали крыть ихъ потомъ же-
лѣзомъ, либо толемъ. Не мало и я лично соорудилъ такихъ на-
вѣсовъ. Помню, я имѣлъ удовольствіе сдѣлать такое же убѣжище
для Вѣры Николаевны въ углу въ 1-ой клѣткѣ, съ точеными
колонками и клѣтчатой рѣшеткой, которая лѣтомъ вся обростала
хмѣлемъ, и имѣлъ же удовольствіе пережить потомъ это соору-
женіе, которое было разрушено временемъ и гниlostными бакте-
ріями. Въ послѣдніе годы, когда насъ было почти столько же,
сколько и клѣтокъ, каждый имѣлъ для себя особое убѣжище,
гдѣ онъ по желанію могъ уединиться, и гдѣ онъ пристраивалъ
по своему вкусу столикъ, пиканикъ, полки, скамью или кресло и
прочія принадлежности, требуемыя преобладающимъ родомъ его
занятій.

Устроивши первымъ долгомъ мѣста для сидѣнья, устроили
потомъ и дороги для ходьбы. При постоянныхъ перекопкахъ во
всѣхъ своихъ владѣніяхъ, особенно на старомъ дворѣ, гдѣ ры-
лись ямы для парниковъ, у насъ накоплялось много известко-
выхъ плитъ разной величины, формы и толщины. Такъ какъ
стѣны крѣпости сложены изъ этого плитняка, то на землѣ, оче-
видно, валялись остатки матеріаловъ, не пошедшихъ въ свое
время въ дѣло. Отчего бы не употребить этотъ матеріалъ, данный
природой, въ качествѣ мостильнаго? И вотъ начинается возка
плитъ на тачкѣ и носка ихъ на носилкахъ, а затѣмъ изученіе
мостильнаго дѣла прямо на практикѣ. На это способенъ былъ вся-
кій, хотя ворочать тяжелыя плиты было не всякому подъ силу.
Задача состояла въ томъ, чтобы плиты неравной толщины уло-
жить въ одной плоскости, и плиты произвольной формы подо-
братъ такъ, чтобы онѣ легли вплотную другъ къ другу. Затѣмъ
нужно было устроить потребный скатъ для дождевыхъ и весен-
нихъ водъ. А такъ какъ огороды и клѣтки мѣняли хозяевъ, и
у cadaго хозяина появлялись новые планы и новое размѣщеніе
насажденій, то мостовыя наши такъ же передвигались съ мѣста на
мѣсто, какъ и цѣлыя кустарники. Справедливость, впрочемъ,
требуетъ сказать, что, несмотря на наше стараніе, въ осеннюю
непогоду не легко было найти дорожку, гдѣ бы можно было ходить
по суху, ибо наши самодѣльные тротуары отнюдь не были похожи
на тѣ, которыми гордится Невскій проспектъ, хотя и очень близко
напоминали тѣ, какіе преобладаютъ напр. въ городѣ Уфѣ.

Послѣ всего сказаннаго для всякаго будетъ очевидно безъ
поясненій, что у насъ на дворѣ шла непрерывная строительная

и реформаторская дѣятельность: къ ней большинство стремилось инстинктивно, какъ къ единственному спасительному средству, поддерживавшему въ насъ физическую бодрость.

VI.

Я уже говорилъ ранѣе, какъ сильно было на первыхъ порахъ стремленіе къ свѣжему воздуху и желаніе удлинить прогулку какъ можно долѣе. И когда всѣ стали гулять по двѣ смѣны (8—12 ч.), т. е. все время до обѣда, этого казалось еще мало, и потому не разъ поднимался вопросъ, какъ бы устроить прогулку и послѣ обѣда. Я помню только, какъ я получилъ отъ полковника рѣшительный отказъ на такую просьбу. Онъ завѣрялъ, что никакъ не можетъ сдѣлать этого, потому что ему предписаны изъ департамента прямо опредѣленные часы для прогулокъ. Со-временемъ, однако, съ этимъ предписаніемъ было поступлено такъ же, какъ поступаютъ на Руси со всякимъ предписаніемъ: предають его забвенію. И въ этомъ дѣлѣ большую услугу оказали намъ наши парники. Всю весну нужно было ихъ закрывать матами на ночь, что дѣлалось, смотря по температурѣ, между 3 и 6 часами вечера. Очевидно, специально для этого нужно было выпускать на дворъ. Такъ какъ парники встрѣтили благосклонное отношеніе и даже поощреніе свыше, то для этого не дѣлалось никакихъ препятствій. Процедура эта продолжалась сначала минутъ по 10, и выходили сначала только хозяева парниковъ. Затѣмъ, минуты эти, столь пріятныя послѣ душевой камеры, стали растягивать; начали выходить, якобы къ парнику, и тѣ, кому просто только хотѣлось освѣжиться; наконецъ, глядя на многихъ, стали выходить всѣ и кончили тѣмъ, что узаконили и ввели въ норму послѣобѣденную прогулку. Такимъ образомъ, лѣтомъ мы получили возможность проводить на дворѣ почти весь день отъ 8 до 6¹/₂ часовъ, съ перерывами по одному часу на обѣдъ и чай. А одно лѣто, по добротѣ Гудзя, насъ выпускали даже послѣ ужина съ 7¹/₂ часовъ на 1 часъ или ¹/₂ часа, смотря по времени захода солнца.

Но такова натура человѣка: его больше соблазняетъ недозволенное. Получивши желаемое, мы, за немногими исключеніями, не пользовались тѣмъ, чтобы проводить цѣлые дни на дворѣ. Увлеченіе ремеслами никакъ нельзя было совмѣстить съ прелестями свѣжаго воздуха и пр. Кто работалъ въ мастерской, тотъ неизбѣжно долженъ былъ лишать себя удовольствій прогулки. А потому, освѣжившись на дворѣ столько времени, сколько ему требовалось, онъ уходилъ работать. Но возможность выйти изъ камеры на дворъ въ любое время и снова вздохнуть свѣжимъ воздухомъ была уже великимъ благомъ, которое тѣмъ необходимо было для работающаго, что послѣ иной шлифовки въ тѣсной каморкѣ ему пришлось бы тамъ совсѣмъ задохнуться. Я, какъ работающій въ очахъ, постоянно имѣлъ случай убѣждаться, по

осадку пыли на ихъ стеклахъ, до какой, такъ сказать, насыщенности доходила атмосфера въ такихъ невозможныхъ условіяхъ, въ какихъ мы работали. И сколько мы ни добивались устроить приспособленныя для работъ помѣщенія, такъ и уѣхали не добившись. Конечно, и сами мы дѣлали попытки устроиться съ верстакомъ на дворѣ, но за разными неудобствами это не удалось, и только кузница, какъ ей и полагается, помѣщалась на дворѣ и дышала воздухомъ во всю. Нерѣдко располагались на дворѣ съ какими-нибудь деталями работъ, не требовавшими большихъ станковъ, особенно съ переплетными, каковы: разборка и сшивка книгъ, обрѣзка ихъ и пр. Для этого выносились туда цѣлыя партіи книгъ и оставлялись подъ какимъ-нибудь утлымъ прикрытіемъ. Но налетѣвшій въ наше отсутствіе шквалъ или неожиданная тучка подчасъ вносили много переполоху въ эти книжные залежи на дворѣ. А весной ими не брезговали и галки, таскавшія бумагу на устройство своихъ гнѣздъ.

VII.

По ходу разсказа, мнѣ волей-неволей приходится перебѣгать отъ впечатлѣній первыхъ дней къ позднѣйшимъ временамъ, чтобы прослѣдить, такъ сказать, эволюцію той или другой стороны нашей жизни. Возвращаясь опять къ первому лѣту, хотя упомянуть его, кажется, больше нечѣмъ. Время дѣлилось на три неравныя доли: на дворѣ разговоры и споры съ Лукашевичемъ; на дворѣ же созерцаніе небеснаго свода въ одиночку, либо спокойное и поэтизирующее, либо тревожное и грустное, и, наконецъ, въ камерѣ, чтеніе и размышленіе, прерываемое приступами тоски и наплывомъ воспоминаній. Съ сосѣдями я пока не стучалъ, потому что не стучали они, знавшіе хорошо условія проходимости звуковъ, а я же не прислушался еще къ звукамъ, идущимъ сверху, а внизу рядомъ сосѣдній номеръ былъ пустой. Когда же лѣтомъ на время ремонта перевели въ него М. Ф. Фроленко, мы тотчасъ же вошли въ сношенія, и отъ него впервые узналъ я, кто здѣсь сидитъ и за что судился. Это обыкновенно первые вопросы, которые задаются въ тюрьмѣ сосѣду новоприбывшимъ новичкомъ. А когда Фроленко возвратился опять на старое мѣсто, мы стали стучать съ Юрковскимъ, сидѣвшимъ надо мной, но украдкой, изрѣдка и по-немногу. Однако, какъ мы ни ухитрялись сдѣлать тайнымъ это преступное занятіе, мы были, очевидно, изловлены, потому что на другой день Соколовъ, выведя меня изъ тюрьмы, остановилъ на дорогѣ и сдѣлалъ конфиденціальное замѣчаніе. Очевидно, времена и нравы смягчались, ибо прежде, говорятъ, безъ всякихъ замѣчаній влекли за это въ карцеръ. Матвѣй Ефимычъ попробовалъ дѣйствовать силой убѣжденія, сказалъ почему-то нѣсколько лестныхъ словъ на счетъ моей образованности, точно желалъ подкупить меня ими, или убѣдить, что всякому образованному человѣку не должно быть свойственно

желаніе искать общенія съ себѣ подобными, и, должно быть, увидавши, что это не дѣйствуетъ, употребилъ обычный пріемъ, затасканный уже имъ, а именно—выставилъ Юрковского сумашедшимъ.

Дѣло стука отъ этого нисколько не измѣнилось, и новыхъ репримандовъ я уже не получалъ. Матвей Ефимычъ, должно быть, предчувствовалъ, что дни его сочтены. И дѣйствительно, съ его уходомъ на стукъ стали смотрѣть все легче и легче. Всегда курьезно видѣть, какъ тѣ же самыя власти, которыя еще недавно преслѣдовали какое-нибудь «преступленіе», затѣмъ сами начинаютъ поощрять его. Еще недавно мысль о введеніи въ Россіи представительнаго правленія объявлялась чудовищной и возмутительной тѣми самыми лицами, которыя сами теперь (мартъ 1906 г.) не только организуютъ представительство, но даже заставляють во что бы то ни стало выбирать представителей. Точно также и у насъ, стукъ, жестоко преслѣдуемый и караемый, затѣмъ едва терпимый и игнорируемый, сталъ официально признаннымъ способомъ сношеній между нами, къ которому сама администрація обращалась въ экстренныхъ и спѣшныхъ случаяхъ.

Первое время, когда стукъ сталъ только что терпимымъ, мы стучали иногда цѣлыми часами. Лукашевичъ, напр., передавалъ Юрковскому стукомъ всю политическую программу социаль-демократической партіи въ томъ видѣ, какъ она тогда печаталась и была конфискована передъ самымъ нашимъ процессомъ. Послѣ, на мѣстѣ Юрковского сидѣла Вѣра Николаевна, и съ ней иногда мы «сумерничали» стукомъ, особенно въ пасмурные дни, когда читать нельзя было уже задолго до захода солнца, лампъ не давали, а длинныя сумерки нужно было убить какъ-нибудь. Иногда же послѣ обѣда каждый ложился на свою кровать и, по данному стукомъ сигналу, тотчасъ оказывался въ «клубѣ», такъ какъ кровати четырехъ камеръ (2 вверху и 2 внизу) примыкали къ одной и той же стѣнѣ, звукъ по которой передавался и слышался привычнымъ ухомъ такъ, какъ будто бы потолка вовсе не было. Но и другіе ближайшіе сосѣди, хотя не такъ отчетливо, могли слышать разговоръ. Въ этомъ оригинальномъ «клубѣ» бесѣды длились по долгу, но были немногословны, ибо рѣчи, продолжавшіяся по 5 минутъ, состояли всего изъ 2—3 фразъ. Поэтому въ нихъ чаще преобладалъ легкій послѣобѣденный жанръ, гдѣ остроумная шутка встрѣчала наибольшее одобреніе, выражавшееся въ своеобразномъ смѣхѣ. Этотъ смѣхъ всякій, даже «не учившійся въ семинаріи», сумѣетъ воспроизвести, если простучитъ такъ т. е. пять частыхъ ударовъ и три болѣе рѣдкихъ.

Самый принципъ разговора посредствомъ стука, изобрѣтенный, какъ говорятъ, декабристомъ Бестужевымъ, общезвѣстенъ. Мы только немножко усовершенствовали его, введя массу сокращеній въ словахъ, напр. вмѣсто «хорошо», стучали «хр.», вмѣсто

«человѣкъ»—«чл.» и т. д. Наконецъ, темпъ ударовъ, по мѣрѣ на-
выка, все учащался, и нѣкоторые виртуозы дошли до такой сте-
пени совершенства, что ихъ стукъ для непривычнаго уха слы-
шался, какъ сплошная трещетка, въ которой отдѣльные удары
неразличимы. Вначалѣ стучали конечно косточкой указатель-
наго пальца, грифелемъ, или ложкой. Изобрѣтательные люди лѣ-
пили нарочно изъ мякиша недопеченаго хлѣба орудіе въ видѣ
толстой и короткой палочки, высушивали его на печкѣ и полу-
чали твердый «языкъ», чрезвычайно удобный для своей цѣли.
А съ появленіемъ мастерскихъ каждый обзавелся какой-нибудь
примитивной колотушкой. На первыхъ порахъ всѣ эти орудія
отбирались во время субботнихъ обысковъ, а на заявленную
претензію смотритель отвѣчалъ: «Стучать можно, но имѣть орудіе
для стука нельзя». Очевидно, старались пока соблюсти такимъ
образомъ пунктъ инструкціи, гласившей о ненарушимости ти-
шины въ тюрьмѣ и показать, что они нарушеній ея не по-
ощряютъ. Въ концѣ концовъ стучали чѣмъ угодно, а стукъ че-
резъ корридоръ, производившійся въ дверь, былъ такъ громокъ,
что могъ разбудить мертваго.

VIII.

Но стукъ былъ первобытнымъ способомъ сношеній, крайне
несовершеннымъ и потому весьма неудовлетворительнымъ. И
потому мысль, запертая въ тиски и дѣятельная въ молодые
годы, упорно искала выхода и становилась изобрѣтательной.
Одинаковыя условія часто порождаютъ одинаковыя идеи. Въ
70-хъ годахъ, сидѣвшіе въ Домѣ Предварительнаго Заключенія
по процессу 193-хъ, говорятъ, устраивали общіе клубы посред-
ствомъ ватерклозетныхъ трубъ. Я не зналъ этого факта, когда
самъ додумался до такого открытія. Додуматься же было чрезвы-
чайно легко. Я сидѣлъ внизу и постоянно слышалъ, какъ вода,
спускаемая верхнимъ жильцомъ бѣжить внизъ по трубѣ, которая,
навѣрное, сообщается гдѣ-нибудь съ моей трубой. Попробовать
ничего не стоило. Отъ стульчака непосредственно шла широкая
труба съ просвѣтомъ около 1½ вершковъ, изогнутая въ самомъ
началѣ въ видѣ буквы S.

Благодаря этому, въ изгибѣ стояла всегда вода и не пропу-
скала изъ трубы газовъ внутрь камеры. Когда я выплеснулъ
вонъ (посредствомъ тряпки) воду изъ колѣна, то сейчасъ же
услыхалъ громкое журчаніе ея,—она текла отъ какого-то сосѣда,
очевидно, по общимъ трубамъ. Если сосѣдъ выплеснетъ и у
себя воду, то всѣ звуки отъ него ко мнѣ и обратно пойдутъ
по трубѣ полностью, и ни малѣйшій шорохъ не затеряется. Попро-
бовать было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, и мы съ Юрковскимъ,
уговорившись сначала стукомъ, заговорили, наконецъ, человѣ-
ческой рѣчью. Какъ тайно мы это ни дѣлали (только во время
раздачи обѣда и шума на коридорѣ), но, конечно, сейчасъ по-

пались. Между тѣмъ, идея уже облетѣла всѣхъ, и заговорили во всѣхъ углахъ. Трубы были такъ устроены, что общая канализация ограничивалась только однимъ угломъ зданія, съ другими же сообщенія не было. Благодаря этому всѣ, сидѣвшіе въ одномъ углу, оказались связанными въ одинъ «клубъ». Начальство, конечно, растерялось, но скоро поняло, что бороться съ этимъ «зломъ» не легко. Нужно или всѣхъ посадить въ карцеръ,—на что не хватить и карцеровъ,—или же сдѣлать генеральную перестройку всей канализации. Поэтому къ такому незаконію оно долго относилось терпимо. Бывало, едва вызовешь своего сосѣда на это оригинальное интервью, какъ слышишь, въ сосѣднюю пустую камеру идетъ дежурный и также усаживается у ватер-клозета, всегда стоявшаго для этой цѣли наготовѣ, и напрягаетъ свое вниманіе къ нашимъ словамъ для донесенія по начальству о характерѣ этихъ поистинѣ подпольныхъ рѣчей. Я говорю подпольныхъ, потому, что трубы изъ каждой камеры шли въ подвалъ и только тамъ гдѣ-то соединялись общей трубой, такъ что звуки изъ верхней камеры ко мнѣ должны были сначала прогуляться внизъ, въ подполье, затѣмъ опять вернуться вверхъ. Несмотря на это, разговоръ на близкихъ разстояніяхъ былъ прекрасно слышенъ, даже шепотомъ. Иногда дежурный пробовалъ записывать для точности наши крамольныя рѣчи. Можно себѣ представить, что у него получалось, при спѣшности и неудобствѣ работы, да при его малограмотности!

Не скажу, чтобы мы особенно увлекались этой «телефоніей». Помнится, бывали періоды, когда не заглядывали въ нихъ подолгу. Все таки не легко было преодолевать естественную безразличность! И только тяжкая доля, да жгучая потребность общенія заставляли игнорировать такія «условности». Нѣкоторые все таки выдерживали характеръ, и почти никогда не нисходили до общенія со своимъ ближнимъ посредствомъ трубы съ тлетворнымъ дыханіемъ. А дыханіе это было, хоть и не часто. Иные же относились къ этому вполне философски. Напр., у Юрковского съ Лукашевичемъ съ самаго же начала открылись самые горячіе программные дебаты, которые продолжались цѣлыми недѣлями. У меня случайно сохранился отрывокъ съ записью этихъ дебатовъ по числамъ, откуда вижу, что они велись непрерывно и начинались завтра прямо съ того, чѣмъ окончились вчера. Но когда первый жаръ обмѣна мыслей поостылъ, и знакомство установилось, неудобства такихъ сношеній стали ощущаться сильнѣе потребности въ нихъ. Хотѣлось не просто слышать голосъ, искаженный трубнымъ резонансомъ, а видѣть живого человѣка и говорить съ нимъ лицомъ къ лицу. Насколько прочно ассоціировалась въ насъ звуковая рѣчь говорящаго съ нами человѣка и зрительный образъ его, показываетъ то чувство неловкости, которое возникаетъ въ насъ, если мы вынуждены говорить постоянно съ невидимкой. Всѣ мы убѣдились въ этомъ еще разъ, когда къ намъ привезли Карповича, и на первыхъ порахъ мы

должны были говорить съ нимъ, стоя у двери его клѣтки, въ которой онъ былъ замкнутъ. Мы стояли, можно сказать, плечомъ къ плечу, разъединенные только доской двери. Получалось то, да не то!

Отчасти по этой причинѣ произошло само собой и охлажденіе къ «телефонамъ», и когда начальство черезъ годъ или два, наконецъ, задѣлало ихъ, прекративши сообщеніе между трубами посредствомъ какаго-то подвального запирателя, мы нисколько не были на это въ претензіи. Только благодаря этому запирателю промывка клозета сильно ухудшилась, на что мы многократно жаловались. Жалобы не принимались, потому что въ нашемъ желаніи уничтожить загражденіе, неудачно устроенное, жандармы видѣли умыселъ иной. Впослѣдствіи они уничтожили эти загражденія, но зато перемѣнили всѣ клозеты, и упомянутый выше изгибъ, наполнявшійся водой, установили такъ далеко, что выплеснуть изъ него воду было почти невозможно. Дорого, должно быть, обошлась русскому правительству эта борьба съ преступными стремленіями заключенныхъ ко взаимообщенію!

IX.

Тѣмъ временемъ общеніе болѣе свободное налаживалось уже на дворѣ. Первымъ шагомъ на этомъ пути помогла сама природа. Заборы въ огородахъ были приставлены къ крѣпостной стѣнѣ подъ прямымъ угломъ. Какъ ни плотно были они къ ней пригнаны, но время сдѣлало свое. Заборъ немного осѣлъ и откатнулся отъ стѣны. Въ то же время съ наружной поверхности стѣны непрерывно осыпалась известь, служившая цементомъ при кладкѣ ея. И безъ того-то она была рыхлая, но подъ вліяніемъ атмосферныхъ агентовъ совсѣмъ разсыпалась. Нѣсколько ничтожныхъ операцій палкой, и въ стѣнѣ не трудно было выдолбить небольшую нишу. Если эта ниша приходилась какъ разъ въ углу, образуемомъ стѣной и заборомъ, то получалась лазейка въ сосѣдній огородъ, въ которую можно было просунуть руку.

Это былъ большой шагъ впередъ. Прежде, чтобы передать кому-нибудь записку или другую посылку, мы должны были пускаться на всевозможныя ухищренія: подкапываться подъ заборъ, если гуляли рядомъ, или зарывать въ огородную почву, среди рѣпы и капусты, если гуляли въ томъ же огородѣ послѣдовательно. Я помню, какъ Фекла производилъ дознаніе, допрашивая меня съ моей тетрадью въ рукахъ, которую онъ напелъ въ камерѣ у Юрковского. Ему очень хотѣлось узнать, какимъ именно образомъ я ухитрился передать ее. Конечно, узнать ему не удалось. Но времена уже были не столь строгія, и возмездія за это преступленіе я не понесъ, хотя конфискованная тетрадь погибла для меня навѣки.

Когда мы съ Лукашевичемъ, при содѣйствіи ближайшихъ товарищей, выпустили въ свѣтъ свой первый опытъ тюремной

журналистики, мы долго ломали голову, какимъ образомъ передать эту книжку (она была въ переплетѣ) дамамъ. Между собой въ это время мы уже могли передавать, чередуясь въ свиданіяхъ другъ съ другомъ; пути же къ дамамъ и обратно были заграждены совершенно. Мы рѣшили передать не въ огородѣ, гдѣ нелегко было закопать цѣлую книгу на глазахъ дежурнаго, а въ столярной мастерской, въ которую мы ходили по очереди съ дамами. Но такъ какъ тамъ каждый разъ производился тщательный обыскъ, съ цѣлью пресѣчь наши взаимныя сношенія, то мы нарочно для этой цѣли выдолбили двѣ доски въ видѣ футляра и, соединивши ихъ шипами (какъ это дѣлается при склейкѣ щитовъ), устроили конспиративное хранилище. Но воспользоваться имъ, кажется, не пришлось ни разу, ибо открытіе разныхъ новыхъ путей для сношеній шло впередъ очень быстро.

Теперь, съ образованіемъ между огородами отверстій, дѣло всякихъ передачъ сразу упрощалось. Вообще присутствіе въ нашей средѣ дамъ сыграло огромную роль въ устраненіи преградъ, стоявшихъ на пути къ общенію. Не говоря уже о естественномъ стремленіи къ лицу другого пола, насъ постоянно раздражала та явная несправедливость, что дамы среди насъ поставлены были въ худшія условія, чѣмъ мы. Имѣть общеніе только съ однимъ человѣкомъ ежедневно десятокъ годовъ—на это не хватитъ человѣческихъ силъ. Извѣстный Нансенъ только одну зиму провелъ съ глазу на глазъ съ Йогансеномъ въ шалашѣ на землѣ Франца Иосифа, да и то, по собственному признанію, въ концѣ зимы они съ трудомъ выносили присутствіе другъ друга. Мы, мужчины, могли мѣнять товарищей по прогулкѣ, сначала рѣдко, потомъ все чаще и чаще, и, наконецъ, каждый день, и даже по нѣскольку разъ въ день. Получалось подобіе общественныхъ сношеній. Дамы же были безусловно лишены этого, и все, что онѣ могли себѣ позволить, это—переписка. На первыхъ порахъ, когда бумаги не было, эта переписка шла чрезъ двѣ—три руки (конечно, совершенно открыто) и передавалась стукомъ. Такъ напр., если Вѣрѣ Николаевнѣ нужно было передать нѣсколько строкъ старому другу или товарищу, который сидѣлъ на другомъ концѣ тюрьмы, положимъ въ 3-мъ углу, она стучала эти строки сначала мнѣ (первый этапъ). Я записывалъ ихъ подъ диктовку на аспидной доскѣ и на-завтра несъ ихъ на свиданіе товарищу, съ которымъ я гулялъ, и который жилъ, положимъ, во 2-мъ углу. Онъ переписывалъ эти строки въ свою аспидную доску и дома стучалъ ихъ сосѣду, который гулялъ съ товарищемъ, сидѣвшимъ въ 3-мъ углу (второй этапъ). Этотъ также записывалъ подъ диктовку и на слѣдующій день несъ ихъ своему товарищу, который также списывалъ и ужъ потомъ выстукивалъ дома адресату (3-ій этапъ). Письмо шло 2 либо 3 дня и черезъ столько же времени, и тѣмъ же путемъ возвращалось назадъ.

Просьбы о томъ, чтобы перемѣстили на житѣ въ другую камеру, ближайшую къ человѣку, съ которымъ хотѣлось бы отвести

душу, въ первые годы встрѣчали постоянный отказъ. Если бы этотъ человѣкъ лежалъ на смертномъ одрѣ, и если бы ты хотѣлъ, сѣвши съ нимъ рядомъ, облегчить хоть стукомъ его послѣднія минуты, ты все-таки не получилъ бы этого утѣшенія. Всѣ человѣческія и самыя святыя чувства тутъ безжалостно попирались, и это не только въ сферѣ сношеній насъ другъ съ другомъ, въ которой власти могли еще кое-какъ опереться на формальное противорѣчіе такихъ «чувствъ» принципамъ одиночной тюрьмы. Что за нами не признавалась личность съ ея высшими запросами, это еще не удивительно: по каторжному положенію ты № такой-то и больше ничего! Но нашимъ властямъ этого было мало. Онѣ не скрывали отъ насъ, что въ ихъ глазахъ мы не только преступники, лишенные всѣхъ правъ, но и нравственные выродки, которымъ чуждо все человѣчное, благородное и высокое. Однажды онѣ особенно наглядно подчеркнули такое отношеніе къ намъ. Это было, кажется, въ 1892 г., когда мы узнали о голодѣ на Руси. Мы собрали всякія свои издѣлія, превратили ихъ въ деньги и просили начальника управленія (Гангарта) собранную такимъ образомъ сумму въ 25 руб. передать въ пользу голодающихъ. Онъ былъ почему-то очень тронутъ такимъ проявленіемъ нашихъ добрыхъ чувствъ, разсыпался въ благодареніяхъ и даже говорилъ, что это счастливѣйшій день въ его жизни. Но изъ департамента, куда онъ, вѣроятно, направилъ деньги, онъ получилъ выговоръ за это приношеніе. И при позднѣйшей попыткѣ повторить свою ленту (въ 1901 г.) мы встрѣтили отъ своей администраціи рѣшительный и упорный отказъ, со ссылкой на взглядъ департамента. Этотъ взглядъ тогда, точно такъ же, какъ и теперь, остается неизмѣннымъ: ты кровожадное чудовище; объ этомъ они всюду будутъ говорить и писать, и потому все, что рисуешь тебя съ другой стороны, будетъ ими тщательно замаскировано и искажено.

Я уклонился въ сторону. Когда сажали нашихъ дамъ въ Шлиссельбургъ, конечно, не рассчитывали на долговременное ихъ тамъ пребываніе. Это была морилка, гдѣ людей «выводили въ расходъ», чтобы тотчасъ замѣнить ихъ новыми. Но оказалось, что тамъ приходится устраивать для долгоживущихъ продолжительный *modus vivendi* и притомъ неслыханный въ исторіи всѣхъ временъ симбіозъ лицъ разнаго пола. Такъ или иначе, мы числились осужденными по суду и, значитъ, отбывающими наказаніе, которое, очевидно, должно быть одинаково за одинаковыя преступленія. Это было такъ элементарно, что понятно даже департаментскимъ чиновникамъ, которыхъ самъ Яковлевъ обзывалъ нелестными для нихъ названіями. Что насъ возмущала полная изоляція нашихъ дамъ, которая усугубляла имъ наказаніе, это ихъ не удивляло. Но когда начались съ нашей стороны агрессивныя попытки добиться здѣсь нѣкотораго равноправія, они не могли отвѣчать репрессіями, чувствуя, что на этотъ разъ право, даже ихнее право, на нашей сторонѣ. Вотъ почему на расширеніе первыхъ отверстій и на разговоры возлѣ нихъ съ дамами они

смотрѣли сквозь пальцы, хотя еще недавно за малѣйшую попытку сказать на дворѣ 2 слова своему сосѣду прямо уводили домой.

Такъ вошли въ употребленіе естественныя отверстія, которыхъ было немного. Въ нихъ легко было не только говорить, но даже видѣть добрую половину лица сосѣда. Когда живешь съ человѣкомъ бокъ о бокъ, ведешь съ нимъ сношенія, но ни разу не видалъ его, желаніе взглянуть на него хоть однимъ глазкомъ особенно обостряется. *Такого* знакомаго мы непременно представляемъ съ извѣстной внѣшней фигурой, и намъ хочется провѣрить себя и убѣдиться, насколько воображаемое подходитъ къ дѣйствительности. Еще ранѣе открытія этихъ отверстій, мы искали случаевъ для лицеизрѣнія. И когда въ заборахъ, среди разсыхающихся досокъ стали появляться щели въ разныхъ мѣстахъ, мы пользовались ими изрѣдка, чтобы удовлетворить этой законной потребности. И я помню, съ какимъ чисто институтскимъ любопытствомъ я прильнулъ однажды глазомъ къ такой щели, чтобы взглянуть впервые на гуляющихъ рядомъ дамъ. Точно такимъ же образомъ и въ томъ же мѣстѣ (изъ IV огорода въ III-й) Людмила Александровна однажды устроила намъ съ С. Ивановымъ «смотръ». Для того, чтобы оказаться въ полѣ лучей ея зрѣнія, мы должны были по ея указанію встать на скамью и стоять тѣсно рядомъ. Вѣроятно, у нея, какъ и у меня, изображеніе получалось со значительной интерференціей, благодаря узости щели.

Х.

Это было начало. Тамъ, гдѣ помогаетъ природа, было бы странно, чтобъ не помогъ себѣ самъ человѣкъ. А потому естественно, что щели природныя расширялись искусственно до предѣловъ возможнаго. Когда ихъ забивали, пластыри отбивали. И такъ какъ орудіемъ для этой цѣли служилъ иногда ломъ, то онъ вмѣстѣ съ пластыремъ отдиравъ и основную доску забора. Получался вмѣсто маленькой рыбки большой тараканъ. На дежурныхъ такіе разрушительные приемы производили ошеломляющее дѣйствіе, и они въ тревогѣ экстренно вызывали зрителя. Смотрителемъ былъ Фекла—весьма недалекій, простоватый и трусливый старикъ, которымъ помыкало начальство, какъ хотѣло, и который вълѣдствіе этого тотчасъ таялъ, если ему напомнишь, бывало, объ его прерогативахъ. Онъ, между прочимъ, признавался въ минуту откровенности, какъ на него кричить и топчетъ ногами Дурново, и какъ онъ трепещетъ передъ своимъ строптивымъ начальствомъ. «Департаментъ, это — Богъ нашъ», сказалъ онъ мнѣ какъ-то тономъ глубокаго убѣжденія. Этой-то Феклѣ приходилось теперь отражать натиски, повторявшіеся ежедневно на заборы въ разныхъ углахъ.

Однажды прибѣжалъ онъ ко мнѣ въ такую критическую минуту (я былъ старостой), сильно взволнованный, и началъ жаловаться, что мои товарищи ломаютъ казенныя вещи, и ему ничего

не остается, какъ сейчасъ же дать телеграмму въ департаментъ. Начались переговоры, въ результатъ которыхъ оказалось, что если онъ не хочетъ, чтобы проломали большія окна, долженъ согласиться на маленькія и оставить ихъ неприкосновенными. Такимъ образомъ, окна, уже прорѣзанныя, рѣшено было сохранить и не забивать, а гдѣ не прорѣзаны, предоставить хозяевамъ прорѣзывать по своему усмотрѣнію, но не шире указанныхъ размѣровъ, — величиной, примѣрно, въ книгу среднего формата. Удовольствіе, завоеванное нами, было не высокаго калибра. Представьте себѣ дыру въ двойномъ толстомъ заборѣ, на высотѣ лица сидящаго человѣка. Въ эту дыру можно было видѣть фигуру человѣка на близкомъ разстояніи только по частямъ. Лѣтомъ засѣданіе у этой дыры сходило легко, гладко и пріятно. Зимой же оно было почти несносно: неподвижное пребываніе на снѣгу, при нашей истощенной организаціи, трудно было вывести больше $\frac{1}{4}$ часа подъ рядъ безъ серьезнаго риска. Мы, мужчины, большею частью довольствовались случайными сосѣдями, и только въ рѣдкихъ случаяхъ собирались для какихъ-нибудь бесѣдъ послѣ предварительнаго соглашенія. Дамы же назначали себѣ почти ежедневно пару или двѣ сосѣдей, чередуя ихъ постоянно между собой. Тогда-то именно и расцвѣли променадмейстерскія функціи.

О послѣднихъ я забылъ сказать ранѣе, что къ нимъ относилось не только самое комбинированіе гуляющихъ и составленіе расписанія для вахмистра, но и отпечатываніе ихъ въ столькихъ экземплярахъ, сколько было у насъ налицо душъ. Дѣлалось это посредствомъ копировальной бумаги, которая давала до 9 хорошихъ оттисковъ сразу, и значитъ нужно было переписать то же расписаніе ежедневно разъ пять. Когда мы вошли въ променадмейстерскую организацію, каждый утратилъ частицу своихъ правъ на самого себя: онъ не только самъ назначалъ себѣ мѣсто и товарища, но и былъ назначаемъ по заказу другихъ, или по усмотрѣнію самого мастера. Полезно было знать заранее, гдѣ и съ кѣмъ придется завтра быть на той или другой смѣнѣ. Отсюда понятна надобность въ ежедневныхъ изданіяхъ променадмейстерскаго листка, который онъ разсылалъ всѣмъ черезъ того же вахмистра. Какъ кажется, это было первое начало передачи записокъ другъ къ другу черезъ нашу полицію. Впослѣдствіи она постоянно и регулярно исполняла обязанности почтальоновъ, передавая не только то, что писалось относительно нашихъ текущихъ нуждъ, но и то, что совершенно выходило за предѣлы ихъ. Только наши корреспонденціи никогда не назывались письмами, а всегда «записками».

При этихъ окошкахъ въ первый разъ былъ сдѣланъ въ III огородѣ весьма скромный опытъ празднованія дамскихъ именинъ, при усердномъ содѣйствіи покойнаго Н. Д. Похитонова, великаго охотника и мастера сихъ дѣлъ. На свою долю я взялъ декоративную часть устройства не то шатра, не то будки изъ зелени и цвѣтовъ. Впослѣдствіи это дѣло расцвѣло, попавши въ болѣе

опытныя руки; и особенно декоративная часть иногда достигала высокой степени совершенства.

При этихъ же окнахъ мы устроили, и тоже въ III-мъ огородѣ, первую и послѣднюю свою сельско-хозяйственную выставку. На импровизированномъ помостѣ поперекъ всего огорода, накрытомъ простынями, помѣщались горы овощей всевозможныхъ видовъ и сортовъ. Надъ каждымъ продуктомъ значилось имя его хозяина и вѣсъ или объемъ, всегда очень внушительный. Эти вѣсовые записи съ выставки у меня хранились случайно до послѣднихъ дней, и, къ сожалѣнію, были сожжены вмѣстѣ съ другимъ хламомъ наканунѣ отъѣзда. А то мы теперь могли бы предъявить ихъ какому-нибудь «Отдѣлу земельныхъ усовершенствованій» и требовать отъ него поддержки и поощреній сообразно нашимъ доказаннымъ успѣхамъ и талантамъ. И эти успѣхи были достигнуты всего черезъ какіе-нибудь 4—5 лѣтъ послѣ того, какъ мы съ Лукашевичемъ такъ не блестяще дебютировали съ первой брюквой. Выставку посѣтилъ Гангартъ и прочіе чины нашей администраціи, выразилъ не малое удивленіе нашему искусству, одобреніе усердію и пожелалъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

XI.

Видя такое вниманіе начальства, мы ополчились противъ самаго большого мѣста нашихъ огородовъ—противъ высокихъ заборовъ. Когда я говорю «мы», подъ этимъ обыкновенно разумѣю какое-нибудь коллективное мѣропріятіе, предпринятое по взаимному соглашенію. Когда стало возможнымъ устраивать такое соглашеніе путемъ взаимныхъ переговоровъ, мы обыкновенно рѣшали каждый за себя, что такія-то и такія-то лица, наиболѣе заинтересованныя въ задуманной реформѣ, позовутъ разомъ начальника управленія и, путемъ устного убѣжденія, начнутъ вѣдѣствовать на него въ желаемомъ смыслѣ. Чѣмъ больше было количество лицъ, позвавшихъ его, тѣмъ вѣрнѣе бывалъ успѣхъ. Вопросъ, такимъ образомъ, освѣщался со всевозможныхъ сторонъ, и коллективная аргументація, складываясь въ одной и той же головѣ, производила максимальный эффектъ. Если дѣло превышало компетенцію мѣстныхъ властей, онѣ обѣщали въ бытность въ Петербургѣ «ходатайствовать» тамъ за наши интересы, и рѣшеніе привозилось уже оттуда. Гангартъ велъ дѣло довольно самостоятельно и бралъ на свой рискъ такія нововведенія, на которыя болѣе робкіе преемники его никакъ не осмѣливались. И только единственный, кажется, разъ ему пришлось вскорѣ же прекратить такое нововведеніе по требованію департамента: онъ согласился абонироваться для насъ въ Петербургѣ въ общественной библіотекѣ Иванова, и мы уже нѣсколько разъ получили и обмѣнялись книги, какъ вдругъ «зло» было пресѣчено въ корнѣ.

Такимъ же путемъ мы открыли походъ и противъ заборовъ. Въ самомъ дѣлѣ, у солнечнаго забора, по узкой полосѣ, доступной лучамъ солнца, овощи росли хорошо. Въ тѣни же, у тѣневого забора, ничего не выходило.

Заборъ этотъ отѣнялъ почти половину огорода и, такимъ образомъ, лишалъ насъ простора, столь необходимаго въ нашихъ полезныхъ и плодотворныхъ трудахъ. Резоны, приведенные съ нашей стороны, были настолько убѣдительны, что Гангартъ внялъ имъ и приказалъ унтерамъ снять верхнюю часть забора (3—4 доски), высотой въ 1 арш., а въ клѣткахъ понизилъ еще болѣе и всюду вмѣсто снятой части устроилъ деревянную рѣшетку изъ вертикально поставленныхъ брусковъ, толщиною въ одинъ вершокъ. Когда былъ произведенъ первый опытъ пониженія съ однимъ заборомъ, и Фекла увидалъ въ натурѣ плодъ либеральнаго предписанія, онъ пришелъ въ большое волненіе. Помилуйте! Если немного приподняться, то можно видѣть все, что дѣлается въ сосѣднемъ огородѣ! Но волненіе его скоро успокоили, — на то онъ и былъ Феклой; а когда заборы всѣ были передѣланы, то въ укромныхъ уголкахъ, гдѣ предполагалось сидѣть и бесѣдовать съ сосѣдями, появились платформы собственнаго издѣлія на такой высотѣ, какая требовалась въ интересахъ удобства сношеній. Конечно, долгіе дипломатическіе переговоры велись изъ-за каждого такого помоста, и каждый вершокъ высоты его отстаивался рѣшительно, какъ вообще въ дипломатическихъ сношеніяхъ — доводами важными, убѣдительными и неотразимыми: одинъ боялся сырости, и потому устраивался выше почвы, другой вспоминалъ про зимніе заносы и заботился о томъ, чтобы помостъ всегда былъ сухъ и расположенъ выше толстаго слоя снѣга, третій былъ слѣпъ и тянулся къ солнцу и т. д. На этотъ разъ дипломатія тоже одержала верхъ. И платформы были устроены въ такомъ разчетѣ, чтобы стоя на нихъ можно было быть лицомъ къ лицу съ сосѣдями, отдѣленными только одной рѣдкой рѣшеткой ¹⁾. Отъ дождя платформы были защищены навѣсами, которые установили выше заборовъ; и такимъ образомъ расширеніе сферы сношеній сдѣлало еще большой шагъ впередъ и было обставлено всѣми удобствами, какія только допускало мѣсто, засаженное всюду разными растеніями.

Наибольшія удобства давалъ единственный пунктъ, гдѣ соприкасались 5 и 6 клѣтки съ I огородомъ, и гдѣ могли совмѣстно бесѣдовать 6 человекъ, и всѣ шестеро говорить еще съ двумя помѣщавшимися въ 4-й клѣткѣ. И подобно тому, какъ всюду удобства мѣстности предопредѣляютъ судьбы великаго города, такъ и у насъ образованіе настоящаго «клуба» было предначертано, такъ сказать, самой природой. Здѣсь-то и протекала отнынѣ вся наша публичная жизнь, пока черезъ нѣсколько лѣтъ для нея не нашлось другого, еще лучшаго мѣста. И здѣсь не только читались рефераты и лекціи и происходили всевозможные предметные уроки изъ области науки и техники; сюда приносилась даже иногда классная доска (обычно висѣвшая у

¹⁾ Разстояніе между брусками, составлявшими эту рѣшетку, было установлено администраціей — въ томъ разчетѣ, чтобы въ промежутки нельзя было просунуть голову.

Морозова въ камерѣ), гдѣ Лукашевичъ наглядно изображалъ разныя мудренныя вещи, бывшія предметомъ интереса для собравшихся слушателей. Впрочемъ начало нашимъ «ученымъ» занятіямъ было положено въ менѣе удобной обстановкѣ въ III огородѣ, и инициаторомъ ихъ былъ я, открывшій для своей огромной аудиторіи (въ 5 человѣкъ) курсъ чтеній по русскому государственному праву, точнѣе—объ учрежденіяхъ земскихъ и крестьянскихъ. Шли они, впрочемъ, довольно вяло, что зависѣло въ равной мѣрѣ, какъ отъ предмета, такъ и отъ лектора, читавшаго исключительно по запискамъ. Впослѣдствіи самымъ усерднымъ насадителемъ и организаторомъ этихъ лекцій всегда была Вѣра Николаевна, сохранившая до конца самый живой интересъ ко всевозможнымъ отраслямъ знанія и искусства и проявлявшая много настойчивости и упорства въ преслѣдованіи своихъ художественныхъ и научныхъ цѣлей. Особенно много усердія обнаруживала она въ стремленіи овладѣть предметомъ, который наименѣе поддавался ея усиліямъ. И было время напр., когда кристаллографическія системы и изученіе ихъ на моделяхъ (работы Лукашевича) составляли не только злѣбу дня, но и преобладающій интересъ въ совмѣстныхъ свиданіяхъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Тогда термины: «икоситетраэдръ» и «базопинакоидъ», «геміэдрія тетартоэдрическая и скаленоэдрическая» оглашали воздухъ по цѣлымъ часамъ къ великому изумленію и смущенію нашихъ унтеровъ, которые должны были по долгу службы доносить о всѣхъ нашихъ разговорахъ, и едва ли могли повторить съ приблизительною правильностью эти необыкновенно странныя названія.

Впрочемъ, чтобы читатель не подумалъ, что мы въ клубахъ только и дѣлали, что занимались науками, я долженъ предупредить, что эти занятія были все же исключеніемъ, которое остается въ памяти, какъ явленіе, выходящее изъ ряду вонъ. Обычно же въ клубѣ занимались простыми разговорами на всевозможныя злободневныя темы, главнымъ же образомъ, изъ области свѣжихъ и старыхъ административныхъ мѣропріятій, или изъ области только что прочитанныхъ журнальныхъ хроникъ. Это называлось обмѣномъ «новостей» и переходило часто въ пренія, которыя сопровождались галдѣніемъ. Оттого за клубомъ, особенно въ послѣднее время, все больше и больше упрочивалось менѣе лестное названіе «толкучки».

При всякомъ клубѣ, говорятъ, полагается и буфетъ. Устраивался онъ здѣсь и у насъ, конечно въ исключительныхъ случаяхъ, раза 3—4 въ годъ, съ крѣпкими напитками, или безъ оныхъ, смотря по политическому барометру. Хозяйками при этомъ были, конечно, дамы, сначала обѣ, а потомъ одна Вѣра Николаевна а организаторами и исполнителями—всѣ, чувствовавшіе себя особо одаренными въ области кулинарныхъ искусствъ, относимыхъ почему-то до сихъ поръ къ разряду неизящныхъ. Такъ какъ мы были народъ безъ предразсудковъ, и притомъ «ничто человѣческое намъ не было чуждо», то въ нашей жизни было не безъ

крайностей, и сторонній наблюдатель (если бы онъ былъ возможенъ) не безъ ужаса усмотрѣлъ бы, какъ иной даровитый субъектъ, только что набившій парникъ навозомъ, шелъ затѣмъ къ себѣ и приготовлялъ беза. А другой, еще болѣе даровитый, ободравши крысу и сдѣлавши изъ нея прекрасное чучело, вслѣдъ затѣмъ созидалъ не менѣе очаровательный и весьма живописный тортъ. Конечно, слухи о такихъ празднествахъ, вѣроятно, преувеличенные, доходили до департамента, и директоръ Зволянскій съ большимъ укоромъ выговаривалъ смотрителю Дубровину:

«Они тамъ у васъ цѣлые фестивали устраиваютъ!»

ХII.

Здѣсь будетъ умѣстно разсказать кстати и конечную судьбу нашихъ череззаборныхъ сношеній. Съ появленіемъ у насъ Яковлева и воцареніемъ на Руси Плеве, наши прежніе порядки, какъ слишкомъ либеральные, скоро пошли на смарку. Осталась конституція, но сугубо куца. Заборы, очевидно, мѣшали крѣпко спать Яковлеву, какъ поклоннику старыхъ традицій, вѣроятно, слыхавшему отъ мудрыхъ людей, что правило «*divide et impera*» никогда не старѣетъ. Къ этому времени наши заборы уже порядочно подгнили, хотя стояли еще прочно на своихъ мѣстахъ и простояли бы еще хоть 5 лѣтъ. Но новая метла всегда чисто мететъ, и потому рѣшено было эти заборы замѣнить другими. Кому же неизвѣстно, что всякая новая постройка для чиновниковъ—чистая находка, и что въ частности жандармское вѣдомство, какъ удостовѣрилъ насъ военный инженеръ, часто пріѣзжавшій туда по поводу ремонтовъ, «любитъ строиться». Моментъ былъ очень удобенъ для того, чтобъ не только организовать новую постройку, т. е. получить деньги, но и усердіемъ въ надстройкѣ заборовъ доказать, такъ сказать, свою плевеальность (я чуть не сказалъ—свою лояльность).

По привычкѣ дѣйствовать тайно (онъ всячески ухитрялся скрыть отъ насъ даже рожденіе наслѣдника), не предупреждая насъ ранѣе, точно готовилъ пріятный сюрпризъ, онъ въ одинъ прекрасный день весной 1903 г., сломалъ заборы VII и VIII огородовъ, которые были недавно еще строены и отнюдь не требовали ремонта, и воздвигъ на ихъ мѣсто другіе, ровно въ 4 арш. высотой, уничтоживши рѣшетку совершенно. Мы предъявили къ нему коллективную претензію и, должно быть, многіе наговорили ему не очень лестныхъ для него вещей, судя по тому, что у меня, послѣ всѣхъ, онъ былъ необычайно красенъ и обѣщалъ, какъ всегда, поѣхать въ Петербургъ и хлопотать въ нашу пользу. Оттуда онъ привезъ резолюцію—сохранить рѣшетки, но не во всякомъ огородѣ, какъ было ранѣе, а черезъ огородъ. Высота же заборовъ осталась, какъ онъ выстроилъ, въ 4 арш. Благодаря этому, у новыхъ заборовъ рѣшетка должна была начаться тамъ, гдѣ у старыхъ была верхушка всего забора. Все было

устроено какъ будто нарочно для того, чтобы доставить намъ побольше неудобствъ. Подняться выше, до возможности говорить опять сквозь рѣшетку, было не трудно, хотя бы для этого понадобилось дѣлать спеціальныя лѣстницы. Но для достиженія цѣли это было всетаки очень неудобно. Затѣмъ стоять и говорить было легко еще въ ясную погоду, а въ дождь общеніе должно было прекращаться, потому что навѣсы, по требованію Яковлева, мы должны были устроить ниже рѣшетокъ.

Много труда было потрачено на то, чтобы преодолѣть всѣ эти препоны и устроить хоть что-нибудь практичное, главнымъ образомъ для Вѣры Николаевны, которая давно была у насъ одна и, не имѣя возможности официально видѣться съ мужчинами, должна была, послѣ 20 лѣтъ заключенія, очутиться опять въ полномъ одиночествѣ. Яковлевъ, конечно, понималъ это, тѣмъ болѣе, что Н. П. Стародворскій предупредительно напомнилъ ему, какъ онъ ломалъ прежніе заборы ломомъ подъ вліяніемъ совершенно аналогичныхъ побужденій. И потому, затруднивши, елико возможно, пользованіе рѣшетками (можетъ быть, для уничтоженія «фестивалей!»), онъ все же не запрещалъ намъ цѣпляться за нихъ подобно акробатамъ и дѣлать для этого кой какія передвижныя и переносныя приспособленія.

Когда началась «эпоха довѣрія», осенью 1904 г. Яковлевъ, какъ было сказано, выжилъ-таки насъ съ того двора, гдѣ процвѣтала наша парниковая культура, очевидно, приготавливая его заранѣе подъ лобное мѣсто.

Но чтобы не лишить насъ окончательно парниковъ, онъ распорядился устроить для нихъ спеціальныя дворикъ, разгородивши для этой цѣли заборы у I огорода между II огородомъ 5 и 6 клѣткой.

И эти новые заборы, такъ прочно и основательно воздвигавшіеся всего годъ назадъ, тѣ же самые солдаты, которые строили ихъ, съ большимъ трудомъ извлекли изъ земли (столбы вкопаны были очень глубоко) и увезли со двора.

Тогда же, подъ горячую руку, онъ обѣщалъ и понизить только что повышенные заборы. Это дало поводъ Н. А. Морозову сострить, что передъ манифестомъ нарочно повысили заборы, чтобы имѣть возможность «даровать» намъ что-нибудь послѣ манифеста.

Но наши взоры въ это время были устремлены уже за рѣдѣлы крѣпости, гдѣ разыгрывалась трагедія повыше нашихъ заборныхъ передрагъ, и гдѣ рѣшались судьбы и насъ самихъ, и нашихъ охранителей.

Такъ и погибли теперь эти никчемные заборы, на стоимость которыхъ можно бы было построить не одну деревенскую школу.

М. В. Новорусскій.

Выборгъ,
24-го марта
1906 г.

Процессъ «Великорусцевъ».

1861 г.

(По неизданнымъ источникамъ).

I.

«Нелегальщина» шестидесятихъ годовъ началась съ небольшого листка «Великорусъ» № 1, разбросаннаго кое-гдѣ въ Петербургѣ, а вскорѣ и въ Москвѣ, въ іюлѣ 1861 года.

Въ немъ не было достаточной ясности и опредѣленности, но было что-то иное, чѣмъ печатавшееся въ цензуруемой прессѣ.

Воспроизвожу его полностью.

«Помѣщичьи крестьяне недовольны обременительною перемѣною, которую правительство производитъ подъ именемъ освобожденія; недовольство ихъ уже проявляется волненіями, которыми сочувствуютъ казенные крестьяне и другіе простолюдины, также тяготящіеся своимъ положеніемъ. Если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ, надобно ждать большихъ смутъ. Правительство ничего не въ силахъ понимать, оно глупо и невѣжественно, оно ведетъ Россію къ пугачевщинѣ. Надобно образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣлъ изъ рукъ неспособнаго правительства, чтобы спасти народъ отъ истязаній; если общество не сдѣлаетъ этого, оно само подвергнется терроризму, потому что правительство, при своей неспособности вести національныя дѣла разумнымъ образомъ, впадаетъ въ необходимость держаться системы стѣсненій.

«Если образованные классы почтутъ себя безсильными, не почувствуютъ въ себѣ рѣшимости обуздать правительство и руководить имъ, тогда патріоты будутъ принуждены призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались бы образованные классы. Сначала же попробуемъ: быть можетъ, просвѣщенная часть націи не почтетъ себя безсильною. На дѣлѣ, она гораздо сильнѣе правительства, тупаго и трусливаго. Такъ, просвѣщенные люди лишь должны громко сказать правительству: мы требуемъ отмены такихъ-то и такихъ-то вещей, мы хотимъ замѣны ихъ такими-то и такими-то. Требованіе будетъ исполнено. Мы не поляки и не мужики. Въ насъ стрѣлять нельзя.

«Программу дѣйствій, конечно, должно опредѣлить для себя само общество. Итакъ, мы будемъ ждать его рѣшеній. Теперь пока поставимъ два изъ вопросовъ, особенно нуждающихся въ рѣшеніи.

«Должна ли состоять сущность новаго порядка вещей, котораго одинаково желаютъ и народъ и образованные классы, въ устраненіи произвольнаго управленія, въ замѣнѣ его законностью, и способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо?»

«Сообразно тому или другому рѣшенію этихъ вопросовъ опредѣлятся и способы дѣйствія, а опредѣливъ способъ дѣйствія, общество найдетъ въ себѣ и силу дѣйствовать.»

Мѣсяца черезъ два вышелъ второй номеръ, посвященный разсмотрѣнію мнѣній разныхъ группъ и оттѣнковъ общества по первому изъ двухъ поставленныхъ вопросовъ.

«Водвореніе законнаго порядка—общее желаніе просвѣщенныхъ людей. Большинство ихъ сознаетъ, что главнѣйшія условія для этого таковы: *хорошее разрѣшеніе крѣпостного дѣла, освобожденіе Польши и конституція*».

Что касается крестьянскаго вопроса, то самъ «Великоруссъ» полагалъ, что «для мирнаго водворенія законности, необходимо рѣшить его въ смыслѣ удовлетворительномъ по мнѣнію самихъ крестьянъ, т. е. государство должно отдать имъ, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ земли и угодья, которыми пользовались они при крѣпостномъ правѣ, и освободить ихъ отъ всякихъ особенныхъ платежей или повинностей за выкупъ, принявъ его на счетъ всей націи».

«Газета» находила далѣе, что приверженцы законности обязаны требовать безусловнаго освобожденія Польши.

«Теперь стало ясно для всѣхъ, что власть наша надъ нею поддерживается только вооруженною рукою. А пока въ одной части государства власть надъ цивилизованнымъ народомъ держится системой военнаго деспотизма, правительство не можетъ отказаться отъ этой системы и въ остальныхъ частяхъ государства». Поэтому «вопросъ о Польшѣ для насъ, русскихъ, состоитъ только въ томъ, станемъ ли мы ждать, чтобы насъ съ позоромъ выгнали изъ Польши. Освободившаяся нація останется тогда враждебна намъ. Или мы будемъ такъ умны, что сами добровольно откажемся отъ владычества, разорительнаго для насъ, и сдѣлаемъ поляковъ вѣрными друзьями намъ.»

Но мало отказаться отъ Польши, надо имѣть благоразуміе отказаться и отъ всей южной Россіи...

«Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться однимъ, имѣя въ самихъ себѣ всѣ элементы національнаго могущества. Гордые своею силою, мы не имѣемъ низкой нужды искать, по примѣру Австріи, вреднаго для насъ самихъ искусственнаго могущества въ насильственномъ удерживаніи другихъ цивилизованныхъ племенъ въ составѣ нашего государства. Мы можемъ вполне признать права національностей. Мы необходимо должны это сдѣлать, чтобы ввести и упрочить у себя свободу. Вотъ объясненіе имени, носимаго нашею газетою. Но вопросъ о южной Руси еще только возбуждаемъ мы сами, предлагая его на разсмотрѣніе

южноруссовъ. Вопросъ о Польшѣ уже требуетъ немедленнаго практическаго рѣшенія. Оно—выводъ нашихъ войскъ изъ Польши и всѣхъ земель, гдѣ масса народа или говоритъ по-польски, или привязана къ прежней уніатской вѣрѣ, потому что во всѣхъ этихъ мѣстахъ народъ имѣетъ, если не имя поляковъ, то польскій духъ.»

Дальше «Великоруссъ» продолжалъ:

«Еще не всѣ либеральные русскіе убѣждены въ необходимости такого рѣшенія крестьянскаго и польскаго вопросовъ; нѣкоторые думаютъ ограничиться половинными уступками. Такіе взгляды оставляютъ безъ вниманія связь этихъ вопросовъ съ конституціоннымъ. Разсмотрѣвъ же ихъ по отношенію къ этому коренному дѣлу, нельзя не видѣть, что никакое рѣшеніе ихъ, кромѣ изложеннаго, не ведетъ къ главной цѣли—упроченію конституціи у насъ. Это желаніе либеральныхъ русскихъ можетъ исполниться только при полномъ удовлетвореніи поляковъ и крѣпостныхъ крестьянъ: если останется надобность подавлять тѣхъ или другихъ оружіемъ, законный порядокъ невозможенъ у насъ самихъ. Эту точку зрѣнія комитетъ настоятельно рекомендуетъ вниманію русскихъ конституціонистовъ.

«Всѣ согласны въ томъ, какія черты законнаго порядка должна установить конституція. Главныя изъ нихъ: отвѣтственность министровъ, вотированіе бюджета, судъ присяжныхъ, свобода исповѣданій, свобода печати, уничтоженіе сословныхъ привилегій, самоуправленіе по областнымъ и общиннымъ дѣламъ. Но чего требовать? Того, чтобы государь даровалъ конституцію, или чтобы онъ предоставилъ націи составить ее? Правительство не умѣетъ порядочно написать даже обыкновеннаго указа, тѣмъ менѣе сумѣло бы оно составить хорошую конституцію, если бы и захотѣло. Но оно хочетъ сохранить произволъ, потому подъ именемъ конституціи, издало бы оно только актъ, сохраняющій, при новыхъ словахъ, прежнее самовластіе. Итакъ, требовать надобно, не октроирования конституціи, а созванія депутатовъ для свободнаго ея составленія. Для выбора представителей нужны: свобода печати, право популярнымъ людямъ составить изъ себя въ каждой губерніи распорядительный комитетъ съ подчиненіемъ ему всѣхъ губернскихъ властей, составленіе временнаго избирательнаго закона популярными лицами, которыхъ укажетъ голосъ публики.»

Наконецъ, еще черезъ двѣ недѣли, въ серединѣ сентября, былъ выпущенъ третій номеръ «Великорусса», посвященный разсмотрѣнію мнѣніи русскаго общества по вопросу о томъ, насколько царствовавшая династія способна добросовѣстно и твердо отказаться отъ произвольной власти.

Комитетъ «Великорусса» находилъ, что при массѣ разногласій по такому очень острому тогда вопросу, для блага націи необходимо дать нѣкоторое время провѣрить свои мысли людямъ, считающимъ сохраненіе династіи совмѣстимымъ съ конституціоннымъ правленіемъ. По его мнѣнію, «если нынѣшній государь

добросовѣстно откажется отъ произвола, проигрышъ республиканской партіи будетъ не очень великъ. Истинно-конституціонная монархія мало отличается отъ республики. Что касается комитета, онъ, вмѣстѣ съ передовою частью патріотовъ, увѣренъ, что законность и нынѣшняя династія—вещи, которыхъ нельзя соединить. Тѣмъ не менѣе, онъ убѣждаетъ передовыхъ патріотовъ ограничиться на первое время только тѣмъ, чтобы помогать умѣренной партіи, желающей сдѣлать такую пробу. Время, употребленное на этотъ опытъ, не будетъ потеряно для политическаго воспитанія массы. Сами факты пусть раскроютъ глаза людямъ, питающимъ ошибочную надежду на династію. Всего важнѣе, чтобы друзья свободы дѣйствовали заодно. Для этого передовые прогрессисты должны подождать (ждать придется не долго), пока отставшіе отъ нихъ въ своемъ политическомъ развитіи конституціоналисты будутъ приведены событіями къ принятію истины, которую теперь они еще не замѣчаютъ. Быть снисходительными и терпѣливыми—дѣло тѣхъ, которые убѣждены, что довольно скоро всѣми будетъ признана вѣрность ихъ взгляда.

«Сообразно этому слѣдуетъ на первый разъ испытать мирныя средства. Должно подать государю адресъ. Проектъ адреса мы разсылаемъ. Онъ написанъ въ самомъ умѣренномъ духѣ, чтобы всѣ либеральные люди могли принять его. Что же дѣлать съ нимъ? Должно пользоваться существующими собраніями, чтобы пропагандировать его принципы и мысль о необходимости подать его государю. Сначала пусть ведетъ эту пропаганду каждый въ частномъ кругу своихъ знакомыхъ; круги эти будутъ расти, руководители ихъ—сближаться. Когда большинство публики будетъ думать объ адресѣ одинаково съ ними, можно будетъ говорить о немъ и въ общественныхъ собраніяхъ. Вездѣ есть клубы для танцевъ и картъ, вездѣ бываютъ балы, вечера. Тутъ въ числѣ другихъ предметовъ разговора, будетъ идти рѣчь и объ адресѣ. Этотъ мирный обмѣнъ мыслей не будетъ имѣть въ себѣ ничего опаснаго; полиція не можетъ сдѣлать большихъ неприємностей человѣку за то, что онъ, подобно всѣмъ другимъ, говорить со своими знакомыми о средствахъ предотвратить бѣдствія. Объ этомъ и теперь говорятъ всѣ повсюду, только безъ общаго основанія и опредѣленной цѣли. Цѣль и связь эту дастъ дѣло о подачѣ адреса. Разумѣется, дѣйствовать надобно спокойно, удерживая опрометчивыхъ людей отъ выходокъ, которыя подвергли бы ихъ бѣдамъ безъ пользы дѣлу. Пропагандою будетъ заниматься каждый, въ комъ есть убѣжденія.

«На людяхъ, особенно сильныхъ умомъ и характеромъ, лежитъ еще другая обязанность,—организовать и дисциплинировать движеніе. Они должны составлять комитеты, которые систематически руководили бы партіями.

«Когда образуются комитеты по городамъ, нашъ комитетъ вступить въ сношенія съ ними. Спрашиваютъ, кто мы? Когда явится надобность, наши скромныя имена будутъ открыты тѣмъ,

кому будетъ нужно знать ихъ, для пользы дѣла. А наши намѣренія теперь явны всѣмъ. Въ первомъ номерѣ «Великорусса» мы съ расчетомъ только ставили вопросы, и при томъ въ крайне общихъ выраженіяхъ, чтобы не навязывать публикѣ нашихъ мнѣній, а узнать ея желанія и сообразовать наши дѣйствія съ ними. Давъ публикѣ время высказаться, теперь мы выставляемъ программу, которую потребовала она сама.

«Итакъ, на первое время должно ограничиться пропагандою мысли объ адресѣ и объ условіяхъ, которыя необходимо соблюсти для водворенія законнаго порядка. Рѣшительныя дѣйствія, собраніе подписей къ адресу и назначеніе депутатовъ для представленія его государю, надобно будетъ начать только тогда, когда большинство публики будетъ приготовлено къ этому дѣятельностью комитетовъ. Раньше этого такія попытки вредны. Намъ будетъ видно, когда настанетъ срокъ, и публика можетъ быть увѣрена, что мы пригласимъ ее къ подписанію и подачѣ адреса только тогда, когда эту демонстрацію можно будетъ исполнить спокойно, торжественно, съ непреодолимою силою, передъ которою робко преклонится правительство. Заставить его согласиться на требованія публики будетъ легко. Не въ этомъ сомнѣвались мы, говоря о несомѣстимости нынѣшней династіи съ конституціей. Мы думаемъ, что, согласившись на все, династія будетъ стараться взять назадъ свои уступки. Но прямо противиться требованію, выраженному всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, она не можетъ. Пусть каждый подумаетъ, возможно ли съ Москвою и Петербургомъ поступить такъ, какъ съ Варшавой, Вильной или какимъ-нибудь селомъ Бездной? Нѣтъ, нѣтъ. Депутации русскихъ столицъ, опираясь на всѣ великорусскія провинціи, представятъ собою могущество, передъ которымъ опустятся штыки, поблѣднѣютъ придворные и смирится безпомощный царь. Поймите свою силу, вы, къ кому мы обращаемся теперь.

«Этимъ номеромъ и проектомъ наша газета прекращается на время. Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше приглашеніе на образованные классы. Мы обращаемся, къ нимъ, какъ общали. Но если мы увидимъ, что они не рѣшаются дѣйствовать, намъ не останется выбора: мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ, и съ нимъ будемъ принуждены говорить уже не такимъ языкомъ, не о такихъ вещахъ. Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы мирную оппозицію, которая вынудила бы правительство до весны 1863 года устранить причины къ возстанію, народъ неудержимо поднимется лѣтомъ 1863 г. Отвратить это возстаніе патріоты не будутъ въ силахъ, и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ для націи образомъ.»

Въ томъ же номерѣ газеты былъ напечатанъ и самый проектъ адреса къ государю. Тамъ вкратцѣ было обрисовано критическое положеніе родины и дана оцѣнка самодержавію, одобренному желѣзнымъ бюрократизмомъ.

Въ концѣ адреса Александра II убѣждали въ такихъ словахъ: «Согласившись на введеніе конституціоннаго устройства, вы только освободите себя отъ тяготящаго надъ вами владычества лжи, замѣнивъ нынѣшнее наше подчиненіе—чистой и полезной покорностью истинѣ, которая не можетъ существовать въ государственныхъ дѣлахъ безъ политической свободы.

«Только правительство, опирающееся на свободную волю самой націи, можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту. Благоволите, государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или въ Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей польской націи въ ея столицѣ, Варшавѣ, чтобы они устроили судьбу своей родины сообразно ея потребностямъ.

«Объ этомъ просятъ васъ, государь, ваши русскіе подданные, которые не могутъ быть заподозрѣны въ желаніи чего-нибудь противнаго величію и славѣ Россіи.»

II.

Разумѣется, «Великоруссъ» очень обезпокоилъ III Отдѣленіе. Энергичные поиски быстро дали кончикъ нити: конспирація вообще всегда совершенствуется съ годами, а тогда, при самомъ началѣ революціоннаго дѣла, она была не довольно высока.

30 ноября 1861 года шефъ жандармовъ и главноуправляющій III Отдѣленіемъ, князь Долгорукій, сообщалъ министру юстиціи, графу Панину, что по даннымъ его тайной канцеляріи, «Великоруссъ» развозился по городу отставнымъ поручикомъ Обручевымъ, который и былъ арестованъ 5 октября, послѣ основательнаго обыска и опечатанія бумагъ. Осмотръ послѣднихъ не далъ прямыхъ уликъ, но усилилъ подозрѣнія: почеркъ его очень похожъ на тотъ, которымъ надписаны конверты съ «Великоруссомъ». Кромѣ того, въ бумагахъ Обручева оказалось письмо доктора Бокова съ печатью «I. A.», а ею были запечатаны многіе конверты съ нелегальной газетой. Обручевъ, однако, ни въ чемъ не сознался, сказавъ, что перваго номера «Великорусса» не видалъ, а второй получилъ самъ по почтѣ и немедленно сжегъ. Боковъ показалъ, что не помнитъ, гдѣ писалъ Обручеву найденное на обыскѣ у послѣдняго его письмо, но думаетъ, что у какого-нибудь больного ¹⁾. Въ бумагахъ его ничего не найдено.

Далѣе Долгоруковъ сообщалъ, что немного спустя Обручевъ «добровольно объяснился», что знаетъ составителей «Велико-

¹⁾ Въ письмѣ этомъ отъ 17 іюня Боковъ писалъ, между прочимъ: „О вашей брошюрѣ рѣчь впереди“. На допросѣ въ III Отдѣленіи, о какой брошюрѣ шла рѣчь, Боковъ сказалъ, что не помнитъ, знаетъ только, что Обручевъ говорилъ ему, что напечатаетъ сочиненіе, которое дастъ ему значительную сумму, которую онъ предоставитъ Бокову на его нужды.

русса» и что самъ распространялъ его, но никого не назоветъ изъ прикосновенныхъ лицъ, — «предоставляя обнаруженіе ихъ правительству». При этомъ онъ заявилъ, что, «сознавъ рановременность и бесполезность подобнаго воззванія, онъ общалъ, желая оказать правительству услугу, прекратить дальнѣйшія дѣйствія распространителей «Великорусса», для чего и вызвался забрать всѣ остающіеся въ рукахъ ихъ экземпляры онаго, со всѣми принадлежностями для печатанія и представить все это правительству, но для этого просилъ освободить его на нѣсколько дней». Когда же III Отдѣленіе предложило ему изложить все это письменно, то получило отказъ... Черезъ нѣсколько дней онъ, всетаки, написалъ записку (которую я приведу ниже вмѣстѣ съ другой его запиской и всеподданнѣйшимъ прошеніемъ).

Кромѣ доктора Бокова, были допрошены студенты Данненбергъ, Лобановъ, привлекавшійся, какъ, можетъ быть, помнѣть читатели «Былого», по дѣлу Писарева, и Сваричевскій. Въ бумагахъ ихъ ничего серьезнаго не оказалось, и потому единственный матеріалъ—это ихъ показанія.

Лобановъ сказалъ, что не читалъ «Великорусса», хотя получилъ его отъ Сваричевского, принесшаго нѣсколько экземпляровъ въ студенческую бібліотеку, но что, по слухамъ, въ печатаніи участвовалъ Данненбергъ.

Данненбергъ перваго номера не видѣлъ, второй читалъ, но отъ кого получилъ — не помнитъ. Обручева видѣлъ всего нѣсколько разъ, при чемъ послѣдній разъ весною 1861 года, т. е. до напечатанія «Великорусса».

Сваричевскій показалъ, что въ первыхъ числахъ іюля онъ, какъ одинъ изъ выборныхъ редакторовъ студенческаго сборника, вскрылъ адресованное въ редакцію письмо съ десятью экземплярами «Великорусса», которые и были у него тутъ же разобраны товарищами, какъ выдающаяся новость. Въ бумагахъ Сваричевского было нѣсколько писемъ, указывающихъ на него, какъ вообще на распространителя запрещенныхъ сочиненій. Они посланы въ особо учрежденную слѣдственную комиссію при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ д. ст. совѣтника Собѣщанскаго.

Въ заключеніе князь Долгорукій сообщалъ Панину, что съ 3 ноября Обручевъ, Лобановъ, Данненбергъ и Сваричевскій заключены въ Петропавловской крѣпости, мѣстѣ успокоенія всѣхъ враговъ отечества, и передавалъ ему волю государя: предать Обручева, Бокова, Лобанова, Данненберга и Сваричевского суду сената, но «дѣло о нихъ производить безъ очереди и сколь можно поспѣшнѣе».

Панинъ, разумѣется, не замедлилъ дать дѣлу «ходъ незамедлительный», какъ онъ выражался, и 7-го декабря общее собраніе Сената передало это дѣло въ первое отдѣленіе пятаго департамента, уже разбиравшее дѣло Михайлова.

III.

Арестованный, какъ мы знаемъ, 5 октября въ III Отдѣленіи, Обручевъ 28 октября написалъ ту записку, о которой только что упоминалось мною. Вотъ она полностью:

«Я, нижеподписавшійся, симъ свидѣтельствую, что дѣйствительно принималъ участіе въ распространеніи второго номера «Великорусса». О первомъ же номерѣ я узналъ уже послѣ его распространенія. Значительная часть конвертовъ, показанная мнѣ при допросѣ, дѣйствительно заадресована мною и мною же отправлена на почту. Лица, которымъ адресованы эти конверты, почти все неизвѣстны мнѣ даже по имени. Я составлялъ адреса по списку, доставленному мнѣ вмѣстѣ съ запечатанными конвертами, содержащими экземпляры «Великорусса». Списокъ этотъ мною впослѣдствіи сожженъ. Человѣка, отъ котораго я получилъ списокъ и конверты, я не могу рѣшиться назвать, несмотря на всю искренность моего раскаянія. Не могу этого сдѣлать, какъ потому, что человѣкъ этотъ довѣрчиво предалъ судьбу свою въ мои руки, такъ и потому, что я не знаю степени его участія въ этомъ дѣлѣ и долженъ признать гораздо вѣроятнѣйшимъ, что онъ игралъ въ немъ лишь весьма второстепенную роль. Рѣшившись назвать его, я, значить, не могъ бы даже успокоить себя мыслью, что доставилъ правительству средство сразу покончить со зломъ. Въ томъ же списокѣ находились адреса нѣсколькихъ лицъ, которымъ мнѣ предлагалось доставить экземпляры «Великорусса» лично. Нѣкоторые адреса были именныя, другіе заключали только указаніе дома и квартиры. Согласно сдѣланнѣмъ противъ меня показаніямъ, я въ началѣ сентября (не помню, котораго именно числа), дѣйствительно, развозилъ эти экземпляры на легковомъ извозчикѣ. Большая часть лицъ, которыхъ мнѣ приходилось отыскивать, мнѣ совершенно незнакома. Никому изъ нихъ я не отдавалъ конверта въ руки, а бросалъ у дверей или поспѣшно отдавалъ отворившему дверь, не смотря на него и стараясь уйти сколько возможно скорѣе. Теперь я совершенно не въ состояніи показать, кто именно были эти лица, и положительно не ручаюсь, что брошенные имъ конверты дошли по адресу. Нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ я не успѣлъ отыскать и черезъ нѣсколько времени сжегъ назначенные имъ конверты.

Отставной гвардіи поручикъ

Владиміръ Обручевъ».

Въ тотъ же день Обручевъ написалъ слѣдующее всеподданнѣйшее прошеніе:

«Ваше Императорское Величество Всемилоствѣйшій Государь!

«Осмѣливаясь припасть къ стопамъ Вашего Величества съ покаянной мольбой о помилованіи, возлагаю всю надежду мою

на то, что благость Царя не отвергнетъ задушевной исповѣди человѣка, бывшаго искреннимъ въ своихъ заблужденіяхъ и искренняго теперь въ своемъ раскаяніи. Я былъ приведенъ къ желанію крутыхъ реформъ тяжкою участью нашего простого народа, бѣдностью его жилищъ и одежды, негодностью пищи, грубостью нравовъ, случайностями, которымъ подвержена вся жизнь его, почти полною невозможностью для него достигнуть лучшей доли. Рѣшившись по мѣрѣ силъ и возможности содѣйствовать перемѣнѣ этого порядка вещей, я, однако, не думалъ, Государь, идти наперекоръ тремъ единственнымъ желаніямъ, какія можетъ питать сердце Царя: желанію блага подданныхъ, желанію славы, наконецъ, желанію матеріальныхъ выгодъ для себя и людей близкихъ сердцу. Я говорилъ себѣ, что коренныя реформы, несомнѣнно, должны улучшить участь подданныхъ Вашего Величества; что слава теперь жадно рукоплещетъ каждому шагу правителей на пути прогресса, что, наконецъ, среди восторженныхъ кликовъ энтузіазма въ честь Царя-Благодѣтеля, не можетъ быть рѣчи объ ограниченіи его личныхъ издержекъ.

«Таковъ былъ мой образъ мыслей, когда я согласился принять участіе въ распространеніи тайно-печатнаго изданія. Судьба остановила меня еще на первомъ шагѣ. Улики, представленныя мнѣ на допросѣ, дали мнѣ понять, что какъ бы ни желательно было достиженіе цѣли, о которой мечталъ я,—средство, принятое мною, было несвоевременно, бесполезно, преступно. Покаявшись быстро и чистосердечно, я предложилъ графу Шувалову ¹⁾, доставить ему фактическое доказательство искренности перемѣны въ моемъ образѣ мыслей. Только обстоятельства, независимыя отъ моей воли и распорядительности, помѣшали осуществленію этого плана. Мнѣ былъ тогда предложенъ другой путь для доказательства моей искренности—названіе именъ людей, довѣрившихъ мнѣ судьбу свою... Государь, такія обличенія выше силъ моихъ! Я надѣюсь, что въ виду бесплодности своихъ попытокъ, эти люди одумаются и такъ.

«Зная строгость закона къ преступникамъ того разряда, къ которому я принадлежу, я вполнѣ чувствую, Государь, какъ неумѣтна была бы съ моей стороны просьба о помилованіи совершенномъ. Но для человѣка, еще молодого и не лишеннаго нѣкоторыхъ способностей, невыносимо тяжела мысль о гибели безусловной, безвозвратной. При расположеніи моемъ къ болѣзненной тоскливости, при слабости здоровья, возрастающей съ каждымъ годомъ, многія наказанія необходимо обратятся для меня въ смертную казнь и въ казнь, полную лишннихъ мученій. Отчужденіе отъ общества, строгое заточеніе, жизнь въ слишкомъ суровомъ климатѣ превосходятъ слабую сумму моихъ физическихъ

¹⁾ Управлявшему III Отдѣленіемъ.

и нравственныхъ силъ. Быть наказаннымъ, но въ то же время остаться человѣкомъ—вотъ мечта, объ осуществленіи которой осмѣливается умолять Васъ, Государь,

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный

Владиміръ Обручевъ.

Черезъ день, 30 октября, Обручевъ написалъ еще одну записку которую я тоже привожу съ буквальной точностью:

«На сдѣланные мнѣ два дополнительные вопроса имѣю честь отвѣтить слѣдующее:

«1. О существованіи третьяго номера «Великорусса» я зналъ изъ разговора съ тѣмъ самымъ лицомъ, отъ котораго получилъ экземпляры втораго номера. Содержаніе его было глухо указано въ томъ же второмъ номерѣ и, кромѣ того, нѣсколько пояснено мнѣ въ томъ же разговорѣ.

«2. Прося объ освобожденіи меня съ цѣлью доставить въ руки правительства матеріалы, служившіе для печатанія «Великорусса», я надѣялся, что мнѣ удастся войти въ сношеніе съ человѣкомъ, отъ котораго я получилъ экземпляры втораго номера и черезъ него, можетъ быть, склонить на сторону своего мнѣнія главныхъ участниковъ дѣла. Не могу, однако, вывести изъ этого никакихъ прямыхъ предположеній на счетъ мѣста изданія «Великорусса» и мѣстожительства его издателей.

Отставной гвардіи поручикъ

Владиміръ Обручевъ.

IV.

Сенатъ въ составѣ первоприсутствовавшаго Г. П. Митусова и сенаторовъ: Н. М. Карнѣева, К. Б. фонъ-Венцеля, А. П. Бутурлина, А. А. Волоцкаго и М. М. Карніолинъ-Пинскаго, не нашелъ нужнымъ стѣснять свободу доктора Бокова и взялъ лишь отъ него подписку съ обязательствомъ явиться по первому требованію.

Одновременно работала «Особая комиссія для разбирательства степени виновности лицъ, арестованныхъ по случаю безпорядковъ, бывшихъ въ Петербургскомъ университетѣ». Среди этихъ лицъ были Данненбергъ и Лобановъ. Поэтому Сенатъ получилъ оттуда свѣдѣнія о степени ихъ прикосновенности. Первый изъ нихъ въ показаніяхъ комиссіи настаивалъ на томъ, что въ происшедшихъ безпорядкахъ виноваты исключительно попечитель учебнаго округа, генераль Филиппсонъ, ректоръ Плетневъ и войска, призванныя для подавленія. Лобановъ въ безпорядкахъ не участвовалъ по болѣзни, но въ крѣпость, всетаки, попалъ тогда прямо съ кровати.

13 декабря Обручеву былъ сдѣланъ первый допросъ Сенатомъ.

1. «Владиміръ Александровичъ Обручевъ, 25 лѣтъ, православный, холостъ, за окончаніе академіи генеральнаго штаба получилъ малую серебряную медаль. У матери имѣніе въ 130 душъ въ Тверской губерніи».

Къ этимъ біографическимъ даннымъ необходимо присоединить, что Обручевъ былъ однимъ изъ близкихъ къ Чернышевскому сотрудниковъ «Современника» ¹⁾. Теперь онъ генераль-майоръ по адмиралтейству. На обращенную мною просьбу помочь выясненію обстоятельствъ настоящаго дѣла, генераль письменно отвѣтилъ, что, въ виду своего служебнаго положенія, не считаетъ возможнымъ прибавить что-либо къ имѣющимся въ моемъ распоряженіи сенатскимъ матеріаламъ... Такимъ образомъ остается надѣяться, что кто-нибудь изъ другихъ участниковъ или ихъ родственниковъ подѣлится со мною или съ «Былымъ» интересными матеріалами.

2. «Призванный для допроса къ начальнику штаба корпуса жандармовъ ²⁾, я рѣшился быть откровеннымъ и покаяться, по двумъ соображеніямъ: 1) потому, что дѣйствительно убѣдился въ преступности своихъ дѣйствій, 2) потому, что покаяніемъ надѣялся облегчить свою участь, тѣмъ болѣе, что графъ Шуваловъ общалъ мнѣ тогда облегченіе. Но при всей откровенности я не могъ сказать того, чего не знаю, т. е. объявить, что имѣю свѣдѣніе о главныхъ участникахъ дѣла. На сдѣланное мнѣ впоследствии предложеніе подтвердить слова мои письменно, я сначала отвѣтилъ отказомъ, потому что графъ Шуваловъ общалъ мнѣ, что разговоръ нашъ останется въ тайнѣ. Прося о временномъ освобожденіи, я только говорилъ, что мнѣ, можетъ быть, удастся достигнуть предположенной цѣли, и на словахъ не далъ никакихъ поясненій на этотъ счетъ, какъ сдѣлалъ это впоследствии, въ письменномъ показаніи. Я назвалъ лицо, отъ котораго получилъ списокъ и конверты, игравшимъ второстепенную роль, потому что мнѣ такъ казалось по тону его разговора. Итакъ, могу только повторить, что не знаю никакихъ участниковъ этого дѣла, кромѣ лица, отъ котораго получилъ списокъ и конверты. Къ сдѣланному мною предположенію, что это лицо играло второстепенную роль, не имѣю средствъ прибавить никакихъ объясненій на счетъ характера этой роли. Самъ я участникомъ въ составленіи «Великорусса» не былъ. Не зная составителей этого листка, не могу знать ни мѣста ихъ жительства, ни мѣста изданія «Великорусса». Конверты съ экземплярами «Великорусса» были мнѣ переданы лицомъ, котораго имени, по причинамъ мною объясненнымъ, я объявить не могу».

3. «Лѣкарь Боковъ женатъ на моей родной сестрѣ. Письмо отъ

¹⁾ Л. О. Пантелѣевъ (стр. 235 его „Изъ воспоминаній прошлаго“) называетъ г. Обручева „любимцемъ Чернышевскаго“. Ни у меня, ни у сына Н. Г.—ча нѣтъ доказательствъ справедливости этого утвержденія.

²⁾ Вторая должностъ гр. Шувалова, помощника кн. Долгорукова.

него было получено мною лѣтомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Онъ не участвовалъ въ разсылкѣ воззванія мною. На счетъ того, какъ письмо отъ него могло быть запечатано этою печатью, я никакихъ объясненій дать не могу».

4. «Брошюра эта (упоминаемая Боковымъ въ письмѣ къ Обручеву—*М. Л.*), озаглавленная мною «Un peu de bon sens mesdames et d'impartialité», была написана мною на французскомъ языкѣ. Она касалась средствъ къ предупреденію рожденія дѣтей въ случаяхъ, когда это пагубно и для родителей и для ребенка».

5. «Я читалъ только второй номеръ «Великорусса» и сознаю преступность изложенныхъ тамъ соображеній и стремленій».

6. «Я зналъ весьма поверхностно студентовъ Лобанова и Данненберга. Г. Сваричевского я не зналъ. Эти лица не участвовали со мною въ распространеніи воззванія «Великоруссъ». Не участвовавши въ составленіи этого листка, не могу знать, участвовали ли въ немъ эти лица».

7. «Хотя я искренно и чистосердечно раскаялся, но вижу, что по закону эта степень раскаянія не признается достаточной, если не сопровождается указаніемъ участниковъ преступления. О числѣ разосланныхъ мною экземпляровъ не имѣю свѣдѣній, потому что они были мнѣ доставлены въ запечатанныхъ конвертахъ. Числа конвертовъ, какъ разосланныхъ мною, такъ и сожженныхъ, не помню. Знаю только, что почти всѣ они доставлены въ III Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи».

Такимъ образомъ Сенатъ увидѣлъ, что главныхъ нитей къ «Великоруссу» онъ тоже не получить... Не было ихъ у правительства и позже; дѣло созданія, выпуска и распространія этой первой русской прокламаціи такъ и кануло въ неизвѣстность... Можетъ быть, впрочемъ, живые свидѣтели этого дѣла позаботятся оставить небезынтересныя свѣдѣнія о немъ. Есть серьезное основаніе предполагать, что «Великоруссъ» былъ отчасти дѣломъ рукъ Чернышевскаго. Основаніе это дается свидѣтельствомъ г. Стахевича, пострадавшаго въ тѣ годы по другому дѣлу и много лѣтъ проведеннаго съ Чернышевскимъ въ Сибири. «Я замѣтилъ,—говоритъ г. Стахевичъ—что Чернышевскій съ явственнымъ сочувствіемъ относится къ листкамъ, выходившимъ въ неопредѣленные сроки подъ заглавіемъ «Великоруссъ»; вышло, помнится, три номера. Слушая разговоры Николая Гавриловича, я иногда замѣчалъ, что и содержаніе мыслей и способъ ихъ выраженія сильнѣйшимъ образомъ напоминаютъ мнѣ листокъ «Великоруссъ», и я про себя рѣшилъ, что онъ былъ или авторомъ, или, по меньшей мѣрѣ, соавторомъ этихъ листовъ, проповѣдывавшихъ необходимость конституціонныхъ преобразованій»¹⁾.

¹⁾ „Закаспійское Обозрѣніе“, 1905 г., № 143.

Лобановъ ¹⁾ показалъ въ Сенатѣ, что, получивъ первый номеръ «Великорусса» отъ Сваричевского, онъ отправился съ нимъ домой, но встрѣтилъ студента Назаревского, который почти отнялъ у него газету. Лобановъ прибавилъ, что на устномъ допросѣ въ III Отдѣленіи показалъ то же самое, но потомъ былъ сбитъ допрашивавшимъ Путилинымъ. Кто ему говорилъ, что Данненбергъ печаталъ «Великоруссъ»,—припомнить не могъ. Обручева видѣлъ одинъ разъ въ воскресной школѣ, Бокова не знаетъ совершенно. Въ заключеніе своихъ непространныхъ показаній Лобановъ написалъ: «Откровенно и чистосердечно передъ Богомъ и совѣстію моею отвѣчаю, что ни о составленіи, ни о распространеніи «Великорусса» я ничего не знаю и самъ ни въ чемъ противозаконномъ не участвовалъ и болѣе ничего объяснить не могу».

Сенатъ рѣшилъ освободить Лобанова на поруки отца.

19 декабря былъ допрошенъ Данненбергъ ²⁾. Его прежде всего спросили по поводу письма нѣкогого Алексѣева, найденнаго при обыскѣ. Тамъ упоминалось о какомъ то-«заговорѣ». По этому поводу Данненбергъ сильно расхолодилъ своихъ судей: Алексѣевъ разумѣлъ аристократическій заговоръ, слухъ о которомъ распустилъ журналъ «Kladerradatch». Онъ напечаталъ остроту, состоящую въ слѣдующемъ. Одна знатная русская дама передала одному тоже знатному русскому письмо со словами: «vom Herzen». Онъ же передалъ ей другое письмо со словами: «am Herzen». Это подслушали и донесли, что упомянутыя особы въ перепискѣ съ Герценомъ (Herzen) и что, слѣдовательно, есть аристократическій обширный заговоръ»...

Что касается «Великорусса», то Данненбергъ сказалъ, что первый номеръ читалъ въ рукописной копіи, но составителей не знаетъ. Второй номеръ читалъ, но отъ кого получилъ его—не помнитъ. Обручева встрѣчалъ дважды у капитана Тихменева. Видѣлъ его издали и на лекціяхъ Костомарова въ университетѣ. У прикосновенности его къ «Великоруссу» ничего не знаетъ и не слышалъ. Бокова не знаетъ совѣмъ.

Относительно ходившихъ будто слуховъ о его собственномъ участіи въ печатаніи «Великорусса» Данненбергъ отозвался, что Лобановъ все это сочинилъ изъ страха. Въ февралѣ онъ былъ освобожденъ подѣ надзоръ полиціи.

На другой день допросили Сваричевского. ³⁾

Кромѣ показаннаго въ III Отдѣленіи, онъ ничего прибавить

¹⁾ Василій Васильевичъ Лобановъ, 19 лѣтъ, православный; у отца собственный домъ на Средней Мѣщанской; учился во 2-ой Петербургской гимназій и въ 1859 г. поступилъ въ университетъ.

²⁾ Федоръ Ростиславичъ, 18 лѣтъ, православный; мать урожденная Каховская; родители живутъ въ имѣніи въ Бузулукскомъ уѣздѣ Самарской губерніи. Въ Петербургъ пріѣхалъ въ 1852 г. во 2-ю гимназію и выѣхавъ съ Лобановымъ поступилъ въ университетъ.

³⁾ Михаилъ Николаевичъ, 22 лѣтъ, православный. Учился въ 1-й кievской гимназій и потомъ въ Кіевскомъ университетѣ, откуда въ апрѣлѣ 1859 г. Переведенъ въ петербургскій.

не могъ. Что же касается привлеченія еще по московскому дѣлу, то пояснилъ, что участіе его въ распространеніи запрещенныхъ сочиненій состояло въ томъ, что онъ продавалъ огаревскій разборъ книги барона Корфа, который получилъ въ 30 экземплярахъ отъ Петровскаго (молодого человѣка 22 лѣтъ). Назвать имена покупавшихъ не могъ, потому что связанъ честнымъ словомъ.

Дѣло Сваричевского было присоединено къ тому, и оба слушались потомъ въ московскомъ Сенатѣ.

21 декабря призванъ былъ для вопроса и докторъ Петръ Ивановичъ Боковъ, женатый на сестрѣ Обручева. Онъ происходитъ изъ коннозаводскихъ воспитанниковъ. Въ 1850 г. вступилъ въ Медико-Хирургическую академію, въ 1854 г. признанъ ветеринаромъ и опредѣленъ въ управленіе государственнымъ коннозаводствомъ. Потомъ въ той же академіи слушалъ курсъ медицины и въ 1859 г. признанъ лѣкаремъ съ золотой медалью. Въ 1860 г. уволенъ въ отставку въ чинѣ коллежскаго секретаря. И тогда уже довольно популярный врачъ, Боковъ потомъ имѣлъ прекрасную практику. Теперь онъ живетъ уже много лѣтъ въ Москвѣ.

Относительно «Великорусса» онъ отвѣтилъ полнымъ незнаніемъ. Обручевъ ни въ дружбѣ, ни во враждѣ съ нимъ не состоялъ.

Что касается печати на конвертѣ его письма къ Обручеву, то Боковъ отвѣтилъ то же, что говорилъ раньше и въ III Отдѣленіи: по всей вѣроятности, онъ воспользовался печаткой одного изъ своихъ многочисленныхъ паціентовъ.

Приведу, кстати, здѣсь и самое письмо, вложенное въ инкриминируемый конвертъ.

Оно состояло изъ двухъ частей. Первая писана Чернышевскимъ, вторая—Боковымъ.

«Добрый другъ, Владиміръ Александровичъ,—писалъ Чернышевскій,—очень можетъ быть, что недѣли черезъ двѣ Серно-Соловьевичъ будетъ имѣть въ рукахъ деньги. Въ этомъ онъ положительно увѣренъ. Но, разумѣется, лучше всего отложить полную увѣренность до времени, когда это исполнится. А когда онъ будетъ имѣть деньги, онъ съ удовольствіемъ отдастъ Вамъ сумму, нужную для Заремба.

Вы сами, пожалуйста, не хандрите, а лучше присылайте намъ (хоть черезъ Петра Ивановича или прямо адресуя въ редакцію «Современника») переводъ Шлоссера, по мѣрѣ изготовленія; объ этомъ усердно прошу Васъ.

Поцалуйте отъ меня ручку Маріи Александровны и передайте глубокое мое уваженіе Вашей матушкѣ.

Вашъ

Н. Чернышевскій».

Приписка Бокова: «Владиміръ Александровичъ, въ этомъ письмѣ Ник. Гав. пишетъ Вамъ о томъ, что Серно-Соловьевичъ

предполагаетъ имѣть деньги недѣли черезъ двѣ и изъ нихъ вручить Вамъ сумму, нужную Вамъ для уплаты Зарембѣ. Я сказалъ Ник. Гавр., что Вы должны 550 р. Кажется, не ошибся? Николай Гавр. просить Васъ спѣшить переводить Шлоссера и по частямъ пересылать въ Петербургъ. Чернышевскіе переѣхали на новую квартиру, въ Кабинетскую улицу, домъ и № дома еще не знаю, поэтому письма пока пишите на мое имя. Въ случаѣ деньги С.-С.-чѣ отдастъ Ник. Гавр., то кому поручить отдать ихъ Зарембѣ, и гдѣ его можно отыскать?

«Изъ-за границы извѣстій нѣтъ.

3 іюня.

П. Бокковъ.

Р. С. Физиологія Льюиса переведена профессорами Московскаго университета».

На конвертѣ значилось: «Тверской губерніи, въ городѣ Ржевѣ, Его Превосходительству Александрѣ Афанасьевичу Обручеву для передачи Владиміру Александровичу Обручеву». Около совершенно безформенной и гладкой печати надпись, сдѣланная въ III Отдѣленіи: «На печати этой, слившейся послѣ, были буквы Г. А.»

На обыскѣ у Обручева было взято еще и другое письмо Боккова, которое все испещрено всевозможными отмітками, сдѣланными въ III Отдѣленіи.

Приведу и его:

«Владиміръ Александровичъ, изъ Парижа (отъ 31 мая — 12 іюня) между прочимъ есть слѣдующее: жена была молодцомъ все время, только явилась мигрень и рвота, да сходявъ при этомъ довольно далеко, она растерла себѣ ноги до красной опухоли и теперь сидитъ дома, боясь чѣмъ нибудь заняться, чтобы головная боль не возвратилась. 3 (15) іюня мы думаемъ выѣхать въ Діеппо...

«Полина и Евгенія Николаевны (Полина Пыпина была потомъ замужемъ за Фанъ-деръ-Флитомъ — М. Л.) живутъ вмѣстѣ съ Александромъ и Сергѣемъ Николаевичами на отдѣльной квартирѣ, отдѣльно отъ Чернышевскихъ. Полина благодаритъ за поклонъ и посылаетъ свой, самый дружескій. Ев. Н. давно не видалъ.

«Николай Гавриловичъ остался очень доволенъ, узнавъ о томъ, что къ 1 сентября 1-й томъ Шлоссера будетъ переведенъ. Онъ проситъ по мѣрѣ перевода пересылать въ Петербургъ рукопись.

«Адресъ Ник. Гавр.: Кабинетская ул. д. № 4, кв. № 4.

«У С.-С. деньги въ рукахъ, Ник. Гавр. ихъ возьметъ сегодня же. Лучше я самъ отвезу деньги Зарембѣ, чѣмъ ему пріѣзжать ко мнѣ. Полагаю болѣе удобнымъ (рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ!) о займѣ у Зарембы денегъ теперь ему и не упоминать и отложить до возвращенія «нашего» изъ (неразборчиво).

«Для успѣшности займа у Зар. прибѣгать къ поручительству

Н. Г. неудобно. Н. Г. не любитъ всѣхъ людей, такъ называемыхъ «*коммерческихъ*» и «умѣющихъ пользоваться обстоятельствами», и поэтому обязываться предъ ними ему *тяжело*.¹⁾

«Теперь 5 пунктъ Вашего письма на очереди. Быть «великодушнымъ» и дѣлать «подарки» я не могу; но много разъ я желалъ писать Вамъ, и это желаніе было прямо потребностью «души», и каждый разъ останавливался, находя все это напраснымъ. «Размышлять» готовъ съ тѣмъ, кто, убѣдившись въ какой-нибудь нелѣпости, не послѣдуетъ ей больше. Этимъ я не хочу ни слова говорить о К. В., а хотѣлъ бы поговорить о коренномъ преобразованіи Вашей жизни и тогда, повѣрьте мнѣ, Вы будете спокойны, жизнь полнѣй и желанія будутъ всѣ исполнены и не будете горевать безплодно, какъ теперь.

«Рѣдко люди умѣли держаться на разумной серединѣ, состоящей въ томъ, чтобы во время работы работать всею своею силою и особенно всей своей душой, но посвящать труду для одной денежной выгоды менѣе часовъ въ днѣ, менѣе дней въ году и менѣе лѣтъ въ жизни» (Милль).

«О Вашей брошюрѣ рѣчь впереди.

П. Бокковъ.

«О здоровьѣ Вашемъ пока нечего прибавлять посланному лично.

«О Дуняшѣ Бога ради хлопочите, сколько есть силы у Васъ, и къ концу іюля пошлите ее ко мнѣ. Пожалуйста же».

Бокковъ, однако, разочаровалъ сенаторовъ. Онъ показалъ, что начало только что приведеннаго письма относится до родственника Обручева—Мотовилова, семью котораго онъ пользовалъ, какъ врачъ, и получалъ затѣмъ свѣдѣнія о ходѣ лѣченія за границей. Дуняша — прислуга, которую надо было отправить въ Петербургъ.

V.

Наканунѣ новаго года петербургскій генералъ-губернаторъ, кн. Суворовъ, сообщилъ Сенату, что не можетъ доставить такъ называемыхъ «повальныхъ обысковъ о поведеніи» Обручева, Данненберга и Сваричевского, потому что первый до своего ареста пробылъ въ Петербургѣ менѣе сутокъ, второй—двое, а третій—16 дней, и лицъ, ихъ знающихъ хоть сколько-нибудь, въ данное время въ Петербургѣ не находится.

Въ показаніяхъ Обручева Сенатъ остановился на одномъ противорѣчій: почему же онъ распространялъ второй номеръ «Великорусса», въ которомъ нѣтъ ничего о крестьянахъ, пользующихся его особой симпатіей? На вопросъ по этому поводу Обручевъ отвѣчалъ: «Давая обѣщаніе распространить второй

¹⁾ Далѣе пропускаю нѣсколько семейныхъ интимностей.

номеръ «Великорусса», я не зналъ о его содержаніи въ подробности. Впослѣдствіи я увидѣлъ, что его направленіе не вполне соответствовало цѣли, которую я имѣлъ въ виду. Но нѣкоторое отношеніе къ ней я, все-таки, находилъ. Поэтому, а также потому, что далъ уже обѣщаніе, я привелъ дѣло въ исполненіе. Хотя легкомысліе этого поступка и не соответствуетъ моимъ лѣтамъ, но могу сказать подъ честнымъ словомъ, что я, все-таки, не былъ при этомъ руководимъ никакимъ другимъ побужденіемъ, и что вопросъ объ отдѣленіи Польши и Малороссіи не занималъ меня. Матеріальныхъ расчетовъ при этомъ я также не имѣлъ. Не принадлежалъ и не принадлежу ни къ какому тайному обществу, не нахожусь подъ такого рода вліяніемъ и даже не знаю о существованіи какого бы то ни было тайнаго общества».

18 января 1862 г. въ Сенатъ были вызваны два рѣзчика, Гансонъ и Бергманъ, и граверъ Жозефъ для сличенія оттисковъ печатей съ буквами «І. А.» на конвертахъ, въ которыхъ Обручевъ разсылалъ «Великоруссъ», и на конвертѣ, въ которомъ Боковъ послалъ ему письмо. Они заявили, что имъ необходимо гипсъ и нѣкоторыя принадлежности, и потому сличеніе было отложено на 22 число. Но оно не дало результатовъ, на которые рассчитывало III Отдѣленіе... Эксперты нашли большое сходство въ рѣшеткахъ обоихъ оттисковъ, но «положительно удостовѣрить, что это оттиски одной и той же печати не могли», потому что на одной изъ нихъ вензель былъ размятъ, а произошло это потому, что почему-то III Отдѣленіе испортило раньше печать на боковскомъ конвертѣ. Зачѣмъ это было сдѣлано—такъ и осталось неизвѣстнымъ... Впрочемъ, этотъ фактъ имѣетъ связь съ другимъ: III Отдѣленіе утверждало, что было еще одно письмо, гдѣ Боковъ писалъ Обручеву о первыхъ двухъ номерахъ «Великорусса». Письмо это, конечно, было бы очень важнымъ фактомъ для обвиненія, но... но его не нашли, когда нужно было представить Сенату...

VI.

Сенатъ послѣ всего этого составилъ опредѣленіе, изъ котораго привожу наиболѣе существенную часть.

«Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, относящіяся до каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, правительствующій Сенатъ находитъ:

«1. Въ отношеніи поручика Обручева. Онъ, будучи арестованъ вслѣдствіе павшаго на него подозрѣнія, сначала ни въ чемъ не сознавался, но потомъ на словесномъ допросѣ въ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи сознался, какъ въ распространеніи воззванія «Великоруссъ», такъ и въ знаніи составителей его, обѣщая даже прекратить дальнѣйшія дѣйствія распространителей, забрать всѣ остающіеся въ рукахъ ихъ экземпляры съ принадлежностями для напечатанія и представить все это правительству, для чего просилъ освободить его

на нѣсколько дней. Когда предложено было ему изложить это объясненіе письменно, то онъ отказался отъ сего, а когда объявлено было ему, что онъ изъ-подъ ареста освобожденъ быть не можетъ, то въ собственноручной запискѣ и на допросѣ въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. Канцеляріи, а впослѣдствіи и въ присутствіи I отдѣленія 5 департамента правительствующаго Сената онъ объяснилъ, что распространялъ одинъ только второй номеръ «Великорусса», который получилъ отъ одного лица, по его мнѣнію, второстепеннаго въ дѣлѣ, наименованіе коего не послужило бы къ полному раскрытію дѣла, въ запечатанных конвертахъ и списокъ адресовъ лицъ, по коему онъ распространялъ воззваніе, но лица этого не открывъ, отъ знанія же составителей и другихъ распространителей совершенно отрекся. Изъ показаній его не видно было цѣли, для которой рѣшился онъ на такое преступленіе. Только во всеподданнѣйшей просьбѣ государю императору о помилованіи онъ изъяснилъ, что былъ приведенъ къ принятію крутыхъ реформъ тяжкою участію простого народа, бѣдностью его жилищъ и одежды, негодностью пищи, грубостью его нравовъ, случайностями, которымъ подвержена вся жизнь его, почти полною невозможностью для него достигнуть лучшей доли. Между тѣмъ, во второмъ номерѣ «Великорусса», который распространялъ онъ, вовсе не упоминалось о такомъ положеніи народа. Въ немъ только говорилось, какого мнѣнія крестьяне о вновь вышедшемъ о нихъ положеніи, предлагалось освобожденіе Польши и Южной Россіи и, наконецъ, замыселъ конституціи. При такомъ явномъ противорѣчьи и показаній объясненій Обручева съ его дѣйствіями, правительствующій Сенатъ предложилъ ему объяснить откровенно, какими побужденіями руководствовался онъ, распространяя второй номеръ «Великорусса». Но онъ объяснилъ, что, давши обѣщаніе распространить второй номеръ, онъ не зналъ въ подробности его содержанія, а впослѣдствіи хотя и увидѣлъ, что направленіе его не вполне соотвѣтствуетъ цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду, но всетаки находилъ нѣкоторое отношеніе къ ней, а посему и такъ какъ онъ далъ уже обѣщаніе распространить «Великоруссъ», то и привелъ дѣло въ исполненіе. Хотя легкомысліе поступка его и не соотвѣтствуетъ его лѣтамъ, но онъ, всетаки, подъ честнымъ словомъ завѣряетъ, что не былъ руководимъ при этомъ никакими другими побужденіями; вопросъ о Польшѣ и Малороссіи не занималъ его. Ни къ какому тайному обществу онъ не принадлежитъ и не находится подъ вліяніемъ такового. Изъ вышеизложеннаго оказывается, что отставной поручикъ Обручевъ по собственному сознанию, съ обстоятельствами дѣла согласному, виновенъ въ распространеніи второго номера «Великорусса». Обращаясь къ опредѣленію слѣдуемаго ему за сіе преступленіе, по законамъ, наказанія, правительствующій Сенатъ находитъ, что преступленіе, совершенное Обручевымъ, предусмѣрено въ раздѣлѣ 3-мъ о преступленіяхъ государственныхъ, въ главѣ 2-й, въ статьяхъ 285 и 286. Въ

первой изъ нихъ опредѣляется наказаніе виновнымъ въ распространіи воззванія съ цѣлью возбудить къ бунту, а бунтомъ, по ст. 283 той же главы, признается возстаніе скопомъ или заговоромъ противъ государя и государства, умыселъ ниспровергнуть правительство или переимѣнить образъ правленія и составленіе на сей предметъ заговора или принятіе участія въ составленномъ уже заговорѣ. Во 2-й статьѣ, 286-й, опредѣляется наказаніе виновнымъ въ распространіи такого сочиненія, которое, хотя безъ прямого и явнаго возбужденія къ возстанію противъ верховной власти, усиливается оспаривать или подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея или дерзостно порицать установленный государственными законами образъ правленія. Второй номеръ «Великорусса», распространенный Обручевымъ, какъ выше изложено, заключаетъ въ себѣ: а) порицаніе дѣйствій правительства, съ употребленіемъ дерзкихъ противъ онаго выраженій и б) желаніе освобожденія Польши и Южной Россіи и введенія конституціи,—но въ немъ не усматривается прямого и явнаго возбужденія къ возстанію противъ верховной власти, а посему къ настоящему преступленію Обручева правительствующій Сенатъ признаетъ справедливымъ примѣнить послѣднюю, т. е. 286, статью и вслѣдствіе сего подвергнуть его наказанію, въ сей статьѣ опредѣленному. Опредѣливъ такимъ образомъ родъ преступленія и степень наказанія, слѣдующаго подсудимому, и обращаясь къ опредѣленію мѣры онаго, Сенатъ изъ всѣхъ объясненій Обручева видитъ неискренность и нечистосердечность въ его сознаниі, ибо онъ, несмотря на всѣ дѣлаемыя ему увѣщанія и убѣжденія о показаніи истины безъ малѣйшей утайки, упорно скрываетъ сообщниковъ своего преступленія, а посему, руководствуясь 10 п. 141 ст. уложенія, мѣру наказанія должно назначить ему среднюю, т. е. онъ долженъ быть лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ каторжную работу на заводахъ на 5 лѣтъ и потомъ поселенъ въ Сибири навсегда (29 ст. уложенія).

«2. Другое прикосновенное къ дѣлу сему лицо есть *студентъ здѣшняго университета Федоръ Ростиславовъ Данненбергъ*. Вслѣдствіе павшаго на него подозрѣнія въ участіи въ распространеніи воззванія «Великоруссъ», сдѣланъ былъ въ бумагахъ его обыскъ, но не найдено ничего, что бы могло служить подтвержденіемъ павшаго на него подозрѣнія; самъ онъ ни въ какомъ участіи въ распространеніи «Великорусса» или въ знаніи составителей и распространителей его не сознался и никакихъ другихъ доказательствъ къ изобличенію его въ томъ дѣлѣ нѣтъ, а посему въ семъ отношеніи и долженъ быть отъ всякой отвѣтственности освобожденъ, но онъ самъ сознался въ томъ, что имѣлъ въ рукописи первый номеръ «Великорусса», зналъ содержаніе его и давалъ читать другимъ, но кому—не помнитъ. Имѣвшіе у себя такіа сочиненія съ знаніемъ содержанія оныхъ, не изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи ихъ, подвергаются за сіе, какъ за недонесеніе о извѣстномъ преступленіи или преступномъ

умыслѣ, аресту на время отъ 7 дней до 3 мѣсяцевъ и потомъ могутъ быть отдаваемы подъ надзоръ полиціи на время отъ одного года до трехъ лѣтъ (3 ч. 286 ст. уложенія): посему Данненбергъ долженъ быть подвергнутъ сему наказанію съ уменьшеніемъ оного 2-мя степенями по несовершеннолѣтію его (ст. 152 уложенія) и въ самой низшей оного мѣрѣ, по уваженію добровольнаго и чистосердечнаго его признанія (1 п. 146 ст.), т. е. онъ долженъ быть подвергнутъ аресту на одинъ день и отданъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ, но, принимая во вниманіе, что Данненбергъ, не подлежащій за проступокъ свой наказанію, съ лишеніемъ всѣхъ правъ сопряженному, съ 3 ноября 1861 г., до послѣднихъ чиселъ февраля 1862 г., содержался въ Петербургской Петропавловской крѣпости, правительствующій Сенатъ, руководствуясь 4. п. 166 ст., признаетъ справедливымъ ходатайствовать передъ его императорскимъ величествомъ, на основаніи 168 ст., объ избавленіи Данненберга отъ сего наказанія. Для совокупнаго сужденія съ означеннымъ обвиненіемъ Данненберга передано въ I отдѣленіе 5 департамента, по высочайшему повелѣнію, обвиненіе его по дѣлу о безпорядкахъ, происходившихъ между студентами здѣшняго университета. Такъ какъ по сему послѣднему дѣлу онъ отнесенъ къ категоріи студентовъ, изблеченныхъ или сознавшихъ въ намѣреніи не исполнять предписаній правительства, то, руководствуясь высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 4 декабря прошлаго года въ отношеніи студентовъ, причисленныхъ къ этой категоріи, правительствующій Сенатъ полагалъ бы его, Данненберга, по исключеніи изъ университета выслать въ уѣздный городъ одной изъ отдаленныхъ губерній, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ, подъ строгій надзоръ мѣстнаго городничаго съ допущеніемъ на службу въ уѣзныхъ и городскихъ присутственныхъ мѣстахъ того города, гдѣ ему опредѣлено будетъ жителство, но не внѣ оного, на что испросить высочайшее соизволеніе.

«3. Третій подсудимый по сему дѣлу есть *студентъ здѣшняго университета Василій Лобановъ*. По упавшему на него подозрѣнію въ участіи въ распространеніи воззванія «Великоруссъ» сдѣланъ былъ осмотръ въ бумагахъ его, но оныя не указали обстоятельствъ, которыя могли бы служить доказательствомъ павшаго на него подозрѣнія. Самъ онъ ни въ участіи въ распространеніи «Великорусса», ни въ знаніи составителей или распространителей оного не сознался, а объяснилъ, что, бывши въ студенческой библіотекѣ (въ которой онъ былъ библіотекаремъ), онъ получилъ отъ студента Сваричевского первый номеръ «Великорусса» и, еще не зная содержанія его, несъ домой, но на Адмиралтейскомъ бульварѣ встрѣтился съ знакомымъ ему вольнослушателемъ университета Назаревскимъ, который, увидавъ у него въ книгахъ, взятыхъ имъ изъ университета, означенный номеръ, взялъ его у него, противъ его воли; хотя Назаревскій въ пока-

заніи, данномъ въ I отдѣленіи 5 департамента, объяснили, что Лобановъ далъ ему этотъ номеръ не противъ воли, а добровольно, и уличалъ въ томъ Лобанова на очной ставкѣ, но уличить не могъ, и Лобановъ утвердилъ свое показаніе. Студентъ Сваричевскій, съ своей стороны, не отвергъ ссылки Лобанова въ передачѣ ему «Великорусса», объяснивъ, что, прийдя однажды въ университетъ, онъ получилъ отъ швейцара конвертъ, адресованный въ редакцію студенческаго сборника (такъ какъ онъ былъ одинъ изъ редакторовъ, выборныхъ изъ математическаго факультета), и вскрывъ его, нашелъ 10 экземпляровъ перваго номера «Великорусса», которые, прийдя въ студенческую библіотеку, роздалъ студентамъ, въ числѣ которыхъ, помнится, былъ и Лобановъ. Изъ вышеизложеннаго оказывается, что вся прикосновенность Лобанова къ настоящему дѣлу состоитъ въ томъ только, что онъ имѣлъ у себя самое короткое время первый номеръ «Великорусса», полученный имъ отъ Сваричевского, но не зналъ даже содержанія его, ибо у него взялъ оный Назаревскій тогда, когда онъ несъ его домой. Посему нѣтъ основанія обвинять Лобанова не только въ какомъ-либо участіи въ распространеніи «Великорусса» или въ знаніи составителей и распространителей его, но даже и въ томъ, что онъ, имѣя короткое время у себя въ рукахъ первый номеръ «Великорусса», зналъ содержаніе его. Для совокупнаго сужденія съ означеннымъ обвиненіемъ Лобанова передано въ I отдѣленіе 5 департамента, по высочайшему повелѣнію, обвиненіе его по дѣлу о безпорядкахъ, происшедшихъ между студентами здѣшняго университета. Такъ какъ по сему послѣднему дѣлу Лобановъ отнесенъ къ числу студентовъ, въ дѣйствіяхъ коихъ не обнаружено предумышленнаго намѣренія сопротивляться распоряженіямъ правительства, то, руководствуясь высочайшими повелѣніями 4 декабря 1861 года и 15 февраля 1862 г. о студентахъ второго курса Петербургскаго университета, кои, по мѣрѣ участія въ безпорядкахъ, отнесены къ сей категоріи, правительствующій Сенатъ полагалъ бы ходатайствовать передъ его императорскимъ величествомъ сдѣлать ему, Лобанову, строгое внушеніе за участіе въ безпорядкахъ и затѣмъ даровать всемілостивѣйшее прощеніе.

«4. Что касается до студента Сваричевского, то изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній оказалось, что онъ, кромѣ настоящаго, прикосновененъ къ дѣлу о виновныхъ въ печатаніи и распространеніи запрещенныхъ сочиненій въ Москвѣ, и сіе послѣднее дѣло, по высочайшему повелѣнію, передано на разсмотрѣніе I отдѣленія 6 департамента Сената, а какъ прикосновенность его къ сему послѣднему дѣлу оказалась важнѣе, чѣмъ къ настоящему, то на передачу всѣхъ бумагъ, до него относящихся, въ I отдѣленіе 6 департамента для совокупнаго разсмотрѣнія испрошено высочайшее соизволеніе, которое въ настоящее время исполняется, а посему сужденія о немъ въ I отдѣленіи 5 департамента имѣть не слѣдуетъ.

«5. На *отставного лѣкаря Бокова*, мужа сестры *отставного поручика Обручева*, пало обвиненіе въ участіи въ распространеніи воззванія «Великоруссъ» по тремъ причинамъ: 1) въ бумагахъ Обручева найдено было письмо къ нему Бокова въ конвертѣ съ такою же печатью (буквы I. A.), какою запечатаны были конверты, разосланные съ воззваніемъ «Великоруссъ»; во 2-хъ, въ одномъ изъ его писемъ упоминалось будто бы о номерахъ первомъ и второмъ «Великорусса» и въ 3) въ одномъ изъ писемъ къ Обручеву есть сомнительное выраженіе слѣдующаго содержанія: «О вашей брошюрѣ рѣчь впереди». Боковъ, не сознаваясь ни въ какомъ участіи съ Обручевымъ въ распространеніи «Великорусса», ни въ знаніи составителей и распространителей его, объяснилъ, что означенная печать не его, и онъ не помнитъ, чьею печатью запечатано письмо это, такъ какъ оно могло быть писано имъ въ домѣ одного изъ больныхъ, имъ пользуемыхъ. По случаю сомнѣнія въ тождественности оттисковъ сихъ печатей, дѣлаемо было въ присутствіи правительствующаго Сената сличеніе ихъ чрезъ трехъ экспертовъ, которые объявили, что они находятъ большое сходство въ рѣшеткахъ обоихъ оттисковъ печатей, но положительно удостовѣрить, что это оттиски одной и той же печати, не могутъ, потому что на одномъ изъ оттисковъ вензель размятъ на конвертѣ письма Бокова къ Обручеву. По второму пункту обвиненія Боковъ объяснилъ, что онъ не только не писалъ Обручеву о «Великоруссѣ», но и о существованіи его узналъ лишь въ III Отдѣленіи, гдѣ ему его показывали. Справедливость сего объясненія Бокова подтвердилась вытребованными изъ III Отдѣленія подлинными письмами Бокова. И, наконецъ, о брошюрѣ Боковъ показалъ, что Обручевъ говорилъ ему, что издать на французскомъ языкѣ какую-то брошюру, но о чемъ—онъ не зналъ. Обручевъ объяснилъ, что онъ намѣревался издать брошюру о средствахъ къ предупрежденію рожденія дѣтей въ случаяхъ, когда это пагубно и для родителей и для ребенка. При таковыхъ обстоятельствахъ дѣла, касающихся лѣкаря Бокова, Сенатъ не находитъ основаній не только подозрѣвать его въ знаніи составителей и распространителей «Великорусса», но и въ какомъ бы то ни было участіи по сему преступленію, а посему отъ всякой отвѣтственности по сему дѣлу онъ долженъ быть освобожденъ».

Это опредѣленіе прошло черезъ вполнѣ его одобрившій Государственный совѣтъ, и поступило затѣмъ на высочайшее разсмотрѣніе. 8 мая Александръ II положилъ резолюцію: «Обручева сослать въ каторжную работу вмѣсто пяти лѣтъ, на три года, а въ прочемъ быть по сему».

21 мая приговоръ этотъ былъ объявленъ въ публичномъ заведеніи Сената, а 31 мая, послѣ совершенія постыднаго для правительства обряда гражданской казни, Обручевъ былъ отправленъ въ Сибирь.

Такъ кончился процессъ «великоруссцевъ».

Г. Пантелѣевъ разсказываетъ, что толпа, окружавшая эшафотъ, выражала звѣрскія желанія, чтобы Обручеву отрубили голову, или наказали кнутомъ, или, по крайней мѣрѣ, повѣсили на позорномъ столбѣ внизъ головою за то, что онъ смѣлъ идти противъ царя... Для психологіи растущей толпы этотъ фактъ знаменателенъ: теперь она вела бы себя совершенно иначе.

Мих. Лемке.

Дѣло Бензенгера ¹⁾.

Въ 1864 г. былъ преданъ военному суду рекрутъ Нижегородскаго губернскаго батальона Юлій Бензенгеръ за „написаніе и представленіе начальству рукописи возмутительнаго содержанія“.

Происходя изъ незаконнорожденныхъ дѣтей, Бензенгеръ былъ причисленъ своимъ отцомъ, надворнымъ совѣтникомъ Бензенгеромъ, къ 3-ей гильдіи купцовъ и поступилъ затѣмъ въ Московскій университетъ, гдѣ, однако, прослушалъ курсъ только два года, послѣ чего, въ 1861 г., опредѣлился на недолгое время въ канцелярію С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора. Въ 1862 г. Бензенгеръ поступилъ рекрутомъ по найму за мѣщанина и, слѣдуя на службу изъ С.-Петербурга въ Нижегородскій батальонъ, по прибытіи въ Москву, совершилъ побѣгъ, изъ котораго добровольно вернулся, спустя мѣсяцъ съ небольшимъ. По доставленіи въ Нижній-Новгородъ, онъ былъ заключенъ подъ стражу и здѣсь, за оскорбленіе словами офицера и покушеніе на убійство рядового былъ преданъ суду и приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 17 лѣтъ. По объявленіи приговора, Бензенгеръ представилъ собственноручную рукопись, выражавшую, по его словамъ, его политическій образъ мыслей, причемъ онъ выразилъ желаніе на представленіе этой рукописи, кому слѣдуетъ, и на оцѣнку справедливости его убѣжденій.

Эта рукопись озаглавлена: „Голосъ изъ народа“. Начинается она воззваніемъ: „Встаньте, братья-товарищи! На горизонтѣ запада явилась заря нашей свободы. Наши братья-славяне (поляки) подають намъ руку и призываютъ насъ къ оружію. Пора, давно пора стряхнуть съ себя ледяную кору деспотизма“. Далѣе, по изложеніи отношенія дворянства къ Петру I, авторъ говоритъ, что при преемникахъ Петра I, „благодаря тому счастливому обстоятельству, что Императрица Екатерина I, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна и Елизавета Петровна были любовницами русскихъ и германскихъ бояръ“, русскіе дворяне воспользовались только для того, чтобы выучиться болтать на томъ, невѣдомомъ въ Европѣ языкѣ, который называютъ смѣсью французскаго съ нижегородскимъ; при Екатеринѣ II-ой дворяне получили обширныя права. Строчки, касающіяся вопроса, почему не было отмѣнено крѣпостное право при Николаѣ I, исполнены негодованія: „Отравившійся Николай лежитъ на смертномъ одрѣ; цѣпенѣющимъ ухомъ слышитъ онъ проклятіе Бога равенства; онъ видитъ дьявола, со смѣхомъ предлагающаго ему почетное мѣсто въ пеклѣ. И вотъ онъ, трусъ, какъ всѣ тираны, призываетъ къ себѣ наслѣдника-сына и говоритъ: „Саша, сдѣлай доброе дѣло—освободи крестьянъ, сократи срокъ службы твоимъ солдатамъ; я не могъ этого

¹⁾ Изъ всеподданнѣйшаго доклада генералъ-аудиторіата.

сдѣлать. Быть можетъ, этимъ освободишь ты меня и себя отъ проклятiя Бога и народа“. Нѣтъ, Николай! да не простить тебѣ Богъ, какъ не простить Россiя! Зло, которое ты сдѣлалъ своему народу, несчастной Польшѣ и Венгрии—слишкомъ велико. Твой деспотизмъ былъ безграниченъ, и твои злодѣянiя слишкомъ многочисленны и велики! Кровь и гибель всего твоего дома, всѣхъ твоихъ приверженцевъ, будетъ слабою искупительною жертвою за столько тиранiй, за столько невинныхъ жертвъ любви къ родинѣ и свободѣ. Vive la mort!“.

Замѣчая, что русское дворянство не способно къ прогрессу, авторъ говоритъ, что „въ дѣлѣ освобожденiя отчизны“ не поможетъ и духовенство, состоящее изъ послушныхъ служителей не Всевышняго Бога, а самодержца, изъ полицейскихъ чиновниковъ монголо-германской тиранiи, проповѣдующихъ догматы, основанные на мертвыхъ и узкихъ идеяхъ Библии, вродѣ: рабы, повинуйтесь своимъ господамъ. По выраженiю Бензенгера, „всѣми пожертвованiями должно противиться осуществленiю плана воспитанiя народа духовными лицами, отъ чего произошла-бы новая крѣпостная зависимость, зависимость тѣмъ болѣе страшная и опасная для развитiя народной жизни, что этотъ планъ, очевидно, истекаетъ изъ ненавистнаго всѣмъ намъ III-го Отдѣленiя. Воспитывать народъ должны Бѣлинскiе, Герцены, Долгоруковы, Трубецкiе и вы, мои юные друзья! Да, вамъ предназначена честь приготовить народъ къ возстанiю, къ сверженiю съ себя ига монголо-голштинской династiи“. Осуществить этотъ планъ Бензенгеръ предлагаетъ слѣдующими средствами:

„1) распространенiемъ въ народѣ общепонятныхъ результатовъ европейской науки, но не въ той мѣрѣ, въ какой дозволить это царская цензура, а разумно-свободно, какъ дѣлали это въ его время въ Англіи и Сѣверной Америкѣ, т. е. распространенiемъ идей равенства, свободы и самоуправленiя всѣхъ классовъ народа, доказательствомъ ему, что раздѣленiе на касты—противоестественное дѣло, что оно возможно только въ мертвомъ государствѣ деспотизма; 2) старанiемъ слить нашу армию съ народомъ, отторгнуть войско отъ царя, поселить въ немъ недовѣріе къ тиранамъ, начальникамъ-нѣмцамъ, открыть этимъ бѣднымъ людямъ глаза; доказать имъ, что царь употребляетъ войско только для позорныхъ цѣлей, для угнетенiя стремящагося къ освобожденiю польскаго народа, для экзекуцій, для колотiя штыками и битья прикладами цвѣта народной молодежи; старанiемъ объяснить солдатамъ ихъ высокое назначенiе—защищать честь родины, а не быть наемниками деспота-тирана. Когда войско сольется съ народомъ,—пишетъ Бензенгеръ,—когда этотъ послѣдній не будетъ бояться солдатчины, какъ огня, какъ чумы, тогда остается еще два подготовительныя дѣла. Первое—попытаться привлечь на сторону возстанiя духовенство и дворянство; если же они останутся равнодушными къ народному дѣлу, если они откажутся служить отечеству—объявить имъ непримиримую вражду, объявить ихъ злѣйшими врагами народа и тогда принять всѣ мѣры, не останавливаясь ни передъ какимъ средствомъ, хотя бы пролитiемъ ихъ подлой крови, для устраненiя этого препятствiя къ освобожденiю народа и отчизны отъ ига. Второе — подать руку нашимъ братьямъ славянамъ, соединиться съ храбрыми поляками и биться съ ними противъ тирановъ, какъ это

дѣлають уже многіе честные люди русскіе; въ случаѣ же, если Польша сдѣлается независимою, слѣдуетъ просить ея содѣйствія, въ которомъ она, конечно, не откажетъ, какъ никогда не отказывала служить великимъ требованіямъ рода славянскаго и святому дѣлу свободы“. Распоряженія правительства отъ 26-го сентября 1862 г. о преобразованіи судопроизводства и 17-го апрѣля 1863 г. объ отмѣнѣ прежняго тѣлеснаго наказанія, рукопись называетъ хитрою уловкою для избѣжанія возстанія, приче́мъ Бензенгеръ выражается, что „прошло уже два года, а коммисіи военныхъ судовъ по-прежнему собраніе глухихъ, нѣмыхъ и слѣпыхъ: презуса, не знающаго юты въ дѣлопроизводствѣ, и ассесоровъ, думающихъ, при чтеніи выписки и приговора, о десяти безъ козырей и милашкѣ-Александринѣ“. Указъ же 17-го апрѣля Бензенгеръ хотя и считаетъ въ первоначальномъ видѣ прекраснымъ и либеральнымъ, но признаетъ, что онъ все-таки „подгаженъ героями розги и палки“. Рукопись была датирована 30-го марта 1864 г.

За составленіе и представленіе рукописи, приведенной выше въ отрывкахъ, Бензенгеръ былъ снова преданъ военному суду. На судѣ онъ объяснилъ, что съ самыхъ раннихъ лѣтъ, вслѣдствіе даннаго ему воспитанія и того круга общества, въ которомъ онъ выросъ, его образъ мыслей былъ инстинктивно враждебенъ деспотизму; послѣдніе же событія въ Москвѣ (исторія университетская) окончательно закрѣпили въ немъ эти чувства. Кромѣ того, Бензенгеръ призналъ, что, по справедливости, онъ не столько обвиняетъ Монарха, сколько людей, которымъ онъ поручаетъ высшее управленіе государствомъ; онъ убѣжденъ, что, если бы Монархъ былъ окруженъ другими людьми, не произошло бы въ Польшѣ послѣднихъ грустныхъ событій, и его задушевные желанія, т. е. свободно-конституціонный образъ правленія съ Монархомъ истинно просвѣщеннымъ во главѣ, давно бы исполнились.

Военный судъ приговорилъ Бензенгера къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Генераль-аудиторіатъ ходатайствовалъ о замѣнѣ смертной казни безсрочными каторжными работами. 21-го января 1865 г. послѣдовала Высочайшая резолюція: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы Бензенгеру былъ ограниченъ десятию годами“.

Централка.

(Изъ воспоминаній.)

I.

Поѣздъ, который трогался вечеромъ 2 августа 1878 г. изъ Одессы на Харьковъ, былъ необычный поѣздъ. Въ числѣ пассажировъ находились 4 интеллигентныхъ молодыхъ человѣка во всемъ, до нитки, казенномъ арестантскомъ одѣяніи и съ кандалами на ногахъ. Спутниками ихъ были 8 жандармовъ подъ командой жандармскаго офицера. Для всѣхъ этихъ лицъ былъ отведенъ, конечно, отдѣльный вагонъ-салонъ—арестантскій.

Во время пути между этими пассажирами шла оживленная бесѣда. Вспоминали подробности вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго жандармамъ въ Одессѣ около полугода тому назадъ, недавняго суда, демонстраціи послѣ объявленія приговора. Два—три человѣка изъ жандармовъ, какъ оказалось, были въ числѣ тѣхъ, что брали «фортъ-Шаброль» на Садовой, а «старшій» даже присутствовалъ утромъ того-же дня (т. е. 2 августа) при казни Ковальскаго.

Картина была бы не полна, если бы я не прибавилъ, что на другой день, ко времени обѣда, при остановкѣ поѣзда на одной изъ большихъ станцій, въ вагонъ вошелъ лакей станціоннаго буфета, во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, и принесъ для четырехъ молодыхъ каторжниковъ прекрасно сервированный обѣдъ....

Едва-ли нужно говорить, что рѣчь идетъ объ осужденныхъ въ каторжныя работы по процессу Ковальскаго. Здѣсь были: Сви-тычъ, Студзинскій, Кленовъ и я ¹⁾).

М. Ф. Фроленко, въ началѣ своихъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ, дышащихъ такою неподдѣльною простотою и правдивостью, между прочимъ пишетъ: «о приговорѣ, о тѣхъ ужасахъ, что ожидаютъ насъ впереди, какъ-то не думалось: *не было ясного представленія въ головахъ*».

Если это справедливо относительно осужденныхъ въ 1882 году, такъ много выдавшихъ на своемъ революціонномъ вѣку, то оно еще болѣе можетъ быть примѣнено къ намъ, людямъ съ неболь-

¹⁾ Посильное описаніе „процесса Ковальскаго“ дано мною въ февральской книжкѣ „Былого“.

шимъ революціоннымъ прошлымъ, осужденнымъ за 3½ года до того, какъ вынесенъ былъ приговоръ по процессу 20-ти.

Въ наше время каторжныя тюрьмы только еще начали наполняться. О централкѣ до насъ доходили смутныя и неопредѣленныя слухи, о Петропавловкѣ было извѣстно развѣ то, что это—мѣсто предварительнаго заключенія для особо важныхъ преступниковъ, а изъ осужденныхъ тамъ томится одинъ Нечаевъ; о «каторгѣ» въ Сибири едва-ли что и слыхали, и вообще отправки на *настоящую* каторгу были въ то время явленіемъ крайне рѣдкимъ (послѣдними, сосланными туда до нашего осужденія каторжанами, были, кажется, нечаевцы—Успенскій и др.).

Въ частности, въ централкѣ тогда содержалось всего нѣсколько человѣкъ (долгушинцы, по процессу 50-ти и по мелкимъ процессамъ), и лишь почти одновременно съ нами четверьмя присланы были пять каторжанъ по «Большому процессу» (Рогачевъ, Войноральскій, Сажинъ, Коваликъ и Мышкинъ). Такимъ образомъ число всѣхъ, перебивавшихъ въ централкахъ было доведено до 32 человѣкъ, изъ которыхъ 4 къ тому времени умерли (Дьяковъ, Гамовъ, Малиновскій и Елецкій). Тогда же послали впервые и въ Новоборисоглѣбскую тюрьму, а именно—по Большому процессу, четверехъ (Мышкина привезли къ намъ, въ Новобѣлгородскую).

Путь нашъ лежалъ черезъ Харьковъ. Отсюда на почтовыхъ насъ должны были доставить черезъ Чугуевъ въ Новобѣлгородъ. Но во избѣжаніе излишней огласки, а можетъ быть, и изъ опасенія инцидентовъ вродѣ того, который имѣлъ мѣсто, незадолго передъ тѣмъ, при перевозкѣ изъ Харькова въ Новоборисоглѣбскъ Войноральскаго ¹⁾, насъ высадили не въ самомъ Харьковѣ, а гдѣ-то поближе.

На станціи встрѣтилъ насъ, очевидно, командированный изъ Харькова жандармскій офицеръ. Тройки были готовы, и мы были разсажены каждый на отдѣльный тарантасъ подѣ конвоемъ 2 жандармовъ. Офицеры, т. е. конвоировавшій насъ изъ Одессы и присланный изъ Харькова, ѣхали въ одномъ тарантасѣ, замыкая поѣздъ.

Везли насъ хорошо. Тарантасы, лошади, сбруя, платье у ямщиковъ—все было форменное и доброкачественное. Я въ первый разъ ѣхалъ на настоящей русской тройкѣ, и все меня занимало и развлекало. Оставила во мнѣ впечатлѣніе и живописная мѣстность у Новобѣлгорода.

Въ централку мы пріѣхали что-то очень поздно. Принимали насъ въ «корпусѣ», т. е. главномъ зданіи. Обыскивали и отбирали лишнія вещи надзиратели. Помню, я спросилъ, можно ли оставить при себѣ кое-какія вещи (вѣроятно, очки и носовой

¹⁾ Нѣсколькими революціонерами была сдѣлана попытка къ освобожденію Войноральскаго.

платокъ) и табакъ. Надзиратель сказалъ, что о вещахъ онъ освѣдомится у смотрителя, а о табакѣ нечего и заикаться.

Вся эта процедура происходила довольно долго, и я не могу сказать, чтобы она, послѣ всего пережитаго, произвела на меня особенно удручающее впечатлѣніе.

Но былъ одинъ пунктъ, который заставилъ задуматься; надзиратели нѣсколько разъ, и, какъ мнѣ показалось, умышленно подчеркивая, обращались къ намъ на «ты»...

Въ послѣдній разъ мы пожали другъ другу руки, и насъ развели по камерамъ: меня—въ лѣвую «одиночку», Кленова Студзинскаго и Свитыча—въ правую.

Камеры оказались настоящими кельями-одиночками. Кровать и столъ прибиты къ стѣнамъ, табуретка прикрѣплена къ полу, а затѣмъ—никакой мебели. На кровати—тощій войлокъ, подушки нѣтъ. На столѣ—жестяная кружка. Окна—маленькія, гдѣ-то подъ потолкомъ.

Теперь ужъ все, все кончено. Впереди—годы, дни которыхъ похожи одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Началось настоящее «заточеніе»...

Я привезенъ въ централку въ августѣ (а именно: 4-го числа) 1878 г. Но съ іюля того же года режимъ былъ нѣсколько смягченъ (послѣ голодовки), и именно въ отношеніи обращенія тюремной администраціи съ заключенными,—т. е. въ томъ, къ чему заключенные всегда относятся съ особенно повышенною чувствительностью. На недолгое время и при мнѣ администрація повысила было тонъ. Это было при смотрителѣ Копнинѣ, котораго фонъ-Валь, занявшій губернаторское мѣсто послѣ убитаго Крапоткина, поставилъ на мѣсто недостаточно жестокаго Грацилевскаго. Но, во-первыхъ, этотъ періодъ былъ очень непродолжителенъ, а во-вторыхъ, и Копнинъ обращался съ нами, если не было вызова съ нашей стороны, чрезвычайно вѣжливо (говорилъ всегда «вы»), и лишь въ случаѣ упорства повышалъ тонъ до выкрикиванія: «Ты кто такой?—каторжникъ, и долженъ безпрекословно исполнять то, что приказываютъ».

Итакъ, мнѣ придется описывать сравнительно недолгій періодъ жизни централки (2 года 1 мѣсяць и 9 дней) и притомъ періодъ болѣе мягкаго режима...

II.

Новобѣлгородская центральная для ссыльно-каторжныхъ тюрьма была сооружена для уголовныхъ преступниковъ, и только спустя нѣкоторое время додумались до мысли устроить тамъ центральное мѣсто заключенія и для государственныхъ преступниковъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ. Впослѣдствіи, когда число такихъ политическихъ стало быстро увеличиваться, стали изыскивать новыя мѣста заключенія. Мы, судившіеся по процессу Коваль-

скаго,—последніе, перевезенные въ централки ¹⁾. Послѣ того начали содержать—временно въ Петропавловкѣ съ послѣдующимъ переводомъ на Кару (по процессу 16-ти), а затѣмъ—въ Алексѣевскомъ равелинѣ и, наконецъ, въ Шлиссельбургѣ. Одновременно съ этимъ увеличилось и населеніе Кары: въ мое время (1882—1883 гг.) тамъ, считая и женскую тюрьму, было болѣе ста человѣкъ. Насъ, централистовъ, также перевезли (въ 1880—1881 гг.) туда. Кару скоро упразднили, и изъ нея перевезли оставшихся, за выходомъ на поселеніе и переводомъ въ Шлиссельбургъ, въ Акатуй.

Самое зданіе Новобѣлгородской тюрьмы было «приспособленное»: оно было передѣлано подъ тюрьму изъ какого-то склада военныхъ припасовъ или чего-то въ этомъ родѣ.

Ограда была очень обширная. Между передней стѣной и тюремными зданіями располагался довольно большой садъ. Растительность въ этомъ саду не достигала большого развитія; за нимъ присматривалъ садовникъ изъ уголовныхъ каторжанъ. Въ этомъ саду мы гуляли.

Въ центрѣ ограды расположенъ былъ «корпусъ» — обширное зданіе съ большими камерами, гдѣ содержались уголовные. Тамъ находилась и тюремная церковь. По обѣ стороны корпуса были расположены «одиночки», т. е. небольшіе корпуса съ камерами для одиночнаго заключенія. Построены они были также не съ расчетомъ на содержаніе здѣсь государственныхъ преступниковъ: одиночныя камеры имѣются при всякой, даже каторжной тюрьмѣ. Говорю: «даже каторжной», такъ какъ изолированіе уголовныхъ подслѣдственныхъ практикуется сравнительно часто. Въ каторжныхъ же тюрьмахъ (или отдѣленіяхъ тюремъ) изолируются или въ наказаніе за провинности противъ тюремной дисциплины, или же въ видахъ отягченія наказанія, отцеубійцы, такъ называемые «отцы», т. е. осужденные за изнасилованіе своихъ дочерей, профессиональные разбойники и т. п.

У лѣвой и правой стѣны, передъ одиночками, расположены были: съ одной стороны — больница, съ другой — кухня и мастерскія. За корпусомъ складывались бревна для дровъ, которыя распиливались и раскалывались въ полѣнья арестантами. Отсюда дрова развозились на обыкновенныхъ телѣгахъ арестантами, для чего впрягалось ихъ въ телѣгу по 4—6 человѣкъ. Воду изъ колодца, который былъ вырытъ тутъ же въ оградѣ, развозили также арестанты въ обыкновенныхъ 40-ведерныхъ бочкахъ. Въ глубинѣ ограды помѣщались: въ лѣвомъ углу — амбаръ, въ правомъ—баня и прачечная. Къ лѣвой стѣнѣ ограды, съ наружной стороны послѣдней, непосредственно примыкала квартира смотрителя (вѣроятно,—и эконома), такъ что окна ея вы-

¹⁾ Не считая заключенныхъ туда долго спустя, которые содержались при совершенно другомъ режимѣ и при другихъ условіяхъ.

ходили въ тюремную ограду, какъ разъ противъ мѣста, куда выводили на прогулку изъ лѣвой одиночки.

Во главѣ спасительнаго учрежденія стоялъ смотритель (сначала Грацилевскій, а затѣмъ Копнинъ). Ему подчинена была многочисленная команда надзирателей. Одинъ былъ старшимъ на всю тюрьму, нѣсколько—старшими по отдѣленіямъ (въ корпусѣ—человѣка 4 или 5, въ одиночныхъ—по одному), и цѣлая свора младшихъ. Старшіе были вооружены револьверами, младшіе—полицейскими пашками. Изъ офицерскихъ чиновъ у смотрителя помощника не было. Но въ офицерской полицейской формѣ¹⁾ щеголялъ и экономъ, который завѣдывалъ только хозяйственною частью. При тюрьмѣ находились врачъ и священникъ.

Долженъ сказать, что я все время просидѣлъ въ одной лѣвой одиночкѣ, и на правую сторону тюремнаго двора ходилъ только, когда водили въ баню. И потому я за точность своего описанія топографіи правой части двора не ручаюсь. Не знаю я совершенно и расположенія камеръ правой одиночки.

Что касается лѣвой, то входъ въ нее былъ противъ корпуса. Сюда вели три или четыре ступеньки, такъ что полъ зданія былъ чуть ли не на аршинъ выше земли. Изъ входной двери вступали въ переднюю, а черезъ нее—въ корридоръ налѣво. Противъ передней находилась, по ту сторону корридора, комната для надзирателей. Подавшись влѣво по корридору, вы встрѣчаете рядъ расположенныхъ другъ противъ друга камеръ для заключенныхъ. Въ предпоследнемъ помѣщеніи впоследствии была устроена наша мастерская.

Камеры, обращенныя къ тюремной оградѣ, были чуть-чуть длиннѣе тѣхъ, которыя выходили окнами къ корпусу. Двери, ведущія въ камеры, были, конечно, и снаружи, и изнутри окованы желѣзомъ, въ нихъ были продѣланы форточки для сообщенія съ заключенными, а въ форточкахъ—«глазки», прикрывающіеся заслонками, для заглядыванія изъ коридора внутрь камеры. Надъ дверьми—окошечки, въ которыя ставились на ночь лампы керосиновыя. Полы въ камерахъ—деревянные. Изъ мебели, какъ я уже упоминалъ выше, находились лишь кровать, табуретка и столъ. Кровать представляла изъ себя деревянный ящикъ вершка въ два вышиною. Ящикъ этотъ на шарнирахъ могъ быть поднять къ стѣнѣ и тамъ укрѣпить. Подъ нимъ находились складныя ножки. Подстилкою служилъ только войлокъ. Въ изголовьи—наклонно поставленная дощечка. Табуретъ былъ прибитъ къ полу. Что касается стола, то онъ также былъ прикрѣпленъ къ стѣнѣ шарнирами и имѣлъ подгибающуюся ножку. Его можно было опустить и прикрѣпить въ такомъ положеніи къ стѣнѣ. Изъ посуды была только кружка для воды. Въ углу—печка, окрашенная въ черный цвѣтъ. Окно когда-то было обыкновенное.

¹⁾ Въ то время тюремное вѣдомство находилось въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и всѣ служажіе при тюрьмахъ имѣли полицейскую форму.

Но при передѣлкѣ зданія подѣ тюрьму оно до верхнихъ стеколъ было заложено и при томъ такъ, что камень шелъ наклонно: внизу начинаясь шириною бывшаго подоконника, онъ къ стекламъ сходилъ на нѣтъ. Такимъ образомъ, взобраться къ стекламъ, чтобы заглянуть во дворъ, было чрезвычайно трудно. Да и свѣту окно давало не много, хотя можно было свободно читать и даже писать красками.

Три обстоятельства выгодно отличали наши камеры отъ того, что, судя по описаніямъ, было въ другихъ тюрьмахъ для политическихъ каторжанъ.

Это во-первыхъ населенность тюрьмы. Не было мертвящей тишины. По двору въ теченіе всего дня ходили взадъ и впередъ арестанты,—по одиночкѣ и группами (всегда съ конвоемъ; даже за садовникомъ, когда онъ работалъ въ саду, по пятамъ слѣдовалъ надзиратель). Провозились телѣги съ дровами, бочки съ водой, пронесилась провизія изъ амбара, разносилась пища. За корпусомъ также весь день слышались удары топора и визгъ пилы. Наконецъ, на крыльцѣ больницы постоянно собирались легкобольные, и тамъ шли неумолчные разговоры, что было слышно и въ нашей одиночкѣ. Обитатели правой, вѣроятно, слышали шумъ отъ работы въ мастерскихъ, въ кухнѣ и прачечной съ баней. Не лишнее отмѣтить, что до и послѣ обѣда и ужина арестанты хоромъ пѣли молитвы, и звуки этого пѣнія всегда ясно доносились до обѣихъ одиночекъ. Итакъ, тишина мертвенная, если и наступала, то только послѣ повѣрки.

Во-вторыхъ, не малое значеніе имѣло то обстоятельство, что одиночки не одиноко стояли въ какомъ-нибудь тѣсномъ дворикѣ, а расположены были въ обширномъ дворѣ рядомъ со многими другими зданіями. И потому, хотя въ окна заглядывать намъ приходилось и не часто (нѣкоторые умудрялись подвѣшивать себя на полотенецъ за рѣшетку окна), но въ каждомъ жило сознаніе, что за окномъ не глухая стѣна. Даже въ тѣхъ камерахъ, которыя были обращены къ оградѣ, не чувствовалось гнетущей пустоты или давящей стѣны, такъ какъ ограда была на разстояніи нѣсколькихъ сажени отъ оконъ, очень не высока и изъ-за нея можно было кое что иногда видѣть изъ вольной жизни (напр. дымъ изъ трубы обывательскихъ домовъ, перелеты домашнихъ гусей и т. п.).

Наконецъ, третье обстоятельство указаннаго характера заключалось въ томъ, что камеры были расположены не на одной сторонѣ помѣщенія, а на обѣихъ. Такимъ образомъ, передъ дверьми своей камеры, каждый чувствовалъ не глухую и мрачную стѣну, а присутствіе товарища. Хотя съ этимъ товарищемъ никогда не видѣлся, но на психику каждого это, несомнѣнно, имѣло свою долю вліянія.

III.

На прогулку насъ выводили два раза въ день на $\frac{1}{2}$ часа, и притомъ гуляли мы въ саду. Правда, для прогулокъ отведены

были опредѣленные аллеи, и, конечно, чрезвычайно надоѣдало изо-дня въ день мѣрить шагами одну и ту же узенькую полоску земли. Но въ смыслѣ пользованія воздухомъ (а отчасти и движеніемъ) прогулки, какъ мы ими пользовались, несомнѣнно, значительно поддерживали наше здоровье. Надо замѣтить, что, конечно, въ холодную погоду намъ выдавались полупшубки, и, на сколько помню, изъ-за холода, кажется, никогда никто изъ насъ не отказывался отъ прогулки. Повидимому, вообще за этою стороною режима слѣдили хорошо.

Хуже обстояло дѣло съ одеждою. Нѣкоторое стараніе, повидимому, прилагали къ тому, чтобы намъ выдавалась нѣсколько лучшая одежда и бѣлье, чѣмъ уголовнымъ. Но все же оно было изъ рукъ вонъ плохо и «построено» изъ отвратительнаго и недоброкачественнаго матеріала. И мы часто ходили оборванцами. Но что особенно угнетало,—такъ это недостаточная простиранность бѣлья.

Нужно добавить, что разрѣшалось пользоваться собственными носовыми платками и очками.

Но изъ внѣшняго режима хуже всего была пища. Можно сказать, что она была, въ общемъ, отвратительна. Пищевой режимъ былъ такой: часовъ въ 10—11 обѣдъ, около 5—ужинъ. Хлѣбъ (2 фунта съ чѣмъ-то) приносили обыкновенно утромъ. Онъ былъ плохо выпеченъ, а кромѣ того къ нижней коркѣ обыкновенно приставало не мало золы или даже кирпича. Но голодъ былъ такъ чувствителенъ, что я, напримѣръ, консуммировалъ обыкновенно всю корку съ посторонними ингредиентами въ расчетѣ, что такимъ образомъ ни одинъ атомъ питательнаго вещества не пропадетъ, а что лишнее, то желудокъ выведетъ наружу и безъ специальныхъ моихъ заботъ объ этомъ. При этомъ все-таки приходилось съ утра распредѣлять паекъ на порціи: «это, молъ, сейчасъ съѣмъ, а вотъ это—въ обѣдъ, это—къ ужину, а это вечеромъ». Но когда голодъ давалъ себя знать, то начиналось обманываніе самого себя: нѣтъ-нѣтъ,—да и урвешь что-нибудь изъ слѣдующей порціи, увѣряя себя, что зато послѣ не захочется уже ѣсть. Конечно, «послѣ» такъ же хотѣлось ѣсть, какъ и «до»...

Мяса полагалось на человѣка 42 золотника. Экономъ, понятно, неукоснительно заботился о томъ, чтобы мясо не было первосортнымъ. И если при этихъ условіяхъ отбросить кости, то оставалось ничтожнѣйшее количество мяса въ супѣ; да и какой это, въ самомъ дѣлѣ, «супъ»? На засынку шла крупа, клался и картофель. Въ общемъ получался очень мало питательный брадахлыстъ.

На обѣдъ, кромѣ супа, полагалась еще и каша. Не говоря о томъ, что крупа была скверная, и каша приготавливалась скверно, въ ней обнаруживали мы такое количество крысиныхъ экскрементовъ, что многіе, несмотря на голодъ, вовсе отказывались ѣсть кашу. Другіе старались выбрать этотъ непріятный ингре-

дієнтъ; но, въ сущности, это была бесплодная работа: на выбранную крупинку оставалось десять невыбранныхъ. И приходилось относиться къ дѣлу столь-же философски, какъ и къ припеченному къ хлѣбной коркѣ кирпичу...

На ужинъ выдавали жидкую кашу или что-нибудь въ этомъ родѣ,—во всякомъ случаѣ какую нибудь дрянъ.

Съ удовольствіемъ пили мы квасъ. Его приготавливали на остатки отъ «хлѣбнаго довольствія». Квасъ выдавали безъ ограниченія всѣмъ желающимъ; но нерѣдко приходилось выслушивать отказъ, такъ какъ, молъ, весь квасъ вышелъ. Обыкновенно же запивали ѣду водой. Воду подавали въ камеры черезъ форточку надзиратели; надо было постучать въ дверь и передать надзирателю кружку.

Табакъ никому и никогда не разрѣшался.

Чай выдавали только тѣмъ, кто былъ на больничномъ положеніи.

Въ больницу никого изъ насъ не переводили. Даже умирающіе умиравъ въ камерахъ. Но на больничное положеніе переводили сравнительно легко. Это означало, прежде всего, для пищевого режима, то, что вмѣсто 2 съ чѣмъ-то фунтовъ чернаго хлѣба выдавали... 1 ф. бѣлой булки. Это, доложу вамъ, нѣчто убійственное! Конечно, въ общемъ больничный режимъ былъ питательнѣе обыкновеннаго; давали утромъ кружку чаю съ маленькимъ кусочкомъ сахару, болѣе слабымъ—стаканъ молока, мясо шло лучшаго качества, да и по количеству его было больше (приносили до раздачи обѣда, кусокъ—этакъ въ $\frac{3}{4}$ ф.), иногда назначалась курица или кисель. Но въ общемъ количество вводимой въ желудокъ пищи было чрезвычайно мало, и чувство голода не покидало насъ на больничномъ режимѣ, какъ и на обыкновенномъ.

Подаяніе, поступавшее съ воли «отъ добрыхъ дѣлателей» на всю тюрьму, не могло, конечно, восполнять въ сколько нибудь значительной степени недостатки тюремнаго пищевого режима. Но, кромѣ этого, намъ передавали на всѣхъ государственныхъ то, что доставлялось родственниками (моею матерью, матерью Дмоховскаго и женою Долгушина, которыя имѣли свиданія). Кромѣ личныхъ средствъ, на это шли и собираемыя въ Харьковѣ въ нашу пользу деньги. Пока были свиданія, режимъ нашъ иногда въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени значительно улучшался.

Надо упомянуть, что на Пасху, на Рождество и въ Новый годъ выдавалась улучшенная и дѣйствительно хорошая пища (обыкновенно похлебка съ большимъ количествомъ хорошей жирной свинины). Но всѣ эти мелкія и временныя нарушенія режима не оставили по себѣ сколько-нибудь замѣтнаго слѣда въ воспоминаніяхъ, и здѣсь преобладаетъ ощущеніе голоданья, систематическаго и непрерывнаго, въ теченіе всего времени, что провели мы въ централкѣ.

Я долженъ въ заключеніе прибавить, что, въ сущности, мы не были лишены и табаку. Помню, какъ былъ я удивленъ на другой же день по прибытіи въ централку, когда послѣ обѣда форточка тихо отворилась и вмѣстѣ съ кружкою воды, которой я не просилъ, надзиратель передалъ мнѣ горсть табаку-махорки («крупка» или «корешки»). Оказалось, что этотъ надзиратель получалъ отъ нашихъ родныхъ, пріѣзжающихъ на свиданія, деньги на табакъ и въ вознагражденіе за доставку его намъ; онъ же передавалъ намъ и записки съ воли.

Но табакъ бывалъ у насъ не постоянно. Промежутки табачнаго голоданья были иногда продолжительны и въ поддержаніи здоровья (какъ, наприм., противоцынготное) куренье не играло сколько-нибудь замѣтной роли.

Замѣчу здѣсь, что иногда нѣсколько папиросъ оставлялъ и смотритель Грацилевскій Долгушину. Не знаю, дѣлалъ-ли онъ это для послѣдняго въ видѣ исключенія; возможно, что и такъ, хотя Долгушинъ ничѣмъ не заслуживалъ такого къ себѣ исключительнаго вниманія, кромѣ развѣ открытости своего характера и общительности. О Долгушинѣ я знаю это потому, что сидѣлъ рядомъ съ нимъ, и онъ, конечно, всегда дѣлился со мной папиросами, полученными отъ Грацилевскаго.

Помню, одинъ разъ я чуть съ ними не наварлся самымъ скандальнымъ образомъ. Только что я получилъ отъ Долгушина 2—3 папиросы, какъ меня позвали на свиданіе съ матерью. И если бы меня вздумали на обратномъ пути обыскать, то, конечно, подумали бы, что папиросы принесла мнѣ мать, если бы я не сказалъ, что они—смотрительскія и переданы мнѣ Долгушинымъ. Не знаю, какъ я выпутался бы изъ этого положенія; но, къ счастью, на этотъ разъ меня по возвращеніи въ тюрьму не обыскали.

Вотъ—все, что припоминаю о матеріальной сторонѣ нашего режима въ централкѣ.

IV.

Однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ поддержанія бодрости заключенныхъ является, безспорно, разрѣшеніе переписки. Мы въ централкѣ не были лишены права переписываться съ родными, и право это не было чѣмъ-либо ограничено,—за исключеніемъ, конечно, цензуры. Вся моя переписка съ родными сохранилась почти цѣликомъ, и въ ней находится, напримѣръ, мое письмо 16 марта 1880 г., писанное послѣ письма отъ 14 марта того же года, т. е. черезъ день.

Письма шли не особенно долго, принимая въ соображеніе, что цензуровались они не смотрителями, а въ Харьковскомъ губернскомъ правленіи. Такъ, письмо изъ Одессы отъ 24 августа 1880 г. было много получено 12 сентября, письмо отъ 1 августа того же года—15 августа, отъ 16 марта—28 марта,—словомъ, письма изъ Одессы доходили приблизительно черезъ 2 недѣли.

И нельзя сказать, чтобы мы были черезчуръ стѣснены цензурой. А характеръ переписки, которую намъ разрѣшалось вести въ централкѣ, былъ довольно благопріятенъ для состоянія нашего духа. Изъ писемъ сестры узнавалъ я, а черезъ меня и вся централка, что такія-то лица арестованы, сосланы административно или осуждены на каторгу, поселены тамъ-то, узнавали о такомъ выдающемся фактѣ, какъ кража денегъ изъ казначейства; словомъ, получали свѣдѣнія, характеризующія революціонное движеніе и политику правительства по отношенію къ государственнымъ преступникамъ.

Я долженъ добавить къ этому, что за выборомъ лицъ, съ которыми разрѣшалось намъ переписываться, слѣдили не слишкомъ строго. Передано было мое письмо къ моей подругѣ юности,— и изъ этого письма ясно было видно, что она—вовсе и не родственница моя. Обмѣнивался я письмами также съ не родственникомъ, хотя и близкимъ человѣкомъ, воспитанникомъ моего дѣда, и никто меня не спрашивалъ, въ какомъ родствѣ нахожусь я съ этимъ «Петрусемъ», фамиліи котораго я въ письмахъ никогда и не называлъ.

Кромѣ писемъ, передавались намъ и посылки, или, по крайней мѣрѣ, то изъ нихъ, что вообще разрѣшалось намъ имѣть въ камерахъ. Такъ, не говоря о книгахъ, я постоянно получалъ письменныя и рисовальныя принадлежности, краски, лакъ и кисти для живописи, очки, платки и т. п. Съ другой стороны, двѣ картины масляными красками, написанныя мною въ тюрьмѣ, были пересланы, по моей просьбѣ, моимъ роднымъ.

Свободно пропускаясь и стихотворенія, написанныя въ тюрьмѣ. Конечно, стихотворенія должны были быть цензурными, но важно это для выясненія того, что переписка наша не носила казеннаго характера. Такъ, мое стихотвореніе, посвященное матери, и другое, чисто личнаго характера, я переслалъ на волю; но поэму, посвященную Ковальскому, и стихи, гдѣ я рисовалъ картину предстоящей гибели государственнаго строя (частнѣе: самодержавія) при сохраненіи, впрочемъ, укладовъ народной жизни, я, конечно, и не пытался сообщить въ письмахъ.

Перехожу къ другому фактору, который поддерживаетъ заключенныхъ, въ особенности въ одиночкахъ,—къ чтенію и письменнымъ занятіямъ.

Намъ разрѣшалось не только читать, но и вести какія угодно письменныя занятія ¹⁾. Къ сожалѣнію, наша бібліотека была довольно убога. Само собою разумѣется, книги разрѣшалось имѣть далеко не всѣ; но и при этомъ условіи подборъ книгъ могъ бы быть болѣе разнообразнымъ, и по количеству ихъ могло бы быть значительно больше. Тѣмъ не менѣе, кажется, по всѣмъ отраслямъ знанія у насъ были кое-какія сочиненія: по математикѣ (учебники

¹⁾ Долгушинъ увлекался составленіемъ учебниковъ для своего сына по всѣмъ предметамъ первоначальнаго образованія.

низшей и высшей математики, теорія перспективы), по зоологiи, геологiи, ботаникѣ (все—университетскіе курсы), по исторiи (Шлоссеръ и др.), по древнѣйшей исторiи права (Мэнъ, Ковалевскій), по антропологiи (Топинаръ), по языкамъ (серія учебниковъ нѣмецкаго, англійскаго, французскаго), по политической экономiи (Марксъ,—зайцемъ: подѣ обложкѣй «Сельско-хозяйственнаго дѣла» Ермолова), по правовѣдѣнію («Сборники Государственныхъ Знаній», университетскія лекціи),—наконецъ, по беллетристикѣ и драмѣ (Шекспиръ, Островскій, Л. Толстой, Гоголь, Диккенсъ, второстепенные авторы въ оригиналахъ и переводахъ). Однимъ словомъ, можно было заниматься, если и не систематически, то серьезно.

И дѣйствительно, многіе изъ насъ занимались весьма серьезно (малообразованные и неуспѣвшіе окончить своего образованія), другіе имѣли возможность читать «запоємъ». Насколько то и другое оказывалось продуктивнымъ, это зависѣло не отъ постановки этого дѣла по инструкціи, а во-первыхъ, отъ недостаточнаго строгаго подбора книгъ и недостаточнаго ихъ количества, а во-вторыхъ, отъ общихъ условій пребыванія въ одиночномъ заключеніи.

Для письменныхъ занятій намъ выдавались перенумерованные тетради. Новая выдавалась по предъявленіи прежде исписанной. Выдавали желающимъ и по двѣ тетради. Чернила и перья отпускались въ нужномъ количествѣ. Благодаря всему этому, можно было не только читать книги, но и штудировать ихъ. Можно было составлять конспекты, заниматься переводами, записывать мысли и выводы, даже писать сочиненія. Само собою, отъ нецензурнаго мы воздерживались. И я разсматриваю наши занятія съ точки зрѣнія вліянія, которое они могли оказывать на поддержаніе нашихъ умственныхъ и душевныхъ силъ, какъ необходимая гимнастика.

Когда я выразилъ желаніе заниматься рисованіемъ и живописью, то мнѣ это было разрѣшено. Я получилъ въ камеру перочинный ножикъ, карандаши и ватманскую бумагу *à discretion*, краски, кисти, холстъ на рамахъ, которыя для меня приготовляли въ мастерской уголовные, и приготовленный тамъ же мольтбертъ.

Мнѣ остается сказать, что ни газетъ, ни журналовъ мы не имѣли, но духовные журналы намъ передавали. Между прочимъ, изъ какого-то такого журнала мы, наприм., узнали всѣ подробности о покушеніи Соловьева. Разрѣшенъ былъ и «Русскій Календарь», и изъ лѣтописи событій, помѣщаемыхъ въ этомъ календарѣ, мы узнали о всѣхъ выдающихся проявленіяхъ общественной, а въ частности революціонной дѣятельности въ Россіи и за границей.

Надо при всемъ этомъ имѣть въ виду, что фактически при мнѣ никогда кровати на день не подымались, столы не опускались, и табуреты были освобождены отъ прикрѣпленія къ полу. Если и были временныя исключенія, то я ихъ не могу припом-

нить. У меня, наприм., табуретку отбили отъ пола, какъ только я сталъ заниматься живописью, по первой же моей просьбѣ объ этомъ, и съ тѣхъ поръ табуретку уже не приколачивали ни разу.

Лампу также, какъ общее правило, разрѣшалось держать вечеромъ въ камерѣ часовъ до 10 или 11, не помню точно.

Третій факторъ въ ряду тѣхъ, которые поддерживали въ насъ до извѣстной степени бодрость духа, это—свиданія.

Конечно, далеко не всѣ изъ товарищей имѣли свиданія. Но по крайней мѣрѣ Долгушинъ съ женою, а я и Дмоховскій—съ матерями имѣли систематическія свиданія разъ въ двѣ недѣли. Весьма вѣроятно, что право на свиданіе, даже при невозможности реализовать это право, не оставалось безъ нѣкотораго бодрящаго вліянія на всѣхъ заключенныхъ. Долженъ, впрочемъ, замѣтить, что при мнѣ свиданія были прерваны на долгое время убійствомъ Крапоткина (можетъ быть, такіе перерывы случались и раньше, я этого не знаю). И послѣ этого моимъ родителямъ было разрѣшено повидаться со мною всего два раза въ продолженіе немногихъ дней,—въ періодъ «диктатуры сердца», незадолго до вывоза насъ изъ централки.

Свиданія происходили при довольно сносной обстановкѣ. Насъ уводили въ квартиру смотрителя и мы видѣлись съ родными въ залѣ смотрительскихъ апартаментовъ. Обыкновенно, я съ матерью сидѣлъ на креслахъ у преддиваннаго стола, а противъ насъ располагался въ креслѣ смотритель. Держался онъ при этомъ всегда вполне корректно. Одинъ разъ онъ несомнѣнно замѣтилъ, что мать мнѣ что-то передала, но и тутъ онъ не сдѣлалъ по этому поводу никакихъ «зависящихъ распоряженій», т. е. не приказалъ меня обыскать болѣе тщательно (въ сущности онъ могъ бы приказать найти, и надзиратели, конечно, нашли бы). И дѣло ограничилось тѣмъ, что на слѣдующее свиданіе насъ съ матерью не отдѣлялъ отъ него столъ и передать что-либо было уже невозможно. Свиданіе продолжалось $\frac{1}{2}$ часа или часъ,—теперь не помню.

Такъ было при смотрителѣ Грацилевскомъ. Инымъ способомъ обставлялъ свиданія смѣнившій Грацилевскаго Копнинъ.

Первое свиданіе при этомъ послѣднемъ происходило гдѣ-то въ передней, и онъ не приготовилъ для меня даже и стула, такъ что я все время стоялъ около отца, который, по болѣзни, принужденъ былъ сидѣть. Слѣдующія два происходили уже не въ передней, и для меня былъ стулъ; но все же не въ гостинной и не на мягкой мебели. Но зато Копнинъ значительную часть времени свиданія оставлялъ насъ однихъ, уходя въ сосѣднюю комнату, въ свой кабинетъ.

Я упомянулъ, что мать кое-что мнѣ передала на свиданіи. Это было явленіе обычное. Мы получали на свиданіяхъ записки и деньги. Кромѣ того переписка съ родственниками, жившими у тюрьмы, у насъ велась и черезъ того надзирателя, который доставлялъ намъ табакъ. Такимъ образомъ, кромѣ переписки че-

резъ начальство, мы временами не были лишены возможности сообщаться съ волею и тайно. Этому обстоятельству, между прочимъ, обязаны своимъ появленіемъ въ свѣтъ и «Заживо-погребенные» ¹⁾).

V.

Все, до сихъ поръ изложенное, само собою должно привести читателя къ предположенію, что не обходилось дѣло и безъ сношеній между товарищами.

Здѣсь прежде всего нужно упомянуть о традиціонномъ перестукиваніи. При Грацилевскомъ оно въ мое время никогда не преслѣдовалось. Копнинъ сдѣлалъ было попытку вывести его, и, если не ошибаюсь, Здановичъ за отказъ прекратить перестукиваніе и за разговоръ объ этомъ съ Копнинымъ въ повышенномъ тонѣ просидѣлъ чуть-ли не 6 дней въ карцерѣ. Но при недостаточномъ надзорѣ (у насъ былъ одинъ надзиратель, при томъ почти совершенно глухой) достигнуть исполненія своего требованія Копнину оказалось не подъ силу.

Перестукиваться могли только сосѣди. Для сообщеній между товарищами, сидящими далеко другъ отъ друга а также между обѣими одиночками служила переписка. Бумагу для нея мы вырывали изъ книгъ. Чтобы предотвратить это (конечно, о перепискѣ начальство знало), Грацилевскій приказалъ нашему старшему, Черняку, исполосовать чистые листы книгъ чернильными полосами. Понятно, это не достигало своей цѣли. Я до сихъ поръ не могу безъ смѣха вспомнить комическую фигуру пожилого, въ очкахъ, Черняка, своими закорюзлыми руками проводящаго толстенныя линіи испорченнымъ перомъ по бѣлымъ листамъ бумаги, встрѣчающимся въ книгахъ.

Записки клали въ условленное мѣсто въ клозетѣ или задѣлывали въ корешки книгъ.

Кромѣ обыкновенныхъ чернилъ, мы пользовались въ экстренныхъ случаяхъ для переписки и «химическими»,—молокомъ. Если исписанную молокомъ бумажку слегка протереть щепломъ сожженной бумаги, то написанное проступаетъ.

Въ 1880 году, помню, по инициативѣ Мышкина у насъ завязалась переписка дискуссіоннаго характера. Мышкину хотѣлось выяснитъ программы возникшихъ послѣ него партій. Мнѣ пришлось выяснять нео-якобинизмъ. Припоминаю, что для Мышкина было странно слышать о захватѣ власти. Въ памяти моей сохранилась одна фраза изъ его письма приблизительно такого содержанія: «Я понимаю власть «милостію божіею» и «волею народа», но что такое власть, которая будетъ находится въ ру-

¹⁾ «Заживо-погребенные» были написаны Долгушинымъ и въ 1878 году были напечатаны редакціей «Земли и Воли» (Кравчинскимъ и Клеменцомъ) въ ея типографіи. Нѣсколько позже въ 1881 году въ Иркутской тюрьмѣ была написана другая статья о Централкѣ. Она принадлежала Свитычу и напечатана въ 3 № «Вѣстника Народной Воли» въ 1885 году подъ заглавіемъ «Надгробное слово Александру II».

какъ яacobинцевъ?—Власть «по захвату»—это какъ-то странно!»—
За точность выраженія не ручаюсь, но за смыслъ—безусловно.

При режимѣ и условіяхъ, которые окружали насъ въ центральнѣ, немыслимо было провести систему одиночнаго заключенія въ абсолютномъ видѣ.

Случалось, что по недосмотру надзирателя двое изъ насъ встрѣчались на корридорѣ или на прогулкѣ. Удавалось пожать товарищу руку и обмѣняться двумя—тремя словами. Надзиратели при этомъ торопили встрѣтившихся разойтись. Но послѣдствій подобные случаи ни для кого никакъхъ не имѣли.

Гораздо важнѣе были сношенія черезъ печь. Попарно камеры имѣли общую печь, отдушина которой,—прямой цилиндръ,—выходила и въ одну, и въ другую камеру. Каждый изъ сосѣдей становился на табуретку и черезъ отдушину сосѣди вели нескончаемую устную бесѣду. Для передачи черезъ отдушину записокъ и т. п. служили длинныя тонкія палочки (не могу припомнить, откуда мы ихъ добывали). Этимъ путемъ мнѣ передавалъ раза 2—3 Долгушинъ часть папиросъ, которыя ему оставлялъ смотритель Градилевскій.

Изрѣдка выпускали насъ на работу. Но это была одна пародія на работу и на общеніе. Мы пилили (и кололи?—не припомню) дрова. Партнеромъ для насъ выбирали всегда очень плохо говорящаго порусски уголовнаго, въ каковыхъ не было недостатка, благодаря наличности среди арестантовъ большого контингента башкиръ и татаръ. Признаюсь, меня не очень привлекала эта работа. Конечно, истощенный организмъ съ совершенно одряблыми мускулами не могъ надлежащимъ образомъ функционировать; я, по крайней мѣрѣ, очень быстро уставалъ. Съ другой стороны, разговоры съ еле владеющимъ русскою рѣчью субъектомъ, да еще въ присутствіи надзирателя, были, можно сказать, «коротки».

Здѣсь же упомяну о бесѣдахъ съ докторами, священникомъ и смотрителемъ.

Докторовъ даже за мое время у насъ перемѣнилось нѣсколько. Первый, старикъ, повидимому, былъ не особенно свѣдущъ въ медицинѣ, и при взглядѣ на него мнѣ всегда припоминалась классическая фраза Сквозника-Дмухановскаго: «простой народъ, если суждено умереть, такъ и безъ лѣкарствъ умереть». Но онъ былъ очень обходителенъ и словоохотливъ. Нерѣдко онъ подходилъ къ намъ на прогулкѣ и долго велъ разговоры на разные темы, частью—политическія. При этомъ, конечно, онъ высказывалъ неуклонно свое глубокое сожалѣніе по поводу того, что такіе «славные» молодые люди являются жертвами своихъ увлеченій и своего легкомыслія. Онъ серьезно полагалъ, что не будь «агитаторовъ», не было бы и революціи. Затѣмъ, былъ у насъ молоденькій студентикъ, по случаю войны съ Турціей взятый чуть-ли не съ 3 курса университета и временно оставленный въ батальонѣ для исполненія обязанностей врача. Онъ держался съ нами по-пріятельски, немедленно же всѣхъ поголовно перевелъ на боль-

ничное положеніе и дать намъ значительное улучшеніе пищи. Само собою, съ нимъ было интереснѣе вести разговоры, хотя они политическаго характера не носили; бесѣдовалъ онъ съ нами лишь въ камерахъ, во время визитаціи, а посѣщалъ онъ чуть ли не ежедневно каждаго изъ насъ. Познанія его въ медицинѣ были чисто студенческія, и мы въ немъ цѣнили едва ли не исключительно человѣка, искренно расположеннаго къ намъ. Ходили смутныя слухи, что его и смѣстили за слишкомъ большое вниманіе къ намъ. Его мѣсто занялъ настоящій военный врачъ, нерусскаго типа (какъ кажется, еврей). Онъ на меня производилъ впечатлѣніе знающаго и работающаго врача, въ то же время очень дорожащаго своимъ положеніемъ (котораго онъ, можетъ быть, достигъ путемъ упорнаго труда), и потому чрезвычайно осмотрительнаго и осторожнаго. Фактъ тотъ, что онъ никогда ни о чемъ съ нами не говорилъ, кромѣ того, что касалось исполненія имъ его обязанностей. У меня было даже съ нимъ маленькое столкновение. Какъ-то онъ не явился ко мнѣ послѣ двукратнаго приглашенія, а я, между тѣмъ, страшно страдалъ отъ зубной боли и хотѣлъ экстрагировать больной зубъ. Я принужденъ былъ обратиться къ смотрителю, и врачъ явился черезъ $1\frac{1}{2}$ часа, въ необычное время. Остановившись, по обыкновенію, почти у самой двери, онъ выслушалъ меня, заглянулъ въ ротъ и прощѣдилъ: «будетъ удаленъ». На другой день онъ съ поразительной ловкостью извлекъ у меня больной зубъ. Я отношу этотъ случай не на счетъ небрежности этого субъекта, а на счетъ его трусости: ему доложили, что зубъ болитъ, а онъ счелъ эту болѣзнь не заслуживающею того, чтобы рисковать лишнимъ посѣщеніемъ камеры «политическаго». Послѣднимъ врачомъ былъ человѣкъ «такъ-себѣ»,—ни рыба, ни мясо; я помню его только потому, что онъ обходилъ камеры со смотрителемъ, когда послѣдній объявлялъ намъ о переводѣ изъ централки въ Сибирь.

Священникъ заходилъ къ намъ для бесѣды въ камеры. Это былъ пухлый молодой «іерей», недалекій, но бесспорно старавшійся внести своимъ посѣщеніемъ нѣчто въ однообразіе нашей жизни. Но онъ былъ духовно и умственно плутовать, и намъ всегда казалось, что онъ является для бесѣды съ нами въ силу обязанности, а не по собственному желанію. Вообще, его недолюбливали, и, если мнѣ не измѣняетъ память, кое кто отказывался его принимать.

Упомяну тутъ-же, что желающіе изъ насъ могли посѣщать церковь. Разумѣется, насъ ставили отдѣльно подъ наблюденіемъ особаго надзирателя. Чтобъ внести разнообразіе въ свое существованіе, кое кто ходилъ частенько. Былъ въ церкви и я нѣсколько разъ; но, признаться, никогда не выносилъ «отрадныхъ» впечатлѣній изъ посѣщеній этого удивительнаго «храма божія», гдѣ и пѣвчіе съ перебритыми головами, и звонъ кандаловъ, и свирѣпыя лица надзирателей заставляли думать, что именно отсюда-то и изгнано все божеское.

Что касается зрителя Грацилевскаго, то онъ иногда тоже бесѣдовалъ кое съ кѣмъ не на казенныя темы. У Долгушина онъ, видимо, находилъ удовольствіе просиживать нѣсколько времени (усаживая передъ собой и Долгушина); но вѣдь Долгушинъ былъ въ этомъ смыслѣ прямо удивительное существо: онъ располагалъ къ себѣ человѣка даже тогда, когда говорилъ ему въ глаза самыя рѣзкія вещи. Со мной Грацилевскій велъ бесѣды почти исключительно о моихъ занятіяхъ рисованіемъ и живописью: занятіями этими онъ очень интересовался, и не какъ зритель тюрьмы, гдѣ «политическій» увлекается живописью, а какъ человѣкъ, интересующійся самымъ дѣломъ. Присутствуя при моихъ свиданіяхъ съ матерью, онъ старался поддерживать въ салонномъ тонѣ бесѣду, ведя себя джентльменомъ, поскольку это возможно было совмѣстить съ исполненіемъ его «обязанностей».

Такова была внѣшняя обстановка нашей физической и духовной жизни въ централкѣ. Теперь я долженъ перейти къ анализу своего душевнаго состоянія.

VI.

Восемь—девять часовъ вечера. Передѣлано все, что на сегодняшній день полагается по распisanію.

Другъ дѣтства и юности какъ-то писалъ мнѣ: «тебѣ я запрещаю отчаиваться! Въ силу братскаго своего авторитета я запрещаю тебѣ это! Я запрещаю тебѣ безъ толку, нерасчетливо тратить свой капиталъ,—сирѣчь, запасы организма! Я запрещаю тебѣ банкротиться преждевременно! А потому совѣтую тебѣ: работай, занимайся, насколько это возможно въ твоемъ положеніи, а что самое главное—почаще отворяй свои «клапаны», какъ можно чаще отворяй ихъ. Въ этомъ отношеніи дѣйствуй безъ стѣсненія: пиши, какъ можно больше и чаще, все, что взбредетъ въ голову».. То же самое, въ менѣе сильныхъ, но болѣе теплыхъ выраженіяхъ, совѣтуетъ мнѣ и мать чуть не въ каждомъ письмѣ.

Но я не заставляю себя много просить. Вскользь выше было уже мною замѣчено, что у насъ особенно усердно занимались всѣ, кто вошелъ въ тюрьму съ недостаточнымъ образованіемъ или не успѣлъ закончить таковое. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ и я. Я былъ арестованъ, когда мнѣ было 20 лѣтъ и 4¹/₂ мѣсяца: въ такіе годы закончить образованіе невозможно.

Я накинута на науку.

Я сталъ штудировать книги и учебники по естествознанію, и даже отчасти по медицинѣ. Менделѣевскія «Основы химіи», наприм., зналъ чуть не на зубокъ, и даже началъ перерабатывать ихъ въ нѣсколькихъ мелко исписанныхъ тетрадяхъ. Найдя на

прогулкѣ почти высохшій трупъ лягушки, я его подобралъ и принесъ въ камеру... для препарированія (его у меня при обыскѣ отобрали). Къ счастью, въ библіотекѣ оказался учебникъ зоологіи Клауса, который былъ рекомендованъ студентамъ Новороссійскаго университета самимъ Мечниковымъ, когда я слушалъ его лекціи. И мнѣ было особенно пріятно продолжать въ централкѣ свои университетскія занятія. А я, при всемъ этомъ напередъ рѣшилъ, пройдя курсъ естественныхъ наукъ, обратиться къ изученію соціальныхъ. И дѣйствительно, съ нѣкотораго момента съ моего стола исчезли Траутшольты, Менделѣвы, Клаусы, Петрушевскіе, и я обложилъ себя Мэнами, Ковалевскими, Шлоссерами, Марксами и лекціями по различнымъ отраслямъ правовѣдѣнія (не брезговалъ даже Иловайскимъ). Мало того. Только на удивленіе уродливая русская жизнь могла сдѣлать чрезвычайно важнымъ, въ глазахъ молодежи вопросъ, можно ли заниматься при какомъ угодно запасѣ положительныхъ знаній практическою политикою (читай: революціонною дѣятельностью), или нужно приступать къ этому дѣлу только послѣ приобрѣтенія этихъ знаній, и въ такомъ случаѣ—при какомъ ихъ минимумѣ допустимо всецѣло отдаваться практической работѣ. И вотъ во все время заключенія въ централкѣ я веду съ сестрой (а отчасти съ другимъ дѣтства, о которомъ только что упоминалъ) переписку объ одномъ единственномъ предметѣ; о значеніи науки для занятія практической политикой!

А тѣмъ временемъ идетъ и «самоопредѣленіе». Я серьезно задаю вопросъ сестрѣ, не замѣчала-ли она во мнѣ исключительнаго сценическаго дарованія,—я останавливаюсь на мысли «пристегнуть къ себѣ съ одного боку» искусство живописи «на всю жизнь»;—и сообразно съ этимъ я по-ученически штудирую какой-то «учебникъ» живописи (!), по-ученически «прохожу» теорію перспективы, по-ученически занимаюсь элементарнымъ рисованіемъ...

Но чтобы «произойти» науку, нужно знаніе иностранныхъ языковъ. И у меня назначены часы въ недѣлю на занятіе нѣмецкимъ и французскимъ языкомъ по гимназическимъ учебникамъ Кайзера и Игнатовича (въ свое время уже пройденнымъ), я изучаю англійскій языкъ по Больцу и, наконецъ, собираюсь изучать латинскій.

Читатель, конечно, понимаетъ, что съ такими запросами къ своимъ занятіямъ нельзя было обойтись и безъ изученія математики. И—*me voila!*—я—за штудированіемъ, съ бумагой на столѣ и съ карандашами въ рукахъ, математическихъ истинъ, благо, что въ библіотекѣ, кромѣ спеціальнаго курса по анализу, нашлось переводное сочиненіе въ 2 томищахъ какого-то француза, дающее основы математики отъ элементарной ариѳметики до дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія.

Итакъ, окончился *мой* день, какимъ его себѣ легко предста-

вить читатель послѣ только что изложеннаго, т. е. раздѣленный между разсужденіями «о пользѣ наукъ», приобрѣтеніями положительныхъ знаній, развитіемъ задатковъ къ живописи и самоопредѣленіемъ. Я чувствую себя страшно утомленнымъ, химическія или математическія формулы у меня двоются въ глазахъ,—и я отдаю свою лампу надзирателю, который ставитъ ее съ коридора въ окошечко надъ дверью.

Но не одна физическая или умственная усталость заставляетъ меня бросать работу.

Повѣрка давно уже прошла, а послѣ нея поступаетъ у насъ уже настоящая тюремная, т. е. могильная тишина. Тихо на дворѣ, гдѣ уже не ходятъ, подъ конвоемъ надзирателей, уголовные,—тихо и у насъ, въ одиночкѣ. Но и эта тишина—особенная, «нарочитая». Гдѣ-то слышится перестукиваніе; кто-то вотъ уже цѣлый часъ мѣрять шагами свою камеру-келью, и кандалы лязгаютъ и лязгаютъ... Вотъ раздается въ одной изъ камеръ сдвленный крикъ спящаго товарища, котораго душитъ кошмаръ, и надзиратель поспѣшно отворяетъ форточку и будитъ... А вотъ—о, ужасъ!—начинаетъ «говорить» Боголюбовъ... Сколько времени онъ будетъ говорить? не пойдетъ-ли этотъ говоръ сумасшедшаго *crescendo* и не превратится ли въ выкрикиванія на всю ночь?..

Латинскій языкъ, живопись, разсужденія о пользѣ наукъ,—все уходитъ, какъ миражъ куда-то вдаль, и передъ тобой фактъ, что люди перестукиваются вмѣсто того, чтобы разговаривать; что за стѣной мечется, какъ звѣрь въ клѣткѣ, товарищъ съ кандалами на ногахъ; что не ласковая рука друга, а грубый окрикъ тюремщика освобождаетъ твоего брата отъ кошмара; что, наконецъ, ты ничѣмъ не можешь облегчить участи страшно-больного товарища, мало того: не можешь даже уйти отъ вида его страданій, хотя бы изъ чувства собственнаго самосохраненія.

И надъ всѣмъ этимъ вырисовывается основная причина твоего и твоихъ братьевъ положенія: ты и они—въ неволѣ!

Дѣло не ограничивается тѣмъ, что ты заключенъ въ тюрьму,—даже тѣмъ, что ты сидишь въ одиночкѣ. Всѣ *обязаны* говорить тебѣ «ты»; тебѣ тупой бритвой оголяютъ половину головы и скребутъ каждыя двѣ недѣли волосы усовъ и бороды: тебя унижаютъ наложеніемъ оковъ; ты поставленъ въ необходимость подчиняться «инструкціи» и не разговаривать съ товарищами, хотя изъ любой камеры твой голосъ былъ бы слышенъ всѣмъ въ одиночкѣ; наконецъ, твою совѣсть мучатъ угрызенія, когда ты подумаешь, что перестукиваніе—ужасный компромиссъ, потому что «начальство», *твое* начальство, знаетъ объ этомъ способѣ сообщенія и допускаетъ его только потому, что хочетъ допустить, и, по капризу допуская сношенія въ одной формѣ, не желаетъ разрѣшить другихъ, менѣе оскорбляющихъ человѣческое достоинство.

Да, ты—въ неволѣ. И чувствуешь ты это не столько потому, что ты «содержишься» въ одиночномъ заключеніи, сколько по-

тому, что на каждомъ шагѣ тебѣ стараются показать и подчеркнуть твое подневольное положеніе и свою власть надъ твоею личностью, свою возможность оскорблять тебя поистинѣ въ твоихъ лучшихъ, благороднѣйшихъ чувствахъ!

Я уже замѣтилъ, что первое, что обратило на себя мое вниманіе при вступленіи подъ своды центральной тюрьмы, было обращеніе надзирателей съ нами на «ты». Старшій, Чернякъ, обыскивая меня, умышленно, безъ видимой надобности, произнесъ или «ты», или повелительное наклоненіе единственного числа. Оказалось, что надзирателямъ вмѣнено въ обязанность говорить съ нами въ такихъ формахъ. Помню случай, когда къ намъ поступилъ младшимъ бравый отставной гусарь, красивый, статный, изъ унтеръ-офицерскихъ чиновъ. Можетъ быть, онъ былъ членомъ болѣе или менѣе культурной семьи, или состоялъ при комъ-нибудь изъ порядочныхъ офицеровъ денщикомъ, или что нибудь въ этомъ родѣ; онъ говорилъ съ нами на «вы», чрезвычайно деликатно, чувствуя нашу интеллигентность или видя въ насъ людей дворянскаго происхожденія. Не прошло, однако, и 2—3 дней, какъ этотъ субъектъ, стараясь избѣгать нашего взгляда, какъ-то неумѣло перешелъ на «ты», а спустя нѣкоторое время перевелся въ корпусъ.

Остальное начальство не говорило намъ «ты». Смотритель Грацилевскій прибѣгалъ всегда къ безличной формѣ, Копнинъ даже говорилъ обыкновенно «вы» и, лишь желая сломить упорство, переходилъ на совершенно открытое «ты», докторъ и священникъ говорили всегда «вы», а губернаторы (при мнѣ былъ Валь и Грессеръ) почти не обращались къ намъ непосредственно. Но это все лишь подчеркивало оскорбительность обращенія съ нами. Ясно было, что не обстоятельства (хотя и трудно было бы себѣ представить подобнаго рода обстоятельства!), а капризъ, желаніе подчеркнуть наше ужасное положеніе внушили кому-то мысль обязать низшую администрацію говорить намъ «ты».

Ежеминутно это давало себя чувствовать. Большинство изъ насъ, насколько знаю, говорило надзирателю «вы», но нѣкоторые заставляли себя говорить имъ «ты». Именно: «заставляли»,—это я знаю по собственному опыту. Я съ перваго же дня сталъ говорить «ты»,—и чувствовалъ, что это—самообманъ. Рѣшеніе вопроса заключалось въ томъ, чтобы добиться «вы» со стороны администраціи, и это рѣшеніе—единственное. Но мы не въ силахъ были этого добиться, и приходилось, въ видѣ компенсаціи, говорить «ты» надзирателямъ, хотя, ясно, это нисколько не умаляло приниженности нашего положенія.

То же самое относится и къ бритью усовъ и бороды, а еще болѣе къ перебриванію головы. Конечно, это вызывалось, въ глазахъ начальства, соображеніями не санитарнаго свойства. Есть тюрьмы, которыя набиты гораздо плотнѣе, нежели была набита централка; но тамъ никто не прикасается къ волосамъ заключенныхъ. Здѣсь насъ регулярно (кажется, въ 2 недѣли разъ) брили, кромѣ того—

сбривали волосы съ правой половины головы, а лѣвую стригли подъ гребенку. Другими словами: это былъ видъ «тѣлеснаго» наказанія, вродѣ наложенія кандаловъ. Я легко допускаю, что всѣ эти операціи были для многихъ и въ физическомъ отношеніи невыносимы. Большинство изъ насъ на волѣ не брилось (а мыѣ, на прим., на лицѣ и брить-то нечего было, такъ что я былъ искренно удивленъ, когда на другой день по прибытіи въ централку мыѣ стали намыливать щеки), и, конечно, многимъ органически было противно прикосновеніе къ тѣлу бритвы. Но о себѣ я этого сказать не могу,—не только по отношенію къ бритью, но даже и по отношенію къ кандаламъ. Однако, это обстоятельство еще съ большей рѣзкостью подчеркивало нравственную сторону этихъ дѣйствій администраціи. И я помню, что не было случая, чтобы я не испытывалъ ужасныхъ нравственныхъ мукъ всякій разъ, какъ входилъ ко мыѣ надзиратель-цирюльникъ, со своими грязными и далеко не совершенными инструментами... На бѣду, нашъ истязатель не былъ чуждъ профессиональной слабости своихъ коллегъ: онъ былъ болтливъ. И вотъ подставляешь для «тѣлеснаго» наказанія свою голову и свое лицо, и при этомъ выслушиваешь болтовню цирюльника-тюремщика! А оборвать его нѣтъ силъ, можетъ быть, потому, что онъ, для тюремщика, былъ очень добродушенъ, а можетъ быть, и потому, что изголодался по живой человѣческой рѣчи.

Добавлю здѣсь, что для облегченія неудобствъ отъ ношенія кандаловъ полагалось приспособленіе: особой формы ремни, пользование которыми даетъ возможность притянуть, какъ можно выше, кольца кандаловъ по ногѣ, такъ что кандалы беспокоятъ гораздо меньше и меньше звенятъ. Кромѣ того, всѣхъ (и уголовныхъ, и политическихъ), кого переводили на больничное положеніе, освобождали отъ кандаловъ и головы имъ не сбривали, но бритье усовъ и бороды, а также стрижка головы подъ гребенку производились.

М. Ю. Ашенбреннеръ о состояніи шлиссельбуржцевъ пишетъ («Былое», I. 59): «Наша жизнь была безцвѣтна, пуста, безсодержательна; но недостатокъ внѣшнихъ впечатлѣній съ избыткомъ пополнялся испытаніями и переживаніями того матеріала, который давала тюрьма. Мы жили интенсивно, находясь въ состояніи кипѣнія, прерываемаго только изнеможеніями. Въ этомъ и состоялъ трагизмъ нашего положенія. Въ минуту же отдыха оставалось жить воспоминаніями, часто созерцательной жизнью, одурманиваться мечтаніями».

«Мечтанія» принимали форму болѣзненности. Помню, много разъ я доходилъ до того, что чисто искусственными приемами старался перервать нить мечтаній; но это не вело ни къ чему. Начнешь рисовать себѣ воображаемый эпизодъ, и дорисовы-

ваешь его до мельчайшихъ подробностей. Но вотъ дошелъ до умственнаго и душевнаго изнеможенія и попробуешь сбросить съ себя этотъ умственный кошмаръ... Но никакими усиліями воли не побѣдишь разошедшихся мечтаній; черезъ нѣсколько секундъ начнешь опять представлять себѣ картины «съ момента, на которомъ остановился»... Это—преддверіе сумасшествія.

Тому же содѣйствовала и склонность къ чисто созерцательной жизни. Достаточно сказать, что человѣкъ съ такимъ крѣпкимъ организмомъ, какъ Дмитрій Рогачевъ, доходилъ въ данномъ направленіи и до мистицизма...

Что касается до воспоминаній, то, навѣрно, у cadaго изъ насъ не оставалось ни одного момента жизни до ареста, который не вызывалъ къ себѣ страстнаго отношенія.

А тутъ происходило еще сочетаніе и комбинированіе всѣхъ этихъ моментовъ тюремной душевной дѣятельности. Отдавая воспоминаніямъ о фактахъ революціонной жизни, незамѣтно для себя переходилъ къ размышленіямъ, что было бы, если бы то-то и то-то случилось не такъ-то, а... вотъ этакъ. И здѣсь все и всегда неизбѣжно сводилось къ тому, что я тогда былъ бы... на волѣ!

Мечтанія, одурманивающія мечтанія, касались именно главнымъ образомъ «воли»: какъ я могъ бы когда-то остаться на волѣ,—какъ я могъ бы очутиться теперь на волѣ.

Здѣсь оказывалось недостаточнымъ время бодрствованія: разслабленный организмъ, развитые нервы, расшатанная душевная дѣятельность продолжали свою болѣзненную работу и во время сна.

Кошмары — обычное у насъ въ централкѣ явленіе. Помню, одно время я дошелъ до того, что съ ужасомъ думалъ, что нужно ложиться спать: я зналъ, что черезъ 10—15 минутъ меня будетъ душить кошмаръ... И я боялся уснуть, откладывалъ сонъ до послѣдней степени изнеможенія. Замѣчу, что и чисто физическія условія содѣйствовали развитію кошмаровъ. Подушекъ, на обыкновенномъ положеніи, намъ не давали. Я устраивался обыкновенно такъ: въ полотенце (полагались казенныя) я заворачивалъ 4—5 книгъ и ихъ подкладывалъ подъ голову.

Если не кошмаръ, то сновидѣніе. Бывали и пріятныя, и непріятныя сновидѣнія: но во всякомъ случаѣ и эта сторона пассивной душевной дѣятельности доведена была у насъ централкою до болѣзненности.

Часто сновидѣнія находились въ непосредственной связи съ «мечтаніями». Помню, однажды, вызванный голоданіемъ мечтанія довели меня до того, что мнѣ приснилось... нѣсколько вкусныхъ пирожковъ, которые я нахожу у себя въ камерѣ подъ войлокомъ кровати. Это меня на утро ошеломило. Мнѣ сдѣлалось и совѣстно, и досадно; но, главное, это еще больше озлобило меня противъ режима, который меня довелъ до такого состоянія. Въ другой разъ, «мечтанія» о бѣгствѣ черезъ Америку повели къ сновидѣнію, будто я сию гдѣ-то за табль-д'отомъ, и ко мнѣ обращается какая-

то lady на англійскомъ языкѣ, а я... ни слова не могу понять,— къ своей досадѣ и къ своему величайшему смущенію (это—въ разгаръ моихъ занятій англійскимъ языкомъ).

Замѣчу, въ заключеніе, что жизнь въ централкѣ навсегда оставила свой слѣдъ въ моей душевной дѣятельности. Съ тѣхъ поръ, переживая сколько-нибудь тревожныя обстоятельства, я поддаюсь вынесенной изъ централки болѣзненности «мечтаній» и сновидѣній,—само собою разумѣется, въ несравненно менѣе интенсивной формѣ. До централки этого со мной не было.

Отмѣчу еще одну особенность тюремной душевной дѣятельности.

Всякое необычное зрительное впечатлѣніе вызывало болѣзненныя послѣдствія. Напримѣръ, засыпая послѣ колки и пилки дровъ, я не могъ отогнать отъ своего умственного взора картины этой операциі. До момента, когда наступало забытѣ, я все видѣлъ, лежа уже съ закрытыми глазами, какъ опускается топоръ на полѣно и какъ это послѣднее раскалывается на два...

Я не думаю, чтобы всѣ эти подробности были малознаменательны, и потому-то ихъ и сообщаю. А не думаю я этого потому, что все это являлось преддверіемъ сумасшествія, которое представляетъ собою крупный фактъ въ исторіи централки.

VII.

Я въ своемъ мѣстѣ достаточно подробно останавливался на «мягкости» режима въ централкѣ. Казалось бы, при этомъ условіи мы должны были бы хотя физически чувствовать себя сравнительно сносно. На самомъ дѣлѣ этого не было. Состояніе нашего здоровья было отвратительно. Отъ недостатка питанія, свѣта и воздуха организмъ нашъ слабѣлъ, и, по законамъ патологіи, у каждаго изъ насъ тотъ или другой органъ, какъ болѣе слабый въ организмѣ, начиналъ плохо функционировать. Если бы насъ во время не вывели, то, несомнѣнно, нѣкоторые изъ насъ пали бы жертвою чахотки. По крайней мѣрѣ, кашель, который по вечерамъ, въ могильной тюремной тишинѣ, раздавался то изъ одной, то изъ другой камеры, наводилъ меня всегда на тревожныя размышленія. Между прочимъ, у меня страшно болѣла грудь, и докторъ мнѣ предписалъ производить утромъ и вечеромъ холодныя обтиранія груди.

Но, конечно, болѣе хрупкій аппаратъ, нервно-мозговой, скорѣе всего поддавался разрушительному вліянію обстановки. Я нарисовалъ выше картину явленій, которыя можно было бы назвать преддверіемъ сумасшествія. Начиналось оно, какъ кажется, упорными головными болями. Помню, какое ужасно-тяжелое впечатлѣніе произвело на меня сообщеніе моего сосѣда-товарища слѣва, Джабадари, переданное тревожнымъ стукомъ, о состояніи Сирикова, который сидѣлъ рядомъ съ Джабадари. Послѣдній сообщилъ мнѣ, что Сириковъ пожаловался ему на продолжающуюся уже

очень долгое время головную боль. Мы перестукивались съ Джабадари по этому поводу, и оба съ тревогой встрѣтили признаніе Сирякова.

Къ счастью, тревога эта оказалась напрасною, и товарищъ Сиряковъ вышелъ вмѣстѣ съ нами изъ централки хотя и очень изнуреннымъ, но въ здоровомъ умѣ. У Боголюбова сумасшествіе началось съ галлюцинацій обонянія и вкуса. Ему казалось, что въ камеру къ нему напускаютъ надзиратели какой-то газъ, а къ пищѣ подмѣшивается ядъ. Объ этомъ мнѣ говорилъ Сиряковъ, который бесѣдовалъ съ Боголюбовымъ въ первый періодъ его болѣзни. Сиряковъ ссылаясь, по его словамъ, въ разговорѣ съ Боголюбовымъ на то, что собственные впечатлѣнія и ощущенія необходимо провѣрить впечатлѣніями и ощущеніями другихъ, и разъ всѣ товарищи утверждаютъ, что заключенія его, Боголюбова, невѣрны, то онъ долженъ и самъ признать ихъ таковыми. Но когда душевная дѣятельность человѣка перестаетъ быть нормальной, то, конечно, логикою на него не повліяешь. Такъ было и съ Боголюбовымъ. Онъ окончательно сошелъ съ ума, и впоследствии изъ Мценска его увезли отъ насъ въ Казань. Онъ былъ одержимъ маніей преслѣдованія въ ужасающей формѣ. Пунктъ помѣшательства другого товарища, поляка-рабочаго Александра (былъ у насъ другой Александровъ, русскій, Діомидъ, тоже рабочій), заключался въ томъ, что его давно уже предписали освободить изъ тюрьмы, но ближайшее начальство не хочетъ выполнить этого предписанія. Больно было наблюдать его (а его увезли отъ насъ опять таки только изъ Мценска), когда онъ въ верхнемъ платьѣ и съ шапкою на головѣ весь день простаивалъ у дверей камеры и пользовался каждымъ случаемъ отмыканія дверей, чтобы сдѣлать попытку уйти вонъ. Благодаря этому, его камеру отмыкали какъ можно рѣже, и всегда одинъ надзиратель отмыкалъ и дѣлалъ, что нужно, а другой удерживалъ его въ камерѣ. Помѣшательство его было очень тихое, и впечатлѣніе производилъ онъ самое жалкое.

Вотъ истинная картина положенія, въ которомъ мы, централисты, находились ¹⁾. Но картина эта была бы неполна, если бы я не упомянулъ объ одномъ, едва ли не самомъ важномъ обстоятельстве. Это — сознаніе безнадежности нашего положенія.

Объ этомъ у насъ шли весьма часто разговоры. Помню, въ первое же время Долгушинъ передавалъ мнѣ слова смотрителя Литовскаго замка при отправкѣ ихъ, долгушинцевъ, въ каторгу. Смотритель, именно, сказалъ тогда по какому-то поводу, обращаясь къ подчиненнымъ: «вѣдь ихъ на вѣкъ въ каторгу посылаютъ!» Конечно, не сразу можно было «проникнуться» этою мыслью. Не прониклись мы ею и тогда, когда Плотникову и Папину (кажется, именно имъ) объявили, что за какія-то нарушенія дисциплины

¹⁾ Гамовъ, Елецкій, Малиновскій и Дьяковъ умерли до меня; изъ сошедшихъ съ ума при мнѣ были только Александровъ и Боголюбовъ.

приказано ихъ держать въ централкѣ въ теченіе всего срока, на который они приговорены судомъ, т. е. не давать имъ положенныхъ по «Уставу о ссыльныхъ» сокращеній. Мы считали это жестокостью, но все же рассчитывали, что по окончаніи «срока» ихъ выпустятъ. Примірились мы и съ фактомъ, что послѣ перевода въ разрядъ исправляющихся насъ оставляли все же въ одиночкахъ. Но когда кому-то изъ насъ окончился срокъ, и его не выслали на поселеніе, то для насъ не могло уже подлежать сомнѣнію, что мы заключены въ централку на неопредѣленное время. Говорю: «неопредѣленное»,—такъ какъ тогда мы всѣ вѣрили въ близость революціи (Мышкинъ опредѣлялъ для нея срокъ не далѣе 5 лѣтъ) и были вполне увѣрены, что всѣ, кто выживетъ, будетъ еще на свободѣ. Но «неопредѣленный» срокъ—это довольно опредѣленный факторъ для того, чтобы окончательно отравить наше существованіе,—факторъ, который, воистину, самымъ разрушительнымъ образомъ вліялъ на состояніе нашей душевной дѣятельности. И главнымъ образомъ это происходило оттого, что въ лицѣ Боголюбова и Александрова мы видѣли живое указаніе на то, къ чему неизбѣжно въ концѣ концовъ приведетъ всѣхъ насъ безъ исключенія централка.

По этому поводу хорошо припоминаю такое обстоятельство.

По всей вѣроятности, караулы стали занимать новый батальонъ. Караульный офицеръ (обыкновенно мы ихъ не видимъ), очевидно, полюбопытствовалъ заглянуть къ намъ въ одиночки. Онъ прошелся по коридору и заглядывалъ въ камеры черезъ «глазокъ». И вотъ у моей именно камеры онъ произнесъ въ полголоса: «да вѣдь это съ ума можно сойти, сидя въ такой обстановкѣ!» А нашъ старшій надзиратель ему отвѣтилъ: «да половина и такъ сумасшедшіе, а остальные тоже скоро сойдутъ съ ума».

Я предоставляю читателямъ представить себѣ то впечатлѣніе, какое произвели на меня эти слова...

Я кончилъ.

Много исписанной бумаги лежитъ передо мной. Но я чувствую, что все же не передалъ истинной сущности нашихъ страданій. Есть тайники души, куда подчасъ и самъ не рѣшаешься заглянуть, а, заглянувши, боишься облечь то, что тамъ находишь, въ плоть и кровь человѣческой рѣчи.

Но, можетъ быть, я скажу *все* чувствующей душѣ и бьющемуся сердцу читателя, если добавлю, что надъ описанными страданіями гордо высилось одно: это—тоска по загубленной жизни...

VIII.

Сравнительно немногое могу я сообщить о послѣднемъ періодѣ жизни въ централкѣ.

Какъ сказано выше, назначенный на мѣсто убитаго кн. Кра-

поткина харьковскимъ губернаторомъ, получившій въ послѣдствіи печальную извѣстность на всю Россію (Вильна и Петербургъ), ген. фонъ-Валь нашелъ Грацилевскаго недостаточно жестокимъ для роли тюремщика въ централкѣ, и назначилъ намъ Копнина, которому не задолго передъ тѣмъ далъ оплеуху въ Харьковской тюрьмѣ товарищъ Ястремскій. Грацилевскій былъ простой *исполнитель*, хотя и *хорошій* исполнитель. Валю нуженъ былъ виртуозъ, аматеръ. Такимъ и былъ на самомъ дѣлѣ Копнинъ. Онъ, какъ я уже упоминалъ, не стѣснялся инструкціей и даже говорилъ намъ «вы». Но когда того «требовали» обстоятельства, онъ могъ обнаружить во всей ея обнаженности самую дикую свирѣпость.

Одно изъ первыхъ, хотя и самыхъ слабыхъ, столкновений у него было со мною. Измучившись болѣзнью (боль въ груди и ужасный шумъ въ ушахъ), я написалъ очень рѣзкое, по адресу тюремной администраціи, письмо матери, прося ее посоветоваться съ нашимъ домашнимъ врачомъ, который прекрасно зналъ мой организмъ (спасть меня отъ смерти, когда я былъ еще груднымъ ребенкомъ).

Входитъ ко мнѣ Копнинъ съ этимъ письмомъ и заявляетъ въ рѣзкой и рѣшительной формѣ, что онъ этого письма не пропуститъ. Я вступилъ въ препирательство. Копнинъ также началъ повышать тонъ. Наконецъ, я его спросилъ, на какомъ основаніи онъ собственною властью хочетъ задержать мое письмо, когда письма должны проходить цензуру Харьковскаго губернскаго правленія. Онъ сказалъ, что получилъ на этотъ счетъ полномочія губернатора. Я не унимался и просилъ показать мнѣ бумагу губернатора. Копнинъ, безъ малѣйшаго раздраженія, отвѣтилъ, что распоряженіе было сдѣлано словесно.

По существу, все это не имѣло особаго значенія. Но меня перазилъ тонъ Копнина, тонъ человѣка, который чувствуетъ за собою силу и власть, и котораго ничто не остановитъ отъ примѣненія того и другого, во что бы это ни обошлось его подчиненнымъ.

Въ этомъ смыслѣ я передавалъ свою бесѣду съ Копнинымъ товарищамъ. Насколько это шло въразрѣзъ съ обращеніемъ Грацилевскаго, видно между прочимъ изъ того, что, напримѣръ, Джабадари не сразу даже уяснилъ себѣ смыслъ новаго курса.

Но дальнѣйшее поведеніе Копнина разсѣяло всѣ недоразумѣнія и сомнѣнія.

Онъ отдалъ распоряженіе запрещать перестукиваніе. Здановичъ не послушался надзирателя, который доложилъ объ этомъ черезъ старшаго Копнину. Явился Копнинъ и, обращаясь къ Здановичу на «вы», сказалъ, что отнынѣ перестукиваться запрещается.

— Стучалъ и буду стучать,—отвѣтилъ Здановичъ.

Тутъ Копнинъ повысилъ тонъ, довелъ рѣчь до крика и произнесъ, между прочимъ:

— Ты забываешь, кто ты, ты—каторжникъ и долженъ безпрекословно исполнять приказанія начальства.

Понятно, эти слова, раздавшіяся изъ камеры Здановича на всю одиночку, окончательно выяснили для всѣхъ насъ, съ кѣмъ, въ лицѣ Копнина, мы имѣемъ дѣло.

Но, какъ я и упоминалъ выше, Копнинъ не могъ, несмотря на всю свою энергію и жестокость, водворить въ централкѣ тотъ «порядокъ», котораго, по мнѣнію фонъ-Валя, тамъ не доставало.

Въ значительной степени, помимо прочаго, здѣсь оказало свое вліяніе и то обстоятельство, что скоро наступила «диктатура сердца». Но прежде, чѣмъ перейти къ описанію этого, самаго уже поздняго періода нашей жизни въ централкѣ, я долженъ остановиться на попыткѣ Мышкина къ побѣгу и на обстоятельствахъ, имѣвшихъ близкое къ ней отношеніе ¹⁾.

Дѣятельная натура Мышкина искала исхода изъ того положенія, въ которое онъ былъ поставленъ. Съ одной стороны, отсутствіе «работы» (а подъ нею Мышкинъ только и могъ всегда разумѣть революціонную дѣятельность), съ другой—продолжительность срока заключенія въ централкѣ (Мышкинъ былъ осужденъ на 10 лѣтъ каторжныхъ работъ), наконецъ, съ третьей—отсутствіе надежды быть переведеннымъ изъ централки хоть когда-нибудь, — все это побудило Мышкина задуматься надъ мыслью, что надо бѣжать. Онъ остановился на подкопѣ. Чтобы замаскировать свою работу, а съ другой стороны, чтобы пріобрѣсти матеріалъ для приготовленія себѣ вольнаго платья, Мышкинъ попросилъ разрѣшенія заняться наклеивкой картъ на холстъ. Ему позволили. Съ тѣхъ поръ полъ его камеры вѣчно былъ застланъ холстомъ съ наклеенными на него географическими картами. Но предпріятіе Мышкина было химеричное: очень скоро обыскъ (а обыски у насъ производились въ камерахъ чуть-ли не каждый разъ, когда насъ выводили на прогулку) обнаружилъ работу Мышкина надъ проведеніемъ подкопа.

Мышкина, конечно, перевели въ другую камеру и стали за нимъ усиленно наблюдать. Были-ли примѣнены къ нему какія-нибудь исключительныя строгости, я не помню. Фактъ же заключается въ томъ, что Мышкинъ вознамѣрился такъ или иначе добиться измѣненія своего положенія, разсчитывая въ новой обстановкѣ изыскать средства къ побѣгу.

Въ какой-то «высокоторжественный» день, когда Копнинъ явился въ церковь въ полной парадной формѣ и при всѣхъ своихъ орденахъ и медаляхъ, въ церкви оказался и Мышкинъ. По окончаніи службы Копнинъ первымъ подошелъ прикладываться

¹⁾ Кое какія подробности, сообщенныя какъ объ этихъ обстоятельствахъ, такъ и вообще о жизни въ централкѣ М. Р. Поповымъ въ его статьѣ „Къ біографіи И. Н. Мышкина“ („Былое“, II, 254) не совсѣмъ точны. Даже годъ вывоза насъ изъ централки показанъ неверно: 1881-ый вмѣсто 1880-го.

къ кресту, за нимъ слѣдомъ потянулся Мышкинъ. И едва успѣлъ Копнинъ, приложившись, повернуться къ Мышкину, какъ этотъ послѣдній размахнулся и, въ свою очередь, «приложился» къ фizioноміи Копнина.

Это была для Копнина вторая «непріятность по службѣ»: въ Харьковѣ ему отвѣсилъ пощечину Ястремскій, въ централкѣ—Мышкинъ.

Когда мы узнали объ этомъ инцидентѣ, то ахнули. Мы были вполне увѣрены, что Мышкина повѣсятъ. Тревоги наши усугубились, когда мы узнали, что его куда-то увезли. Какова же была наша радость, когда, приѣхавши черезъ небольшой промежутокъ времени въ Харьковъ, мы, въ числѣ привезенныхъ изъ Новоборисоглѣбской центральной тюрьмы, увидѣли и Мышкина здоровымъ и невредимымъ. Оказалось, что его не только не судили и не наказали, но перевели въ сущности въ лучшія условія,—въ сосѣднюю централку.

Дѣло объясняется именно тѣмъ, что во время всѣхъ этихъ событий на Руси уже царила «диктатура сердца».

Мы это скоро почувствовали и по измѣненію режима въ нашей тюрьмѣ. Съ нами стали обращаться мягче, разрѣшили (впрочемъ, это продолжалось почему-то очень короткое время) прогулки вдвоемъ по нашему выбору, соответственно съ тѣмъ время прогулокъ увеличилось вдвое; устроили для насъ столарную, а затѣмъ и токарную мастерскую, позволили намъ продавать произведенія нашихъ рукъ, а на вырученные деньги—улучшить пищу. Но подробностей того, что происходитъ въ Россіи, мы не знали до приѣзда моихъ родителей на свиданіе. На одномъ изъ этихъ свиданій, какъ я упомянулъ выше, Копнинъ оставилъ насъ, и тутъ-то мать успѣла передать мнѣ о воцареніи Лорисъ-Меликова и о всѣхъ чаяніяхъ, которыя возникаютъ на Руси въ связи съ этимъ обстоятельствомъ вообще, и по отношенію къ измѣненію нашего положенія, въ частности. А тутъ еще Копнинъ, возвратившись въ комнату, гдѣ происходило свиданіе, какъ-то навелъ разговоръ на то, что, подавши прошеніе о помилованіи или смятченіи своей участи, я могъ бы добиться серьезнаго улучшенія своего положенія. Мать и отецъ его поддерживали, и въ такомъ, какъ понимаетъ читатель, очень непріятномъ для меня разговорѣ мы четверо провели чуть-ли не цѣлый часъ.

Въ связи со всѣмъ этимъ находилось и посѣщеніе насъ профессоромъ Доброславинымъ. Это—единственное посѣщеніе начальства, которое оставило въ насъ свѣтлое впечатлѣніе. Даже главный начальникъ тюремнаго отдѣленія, Галкинъ-Врасскій, обходя наши камеры, не только ни о чемъ не разспрашивалъ, но даже немедленно уходилъ, какъ только мы начинали ему излагать свои жалобы и нужды (такъ было по крайней мѣрѣ со мной; впоследствии, въ Иркутскѣ и на Карѣ, онъ держалъ себя лучше; такъ онъ оказалъ мнѣ поддержку въ полученіи свиданія съ Марією Сыцяню).

Проф. Доброславинъ былъ посланъ, кажется, самимъ Лорисъ-Меликовымъ, и ему было поручено выяснитъ наше положеніе. Онъ отнесся къ выполненію этого порученія честно и добросовѣстно.

Меня онъ засталъ въ мастерской. Едва я началъ говорить о «щекотливыхъ» предметахъ, какъ смотритель, а за нимъ и вся его свора, вышли изъ мастерской, и я имѣлъ возможность наединѣ передать профессору *все*. Онъ слушалъ чрезвычайно внимательно,—даже болѣе: явно доброжелательно-внимательно,—записалъ, ставилъ мнѣ въ свою очередь вопросы, и въ заключеніе, вѣжливо и низко раскланявшись (руки все же не рѣшился подать), сказалъ: «все, все будетъ передано, кому слѣдуетъ, и ваше положеніе будетъ улучшено».

Казалось, все это должно было бы насъ приготовить къ послѣдующему. Но такъ велико было отчаяніе, до котораго мы въ то время были уже доведены, что, когда 11 октября 1880 г. ¹⁾ намъ было объявлено, что насъ вывозятъ изъ централки, то извѣстіе это произвело на насъ ошеломляющее дѣйствіе...

Я только что окончилъ «урокъ» рисованія (по странной случайности, это было вмѣстѣ съ тѣмъ и завершеніе цѣлаго отдѣла), какъ замѣтилъ, что кто-то обходитъ камеры, при чемъ послѣ ухода, въ камерѣ начинается легко уловимое привычнымъ ухомъ усиленное движеніе. И въ моей камерѣ отворилась дверь, и вошли смотритель и докторъ. Что они мнѣ сказали, что я имъ отвѣтилъ,—я, вѣроятно, не помнилъ уже черезъ $\frac{1}{2}$ часа послѣ ихъ ухода. Я былъ весь подъ впечатлѣніемъ того громаднаго факта, что послѣ завтра уѣзжалъ навсегда изъ ихъ ужаснаго узника.

Въ правой одиночкѣ догадались немедленно же начать громкіе разговоры. У насъ этого не было,—и вотъ мы двое сутокъ провели въ необыкновенномъ нервномъ возбужденіи, не давая никакого исхода волнующимъ насъ чувствамъ.

И оказалась ужасная вещь: въ нашей лѣвой одиночкѣ два дня и двѣ ночи подъ рядъ никто не сомкнулъ глазъ ни на одну минуту.

Что сдѣлалось изъ нашихъ нервовъ за этотъ промежутокъ времени, читатель составитъ себѣ и самъ надлежащее понятіе. Добавлю, что на другой день намъ выдали на руки всю хранившуюся въ цейхгаузѣ нашу собственную одежду,—и видъ вольныхъ, собственныхъ вещей, ощущеніе на тѣлѣ собственного бѣлья, на головѣ—собственной шапки,—все это еще болѣе развило наши нервы.

Это скоро сказалось.

IX.

Увели насъ на обывательскихъ, т. е. крестьянскихъ телѣгахъ, посадивши попарно. На телѣгахъ съ нами конвоя не было: по бокамъ ряда телѣгъ скакали гусары. Помню, вѣзжая на какую-то

¹⁾ Въ своей статьѣ «Первое вооруженное сопротивленіе» («Былое», II. 242) я допустилъ, руководствуясь памятью, ошибку: не въ ноябрѣ, а въ октябрѣ вывели насъ изъ централки. Говорю это, провѣривши даты по письмамъ.

гору, крестьяне попросили насъ встать съ телѣгъ. Мы соскочили, и, идя по дорогѣ, сбились въ кучки. Сколько радости, простой, неприкрашенной, обыкновенной человѣческой радости было въ нашихъ разговорахъ, привѣтствіяхъ! Я въ свое время расскажу о своемъ выходѣ съ Кары; тогда я шелъ уже, несомнѣнно, на поселеніе. Но все же, чувство, которое я тогда испыталь, ни въ какое сравненіе не идетъ съ тѣмъ, которое я испытываль при выходѣ изъ централки: тамъ праздновалось воскресеніе изъ мертвыхъ, тогда какъ переходъ съ Кары на поселеніе былъ простымъ «улучшеніемъ положенія».

Въ pendant къ этому чувству и природа была дивно хороша. Солнце закатывалось, и восхитительная картина рисовалась намъ, когда мы поднимались, оживленно и радостно бесѣдуя, вслѣдъ за телѣгами въ гору.

Ночевали мы въ какой-то кордегардіи въ Чугуевѣ. Здѣсь насъ хорошо накормили и, главное, разрѣшили намъ курить. Необычайное нервное возбужденіе, двѣ бессонныхъ ночи, проведенныхъ передъ отъѣздомъ въ централкѣ, духота въ тѣсномъ помѣщеніи отъ скопленія 20 съ лишнимъ лицъ, наконецъ, усиленное куреніе,—все это подъ конецъ повело къ обморокамъ. Кажется, первый почувствовалъ себя дурно Студзинскій, а затѣмъ я, стоя со Свитычемъ и еще съ кѣмъ-то и оживленно бесѣдуя, вдругъ упалъ на руки товарищей. Помню, у меня сильно стучало въ головѣ; но это продолжалось, конечно, нѣсколько секундъ, и меня въ безсознательномъ состояніи, вѣрнѣе, въ состояніи отчаянно крѣпкаго усыпленія, перенесли на нары, гдѣ я и проспалъ до утра.

Къ слѣдующей ночи мы прибыли въ Харьковскую тюрьму, гдѣ передъ самымъ отъѣздомъ дальше къ намъ присоединились изъ Новоборисоглѣбской тюрьмы Рогачевъ, Войноральскій, Коваликъ и Сажинъ, а съ ними вмѣстѣ—и нашъ Мышкинъ.

Въ вагонѣ, при переѣздѣ изъ Харькова во Мценскъ, у насъ также были обмороки (помню, что не выдержали я и Быдарины).

Но въ концѣ концовъ мы «благополучно» добрались до тихой пристани, Мценской пересыльной для политическихъ тюрьмы.

И дѣйствительно, здѣсь мы отдохнули, укрѣпили свои силы,—конечно, лишь для того, чтобы встрѣтить въ будущемъ новыя испытанія, которыя для многихъ изъ насъ были роковыми...

Н. Виташевскій.

Сергѣй Геннадьевичъ Нечаевъ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

„Il est encore vrai que Netchaieff est un des hommes les plus actifs et les plus énergiques que j'aie jamais rencontré. Lorsqu'il s'agit de servir ce qu'il appelle la cause il n'hésite et ne s'arrête devant rien et se montre aussi impitoyable pour lui-même que pour tous les autres“.

(Изъ письма Бакунина къ Talandier).

Съ Сергѣемъ Геннадьевичемъ я познакомился въ 1868 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до того времени, когда началось извѣстное движеніе среди петербургскаго студенчества. Познакомился я съ Нечаевымъ чрезъ товарища своего по Медико-Хирургической Академіи Евлампія Аметистова. Жилъ же я тогда у домика Петра Великаго на набережной Петербургской стороны вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами по Академіи, Ѳеодоромъ и Валентиномъ Покровскими, М. Коринескимъ и Дмитріемъ Урсати, братомъ Семена Урсати, студента Академіи. На нашей квартирѣ, состоявшей изъ трехъ клѣтушекъ, носившихъ названіе комнатъ, собиравалась вся бурсацкая часть студенчества Академіи; сюда же заходили часто и студенты университета, Технологическаго института, Инженернаго института, два-три кадета Морского корпуса, изъ которыхъ помню фамилію одного—Кисель-Загорянской, а также двоюродный мой братъ Михаилъ Ватіасъ, который былъ потомъ профессоромъ Пажескаго корпуса и умеръ генераломъ. Однимъ словомъ, самая разнообразная публика.

Въ домѣ Степанова, во дворѣ, жили двѣ большія артели рабочихъ, много другихъ жильцовъ и старушка-чиновница со своей молоденькой дочкой Вѣрой Засуличъ, тогда 15-лѣтней сдоровой барышней-подросткомъ. Всѣ эти жильцы, начиная съ чиновниковъ и до рабочихъ, любили нашу студенческую группу, такъ какъ всѣ мы вели себя до-нельзя корректно и готовы были услужить всякому человѣку, нуждавшемуся въ нашей посильной помощи: больные получали лѣкарства, медицинскую помощь, рабочіе забѣгали попросить книжку почитать или письмо къ роднымъ написать въ деревню и т. д. Одинъ только лавочникъ, имѣвшій свою лавченку у самыхъ воротъ, дулся всегда изъ-за нашихъ неоплатныхъ долговъ за забранный въ

долгъ черный хлѣбъ, огурцы да жареную печенку,—продукты, которые служили намъ главнымъ подспорьемъ для скуднаго питанія почти круглый годъ. О собраніяхъ студентовъ на этой квартирѣ, о томъ, что тамъ существуетъ кружокъ, который откуда-то получаетъ старые номера Герценовскаго *Колокола*, Нечаевъ узналъ отъ Евлампія Аметистова и пожелалъ свести знакомство со мною. Первое наше свиданіе съ Сергѣемъ Геннадьевичемъ произошло въ зданіи приходскаго училища, гдѣ Нечаевъ имѣлъ квартиру, будучи учителемъ Сергѣевского училища.

Предметомъ первыхъ нашихъ разговоровъ, конечно, служило начавшееся въ Медико-Хирургической Академіи движеніе по случаю избранія въ руководители библіотеки и студенческой кассы нѣсколькихъ студентовъ-семинаристовъ, между которыми наша группа успѣла провести М. Коринескаго. Нечаевъ выражалъ мнѣніе, что слѣдовало бы приобщить къ этому движенію и студентовъ другихъ учебныхъ заведеній, т. е. студентовъ Университета, Технологическаго института и, если возможно, то и Инженернаго корпуса. Я возражалъ на это, указывая, что трудно будетъ убѣдить студентовъ Академіи, которые пользуются правомъ имѣть студенческую кассу и библіотеку, бороться за приобрѣтеніе таковыхъ же правъ другими учебными заведеніями, сихъ правъ не имѣющими, но я высказывался, что попробовать не мѣшаетъ во всякомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что существуетъ тѣсное общеніе между студентами всѣхъ петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Послѣ такихъ разговоровъ мы переходили къ моимъ рассказамъ о моемъ знакомствѣ съ каракозовцами въ бытность мою студентомъ Московскаго университета въ 1865—1866 годахъ. Нечаевъ съ жадностью выслушивалъ эти рассказы и просилъ меня дать ему для прочтенія тѣ номера *Колокола*, которые я недавно привезъ изъ Москвы, и въ которыхъ были напечатаны статьи о каракозовскомъ процессѣ подъ общимъ заглавіемъ *Блѣдный терроръ*. Номера эти я получилъ въ Москвѣ отъ своего знакомаго Петра Гавриловича Успенскаго.

Здѣсь же, въ Сергѣевскомъ училищѣ я познакомился вскорѣ съ товарищемъ Нечаева, Владиміромъ Орловымъ, бывшимъ сельскимъ учителемъ, недавно прибывшимъ въ столицу и поселившимся у своего знакомаго, такого же учителя, какъ онъ. Собираясь по вечерамъ въ квартирѣ Нечаева, я, Орловъ, братья Аметистовы и вскорѣ еще нѣсколько другихъ студентовъ, между которыми былъ и Чубаровъ, повѣшенный много позже Тотлебенъ, мы читали «*Lanterne*» Рошфора, книженку, изданную полиціей объ *Иосафатѣ Огрызкѣ*, и старая *Отечественныя Записки* съ статьями о Робертѣ Оуэнѣ и, наконецъ, добытую нами книгу Буонаротти о заговорѣ Бабѣфа. Эта послѣдняя книга произвела на нѣкоторыхъ изъ насъ потрясающее впечатлѣніе, и мы заговорили объ организаціи политическаго общества въ Россіи. Исторія декабристовъ, петрашевцевъ и воспоминанія о Худяковѣ и его рассказахъ о существованіи какого-то

тайнаго общества за границей были излюбленными сюжетами разговоровъ нашихъ на этихъ вечерахъ. Нечаевъ зналъ очень плохо по-французски, а потому при чтеніи приходилось дѣлать дословный переводъ, что въ особенности было обременительно при чтеніи французской революціи Луи Блана: ее и пришлось бросить на второмъ томѣ и взяться за Карлейля по-русски.

Вечера эти съ чтеніемъ происходили въ декабрѣ 1868 г. Вскорѣ, однако, они прекратились, такъ какъ многіе изъ насъ, будучи заняты движеніемъ среди студенчества, перестали посѣщать Сергѣевское училище. Нечаевъ, однако, интересовался студенческими сходками и имѣлъ о нихъ свѣдѣнія отъ братьевъ Аметистовыхъ, изъ коихъ Иванъ былъ студентомъ университета, а Евлампій—Медико-Хирургической Академіи; отъ времени до времени онъ заходилъ на собранія, бывшія у насъ на квартирѣ на Петербургской сторонѣ, а одинъ разъ даже я встрѣтилъ его на большой студенческой сходкѣ, происходившей въ зданіи Академіи.

Въ началѣ февраля мѣсяца 1869 года онъ зашелъ ко мнѣ вмѣстѣ съ Орловымъ и пригласилъ меня на собраніе нѣсколькихъ лицъ, которое должно было быть у писателя Ткачева. Желая знать цѣль собранія, я спросилъ объ этомъ Нечаева, который сказалъ мнѣ, что предполагается составить группу изъ среды писателей для поддержки студентовъ и ихъ движенія.

Поддержка печати была, конечно, желательна; я принялъ приглашеніе, и вмѣстѣ съ Нечаевымъ и Орловымъ былъ у Ткачева, съ которымъ въ это время и познакомился. На сходкѣ этой насъ было не много, изъ женщинъ помню Дементьеву и, если не ошибаюсь, Томилову. Говорили о привлеченіи печати на сторону студенческаго движенія, послѣ же собранія, когда большая часть присутствовавшихъ уже разошлась, и я тоже взялся за фуражку, Ткачевъ и Нечаевъ удержали меня, попросивъ остаться еще на полчаса. Мы перешли въ другую комнату, гдѣ насъ оказалось только трое. Ткачевъ предложилъ тогда составить временный Комитетъ для руководства движеніемъ студентовъ, указывая, что желательно бы было привлечь къ движенію всѣ другіе университеты. Организацию Комитета я нашелъ цѣлесообразной, но призналъ необходимымъ составить его изъ делегатовъ отъ существующихъ студенческихъ кружковъ, а Нечаевъ былъ противъ этого мнѣнія, находя лучшимъ создать Комитетъ изъ студентовъ, уже намѣченныхъ движеніемъ, и отнюдь не обращаться къ кружкамъ. Разошлись мы на этотъ разъ, не порѣшивъ ничего относительно Комитета, но согласившись, однако, собраться еще нѣсколько разъ для разрѣшенія этого вопроса. На второмъ, однако, собраніи, вопросъ объ организациі Комитета для руководства движеніемъ студентовъ уже не поднимался, потому что Комитетъ уже составилъ изъ среды самого студенчества; избраны были даже делегаты для отъѣзда въ другіе университетскіе города съ цѣлью пріобщить студенчество университетовъ Казани, Харькова, Кіева и Москвы къ движенію студентовъ Петербурга.

Въ Москву общая сходка студентовъ Петербурга послала Л. Никифорова и меня.

Въ февралѣ мѣсяцѣ делегаты разъѣхались; мы съ Л. Никифоровымъ уѣхали въ Москву, гдѣ я остановился у своего знакомаго Петра Успенскаго, жившаго тогда на углу Садовой и Тверской, въ домѣ Кашалкина. Черезъ посредство Петра Гавриловича, на второй же день моего приѣзда, я познакомился съ слушателемъ Петровско-Разумовской Академіи Викторомъ Лукинымъ и перебрался въ Петровскую Академію, гдѣ посѣтилъ нѣсколько студенческихъ сходокъ. На этихъ сходкахъ, какъ въ Петровско-Разумовскомъ, такъ и въ самой Москвѣ, мы, делегаты отъ петербургскихъ студентовъ, поставили вопросъ о поднятіи общаго студенческаго движенія во всѣхъ университетахъ и высшихъ школахъ за право собравій, устройство своихъ кассъ вспомошествованія и библіотекъ. Однако, на однихъ изъ сходокъ, вскорѣ, движеніе приняло другое направленіе; такъ, напримѣръ, припоминаю, что на одной большой сходкѣ на Конюшенной, во время рѣчей, произнесенныхъ присутствовавшими, предварительно уже сговорившимися, былъ повѣшенъ на стѣну портретъ Александра Герцена, и потомъ была прочитана какая-то статья изъ *Колокола*. На другой сходкѣ, тоже въ самой Москвѣ меня попросили рассказать о моемъ знакомствѣ съ Ишутинымъ и Дмитріемъ Каракозовымъ, что я и исполнилъ, рассказавъ и о томъ тягостномъ впечатлѣніи, которое произвело на насъ, молодежь московскую, поведение поэта Некрасова въ то время. По этому случаю было прочитано длинное стихотвореніе поэта Жемчужникова на смерть Каракозова. Всѣ эти уклоненія отъ намѣченной цѣли сходокъ подали поводъ на одномъ собраніи Феликсу Вадимовичу Волховскому произнести небольшой спичъ противъ меня. Онъ указалъ собравшимся студентамъ, что петербургскій делегатъ плететъ что-то, не имѣющее ничего общаго съ правами студентовъ на устройство кассъ вспомошествованія и библіотекъ. Упрекъ былъ не въ бровь, а въ глазъ, и я очень былъ сердитъ на него тогда. Относительно этого инцидента я получилъ въ тотъ же вечеръ большой нагоняй отъ П. Г. Успенскаго, указавшаго мнѣ, что на сходкахъ бываютъ разные люди, и что слѣдуетъ поэтому быть болѣе осторожнымъ; тоже самое предостереженіе я выслушалъ вскорѣ и отъ Пимена Енкуватова и др.

Возвратившись обратно въ Петербургъ, я встрѣтился вскорѣ съ Сергѣемъ Геннадьевичемъ на одной изъ сходокъ, бывшихъ въ Измайловскомъ полку. На этой сходкѣ читался *Колоколъ*, привезенный мною изъ Москвы отъ Успенскаго. Нечаевъ, по обыкновенію, на сходкѣ не говорилъ, ограничиваясь однимъ присутствіемъ и знакомствомъ съ нѣсколькими новыми личностями. Въ это время онъ еще всѣмъ былъ рекомендованъ въ качествѣ вольнослушателя университета С. Нечаева. Послѣ сходки, которая окончилась въ первомъ часу ночи, Сергѣй Геннадьевичъ пригласилъ меня и еще нѣсколькихъ студентовъ, изъ коихъ помню Ев.

Аметистова, Енишерлова и Орлова, зайти къ нему на квартиру. Всѣ мы и пошли въ Сергѣевское училище.

Здѣсь Сергѣй Геннадѣвичъ предложилъ собравшимся составить опять-таки комитетъ для руководства студенческимъ движеніемъ, а Орловъ, рисуя схему централистической организаціи, какъ-бы дополняя предложеніе Сергѣя Геннадѣвича предложилъ составить внѣ-студенческую организацію изъ людей, выбираемыхъ среди студенческаго движенія. На собраніи, однако, не было принято никакого рѣшенія, такъ какъ приглашенные Нечаевымъ, по его выбору, люди были между собой мало знакомы, что я и высказалъ тогда. Послѣдствіемъ этого собранія былъ слѣдующій казусъ, который, позже, чуть не имѣлъ самыхъ плачевныхъ результатовъ, когда началось слѣдствіе по Нечаевскому процессу. На собраніи между прочимъ присутствовалъ молодой человѣкъ, по имени Енишерловъ, извѣстный только двумъ, тремъ изъ насъ, я же, напр., лично не былъ знакомъ съ нимъ. Выходя изъ квартиры, Енишерловъ остановилъ меня и попросилъ зайти къ нему; было уже поздно, и такъ какъ я очень усталъ, то и спросилъ, нельзя-ли отложить мое посѣщеніе на другой разъ. Енишерловъ, однако, заявилъ мнѣ, что завтра можетъ быть уже поздно, и что онъ имѣетъ передать мнѣ нѣчто очень важное. Дѣлать было нечего, пришлось согласиться исполнить странную просьбу.

Такъ какъ я посѣщалъ всѣ студенческія сходки, на которыхъ говорилъ много, и былъ поэтому извѣстенъ сотнямъ молодыхъ людей, которыхъ не зналъ лично, то я предположилъ, что это одинъ изъ студентовъ Технологическаго института, такъ какъ онъ жилъ въ Измайловскомъ полку.

Комната, занимаемая Енишерловымъ, была хорошо меблирована, обширна, два стола были завалены книгами, и вообще вся обстановка указывала на то, что ея хозяинъ обладаетъ достаточными средствами. Зажегши лампу и усадивъ меня около одного изъ столовъ, Енишерловъ взялъ кусокъ бумаги и сталъ что-то писать на ней, потомъ протянулъ этотъ лоскутъ бумаги мнѣ, прося сохранить его на память о немъ, заявляя мнѣ въ то же время, что, по всему вѣроятію, завтра онъ будетъ арестованъ, такъ какъ его квартира съ нѣкотораго времени окружена шпіонами. Развернувъ бумажку, я на ней прочелъ слѣдующее (подлинный текстъ я не помню, конечно): «когда Ралли понадобится человѣкъ, готовый стрѣлять въ государя, онъ можетъ обратиться ко мнѣ, и я это исполню».

Когда я прочелъ записочку, первой моей мыслью было, что Енишерловъ—шпіонъ, что я попалъ въ ловушку и лишь только выйду изъ квартиры, буду арестованъ. Поэтому я записку скомкалъ и, не простившись съ хозяиномъ, почти что выбѣжалъ изъ квартиры; бросилъ ли я записку, порвалъ ли ее въ комнатѣ, или же на улицѣ,—не помню; знаю только положительно, что я ее тутъ-же уничтожилъ.

Когда я рассказалъ объ этомъ приключеніи на другой день

Сергію Геннадьевичу и предупредилъ его относительно наивности Енишерлова, Нечаевъ былъ очень недоволенъ, что я уничтожилъ записку, но потомъ согласился со мною, что такъ и слѣдовало сдѣлать. Енишерловъ оказался вовсе не шпионъ, а очень порядочный малый, который, будучи арестованъ, пуще всего боялся сознаться въ знакомствѣ со мною, предполагая, по всему вѣроятію, что я сохранилъ его ужасную записочку. Къ этому эпизоду я однако еще возвращусь.

Въ февралѣ и мартѣ мѣсяцѣ 1869 года, уже всѣ высшія учебныя учрежденія Петербурга приняли участіе въ студенческомъ движеніи. На сходкахъ, которыя устраивались въ разныхъ частяхъ города, совмѣстно участвовали студенты Университета, Медико-Хирургической Академіи, Технологическаго института и даже института инженеровъ путей сообщенія. Все студенчество, однако, вскорѣ разбилось на двѣ партіи: одни, во главѣ съ студентомъ Езерскимъ, заявили себя сторонниками кружковой организаціи студенчества, каковая уже существовала и прежде, и были противъ всякихъ коллективныхъ заявленій требованій къ начальству, признавая таковыя безрезультатными; Езерскій указывалъ на насъ, какъ на людей, подвергающихъ студентовъ опасности быть изгнанными изъ университета и даже сосланными. Другая группа, состоящая изъ меньшинства, высказалась за манифестаціи въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, съ цѣлью требовать права на сходки, устройства студенческихъ кассъ и библіотекъ.

Такая постановка вопроса была крайне невыгодна для студентовъ Медико-Хирургической Академіи, которые, собственно говоря, были «зачинщиками» движенія. Академія пользовалась льготой, которой не имѣлъ Университетъ: здѣсь уже существовала и студенческая касса и библіотека, которымъ покровительствоvalo академическое начальство, съ разрѣшенія генерала Милютина, ея непосредственнаго начальника. Большинство студентовъ Академіи упорно не хотѣло принять участіе въ общемъ движеніи студенчества, ссылаясь на то, что Академія пользуется уже тѣми привилегіями, во имя которыхъ поднято движеніе среди студенчества. Къ этому теченію присоединились и тѣ изъ женщинъ, которымъ разрѣшено было слушать лекціи въ Академіи и работать въ анатомическомъ театрѣ профессора Грубера. Женщины прислали даже своихъ делегатовъ съ просьбой прекратить движеніе, такъ какъ иначе право ихъ посѣщать лекціи можетъ быть у нихъ отнято реакціей. Всѣ эти обстоятельства сильно тормозили дѣло, главнымъ образомъ потому, что кружки студенческіе, стоявшіе впереди движенія, состояли изъ студентовъ Медико Хирургической Академіи.

Принимая во вниманіе все это, на одномъ изъ собраній, бывшемъ на Петербургской сторонѣ, принято было рѣшеніе сплотиться въ одинъ кружокъ всѣмъ тѣмъ, которые уже поняли, что студенческое движеніе поднято для того, чтобы перезнакомить

людей между собой и, такимъ образомъ, составить кружокъ изъ людей, имѣющихъ цѣлью поднять возстаніе въ Россіи и уничтожить существующій порядокъ вещей. На этомъ собраніи было рѣшено, чтобы Чубаровъ ¹⁾ уѣхалъ за границу, такъ какъ стало положительно извѣстно, что онъ будетъ вскорѣ арестованъ. Сергѣй Геннадьевичъ также принялъ рѣшеніе удалиться изъ Петербурга на время, и, если будетъ возможно, то поселиться въ Москвѣ, гдѣ элементы среди студенчества были болѣе подходящи для сформированія перваго кружка. На послѣдовавшихъ послѣ этого собранійхъ студенческихъ было рѣшено дѣйствовать болѣе открыто, т. е., не ограничивать дискуссіи дѣлами чисто студенческими, но направлять ораторовъ на темы чисто политическія; для этого, предварительно устраивалась особенная обстановка комнатъ, гдѣ назначалась сходка: на столахъ ставились фотографическія карточки Робеспьера, Сенъ-Жуста и т. д., на стѣнахъ вѣшались карточки въ рамкахъ поэта Михайлова, Михаила Ларіоновича, А. И. Герцена, Чернышевскаго и т. д. Для составленія программы этихъ собраній мы собирались у Томиловой, гдѣ жила сестра Нечаева, тогда еще дѣвочка, которая, конечно, никакого участія не принимала, или же у меня и Коринескаго на Петербургской сторонѣ.

Въ самый разгаръ движенія полиція вскорѣ начала аресты, и Медико-Хирургическая Академія поплатилась первая. Въ мартѣ 1869 года я былъ арестованъ у себя на квартирѣ, гдѣ, однако, не нашли ничего, такъ какъ о предстоящемъ арестѣ я былъ предупрежденъ хозяйкой, которая успѣла дать знать намъ, что полиція интересуется мною и Коринескимъ. Узнавши это, мы постарались очистить квартиру отъ немногихъ экземпляровъ *Колокола* и *Отщепенцовъ* Соколова (единственная подпольная литература, существовавшая въ то время и цѣнившаяся нами на вѣсъ золота). Арестованъ я былъ ночью, когда въ моей квартирѣ заочевало вѣскольکو человекъ, въ числѣ которыхъ былъ и покойный Ткачевъ. Полиція, однако, ограничилась лишь тѣмъ, что переписала всѣхъ присутствовавшихъ, но арестовала меня и Оедора Покровскаго; Коринескаго не нашли въ квартирѣ, такъ какъ онъ успѣлъ убраться на эту ночь въ Лѣсной институтъ.

Съ этихъ поръ, вплоть до моего бѣгства за границу, я уже не встрѣчался болѣе въ Россіи съ Сергѣемъ Нечаевымъ. Будучи арестованъ сначала по студенческому движенію, я просидѣлъ не болѣе одного мѣсяца и былъ приговоренъ академическимъ судомъ къ исключенію изъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, «за участіе въ безпорядкахъ и подстрекательство къ онимъ», какъ гласилъ приговоръ. Полиція же присовокупила отъ себя уже ссылку въ мѣста не столь отдаленныя.

Третье Отдѣленіе, хотя и не могло имѣть какихъ-либо данныхъ для усмотрѣнія въ студенческомъ движеніи политическаго

¹⁾ Повѣщенный Тотлебенемъ.

заговора, такъ какъ такового еще не было въ это время, однако, ощупью, по всему вѣроятію, предчувствовало, что это движеніе поднято группою людей взаимно столковавшихся, а поэтому, по всему вѣроятію, уже сформировавшейся въ нѣчто организованное. Свѣдѣнія она получала, конечно, отъ студентовъ-шпіоновъ; сидя въ одиночкахъ у Цѣпного моста мы всѣ зачастую видѣли молодыхъ людей въ формѣ Медико-Хирургической Академіи прогуливавшихся отъ воротъ третьяго двора до канцеляріи г-на Филипеуса, оберъ-шпіона того времени.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1869 года я былъ снова арестованъ въ г. Киншневѣ и привезенъ въ Петербургъ, гдѣ предварительно былъ посаженъ въ одну изъ одиночекъ Литовскаго Замка, а черезъ два мѣсяца, въ концѣ іюня, перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость; здѣсь я пробылъ вплоть до октября 1871 года, когда опять былъ отправленъ административнымъ порядкомъ въ ссылку, изъ которой и бѣжалъ за границу. Въ архивѣ III-го отдѣленія должны существовать мои показанія, такъ какъ я ихъ подписалъ уже печатанными на большомъ листѣ; въ этихъ показаніяхъ я отрицаю участіе свое въ заговорѣ Нечаева, заявляя, что такового до моего ареста и не существовало, на вопросъ о моихъ убѣжденіяхъ я заявляю себя фурьеристомъ и излагаю теорію Сенъ-Симона и Фурье. Въ бытность мою за III-мъ отдѣленіемъ мнѣ были прочитаны показанія братьевъ Кузнецовыхъ самимъ Филипеусомъ и произвели на меня крайне удручающее впечатлѣніе, такъ какъ я зналъ лично Иванова, убитаго въ гротѣ Разумовской Академіи. Мое мнѣніе — Ивановъ былъ порядочнымъ человѣкомъ и никогда не сдѣлался бы шпіономъ. Убіеніе его — великое несчастье!

Бѣжалъ я за границу больной ревматизмомъ, полученнымъ въ Трубецкомъ равелинѣ; подлѣчившись немного въ Цюрихѣ, я поѣхалъ въ Италію, откуда проѣхалъ въ Лакарно къ М. А. Бакунину. Старика Бакунина я нашелъ сильно возбужденнымъ противъ Нечаева; подозрѣвая во мнѣ человѣка, близкаго къ Сергѣю Геннадьевичу, онъ заявилъ мнѣ при двухъ другихъ бывшихъ въ то время у него эмигрантахъ, докторѣ Ал. Эльсницѣ и докторѣ Владимірѣ Гольштейнѣ, что предварительно, дабы продолжать съ нимъ знакомство, я долженъ раззнакомиться съ Нечаевымъ и отнюдь болѣе не имѣть съ нимъ ничего общаго. Пробывши однако съ недѣлю въ Лакарно, мнѣ удалось сблизиться съ Михаиломъ Александровичемъ настолько, что онъ не повторялъ болѣе своего условія. Вернувшись въ Цюрихъ, я вскорѣ получилъ отъ Сергѣя Геннадьевича письмо изъ Парижа, въ которомъ онъ просилъ извѣстить меня, можно ли ему остановиться у меня, такъ какъ онъ намѣревается посѣтить въ Швейцаріи своихъ друзей. Зная, что ему небезопасно поселиться въ Швейцаріи, гдѣ его чуть было не выдали, я написалъ ему объ этомъ, предупреждая его, что въ Цюрихѣ, по всему вѣроятію, много русскихъ шпіоновъ. Весною 1872 года Нечаевъ пріѣхалъ въ Цюрихъ и поселился у меня.

Это было первое наше свиданіе съ нимъ за границую. Я нашелъ его совершенно не измѣнившимся, даже не возмужавшимъ. Это былъ тотъ-же худенькій, небольшого роста, нервный, вѣчно кусающій свои изъѣденные до крови ногти молодой человѣкъ, съ горячими глазами, съ рѣзкими жестами. Нечаевъ не былъ рѣчистъ, по-русски говорилъ на о, какъ говорятъ владимирцы; по-французски такъ-таки и не выучился, хотя могъ объясняться и читалъ уже почти безъ словаря. Приѣхалъ онъ ко мнѣ съ маленькимъ ручнымъ чемоданомъ и двумя книгами «Confessions» J. J. Rousseau и «Mémoires authentiques» de Max. de Robespierre. Книги эти такъ и остались съ тѣхъ поръ у меня. Во всю бытность свою у меня, ни Сергѣй Геннадьевичъ, ни я ни разу не упомянули о несчастномъ Ивановѣ; онъ зналъ мое мнѣніе о покойникѣ, я же не могъ говорить о немъ съ нимъ, такъ какъ именно я и познакомилъ Иванова съ Успенскимъ, въ бытность мою въ Москвѣ.

О пребываніи Нечаева у меня вскорѣ узналъ М. А. Бакунинъ, который, совмѣстно съ Сажинымъ и моими товарищами Эльсницомъ и Гольштейномъ, потребовалъ у меня разрыва съ Нечаевымъ, предполагая, конечно, что у насъ затѣвалось что-нибудь общее. Кромѣ нѣкоторыхъ изъ эмигрантовъ, съ Бакунинымъ во главѣ, никто не зналъ, однако, о пребываніи Нечаева въ Цюрихѣ, гдѣ онъ проживалъ подъ псевдонимомъ Лидерса. Объясненія мои съ бывшими бакунистами окончились благополучно: было признано, что я, какъ членъ бакунинской организаціи, формирующей интернаціональную славянскую секцію, могу имѣть связь чисто личную съ Нечаевымъ, который не представляетъ никакой опасности для насъ, не согласныхъ съ его образомъ дѣйствій.

Однако, уѣзжая на время изъ Цюриха въ Юру (Шодефонъ), Нечаевъ просилъ меня написать ему письмо и высказаться опредѣленно, съ кѣмъ именно намѣреваюсь я работать, съ нимъ и его друзьями или съ Бакунинымъ. Зная прекрасно, что никакихъ «друзей» за Нечаевымъ нѣтъ, я высказалъ ему это, но онъ, продолжая свою старую тактику, утверждалъ, что я ошибаюсь; раздосадованный этимъ упорствомъ съ его стороны, я наговорилъ ему много такого, что охладило окончательно наши взаимныя отношенія. Нечаевъ уѣхалъ, и вскорѣ я получилъ по почтѣ письмо изъ Лондона, написанное шифромъ съ красною печатью *Народной Расправы*; письмо было для передачи Лидерсу, т. е. Сергѣю Геннадьевичу; послѣ этого письма на мое имя пришло еще нѣсколько такихъ писемъ. Желая переслать ему всѣ эти письма, я написалъ, наконецъ, Нечаеву въ Шодефонъ длинное письмо, въ которомъ иронически просилъ его написать Владиміру Серебренникову, бывшему студенту Медико-Хирургической Академіи, который былъ, какъ я зналъ, въ Лондонѣ и имѣлъ связи съ Нечаевымъ, чтобы онъ пересталъ играть въ «Народную Расправу», такъ какъ это совершенно смѣшно. Въ этомъ же письмѣ я писалъ ему о моемъ рѣшеніи оставаться въ Цюрихѣ, гдѣ я

намѣренъ заняться чтеніемъ. Слѣдующее письмо Нечаева было отвѣтомъ на это мое письмо. Подписано оно псевдонимомъ Нечаева: *Лидерсъ*.

«Вслѣдствіе ошибки отправлено (вѣроятно тебѣ) письмо, предназначенное другому. Если ты получилъ таковое, то перечеркни его карандашемъ и отошли на извѣстный тебѣ адресъ. Твое письмо получилъ. Желаю успѣха! За тебя вообще я *еще* не отчаялся. Что Сл—ская секція? Извѣсти, это всего важнѣе. Пришли адресъ Т—скаго. Да что онъ? Вѣроятно уже разболтали, и онъ знаетъ, кто былъ. Кто онъ?

Если ты не просто хотѣлъ отдѣлаться отъ меня, если въ твоемъ рѣшеніи лежитъ серьезное желаніе приобрѣсть политическое образованіе, то вѣдь это въ Цюр. невозможно. Не хочешь ли побывать здѣсь на дняхъ, то есть, во время уже начавшагося карнавала? Если вздумаешь, то предувѣдомь. Какъ твой полный адресъ? Вообще пиши.

Лидерсъ.

Р. S. А жаль! Кто изъ нашихъ старыхъ не удивится, что изъ встрѣчи толку не вышло! А они скоро объ этомъ узнаютъ.

Пока по-прежнему жму твою руку».

Въ письмѣ Нечаевъ спрашиваетъ о славянской секціи, организованной уже въ Цюрихѣ, проситъ прислать ему адресъ польскаго эмигранта Турскаго, съ которымъ познакомился подъ фамиліей Лидерса, и который узналъ вскорѣ, что Лидерсъ—Нечаевъ. Въ своемъ письмѣ, Сергій Геннадьевичъ продолжаетъ свою тактику, упоминая о «старыхъ друзьяхъ», съ которыми будто онъ продолжаетъ быть въ связи, между тѣмъ изъ всѣхъ этихъ друзей вокругъ него уже никого не было, кромѣ того же Вл. Серебренникова. Конечно, тяжело было ему въ этомъ сознаться, хотя и надобно было.

Осенью того же 1872 года онъ опять вернулся въ Цюрихъ но не пожелалъ уже поселиться у меня, а остановился у Турскаго, который познакомилъ его съ Адольфомъ Стемпковскимъ.

Ад. Стемпковскій былъ въ то время секретаремъ интернаціональной марксистской секціи и, какъ таковой, сумѣлъ втѣреться въ знакомство со всѣми эмигрантами, проживавшими въ Цюрихѣ; былъ лично знакомъ съ Бакунинымъ и близкимъ членомъ Грейлиха, главы цюрихскихъ марксистовъ того времени. При посредствѣ-то этого Стемпковскаго русское правительство оборудовало поимку Сергія Геннадьевича, выдача котораго была уже предрѣшена швейцарскимъ правительствомъ, признавшимъ Нечаева за уголовнаго преступника. Стемпковскій завлекъ Нечаева, прежде всего давши согласіе на образованіе кружка среди поляковъ, жившихъ въ Цюрихѣ; что хотѣлъ сдѣлать изъ этого кружка Сергій Геннадьевичъ, мнѣ неизвѣстно, такъ какъ, хотя

мы и встрѣчались съ нимъ въ это время, хотя онъ и посѣщалъ меня, оставивъ у меня для сохраненія какія-то бумаги въ кожаномъ переплетѣ, однако не говорилъ со мною ни о какихъ своихъ дѣлахъ съ поляками. Передъ арестомъ своимъ онъ пришелъ ко мнѣ проститься, заявивъ, что уѣзжаетъ, что пріобрѣлъ хорошій паспортъ при посредствѣ Ад. Стемпковского, взялъ у меня свой портфель и далъ мнѣ адресъ на Парижъ, въ случаѣ, если буду имѣть желаніе написать ему. Это было послѣднее наше свиданіе. Черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ былъ арестованъ въ глухой части города Цюриха, куда его завлекъ Стемпковскій ¹⁾.

Послѣ ареста Нечаева, былъ наряженъ судъ надъ Стемпковскимъ. Въ составъ суда вошли делегаты рабочихъ организацій Цюриха; судъ этотъ приговорилъ Стемпковского къ изгнанію изъ среды своей, какъ шпіона. Этимъ вердиктомъ не удовольствовалась одна группа поляковъ и сербовъ и приговорила его къ смерти, та же самая группа рѣшила воспротивиться выдачѣ Нечаева, организовавъ его освобожденіе вооруженной рукой.

Но приговоръ къ смерти Стемпковского не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ стрѣлявшій въ него въ упоръ пять разъ не ранилъ даже шпіона, упавшаго и представившагося убитымъ, освобожденіе также не удалось, такъ какъ выхваченнаго изъ рукъ жандармовъ Нечаева окружила публика и помогла полиціи снова поймать его тутъ же на вокзалѣ, арестовавъ двухъ изъ пытавшихся спасти Сергѣя Геннадьевича.

Черезъ нѣкоторое время послѣ этого я былъ арестованъ въ Бернѣ и посаженъ въ тюрьму по обвиненію въ устройствѣ заговора на жизнь шпіона Стемпковского.

Нечаевъ былъ увезенъ въ Россію, приговоренъ къ каторгѣ и замурованъ въ Петропавловской крѣпости, гдѣ и умеръ. Отноительно его пребыванія въ крѣпости была написана небольшая замѣтка мною *совмѣстно* съ Л. Тихомировымъ въ 1 № *Вѣстника Народной Воли*, изданномъ за границую.

Вскорѣ послѣ ареста Сергѣя Геннадьевича явился ко мнѣ въ Цюрихѣ Владиміръ Серебренниковъ и предложилъ купить у него архивъ Нечаева; требовалъ же онъ за этотъ архивъ 400 франковъ. Возмущенный этимъ предложеніемъ, я отнялъ у него архивъ силою и выгналъ его. Архивъ Нечаева былъ разобранъ мною, совмѣстно съ Бакунинымъ и Сажинымъ; часть документовъ была тутъ же сожжена, а часть осталась у Сажина.

Земфиръ Ралли-Арборе.

¹⁾ Обстоятельства ареста Нечаева изложены въ слѣдующей за воспоминаніями З. Ралли статьѣ г. Д—а.

Арестъ С. Г. Нечаева въ Цюрихѣ.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Въ концѣ лѣта 1872 года я жилъ въ Цюрихѣ. Русскихъ тогда тамъ было сравнительно немного, и я, не думая возвращаться въ Россію и мечтая переселиться навсегда въ Америку, мало съ кѣмъ изъ нихъ былъ знакомъ, вращался же болѣе среди мѣстныхъ социалистовъ, группировавшихся около цюрихской секціи Интернаціонала, душою которыхъ былъ рабочій-переплетчикъ Германъ Грейлихъ ¹⁾. Въ то же время въ Цюрихѣ временно проживалъ и С. Г. Нечаевъ подъ вымышленнымъ, теперь не помню какимъ, болгарскимъ или сербскимъ именемъ; это было довольно извѣстно, но такъ какъ Нечаевъ жилъ очень замкнуто, то въ лицо его знали очень немногіе. Я лично его не зналъ. Среди немногихъ знакомыхъ Нечаева былъ нѣкто полякъ Стемпковский.

Стемпковский былъ эмигрантъ, бѣжавшій изъ Россіи послѣ польскаго возстанія 1863 года, во время котораго онъ былъ у повстанцевъ такъ называемымъ «жандармомъ-вѣшателемъ». Онъ былъ хорошій мастеръ, помнится, кожевенныхъ издѣлій и много зарабатывалъ. По-русски Стемпковский говорилъ совершенно свободно, только съ польскимъ акцентомъ. Въ Цюрихѣ онъ жилъ сравнительно недавно, былъ членомъ многихъ революціонныхъ и социалистическихъ кружковъ, въ томъ числѣ обѣихъ цюрихскихъ секцій Интернаціонала (мѣстной — нѣмецкой и славянской). Смутно ходили слухи, что Стемпковский не вполне надеженъ въ смыслѣ политическомъ, что у него есть связи съ русской полиціей, но все это приписывалось эмигрантскимъ сплетнямъ. Оказалось, что сплетни были не безосновательны: именно этого-то человѣка и выбрали агенты полиціи ²⁾, пріѣхавшіе изъ Россіи для ареста С. Г. Нечаева. Самый арестъ произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ одномъ изъ предмѣстій Цюриха, Готтингенѣ, вблизи квартиры упомянутаго выше Грейлиха, былъ небольшой деше-

¹⁾ Г. Грейлихъ, нынѣ уже глубокой старикъ, до настоящаго времени стоитъ во главѣ швейцарскихъ социалистовъ.

²⁾ Кто были агенты русской полиціи, пріѣзжавшіе въ Цюрихъ съ цѣлью добиться отъ швейцарскихъ властей ареста и выдачи С. Г. Нечаева, я не знаю; впоследствии въ Россіи я слышалъ, что это былъ жандармскій офицеръ Рёмеръ, по другимъ свѣдѣніямъ — нѣкто Николіачъ, сербъ по происхожденію, перешедшій на службу въ русскую жандармерію.

Прим. автора.

вый ресторанчикъ съ садомъ. Однажды днемъ въ этомъ ресторанчикѣ Грейлихъ назначилъ своему пріятелю и товарищу по Интернаціоналу, учителю Рэми (старикъ—нѣмецкому эмигранту 1848 года), свиданіе. По приходѣ въ ресторанъ они застали въ немъ Стемпковского въ компаніи трехъ лицъ, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтый въ штатское платье мѣстный полицейскій комиссаръ (вродѣ нашего частнаго пристава), остальные двое, очевидно, были иностранцы—поляки или русскіе—такъ какъ Стемпковский говорилъ съ ними по-польски или по-русски, но какъ именно, Грейлихъ и Рэми, не зная ни одного изъ этихъ языковъ, опредѣлить не могли. Компанія ничего подозрительнаго не внушала, ибо полицейскіе чины во вѣтслужебное время въ Швейцаріи обыкновенно ходятъ въ штатскомъ платьѣ, иностранцевъ-же въ Цюрихѣ было много, такъ что подобныя встрѣчи могли носить чисто случайный характеръ, тѣмъ болѣе что Стемпковский, поздоровавшись съ вошедшими Грейлихомъ и Рэми, сѣлъ за отдѣльный столикъ. Одно удивило послѣднихъ, что застали Стемпковского въ ресторанѣ днемъ, въ рабочее время, и, какъ имъ показалось, на-веселѣ, чего за нимъ раньше не замѣчалось. Грейлихъ и Рэми, которымъ необходимо было между собою о чемъ-то переговорить, заняли тоже отдѣльный столикъ. Вскорѣ въ ресторанъ вошелъ молодой человѣкъ, прямо подсѣлъ къ Стемпковскому и заговорилъ съ нимъ, какъ съ хорошо знакомымъ. Въ это время переодѣтый полицейскій вышелъ въ дверь, выходящую на улицу, а двое иностранцевъ—въ другую—въ садъ. Стемпковский съ молодымъ человѣкомъ вскорѣ тоже вышли въ садъ, откуда затѣмъ послышался какой-то необычный шумъ; на послѣдній вышли въ садъ и Грейлихъ съ Рэми, гдѣ увидѣли, какъ молодого человѣка, бывшаго вмѣстѣ съ Стемпковскимъ, уже скованнаго въ наручники, полицейскіе выводятъ изъ сада въ сопровожденіи обоихъ иностранцевъ; Стемпковский-же куда-то исчезъ. Молодой человѣкъ (то былъ С. Г. Нечаевъ), увидѣвъ Грейлиха и Рэми, которыхъ онъ, очевидно, зналъ въ лицо, громко крикнулъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ: «Скажите русскимъ, что NN (фамилія, подѣ которой С. Г. Нечаевъ жилъ въ Цюрихѣ), арестованъ». Не помню, что предпринялъ Рэми, но Грейлихъ сейчасъ-же пришелъ ко мнѣ и рассказалъ обо всемъ случившемся. Я немедленно пошелъ къ кому-то изъ русскихъ (кажется къ В. Н. Смирнову)¹⁾; оказалось, тамъ уже знали о случившемся, такъ какъ случайно встрѣтили С. Г. Нечаева на улицѣ, когда его скованнаго вели въ тюрьму. Арестъ С. Г. Нечаева взволновалъ весь Цюрихъ; поведеніе-же въ этомъ дѣлѣ Стемпковского особенно поразило рабочихъ и колонію эмигрантовъ. Рѣшено было произвести разслѣдованіе; надъ

¹⁾ В. Н. Смирновъ—одинъ изъ видныхъ русскихъ эмигрантовъ того времени, впоследствии главный сотрудникъ П. Л. Лаврова по редакціи „Впередъ“. В. Н. Смирновъ умеръ въ Бернѣ въ 1900 г. Теплый некрологъ о немъ помѣщенъ въ издававшемся покойнымъ В. А. Манасейнымъ „Врачъ“, (1900 г., № 18), сотрудникомъ котораго В. Н., медикъ по образованію, долго состоялъ.

Стемпковскимъ былъ назначенъ товарищескій судъ, въ составъ котораго вошли представители тѣхъ обществъ, членомъ которыхъ Стемпковскій состоялъ, по два человѣка отъ cadaго; я попалъ въ число судей по выбору мѣстной секціи Интернаціонала. Самого Стемпковского тоже пригласили на судъ, предоставляя ему возможность оправдаться, если бы все оказалось дѣломъ случайности, при этомъ письменно было заявлено, что личность его останется неприкосновенною. Въмѣсто того, чтобы явиться на судъ товарищей, Стемпковскій обратился къ полиціи съ просьбой защиты, такъ какъ онъ не былъ убѣжденъ, что его не убьютъ. Судъ собрался въ составѣ 10—12 человѣкъ (изъ числа ихъ помню одного вышеупомянутого В. Н. Смирнова—отъ колоніи русскихъ эмигрантовъ); на немъ былъ выслушанъ рядъ свидѣтелей, среди которыхъ, кромѣ Грейлиха и Рэми, очевидцевъ ареста, главная роль выпала русскому эмигранту Турскому, жившему съ С. Г. Нечаевымъ на одной квартирѣ и хорошо его знавшему. По показанію Турскаго, С. Г. Нечаевъ сильно нуждался въ средствахъ, Стемпковскій вызвался что-то для него устроить и въ день ареста назначилъ ему свиданіе въ кабачкѣ, такъ что Турскій зналъ, куда идетъ С. Г. Остальное произошло такъ, какъ я разсказалъ выше. Судъ объявилъ Стемпковского шпиономъ и постановилъ исключить его изъ всѣхъ обществъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ. Это рѣшеніе суда было опубликовано въ мѣстномъ органѣ Интернаціонала «Tagwacht» и въ одной весьма распространенной въ Цюрихѣ и его окрестностяхъ демократической газетѣ («Landbote»). Стемпковскій послѣ этого нигдѣ болѣе не показывался и вскорѣ совершенно исчезъ изъ Цюриха.

С. Г. Нечаевъ былъ арестованъ, какъ убійца студента Иванова; соглашалось же швейцарское правительство выдать его Россіи по удостовѣреніи, что убійство это не носило политическаго характера, и при условіи, чтобы судили его въ Россіи только какъ простаго убійцу, не касаясь политической, антиправительственной его дѣятельности. Агитація противъ выдачи, поднятая мѣстной печатью и путемъ ряда собраній, не оказала помощи арестованному; рѣшеніе же самаго вопроса, согласно мѣстнымъ законамъ, подлежало правительственному совѣту Цюрихскаго кантона и только санкціонировалось федеральнымъ правительствомъ республики. Изъ 7 членовъ Цюрихскаго кантональнаго совѣта, четверо подали голосъ за выдачу, въ числѣ послѣднихъ вотировалъ и нѣкто Пфенингеръ—директоръ полиціи. Въ Цюрихѣ ходили слухи, что этотъ швейцарскій сановникъ былъ подкупленъ русскимъ правительствомъ, и что только благодаря этому обстоятельству составилось и самое большинство въ совѣтѣ. Многіе отрицали возможность подобнаго факта и, считая Пфенингера неправымъ въ этомъ частномъ случаѣ, признавали его за человѣка честнаго и неспособнаго къ подкупу. Подобное мнѣніе мнѣ, между прочимъ, пришлось слышать отъ нѣкоего Форрера, тоже члена правительственнаго совѣта въ Цюрихѣ, занимавшаго въ

то время постъ, соотвѣтствующій нашему министру юстиціи. Самъ Форреръ подалъ голосъ противъ выдачи С. Г. Нечаева Россіи, о чемъ не разъ заявлялъ публично въ собраніяхъ и въ печати. Получилъ ли что-либо Пфенингеръ отъ русскаго правительства или способствовалъ выдачѣ Нечаева по внутреннему убѣжденію, конечно, судить трудно; одно слѣдуетъ отмѣтить, что впослѣдствіи онъ оказался человѣкомъ, далеко не безупречнымъ въ нравственномъ отношеніи, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описаннаго событія въ томъ-же Цюрихѣ попался въ какой-то мошеннической продѣлкѣ, былъ преданъ суду, но отъ послѣдняго уклонился, бѣжавши въ Америку, гдѣ окончательно и скрылся изъ виду.

Что же касается самого С. Г. Нечаева, то онъ, по окончаніи слѣдствія, въ октябрѣ (ноябрѣ) 1872 года былъ выданъ русскимъ властямъ. Слабая попытка нѣсколькихъ молодыхъ людей (русскихъ, сербовъ и, кажется, поляковъ) насильственно освободить его во время перевозки изъ тюрьмы на вокзалъ желѣзной дороги въ самомъ Цюрихѣ, не увѣнчалась успѣхомъ, и онъ былъ увезенъ въ Россію.

Д——ъ.

С. Г. Нечаевъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ 1873—1883 гг.

Въ 1873 г. Нечаевъ былъ замурованъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости и болѣе десяти лѣтъ безвыходно провелъ тамъ вплоть до своей смерти. До сихъ поръ пребываніе Нечаева въ этомъ равелинѣ, прославившемся въ русской исторіи ужасами политическихъ преслѣдованій, составляло непроницаемую тайну, но въ настоящее время всѣмъ этимъ тайнамъ приходитъ конецъ. Мы надѣемся скоро на страницахъ «Былого» дать обстоятельный разсказъ о пребываніи Нечаева въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Въ настоящемъ номерѣ «Былого» мы даемъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ Нечаева, писанныхъ имъ на волю изъ крѣпости къ членамъ Исполнительнаго Комитета «Народной Воли». Эти письма были Исполнительнымъ Комитетомъ переданы въ редакцію «Вѣстника Народной Воли», гдѣ они и были впервые помѣщены въ 1 № въ 1883 г. Много писемъ Нечаева не дошло до Исполнительнаго Комитета и попало въ Департаментъ Полиціи, гдѣ они, навѣрное, сохраняются и до сихъ поръ. Письма Нечаева проливаютъ яркій свѣтъ на его личность: въ этомъ ихъ главная цѣнность.

Въ одномъ изъ своихъ заявленій, поданномъ Нечаевымъ министру юстиціи (кажется, Половцеву,—въ именахъ у Нечаева могли, понятно, быть ошибки), онъ разсказываетъ объ его выдачѣ изъ Швейцаріи. Вотъ отрывокъ изъ этого заявленія:

«Годъ спустя (т. е. послѣ суда надъ нечаевцами), чтобы добиться отъ швейцарскаго правительства выдачи Нечаева, русскій царь приказалъ своимъ юристамъ объявить его обыкновеннымъ уголовнымъ преступникомъ, убившимъ Иванова изъ личной, будто бы, ненависти. Эта гнусная ложь и для всѣхъ очевидная клевета не смутила юристовъ. Оберъ-прокуроръ промолчалъ, малодушные представители нашей адвокатуры позорно трусили и не протестовали, швейцарскіе олигархи по требованію царя выдали Нечаева не только безъ суда и безъ всякаго слѣдствія, но даже безъ соблюденія формальностей экстрадиціи, безъ всякаго предупрежденія и объясненія, при нарушеніи основныхъ принциповъ публичнаго права. Нечаева схватили, избили и ограбили, продержали нѣсколько недѣль въ казематѣ и потомъ ночью, безъ всякихъ объясненій, перевезли на баварскую границу и безъ условій выдали ждавшимъ тамъ русскимъ шпионамъ и герман-

ской полиціи. Всѣ бумаги политическаго содержанія, захваченныя при Нечаевѣ, были переданы въ III-е Отдѣленіе....

.....«Правительство буржуазной республики, найдя выгоднымъ выдать Нечаева такимъ образомъ, конечно, уже не могло имѣть гарантіи за правильный ходъ правосудія и безпристрастность русской юстиціи въ этомъ дѣлѣ. Поэтому русское правительство не считало болѣе нужнымъ церемониться. Слѣдствіе было подтасовано съ крайней наглостью. Къ Нечаеву не допустили избраннаго имъ защитника. Ему не выдали даже копій съ дѣла, не выполнили никакихъ, формальностей судопроизводства. На судѣ не заслушали его объясненій (какъ только онъ открывалъ ротъ—такъ его вытаскивали изъ залы засѣданія въ коридоръ, гдѣ били его до потери сознанія). На основаніи голословнаго обвиненія прокурора и только тѣхъ отрывковъ изъ показаній соучастниковъ Нечаева, въ которыхъ говорилось лишь о самомъ фактѣ убійства (объясненіе мотивовъ, данное Успенскимъ и другими, тщательно обойдено), Московскій окружной судъ приговорилъ Нечаева къ двадцатилѣтней каторгѣ, какъ обыкновеннаго уголовнаго преступника. При этомъ судъ предоставилъ приговоренному право апелляціи,—по истеченіи же срока для подачи, жалобы, Нечаева вывезли на эшафотъ, а потомъ тайно ночью, окольными путями (изъ Москвы на Смоленскъ и Динабургъ) перевезли въ петербургскую Петропавловскую крѣпость и похоронили его заживо въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, знаменитой исторической тюрьмѣ, стѣны которой были вѣковыми свидѣтелями ужасовъ тираніи»....

• «Какъ только привезли Нечаева изъ Швейцаріи въ крѣпость, къ нему пришелъ въ казематъ графъ Левашевъ съ предложеніемъ составить записку для III-го Отдѣленія о составѣ, численности и средствахъ революціонной партіи, о ея планахъ и связяхъ. Нечаевъ отвергъ съ негодованіемъ «блестящія, выгодныя условія» (выраженіе Левашева). «Тѣмъ хуже для васъ», сказалъ графъ, уходя, «васъ будутъ судить, какъ обыкновеннаго убійцу, а на судѣ предсѣдатель вамъ не дастъ говорить!»

«На третій годъ одиночнаго заключенія въ рavelинѣ съ такими же гнусными предложеніями пріѣзжалъ къ Нечаеву шефъ жандармовъ, генераль Потоповъ. На этотъ разъ отвѣтомъ было выраженіе презрѣнія къ правительству въ болѣе рѣзкой формѣ, а когда Потоповъ сталъ грозить Нечаеву тѣлеснымъ наказаніемъ какъ каторжнику, тогда онъ, въ отвѣтъ на эти угрозы, заклеилъ. Потопова пощечиной въ присутствіи коменданта генерала Корсакова, офицеровъ, жандармовъ и рядовыхъ; отъ плюхи по лицу Потопова потекла кровь изъ носу и изо рта. Нечаева схватили за горло, но на этотъ разъ не били. Полгода спустя, въ іюлѣ 75-го года, комендантъ просилъ Нечаева отъ имени правительства изложить свой образъ мыслей и взглядъ на положеніе русскихъ дѣлъ вообще. Нечаевъ въ отвѣтъ написалъ большое письмо царю Александрѣ II, гдѣ, указавъ на главныя язвы политическаго

и социальнаго строя Россіи, назвалъ этотъ строй отжившимъ и разлагающимся; онъ указалъ неминуемую близость революціи, разрушительный характеръ которой можетъ быть ослабленъ только немедленнымъ введеніемъ либеральныхъ конституціонныхъ учрежденій и созваніемъ представителей народа для пересмотра основныхъ законовъ.

«Прокуроръ Московскаго суда, явившись первый разъ къ Нечаеву, предъявилъ ему полученное имъ предписаніе отъ министра юстиціи, въ которомъ говорилось, что Александръ II ручается швейцарскому правительству своимъ *императорскимъ словомъ* за правильность и непристрастность суда надъ Нечаевымъ. На основаніи этого въ началѣ 1876 года (въ четвертый годъ одиночнаго заключенія), когда здоровье Нечаева было сильно разстроено, онъ послалъ царю формальное прошеніе о пересмотрѣ его дѣла, или, по крайней мѣрѣ, объ измѣненіи убійственныхъ условій жизни въ одиночномъ заключеніи. Въ отвѣтъ на это Нечаева лишили послѣдняго, единственнаго занятія — письменныхъ принадлежностей и книгъ, наложили на него тяжелыя цѣпи и заковали въ ножные и ручные кандалы, которые онъ и влачилъ въ теченіе двухъ лѣтъ...

«Нечаевъ, на основаніи вышеизложенныхъ чудовищныхъ, противозаконныхъ обстоятельствъ дѣла, обращается къ новому министру юстиціи Половцеву, какъ къ бывшему обвинителю его соучастниковъ, официально признавшему ихъ политическими преступниками, и, во имя поруганнаго права, поправной справедливости внутреннихъ основныхъ формъ судопроизводства, проситъ о пересмотрѣ его дѣла порядкомъ гласнаго суда, правильнаго и непристрастнаго.

«Говорятъ, что швейцарское правительство напечатало потомъ заявленіе по поводу экстрадиціи, гдѣ упоминало о какихъ-то, будто бы, данныхъ мною объясненіяхъ, которыя республиканскія власти нашли невѣрными. Это — подлая ложь, а если они опираются на документы, то они поддѣланы художниками полиціи. Швейцарская полиція начала съ того, что избила Нечаева и ограбила прежде всякаго допроса, а потому Нечаевъ никакихъ объясненій ни письменныхъ, ни устныхъ не давалъ и требовалъ судебного слѣдствія и свиданія съ эмигрантами».

Редакція «Вѣстника Народной Воли», въ которой были лица, принимавшія непосредственное участіе въ перепискѣ съ Нечаевымъ и въ сношеніяхъ съ лицами, доставлявшими письма отъ Нечаева Исполнительному Комитету, пишетъ по поводу приведеннаго нами заявленія Нечаева:

«Частныя свѣдѣнія, нами полученныя, показываютъ, что правительство, при отправкѣ Нечаева изъ Москвы, опасалось, повидимому, какой-нибудь попытки его освобожденія. Изъ тюрьмы его отправили на Николаевскій вокзалъ, а оттуда въ вагонъ по соединительной вѣтви перетащили на Смоленскій, со-

храняя все эти хитросплетения в величайшей тайне. Один адвокат, случайно присутствуя на Смоленском вокзале, видел, однако, этого вагон, который кучка рабочих под прикрытием жандармов тащила по соединительной ветви. Эти же рабочие и рассказали адвокату, что в вагоне сидит государственный преступник Нечаев. Перевезенный таким образом в равелин, Нечаев сперва был поставлен в условия сравнительно не столь ужасные—вплоть до истории с Потаповым. В заявлении Половцеву он говорит, что его при этом не били. Однако служащий в равелин рассказывает, что его жестоко исколотили за пощечину; во всяком случае, он был послан этого сквант по рукам и ногам и сверху того прикован к стенам каземата. Все это передавали как служащие в равелин, между которыми было несколько свидетелей пощечины, так и сам Нечаев в письмах, ныне уже утраченных».

«Первые годы Нечаев сидел в равелин один, или, может быть, хуже, чем один, он сидел с сумасшедшим Шевичем. Кто такой это был Шевич, остается загадкой. Кажется, это—бывший гвардейский офицер, посаженный из-за личного столкновения с кем-то из очень высокопоставленных лиц. Впоследствии Шевич, говорят, был совершенно сумасшедшим переведен в дом умалишенных, где и умер. Если условия заключения для Нечаева были вначале очень суровы, то послан пощечины, данной им Потапову, они ухудшились еще больше.

«Несомненно,—пишет редакция «Вестника Народной Воли» об этом периоде тюремной жизни Нечаева, когда он был закован и прикован к стенам и два года провалился на полу каземата—этот человек обнаружил тут живучесть и силу воли, едва ли имевшую где-либо примесь. Чем он мог поддерживать себя в эти страшные два года, мы не знаем, но, во всяком случае, он сохранил не только рассудок и способность, но и всю свою могучую энергию. Обстоятельства между тем начали складываться для него больше благоприятно. Время шло; новые люди, новые события затирали в памяти правительства когда-то страшного Нечаева... С него сняли оковы. Свыше перестали требовать для него бдительнейшего надзора и неукоснительной строгости. Этого было достаточно. Нечаев получил возможность влиять на своих тюремщиков... Это влияние иногда кажется чем-то просто сказочным, и однако, по нашим свидетельствам, оно, несомненно, подтверждается массой показаний солдат и других служащих, превратившихся в покорное орудие своего арестанта.

«Нечаев прежде всего начал добиваться права получать книги и письменные принадлежности и добился желаемого. Книг в равелин было мало. Нечаев требовал выписки новых. Смотритель, значительно ему подчинившийся, должен был, однако, отказать в этом. Тогда Нечаев объявил, что заморит себя голодом, несколько дней не брал ничего в рот и уже

дѣйствительно, впалъ въ полное оцѣпенѣніе, когда смотритель успѣлъ выхлопотать у коменданта отпускъ нѣкоторой суммы на пополненіе библіотеки равелина. Нечаева едва возвратили къ жизни, но онъ добился своего. Съ тѣхъ поръ онъ могъ начать правильную жизнь. Весь день у него былъ строго распредѣленъ между гимнастикой, чтеніемъ и писаніемъ. Онъ началъ поправляться здоровьемъ, и... вмѣстѣ съ тѣмъ у него появились планы, одинъ другого шире.

«Въ равелинѣ служащіе не смѣняются нѣсколько лѣтъ. Нечаевъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ каждому и, пользуясь этимъ, намѣтитъ много лицъ, пригодныхъ для его плановъ. Еще сидя на цѣпи, онъ умѣлъ лично повліять на многихъ изъ своихъ сторожей. Онъ заговаривалъ со многими изъ нихъ. Случалось, что, согласно приказу, тюремщикъ ничего не отвѣчалъ, но Нечаевъ не смущался. Со всей страстностью мученика онъ продолжалъ говорить о своихъ страданіяхъ, о всей несправедливости судьбы и людей. «Молчишь?.. Тебѣ запрещено говорить? Да ты знаешь ли, другъ, за что я сижу?.. Вотъ судьба — разсуждалъ онъ самъ съ собой,—вотъ будь честнымъ человѣкомъ: за нихъ же, за его же отцовъ и братьевъ погубишь свою жизнь, а заберутъ тебя, да на цѣпь посадятъ, и этого же дурака къ тебѣ приставятъ. И стережетъ онъ тебя, лучше собаки. Ужъ, дѣйствительно, не люди вы, а скоты несмысленные»... Случалось, что солдатъ, задѣтый за живое, не выдерживалъ и бормоталъ что-нибудь о долгѣ, о присягѣ. Но Нечаевъ только этого и ждалъ. Онъ начиналъ говорить о царѣ, о народѣ, о томъ, что такое долгъ и т. д.; онъ цитировалъ священное писаніе, основательно изученное имъ въ равелинѣ, и солдатъ уходилъ смущенный, растроганный, наполовину убѣжденный. Иногда Нечаевъ употреблялъ другой пріемъ. Онъ вообще разспрашивалъ всѣхъ обо всемъ и между прочимъ узнавалъ иногда самые интимные случаи жизни даже о сторожахъ, его самого почти не знавшихъ. Пользуясь этимъ, онъ иногда поражалъ ихъ своею, якобы, прозорливостію, казавшейся имъ сверхъестественной. Пользуясь исключительностію своего положенія, наводившею солдатъ на мысль, что передъ ними находился какой-то очень важный человѣкъ, Нечаевъ намекалъ на своихъ товарищей, на свои связи, говорилъ царѣ, намекалъ о дворѣ, на то, что наслѣдникъ за него...

«Когда съ него сняли цѣпи, Нечаевъ умѣлъ это представить въ видѣ результатъ хлопотъ высокопоставленныхъ покровителей, начинающихъ брать силу при дворѣ. То же самое повторилось при исторіи съ книгами и заднимъ числомъ распространилось на потаповскую оплеуху. Конечно, Нечаевъ ничего не говорилъ прямо, но тѣмъ сильнѣе работало воображеніе солдатъ, ловко настроенное его таинственными намеками. Впослѣдствіи, когда положеніе Нечаева улучшилось, и онъ сталъ получать книги и газеты, когда разговоръ съ нимъ пересталъ быть преступленіемъ, вліяніе его сдѣлалось чрезвычайнымъ. Его, дѣйствительно, не только счи-

тали важной особой, не только уважали и боялись, но нерѣдко трогательно любили; нѣкоторые изъ солдатъ, напр., старались доставить ему удовольствіе, покупая ему газеты или что-нибудь изъ пищи на собственный счетъ; особенно привязанные прозвали его «орломъ», «нашимъ орломъ», такъ называли они его между собою».

«Покушеніе Соловьева чрезвычайно подняло фонды Нечаева. Онъ давно говорилъ, что партія наслѣдника (къ которой самъ будто бы принадлежалъ) сгонить съ престола Александра II. Онъ предвидѣлъ дальнѣйшія покушенія и говорилъ объ этомъ своимъ сторожамъ. Онъ тутъ началъ прямо доказывать нѣкоторымъ изъ нихъ, будто у него есть сношенія съ волей, будто другіе сторожа уже перешли на сторону наслѣдника и служатъ ему, Нечаеву. Когда люди, особенно его любившіе, привыкли такимъ образомъ къ мысли о возможности служить Нечаеву, онъ сталъ имъ это прямо предлагать, и первый, согласившійся на это, былъ вполне увѣренъ, что онъ чуть не послѣдній, и что чуть не вся крѣпость принадлежитъ уже Нечаеву. Но Нечаевъ строго придерживался конспираціи, и его пособники почти никогда, особенно сначала, не имѣли никакихъ прямыхъ указаній одинъ на другого».

«Въ это время (въ ноябрѣ 1880 г.) былъ посаженъ въ рavelинъ С. Ширяевъ. Онъ очень понравился Нечаеву, который, присмотрѣвшись къ нему, рѣшился открыть ему часть своей «организациі», какъ онъ выражался, и часть своихъ плановъ. Еще раньше былъ посаженъ въ рavelинъ Мирскій, но Нечаевъ не открылъ ему ничего. Планъ же у него былъ очень широкій. Бѣгство изъ крѣпости казалось ему уже слишкомъ недостаточнымъ. Изучивъ тщательно крѣпость (онъ зналъ ее изумительно, и все черезъ перекрестные допросы «своихъ» людей и черезъ ихъ развѣдки), составивъ ея людскъ, личности начальствующихъ и т. д. и, рассчитывая, что съ теченіемъ времени ему удастся спропагандировать достаточное число вполне преданныхъ людей, онъ задумалъ такой планъ: въ какой-то день года, когда вся царская фамилія должна присутствовать въ Петропавловскомъ соборѣ, Нечаевъ долженъ былъ овладѣть крѣпостью и соборомъ, заключить въ тюрьму царя и провозгласить царемъ наслѣдника. Этого фантастическаго плана не могъ одобрить Ширяевъ, несмотря на то, что былъ очарованъ силой и энергіей Нечаева. Но онъ нашелъ съ своей стороны способъ вступить въ сношенія съ Исполнительнымъ Комитетомъ».

«Съ этого то времени и начинаются сношенія, о которыхъ гласитъ обвинительный актъ ¹⁾. Они, впрочемъ, имѣли не совсѣмъ такой характеръ, какъ тамъ указано. Нечаевъ

¹⁾ Въ 1 № „Вѣстника Народной Воли“ былъ помѣщенъ обвинительный актъ по дѣлу солдатъ, судившихся за устройство сношеній Нечаева съ волей. Въ приложеніи мы даемъ неопубликованный еще приговоръ по этому дѣлу.

и при сношеніяхъ строго установилъ свою обычную систему: вести параллельно нѣсколько дѣлъ одного характера, но другъ съ другомъ не связанныхъ. Этотъ параллелизмъ былъ его любимой системой, дававшей возможность провѣрять каждого изъ людей невидимыми ему путями, возбуждая во всѣхъ самую преувеличенную увѣренность въ какомъ-то таинственномъ всевѣдѣніи заправителей. Дубровинъ, школьный товарищ Ширяева, виноватъ только въ томъ, что получилъ отъ него записку изъ крѣпости, да сдѣлалъ для него двѣ, три филантропическія услуги. Главныя же сношенія велъ Нечаевъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ въ лицѣ Желябова» ¹⁾.

«Мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній, чтобы обрисовать весь ходъ этихъ сношеній. Во всякомъ случаѣ, Исполнительный Комитетъ призналъ, что планъ овладѣнія крѣпостью и царской фамиліей совершенно невозможенъ; гораздо осуществимѣе представлялось освобожденіе заключенныхъ изъ рavelина. Нечаевъ получилъ главное, чего ему до сихъ поръ не доставало, — деньги, и могъ поэтому гораздо успѣшнѣе готовить свое дѣло. Къ несчастью для него, новое покушеніе на жизнь царя сталкивалось съ этимъ освобожденіемъ. Очевидно было, что освобожденіе, можетъ быть даже вооруженной рукой, изъ такого государственнаго тайника, какъ Алексѣевскій рavelинъ, должно было возбудить въ правительствѣ панику и сдѣлать надолго невозможнымъ нападеніе на царя. Нечаеву и Ширяеву было предоставлено самимъ рѣшить, какое изъ двухъ предпріятій ставить въ первую очередь, и они подали свои голоса за 1-ое марта, несмотря на то, что Желябовъ уже лично осмотрѣлъ рavelинъ и призналъ побѣгу, при хорошей помощи извнѣ, не только осуществимымъ, но даже не особенно труднымъ. Отказываясь отъ свободы, Нечаевъ имѣлъ деликатность въ своихъ письмахъ сохранить самый веселый тонъ и усиленно доказывалъ, что дѣло ихъ, заключенныхъ, ничего не проиграетъ отъ отсрочки, хотя самъ Желябовъ былъ увѣренъ въ противномъ, и нѣтъ сомнѣній, что такой ловкій человекъ, какъ Нечаевъ, долженъ былъ прекрасно понимать всю справедливость опасеній Желябова».

«Въ это время Нечаевъ поддерживалъ оживленную переписку съ Исполнительнымъ Комитетомъ и вообще съ разными народо-вольцами. Онъ вообще очень симпатизировалъ народовольчеству и былъ въ большой радости, узнавши о существованіи организаціи Исполнительнаго Комитета и ея средствахъ. Но въ дѣятельности Исполнительнаго Комитета онъ находилъ очень много ошибокъ. Ошибки эти всѣ сводились, по его мнѣнію, къ чрезмѣр-

¹⁾ Кромѣ Желябова эти сношенія съ Нечаевымъ вели Франжолі, Перовская, Арончикъ и др. Сношенія велись черезъ солдатъ, служившихъ въ рavelинѣ, и чрезъ другихъ лицъ. Лицо, очень близко знавшее тогдашнія дѣла Исполнительнаго Комитета, съ увѣренностью передавало намъ, что Желябовъ *видѣлъ* даже Нечаева и лично говорилъ съ нимъ.

ной «добросовѣстности» лицъ, заправляющихъ дѣлами партіи. «Не принимайте этого за комплиментъ,—писалъ Нечаевъ,—не забудьте, что изъ-за этой буржуазной добросовѣстности задерживается успѣшная организація, а стало быть, дается время окрѣпнуть врагамъ народа. Изъ-за этой добросовѣстности затрудняется борьба, и потомъ придется уничтожать не сотни, а сотни тысячъ человѣкъ». Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Нечаева, Комитетъ не умѣетъ показывать товаръ лицомъ, не умѣетъ ослѣпить и враговъ и друзей блескомъ своей силы. Имѣя въ рукахъ такія побѣды, какія уже были у Комитета, ловкіе люди на мѣстѣ его могли бы раздуть себя во всероссійскую силу и давно заставятъ врага капитулировать безъ боя. А Комитетъ не только не умѣетъ «раскричать» себя, но не умѣетъ даже хотъ молчать. «Возможно ли, напримѣръ,—говоритъ Нечаевъ,—печатать отчеты о пожертвованіяхъ, сумма которыхъ въ одномъ номерѣ составляетъ всего какихъ-нибудь 5—8 тыс. рублей? И это, во-первыхъ, невѣрно, потому что на самомъ дѣлѣ въ отчетахъ почти никогда не показывались именно крупныя суммы, оглаской которыхъ жертвователи боялись выдать себя знакомымъ и полиціи. Есть ли смыслъ печатать такіе отчеты? Да ихъ нужно,—говоритъ Нечаевъ,—увеличивать *ужь по крайней мѣрѣ* двумя нулями. Или какой смыслъ обращаться къ обществу и народу съ воззваніемъ о поддержкѣ, даже указывая, что въ противномъ случаѣ организація можетъ быть разбита? Комитетъ не долженъ допускать и мысли объ этомъ; онъ долженъ только *возбуждать* общество или народъ и обѣщать имъ свою поддержку, а не просить ея у нихъ»... Замѣчаній въ этомъ родѣ Нечаевъ дѣлалъ очень много и очень досадовалъ, что онъ, не будучи, въ силу своего положенія, членомъ организаціи, не можетъ активно вліять на ходъ дѣлъ. Однажды онъ предложилъ Исполнительному Комитету дѣльный планъ дѣйствій. Мы получили относящіеся къ нему документы, но полагаемъ, что достаточно будетъ изложить дѣло вкратцѣ.

«Нечаевъ предложилъ выпустить сперва для мѣстностей, гдѣ сильна вѣра въ царя, подложный царскій манифестъ, въ которомъ царь, будто бы, объявляетъ своимъ вѣрноподданнымъ: «По совѣту любезнѣйшей супруги нашей государыни императрицы, а также по совѣту князей, графовъ и т. д. ¹⁾ и по просьбѣ всего дворянскаго сословія, мы признали за благо»—возвратить крестьянъ помѣщикамъ, увеличить срокъ солдатской службы, разорить всѣ старообрядческія молельни и т. д. Въ то же время долженъ быть разосланъ священникамъ подложный же «Секретный Указъ» святѣйшаго синода, гдѣ сказано, что «Всемогущему Богу угодно было послать Россіи тяжелое испытаніе: новый императоръ Александръ III заболѣлъ недугомъ умопомѣшательства и впалъ въ неразуміе», вслѣдствіе чего священники должны тайно возсылать съ алтаря молитвы о дарованіи ему исцѣленія, ни-

¹⁾ Сокращаемъ эти выписки.

кому не открывая сей важной государственной тайны». Разсчитать было, конечно, на то, что священники именно разболтаютъ всѣмъ скандальное извѣстіе. Послѣ этихъ подготовленій нужно было распустить манифесты отъ, якобы, тайнаго «Великаго Земскаго Собора всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи», во-первыхъ, къ крестьянамъ, во-вторыхъ, къ «православному русскому воинству, гвардейскимъ, гренадерскимъ и армейскимъ полкамъ, конницѣ и артиллеріи, гарнизоннымъ войскамъ и мѣстнымъ командамъ». Въ первомъ объявить, что царя больше нѣтъ, старый убить, а новый съ ума сошелъ; что Соборъ рѣшилъ произвести передѣлъ земли и освободить солдатъ отъ службы, и потомъ указать, чтобы «по полученіи сего манифеста не медля ни мало во всѣхъ селеніяхъ собирать мірскіе сходы и приступать къ справедливому передѣлу всей земли... прежде же всего отрѣшиться отъ должности всѣхъ прежнихъ волостныхъ старшинъ и писарей, а на мѣсто ихъ для распоряженія дѣлами выбирать добросовѣстныхъ людей... приводя ихъ къ крестному цѣлованію и т. д. Всѣхъ помѣщиковъ и т. д., которые сему манифесту воспротивятся, хватать и представлять въ мірскіе сходы, а міръ долженъ творить съ ними строгую и короткую расправу... Всѣхъ исправниковъ, станovýchъ и т. д. хватать, гдѣ кого пришлось, и немедленно предавать смерти»... Въ концѣ манифеста, довольно длиннаго, помѣчается, что составленъ онъ «на великомъ Земскомъ Соборѣ, по совѣту и приговору излюбленныхъ русскихъ людей, мірскихъ выборныхъ отъ всѣхъ крестьянскихъ обществъ», и предписывается всюду развозить манифестъ и исполнять. Въ самомъ концѣ подписано «быть по сему».

«Манифестъ къ войскамъ упоминаетъ о предыдущемъ манифестѣ, объявляетъ, что выраженнымъ тамъ мѣрамъ воспротивилась парца съ генералами, и дѣлаетъ воззваніе къ военному бунту. Всѣ подробности этихъ плановъ, передаваемыхъ нами въ сокращеніи, вообще обдуманы, очевидно, очень тщательно.

«Всѣ эти планы оставлены были однако Исполнительнымъ Комитетомъ безъ всякихъ послѣдствій; корреспонденты же Нечаева обыкновенно отвѣчали ему, что шарлатанство—дѣло очень опасное, и если бы еще могло быть допущено до извѣстной степени въ самый моментъ возстанія, то ужъ никакъ не въ періодъ собиранія силъ, когда оно можетъ быть только вредно. Нечаевъ никакъ не могъ согласиться съ этой точкой зрѣнія: его глубокая вѣра въ близость революціоннаго взрыва и его необычайное личное умѣнье группировать и направлять людей тянули его совсѣмъ въ другую сторону.

«Впрочемъ, дѣлая вообще упреки Комитету, Нечаевъ всетаки очень цѣнилъ его и нерѣдко хвалилъ его агентовъ за ловкость въ исполненіи тѣхъ или другихъ плановъ, иногда ему сообщаемыхъ. Особенно высоко цѣнилъ онъ Желябова и, говоря однажды о необходимости учредить революціонную диктатуру въ средѣ организациі, указывалъ на Желябова, какъ на человѣка, способнаго къ этой роли. Одновременно съ 1-мъ марта Исполнительный Комитетъ

на всякій случай дѣлалъ приготовленія и къ освобожденію. Оказалось однако, что благодаря арестамъ начать его было очень трудно, а самое главное, въ крѣпости начались строгости. Убіиство царя сразу поставило крѣпость на военную ногу, хотя, впрочемъ, сношенія продолжались. Затѣмъ, при арестѣ Перовской у нея были найдены адреса нѣкоторыхъ женщинъ, любовницъ крѣпостныхъ солдатъ, и это заставило крѣпостное начальство усилить строгости. Въ рavelинѣ начались починки, поправки, задѣлывались всѣ слабыя мѣста, усилились караулы и обходы, удвоился надзоръ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что захватъ адресовъ у Перовской все-таки не имѣлъ того значенія, какое ему усиливается придать обвинительный актъ. Достаточно вспомнить, что Перовская взята въ мартѣ 1881 г., а сношенія съ рavelиномъ продолжались еще въ мартѣ 1882 г. ¹⁾ Сверхъ того, кромѣ случая съ Перовской, въ крѣпости около того же времени произошелъ еще другой казусъ: въ мѣстѣ заключенія поделѣдственныхъ (Невская куртина?) былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ заключенными сынъ смотрителя, Богородицкій, ²⁾ который и былъ по этому случаю арестованъ, а вслѣдъ за нимъ арестованъ былъ и самъ смотритель, полковникъ Богородицкій, заподозрѣнный въ пособничествѣ сыну при этихъ сношеніяхъ ³⁾. Все это наэлектризовало начальство и довело его бдительность до крайняго напряженія. Нечаевская конспирація была, однако, такъ крѣпко сшита, что долго никто не попадался, и сношенія все-таки продолжались, хотя мысль объ освобожденіи заключенныхъ стала совсѣмъ химеричной, и жить въ рavelинѣ становилось все тяжелѣе».

«Вотъ въ какихъ ужасныхъ краскахъ начинаетъ описывать Нечаевъ положеніе заключенныхъ:

«Съ тѣхъ поръ угнетенія еще болѣе усилились. Оскорбляютъ, грозятъ кандалами, явно вызывая и раздражая. Не даютъ книгъ, обрекая на абсолютное физическое и умственное бездѣйствіе, толкая на дорогу къ самоубійству или сумасшествію. Послѣ убійства несчастнаго ⁴⁾, такъ удачно и безнаказанно сошедшаго съ рукъ палача, его звѣрскіе вкусы разыгрываются все болѣе и болѣе. На дняхъ принимая смотрителей съ докладами, онъ нагло объявилъ имъ, что «человѣколюбивое правительство» желаетъ по возможности избѣгать смертныхъ приговоровъ на судѣ, но изъ этого смотрители не должны заключать, что они обязаны излишне заботиться о здоровьи и жизни ввѣренныхъ имъ арестантовъ. *«Жизнь враговъ государя императора не особенно драгоценна истиннымъ вѣрнопопдавшимъ»*. Смотрители это такъ и поняли,

¹⁾ Осенью 1881 г. Савелій Златопольскій жилъ въ Петербургѣ специально съ цѣлью устроить побѣгъ Нечаева и вѣрилъ въ свое предпріятіе.

²⁾ Богородицкій обвинялся въ томъ, что носилъ изъ Трубецкого бастіона книги съ надписями заключенныхъ на квартиру Люстига для передачи Исп. Комитету.

³⁾ Въ концѣ 1880 г., одновременно съ Шарлевымъ, въ Петропавловской крѣпости (кажется, въ Трубецкомъ рavelинѣ) былъ посаженъ Окладскій; въ 1881 г., онъ далъ обстоятельныя показанія и выдалъ своихъ товарищей. Можетъ-быть, его разоблаченія тоже помогли правительству лучше раскрыть сношенія заключенныхъ съ волей.

⁴⁾ Нечаевъ говоритъ здѣсь, вѣроятно, о смерти Шарьева.

что, дескать, чѣмъ чаще у насъ будутъ покойники, тѣмъ больше намъ будетъ награда.

«Пришелъ докторъ и говорить: «Я, пожалуй, васъ полѣчу. Да неужели вы жить хотите?...

«Довольно у насъ погибло жертвъ невѣдомыхъ. Пора, по крайней мѣрѣ, оглашать звѣрства нашихъ палачей, если не хватаетъ силы отомстить за истерзанныхъ товарищей!»

Къ этому же времени—къ половинѣ 1881-го г. относится еще одно письмо Нечаева, написанное имъ отъ имени служащаго крѣпости.

«Нашъ комендантъ очень похожъ на лѣниваго короля Меровинга, при которомъ роль всемогущаго майордома играетъ секретарь Денежкинъ, выслужившійся изъ писарьковъ. Эта невзрачная, гаденькая фигурка, пронырливая и хитрая, управляетъ крѣпостью неограниченно. Денежкинъ обложилъ поборами всѣхъ служащихъ офицеровъ и рядовыхъ; отъ однихъ онъ бралъ и беретъ сторублевыми билетами, съ другихъ полдюжиной голландскихъ рубашекъ. Онъ кладетъ въ свой бездонный карманъ и солдатскую копейку и послѣднія арестантскія крохи. Лѣтомъ солдаты увольняются на заработки: секретарь позволяетъ ходить только тѣмъ изъ нихъ на поденщину, кто внесетъ ему двугривенный съ поденной платы ежедневно. Завѣдуя арестантскимъ продовольствіемъ, секретарь кормитъ ихъ кониной и тухлымъ саломъ, хлѣбомъ съ пескомъ. Другой, еще болѣе наглый хищникъ, это—полковникъ Филимоновъ, смотритель Алексѣевского рavelина. Это—знаменитая историческая тюрьма въ Россіи. Еще цѣла темница, въ которой цесаревичъ Алексѣй задуженъ руками своего свирѣпаго отца; еще не совсѣмъ изгладили маленькій холмикъ, подъ которымъ зарыли трупъ замученной княжны Таракановой; еще цѣлы мрачные, глухіе казематы безъ свѣта, безъ дверей съ одними отверстіями для подачи пищи. Въ этихъ живыхъ могилахъ заживо погребались жертвы деспотизма еще въ недавнее прошлое. Два года назадъ, во время наводненія, въ эти помѣщенія хотѣли сложить солдатскія вещи: когда отворили роковой желѣзный затворъ и пролѣзли съ фонаремъ, въ мрачномъ склепѣ солдаты сдѣлали страшную находку, отъ которой у нихъ стали дыбомъ волосы. Они запнулись ногой за скелетъ, подняли и показали въ отверстіе товарищамъ кости человѣческаго черепа.»

«Алексѣевскій равелинъ—тюрьма секретная. Въ крѣпости говорятъ о ней шепотомъ. На службу туда назначаютъ солдатъ безграмотныхъ, самыхъ неразвитыхъ и тупыхъ. Имъ запрещено даже называть мѣсто своего служенія при выходѣ изъ крѣпости. Въ этой тюрьмѣ происходятъ теперь злоупотребленія, невозможныя въ отдаленной провинціи. Смотритель Филимоновъ пользуется именно этимъ секретомъ для своихъ злоупотребленій. Арестантамъ не даютъ ни пера, ни бумаги. Ни для какой ревизіи ворота равелина не отворятся. Филимоновъ пересталъ ото-

пять равелинъ по зимамъ. Громадное количество дровъ, поставляемыхъ прежде въ равелинъ, принимается имъ только на бумагѣ; изъ тридцати печекъ зданія протапливается кое-какъ только три. Всѣ казематы отсырѣли ужасно и стали погребями, температура зимой ниже нуля, арестанты мучаются хронической простудой, наживаютъ ужасные ревматизмы на всю жизнь, а смотритель ходитъ по камерамъ въ енотовой шубѣ. Несчастный узникъ, томящійся въ одиночномъ заключеніи болѣе 20 лѣтъ и утратившій разсудокъ, бѣгаетъ по холодному каземату изъ угла въ уголъ, какъ звѣрь въ своей клѣткѣ, и оглашаетъ равелинъ безумными воплями. Проходя мимо воротъ равелина въ тихую морозную ночь, обитатели крѣпости слышатъ эти вопли. Этотъ безумный узникъ—бывшій офицеръ-академикъ *Шевичъ*—доведенный тюрьмой до потери разсудка, не опасенъ для правительства; мучить его также не имѣло бы смысла; почему же держатъ несчастнаго въ заключеніи? На этотъ вопросъ политика... даетъ объясненіе, ужасающее своимъ безчеловѣчіемъ: безумнаго Шевича держатъ въ тюрьмѣ потому, что его примѣръ, его вопли и припадки бѣшенства производятъ потрясающее дѣйствіе на другихъ арестантовъ молодыхъ, мыслящихъ, еще не доведенныхъ до отчаянія. Праздное одиночество въ сыромъ склепѣ, грязное, непромытое бѣлье, паразиты, негодная пища, адскій холодъ, оскорбленія и поруганія, побои, веревки, колодки, цѣпи, кандалы—всего этого достаточно, чтобы искалѣчить человѣка, чтобы разрушить физическія силы, но сила нравственная не всегда можетъ быть раздавлена этимъ гнетомъ, и палачи ищутъ для этого другихъ средствъ. Рядомъ съ несчастнымъ Шевичемъ, въ сосѣднемъ казематѣ десятый годъ томится Нечаевъ: что долженъ былъ вынести этотъ человѣкъ, выслушивая въ бессонные ночи дикіе вопли, бѣшенный и яростный вой, бессмысленный хохотъ? Нечаева долго держали въ цѣпяхъ: руки и ноги были закованы въ тяжкіе кандалы, причемъ цѣпь, соединявшая эти кандалы, была нарочно такъ укорочена, что узникъ былъ согнутъ въ дугу, не могъ ни встать прямо, ни лечь вытянувшись, а вынужденъ былъ постоянно сидѣть, скорчившись; два года онъ влачилъ оковы: руки и ноги покрылись язвами, силы ослабѣли, смерть могла освободить жертву изъ рукъ палачей, но палачи не хотѣли такъ разстаться со своей жертвой, и оковы съ Нечаева были сняты, но затѣмъ только, чтобы имѣть возможность постоянно угрожать новыми...

«Кромѣ Шевича и Нечаева теперь томятся въ равелинѣ Мирскій и Ширяевъ. Мирскій вступилъ въ равелинъ статнымъ, крѣпкимъ юношей, полнымъ здоровья и физическихъ силъ; прошло полтора года въ одиночномъ заключеніи, и онъ исхудалъ, какъ скелетъ, и кажется хилымъ старикомъ. Ширяева привезли зимой и помѣстили въ отсырѣвшемъ, холодномъ казематѣ, гдѣ было такъ же удобно жить, какъ въ погребѣ; это сразу подорвало его здоровье, и новый узникъ на первомъ же году тюремной жизни уже харкаетъ кровью, изнуряемый развивающейся ча-

хоткой. У Нечаева было желѣзное здоровье и богатырская грудь, но и та не устояла. Пища заключенныхъ въ послѣднее время стала никуда негодной; въ этомъ отношеніи смотритель Филимоновъ довелъ свою жадность хищника до самыхъ крайнихъ предѣловъ безстыдства и безчеловѣчія; подъ названіемъ супа чаще всего дается одна вода, подправленная горстью муки, безъ всякаго навара, а вмѣсто полутора фунтовъ мяса, полагающихся по уставу, въ этой водѣ посылаютъ маленькіе кусочки конины, жесткой, какъ подошва, и оставшейся отъ вчерашняго обѣда. Эта конина жарится безъ масла, и узники, несмотря на хроническій голодъ, ея не ѣдятъ; каша тоже подается безъ масла, а между тѣмъ писаря говорятъ, что въ канцелярскихъ отчетахъ показывается очень изрядная сумма, будто бы отпускаемая на продовольствіе арестантовъ равелина, сумма, болѣе чѣмъ достаточная для того, чтобы давать прекрасное мясо, жирныя щи. Нѣтъ сомнѣнія, что комендантъ знаетъ объ этихъ злоупотребленіяхъ, но изъ видовъ политики смотритъ на нихъ сквозь пальцы и слишкомъ явно позволяетъ себя обманывать; если, напр., на пищу начинаютъ жаловаться, онъ приказываетъ приносить порціи ему на показъ; тогда смотритель Филимоновъ посылаетъ ему на показъ со своей квартиры свой собственный отличный обѣдъ. Комендантъ пробуетъ и находитъ мнимую арестантскую пищу прекрасной. Что за отвратительную комедію разыгрываютъ эти господа! Въ прошломъ году Лорисъ-Меликовъ пріѣхалъ въ Трубецкую тюрьму и потребовалъ хлѣбъ арестантскій, сейчасъ же послали купить въ лавкѣ лучшаго сорта. Лорисъ не повѣрилъ и былъ настолько честенъ, что не притворился вѣрящимъ. Вилки и ножи къ обѣду не подаютъ, а ужъ о какихъ-нибудь инструментахъ и рѣчи быть не можетъ, и при такихъ условіяхъ существованія мыслящая человѣческая личность обречена проводить не мѣсяцы, не годы, а десятки лѣтъ, какъ бѣдный Шевичъ. Ясно, что потеря разсудка, сумасшествіе въ той или другой формѣ ожидаетъ неизбѣжно всѣхъ остальныхъ товарищей Шевича по участи. Одного раньше, другого позднѣе, но всѣхъ постигнетъ ужасная участь. Съ заключенными никто изъ служащихъ не говоритъ ни слова, на вопросы ихъ не отвѣчаютъ; такъ предписываетъ варварская инструкция. Надзоръ за ними доведенъ до самыхъ крайнихъ размѣровъ, двѣ пары глазъ—часовой у дверей и часовой у окна снаружи—непрерывно наблюдаютъ за каждымъ шагомъ арестанта; кромѣ того у дверей подслушиваетъ и подглядываетъ дежурный жандармъ. При такомъ надзорѣ, конечно, никакихъ сношеній завести между собой невозможно, и они даже не знаютъ другъ о другѣ. Я сказалъ, что равелинъ зимой не отапливается, но, на случай посѣщенія властей, во всѣхъ печкахъ для виду лежатъ дрова и приготовлена даже растопка. Всѣ печи тотчасъ же затопляются, какъ только къ воротамъ тюрьмы приближается комендантъ или шефъ жандармовъ, что случается разъ въ годъ; если власти обратятъ вниманіе на ужасающую сырость арестант-

скихъ казематовъ, имъ докладываютъ, что это слѣдствіе наводненія двадцать четвертаго года, и власти удовлетворяются, хотя тутъ же рядомъ, въ томъ же корридорѣ, находится помѣщеніе смотрителя, въ которомъ стѣны совершенно сухи. Самъ смотритель живетъ въ теплѣ, у него исправно топятъ. Представьте себѣ жизнь заключенныхъ среди всевозможныхъ матеріальныхъ лишеній, изнуряемыхъ тоской, полнымъ одиночествомъ, жаждущихъ дѣятельности и обреченныхъ на молчаніе и вѣчную бессмысленную праздность. Бумагу и перо выдавать имъ строжайше запрещено; новыхъ книгъ или журналовъ тоже, хотя бы прошлогоднихъ, не выдаютъ; физическій трудъ совсѣмъ невозможенъ, потому что арестантъ даже...¹⁾

.... «Новый царь, такъ неудержимо бросившійся въ объятія разъяренной реакціи, не забылъ въ своей злобѣ и мучениковъ, заживо погребенныхъ его отцомъ въ стѣнахъ равелина. Онъ приказалъ еще болѣе ухудшить и безъ того уже невыносимое положеніе; онъ запретилъ выпускать арестантовъ на прогулку въ маленький садикъ, расположенный внутри равелина; онъ запретилъ несчастнымъ дышать свѣжимъ воздухомъ полчаса въ сутки; садикъ этотъ въ нѣсколько шаговъ пространствомъ, въ немъ полдюжины тощихъ березъ да десятокъ кустовъ; на полчаса выводили гулять заключенныхъ, каждаго по одиночкѣ и подъ прикрытіемъ конвойныхъ. Клочекъ неба сверху, шелестъ зеленыхъ листьевъ, чириканье залетѣвшихъ воробьевъ, жужжаніе насѣкомыхъ доставляли отраду узникамъ, задышавшимся въ убійственномъ воздухѣ запертаго каземата, и нужно быть въ самомъ дѣлѣ звѣремъ въ душѣ, надо быть , чтобы лишить несчастныхъ даже этого.

«Говорятъ, что узниковъ запретили выводить на прогулку за тѣмъ, чтобы сохранить тайну ихъ мѣстопробыванія; правительство въ паникѣ и не довѣряетъ даже своимъ агентамъ. Вскорѣ послѣ катастрофы 1-го марта жандармы, служащіе въ равелинѣ, были арестованы, по всей крѣпости производились обыски, раскопки; скандалъ былъ неслыханный, когда всѣ эти мерзавцы заподозрили другъ друга въ измѣнѣ....²⁾ Нѣтъ, только по внушенію одной злобной мести запрещено узникамъ выходить на полчаса въ садикъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, а не для предохраненія политической тайны, потому что всѣ секреты крѣпости остаются такими только на бумагѣ. Правда, говорится у насъ обо всемъ подобномъ шепотомъ, но зато говорится рѣшительно о каждой подробности мѣстныхъ происшествій, позорныхъ для правительства. Два года назадъ³⁾, когда по распоряженію генерала Дрентельна напоили до потери сознанія гарнизонныхъ солдатъ и повели ихъ толпами избивать арестантовъ, которые не

¹⁾ Пропускъ въ рукописи.

²⁾ Тутъ что-то спутано въ самой рукописи.

³⁾ Дѣло было въ 1878 г. и не при Дрентельнѣ, а при Мезенцевѣ.

хотѣли принимать отвратительной пищи, обо всѣхъ подробно-стяхъ этой варварской исторіи говорили у насъ на другой день всѣ и каждый, крѣпостныя майорши и капитанши развѣдали отъ своихъ мужей фамилію дѣвушки, которой пьяный солдатъ раздробилъ прикладомъ грудь, называли и того юношу, которому проломили голову, когда его связаннаго топтали ногами. А когда В а не допускала снимать съ себя фотографію, то въ тотъ же вечеръ вся крѣпость узнала, какую грязную, мерзкую услугу оказалъ правительству негодай докторъ Вильмсъ. Когда Нечаевъ заклеилъ пощечиной шефа жандармовъ Потапова, объ этомъ тогда узнали всѣ также очень скоро, несмотря на все стараніе правительства сохранить этотъ позорный для него фактъ въ тайнѣ; молчалъ только тотъ офицеръ, которому Потаповъ далъ 2 тыс. рублей и обѣщалъ протекцію за молчаніе; но, вѣдь, при этомъ присутствовало, говорятъ, болѣе десяти человѣкъ, и всѣхъ чаще любилъ рассказывать объ этой пощечинѣ самъ покойный комендантъ, генералъ Корсаковъ, также бывшій свидѣтелемъ: старикъ былъ польщенъ тѣмъ, что Нечаевъ къ нему, николаевскому служацкѣ, относился съ гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ генераламъ новымъ, молодымъ»...

Новый комендантъ крѣпости, Ганецкій, по словамъ «Вѣстника Народной Воли», оказался звѣремъ и окрасилъ въ свой цвѣтъ всю крѣпостную администрацію. Сношенія заключенныхъ съ волею становились все труднѣе. Правда, выдать не было, несмотря даже на аресты нѣкоторыхъ служащихъ, но страшный надзоръ связывалъ руки всѣмъ. С. Ширяевъ не въ состояніи былъ выдержать этой ужасной жизни: когда заключенныхъ перестали пускать гулять и заколотили ихъ окна и душники, у него быстро развилась чахотка. 16 сентября 1881 г. онъ умеръ въ какомъ-то странномъ состояніи: былъ въ страшномъ возбужденіи, вскакивалъ на столъ, какъ въ горячечномъ бреду, говорилъ что-то такое; наконецъ, громко закричалъ и упалъ мертвый. Нечаевъ предполагалъ, что его отравили какимъ-то возбуждающимъ средствомъ, даннымъ ему для того, чтобы выпытать у него какія-то свѣдѣнія. Не имѣемъ никакихъ данныхъ судить объ основательности этого предположенія. Нечаевъ, наконецъ, не выдержалъ и обратился къ царю Александру III съ письмомъ или заявленіемъ, не знаемъ, какъ назвать:

«Государь!

«Вступивъ въ управленіе крѣпостью, новый комендантъ Ганецкій произнесъ рѣчь служащимъ въ рavelинѣ по поводу событія 1-го марта. Характеръ этой рѣчи, а также то обстоятельство, что произнесена она была не въ отдѣльномъ помѣщеніи, а въ отворенномъ корридорѣ, неподалеку отъ дверей каземата, громовымъ голосомъ, ясно показали мнѣ, что содержаніе ея, главнымъ образомъ, предназначалось для моихъ ушей, которыя и слышали отчетливо каждое слово. Интимидация этой цѣли не достигла.

Косвенныя угрозы генерала Ганецкаго меня не утравили, а показали только, что подъ вліяніемъ событій послѣдняго времени даже крупнѣйшіе представители администраціи потеряли голову и утратили чувство собственнаго достоинства. Я не обратилъ бы вниманія на выходку его превосходительства, если бы эта рѣчь не повела къ отягченію моего и безъ того не легкаго положенія и не сдѣлала бы его, безъ всякаго съ моей стороны повода, окончательно невыносимымъ.

«Алексѣевскій равелинъ—тюрьма секретная, никакой ревизіи не допускающая; въ ней и прежде происходили злоупотребленія, невозможныя ни въ какомъ отдаленномъ острогѣ. Но покойный комендантъ, уважаемый баронъ Майдель, понимая это, сдерживалъ до нѣкоторой степени хищника-смотрителя Филимонова и, исполняя суровый долгъ, не мучилъ заключенныхъ изъ личной жестокости. Теперь же, послѣ рѣчи Ганецкаго, хищникъ-Филимоновъ нагло отнимаетъ у насъ послѣдній кусокъ, безстыдно заявляя при этомъ, что поступаетъ такъ по приказанію коменданта. Я уже просилъ начальство, чтобы мнѣ позволено было пользоваться пищею изъ солдатскаго котла: грубыя щи и каша, несмотря на всѣ ихъ недостатки, при существующихъ злоупотребленіяхъ были бы всетаки питательнѣе тѣхъ обѣдовъ изъ негодной провизіи, которые поставляетъ Филимоновъ. Всѣ служащіе въ равелинѣ послѣ вступленія коменданта считаютъ отягченіе политическихъ заключенныхъ вѣрнѣйшимъ средствомъ заслужить благосклонность начальства и поступаютъ въ силу этого соображенія самымъ наглымъ, вызывающимъ образомъ. Прежде мнѣ позволяли выходить подышать чистымъ воздухомъ два раза въ день. Теперь мою прогулку сократили съ двухъ часовъ до 20-ти минутъ. Мало того, меня по цѣлымъ мѣсяцамъ совсѣмъ не выводятъ изъ душнаго каземата, въ которомъ Ганецкій даже приказалъ задѣлать душники, будто съ цѣлью лишить меня возможности достать сажу для составленія чернилъ. Верхнее стекло оконной рамы у меня было чистое, позволивши мнѣ видѣть клочекъ неба. Нужно знать ужасы долготѣяго одиночнаго заключенія, чтобы понять, какую отраду доставляетъ узнику видъ проходящаго облака и сіяніе звѣздъ ночью.

Два коменданта: генераль Корсаковъ и баронъ Майдель, шесть шефовъ жандармовъ, начиная графомъ Шуваловымъ и кончая генераломъ Черевинымъ, самъ предсѣдатель Верховной Комиссіи, генераль Лорисъ-Меликовъ, посѣщая меня, видѣли это чистое стекло и не находили опаснымъ для государства тотъ фактъ, что я.... ¹⁾ подслѣдственный въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ. Но я не подслѣдственный узникъ, и вотъ уже десятый годъ, какъ я лишенъ свободы, слѣдовательно, отягченіе моей участи вызывается не высшими политическими соображеніями, а лишь однимъ безчеловѣчнымъ произволомъ лица, которому Ваше Величество ввѣрили управление крѣпостью. У меня былъ личный

¹⁾ Пропускъ въ рукописи,

врагъ—генераль Мезенцевъ; онъ два года терзалъ меня въ цѣпяхъ, но и тотъ не закрывалъ для меня вида неба. У меня былъ другой врагъ, генераль Потаповъ. Онъ оскорбилъ меня на словахъ, я за это заклеилъ его пощечиной. Онъ имѣлъ право меня ненавидѣть, но и онъ не мстилъ мнѣ. Онъ зналъ, что мстить человѣку, лишенному свободы, можно только, имѣя душу звѣря, а генераль Потаповъ былъ человѣкъ. Свойственны ли гуманныя чувства генералу Ганецкому,—я не знаю, но судя по тому, что онъ посягаетъ равелинъ только затѣмъ, чтобы по часу стоять у дверей каземата и любоваться въ щель на отягченное имъ положеніе узниковъ, судя по этому, слѣдуетъ думать, что созерцаніе чужихъ страданій доставляетъ ему удовольствіе, которое человѣческимъ назвать нельзя. Не надѣется ли онъ довести меня до отчаянія, чтобы видѣть слезы и муки безсильнаго бѣшенства, чтобы слышать безумные крики ярости, подобные тѣмъ, которые доносятся изъ каземата моего несчастнаго сосѣда по тюрьмѣ, доведеннаго долготѣнимъ заключеніемъ до сумасшествія? О нѣтъ! Я не доставлю Ганецкому такого удовольствія. Я желаю ему сохранить хоть сотую долю моего спокойствія и самообладанія, когда его самого повезутъ на эшафотъ.

Въ 75-мъ году, когда правительство предложило мнѣ изложить свой взглядъ на положеніе дѣлъ, я въ подробной запискѣ на Высочайшее имя заявилъ Вашему Августѣйшему Родителю, что абсолютизмъ отжилъ свой вѣкъ, что всѣ основы неограниченной монархіи окончательно распатаны, и только дарованіемъ конституціи Державная воля можетъ спасти Россію отъ ужасовъ революціи. Я говорилъ, что неотлагаемое введеніе либеральныхъ представительныхъ учрежденій въ дорогое отечествѣ можетъ помѣшати развитію внутреннихъ смутъ и дерзкихъ покушеній, которыя ни передъ чѣмъ не остановятся. Я говорилъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, уже будетъ поздно. Ходъ событій послѣдняго времени подтвердилъ мои предположенія. Реакція послѣ катастрофы 1-го марта была неизбежна. Это—въ порядкѣ вещей.... но размѣры реакціи и ея продолжительность могутъ быть также неизбежно гибельны для существующаго строя, если государственные дѣятели въ такое напряженное общественными ожиданіями время будутъ заниматься добиваніемъ лежащихъ. Будучи жертвой величайшей юридической несправедливости, я былъ осужденъ Московскимъ окружнымъ судомъ при полномъ нарушеніи основныхъ формальностей судопроизводства. Ко мнѣ не только не допустили избраннаго мною защитника, но даже не выдали мнѣ копій съ дѣла, такъ что введенный въ засѣданіе *гласнаго* суда, я не зналъ, въ чемъ меня обвиняютъ. Чтобы добиться нужнаго для правительства приговора присяжныхъ (всѣхъ подчиненныхъ обвинительной власти), мнѣ буквально не дали говорить, и какъ только я открывалъ ротъ, чтобы дать объясненія,

меня тотчасъ же вытаскивали изъ залы засѣданія по знаку предсѣдателя въ корридоръ, гдѣ жандармскіе офицеры били меня въ голову до потери сознанія. Приговоривъ меня къ 20-лѣтней каторгѣ на основаніи голословныхъ обвиненій прокурора, вопреки фактическимъ даннымъ, всей Россіи извѣстнымъ, судъ предоставилъ мнѣ, *повидимому*, право апелляціи, въ дѣйствительности же, лишилъ меня всякой возможности воспользоваться этимъ правомъ, не выдавъ мнѣ копіи съ приговора и запретивъ мнѣ давать чернилъ и бумаги для писанія жалобы. Переведенный тайно ночью прямо съ эшафота (окольными путями, исколесивъ половину Россіи) въ Петропавловскую крѣпость я былъ заживо погребенъ въ стѣнахъ Алексѣевского равелина, гдѣ, заточенный въ одиночное заключеніе при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, я не ожидаю отъ новаго правительства облегченія своей участи, не удивлюсь, если это письмо еще болѣе ухудшитъ мое положеніе. Людовикъ XVI также понялъ всѣ ужасы страданій узниковъ Бастиліи только тогда, когда самъ попалъ въ государственную тюрьму. Но такъ какъ нигдѣ въ мірѣ произволъ представителей администраціи не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ Россіи, такъ какъ ни въ одной странѣ воля и желаніе главы не искажаются до такой степени, какъ у насъ, то я и счелъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Величества объ отягченіи условий моей тюремной жизни безъ всякаго съ моей стороны повода. Теперь всякое дальнѣйшее угнетеніе меня будетъ уже совершаться съ Вашего Высочайшаго вѣдома, въ силу Вашей Царственной воли. Я буду безропотно выносить всевозможныя лишенія, коль скоро буду знать, что подвергаюсь имъ по распоряженію высшей власти. Но быть жертвой безчеловѣчнаго произвола его превосходительства и молчать.... я не въ состояннѣ.

С. Н.

«Пишу кровью, ногтемъ».

Этого письма Нечаевъ уже не могъ отправить иначе, какъ на удачу, и онъ его, кажется, не отправилъ. Но черезъ нѣсколько времени сношенія Нечаева съ волей снова возстановились и, присылая Исполнительному Комитету копію съ своего письма къ царю, онъ писалъ:

«Я не могъ отправить этого письма черезъ коменданта, потому что онъ, угнетая арестантовъ и дѣлая ихъ положеніе невыносимымъ, боится имъ показаться на глаза и не является къ нимъ даже тогда, когда они его просятъ придти (я, напримѣръ, три раза бесполезно звалъ его выслушать меня). Онъ приходитъ въ тюрьму только затѣмъ, чтобы любоваться на мученія заключенныхъ въ щелку двери. Передать письмо смотрителю я также не могъ, потому что былъ увѣренъ, что онъ его уничтожитъ, ничего о немъ не сообщивъ. Я долженъ былъ ждать, пока не представился благопріятный случай, когда я могъ ввѣрить его постороннему честному лицу. Въ равелинѣ начались работы: подъ

окномъ проходить и останавливаются разные мастеровые, приказчики, подрядчики, инженерные офицеры. Я пользуюсь оплошностью начальства, которое позабыло поставить часового у будки у окна, и ввѣряю это письмо судьбѣ: нашлись добрые люди, которые обѣщали доставить это посланіе черезъ канцелярію градоначальника или министра».

Эта записка, какъ обозначено на оригиналѣ, писана также «кровью, ногтемъ, въ книгѣ, на чистомъ листкѣ, возлѣ переплета»... Послѣднія строчки о томъ, какимъ путемъ посылалось письмо, Нечаевымъ написаны, конечно, для того, чтобы отклонить подозрѣнія отъ того пути, которымъ онъ, дѣйствительно, сносился съ Исполнительнымъ Комитетомъ.

Мы даемъ письма Нечаева въ такомъ видѣ, какъ они дошли до насъ, а ихъ расшифровка и провѣрка—дѣло будущаго.

Въ началѣ 1882 года правительство обнаружило сношенія Нечаева съ волей,—произведены были массовые аресты среди солдатъ Алексѣевского рavelина и на волѣ. Весь режимъ рavelина былъ въ корнѣ измѣненъ. Смотрителемъ назначенъ былъ Соколовъ, прославившійся впоследствии въ Шлиссельбургской крѣпости и мѣтко прозванный Лопатинымъ «Иродомъ». Какіе были порядки въ рavelинѣ съ начала 1882 г., мы знаемъ теперь весьма подробно изъ воспоминаній Поливанова и Фроленко,—о томъ же скоро читатели «Былого» прочтутъ новые матеріалы.

Въ мартѣ 1882 г. къ Нечаеву привели новыхъ товарищей—участниковъ процесса 20-ти: А. Михайлова, Фроленко и др. Соколовъ поставилъ Нечаева въ такія условія, что никто изъ вновь прибывшихъ участниковъ процесса 20-ти, сидѣвшихъ съ нимъ въ одномъ и томъ же зданіи Алексѣевского рavelина, не подозрѣвалъ объ его существованіи,—они не знали, какъ въ продолженіе 1½ лѣтъ около нихъ медленно умиралъ Нечаевъ.

Намъ удалось изъ совершенно достовѣрнаго источника узнать о смерти Нечаева. Мы дадимъ современемъ подробный рассказъ вообще о заключеніи Нечаева въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, и въ частности, о послѣднихъ 1½ годахъ жизни. Въ началѣ 1882 года, въ видѣ мести за обнаруженные его сношенія съ волей, Нечаевъ былъ лишенъ книгъ, своей пищи, своей одежды, ему почти не разрѣшали прогулокъ. Его помѣстили въ одну изъ тѣхъ ужасныхъ камеръ, описаніе которыхъ дали намъ Фроленко и Поливановъ, одѣли въ арестантскій костюмъ, стали кормить невозможной пищей. «Иродъ» сумѣлъ устроить такой надзоръ за Нечаевымъ, что онъ не могъ и двухъ словъ сказать кому-нибудь, его никто не могъ видѣть иначе, какъ въ присутствіи Ирода... Въ этихъ условіяхъ Нечаевъ сталъ медленно умирать отъ чахотки,—у него пошла кровь горломъ, онъ потерялъ силы и вяло бродилъ по камерѣ... Но все время онъ велъ себя, какъ и раньше, смѣлымъ борцомъ. Всѣ окружавшіе его, не исключая Соколова, чувствовали его обаяніе и власть надъ собой.

Въ ночь съ 8 на 9 мая 1883 г. въ 2 часа ночи Нечаевъ тихо умеръ, такъ что этого не замѣтили въ «глазокъ» караулившіе его жандармы... Ред.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Приговоръ къ дѣлу о пропагандѣ среди солдатъ.

1882 г., 28 мая, въ 1 часъ дня, приговоръ этотъ объявленъ, въ бытность, кромѣ унтеръ-офицера Федорова, подсудимымъ въ присутствіи Военнаго Прокурора Полковника Маслова, помощника Секретаря Кисличнаго, причѣмъ мною объявлено, въ какой срокъ и какимъ порядкомъ можетъ быть обжалованъ приговоръ:

Военный Судья Полковникъ Извольскій.

Приговоръ.

По указу Его Императорскаго Величества 1882 года, мая 25-го дня Петербургскій Военно-Окружный Судъ, подъ председательствомъ Генераль-Лейтенанта Лейхта, въ судебномъ засѣданіи при закрытыхъ дверяхъ, въ которомъ присутствовали: постоянный членъ полковникъ Извольскій, временные члены: Л.-Гв. 2 Стрѣлковаго баталіона полковникъ Энгель, 86 пѣх. Вильманstrand. полка майоръ Марцыновскій, 2-го военно-телеграфнаго парка капитанъ Гнѣдичъ, 95-го пѣхотнаго Красноярскаго полка полковникъ Павловъ, Гв. Конно-Артиллер. бригады шт.-капитанъ Вороновичъ, Л.-гв. сводно-казачьяго Его Величества пол. поручикъ Чеботаревъ, при военномъ прокурорѣ полковникъ Масловъ и при помощникѣ секретаря титул. совѣт. Кисличномъ, слушалъ дѣло о бывшемъ смотрителѣ Алексѣевского Равелина С.-Петербургской крѣпости—нынѣ состоящаго по армейской кавалеріи подполковникъ Петрѣ Матвѣевичѣ *Филимоновѣ*, помощникѣ его, поручикѣ петербургской мѣстной команды, Николаѣ Андреевичѣ *Андреевѣ*, обѣ унтеръ-офицерахъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ Карлѣ Петровѣ *Лепингѣ*, Александрѣ Александровѣ *Александровѣ*, Николаѣ Исаковѣ *Исаковѣ*, Захарѣ Федоровѣ *Федоровѣ*, о запасныхъ рядовыхъ: Ефимѣ Петровѣ *Тихоновѣ* и Василии Васильевѣ *Попковѣ*, и рядовыхъ петербургской мѣстной команды: Кузьмѣ Ивановѣ *Березинѣ*, Михаилѣ Ивановѣ *Ульяновѣ*, Иванѣ Андреевѣ *Мыркинѣ*, Иванѣ Тихоновѣ *Тихоновѣ*, Алексѣѣ Леоновѣ *Леоновѣ*, Василии Ивановѣ *Ивановѣ*, Федорѣ Степановѣ *Степановѣ*, Силѣ Андреевѣ *Андреевѣ*, Ильѣ Ильинѣ *Ильинѣ*, Андрианѣ Ивановѣ *Чернышевѣ*, Дмитріи Яковлевѣ *Яковлевѣ*, Василии Кузьминѣ *Кузьминѣ*, Павлѣ Сергѣевѣ, Дмитріи Ивановѣ *Ивановѣ*, Яковѣ Савельевѣ *Шарковѣ*, Ѳедотѣ Марковѣ *Ермолинѣ*, и Кириллѣ Никифоровѣ *Никифоровѣ* по обвиненію: подполковника Филимонова и поручика Андреева въ противозаконномъ бездѣйствіи

власти, имѣвшемъ особенно важныя послѣдствія, а поименованныхъ нижнихъ чиновъ въ несоблюденіи особыхъ обязанностей караульной службы.

Изъ послужныхъ списковъ подсудимыхъ видно: подполковникъ *Филимоновъ* отъ роду имѣеть 61 годъ, происходитъ изъ солдатскихъ дѣтей, вѣроисповѣданія православнаго, первоначальное образованіе получилъ въ школѣ военныхъ кантонистовъ, на службу поступилъ рядовымъ въ 1841 г., въ первый офицерскій чинъ произведенъ въ 1856 г., въ настоящемъ чинѣ съ 1879 года, имѣеть бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 годовъ, женатъ и имѣеть 11 человекъ дѣтей, подъ судомъ не былъ; поручикъ *Николай Андреевъ* 31 года, происходитъ изъ Оренбургскихъ мѣщанъ, воспитывался въ частной гимназіи, на службу поступилъ вольноопредѣляющимся 2 разряда въ 1875 г., въ первый офицерскій чинъ произведенъ въ 1878 году, въ настоящемъ чинѣ съ 1882 года; орденовъ и знаковъ отличія не имѣеть, подъ судомъ не былъ, женатъ и имѣеть двоихъ дѣтей. Унтеръ-офицеры: *Захаръ Федоровъ*, 57 лѣтъ, происходитъ изъ солдатскихъ дѣтей, въ службѣ съ 1844 года, въ корпусѣ жандармовъ съ 1871 года, имѣеть одну золотую и двѣ серебряныхъ медали съ надписью «за усердіе», медаль въ память войны 1853—1856 годовъ, шевроны: золотой и серебряный за сверхсрочную службу и двѣ нашивки изъ желтой тесьмы за 15-лѣтнюю безпорочную службу; подъ судомъ не былъ, холостъ. *Карлъ Лепингъ* 36 лѣтъ, вѣроисповѣданія лютеранскаго, происходитъ изъ крестьянъ, въ службѣ съ 1868 года, въ корпусѣ жандармовъ съ 1872 года, имѣеть шевроны: золотой и серебряный за сверхсрочную службу и нашивку изъ желтой тесьмы за 6-лѣтнюю безпорочную службу, подъ судомъ не былъ, холостъ. *Александръ Александровъ* 37 лѣтъ, изъ питомцевъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома; на службу поступилъ вольноопредѣляющимся III разряда въ 1863 году, въ корпусѣ жандармовъ съ 1870 года, имѣеть золотой и серебряный шевроны за сверхсрочную службу, нашивку изъ желтой тесьмы за 6-ти лѣтнюю безпорочную службу и плечевые бассоны за отличную стрѣльбу, подъ судомъ не былъ, женатъ и имѣеть трехъ малолѣтнихъ дѣтей. *Николай Псаковъ* 55 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ, въ службѣ съ 1854 года, въ корпусѣ жандармовъ съ 1871 года, имѣеть серебряную медаль за усердіе, золотой шевронъ за отказъ отъ отставки, нашивку изъ желтой тесьмы за 6-лѣтнюю безпорочную службу и бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 года, женатъ, дѣтей не имѣеть, подъ судомъ не былъ. Рядовые: *Кузьма Березинъ* 25 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ Архангельской губерніи, въ службѣ съ 1877 г., подъ судомъ не былъ и взысканіямъ въ дисциплинарномъ порядкѣ не подвергался, холостъ. *Михаилъ Ульяновъ*, 25 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ Архангельской губерніи, въ службѣ съ 1877 года, подъ судомъ не былъ, взысканіямъ въ дисциплинарномъ порядкѣ не подвергался, холостъ. *Иванъ Мыркинъ*, 26 лѣтъ, происходитъ

изъ крестьянъ той же губерніи, въ службѣ съ 1877 года, подѣ судомъ не былъ и дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергался, холостъ. Иванъ *Тихоновъ* 29 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ Псковской губерніи, въ службѣ съ 1878 года, подѣ судомъ не былъ и дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергался, холостъ. Илья *Ильинъ* 26 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ той же губерніи, въ службѣ съ 1878 года, подѣ судомъ не былъ и дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергался, холостъ. Сила *Андреевъ* 25 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ Псковской губерніи, въ службѣ съ 1878 г., подѣ судомъ не былъ, дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергался, холостъ. Алексѣй *Леоновъ* 24 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ Псковской губерніи, въ службѣ съ 1878 года, подѣ судомъ не былъ и взысканіямъ въ дисциплинарномъ порядкѣ не подвергался, холостъ. Василій *Ивановъ* 25 лѣтъ, изъ крестьянъ Псковской губерніи, въ службѣ съ 1878 года, подѣ судомъ не былъ и дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергался, холостъ. Василій *Кузьминъ* 24 лѣтъ, изъ крестьянъ Новгородской губерніи, въ службѣ съ 1879 года, подѣ судомъ не былъ, подвергался два раза взысканіямъ въ дисциплинарномъ порядкѣ за пьянство и отлучку. Федоръ *Степановъ*, 25 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ Псковской губерніи, въ службѣ съ 1878 г., подѣ судомъ не былъ, дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергался, холостъ. Дмитрій *Яковлевъ* 24 лѣтъ, изъ крестьянъ Новгородской губерніи, въ службѣ съ 1879 года, подѣ судомъ не былъ, дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергался, холостъ. Павелъ *Сергѣевъ* 24 лѣтъ, изъ крестьянъ Новгородской губерніи, въ службѣ съ 1879 года, подѣ судомъ не былъ, взысканіямъ не подвергался, холостъ. Дмитрій *Ивановъ 2-ой*, 23 лѣтъ, изъ крестьянъ новгородской губерніи, въ службѣ съ 1879 года, подѣ судомъ не былъ, дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергался, холостъ. Яковъ *Шарковъ* 23 лѣтъ, изъ крестьянъ Новгородской губерніи, въ службѣ съ 1879 года, подѣ судомъ не былъ, дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергался, холостъ. Василій *Понковъ* 27 лѣтъ, изъ крестьянъ Вологодской губерніи, въ службѣ съ 1876 года, въ запасѣ съ 1881 г., по суду былъ наказанъ за неисправимо дурное поведеніе и 3 раза подвергался взысканіямъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, женатъ и имѣетъ дочь. Ефимъ *Тихоновъ* 28 лѣтъ, изъ крестьянъ Владимирской губерніи, въ службѣ съ 1875 года, въ запасѣ съ 1881 г., подѣ судомъ не былъ и дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергался, холостъ. Кириллъ *Никифоровъ*, 25 лѣтъ, изъ крестьянъ Псковской губерніи, въ службѣ съ 1888 г., подѣ судомъ не былъ, дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергался, холостъ. Андріанъ *Чернышевъ* 24 лѣтъ, изъ крестьянъ Новгородской губерніи, въ службѣ съ 1879 года, подѣ судомъ не былъ, дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергался, холостъ, и Ѳедотъ *Ермолинъ* 26 лѣтъ, изъ крестьянъ Архангельской губерніи, въ службѣ съ 1877 г., по

суду наказанъ два раза: за пьянство, отлучки и промотаніе казенныхъ вещей, холостъ.

По разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла, разъясненныхъ судебнымъ слѣдствіемъ и заключительными преніями, Петербургскій Военно-Окружный Судъ призналъ виновными 1) рядовыхъ Ефима Тихонова, Ивана Тихонова, Ильина, Чернышева, Ермолина, Попкова, Никифорова, Березина, Ульянова, Мыркина, Леонова, Василія Иванова, Степанова, Андреева, Яковлева, Кузьмина, Сергѣева, Дмитрія Иванова и Шаркова въ томъ, что, состоя въ числѣ нижнихъ чиновъ, которые, въ періодъ времени съ 1877 года до конца 1881 года, наряжались въ караулъ къ отдѣльнымъ камерамъ, находившимся въ Алексѣевскомъ равелинѣ С.-Петербургской крѣпости, въ коихъ содержались государственные преступники, они разновременно принимали участіе въ преступныхъ сношеніяхъ съ заключенными. Сношенія эти состояли въ томъ, что они вели съ арестантомъ камеры № 5¹⁾ разговоры преступнаго содержанія, передавали записки изъ одной камеры въ другую, принимали письма для передачи другимъ товарищамъ и отсылки ихъ въ городъ, доставляли арестантамъ періодическія изданія, отвѣтныя письма, приносимыя изъ города, и особыя выписки изъ караульнаго наряда о часовыхъ, назначаемыхъ къ камерамъ, получая за всѣ таковыя преступныя дѣйствія деньги отъ одного изъ арестантовъ или непосредственно, или же чрезъ другихъ товарищей. При этомъ Ильинъ, Иванъ Тихоновъ, Чернышевъ и Ермолинъ не только сами принимали участіе въ означенныхъ преступныхъ сношеніяхъ съ арестантами, но и склоняли къ тому нѣкоторыхъ своихъ товарищей. Чернышева же въ томъ, а также Никифорова, что сами носили въ городъ записки отъ того же арестанта; 2) унтеръ-офицеровъ Лепинга, Александрова и Исакова въ томъ, что, состоя при означенномъ караулѣ въ качествѣ дежурныхъ, вопреки возложенныхъ на нихъ обязанностей, принимали непосредственное участіе въ безпорядкахъ, происшедшихъ въ равелинѣ, вступая въ частные разговоры съ арестантами во время бытности въ караулѣ дежурными, въ присутствіи караульныхъ, чѣмъ не только дали возможность развиться вышеуказаннымъ преступнымъ сношеніямъ нижнихъ чиновъ съ заключенными, но и способствовали ихъ возникновенію; 3) подполковника Филимонова въ томъ, что, состоя въ должности смотрителя Алексѣевского равелина, не принималъ никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ для наблюденія за неисполненіемъ чинами караула ихъ обязанностей, а также для предупрежденія указанныхъ выше преступныхъ сношеній нижнихъ чиновъ съ заключенными, при этомъ оставлялъ безъ послѣдствій доклады дежурныхъ жандармовъ о неудовлетворительномъ состояніи оконъ камеры № 5, о необходимости ихъ исправленія и обысковъ арестанта той же камеры, хотя въ обыскахъ этихъ представлялась настоятельная надобность; не обра-

¹⁾ С. Г. Нечаевъ.

щаль вниманія на неудовлетворительное состояніе дверной форточки, чрезъ которую оказалась возможною передача нижними чинами арестантамъ писемъ и газетъ; посѣщаль караульную комнату недостаточно часто и не съ должнымъ вниманіемъ, не повѣрялъ часовыхъ, а лишь иногда обходилъ ихъ и не съ должнымъ вниманіемъ, не разрѣшаль, находя это излишнимъ, производить жандармамъ ночью секретное наблюденіе за наружными часовыми, хотя мѣра эта имѣла цѣлю обнаружитъ существовавшія сношенія часовыхъ съ арестантами и, наконецъ, не наблюдалъ за тѣмъ, чтобы жандармскіе унтеръ-офицеры приближались къ часовымъ, для наблюденія за ихъ дѣйствіями, не будучи ими заблаговременно услышаны, каковое неисполненіе своихъ прямыхъ обязанностей имѣло особенно важныя послѣдствія, состоявшія въ развитіи вышеозначенныхъ, преступныхъ сношеній, какъ нижнихъ чиновъ съ государственными преступниками, такъ и этихъ между собою; 4) поручика Андреева въ томъ, что, состоя помощникомъ подполковника Филимонова и будучи непосредственнымъ отвѣтственнымъ начальникомъ команды Алексѣевского рavelина и завѣдуя ею во всѣхъ отношеніяхъ, оставлялъ нижнихъ чиновъ въ казармѣ безъ всякаго дѣйствительнаго надзора, лично посѣщая казармы лишь по три, по два и даже по одному разу въ недѣлю; кромѣ того отпускалъ людей со двора безъ всякой осмотрительности, не снабжалъ ихъ даже билетами, предоставляя нерѣдко ихъ увольнять старшему въ командѣ унтеръ-офицеру Рябову, который самъ иногда возвращался въ команду лишь на другой день, не присутствовалъ при отправленіи нижнихъ чиновъ въ караулъ, а нижніе чины приходили въ караульный домъ безъ всякаго порядка по одиночкѣ, и, наконецъ, вопреки лежавшей на немъ обязанности, никогда не докладывалъ коменданту крѣпости о безпорядкахъ въ командѣ и проступкахъ нижнихъ чиновъ, послѣдствіемъ какового неисполненія прямыхъ его обязанностей было впаденіе почти цѣлой команды въ тяжкое преступленіе, причѣмъ нижніе чины въ казармахъ открыто учились переписываться съ арестантами шифрами, пьянствовали, являлись въ нетрезвомъ видѣ въ караулъ, опаздывали изъ разрѣшавшихся имъ отпусковъ, и возвращались изъ таковыхъ точно также въ нетрезвомъ состояніи, иногда вовсе не ночевали въ казармахъ и даже доставлялись на другой день полиціей при протоколахъ, каковыя безпорядки въ командѣ судъ призналъ особенно важными.—А обвиненіе унтеръ-офицера Федорова въ томъ, что, состоя въ означенный періодъ времени при томъ же равелинѣ для дежурства и имѣя обязанностью наблюдать за караульными и заключенными и о всякомъ замѣченномъ безпорядкѣ въ равелинѣ докладывать коменданту крѣпости, сего не исполнялъ, а также не докладывалъ о бездѣйствіи со стороны смотрителя и его помощника, и что таковую же обязанность докладывать коменданту крѣпости не исполняли унтеръ-офицеры Лепингъ, Александровъ и Исаковъ судъ призналъ недоказаннымъ.

Обращаясь къ опредѣленію виновности подсудимыхъ и слѣдующаго имъ наказанія, по закону, судъ напелтъ:

во-первыхъ, что дѣянія подполковника Филимонова и поручика Андреева, заключающіяся въ томъ, что первый изъ нихъ, въ бытность его смотрителемъ Алексѣевского рavelина, а второй—начальникомъ команды, состоявшей при рavelинѣ, не исполнили возложенныхъ на нихъ обязанностей, совершивъ цѣлый рядъ отступленій отъ ихъ прямыхъ обязанностей и не принявъ никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ предупрежденію происходившихъ безпорядковъ, и что въ тѣхъ случаяхъ, когда ими исполнялись нѣкоторыя служебныя обязанности, исполненіе это было чисто формальное и безъ всякой пользы для службы, то таковыя дѣянія въ совокупности составляютъ «противозаконное бездѣйствіе власти», предусмотрѣнное 142 ст. XXII кн. С. В. П., а такъ какъ судомъ признано, что происшедшія отъ такого рода исполненія обязанностей службы послѣдствія представляются особенно важными, каковыя послѣдствія состояли 1) въ томъ, что въ командѣ при рavelинѣ не только было полное отсутствіе какого-либо порядка и дисциплины, но что команда эта дошла до такой деморализаціи, что почти въ цѣломъ составѣ впала въ тяжкое преступленіе, и 2) что, невзирая на чрезвычайныя средства, предоставляемыя правительствомъ для надлежащаго надзора за государственными преступниками, заключенными въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, состоящіа какъ въ учрежденіи особой рavelинной команды, такъ и въ назначеніи смотрителя рavelина и въ помощь ему одного офицера и нѣсколькихъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, преступники эти, содержавшіеся въ отдѣльныхъ казематахъ, имѣли возможность установить правильныя сношенія какъ между собой, такъ и съ сообщниками внѣ крѣпости, причемъ сношенія эти продолжались безпрепятственно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то судъ и примѣнилъ къ виновности обоихъ подсудимыхъ вторую часть 145 ст. XXII кн. С. В. П., по которой они подлежатъ ссылкѣ на житье въ Сибирь; но затѣмъ, принявъ во вниманіе обстоятельства, уменьшающія вину: а., хорошіе отзывы объ этихъ офицерахъ коменданта С.-Петербургской крѣпости и б., по отношенію къ подполковнику Филимонову, «прежнюю его долговременную службу», а по отношенію къ поручику Андрееву «его служебную неопытность вслѣдствіе кратковременнаго нахожденія на дѣйствительной службѣ въ офицерскомъ званіи», судъ, по уменьшеніи наказанія на двѣ степени, согласно 830 ст. XXIV кн. С. В. П., назначилъ имъ обоимъ ссылку въ архангельскую губернію по 2 степ. 22 ст. XXII кн. С. В. П., въ низшей мѣрѣ, съ праволишеніями, въ слѣдующей 23 ст. опредѣленными;

во-вторыхъ виновность унтеръ-офицеровъ Исакова, Александрова и Лепинга и девятнадцати поименованныхъ рядовыхъ заключающуюся въ томъ, что они въ бытность караульными и часовыми въ Алексѣевскомъ рavelинѣ позволяли себѣ вступать: унтеръ-офицеры въ частныя бесѣды, а рядовые въ разнородныя

сношенія съ заключенными, чѣмъ совершили прямое отступленіе отъ правилъ, предписанныхъ закономъ, составляетъ «несоблюденіе особыхъ обязанностей караульной службы», предусмотрѣнное 154 ст. XXII кн. С. В. П., за каковое преступленіе виновные подлежатъ отдачѣ въ дисциплинарные батальоны отъ одного года до трехъ лѣтъ. Наказаніе это судъ назначилъ подсудимымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: а) по отношенію къ поименованнымъ унтеръ-офицерамъ, принимая во вниманіе, что они, бывъ старшими въ караулѣ, примѣромъ своимъ оказали дурное вліяніе на прочихъ чиновъ караула, судъ призналъ, что къ винѣ ихъ должна быть примѣнена и послѣдующая 156 ст., по которой наказаніе можетъ быть увеличено одною или двумя степенями, но затѣмъ, имѣя въ виду прежнюю ихъ долговременную усердную службу, руководствуясь 89 ст. XXII кн. С. В. П., счелъ возможнымъ, не возвышая наказанія, назначить имъ высшую мѣру отдачи въ дисциплинарные батальоны, а именно срокомъ на три года, по 1-й ст. 49 ст. XXII кн. съ праволишеніями, въ слѣдующей 50 ст. означенными, причемъ Александрова, пользующагося особенными правами состоянія, какъ вольноопредѣляющагося III разряда, согласно той же 50 статьи, не переводить въ разрядъ штрафованныхъ. Что же касается до рядовыхъ, то изъ нихъ семерымъ: Ефиму Тихонову, Ивану Тихонову, Ильину, Чернышеву, Ермолину, Попкову и Никифорову судъ назначилъ высшую мѣру наказанія, т. е. отдачу въ дисциплинарные батальоны по 1-й степ. 49 ст. срокомъ на три года, по слѣдующимъ соображеніямъ: Ивану Тихонову, Ильину, Ермолину, Чернышеву въ виду того, что они склоняли ко вступленію въ сношенія съ заключенными своихъ товарищей; Никифорову и тому же Чернышеву за личное ихъ участіе въ передачѣ записокъ отъ заключенныхъ къ сообщникамъ ихъ, живущимъ въ городѣ; а Попкову и Ефиму Тихонову за сокрытіе ими нѣкоторыхъ обстоятельствъ участія ихъ въ сношеніяхъ съ государственными преступниками. Остальнымъ же двѣнадцати рядовымъ: Березину, Ульянову, Мыркину, Леонову, Василию Иванову, Степанову, Андрееву, Яковлеву, Кузьмину, Сергѣеву, Дмитрію Иванову и Шаркову, въ виду оказаннаго имъ признанія, судъ назначилъ низшую мѣру 1-й степ. 49 ст., т. е. отдачу въ дисциплинарные батальоны на два года и шесть мѣсяцевъ, и опредѣлилъ всѣмъ девятнадцати рядовымъ праволишенія, означенныя въ ст. 50-й.

По всѣмъ этимъ основаніямъ Петербургскій военно-окружный судъ постановилъ: 1) подполковника Филимонова и поручика Андреева, признанныхъ виновными въ противозаконномъ бездѣйствіи власти, имѣвшемъ особенно важныя послѣдствія, по лишеніи чиновъ, а Филимонова и медали въ память войны 1853—56 годовъ, и всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію имъ присвоенныхъ правъ и преимуществъ исключить изъ службы и сослать на житье въ Архангельскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для ихъ жительства, въ продолженіе двухъ лѣтъ и съ по-

слѣдствіями, въ ст. 43, 44, 46 и 47 Уложенія о Наказаніяхъ обозначенными; 2) унтеръ-офицеровъ: Лепинга, Александра, Исакова и девятнадцать поименованныхъ рядовыхъ, по лишеніи нѣкоторыхъ особенныхъ лично и по состоянію имъ присвоенныхъ и службою пріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, а унтеръ-офицеровъ ихъ званія, шевроновъ, нашивокъ, а Исакова, кромѣ того, и серебряной медали «за усердіе», перевести всѣхъ, за исключеніемъ Александра, въ разрядъ штрафованныхъ и отдать въ дисциплинарные батальоны: Лепинга, Александра, Исакова, Ефима Тихонова, Ивана Тихонова, Ильина, Чернышева, Ермолина, Попкова и Никифорова на *три* года; Березина, Ульянова, Мыркина, Леонова, Василия Иванова, Степанова, Андреева, Яковлева, Кузьмина, Сергѣева, Дмитрія Иванова и Шаркова на *два* года и *шесть* мѣсяцевъ; 3) судебныя издержки, по приведеніи ихъ въ надлежащую извѣстность, на основаніи 1068 и 1073 ст. XXIV кн. С. В. П., взыскать съ осужденныхъ, за общей ихъ круговой отвѣтственностью, а въ случаѣ ихъ несостоятельности—принять на счетъ казны; 4) унтеръ-офицера Федорова по обвиненіи его въ неисполненіи возложенныхъ на него обязанностей въ качествѣ наблюдавшаго за карауломъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, согласно ст. 834, XXIV кн. С. В. П., считать по суду оправданнымъ; 5) представленные изъ Комендантскаго Управленія с.-петербургской крѣпости постовыя книги возвратить по принадлежности; 6) приговоръ этотъ, по вступленіи въ законную силу, прежде обращенія къ исполненію, относительно подполковника Филимонова и поручика Андреева, на основаніи 1020 ст. XXIV кн. С. В. П., представить военному министру для поднесенія на Высочайшее усмотрѣніе. Подлинный подписали: Предсѣдатель, Военный Судья, Временные члены и скрѣпилъ помощникъ секретаря.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Военный судья

Генераль-майоръ Извольскій.

Свѣрять помощникъ секретаря.

Къ дѣлу В. И. Засуличъ.

Въ настоящемъ номерѣ «Былого» мы даемъ портретъ Вѣры Ивановны Засуличъ, снятый съ нея тотчасъ же послѣ ея ареста въ 1878 году, когда она стрѣляла въ Трепова. Кромѣ того мы цѣликомъ воспроизводимъ съ оригиналовъ два листка, изданныхъ въ то время въ «Вольной Русской типографіи» по поводу оправданія В. И. присяжными.

I.

Ко всѣмъ честнымъ людямъ.

13 іюля петербургскій градоначальникъ Треповъ нанесъ въ лицѣ Боголюбова¹⁾ оскорбленіе всѣмъ честнымъ людямъ, отказывающимся лизать руку своихъ злодѣевъ. Торжествуя свою легкую побѣду, Треповъ думалъ, что укротилъ всѣхъ непримиримыхъ враговъ произвола. Несмотря на жалобы и протесты, его не предали суду. Его покрыли. Нѣсколько мѣсяцевъ ликовалъ грубый опричникъ и насмѣхался надъ своими жертвами. Но пробилъ и его часъ. 24 января Вѣра Засуличъ явно, на глазахъ у вооруженныхъ полицейскихъ, исполнила надъ Треповымъ приговоръ общественной совѣсти. Ей не пришлось убить его. Судьба сберегла ему остатки жизни, чтобы поразить его еще сильнѣе и безвозвратно убить его приговоромъ общественнаго мнѣнія въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, оправдавшихъ великую дѣвушку. Всѣ присутствовавшіе на судѣ, и старые, и молодые, и люди нашего лагеря, и чужіе, все, что сохранило въ себѣ хоть сколько-нибудь честности и чувства собственнаго достоинства,—все поддержало этотъ приговоръ и скрѣпило его восторженными заявленіями Вѣры Засуличъ, ея защитнику и присяжнымъ засѣдателямъ.

Оправдывая Засуличъ, представители общественнаго суда обвинили всю систему, на которую Засуличъ такъ самоотверженно подняла свою руку.

Давно русское общество не торжествовало такой побѣды!

Восторженная толпа, бывшая въ судѣ и окружавшая его зданіе, направилась къ Дому Предварительнаго Заключенія дожидаться

¹⁾ Настоящая фамилія Боголюбова—Емельяновъ, онъ былъ наказанъ розгами по приказу Трепова, 13 іюля 1877 года.

выхода молодой героини. Около тюрьмы собрались не одни наши друзья. Туда стекались люди всѣхъ званій, всѣхъ сословій, даже высокопоставленные звѣздоносцы. (Это ли не знаменіе времени!). Когда Засуличъ вышла, ее подняли на руки и при восторженныхъ крикахъ понесли по улицѣ.

Жандармы напали на ликующее шествіе, но, остановленные общимъ негодованіемъ, отступили передъ толпою въ 1500 человѣкъ. Воздавши должное своей любимицѣ, толпа усадила ее въ карету вмѣстѣ съ ея доброжелателями, и карета поѣхала. Всѣ думали, что этимъ дѣло окончится, и многіе съ радостнымъ сердцемъ начали расходиться. Но они ошиблись. Жандармы не покорились общественному мнѣнію—они только обманули его. Когда толпа порѣдѣла, жандармы, получивши полкрѣпленіе, напали на двигавшуюся карету и вздумали похитить Засуличъ. Они окружили карету и немедленно прибѣгли къ насилію: они уже стащили съ козелъ одного изъ сопровождавшихъ Вѣру Ивановну и намѣревались полѣзть въ карету... Но въ это время одинъ юноша—Григорій Сидорацкій¹⁾—выстрѣлилъ въ злодѣевъ и самъ погибъ въ происшедшей свалкѣ. Своимъ выстрѣломъ онъ спасъ Вѣру Засуличъ: во время суматохи, произведенной его выстрѣломъ, карета умчалась. Ошалѣлые жандармы потерялись и не нашлись. Засуличъ была спасена.

Миръ праху твоему, честный юноша, своею грудью защитившій дорогую дѣвушку!

Одновременно съ нападеніемъ на карету, пѣшіе и конные жандармы бросались на толпу, гнали ее, мяли лошадыми, но все-таки ничего не подѣлали. Жертва ускользнула изъ ихъ рукъ.

И было пора! Нельзя было терять ни минуты. Въ тотъ же вечеръ явилось секретное предписаніе по полиціи арестовать ее. Но полиція и тутъ опоздала. Вѣру Засуличъ успѣли спрятать, и теперь она въ безопасности...

Взрывъ общественнаго мнѣнія не ограничился минутой увлеченія. Два дня подъ рядъ всѣ газеты, впервые сплоченныя общимъ интересомъ, были наполнены восторженными статьями, требовавшими прекращенія правительственнаго произвола. Даже самыя подлые газеты—и тѣ увлеклись общимъ движеніемъ и печатали такія статьи, подъ которыми могъ бы подписаться довольно честный человѣкъ. Это не сошло имъ даромъ. Безсильное правительство принялось направо и налѣво расточать предостереженія, запрещать розничную продажу и торжественно объявило всѣ редакціи обманщиками, сообщающими ложныя извѣстія. Оно даже снизошло до опроверженія. Но опроверженіе его оказалось лживо отъ начала до конца. Вотъ нѣкоторыя изъ выдумокъ, которыми правительство подлагаетъ обмануть русское общество, и отвѣтъ на нихъ, который можетъ быть подтвержденъ тысячею свидѣтелей:

1. Правительственное сообщеніе утверждаетъ, будто Засуличъ была встрѣчена толпою „молодыхъ людей“. Явное желаніе свести все дѣло

¹⁾ Сидорацкій судился въ прошломъ году по Московскому дѣлу и послѣ двухлѣтняго заключенія былъ приговоренъ къ шестинедѣльному аресту въ смиренномъ домѣ ужаснымъ особымъ присутствіемъ.

на почву уличныхъ безпорядковъ! Это ложь! Засуличъ привѣтствовали люди всѣхъ возрастовъ, всѣхъ положеній.

2. Карету привела не предупредительная полиція, а публика.

3. Правит. Вѣстникъ утверждаетъ, будто на углу Фурштадской карету остановили лишь для того, чтобы упросить публику разойтись. Неумѣлая выдумка! Чтобы публика разошлась, надо было не останавливать, а погонять карету.

4. То же сообщеніе говорить, будто жандармы ограничились выжидательною ролью. Но и эта попытка скрыть истину и подтасовывать факты опровергается сама собою людьми, пострадавшими отъ натиска пѣшихъ и конныхъ жандармовъ, и цѣлымъ рядомъ статей, напечатанныхъ очевидцами.

Ложь, ложь и клевета—вотъ единственная характеристика правительственнаго сообщенія!

Правительство до того растерялось, что прибѣгло къ цѣлому ряду беззаконій. Оправданную судомъ присяжныхъ усиленно разыскиваютъ, и уже предписано заключить ее въ тюрьму, какъ обвиненную злодѣйку. Ее хотятъ сгноить и этимъ показать свою силу. Жалкая сила! Слѣдствіе о безпорядкахъ, вызванныхъ жандармами, отнято отъ слѣдователя Русинова и передано жандармамъ же, т. е. главному обвиняемому. Хорошо будетъ слѣдствіе! Правительство боится правильнаго общественнаго суда. Ему нужны органы, способные на всякія гнусности, лишь бы добиться предполагаемой цѣли! Но какъ бы оно ни направило слѣдствіе, какими бы извращеніями, лжесвидѣтельствами, запугиваніями и подлогами ни наполнило его,—никогда ему не удастся смыть съ себя позора и уничтожить событія, получившаго значеніе историческаго факта.

31 марта будетъ играть не послѣднюю роль въ лѣтописяхъ развитія русскаго сознанія: въ этотъ день выборные общественные судьи впервые явно отвернулись отъ цѣлой правительственной системы; въ этотъ день русское общество впервые показало, что оно можетъ не бояться открыто заявлять свои желанія и симпатіи.

Не станемъ преувеличивать событій. Мы знаемъ, что этотъ расколъ, это отреченіе имѣетъ значеніе только начала, только перваго самостоятельнаго шага ребенка—нашего общества. Если бы оно обладало большимъ запасомъ гражданскаго мужества и имѣло болѣе гражданскаго развитія, 31-е марта кончилось бы баррикадами. Но мы привѣтствуемъ и это начало, и эти признаки пробужденія отъ вѣковой летаргіи; привѣтствуемъ ихъ, несмотря на то, что только дальнѣйшія событія должны непреложно доказать, правы ли мы, придавая столь серьезное значеніе событіямъ послѣдующихъ дней. Если мы угадали, то дѣло не ограничится вспышками, вызванными минутнымъ настроеніемъ. Это настроеніе должно расти и вызывать новыя событія. Люди, обладающіе чувствомъ долга и гражданскаго мужества, сплотятся и смѣло выступятъ на борьбу съ каждымъ проявленіемъ правительственнаго произвола. Но если наше общество заснетъ на другой же день послѣ своего перваго порыва, то оно подтвердитъ правильность приговора тѣхъ историковъ, которые утверждаютъ, что каждый народъ надѣленъ именно тѣмъ правительствомъ, какого онъ наиболѣе заслуживаетъ.

Обращаемся съ этимъ предостереженіемъ ко всеѣмъ, не отчаявшимся въ своихъ силахъ, и зовемъ ихъ на борьбу съ произволомъ. Мы не предфѣшаемъ формы этой борьбы. Форму указываютъ обстоятельства и создаютъ сами событія.

Повторяемъ: мы отъ всей души привѣтствуемъ начало возможнаго конца теперешнему плачевому состоянію русскаго общества!

II.

Къ русскому обществу.

31 марта 1878 года для Россіи начался прологъ той великой исторической драмы, которая называется судомъ народа надъ правительствомъ. Обвинительный актъ—это вся русская исторія, на страницахъ своихъ не представляющая ничего, кромѣ батожья, палокъ, плетей и шпицрутенговъ, съ одной стороны, и систематическаго разоренія народа „ради его государевыхъ доходовъ“—съ другой.

Послѣ событій 31 марта нѣсколько совѣстно говорить о томъ, что правительство русское держится апатіей и индифферентизмомъ русскаго общества; въ этотъ день разрывъ русскаго общества съ правительствомъ выразился *de facto*, въ зданіи окружнаго суда оправдательнымъ приговоромъ присяжныхъ и поведеніемъ публики, аплодировавшей приговору. Присяжные отказались обвинить ту, которая рѣшилась противопоставить насилию—насиліе, они отказались подписаться подъ политикою душенія всякаго самостоятельнаго проявленія общественной мысли и жизни, они открыто признали невинность враговъ существующаго порядка.

Этимъ ознаменовалось пробужденіе нашей общественной жизни, а полиція и жандармерія и не думали измѣнять своего обращенія съ публикою. На оправданную общественною совѣстью Засуличъ кинулись жандармы, съ цѣлью расправиться съ нею административнымъ порядкомъ. Людей, радовавшихся ея оправданію, били и мяли лошадыми, не пощадили даже беременныхъ женщинъ... Результатомъ свалки оказался одинъ убитый и двое раненыхъ. Самое слѣдствіе объ этихъ „уличныхъ безпорядкахъ“ передано въ руки III отдѣленія, которому приходится, такимъ образомъ, произнести приговоръ надъ своимъ собственнымъ поступкомъ. Въ довершеніе всего, секретнымъ отдѣленіемъ отданъ приказъ участковымъ приставамъ „разыскать и арестовать оправданную судомъ присяжныхъ Засуличъ“.

Русское общество долго молчало.

Оно молчало, когда въ теченіе столѣтій его лучшіе, свободомыслящіе люди погибали въ рудникахъ Сибири; когда русская наука несла такія потери, какъ потеря великаго экономиста Н. Г. Чернышевскаго.

Оно молчало, когда надежда Россіи—молодое поколѣніе—подвергалось такимъ систематическимъ преслѣдованіямъ, какъ въ 60-хъ годахъ и въ настоящее время, когда нѣтъ семейства, гдѣ бы не дрожали за участь своихъ дѣтей, сколько-нибудь способныхъ и чуткихъ.

Оно давало обманывать себя перспективой освобожденія болгаръ, когда собственный народъ голодалъ, когда нѣсколько сотъ тысячъ чиншевиговъ югозападныхъ губерній разоряли до тла и пускали по міру.

Оно молчало и теперь, когда со всѣхъ сторонъ газеты приносятся извѣстія о народномъ голодѣ и разореніи.

Оно довольствовалось лицемѣрными полуреформами въ то время, когда даже турецкій султанъ счелъ себя вынужденнымъ дать своему народу извѣстныя гарантіи свободы и самоуправленія.

Оно занималось сборомъ пожертвованій въ пользу „братъевъ-славянъ“ и оставалось равнодушнымъ, когда истязали розгами Боголюбова.

Оно молчало, молчало и молчало.

Мы не знали, заговорить ли оно когда-нибудь.

Но 31 марта и въ слѣдующіе дни петербургское общество заговорило, наконецъ, человѣческимъ языкомъ.

Правительство игнорируетъ подобные симптомы общественнаго пробужденія. Какъ бы въ насмѣшку надъ приговоромъ Петербургскаго Окружнаго Суда, полиціи отдается вышеупомянутый приказъ объ арестованіи Засуличъ. Полиція вызываетъ столкновеніе на улицѣ, и въ первый разъ послѣ 14 декабря 1825 года петербургскія улицы орошаются кровью борцовъ за свободу!

Прологъ начался. Общество не должно, оно не можетъ долѣе молчать, когда низводятся до нуля даже такія реформы, какъ институтъ присяжныхъ, когда надъ общественнымъ мнѣніемъ издѣваются такъ нагло, такъ открыто.

Всякій, кто не за правительство, въ подобныхъ случаяхъ долженъ быть противъ него. Все общество должно было такъ или иначе, въ той или другой формѣ выразить свой протестъ противъ варварской администраціи.

Мы приглашаемъ учащуюся молодежь, приглашаемъ всѣ партіи, кромѣ партіи кнута и палокъ, соединиться въ одномъ общемъ и дружномъ натискѣ для пріобрѣтенія своихъ издавна попираемыхъ человѣческихъ правъ, для защиты своихъ свободомыслящихъ согражданъ отъ адскихъ казематовъ центральной тюрьмы и Петропавловской крѣпости для защиты русскаго народа отъ поголовнаго разоренія, для защиты русской науки и мысли отъ жалкой и безславной смерти подъ рукою цензора-палача...

Пусть разныя политическія партіи преслѣдуютъ разныя цѣли, но ни одна изъ нихъ не позволяетъ господствовать надъ собою тѣмъ, вся политика которыхъ исчерпывается двумя мрачными, давно вездѣ забытыми словами: „Слово и дѣло!“.

Вездѣ и всегда, у всѣхъ народовъ, когда-либо возстававшихъ за свободу, имена первыхъ павшихъ бойцовъ становились святынею, а смерть ихъ не оставалась безнаказанною...

Восемнадцать писемъ М. А. Бакунина.

По справедливому замѣчанію Драгоманова, написавшаго недурную, хотя и очень краткую, біографію «вѣчнаго бунтаря»—Михаила Александровича Бакунина, писательство не было сильнѣйшею стороною дѣятельности этого выдающагося революціонера. Онъ былъ прежде всего ораторъ и агитаторъ. Поэтому, понятно, послѣ рѣчей и разговоровъ важнѣйшими матеріалами для изученія его фигуры должны считаться письма. И если Герценъ былъ правъ, говоря: «мои письма—это я», то относительно Бакунина это еще болѣе правильно. Къ сожалѣнію, масса бакунинскихъ писемъ исчезла и, повидимому, безвозвратно. Напечатанное не равняется даже и сотой долѣ написаннаго этимъ неутомимымъ человѣкомъ.

Изучая дѣло Николая Александровича Серно-Соловьевича и многихъ другихъ, хранящееся въ сенатскомъ архивѣ, я нашелъ тамъ довольно много писемъ Герцена, Огарева, Кельсиева и Бакунина. Всѣ они приложены къ «дѣлу» въ подлинникахъ и никогда опубликованы не были. Въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» я помѣщу пространное изложеніе всего этого крайне характернаго и необыкновенно интереснаго дѣла, а теперь предварительно хочу познакомить читателя съ тѣми письмами Бакунина, которыя, имѣя самостоятельный интересъ и значеніе, потерялись бы въ общемъ изложеніи дѣла и отвлекали бы вниманіе отъ главной нити разсказа.

Ниже я привожу восемнадцать такихъ писемъ. Первое—очень важно по заключающемуся въ немъ разсказу о грандіозномъ побѣгѣ Бакунина изъ Сибири. Впервые мы узнаемъ *точный* маршрутъ слѣдованія Бакунина и время, употребленное на совершеніе 30000 верстъ. Кое что о побѣгѣ мы знаемъ по разсказу Герцена («М. Б. и польское дѣло») и Арн. Руге (въ біографическомъ очеркѣ Драгоманова). Здѣсь самъ Бакунинъ даетъ его описаніе.

Будучи въ Иркутскѣ, Бакунинъ женился на дочери тамошняго чиновника Квятковскаго. Рѣшено было бѣжать безъ жены, она должна была пріѣхать въ Лондонъ потомъ, съ помощью родныхъ и знакомыхъ.

Слѣдующія семнадцать писемъ очень драгоцѣнны для изуче-

нія Бакунина: они съ выпуклой ясностью рисуютъ его, какъ любящаго мужа, нѣжнаго, заботливаго... Эта сторона въ психологіи «вѣчнаго бунтаря» нигдѣ еще не обнаруживалась съ такой рельефностью. Читатель вмѣстѣ съ Бакунинымъ переживаетъ всѣ его волненія за дорогого человѣка, который нѣкоторое время поглощаетъ досугъ знаменитаго революціонера...

На этомъ пути было не мало препятствій.

Первое и довольно значительное это—арестъ двухъ братьевъ: Николая и Алексѣя. Въ февралѣ 1862 г. тринадцать тверскихъ дворянъ, въ ихъ числѣ и оба Бакунины (одинъ—членъ губернскаго присутствія, другой—уѣздный предводитель дворянства), письменно заявили губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, что впредь намѣрены руководствоваться воззрѣніями и убѣжденіями, несогласными съ положеніями 19 февраля 1861 г., такъ какъ всякій другой образъ дѣйствій считаютъ враждебнымъ обществу. Вскорѣ они были преданы суду сената и заключены въ Петропавловскую крѣпость. Оставался третій братъ, Павелъ, мало расположенный къ энергичной помощи Михаилу въ отношеніи устройства дальняго путешествія его жены. Бакунинъ атакуетъ письмами жену Павла, Наталію Семеновну, но не видитъ въ ней настоящаго помощника. Приходится остановиться на молодомъ пріятелѣ, армянскомъ дѣятелѣ, Михаилѣ Лазаревичѣ Налбандовѣ, (Налбандьянѣ) съ которымъ онъ недавно познакомился въ Лондонѣ, и на И. С. Тургеневѣ. Первый былъ дорогъ энергіей и пріимчивостью, второй—возможностью помочь денежно.

Какъ только Бакунинъ пріѣхалъ въ Лондонъ, Герценъ обратился къ жившему въ Парижѣ Тургеневу за постоянною помощью бѣглецу. Тургеневъ обѣщалъ давать ежегодно 1500 франковъ и часть уже послалъ. Потомъ Тургеневъ далъ денегъ и на переѣздъ Бакуниной, пріѣхавшей въ Тверскую губернію только въ декабрѣ 1862 г.

За такое содѣйствіе Тургеневъ былъ привлеченъ сенатомъ къ дѣлу, которое и будетъ дано мною подъ названіемъ «Дѣло Серно-Соловьевича». Тамъ же читатель ознакомится и съ массою подробностей, которымъ здѣсь я не даю мѣста просто потому, что это заставило бы повторяться.

Послѣднее, девятнадцатое письмо Бакунина къ Тургеневу не вошло въ мой счетъ, потому что было уже напечатано въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за этотъ годъ инспекторомъ сенатскаго архива, г. Безроднымъ. Привожу его для большей законченности.

Мих. Лемке.

I.

П. П. Лялину ¹⁾.

27 февраля 1862 г. Лондонъ.
10 Grove berrau, Grove Road-
Saint Johns Wood—N. W.

И вотъ, Пимень Петровичъ, я опять на свободѣ. — Вы видите, женитьба меня не связала. — Но яжду жену съ сердечною тревогою; она должна была выѣхать изъ Сибири въ октябрѣ (1861) и прямо въ Тверскую губернію, къ намъ, въ извѣстное вамъ село Прямухино. Оттуда братья должны доставить ее ко мнѣ. — Вашъ знакомый маркизъ ²⁾ долженъ вамъ доставить мое письмо и экземпляръ моей первой статьи въ „Колоколѣ“ ³⁾. Дай Богъ, чтобъ моя вступительная рѣчь вамъ понравилась. Я остался вѣренъ нашей дружбѣ, не знаю, какъ вы. Между нами въ послѣднее время сталъ дуракъ, котораго вы ко мнѣ прислали, студентъ Подлѣсный ⁴⁾ — я принялъ его, какъ рекомендуемаго вами человѣка, со всѣмъ возможнымъ радушіемъ, но онъ изъ рукъ вонъ глупъ — сошелся съ шайкою мерзавцевъ, доносчиковъ въ 3 отдѣленіе, съ отъявленными шпіонами, какъ напримѣръ Розенталь, такъ что я долженъ былъ запереть ему мою дверь. — Онъ вамъ, безъ сомнѣнія, на меня жаловался, — и я не находилъ нужнымъ передъ вами извиняться, — но вѣренъ въ душѣ я вамъ остался, Пимень Петровичъ, и для меня сдѣлалось необходимою написать вамъ нѣсколько строкъ, чтобъ напомнить вамъ о себѣ. Неужели вы меня забыли? — Я васъ не забылъ. Я прожилъ въ Томскѣ вторую молодость свою, свое возрожденіе послѣ 8-ми лѣтней крѣпостной смерти, и вы мнѣ дороги, какъ другъ юности, сами юный, свѣжій и бодрый, несмотря на ваши 60 лѣтъ. Я никогда не умѣлъ выразить вамъ, какъ глубоко я васъ люблю, уважаю и какъ дорого цѣню вашу дружбу. — Подъ конецъ я сталъ молчаливъ, потому что вы перестали отвѣчать на мои письма, но вѣренъ вамъ я остался и останусь до гроба. — Вотъ вамъ и декларация въ наказаніе за ваше грѣшное молчаніе.

Гдѣ вы теперь, какъ, чѣмъ, съ кѣмъ живете? Дайте вѣсть о себѣ. А я рѣшился уѣхать потому, что убѣдился, что Петербургъ намѣренъ былъ продержатъ меня слишкомъ долго въ Сибири. Не могъ же я со-

¹⁾ Со старикомъ Лялинымъ Бакунинъ познакомился въ Томскѣ въ 1856 году, когда тотъ жилъ тамъ по дѣламъ винокуреннаго завода Базилевскаго. Арестованный въ 1862 году за переписку съ Бакунинымъ, Лялинъ велъ себя недостаточно прилично.

²⁾ Маркизъ Н. А. де-Траверсе, человѣкъ изъ великосвѣтскаго общества, слѣдовавшій модѣ поклоненія Герцену, Бакунину и ихъ друзьямъ. Онъ былъ въ перепискѣ съ Михайломъ Александровичемъ по поводу субсидированія его жены на поѣздку въ Англію; Квятковскую маркизъ звалъ еще во время службы въ Сибири.

³⁾ Статья была озаглавлена: „Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ“, и была приложена къ № 122—123 „Колокола“ (15 февраля 1862 г.).

⁴⁾ Подлѣсный — студентъ, познакомившійся съ Бакунинымъ въ 1859 году въ Иркутскѣ и затѣмъ прѣхавшій затѣмъ-то въ Англію.

гласиться на то, чтобы силы мои пропали даромъ, когда всё и всякому предстоитъ такъ много хорошаго дѣла. Вотъ я и рѣшился. Простился съ женою, назначилъ ей свиданіе въ Лондонѣ, и, пользуясь тѣмъ, что послѣднее время мнѣ было дано право свободного движенія по Сибири, 5-го іюня по русскому счету выѣхалъ изъ Иркутска.—2-го іюля прибылъ на пароходѣ внизъ по Амуру, въ Николаевскъ на устьѣ Амура. 8-го іюля сѣлъ на американское судно и съ нимъ отправился въ гавань Олгу въ Японскомъ морѣ, оттуда въ Японію на немъ же.—Прибылъ сначала въ Хокодате, 4-го августа, и въ Йокогаму, верстахъ въ 25 отъ Іедо, 24-го августа. 5-го сентября сѣлъ на другой американскій клиперъ и прибылъ въ С-нѣ Франциско (въ Калифорніи) ³/₁₅ октября.—⁹/₂₁ октября на пароходѣ отправился въ Панаму, куда и прибылъ 24-го октября, а ³/₁₅ ноября въ Нью-Йоркъ. Въ Америкѣ пробылъ съ мѣсяцъ и многому поучился. Увидѣлъ, какъ край путемъ демагогіи дошелъ до тѣхъ же жалкихъ результатовъ, какихъ мы достигли путемъ деспотизма. Между Америкою и Россіею, въ самомъ дѣлѣ, много общаго,—а что для меня главное, я нашелъ въ Америкѣ такую повсемѣстную и безусловную симпатію къ Россіи и вѣру въ русскую народную будущность, что, несмотря на все мною самимъ видѣнное и слышанное, я уѣхалъ изъ Америки рѣшительнымъ партизаномъ Соединенныхъ Штатовъ.—Изъ Нью-Йорка уѣхалъ на пароходѣ ²/₁₄ декабря, а въ Лондонѣ прибылъ ¹⁵/₂₇ декабря 1861 года—сдѣлавъ такимъ образомъ 30.000 верстъ въ шесть мѣсяцевъ дороги.—Здѣсь Герценъ и Огаревъ встрѣтили меня, какъ брата, и какъ братъ я соединился съ ними.

Дѣла много, и я былъ бы вполне доволенъ своею судьбою, если бы меня не мучила неизвѣстность о женѣ.—Меня увѣряютъ, что правительство ее не задержитъ.—Судьба меня до сихъ поръ выносила, надѣюсь, что и теперь вынесетъ.—Я люблю жену, Пименъ Петровичъ, люблю всею душою.—И вы видите, она не остановила меня и не была и никогда не будетъ препятствіемъ къ дѣлу и къ моей свободѣ.—Дай Богъ мнѣ скорѣй обнять ее.—А вы, добрый и благороднѣйшій другъ мой, вѣрно, порадовались, узнавъ о моемъ освобожденіи.—Пишите мнѣ скорѣе и, прошу васъ, пришлите мнѣ свою фотографію. Прилагаю при семъ свою, дабы вамъ напомнить живѣе о себѣ и вмѣстѣ дать вамъ хорошій примѣръ.—Ваше письмо съ фотографіею отправьте къ маркизу де-Траверсе—въ Петербургѣ, въ Гончарной улицѣ въ домѣ Прокоповича.—По этому адресу пишите мнѣ всегда, и ваши письма будутъ доходить до меня скоро, вѣрно и безопасно.—Я жду ихъ.—Вашъ неизмѣнный

М. Бакунинъ.

Если вамъ вздумается писать мнѣ прямо чрезъ путешествующаго, то пусть спроситъ о моемъ жилищѣ г-на Тхоржевскаго ¹) въ Лондонѣ—1 Gerard Street—Maulefield Street. Soho.

¹) Русский эмигрантъ-полякъ, преданный Герцену и не мало поработавшій съ нимъ въ „Вольной русской типографіи“.

II.

М. Л. Налбандову.

24 апрѣля 1862. Лондонъ.

10. Paddington Green, W.

Мой милый Налбандовъ, вы вѣрный другъ и славно исполнили свое обѣщаніе. Спасибо вамъ. Теперь только двѣ просьбы, постарайтесь, чтобъ деньги женѣ были высланы скорѣе, если можно въ маѣ, и ужъ никакъ не позже, какъ въ іюнѣ по русскому исчисленію. А, во-вторыхъ, о томъ, слѣдуетъ ли ей или нѣтъ ѣхать въ Лондонъ, ни съ кѣмъ, даже съ моимъ семействомъ, не говорите—это только помѣшало бы пріѣзду моей жены въ Россію, потому что, не зная моего семейства и даже нѣсколько чуждаясь его, она скорѣе согласится ждать лучшихъ дней у своихъ родныхъ въ Иркутскѣ, чѣмъ ѣхать къ моимъ на неопредѣленное время. И, какъ вы сами говорите, это ужъ дѣло мое, я одинъ, взвѣсивъ всѣ лишь лишь *лишь одному извѣстныя* обстоятельства, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, могу правильно обсудить его.—Другіе же, и самые лучшіе, и самые умные, и самые симпатичные и близкіе люди могутъ только о немъ резонировать.—Моя-жъ непремѣнная воля, чтобъ она какъ можно скорѣе прибыла въ Лондонъ.—А какими средствами мы будемъ жить?.. да подумаемъ—средства найдутся. Итакъ, любезный другъ, сосредоточьте на первое время всю свою энергію на скорѣйшій переѣздъ моей жены изъ Иркутска въ Тверскую губернію, въ деревню къ матушкѣ. Объ остальномъ перепишемся послѣ, вѣдь у меня вашъ адресъ есть. Вы знаете куда адресовать ваши письма, и лексиконъ у насъ также есть.¹⁾ Все въ порядкѣ.

Ну-съ, теперь приступаю къ лондонскому рапорту. А tout seigneur, tout honneur: начинаю съ старшова. Private gentlemen²⁾ отправляется сегодня съ Junior³⁾ отыскивать дачу. Погода прекрасная, оба въ веселомъ расположеніи духа, имъ будетъ весело. Поэтъ⁴⁾ сидитъ дома, такой же твердый—страдалецъ, милый и тихій, какъ всегда.—Мы обѣдали вчера у нихъ съ Марціановымъ и Альбертини⁵⁾—последній подпилъ. Privat поднесъ двѣ бутылки шампанскаго да потомъ конячку—не выдержалъ Альбертини, проспалъ цѣлый вечеръ—ну даже до рвоты. О Сингль⁶⁾ ни слова, я его давно не видалъ,—а Рап⁷⁾ безъ васъ скучаетъ, хотя здоровьемъ и процвѣтаетъ. Недавно мы въ угоду ему обѣ-

1) Образецъ шифрованного лексикона приводится ниже.

2) А. И. Герцень.

3) Сынъ его, А. А. Герцень.

4) Н. П. Огаревъ.

5) Писатель Н. В. Альбертини, пресмыкавшійся около Герцена и его друзей, пока об этомъ не узнало русское правительство.

6) ?

7) Чернецкій—полякъ-эмигрантъ завѣдующій типографіей Герцена.

дали вмѣстѣ съ нимъ у Вівего, какого-то нѣмца и венгерца—потомъ что бы вы думали?—въ Ельдорадо пошли смотрѣть живыя картины.—А передъ тѣмъ руководимый Паномъ, я заказалъ себѣ цѣлое лѣтнее платье за 4½ фунта.—Вотъ вамъ, кажется, полный отчетъ, и отъ васъ жду такого же.—Я, мы всѣ очень рады, что вы такъ полюбилися старому Тургеневу ¹⁾, а такъ какъ чувства всегда бываютъ взаимны, то и онъ, безъ сомнѣнія, вамъ полюбілся не менѣе.—Я получилъ его письмо и буду отвѣчать сегодня вечеромъ.—Да вытолкайте же его скорѣе изъ Парижа, намъ смерть хочется съ нимъ повидаться, и я надѣюсь, что онъ пробудетъ съ нами никакъ не менѣе недѣли.

Прощайте, обнимаю васъ

М. Бакунинъ.

III.

М. Л. Налбандову.

6 мая 1862 г. Лондонъ.

10 Paddington Green W.

Любезный другъ, надѣюсь, что это письмо застанетъ васъ еще въ Парижѣ.—Тургеневъ, въ самомъ дѣлѣ, начинаетъ превращаться въ сказочное существо, не подчиняющееся ни логическимъ законамъ, ни математической вѣроятности. Когда онъ выйдетъ изъ Парижа, когда будетъ въ Лондонѣ, когда возвратится въ Россію,—этого, видно, никто, даже онъ самъ, сказать не можетъ. А между тѣмъ деньги должны быть посланы моей женѣ какъ можно скорѣе, и если можно будетъ, не позже конца мая по русскому календарю, а если-бъ было возможно, то и гораздо прежде. Поэтому прошу васъ, переговорите съ нимъ толкомъ, или лучше еще—покажите ему это письмо. Онъ не разсердится. Постарайтесь узнать отъ него какъ можно точнѣе и опредѣленнѣе, въ какое время вы можете получить отъ него, разумѣется займы, на имя братьевъ, обѣщанныя имъ 2000 рубл.—Тогда, переговоривъ потомъ съ братьями, вамъ легко будетъ достать ихъ въ займы. Нужно дѣйствовать энергически и ясно,—иначе моя бѣдная жена просидитъ еще годъ въ Сибири.—А это *рѣшительно невозможно*. Переговорите-жъ съ Тургеневымъ, пусть же онъ вамъ дастъ опредѣленный путный, *дѣловой* отвѣтъ.—Можетъ или не можетъ? и когда можетъ? Чтобы вамъ можно на это положить.—Если не можетъ, и если есть даже невѣрность, неопредѣленность, сомнѣніе въ возможности,—пусть скажетъ ясно. Тогда я долженъ буду прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, повинуюсь необходимости, ибо, повторяю еще разъ, *жена не должна оставаться ни минуты долѣе въ Сибири*.—А почему не должна и не можетъ, это ужъ мое дѣло, не подлежащее ничьему сужденію.—Въ Тургенева вѣра моя была бы безусловна, если-бъ въ немъ не было чего-

¹⁾ И. С. Тургеневъ.

то ирраціональнаго, непредвидѣннаго, — а главное — магнитически его удерживающаго въ Парижѣ и отталкивающаго отъ Лондона, чего-то обманивающаго всѣ расчеты. На васъ же я полагаюсь вполне. — Жду, признаюсь, съ нетерпѣніемъ, вашего послѣдняго письма изъ Парижа.

Здѣсь много русскихъ — между ними много безтолочи, но есть и хорошіе люди. — Между ними я сошелся особенно съ однимъ положительно хорошимъ и полезнымъ человѣкомъ, съ Николаемъ Ильичемъ Вороновымъ. — Онъ будетъ въ Питерѣ въ іюнѣ и привезетъ вамъ отъ меня письмо. Примите его, какъ хорошаго человѣка, заслуживающаго полнаго довѣрія. — Онъ былъ учителемъ гимназіи въ Ставрополѣ, (потомъ въ Екатеринодарѣ. Теперь, немедленно по возвращеніи изъ-за границы, ѣдетъ въ Тифлисъ. — Во-первыхъ, научите его, какъ переписываться со мною и черезъ Петербургъ и черезъ Москву — а также и черезъ Одессу и черезъ Тифлисъ, т. е. черезъ Константинополь, куда ему долженъ быть данъ адресъ. Онъ и въ Европейскомъ и въ Азіатскомъ отношеніи будетъ полезенъ. — Потому не худо бы было рекомендовать его добрымъ людямъ въ Тифлисъ, которые были бы знакомы съ добрыми людьми въ Константинополѣ. — Я вамъ пишу черезъ вашего парижскаго друга, потому что не увѣренъ, чтобы вы еще были въ Парижѣ. — А ваши письма пусть будутъ посылать лучше всего ко мнѣ въ Лондонъ, на слѣдующій адресъ:

London.

10. Paddington Green — W. Mis W. F. Wesche. For remitting so Miss Eliza Jones.

Этотъ же адресъ дайте и вашему пріятелю въ Парижѣ.

Черезъ недѣлю я съ Альбертини и Марціановымъ переѣзжаю за городъ. На девяти-пенсовомъ разстояніи по желѣзной дорогѣ отъ Orsett-House — и дешевле будетъ и свѣжѣе.

Прощайте, любезный другъ,

Крѣпко васъ обнимаю.

Сейчасъ спохватился — вѣдь, у меня нѣтъ еще адреса вашего парижскаго соотечественника ¹⁾.

Пожалуйста, напишите его.

Инструкція.

1. По пріѣздѣ въ Петербургъ немедленно доставить письмо мое Натальѣ Семеновнѣ Бакуниной, урожденной Корсаковой, или мужу ея, моему брату Павлу Александровичу. — Найти ихъ вы можете:

а) или съ помощью Ивана Сергѣевича или своимъ умомъ въ Петербургѣ, гдѣ живетъ постоянно все семейство Корсаковыхъ.

б) или въ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, село *Прямухино*. По желѣзной дорогѣ изъ Вышняго Волочка въ Тверь, въ верстахъ 90 отъ перваго и въ 60 отъ втораго, есть станція и село *Осташково*. Тамъ выйти изъ вагона, взять любого ящика, всякій знаетъ Бакуниныхъ и

¹⁾ И. С. Тургенева.

въ часовъ пять довезетъ черезъ Торжокъ (30 верстъ отъ Осташкова) въ Прямухино (30 верстъ отъ Торжка):

2. Цѣль свиданія или поѣздки—переговорить съ моимъ семействомъ о мѣрахъ, необходимыхъ для немедленнаго пріѣзда моей жены изъ Иркутска въ деревню къ матушкѣ. — Прежде всего — матушка, сестры и братъ, оставшіяся на свободѣ, должны *непрерывно*, не теряя ни одной минуты времени, написать къ ней соборное посланіе, въ которомъ въ выраженіяхъ искреннихъ, по возможности горячихъ, они должны звать ее къ себѣ. Если они не знаютъ, какъ послать къ ней это письмо, то, заставивъ его написать, возьмите ихъ письмо и отправьте его въ Иркутскъ изъ Петербурга.

3. Заняться съ помощію и съ совѣтомъ И. С. Тургенева и брата составленіемъ суммы 2000 руб. сер. для пересылки оной женѣ—какъ можно скорѣй, такъ чтобы она могла получить эти деньги, если возможно, еще въ маѣ. Если же не можно будетъ сдѣлать это такъ скоро, то написать ей, не теряя времени, и предупредить ее, что къ такому времени она получить такую-то сумму.

4. Переслать ей сейчасъ-же по пріѣздѣ въ Петербургъ мое письмо и вступить съ ней въ переписку—она предупреждена мною, что Петръ Александровичъ Цуриковъ ¹⁾ будетъ писать ей отъ моего имени и по моему порученію.—Въ письмѣ своемъ просите ее о немедленномъ отвѣтѣ и дайте ей свой адресъ для того, чтобы она могла отвѣчать вамъ.

5. Писать къ ней можно двоякимъ способомъ:

а) или черезъ курьера, если такой въ скоромъ времени найдется,

б) или по почтѣ, на имя ея матери: Ея благ. Юліи Михайловнѣ Квятковской, въ г—дѣ Иркутскѣ Восточной Сибири—болѣе ничего,—только письмо застраховать.—На имя Юліи Михайловны можно послать и деньги, а, въ случаѣ нужды, и письмо мое къ женѣ.

в) А если найдете Наталью Семеновну въ Петербургѣ, или въ скоромъ времени увидите ее въ Прямухинѣ, то она, можетъ быть, рѣшится послать мое письмо прямо къ брату своему, Михайлу Семеновичу Корсакову, который хоть и не жалуетъ меня и теперь на меня особенно сердится, но человѣкъ добрый и благородный и пакости не сдѣлаетъ.

г) Прилагаемое письмо М. С. Корсакову, завернувъ въ другой конвертъ и, написавъ адресъ, послать прямо къ нему по почтѣ:

Его Высокопревосх.

Михайлу Семеновичу Корсакову Генераль Губернатору Восточной Сибири.—Послать немедленно.

6) Дать мнѣ знать о всемъ сдѣланномъ—и писать:

Налбандовъ—Петръ Александровичъ Цуриковъ.

Я—Брыкаловъ.

Жена—Марія Осиповна.

Natalie—Олимпія Сергѣевна Виноградка.

Бакунины—Бабарыкины.

¹⁾ Т. е. Налбандовъ.

братья:
Николай—Петръ Савельевичъ.
Павель—Илья Михайловичъ.
Алексѣй—Сергѣй Федоровичъ.
И. С. Тургеневъ—Ларіонъ Андреевичъ.
Лидовъ—Андрей Ивановичъ.
Корсаковы—Пафнутьевы.
Михаилъ Семеновичъ, Корсаковъ—Александръ Петровичъ.
Кетчеръ—Кульманъ.
Квятковскіе—Пантелеевы.
Юлія Михайловна } Анна
Квятковская } Андреевна.
Герценъ—баронъ Тизенгаузенъ.
Сынъ его—Дмитрій Сергѣевичъ.
Огаревъ—Костеровъ.
Pap—Owander.
Czenceny—Reinolds.
Кельсіевъ—Рудаковъ.
Государь—Гавриловъ.
Константинъ }
Николаевичъ } Рюминъ.
Правительство—Дурновъ.
Тайная полиція—Слѣпневъ.
Потаповъ—Pedrotti.
Шуваловъ—Ламбертъ.
Князь Лобановъ—Мартыновъ.
Горчаковъ или другой }
министръ иностран. дѣлъ } Сафоновъ.
Армяне—Жиды.
Греки—Татары.
Турки—Сапожники.
Славяне—Нѣмцы.
Грузія, Кавказъ—Тула.
Арменія—Москва.
Турція—Крымъ.
Сосланъ—поѣхалъ по дѣламъ
Петербургъ—Або.
Крѣпость—кондитерская
Тюрьма—кофейная.
Арестъ—Table d'hote.
Кронштадтъ—Керча.
Шлиссельбургъ—Таганрогъ.
Сибирь Вост.—Крымъ.
Сибирь Западная—Литва.
Иркутскъ—Калуга.
Томскъ—Одесса.
Омскъ—Полтава.
Москва—Мценскъ.

Екатеринославъ—Рязань.
Тверь—Орель.
Торжокъ—Моршанскъ.
Ст. Осташковъ—Красное.
Прямухино—Рыбное.

IV.

М. Л. Налбандову.

10 мая 1862 г. Лондонъ.
10. Paddington Green. W.

Любезный другъ, этакъ-то вы изъ Парижа выѣзжаете? Зажились тамъ, какъ Тургеневъ, да и ни гугу!—Ну, да видно дѣла есть—и у меня также есть до васъ дѣло.—Явится къ вамъ въ Питеръ съ письмомъ отъ меня Николай Ильичъ Вороновъ, котораго мы будемъ впередъ называть: *Александръ Петровичъ Вандерманъ*. Примите его, какъ нашего друга, вамъ всѣми тремя ²⁾ рекомендуемаго. Онъ крѣпкій и умный хохоль, долго прожившій въ Новороссійскомъ краѣ и хорошо знающій Кавказъ;—въ юнѣ будетъ въ Питеръ, а въ сентябрѣ въ Тифлисъ. Онъ переговорить съ вами о новомъ средствѣ доставленія нашихъ товаровъ ¹⁾ въ Кавказскій край.—Его мысль слѣдующая:—изъ Трапезунта ходятъ на Кавказскій берегъ малыя турецкія суда съ контрабандою, которую провозятъ во множествѣ. Горцы же, пользуясь правомъ возить съ горъ дрова на всѣ русскіе посты, т. е. на всю линію, примыкающую къ Черному морю, не разъ ввозили между дровами и наши лондонскіе запрещенные товары. А на русской линіи покупаютъ ихъ съ чрезмѣрною охотою и готовы платить большія деньги. Показаніе ясно, слѣдуетъ имъ воспользоваться и регулировать его.—

По полученіи сего, напишите кому изъ своихъ, дѣльному и торговому человѣку въ Константинополь, за честность и дѣльность котораго вы передъ нами отвѣчать можете, и уговорите его устроить отношенія по этому дѣлу съ контрабандистами въ Трапезунтъ — такъ что намъ была бы возвращаема имъ только лондонская цѣна посылаемыхъ товаровъ, плюсъ цѣнность пересылки ихъ изъ Лондона въ Константинополь. Всѣ же остальные барыши предоставляются ему. Если такой человѣкъ въ Константинополь найдется, то попросите его написать прямо ко мнѣ на слѣдующій адресъ, которымъ и вы пользуетесь при случаѣ:

London.
Mis. W. F. Wesche.
10 Paddington Green. W.
For. remitting so Miss Eliza Jones.

¹⁾ Герценомъ, Бакунинымъ и Огаревымъ.

²⁾ Т. е. изданій вольной русской лондонской типографіи.

Пусть, называя васъ: *Monsieur Leonardi* (пользуйтесь и впередъ этимъ именемъ), скажетъ, что на основаніи вашего приглашенія сдѣлалъ то-то и то, желаетъ того-то, предлагаетъ то-то и то, ясно обозначивъ всѣ желанія, условія, требованія, время и также адресъ, на который ему должны посылаться наши товары и письма. Постарайтесь устроить это дѣло, любезный другъ, не я одинъ, самъ Privat проситъ васъ о томъ же.—А когда увидите съ г-номъ Вандерманомъ, ¹⁾ вы научите его, къ кому обратиться въ Тифлисѣ для того, чтобы прійти въ сношенія съ главою Константинопольской контрабанды. Смѣло рекомендуйте ему вашихъ торговыхъ друзей въ Тифлисѣ и въ другихъ мѣстахъ. Нашъ домъ вамъ за него отвѣчаетъ и онъ готовъ служить вашимъ интересамъ точно такъ же, какъ служить нашимъ.

Прочтите и сожгите.

А вы мнѣ не дали обѣщаннаго адреса вашего, постоянно въ Парижѣ пребывающаго друга. Такая забывчивость не похвальна.—Жду скорого отвѣта.

Вашъ Леонтій Федоровъ Брыкаловъ.

Прибавка къ словарю.

Я—*Леонтій Федоровъ Брыкаловъ.*

Вороновъ—*Вандерманъ.*

маркизь-де-Траверсе—*Графъ.*

Турція—*Австрія.*

Константинополь—*Вѣна.*

Трапезундъ—*Тріестъ.*

Тифлисъ—*Берлинъ.*

Кавказскій край—*Пруссія.*

Вотъ вамъ вѣрное и совершенно безопасное средство переписываться со мной изъ Петербурга: передавайте всѣ ваши письма ко мнѣ маркизу де-Траверсе въ Петербургъ, въ Гончарной улицѣ, въ домъ Проконича—безъ всякаго адреса.—Если жъ будете пересылать ихъ, то надписывайте:

Петру Александровичу Курдюмову.

А для того, чтобы вы могли съ маркизомъ познакомиться, прилагаю записочку на имя M-lle Serpouchowska (онъ самъ), которую вы только отдайте ему.

Вашъ Л. Б.

Серьезный вопросъ, могу ли я, въ самомъ дѣлѣ, обращаться съ дѣломъ къ г-ну Paul Corisse ²⁾—и буду ли получать отъ него отвѣты?

Теперь только что дѣла загораются.

¹⁾ Т. е. съ Н. И. Вороновымъ.

²⁾ Кто скрытъ здѣсь—неизвѣстно.

V.

М. Л. Налбандову.

16—4 мая 1862—London.

10. Paddington Green.—W.

Любезный другъ, съ И. С. ¹⁾я переговорилъ и обо всемъ условился. Все ладно. Теперь дѣло въ дѣлѣ. Повторяю еще: на него надѣюсь крѣпко,—а на васъ еще крѣпче. Онъ человѣкъ созерцательный, усладительный. Вы—дѣятельный. Для того, чтобъ онъ не забылъ чего, я написалъ ему инструкцію въ видѣ письма. Прочтите и съ Саваофовой помощью дѣйствуйте. Познакомьтесь непременно съ маркизомъ де-Траверсе—Гончарная улица, въ домѣ Прокоповича—онъ вамъ поможетъ въ моемъ дѣлѣ.—Вы увидите, что письмо, которое я написалъ съ И. С. къ братьямъ, еще хуже посланнаго съ вами—хуже потому, что совсѣмъ холодно, но зато учтиво.—Да, я окончательно потерялъ въ нихъ вѣру.—А, все-таки, вы должны будете начать дѣйствіе съ нихъ, хотя бы для очистки совѣсти.—Потомъ дѣлайте какъ знаете—только ради Бога возвратите мнѣ мою милую жену, привезите мнѣ ее въ Лондонъ.—Если захотите писать мнѣ—отдайте свое письмо, написанное и подписанное, какъ знаете, маркизу.

Я вамъ буду отвѣчать черезъ него же. О (слово не разобрано М. Л.) расскажетъ вамъ И. С. и потому не пишу—а только обнимаю васъ.—

Вашъ М.

Когда вы будете писать мнѣ изъ Петербурга, то надпишите адресъ, данный мною маркизу де-Траверсе. Когда жъ будете пересылать ваши письма ко мнѣ ему по почтѣ, то адресуйте ихъ такъ:

въ С-тъ Петербургъ.

Маркизъ Маріи Николаевнѣ
де-Траверсе.

Въ Гончарной улицѣ—въ домѣ Прокоповича,

Для передачи Петру Александровичу Курдюмову.

Такимъ образомъ написанныя они, не распечатанныя, вѣрно дойдутъ ко мнѣ.

VI.

М. Л. Налбандову.

6 июня—18 мая 1862—London

10. Paddington Green. W.

Здравствуйте, почтеннѣйшій мой Петръ Александровичъ. ²⁾ Успѣшно ли изволили доѣхать до Питера?—И. С. пріѣхалъ ли съ вами или остался

¹⁾ И. С. Тургеневъ.

²⁾ Петромъ Александровичемъ Цуриковымъ условлено было называть Налбандова.

въ Парижѣ? Наконецъ видѣли ли вы Графа ¹⁾ или кого изъ Бабарыкиныхъ ²⁾ и что сдѣлали по дѣлу Брыкалова? ³⁾—Есть ли извѣстія о Маріи Осиповнѣ ⁴⁾, писали ли вы ей? Вы можете себѣ представить съ какимъ нетерпѣніемъ я жду вашихъ писемъ.—Посылаю вамъ брошюру, о которой вы просили для вашего пріятеля, на тарабарскомъ языкѣ—т. е. пошлю, если Панъ ее получилъ и выдастъ мнѣ ее сегодня.—Писалъ къ нему еще третьяго дня на этотъ счетъ, но никакого отвѣта еще не получилъ—сейчасъ самъ къ нему отправлюсь.—Сколько дастъ, столько и пошлю—вѣдь онъ бѣдовый.—Спасибо вамъ за фотографію. Я себѣ взялъ двѣ: одну сидячую, другую стоячую—вотъ какъ васъ люблю, что даже Юніора ⁵⁾ обидѣлъ. — Вы бы порадовались, если бы видѣли, съ какою радостью и Баронъ Тизенгаузенъ ⁶⁾ и другъ его Костеровъ ⁷⁾ приняли отъ меня ваши портреты.—Не говорю ужъ о Панѣ — онъ теперь очень занятъ торговлею. — Баронъ съ другомъ уѣхали на нѣсколько дней въ Isle of Witr, но я сижу дома, работаю, да пью Карлсбадскія воды, ожидая у моря погоды. — Пишите о всѣхъ знакомыхъ—что дѣлаетъ Дурновъ? ⁸⁾ Правда ли что Рюминъ ⁹⁾ назначается служить въ Польшу?—Что новаго у васъ, пишете—а главное, ради Бога подталкивайте Ларіона Андреевича ¹⁰⁾, чтобъ онъ дѣлалъ дѣло. И вы, говорятъ, взяли за доброе дѣло, учитесь по-французски—для поощренія вашего я далъ Ларіону Андреевичу прекрасный, пространный словарь, лучше того, который далъ вамъ прежде. Сядьте-ка, да перепишите его цѣликомъ, и тогда будете въ состояніи, право, написать мнѣ правильное французское письмо ¹¹⁾.

Ну да я заврался, прощайте.

Преданный вамъ

М. Брыкаловъ.

VII.

Женѣ.

14½ июня 1862 г., Лондонъ.

Мой милый, неоцѣненный другъ! Ужъ много писемъ написалъ я тебѣ. Одно, я знаю, было истреблено испугавшимся путешественникомъ

1) т. е. маркиза де-Траверсе.

2) т. е. Бакуниныхъ.

3) т. е. самого Бакунина.

4) т. е. женѣ Бакунина.

5) Сына Герцена.

6) т. е. самъ Герценъ.

7) т. е. Огаревъ.

8) т. е. русское правительство.

9) т. е. великій князь Константинъ Николаевичъ.

10) т. е. Тургенева.

11) т. е. написать письмо съ условнымъ ключомъ. Тургеневъ категорически отрицалъ потомъ полученіе отъ Бакунина какого бы то ни было словаря, но онъ, несомнѣнно, его получилъ.

на русской границѣ. Это несомнѣнно дойдетъ до тебя. Я жду тебя, Antonie. Деньги къ тебѣ прійдутъ прежде этого письма. Не задумывайся-другъ, не медли — собирайся въ дорогу и поѣзжай прямо въ Прямухино — черезъ Казань, Нижній-Новгородъ, Москву и Тверь, въ 30 верстахъ отъ города Торжка; а если хочешь ѣхать покойнѣе—въ Перми садись на пароходъ и на пароходахъ доѣдешь прямо до Твери. Ты пробудешь нѣсколько дней больше въ дорогѣ, но зато поѣдешь гораздо покойнѣе и, кажется, дешевле. Отъ Прямухина до меня рукой подать—и мы скоро, пожалуй, еще въ сентябрѣ, будемъ вмѣстѣ—я буду счастливъ. Сердце мое по тебѣ изныло. Я днемъ и ночью вижу только тебя. Лишь только ты пріѣдешь ко мнѣ, мы съ тобой поѣдемъ въ Италію—тамъ и дешевле, и веселѣе, и дѣла будетъ много. Не бойся, душенька, и горничная дѣвушка у тебя будетъ, и жить чѣмъ будетъ—только пріѣзжай. Не пора ли будетъ и брату Александру¹⁾ ѣхать въ университетъ? Какъ бы хорошо, если-бъ онъ поѣхалъ съ тобою въ Россію. Въ Прямухинѣ въ общемъ совѣтомъ рѣшили бы, куда ему окончательно ѣхать: въ Москву ли, въ Петербургъ? Я²⁾ начинаю думать, что лучше въ Петербургъ. Тамъ мой добрый, умный пріятель, полякъ, профессоръ Калиновскій—который теперь здѣсь и общается мнѣ выхлопотать Александру стипендію, т. е. даровое содержаніе. Въ Питерѣ также и Маткевичъ. Пользуясь опорой и совѣтами такихъ положительныхъ, умныхъ людей, добрыхъ поляковъ, но умѣренныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ, Саша пойдетъ хорошо.

Что-жъ, мои милые, рѣшайтесь³⁾. Грустно вамъ будетъ и съ Антосей и съ Сашей разставаться — да надо, для ихъ же блага надо. Да и вы сами, я въ этомъ увѣренъ, не останетесь долго въ Сибири, въ такомъ безмѣрномъ разстояніи отъ насъ всѣхъ. Ужъ одинъ большой и очень дѣльный капиталистъ, взявшій у меня родъ докладной записки о панѣ Ксаверіѣ⁴⁾, общается мнѣ достать ему въ Россіи, гдѣ-нибудь, на Югѣ, и выгодное, и твердое, и вмѣстѣ безопасное мѣсто. Тамъ встрѣчается много поляковъ, и Зося и Юлька⁴⁾ легче найдутъ добрыхъ мужей. Къ тому-жъ желѣзныя дороги связываютъ югъ Россіи съ Москвою и съ Петербургомъ. Итакъ, рѣшитесь, друзья, — отпустите брата Александра съ Антосей — онъ ей и кавалеромъ послужитъ, да и дешевле будетъ.

Антося, жду тебя, будь умна, рѣшительна. Казенныхъ препятствій ты не встрѣтишь—было бы и незаконно и глупо, а если-бъ тебя захотѣли остановить — на что-жъ умъ и воля. Я жду тебя—пріѣзжай только въ Россію, въ Прямухино—тамъ у тебя въ друзьяхъ недостатка не будетъ. Да заberi съ собою мою записку къ Маткевичу, чтобъ онъ видѣлъ, что уѣзжая изъ Сибири, я его не забылъ. Ты непременно постарайся увидѣться съ нимъ въ Петербургѣ — и сама рекомендую ему брата Александра.

Мои милые, Зося, Мама, Раро — грустно и тяжело вамъ будетъ, но

¹⁾ Братъ жены Бакунина, Квятковскій.

²⁾ Здѣсь Бакунинъ обращается къ роднымъ своей жены, у которыхъ она и жила тогда въ Иркутскѣ.

³⁾ Отецъ жены Бакунина.

⁴⁾ Сестры жены.

не унывайте, вѣрьте, что я непрестанно о васъ думаю и не успокоюсь, пока не перетяну васъ поближе къ намъ. Право, теперь ни пространства, ни вѣчныя разлуки не существуютъ. Вы опять молчите. Пишите-жѣ чаще и отдавайте письма Болеславу Казиміровичу ¹⁾. Отдайте ему прилагаемое письмо ²⁾. -- Его письмо меня тронуло. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, добрый и благородный столько же, сколько и умный человѣкъ. Онъ будетъ, надѣюсь, вамъ совѣтомъ и помощью, пока вы останетесь въ Сибири. А что Василій Петровичъ ³⁾? Бываетъ ли онъ у васъ? Я въ этомъ увѣренъ. Скажите ему, что я люблю и уважаю его по прежнему. Я написалъ ему нѣсколько писемъ—но отвѣта еще не получалъ, и потому придержусь теперь. А Модестъ Николаевичъ ³⁾ и милая жена ³⁾ его, гдѣ они теперь?—И имъ также много писалъ, и отъ нихъ также ни слова. Обнимите ихъ, если они еще въ Иркутскѣ. Обнимите и нашего друга и почтеннаго друга Ть-каго ³⁾—этотъ вамъ никогда не измѣнить.

Зося, вообрази себѣ, какая жалость: я не только послалъ тебѣ съ тѣмъ пугливымъ путешественникомъ ⁴⁾ особенное длинное письмо,—но вложилъ еще въ него, какъ рѣдкость, *дружескую записку* отъ Garibaldi—и все это было имъ безжалостно истреблено. — Mais ce n'est que partie remise. Теперь не пишу особенно потому, что спѣшу, но при первомъ случаѣ и постоянно буду тебѣ много писать, милый другъ—и буду тебѣ постоянно посылать и интересныя автографіи и фотографіи. Получила ли ты мою первую посылку, состоявшую изъ оригинальныхъ американскихъ конвертовъ и изъ множества американскихъ портретовъ?

Антося, другъ неоцѣненный, пріѣзжай, скорѣй пріѣзжай.

Твой М. Б.

Милые мои, пишите-жѣ чаще, непременно разъ въ двѣ недѣли—а ты, Зося, обязана мнѣ каждый разъ отдавать подробный отчетъ до послѣднихъ мелочей въ вашихъ занятяхъ, жизни, новыхъ и старыхъ знакомствахъ, въ сплетняхъ, удовольствіяхъ и непріятностяхъ— всю чистую правду—также подробно, какъ ты писала, бывало, кузинѣ уродцу Катѣ.

Обнимаю васъ вмѣстѣ и каждого на перечетъ крѣпко.

VIII.

Б. К. Кукелю.

*14/2 июля 1862—Londonъ.
10 Paddington. Green. W.*

Болеславъ Казиміровичъ!—На-дняхъ, къ большому моему сожалѣнію, я узналъ, что длинное письмо, посланное мною вамъ съ однимъ рус-

¹⁾ Кукелю, начальнику штаба войскъ, расположенныхъ въ Восточной Сибири.

²⁾ Приводится ниже.

³⁾ Неизвѣстно, кто эти лица.

⁴⁾ Имя вторично упоминаемаго пугливаго путешественника, взявшагося передать въ Россію нѣсколько писемъ Бакунина и вмѣсто того уничтожившаго ихъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

скимъ путешественникомъ, съ приложеніемъ моей фотографіи, которую и здѣсь прилагаю, было истреблено имъ съ другими письмами на русской границѣ. Теперь не успѣю написать вамъ много—только нѣсколько словъ.

Я спѣшу выразить вамъ мою глубокую благодарность за ваше доброе, благородное письмо. Да, я былъ виноватъ передъ вами, судить васъ несправедливо и приношу вамъ въ томъ мое полное, искреннее покаяніе.—Простите меня и будемте друзьями, теперь pour tout de bon, до гроба. Съ вниманіемъ я прочелъ все, что вы говорите о себѣ—да, трудно ваше положеніе—но потерпите еще немного, не спѣшите пока-мѣсть въ Польшу—дайте обрисоваться нѣсколько новому направленію подъ предводительствомъ В. К. К. Н. ¹⁾, чтобъ узнать напередъ, можетъ-ли добрый полякъ съ нимъ помириться—не то пропадете, какъ пропалъ Крыжановскій, какъ пропало тамъ много порядочныхъ людей. Польша теперь страшно заѣдаетъ людей—Qui sait attendre sera puissant.—Теперь еще переходное положеніе, а такія положенія бываютъ опасны—кто сумѣетъ потерпѣть да выждать, тотъ будетъ паномъ. Впрочемъ, и времени терять не надо—готовьте себѣ тамъ мѣсто, но вступите на него только тогда, когда все станетъ яснѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нашей польской политикѣ, да и вообще во всей иностранной политикѣ, теперь совершается переломъ. Несомнѣненъ союзъ съ Франціею, а это значитъ союзъ противъ нѣмцевъ и противъ Англіи,—значитъ, славянская политика, разумѣется отравленная Наполеоновскою и Петербургскою микстурою,—а, все-таки, лучше, чѣмъ нѣмецкая.—Поляки, если, будутъ умны, могутъ много выиграть: Галицію, Познань, Западную Пруссію, а со временемъ, можетъ быть, и Литву.—Хорошо бы было если-бъ вы прежде прожили немного въ Петербургѣ—тамъ легче рассмотреть. Съ графомъ ²⁾ я иногда переписываюсь—онъ все будируетъ и живетъ во Франціи, теперь, кажется, въ Крейцнахѣ. Я не потерялъ моей вѣры въ него, дай Богъ чтобъ онъ только вѣрилъ въ себя,—и искалъ бы своего пути на широкой дорогѣ, а не въ придворныхъ проселкахъ: наше время страшно ѣстъ людей.—На первый разъ довольно объ общихъ вопросахъ.

Теперь къ моему дорогому, частному.—Да, Болеславъ Казиміровичъ, я рассчитываю на васъ не только, чтобъ выпроводить мою жену изъ Иркутска, какъ можно скорѣе, въ іюлѣ, съ *вѣрными и приличными попутчиками*—но надѣюсь, что въ нашемъ отсутствіи вы будете другомъ, совѣтникомъ и, гдѣ можно, помощникомъ ея, нашей милой семьи.—Нужно ли мнѣ говорить вамъ, что все, что вы сдѣлаете для жены, для всѣхъ нашихъ, будетъ принято мною, какъ благодарѣніе мнѣ лично, и что моя благодарность никогда не умретъ въ сердцѣ моемъ. Когда вы получите это письмо, жена получитъ. Итакъ, мѣшкать нечего.—Отправляйте ее немедленно въ путь.

Въ замѣнъ моей фотографіи — пришлите мнѣ непременно вашу и Екатерины Васильевны и Надежды Терентьевны ²⁾ и Василю Василье-

¹⁾ Великій князь Константинъ Николаевичъ.

²⁾ Неизвѣстно кто.

вича ¹⁾),—которымъ прошу передать мой дружескій поклонъ.—Въ истребленномъ письмѣ я жалѣлъ о томъ, что совершенно по недосмотру, вслѣдствіе недостатка матеріала, въ „Колоколѣ“ прошла преглупая статья о Сибири, гдѣ зацѣплены и Корсаковъ и многіе другіе. Я побранился съ Герценомъ и съ тѣхъ поръ положено, что ни одна сибирская статья не будетъ помѣщена безъ моего предварительнаго просмотра. Читали ли вы мою статью въ „Колоколѣ“, подъ заглавіемъ: „Къ русскимъ, польскимъ и славянскимъ друзьямъ“?—Напишите мнѣ, какое она произвела на васъ впечатлѣніе. Она имѣла, впрочемъ, хорошій результатъ. Наши отношенія, союзъ нашъ съ поляками, становятся каждый день тѣснѣе и серьезнѣе. Однимъ словомъ, всѣ дѣла подвигаются впередъ—иногда медленно, но вѣрно и твердо. Итакъ, все ладно. Пришлите мнѣ только мою жену—и пишите какъ можно чаще, будете ли въ Польшѣ или въ Сибири. Я буду вамъ отвѣчать аккуратно—дайте мнѣ только адресъ какого-нибудь Вашего друга въ Петербургѣ, чтобъ могли предавать ему мои письма.

Обнимаю васъ отъ всей души.

Вашъ М. Б.

IX.

Н. С. Бакуниной.

Милая Natalie, нарочно распечаталъ письмо, чтобъ еще прибавить нѣсколько словъ ²⁾. Сейчасъ получилъ письмо, отъ брата Александра ³⁾ изъ Флоренціи—кажется, съ нимъ совершился спасительный кризисъ и онъ хочетъ ѣхать въ Россію.—Бѣда—денегъ нѣтъ. Онъ пишетъ, что у него всего только 160 франковъ въ карманѣ! Съ этимъ онъ не доѣдетъ.—У меня-жъ, пожалуй, и есть деньги, да не мои, а славянскія, т. е. посвященныя разными лицами на славянское дѣло. Ты видишь, сумма священная.—Я не позволяю себѣ истратить изъ нея на себя ни копѣйки, но мнѣ кажется такъ важно для спасенія его, чтобъ онъ немедленно ѣхалъ къ вамъ, что я готовъ ссудить ему франковъ 500—только ради Бога возвратите ихъ мнѣ какъ можно скорѣе.—Еще разъ для меня это дѣло чести, дѣло священное.—Итакъ, вотъ какъ рѣшимъ.

Это письмо дойдетъ до васъ, вѣроятно, около 20 іюня по вашему, т. е. черезъ двѣ недѣли.—Если вамъ будетъ возможно, пошлите ему *немедленно* 200 руб. серебромъ. Онъ ихъ получитъ около 27-го іюня, т. е. черезъ три недѣли.—Я ему сейчасъ же напишу, чтобъ онъ подождалъ бы еще недѣли три, и если онъ въ концѣ іюня по старому стилю, по нашему въ первой половинѣ іюля, не получитъ отъ васъ денегъ, то нечего дѣлать—я дамъ ему франковъ 500 изъ славянскихъ. Рѣшусь на

¹⁾ Неизвѣстно кто.

²⁾ Письма, къ которому настоящее приписано, нѣтъ.

³⁾ Братъ Бакунина.

это потому, что знаю, до какой степени ему во всѣхъ отношеніяхъ необходимо ѣхать въ Россію.—Вы, безъ сомнѣнія, знаете, что онъ въ Италіи былъ страстно влюбленъ.—Что у него тамъ случилось, чѣмъ все это кончилось—я не знаю. Онъ прервалъ, было, со мной всякую переписку,—*en sauvage qu'il a été et qu'il est toujours*.—Ну, да не въ этомъ дѣло. Прилагаю его письмо, оно вамъ лучше всего покажетъ состояніе его духа.—А съ нимъ, вѣдь, шутить не слѣдуетъ, онъ на всякое сумасшествіе способенъ. Намъ его не надо,—наша жизнь строга и безъ вознагражденія—ему нужна еще поэзія.—У насъ ее, къ несчастію, нѣтъ. У васъ онъ найдетъ любовь да родной міръ, къ которому онъ страстно привязанъ—братья, сестры, ты, моя милая сестра,—всѣ вмѣстѣ вы его оживите—и между вами онъ можетъ сдѣлаться человѣкомъ.—Пусть же ѣдетъ къ вамъ—а мнѣ въ замѣнъ дайте вы мнѣ мою *Antonie*. Не медлите, друзья, не берите грѣха на свою душу—и не равнодушничайте тамъ, гдѣ равнодушіе измѣна. Энергією, доброю волею все дѣлается. Но вы разучили меня полагаться на вашу энергію да на ваше участіе и на вашу добрую волю—и потому я долженъ былъ выбрать себѣ посредниковъ и болѣе вѣрныхъ друзей, на которыхъ исключительно полагаюсь—и васъ только прошу не мѣшать, а если доброй воли станетъ, то хоть сколько нибудь помочь имъ ¹⁾).

Обнимаю васъ всѣхъ—М. Б.

Х.

Н. С. Бакуниной.

16 іюня.

Ну, *Natalie*, помиримся.—Постараюсь написать нѣсколько словъ не бранясь—Надо-жъ, наконецъ, побѣдить сварливый характеръ.

Познакомься ты хорошенько съ Налбандовымъ, приласкай его.—Онъ золотой человѣкъ—весь душа и весь преданность. Ты, я думаю, полюбишь его съ перваго раза. Вотъ И. С. Тургеневъ, напр., другое дѣло—онъ также очень добръ, да Богъ и знаетъ, что Богъ. Онъ и уменъ и любезенъ, да помнить себя—нѣтъ той святой простоты, что въ Налбандовѣ, который беретъ не умомъ, а сердцемъ—хотя, пожалуй, какъ истый армянинъ, и очень хитеръ, когда надо. Письма моего къ нему ты не отсылай по почтѣ, лучше удержи у себя,—или нѣтъ, лучше отдай Тургеневу, или вели передать въ Петербургъ-жъ: *г-ну Хафавову*, на Васильевскомъ островѣ, въ Биржевомъ переулкѣ, въ домѣ Мѣняева, подъ № 46, для передачи Петру Александровичу Цурикову ²⁾).

Я радъ, что ты встрѣтилась съ другомъ моимъ Гейнрихомъ Краевскимъ.—Ты просто обворожила его.—Онъ называетъ тебя: *„ange de Dieu*

¹⁾ Т. е. Тургеневу и Налбандову.

²⁾ Т. е. Налбандову.

descendu sur la terre“. Ты, въ самомъ дѣлѣ, должно быть, славная. Natalie,—всѣ тебя любятъ и отъ тебя безъ ума. Не прійдется, кажется, намъ встрѣтиться съ тобою. Ну, такъ будемъ друзьями вдали—хоть и много теорій между нами—теоріи бы еще ничего, да нынче то время практическое—а обманывать себя нечего; идемъ мы, правда, къ одной цѣли, но совершенно различными путями. Я не осуждаю пути братьевъ,—пусть же они постараются не осуждать и моей тропинки. А главное, пусть они вѣрятъ лично мнѣ, такъ же, какъ я опять готовъ вѣрить въ нихъ,—или лучше сказать, какъ не переставалъ вѣрить имъ, во всемъ, что не до меня, а до общаго дѣла касалось. Ну, да объясняться болѣе не стану, а то опять допишусь до брани.

Скажу-жъ что-нибудь и о моей настоящей дѣятельности. Я исключительно занимаюсь вопросомъ польскимъ и русскимъ и общеславянскимъ дѣломъ, проповѣдую систематически и по горячему убѣжденію ненависть къ нѣмцамъ,—и говорю, какъ Вольтеръ про Бога: „s'il n'y avait point d'Allemande, nous devrions les indénier“—потому что, ничто такъ не способно соединить славянъ между собою, какъ коренная ненависть къ нимъ. Лишь только прійдетъ жена, отправлюсь въ Италію—гдѣ стану связывать итальянцевъ съ славянами. По этому предмету я ужъ нахожусь съ Garibaldi въ дружеской перепискѣ. Въ Италіи и женѣ будетъ веселѣе, и жить дешевле, и дѣла много. Можетъ быть, зимою рѣшусь посѣтить и турецкія владѣнія. Моя-жъ специальная страсть это—разрушеніе Австріи. Авось, такъ или иначе удовлетворится.

Милая Natalie, прилагаю еще письмоцо къ моему сибирскому пріятелю, поляку, доктору Фердинанду Леопольдовичу Маткевичу. — Онъ хорошо знакомъ съ г. Калиновскимъ. Адресъ его: Въ Медико-хирургической Академіи на Петербургской сторонѣ. Прошу тебя черезъ какого-нибудь знакомаго разузнать о немъ и позови его къ себѣ, и собственно-ручно передай ему мое письмо. Ты найдешь въ немъ чрезвычайно умнаго, образованнаго и благороднаго молодого человѣка. Я съ нимъ не такъ друженъ, какъ съ Краевскимъ, но провелъ съ нимъ много пріятныхъ минутъ. Онъ хорошо знаетъ жену и все семейство ея. Познакомъ его съ Павломъ¹⁾ и, если можно будетъ, пригласите его въ Прямухино.

Ну, прощай, моя милая сестра,

Твой братъ и, право, другъ

М. Бак.

Обними за меня маменьку и сестеръ, а также крѣпко и всѣхъ братьевъ.

XI.

Ф. Л. Маткевичу.

16/4 июня 1862 г.—Лондонъ.

10. Paddington Green, W.

Маткевичъ! Вѣроятно, жена не успѣла переслать тебѣ моего прощальнаго письма изъ Иркутска. Ты, безъ сомнѣнія, отвѣчалъ бы мнѣ

¹⁾ Братъ Бакунина, мужъ Наталіи Семеновны.

И ты и я—мы теперь въ новыхъ мірахъ — на свѣжемъ воздухѣ, въ которомъ для мелкихъ ссоръ, порожденныхъ душною томскою атмосферою, не можетъ быть мѣста. Итакъ, я обращаюсь къ тебѣ, какъ къ старому другу, съ полной увѣренностью, что ты подашь мнѣ руку. Я радъ былъ, очень радъ, узнавъ отъ К.¹⁾, что ты теперь въ Петербургѣ. Надѣюсь, что ты былъ радъ, узнавъ, что я въ Лондонѣ. Время серьезное. Вспомни наши частые разговоры—время переводить слова на дѣло. Болтуновъ много—умныхъ дѣятелей мало. Мы съ тобой не болтуны. Не подадимъ ли другъ другу руки и на дѣло? Ты, безъ сомнѣнія, читалъ мою статью ²⁾. Оставивъ въ сторонѣ чисто социальную часть вопроса, которая на первый разъ касается исключительно Великой Руси, — неужели ты со мной не согласенъ въ другихъ частяхъ?—Мы ведемъ здѣсь игру чистую, безъ *arrière pensées, cartes sur table*. Неужели-жъ вы не поймете, что вамъ можно, что вамъ должно съ нами соединиться?—Перечти въ исторіи Мохнацкаго, что онъ говоритъ о *Stosunkach spiskowych moskiewskich z Polakami*—второго изданія томъ второй, стр. 99, 101—102, и 90—и спроси себя, не пришло ли такое-жъ, лучшее время и суждено ли вамъ сдѣлать ту-жъ ошибку?

Расширьте-жъ голову и сердце свое. Пожалуйста, отвѣчай мнѣ не только, какъ полякъ, но какъ старый другъ—безъ обиняковъ, съ полною откровенностію. А случай ты найдешь легко; если-жъ самъ не сумѣешь найти, то отдай свое письмо Наталіи Семеновнѣ Бакуниной, женѣ брата Павла, которая собственноручно передастъ тебѣ это письмо. Постарайся съ нею, а черезъ нее съ братьями сблизиться. Она, надѣюсь, будетъ стараться о томъ же.

Жена, вѣроятно, будетъ въ Петербургѣ въ августѣ или въ сентябрѣ, чтобъ ѣхать ко мнѣ. Не правда ли, вѣдь, ты постараешься встрѣтить ее? Она передастъ тебѣ мое письмо, писанное нѣсколько дней передъ моимъ отъѣздомъ или, лучше сказать, бѣгствомъ. А у меня будетъ до тебя просьба, Маткевичъ. К. сказалъ мнѣ, что ты, по всей вѣроятности, пробудешь нѣсколько лѣтъ въ Питерѣ. — Я уговариваю Юлію Михайловну ³⁾ послать Сашу, брата Antonie, въ Петербургскій университетъ. Будь ему путеводителемъ и старшимъ братомъ, чтобъ онъ сдѣлался добрымъ полякомъ, и вмѣстѣ не руссоѣдомъ, -- а главное—пиши мнѣ. Обнимаю тебя съ старымъ чувствомъ и старою дружбою.

М. Бак.

¹⁾ Калиновскаго.

²⁾ Рѣчь идетъ о статьѣ „Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ братьямъ“, которой Бакунинъ справедливо придавалъ большое значеніе.

³⁾ Квятковскую, мать своей жены.

XII.

Н. С. Бакуниной.

16/4 июня 1862—London.

10. Paddington Green. W.

Милая Natalie, короткій отвѣтъ на твое послѣднее, очаровавшее, глубоко тронувшее и устыдившее меня письмо ты ужъ получила.—Да, я виновата передъ братьями. Но войди жъ ты и въ мое положеніе. Вотъ ужъ годъ, какъ я оставилъ мою бѣдную жену въ Иркутскѣ, и все: молчаніе братьевъ, ихъ непонятная для меня до сихъ поръ упорная неохота написать ей нѣсколько ободрительныхъ словъ,—письмо Николая къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу, и наконецъ, множество разныхъ другъ друга подтверждающихъ слуховъ, и даже твое послѣднее письмо, въ которомъ ты говоришь о женѣ моей и о томъ, что знаешь о ней только мелькомъ—все это не должно ли было потрясти во мнѣ вѣру не въ благодѣтельство и не въ чистоту, но въ дружбу братьевъ?—Да, я до сихъ поръ еще ея не чувствую и признаю ее, только вѣря тебѣ.—И не могу не повторить, что она мнѣ измѣнила въ дѣлѣ, въ которомъ я на нее болѣе всего надѣялся и въ которомъ она была мнѣ болѣе всего нужна.—Вѣдь, я по старости лѣтъ естественнымъ образомъ перешелъ изъ вѣры апостола Павла на вѣру Якова. Къ тому-жъ теперь время не словъ, а дѣла, а жена моя все сидитъ въ Иркутскѣ и никто не попытался еще уяснить: пустить ли ее правительство?—Однимъ словомъ, мои братья дѣйствовали во всемъ этомъ дѣлѣ, *наиболѣе близкомъ моему сердцу*, не какъ братья, отчасти же какъ резонеры, а болѣею частію, какъ совершенно равнодушные чужіе. — Я солгалъ бы, если-бъ сказалъ, что чувствую иначе.—Ты видишь, Natalie, я неисправимъ. Но не сомнѣвайся въ сердцѣ моемъ и въ моей любви ко всѣмъ вамъ—только сердце во мнѣ глубоко оскорблено, уязвлено, и потому слова любви становятся, право, по волѣ словами горькаго упрека.

Ну, да довольно объясненій. Прошедшее позабудемъ, а поговоримъ о настоящемъ.

Милая сестра, ты, вѣроятно, видѣла ужъ И. С. Тургенева и Налбандова.—На этихъ двухъ людей я полагаюсь исключительно.—Они пошлютъ нужныя деньги и, думаю, ужъ послали. Помоги имъ пожалуйста. Если маменька еще не написала женѣ, уговори ее какъ-нибудь, чтобъ она ей написала, и чтобъ позвала ее въ Прямухино, — сестеръ также, — скажи имъ, что она останется въ Прямухинѣ не долго, и потому много безпокойствъ не причинитъ никому.—И ты также ей напиши одно изъ тѣхъ милыхъ и добрыхъ писемъ, которыми ты умѣешь пробуждать и любовь и вѣру въ сердцахъ. Вѣдь ей, бѣдной, будетъ холодно между чужими родными.—И, пожалуйста, въ этомъ дѣлѣ, единственно ея и меня касающемся, не давай себя увлекать ничьими противоположными разсужденіями, какъ бы они, впрочемъ, умны и разсудительны ни казались.

Она *хочетъ* ѣхать, я *хочу*, чтобъ она пріѣхала ко мнѣ немедленно. Кто этому противенъ, тотъ мнѣ врагъ и тому ненависть моя непримиримая.— Я жертвъ не требую, прошу только о томъ, чтобъ не было помѣхи,—тебя-жъ прошу о помощи—если помочь этому дѣлу тебѣ покажется возможнымъ.—Деньги получить она не позже начала іюля—въ августѣ она будетъ въ Прямухинѣ—а въ сентябрѣ я долженъ встрѣтить ее въ Парижѣ. Понимаю, какъ тебѣ будетъ непріятно писать объ этомъ Михаилу Семеновичу ¹⁾, которому такъ легко будетъ помочь ей выѣхать изъ Иркутска съ приличными и добрыми попутчиками, но надѣюсь, все-таки, что ты это сдѣлаешь или по крайней (мѣрѣ?) попросишь маменьку свою ему написать.—Однимъ словомъ, крѣпко надѣюсь на Тургенева и на Налбандова, но надѣюсь также и на тебя. Мнѣ очень жаль, что я не получилъ письма Павла—можетъ быть, оно мнѣ дало бы возможность писать иначе, чѣмъ я теперь пишу. Да, мы давно разучились понимать другъ друга съ братомъ Павломъ, а теперь мы оба такъ стары, что ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ надежды на перемѣну. Теоретическое и практически-политическое сближеніе между нами мнѣ кажется невозможнымъ. Личное свиданіе, можетъ быть, еще могло бы произвести чудо—тогда бы, можетъ быть, мы опять почувствовали другъ друга. Вѣдь для любви не надо много словъ — а уразумѣніе черезъ письма дѣло трудное.—Вонъ съ Александромъ мы встрѣтились и даже ничего другъ въ другѣ не поняли. Я понялъ только, что онъ боленъ и тѣломъ и духомъ, старался уговорить его, оставивъ общія разсужденія въ сторонѣ, сохранить со мною братское любовное отношеніе,—написалъ ему нѣсколько писемъ,—но, не получая отвѣта, пересталъ писать. Итакъ, пришлось жить въ полномъ разъединеніи съ тѣмъ, кого я любилъ всю жизнь. Пусть будетъ такъ. Пойдемъ каждый своею дорогою, но сохранимъ вѣру въ благородство и въ чистоту стремленій другъ друга.

Прощай, Natalie, еще разъ, надѣюсь на тебя твой братъ **М. В.**

Передай, пожалуйста, прилагаемое письмо или Тургеневу или Налбандову, а если ни того ни другого нѣтъ въ Петербургѣ, перешли, какъ знаешь, Налбандову.

ХІІІ.

М. Л. Налбандову.

16/4 іюня 1862. London.
10. Paddington Green. W.

Любезный другъ, Вы добрый и вѣрный другъ! На васъ разстояніе не дѣйствуетъ и такъ же горячо чувствуете вы вдаль, какъ вблизи. На васъ и вся надежда. Время уходитъ, а жена должна быть непременно въ Парижѣ, куда ѣхать я, наконецъ, получилъ разрѣшеніе въ сентябрѣ или ужъ никакъ не позже октября. Разсудите: деньги она получить

¹⁾ Корсакову.

ровно мѣсяцъ спустя по отправкѣ ихъ изъ Петербурга, двѣ недѣли на сборы и на пріисканіе попутчиковъ, мѣсяцъ на дорогу изъ Иркутска къ матушкѣ въ деревню—и потомъ за границу. Итакъ, времени терять нечего. Я надѣюсь, что И. С. и вы послали ужъ ей деньги, т. е. 1500 рубл.—Теперь надо думать о средствахъ препровожденія ея изъ Россіи за границу. Вся надежда на васъ да на И. С. Вы, безъ сомнѣнія, видѣлись уже или съ братомъ Павломъ, или съ женою его, Натальей Семеновной, которая теперь живетъ въ Петербургѣ (кажется на Сергіевской въ домъ Бактыши-Каменскаго), передали имъ мои письма и переговоры съ ними о чемъ слѣдуетъ. Будьте со мной вполне откровенны, я прошу васъ объ этомъ, я этого требую отъ васъ именемъ нашей дружбы. Скажите: справедливы были въ какомъ бы то ни было отношеніи мои жалобы на нихъ или нѣтъ?—Почему они не писали женѣ? Почему они мнѣ не писали? Почему вообще оказали себя во всемъ этомъ дѣлѣ и въ отношеніи къ ней и въ отношеніи ко мнѣ столь мало охотными и рачительными?—Холодъ ли, неумѣніе или то и другое вмѣстѣ были тому причиною?—Скажите правду, и какъ бы я желалъ, чтобъ правда эта была въ ихъ пользу.—Всю жизнь я вѣрилъ въ нихъ, трудно отвыкать подъ старость отъ любимой привычки, но во всякомъ случаѣ, именемъ дружбы я требую отъ васъ правды.

Еще разъ, на васъ и на И. С. вся надежда—дайте мнѣ мою жену.—Я не пишу теперь ему особенно—недавно писалъ—но жду его письма—и вашихъ писемъ, многихъ и частыхъ писемъ,—милый другъ мой,—чтобъ я зналъ о каждомъ дѣйствіи, о каждомъ шагѣ впередъ въ этомъ дорогомъ для меня дѣлѣ. Врядъ ли это письмо застанетъ васъ въ Петербургѣ. Брошюры ваши я получилъ только на дняхъ,—и дня черезъ четыре отошлю къ вамъ двѣ. Костеровъ ¹⁾ также взялся переслать вамъ нѣсколько экземпляровъ.

Или нѣтъ, буду лучше писать вамъ по словарю И. С.—перепишите и будемъ употреблять его, онъ полнѣе и удобнѣе.—Итакъ, лишь только пріѣдетъ Лизавета Семеновна, ²⁾ Сергій Павловичъ Крапоткинъ ²⁾ отправится къ Валентинѣ ³⁾, съ которой у него завязались теперь большія дѣла въ компаніи съ Ростиславомъ Ростиславовичемъ ²⁾—у нихъ даже и денежки завелись. Singli Gentleman крѣпко о нихъ, а также и объ Агафоклѣ ²⁾ нашей заботится.—А что вы скажете про путешествіе Рюмина ³⁾ въ Александровское ⁴⁾? и про новую, кажется, тѣсную дружбу Варвары Трофимовны ²⁾ съ M-lle Julie Boret ²⁾? Не одобровать Ивану Ивановичу ²⁾—и Ростиславу ²⁾, пожалуй, лучше, да также и не безопасно Онъ долженъ глядѣть въ оба.—Даже Левъ Львовичъ ²⁾ видимо поумнѣлъ—ищетъ дружбы Ростислава, и отказался громогласно отъ своихъ исключительныхъ неумѣстныхъ требованій. Агафоклея очень больна, не поможетъ ей даже и дружба miss Fenny Eygerton ²⁾,—а Леонтина Васильевна ²⁾ въ страшныхъ тревогахъ.—Что-то подѣлываетъ Евгенія Марковна ²⁾?—О ней ни слуха ни духа.

¹⁾ Т. е. Огаревъ.

²⁾ Неизвѣстно, кто эти лица.

³⁾ Т. е. Великій князь Константинъ Николаевичъ.

⁴⁾ Т. е. Варшава.

Это письмо достанется вамъ изъ рукъ въ руки, но вы его сожгите.—Я нарочно употребилъ словарь, данный мною И. С., чтобъ вы его переписали—онъ намъ будетъ полезенъ.—Прибавлю еще, что мы наконецъ, встрѣтили нѣсколькихъ людей изъ самаго Александровскаго, съ которыми могли тѣсно связаться—и сдружились также съ проживающею тамъ Вѣрою Николаевною, которая не только съ нами согласна, но положительно съ самоотверженіемъ геройскимъ требуетъ дѣла ¹⁾. Берегите вы, какъ зеницу ока, Петра Александровича Цурикова ²⁾, онъ чловѣкъ золотой.

Ну, вотъ вамъ, любезный другъ, навралъ вамъ съ три короба, читайте да разбирайте.

Возвращаюсь къ моему дѣлу. Обдумайте напередъ планъ, т. е. время, дорогу, спутника, для препровожденія жены изъ Россіи за границу. Хорошо бы было, если-бъ спутникомъ могли быть вы!—Переговорите обо всемъ съ И. С. и [моими?—слово не разобрано]—Постарайтесь сблизиться съ Натальей Семеновной. Она, кажется, золотая душа.

Прощайте

Вашъ М.

XIV.

Н. С. Бакуниной.

20/8 июня 1862 г.—Лондонъ.

10. Paddington Green. W.

Милая Наташа, ты видишь, какъ я расписался. Прилагаю письмо къ И. С. Тургеневу,—надписанное И. С. Т.—Прочти его, и передай ему, если онъ въ Петербургѣ, а если его нѣтъ, передай Налбандову, а если и того нѣтъ и ты не имѣешь *вѣрнаго* случая препроводить письмо или тому или другому—то сохрани до ихъ пріѣзда или передай, пожалуй, маркизу де-Траверсе, если ты съ нимъ знакома, въ такомъ только случаѣ, когда онъ будетъ имѣть возможность письмо имъ доставить, а иначе держи его у себя. Ты увидишь изъ него мои настоятельныя и окончательныя желанія, и я надѣюсь, что такъ какъ онѣ касаются до дѣла исключительно моего, то Прямухинская премудрость передъ ними преклонится.

Милая сестра, не брани меня, не сердись на меня.—Я васъ, право, люблю по прежнему; но пересталъ на васъ полагаться, потому что пересталъ васъ понимать—а въ этомъ дѣлѣ я ни ждать, ни шутить, ни диспутировать не могу.—И сердце и умъ говорятъ мнѣ, что я долженъ дѣлать. Въ моемъ дѣлѣ да будетъ же *моя* воля. А все-таки, несмотря на всѣ мои жестокости и грубости, знай во мнѣ горячаго и неизмѣннаго друга,—который, ты видишь, тебѣ грубилъ и, все-таки, даетъ тебѣ

¹⁾ Рѣчь идетъ, разумѣется, о полякахъ изъ Варшавы.

²⁾ Т. е. Налбандова.

порученія безцеремонно. Видно, вѣра въ васъ во мнѣ крѣпка, что не смотря на все, я все еще вѣрю. *Credo quia absurdum est.*—Кажется такъ по латыни, спроси братьевъ. Если ты не знакома еще ни съ И. С. Тургеневымъ, ни съ Налбандовымъ, ни съ маркизомъ де-Траверсе, то прошу тебя, *Natalie*, познакомься съ ними, особливо съ двумя первыми, позови ихъ просто къ себѣ, черезъ-кого нибудь, хоть моимъ именемъ. Адресъ Налбандова ты найдешь въ другомъ пакетѣ, а адресъ И. С. легко узнать—онъ знаменитость. Всѣ говорятъ и пишутъ, что братья скоро будутъ выпущены на свободу, Слава Богу. Въ „*Revue des deux Mondes*“ о нихъ есть статья, о нихъ и о всемъ [слово не разобрано] движеніи. Обними ихъ за меня.

Твой братъ и другъ М. Б.

XV.

И. С. Тургеневу.

И. С. Т.

20/3 іюня 1862—Лондонъ.

Мой милый другъ, спасибо тебѣ. Сегодня получилъ твое письмо и сейчасъ же сажусь за столъ и отвѣчаю тебѣ—благо, есть вѣрный случай. Только боюсь, что это письмо ужъ не застанетъ тебя въ Питерѣ. Спасибо тебѣ, добрый и вѣрный другъ. Но въ письмѣ твоёмъ одно меня озадачило: черезъ шесть недѣль, пишешь ты—значить, жена получить деньги не прежде половины вашего августа.—Значить, она будетъ въ Прямухинѣ не прежде конца сентября или даже начала октября.—А еще, если въ концѣ августа или въ первыхъ числахъ сентября изъ Иркутска въ Россію не будетъ случая—одна она никакимъ образомъ не можетъ ѣхать, а попутчики не растутъ, какъ грибы. Да и не со всякимъ попутчикомъ можно будетъ ей ѣхать. Кромѣ того, ты, кажется, вмѣстѣ съ братьями положилъ, что она должна будетъ остаться въ моемъ семействѣ на неопредѣленное время, т. е. до тѣхъ поръ, пока я не стану Крезомъ¹⁾.—Я ни съ тобой, ни съ ними не могу согласиться.—Вѣдь ты знаешь, что мы и въ политикѣ враги всякой регламентаціи сверху, такъ ради Бога-жъ не регламентируйте вы моей жизни!—А если я, по вашему, дѣлаю глупость, предоставьте мнѣ право глупости—а я, согласно съ желаніемъ жены, положилъ, что она должна ѣхать ко мнѣ не въ Лондонъ, а въ Парижъ, куда, благодаря одному серу и Мериме, я, наконецъ, получилъ позволеніе явиться. Она должна выѣхать ко мнѣ изъ Прямухина, отдохнувъ тамъ двѣ, много три недѣли.—У меня на то причинъ множество. Во-первыхъ, и это главное, мы того хотимъ. Во-

¹⁾ Въ свой пріѣздъ въ Петербургъ Тургеневъ, исполняя просьбу Бакунина, видѣлся съ его братьями. Для этого свѣ обратился къ генералъ-губернатору кн. Суворову, откровенно объяснивъ, почему свиданіе необходимо. Съ него было взято слово, что разговоръ будетъ касаться исключительно однихъ частныхъ дѣлъ. Тургеневъ выяснилъ, что братья вполне сочувствуютъ пріѣзду жены Михаила и даже готовы помочь ей денежно.

вторыхъ, потому, что въ такомъ дѣлѣ, при такихъ разстояніяхъ и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ,—откладывать и разсчитывать на дальнія болѣе удобныя обстоятельства просто дѣтски и глупо. Нынче много-много, что за три мѣсяца впередъ разсчитывать можно. И потому надо дѣйствовать рѣшительно, опредѣленно, ясно—не теряя ни одного дня, ни одной минуты. Такъ я дѣйствовать и намѣренъ—и требую отъ тебя и Н. ¹⁾ именемъ дружбы, чтобы ее ни минуты лишней не задерживали. А будемъ мы существовать по возможности и по лучшему умѣнію, и, увѣренъ,—не пропадемъ.—Итакъ, другъ, прошу тебя именемъ всѣхъ святыхъ, ради Бога спиши посылкою денегъ—какъ ты писалъ: 1500 руб въ Иркутскъ—а тамъ постарайся достать еще руб. 500—если у братьевъ ихъ не будетъ—чтобъ, не откладывая, дать возможность женѣ выѣхать изъ Россіи за границу.—Вѣдь, она должна и за границу ѣхать съ кѣмъ-нибудь—и это нужно вамъ будетъ устроить. На способность братьевъ устраивать я по всему испытанному ужъ совѣмъ болѣе не полагаюсь.

Наконецъ, вѣрно ли то, что правительство не воспротивится ея поѣздкѣ за границу?—Я видѣлъ здѣсь нѣкоторыхъ серьезныхъ людей, которые въ этомъ сомнѣваются сильно.—Тогда пужно будетъ ее просто выкрасть. А тамъ подъ деморализующимъ вліяніемъ моихъ разсудительныхъ братцевъ, а, можетъ, и по собственному движенію, заговорить о выжиданіяхъ и объ откладываніяхъ. Нѣтъ, братъ, ковать надо желѣзо пока горячо. Вѣдь, вы не вѣрите въ движеніе воды,—вы въ лѣсу, а потому за деревьями лѣса не видите—а мы издали видимъ, что васъ ужъ буря захватываетъ.—Скоро будетъ поздно устраивать да перевозить—да и правительство можетъ сдѣлаться злѣе.—Итакъ, я рѣшительно не соглашаюсь ни на какія оттягиванія, а требую именемъ дружбы дѣйствія быстрого и рѣшительнаго—а будущее въ рукахъ Божиихъ. Захочетъ сохранить и помиловать, такъ помилуетъ. Итакъ, пошлите ей если можно *немедленно* 1500 руб. въ Иркутскъ, дайте ей 500 руб. и добрыхъ попутчиковъ изъ Россіи за границу, устройте какъ можно вѣрнѣе и скорѣе ея поѣздку за границу—и я вамъ поклонюсь въ ножки. Меньшаго я отъ васъ не жду, а большаго требовать не стану, но это мнѣ нужно.

Прощай, другъ, обнимаю и благодарю тебя отъ всей души, у насъ всѣ здоровы—а вы какъ?

Твой М. Б.

XVI.

Н. С. Бакуниной.

5-го іюля
23-го іюня 1862—London.
10. Paddington Green. W.

Милая Natalie!—Ты видишь, какъ я расписался: еле прошла недѣля послѣ отправки моего послѣдняго письма и вотъ тебѣ опять письмо

¹⁾ Нагбандова.

*Съ нею увидаюсь скоро — но со мною Богъ знаетъ гдѣ и когда —
 „Сердцемъ же будемъ всегда вмѣстѣ“.
 М. Бакунинъ.*

М. А. БАКУНИНЪ съ женой.

Надпись на портретѣ:

„Съ нею увидаюсь скоро — но со мною Богъ знаетъ гдѣ и когда —
 сердцемъ же будемъ всегда вмѣстѣ“.

М. Бакунинъ.

3 Юня 1861—Иркутскъ.

отъ меня—и очень можетъ быть, что это письмо прійдетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, если не прежде его. Податель этого письма—Павелъ Александровичъ Ветошниковъ, служащій въ конторѣ С-тъ Петербургскихъ не-гоціантовъ Groom, Gregori & Comp. (тамъ же и его адресъ, тамъ его отыскать можешь, если-бъ онъ не засталъ тебя дома)—человѣкъ очень вѣрный, намъ преданный и для насъ драгоцѣнный. Черезъ него ты можешь безопасно получать отъ меня, писать мнѣ и посылать всякія письма каждую недѣлю. Только ради Бога будь осторожна и никому въ мірѣ, кромѣ Павла, не говори о немъ. Еще Налбандову можешь сказать, если онъ въ Петербургѣ ¹⁾.—Да, кстати, прошу тебя, жги рѣшительно всѣ мои письма, особливо тѣ, въ которыхъ названы имена,—выписавъ изъ нихъ предварительно, въ самой невинной формѣ, что сохранить нужно.—Теперь время очень опасное и дамы не свободны отъ обысковъ—и потому дорожить письмами да бумагами нечего.

Что это у васъ дѣлается и неужели студенты участвовали въ пожарахъ?—А, впрочемъ, дивиться нечего: на глупость сверху отвѣчаетъ изувѣрство снизу. Молодежь еще далеко не дисциплинирована и, главное, къ несчастію, еще не понимаетъ, что она не народъ—и что продукты ея непереваренныхъ теоретическихъ воззрѣній далеко не выражаютъ ни народнаго инстинкта, ни народной воли. Дошло до меня, что у васъ многіе приписываютъ мнѣ и нелѣпыя прокламаціи и преступныя, потому что безцѣльные, пожары. — Въ другое время я надъ этимъ сталъ бы смѣяться, но теперь дѣло иное: время серьезное и ничѣмъ пренебрегать не слѣдуетъ. Очень можетъ быть, что само правительство распускаетъ такіе слухи, чтобъ имѣть предлогъ поступать съ братьями по-строже.—И, наконецъ, я не могу молчать на такія уродливыя обвиненія. Вслѣдствіе этого, на-дняхъ явится въ „Колоколѣ“ моя статья подъ названіемъ—„Наше положеніе, нѣсколько словъ о доктринеризмѣ революціонеровъ“. Не сердись на меня, Natalie, она рѣзко написана.—Я молчалъ сколько могъ, но теперь молчать не могу. Сегодня узнали по телеграфу о попыткѣ убить В. К. Константина Николаевича въ Варшавѣ.—И тамъ также недисциплинированная молодежь,—и что еще болѣе—молодежь, разъяренная послѣдними оскорбленіями женщинъ, дѣвушекъ, которыхъ по всему царству хватили десятками за пѣніе гимновъ въ церквахъ, приводили въ полицію и тамъ публично, т. е. при офицерахъ и солдатахъ, раздѣвали, подъ предлогомъ исканія бумагъ,—а потомъ ссылали въ разные монастыри—и чуть ли не образовалось общество фанатическихъ молодыхъ людей съ цѣлю убивать всѣхъ главныхъ русскихъ людей... По моему, этотъ выстрѣлъ — промахъ ужасный — въѣдь Константинъ ²⁾ не успѣлъ еще высказаться. Тяжелое время, сурово и страшно, и чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ грознѣе.

Будемъ же любить другъ друга и вѣрить другъ въ друга, чтобъ намъ было и легче и веселѣй... Будемъ крѣпки другъ другомъ. Послѣ

¹⁾ П. А. Ветошниковъ везъ не только письма Бакунина, но и Герцена, Огарева и Кельсиева. По чьему-то доносу, онъ былъ арестованъ на границѣ и привезенъ въ Петербургъ. Отсюда начались дѣла Чернышевскаго, Н. А. Серно-Соловьевича, Тургенева и многихъ другихъ.

²⁾ Николаевичъ.

трехъ или четырехъ худыхъ писемъ, написанныхъ мною въ послѣднее время, включая послѣднее,—я съ братьями, съ Прямухиномъ совѣмъ примирился. Пусть же и они простятъ меня, пусть они поймутъ, какъ невыносимо тяжело мнѣ не знать ничего о моей бѣдной женѣ и оставаться на ея счетъ въ такой глухой, тупой, безвыходной неопредѣленности. Но теперь вы, кажется, взялись за дѣло рѣшительно. Спасибо вамъ, спасибо тебѣ, Natalie. Теперь надѣюсь съ нею скоро увидѣться.— Налбандовъ мнѣ пишетъ, что онъ далъ тебѣ 300 руб.,—что маркизь хотѣлъ дать 200. И. С. Тургеневъ²—прислать 500, а, наконецъ, братья положить 500.—Но такимъ образомъ, скоро ли вы соберете нужные деньги?—Дастъ ли маркизь, прилетѣть ли Тургеневъ и успѣютъ ли оборотиться братья?

Думалъ я, думалъ, и вотъ на что я рѣшился.—Возму я у Герцена завтра въ займы 80 фунтовъ стерлинговъ, немного болѣе 2000 франковъ, болѣе 500 руб. серебромъ—и пошлю тебѣ съ г-номъ Ветошниковымъ. Такимъ образомъ у тебя, можетъ быть, къ прїѣзду его соберется около 1500 руб. сер. И тогда, милая Natalie, умоляю тебя, не теряя минуты, пошли ихъ къ женѣ и зови ее немедленно въ Прямухино. За отсутствіемъ Михаила Семеновича¹), пошли ихъ вмѣстѣ съ письмомъ отъ тебя, по почтѣ къ генералу Болеславу Казиміровичу Кукелю, съ просьбою передать ихъ Антоніѣ Кеаверіевнѣ²), безъ фамиліи,—съ просьбою также помочь ей какъ можно приличнѣе и покойнѣе выбраться изъ Иркутска и съ означеніемъ адреса добраго человѣка (еще лучше дамы) въ Москвѣ или въ Твери, который препроводитъ ее въ Прямухино,—для того, чтобъ она, моя бѣдная и неопытная, не затерялась въ дикомъ для нея мірѣ.—Если и безъ моихъ 80 фунт. стерл. у тебя ужъ собралось 1500 рубл. или когда они соберутся, отошли мнѣ, черезъ того же Ветошникова мои 80 фунт. ст. назадъ.—*но только въ такомъ случаѣ, если по расчету братьевъ, съ помощью друзей вамъ будетъ возможно дать ей еще 500 руб. на дорогу изъ Прямухина за границу,—иначе удержи ихъ у себя и пусть они ей послужатъ на эту дорогу.*—Въ Прямухинѣ пусть Antonie остается не болѣе двухъ недѣль, много три недѣли, а тамъ прямо ко мнѣ. Если-жъ правительство захочетъ ее задержать, то я ее съ помощью друзей выкраду. Она у меня молодецъ,—не даромъ поляка.—Милый другъ, ты видишь, я не теряю ни вѣры, ни духа и ничего не боюсь—неизвѣстность только одна тяжела и притупляетъ во мнѣ всѣ способности—и потому прошу тебя, пиши чаще, увѣдомляй меня шагъ за шагомъ обо всемъ, что будетъ сдѣлано, обо всемъ, что будетъ тебѣ извѣстно... не о женѣ только, но и о братьяхъ... скоро ли ихъ выпустятъ, и не помѣшаетъ ли ихъ дѣлу реакція, естественно вытекающая изъ пожаръ?

Я хочу поговорить съ тобой еще о другомъ предметѣ: въ какомъ положеніи дѣла братьевъ? Есть ли у нихъ, есть ли у меня что-нибудь?—Послѣ заплаты долга Бенардини. Извольскому, въ Вост. Сибири, включая деньги, которые вы пошлете женѣ, — останется ли на мою долю

1) Корсакова.

2) Женѣ Бакунина.

500 руб., необходимых для ея поѣздки за границу? Не передержать ли ужъ я болѣе, чѣмъ мнѣ приходится—и по теперешнему состоянію имѣнія приходится ли мнѣ вообще что-нибудь?—Вѣдь я ни за что въ мірѣ не хочу, чтобъ братья, семейство жертвовали собою мнѣ.—Между другими такіе вопросы были бы щекотливы, между нами не можетъ быть такой щекотливости. Вѣдь, между нами не можетъ быть ни тѣни, ни сомнѣнія, ни несправедливости. Пусть Павелъ напишетъ мнѣ въ короткихъ словахъ, какой у меня плюсъ, какой—минусъ, и, если есть плюсъ, какой онъ не по праву, а факту—безъ доказательствъ, потому что—еще разъ—доказательства между нами излишни и взаимной вѣрѣ, по крайней мѣрѣ въ денежныхъ дѣлахъ, нѣтъ и не можетъ быть границъ. Мнѣ необходимы эти нѣсколько словъ о дѣлахъ не для повѣрки, а для приведенія въ совершенную ясность своего положенія.—Хотѣлось бы мнѣ знать также, чѣмъ и какъ будутъ жить братья, все семейство. Ты, безъ сомнѣнія, ужъ получила мое письмо о братѣ Александрѣ? Будете ли вы въ состояніи послать ему 200 руб. на его возвращеніе въ Россію?—Если нѣтъ, сейчасъ же напиши. Я постараюсь его отправить, а это для него необходимо. Теперь ты можешь писать мнѣ часто, путь тебѣ открытъ вѣрный и скорый: Ветошниковъ—лишь была бы охота.—Да, милая Natalie,—напишите что-нибудь о сестрахъ, о маменькѣ. Вѣдь, я о нихъ ничего, ничего не знаю и разучился ждать отъ нихъ писемъ.

Ну, ну, ничего, молчаніе... а то опять браниться стану.—Да пусть же Павелъ, наконецъ, напишетъ ко мнѣ,—да не теоретическое, а доброе, фактическое письмо. Вѣдь, въ письмахъ убѣждать и разубѣждать въ принципахъ трудно—а любовь, живая любовь, право, лучше всякой теории, я же здѣсь жажду любви, а потому и бранюсь, что давно не чувствовалъ родной любви. И на тебя бѣдную, невинную, великодушную упала вся моя брань. Прости меня, Natalie.

Милая сестра, я жду съ нетерпѣніемъ писемъ твоихъ: извѣстій о женѣ, о тебѣ, о братьяхъ, о Прямухинѣ.

Прощай обнимаю тебя

Твой братъ и другъ

М. Б.

Отдай маркизу прилагаемое письмо.—Познакомилась ли ты съ нимъ? Если онъ захочетъ отвѣчать мнѣ, то возьми у него письмо,—(не говоря какимъ образомъ ты намѣрена отослать его, т. е. о Ветошниковѣ) и пошли вмѣстѣ съ своимъ,—а маркизу скажи, что черезъ вѣрнаго путешественника.

Денегъ теперь не посылаю, потому что у Герцена самого нѣтъ.—Но если нужно, дай сейчасъ знать. Тогда сейчасъ же пришлю.

XVII.

М. Л. Налбандову.

5 *июля* 1862 г.
23 *июня*

Любезный другъ--посылаю вамъ еще 10 экземпляровъ поваренной

книги ¹⁾. Всего посланныхъ будетъ теперь 14. Если пожелаете, пришлю еще болѣе. Спасибо вамъ за все, что вы сдѣлали для Маріи Осиповны. ²⁾—Брыкаловъ ³⁾ надѣется теперь съ нею скоро встрѣтиться—онъ увѣренъ, что вы спать не станете и до тѣхъ поръ не успокоитесь, пока не докончите дѣла. — Надѣется даже, что вы сами привезете ее изъ Рыбнаго. ⁴⁾ — Только боялся онъ, что на собраніе нужной суммы понадобится болѣе времени, чѣмъ назначено, и потому взять у Прейвата ⁵⁾ 80 фунтовъ, которые онъ и посылаетъ Олимпіѣ Сергѣевнѣ ⁶⁾ съ подателемъ этого письма, Павломъ Александровичемъ Ветошниковымъ (спросить въ конторѣ Froom Gregory et Comp. въ Петербургѣ), котораго я вамъ рекомендую, какъ совсѣмъ вѣрнаго человѣка, черезъ котораго можете вести вашу торговую корреспонденцію ⁷⁾.—Познакомьтесь съ нимъ поближе.

Дѣла идутъ ни то, ни се; сало упало — пшеница поднялась немного ⁸⁾. — Здѣсь не знаютъ, что думать о вашихъ пожарахъ.—Неужели студенты въ самомъ дѣлѣ участвовали въ нихъ? Что-то не вѣрится. Напишите о себѣ, какъ живете, гдѣ когда будете? Когда возвратитесь въ Питеръ?—Если посылаемые 80 фунтовъ не нужны, если можно обойтись безъ нихъ, пусть Олимпія Сергѣевна пришлетъ ихъ обратно. Впрочемъ, я самъ пишу ей объ этомъ, а вы поговорите.

Прощайте, преданный вамъ

Леонъ

XVIII.

М. Л. Налбандову.

6 июля
24 июня Лондонъ 1862.

10. Paddington Green. W.

Любезный другъ—спасибо Вамъ за участіе, принимаемое вами въ моемъ дѣлѣ.—Но зачѣмъ же Вы не пишете? Если не знаете какъ, то отдавайте свои письма Натальѣ Семеновнѣ, съ которой Вы, безъ сомнѣнія, познакомились и которая передать Вамъ это письмо.—Пишите же и подробнѣе, и скорѣе.—Будете ли Вы къ намъ или нѣтъ? Какъ ваши дѣла—общія и частныя? Успокоились ли Вы немного—что M-l Albrecht? Неужели все предается мечтамъ педагогическимъ? Не совращайтесь

¹⁾ На самомъ дѣлѣ посылалось сочиненіе на армянскомъ языкѣ Симеона Маникьяна „Земледѣліе“, направленное противъ русскаго правительства.

²⁾ Т. е. жена Бакунина.

³⁾ Т. е. самъ Бакунинъ.

⁴⁾ т. е. Прямухина.

⁵⁾ т. е. А. И. Герцена.

⁶⁾ т. е. женѣ Бакунина.

⁷⁾ Деньги, какъ мы уже видѣли, не посылались.

⁸⁾ Вставлено просто для приданія письму коммерческой дѣловитости.

сами съ тернистаго, но едино истиннаго пути—любите и не забывайте, преданнаго Вамъ

П. Курдюмова.

XIX.

И. С. Тургеневу.

23 октября 1862 г. Londres 10.
Paddington Green. W.

Ты правъ, Тургеневъ, прекратимъ бесполезныя разсужденія о вопросахъ политическихъ, которые насъ только раздраживаютъ, ссорять и ни на шагъ не подвигаютъ. Мы оба слишкомъ стары, чтобы мѣнять шкуру, останемся каждый при своей старой, но также останемся и друзьями. Правда, что въ этой дружбѣ весь выигрышъ мой, ты для меня много дѣлаешь, я же для тебя сдѣлать ничего не могу. Но пусть будетъ это неравенство, лишь бы оно не надоѣло тебѣ, я съ нимъ мирюсь, и въ доказательство сейчасъ же начинаю говорить о своихъ дѣлахъ.

Наконецъ, послѣ долгаго, долгаго молчанія, я получилъ письмо не отъ братьевъ, которые остаются вѣрны, если не старой дружбѣ, то, по крайней мѣрѣ, новому равнодушію, но отъ жены, изъ Иркутска, отъ 5 июня. Вотъ что она мнѣ пишетъ: она совсѣмъ было собралась ѣхать въ Россію, еще до полученія денегъ, своими средствами, или, вѣрнѣе, средствами своихъ родителей, но ея не пустили, объявивъ, что надо напередъ испросить соизволенія верховной власти,—однимъ словомъ не дали паспорта. Она—въ отчаяніи. Правда, что въ это время Корсаковъ былъ на Амурѣ, и мѣсто его временно занимать ограниченный формалистъ николаевскій, генераль Жуковскій.—правда, что передъ отъѣздомъ своимъ Корсаковъ обѣщалъ ей выдать паспортъ не въ Лондонѣ и не въ С.-Петербургѣ, а въ Тверь, тѣмъ не менѣе, обстоятельства могли измѣниться, а съ ними вмѣстѣ и гуморъ правительства. У нея въ Иркутскѣ дѣятельныхъ помощниковъ нѣтъ, братья спятъ сномъ молодечкинымъ, и если ты черезъ своихъ друзей, умныхъ и хорошихъ, о которыхъ ты пишешь, мнѣ не поможешь, я, право, не буду знать, куда дѣваться и что дѣлать съ своимъ горемъ. Жена пишетъ, что она послала въ Петербургъ просьбу о дозволеніи ей выѣхать изъ Сибири, или что начальство сдѣлало запросъ, навѣрное не знаю, потому что она говоритъ объ этомъ съ женскою безтолковостью.

Все это въ высшей степени нелѣпо и бесполезно, и глупо и незаконно. Но вѣдь у насъ, не въ укоръ вашей милости, законъ, даже прословутый проектъ о юридическихъ и гражданскихъ реформахъ,—ловушка, чтобы отвлечь вниманіе отъ дѣйствительно повсюду вводимаго военнаго положенія,—это ясно, какъ ты самъ еще лучше меня знаешь, вздоръ, одинъ произволъ, глупый, дикій, безстыдный произволъ. Ужъ если они мнѣ дѣлаютъ честь меня бояться, то, по крайней мѣрѣ, они должны бы были понять, что человѣкъ съ женою въ сто кратъ безопас-

нѣе человѣка безъ жены. Тургеневъ, помоги,—и разузнай и помоги,—а если можешь, чрезъ кого-нибудь жигани братьевъ, чтобы они наконецъ проснулись, устыдились и поняли, что мало быть добрыми людьми, и что вѣра безъ дѣла мертва есть. Пусть же наконецъ они мнѣ напишутъ хоть слово не о своихъ политически-философскихъ стремленіяхъ, до которыхъ мнѣ, право, нѣтъ дѣла, но о моихъ дѣлахъ, о моей женѣ, о томъ, что они сдѣлали и собираются сдѣлать для того, чтобы освободить ее.

Правительство не разсердится на братьевъ, которые пишутъ брату о предметѣ, столь дорогомъ для него, какъ жена. Само наше правительство, пожалуй, удивится ихъ добродѣтельной скромности и воздержанности, которую, за неимѣніемъ русскаго слова, я, пожалуй, готовъ окрестить словомъ: „lâcheté“. Братъ Павелъ въ отвѣтъ на мои безчисленныя, измученныя письма, въ которыхъ я умолялъ ихъ всѣхъ объ извѣстіяхъ о женѣ, о помощи ей, о тепломъ для нея словѣ,—братъ Павелъ послалъ мнѣ, правда, въ началѣ нынѣшняго лѣта длинную, длинную философскую диссертацию, но она до меня не доплыла. Должно быть на дорогѣ пропала. Укралъ ее какой-нибудь нѣмецъ, а онъ, вѣроятно, пишетъ другую. А сестра жены пишетъ, что она, бѣдная, съ тоски заболѣла. Вѣдь, право, можно съ ума сойти. Помоги, Тургеневъ.

Другая моя забота—Налбандовъ: говорятъ, что онъ былъ въ Петропавловской крѣпости, а теперь пропалъ, никто не знаетъ куда. Узнай Тургеневъ. Вотъ видишь ли, и безъ политики наполнилъ цѣлое письмо, а подъ конецъ тебя обнимаю и на тебя уповаю.

Твой М. Б.

Годы Скорби.

(Воспоминанія матери).

Я знаю, что эти воспоминанія заставляют меня вновь страдать и вновь переживать прошедшее, но вѣдь это жизнь не моя только, а многихъ... Не мнѣ одной пришлось на самой себѣ испытать желѣзную руку правительственнаго режима; такихъ, какъ я, несчастныхъ матерей, тысячи... И потому мой искренній рассказъ можетъ имѣть нѣкоторое значеніе... Иначе, какой интересъ былъ бы въ горестяхъ одного изъ милліоновъ людей?

Первый громъ для моей семьи грянулъ въ 1897 году. До тѣхъ поръ мы жили, какъ всѣ тогда жили въ провинціи: безъ особыхъ заботъ, безъ особыхъ общественныхъ интересовъ, безъ запросовъ... такъ себѣ, изо дня въ день, какъ живутъ чиновники. Мужъ мой служилъ по министерству юстиціи на западной окраинѣ и получалъ хорошее содержаніе. Это былъ человѣкъ интеллигентный, чрезвычайно чуткій къ справедливому и широкому толкованію законовъ, не видѣвшій никакой разницы между евреемъ, русскимъ и полякомъ, между интеллигентомъ и рабочимъ, между богачемъ и бѣднякомъ. Какъ судья, онъ очень скоро приобрѣлъ популярность среди запуганнаго населенія этого края, и его и въ глаза, и за глаза стали называть: «зацны сендая», т. е. честный судья.

И дѣйствительно, за всю свою двадцатилѣтнюю службу въ западномъ краѣ, онъ ни разу въ своихъ рѣшеніяхъ не покривилъ душой и не поддавался волѣ начальства, за что также скоро среди сослуживцевъ приобрѣлъ славу человѣка неуживчиваго и краснаго, что его, впрочемъ, вислолько не огорчало.

Пока наши дѣти учились и подростали, повторяю, въ нашей жизни—кромѣ обыденныхъ заботъ о здоровьи, благоудобствахъ и воспитаніи дѣтей—ничего особеннаго не было. Но вотъ наши два старшіе сына отправились въ Петербургъ—одинъ въ Горный институтъ, другой въ Университетъ, и тотчасъ же наша жизнь переломилась на двое: мирное существованіе стало областью прошедшаго, и въ жизнь ворвалась цѣлая буря новыхъ заботъ, тревогъ и волненій.

Въ Петербургѣ уже тогда начиналось броженіе, окончившееся переживаемой нами революціей. Неудовлетворительность постановки высшаго образованія, стѣсненіе учащейся молодежи въ ея самыхъ естественныхъ порывахъ къ общему благу, нелѣпая тиранія, терзавшая нервы молодыхъ людей,—все давало обильную пищу для негодованія юнымъ сердцамъ. Тогда уже разразилась бурная исторія по поводу постановки памятника Муравьеву-Вѣстителю въ Вильнѣ. Я упомяну объ ней лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Затѣянная высшей администраціей постановка въ Вильнѣ памятника Муравьеву, несмотря на свою громадную безтактность, быть можетъ, и не имѣла бы большихъ послѣдствій, если бы не недостойное желаніе выслужиться и показать передъ начальствомъ свой квасной патріотизмъ, со стороны нѣсколькихъ варшавскихъ профессоровъ пославшихъ привѣтственную телеграмму отъ имени университета.

Надо вспомнить какъ ненавистно имя Муравьева каждому коренному поляку, когда почти въ каждой польской семьѣ хранится память о погибшемъ отъ руки палача членѣ семейства, какъ не заживаемы эти раны въ такомъ чуткомъ народѣ, чтобы понять, какое глубокое оскорбленіе было нанесено цѣлой націи этимъ памятникомъ «висѣльнику», какъ зовутъ Муравьева поляки!

Но забытый народъ притаился и молчалъ, и только учащаяся молодежь глухо заволновалась. Въ отвѣтъ ей откликнулись Петербургскій и Московскій университеты, а за ними и все провинціальныя. Можно думать, что эта исторія послужила какъ бы толчкомъ къ долготѣннымъ волненіямъ: со времени муравьевской исторіи университетская молодежь Россіи не переставала волноваться и до настоящаго дня, хотя причины волненій—разныя. Эта же исторія рѣшила судьбу и моихъ дѣтей. Первый ихъ арестъ и сопряженный съ нимъ обыскъ оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе.

Это случилось въ 1897 году. Наступили Рождественскіе праздники, и мы съ мужемъ съ нетерпѣніемъ ждали сыновей нашихъ на зимніе каникулы. Они были такъ юны, такъ недавно оторвались отъ родной семьи! Интересно было посмотреть, какъ кипучая петербургская жизнь отразилась на нихъ, какъ употребили они свою свободу. За три дня до праздника они пріѣхали жизнерадостные, полные новыхъ впечатлѣній и надеждъ. Мы съ мужемъ положительно не узнавали ихъ, такъ они возмужали и развились во время нашей разлуки: въ нихъ проснулось самосознаніе, и они сильно интересовались общественными вопросами. И слушая ихъ живыя, смѣлыя рѣчи, мы обмѣнивались съ мужемъ горделивыми взглядами: въ ихъ словахъ сквозила такая горячая жажда добра, такое яркое стремленіе къ правдѣ и свѣту, что возражать намъ было нечего, и мы чувствовали себя счастливыми, видя, что изъ нашихъ дѣтей выйдутъ хорошіе, честные дѣятели, полезные граждане нашей родины. Мы и не по-

дозрѣвали, какъ горько мы ошибались: родинѣ нужны горячіе, честные дѣятели, но правительству они не нужны. Мы съ мужемъ поняли это потомъ, но въ этотъ вечеръ мы были счастливы. Увы! Мы не могли подозрѣвать, что то былъ послѣдній счастливый и спокойный вечеръ въ нашей жизни!

Около часу ночи, послѣ самыхъ оживленныхъ бесѣдъ, мы рѣшились, наконецъ, разойтись по своимъ комнатамъ. Лампы были потушены—я стала раздѣваться. Какъ вдругъ среди наступившей тишины раздался громкій, рѣзкій звонокъ. Подумавъ, что это телеграмма, я поспѣшила въ переднюю. Горничная уже была у двери и спрашивала: «Кто тамъ?»—«Полиція» раздалось изъ-за двери, громко и властно. Наша жизнь текла такъ мирно, и мы такъ мало имѣли сношеній съ этимъ учрежденіемъ, что я только удивилась, но не испугалась. Но за дверью раздавался сердитый голосъ: «Скорѣе! отворяйте!»

Пока дверь отворяли, я инстинктивно бросилась въ комнату сыновей; они спѣшно одѣвались, около нихъ стоялъ озадаченный мужъ. Въ это время раздалось звенящее шпорами шаги, и въ комнату вошелъ сопровождаемый полиціей, понятыми и дворникомъ жандармскій полковникъ Утгофъ.

— Извините,—элегантно расшаркался онъ.—По предписанію начальства, я долженъ произвести обыскъ.

Мы съ мужемъ съ ужасомъ переглянулись. Тогда было не то, что теперь, когда обыски и аресты стали обыденнымъ явленіемъ. Въ то время обыскъ у правительственнаго чиновника былъ случаемъ рѣдкимъ. И какъ описать то чувство униженія и негодованія, какое нами овладѣло при этомъ первомъ насиліи? Кто можетъ спокойно перенести, что въ вашемъ домашнемъ очагѣ не остается ничего святаго: всѣ вещи перетроганы, фотографіи близкихъ перехватаны и перекиданы, ваша интимная переписка перечитана, ваши дѣти оцупаны чужими грубыми руками! Я, по крайней мѣрѣ, испытывала такое чувство, какъ будто меня раздѣли до гола и вывели такъ на площадь.

До сихъ поръ еще, при воспоминаніи объ обыскѣ, я не могу отдѣлаться отъ мучительнаго чувства стыда и униженія! Къ тому же онъ сопровождался совершенно непонятнымъ многолудствомъ: въ квартирѣ нашей сновало и распоряжалось человѣкъ двѣнадцать, на кухнѣ оставалось шесть человѣкъ на запасъ, при каждой двери стояло по жандарму, да и домъ былъ оцѣпленъ со всѣхъ сторонъ. И все это только для того, чтобы захватить двухъ беззащитныхъ юношей... Когда полковникъ перерылъ дорожную корзину моихъ сыновей, онъ нашелъ въ ней нѣсколько воззваній къ варшавскимъ профессорамъ, отъ высшихъ учебныхъ заведеній, по поводу профессорской телеграммы.

Въ пять часовъ утра, послѣ самыхъ тщательныхъ поисковъ, причемъ младшіе дѣти шести и семи лѣтъ были подняты жандармами съ постелей для осмотра ихъ матрацевъ и подушекъ, полковникъ обратился къ сыновьямъ:

— Проститесь съ родителями—вы поѣдете со мной!

Съ рыданіемъ обняли мы своихъ дѣтей. Они были блѣдны, но спокойны. Полковникъ распаркался, дверь отворилась, онъ пропустилъ ихъ впередъ, за нимъ двинулась вся свора и... дѣтей нашихъ не стало!..

Съ тоской прошлась я по комнатамъ: все было сдвинуто съ мѣста, опрокинуто, скатерти сброшены со столовъ, диванныя подушки распороты; вездѣ были пятна грязныхъ ногъ, мокрыхъ слѣдовъ... Не вѣрилось, что это нашъ такой мирный и уютный до сихъ поръ домашній очагъ! Я взглянула на мужа и испугалась: смертельно блѣдный, онъ судорожно хватался за грудь—ему не хватало воздуха! Поспѣшно уложивъ его въ постель, я послала за докторомъ.

Ночь прошла, мужъ заснулъ, но я не могла успокоиться... Гдѣ теперь мои дѣти? Что ждетъ ихъ? Но къ чувству скорби примѣшивалось и чувство глубокаго негодованія противъ совершеннаго насилія... Если виновны были наши сыновья, то мы съ мужемъ ни въ чемъ не были замѣшаны, почему же и за что было намъ нанесено такое оскорбленіе? Если, по словамъ полковника, ихъ арестовали по телеграммѣ изъ Петербурга, то почему же и не обыскали на мѣстѣ, или даже въ вагонѣ? Почему дали имъ пріѣхать домой, чтобы затѣмъ ворваться въ мирное жилище, среди ночи поднять весь домъ на ноги и встревожить лицъ, ни къ чему не причастныхъ? Если эти протесты должны были быть разсматриваемы, какъ преступленіе, то почему не отобрали ихъ ранѣе, чѣмъ сыновья наши переступили порогъ родительскаго дома? Волнуемая душившимъ меня негодованіемъ, я ушла въ свою комнату и, написавъ въ одинъ присѣтъ письмо съ жалобой на это насиліе генераль-губернатору, я приклеила марку и сама бросила письмо въ ящикъ.

Въ то время генераль-губернаторомъ Западнаго края былъ князь Имеретинскій, одинъ изъ наиболѣе гуманныхъ правителей этого несчастнаго края, несчастнаго потому, что цѣлый рядъ генераль-губернаторовъ, изъ которыхъ на первыя мѣста надо поставить генераловъ Гурко, а впослѣдствіи Черткова, проводили идею руссификаціи совершенно аракеевскими пріемами. Одна національность «русскій» давала массу привилегій и ставила лицо превыше закона. За двадцать лѣтъ жизни въ краѣ мы съ мужемъ всего насмотрѣлись: насиліе, грубые пріемы, окрики, кулаки—все было дозволено русскимъ, все пускалось въ ходъ. Не разъ мужъ мой, возвратясь со службы, съ негодованіемъ рассказывалъ о неслыханномъ произволѣ полиціи, противъ которой никакой управы не было, и приводилъ такіе факты, отъ которыхъ становилось стыдно, что самъ русскій! При князѣ Имеретинскомъ впервые для поляковъ наступило нѣчто похожее на снисходительность и вниманіе къ національнымъ нуждамъ. Князь принималъ поляковъ охотно, толковалъ съ ними и мало-по-малу допускалъ нѣкоторые облегченія. Такъ, разрѣшено было

въ учебныхъ заведеніяхъ молиться на родномъ языкѣ, перестали преслѣдовать учащихся, говорившихъ во время рекреации между собою по-польски и т. д.

Вотъ почему я и обратилась къ нему съ письмомъ по поводу произведеннаго въ нашемъ домѣ обыска. Будь это позднѣе, на-примѣръ, при генералѣ Чертковѣ, мнѣ и въ голову бы не пришло протестовать, такъ какъ тогда произволъ только поощрялся.

Въ письмѣ моемъ я описывала происшедшее и обращалась къ князю съ вопросомъ, что происходитъ на чердакахъ и въ подвалахъ, если подобное насиліе возможно въ домѣ правитель-ственного чиновника?

Къ чести князя Имеретинскаго, надо сказать, что онъ не оставилъ моего письма безъ вниманія. Онъ потребовалъ къ себѣ прокурора палаты и жандармскаго генерала для объясненій и прислалъ къ намъ своего адъютанта съ выраженіемъ сожалѣнія о случившемся, и не прошло трехъ дней, какъ наши сыновья были выпущены изъ цитадели и возвращены намъ.

Праздники мы провели вмѣстѣ и старались отдохнуть отъ пережитыхъ волненій. Но этотъ обыскъ и арестъ не остались безъ слѣда въ юныхъ сердцахъ моихъ дѣтей: всѣ подробности обыска постоянно служили предметомъ ихъ бесѣдъ, и глаза ихъ загорались враждою къ произволу, допускающему постановку памятника ненавистному дѣлому населенію человѣку и не допускающему ни малѣйшаго протеста по этому поводу.

Возмущались сыновья наши, а мы съ мужемъ и не пытались удерживать ихъ: факты были налицо, и сказать намъ было нечего. Съ грустью проводили мы ихъ въ Петербургъ: по настроенію ихъ было видно, что они на этомъ не останутся.

И дѣйствительно, не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ въ февралѣ 1898 года мы получили отъ младшаго сына извѣстіе, что старшій арестованъ. Я выѣхала въ Петербургъ.

Я была совершенно незнакома съ тѣмъ міромъ, вращаться въ которомъ мнѣ было отнынѣ суждено: тюрьма, штыки, солдаты, жандармы были для меня понятіями отвлеченными, извѣстными лишь по наименованію. Поэтому, пріѣхавъ въ Петербургъ, я по неопытности потеряла много времени: если я обращалась въ охранное отдѣленіе, то меня посылали въ жандармское управленіе; отсюда направляли опять въ только что покинутую охрану. Здѣсь совѣтовали обратиться къ жандармскому генералу. Тутъ я узнавала, что онъ принимаетъ посѣтителей не иначе, какъ въ назначенные дни и часы. При тревожномъ моемъ состояніи это было сущей пыткой. Наконецъ я, какъ жена юриста, рѣшилась обратиться къ прокурору палаты. Былъ-ли онъ мягче жандармовъ или горе мое на него подѣйствовало, но я вышла отъ него съ разрѣшеніемъ свиданія съ сыномъ. Вообще, я тогда еще впервые ознакомилась съ главною особенностью дѣятельности жандармовъ: обставлять дѣло, хотя бы оно выѣденнаго яйца не стоило, необычайной таинственностью и въ тысячу разъ преувеличивать

его серьезность и значеніе. Когда жандармы говорятъ съ родителями политиковъ, то они всегда сулятъ каторгу и смертную казнь и, въ лучшемъ случаѣ, Восточную Сибирь.

Такъ и теперь, когда я просила о свиданіи, мнѣ въ отвѣтъ тайноушвенно пожимали плечами, вздыхали, качали головой и, находя невозможнымъ удовлетвореніе моей просьбы, отсылали отъ одного къ другому. Одинъ прокуроръ палаты безъ всякихъ проволочекъ разрѣшилъ свиданіе. Но я уже была напугана и потому съ замираніемъ сердца подѣхала къ Дому Предварительнаго Заключенія. Сознаніе, что это тюрьма, что мой сынъ заключенъ въ ней, дѣйствовало на меня удручающе, а полная неизвѣстность его вины заставляла предполагать самое худшее.

Не зная, что заключенные содержатся не въ первомъ дворѣ, я пристально всматривалась въ окна флигеля, надѣясь угадать, гдѣ сынъ, но грубый окрикъ солдата «не останавливаться» заставилъ меня направиться къ двери, надъ которой видна была надпись: «Контора».

Контора была переполнена разношерстной публикой: были хорошо одѣтыя дамы, были и очень бѣдныя, на глазъ, старушки... прохаживались студенты, было много молодыхъ дѣвушекъ, по особому симпатичному виду которыхъ можно было угадать въ нихъ курсистокъ. Онѣ были здѣсь, какъ свои, и, видимо, знали мѣстные порядки. У нихъ были цвѣты въ рукахъ для передачи, были и узелки. Непривычная обстановка и душевная тревога такъ на меня подѣйствовали, что я со слезами опустилась на ближайшую скамейку. Молодыя дѣвушки тотчасъ окружили меня. Со всѣхъ сторонъ слышалось:

— Вѣрно впервые! Къ сыну? Какъ фамилія?—Я не въ силахъ была отвѣтить.

— Ничего, привыкнете,—грустно говорили мнѣ.—Не вы первая, не вы и послѣдняя. Много ихъ тутъ сидитъ.

Въ это время выкрикнули мой номеръ.

Я пошла за сторожемъ. Насъ было десять человѣкъ, самыхъ разнообразныхъ положеній. Позади насъ шелъ солдатъ. Сторожъ показалъ пропускъ у воротъ, загремѣли замки, застучали засовы. Я приготовилась, воображая, что сейчасъ увижу сына! Но войдя въ ворота, мы пошли далѣе. Новыя запертыя ворота—и та же процедура: пропускъ и засовы. Наконецъ, насъ ввели въ зданіе, и въ это самое время мимо насъ прошли два жандарма съ саблями на-голо. Между ними въ срединѣ шелъ совсѣмъ молоденькій студентикъ съ юношескимъ румянцемъ на лицѣ.

— Экій какой молоденькій!—съ сокрушеніемъ сказала около меня какая-то старушка и горестно перекрестилась. Мы всѣ вздохнули: у каждаго изъ насъ было заперто по такому же сыну. Даже сторожъ покачалъ головой.

— И чего такихъ запираютъ!—сердито сказалъ купецъ, но жандармъ строго на него оглянулся и наставительно произнесъ:

— А зачѣмъ сопротивляются начальству?

Черезъ минуту вызвали мой номеръ, и я торопливо пошла за солдатомъ. Мы прошли два корридора. Въ концѣ, у стола сидѣлъ офицеръ, и стояла кучка солдатъ. У меня отобрали муфту и зонтикъ. Офицеръ подозрительно оглядѣлъ всю мою фигуру.

— Проводи,—коротко приказалъ онъ унтеру. Мнѣ отворили дверь налѣво и впустили въ мрачную, безъ солнца, шаговъ въ шесть, комнату. Она была пуста. Я съ недоумѣніемъ поглядѣла на жандарма.

— Сейчасъ придетъ,—коротко сказалъ онъ.

Дѣйствительно откуда-то сверху послышались шаги... ближе, ближе... Дверь отворилась, и я увидѣла сына. Боже! Съ какимъ мучительнымъ чувствомъ я обнимала его!

Ко всему привыкаешь! Привыкла я потомъ болѣе или менѣе и къ тюрьмѣ. Но это первое свиданіе съ отнятымъ у меня сыномъ оставило неизгладимое впечатлѣніе... Тюрьма владѣла имъ, и никто для меня не могъ раздвинуть ея стѣнъ! Времени для свиданія было мало. Торопясь передавала я сыну вѣсти съ воли, но когда заговорила по-французски, тотчасъ же послышалось: «по иностранному говорить не полагается». — Мы были не одни... Мнѣ еще въ конторѣ объявили, что нельзя ни о чемъ спрашивать, нельзя говорить о дѣлѣ, нельзя упоминать фамилій... И много, много еще разныхъ нелѣпныхъ «нельзя»...

Свиданіе пролетѣло, какъ мгновеніе. Глядя на сына, я съ тоской убѣждалась, что одиночное заключеніе уже оказало на него свое дѣйствіе: онъ былъ очень блѣденъ, и лицо его стало одутловатымъ. Со времени ареста, его ни разу не вызывали къ допросу, и я была первой живой душой, съ которой онъ могъ поговорить.

И потянулось время отъ свиданія до свиданія. Тогда еще было лучше, чѣмъ впослѣдствіи. Пріѣзжимъ родителямъ разрѣшались свиданія два раза въ недѣлю, по двадцать минутъ каждое. Позволялись передачи книгъ, папиросъ и съѣстного. Можно было писать и получать письма. Но сознаніе, что сынъ въ тюрьмѣ, отравляло жизнь.

Каждое свиданіе приносило тоскливое убѣжденіе, что организмъ сына поддается: руки его дрожали, лицо покрылось налетомъ. Я отправилась къ прокурору палаты и заявила ему о губительномъ дѣйствіи тюрьмы на здоровье сына. Онъ меня вѣжливо выслушалъ, но сказалъ, что выпустить сына не въ его власти, что дознаніе только въ началѣ, и на мой вопросъ, въ чемъ сынъ обвиняется, только пожалъ плечами и заявилъ, что объяснить этого не вправѣ.

Время шло—сына не выпускали. Уже два мѣсяца былъ онъ въ заключеніи. Между тѣмъ я была нужна дома: маленькія дѣти захворали, а мужъ, занятый службой, не могъ возиться съ ними. Приходилось ѣхать, но жалко до отчаянія было оставить сына одного. Напрасно я обращалась съ вопросами къ прокурору, въ жандармское управленіе и въ охрану. Вездѣ старались отъ меня

отдѣлаться, увѣряя, что ничего не знаютъ. И только жандармскій генераль спросилъ:

— Да зачѣмъ вамъ нужно знать, когда?

Я объяснила свой отъѣздъ и мучительную жалость оставить сына. Онъ грубо засмѣялся.

— Ну, сударыня,—сказалъ онъ,—если бы мы обращали вниманіе на печали родителей, то у насъ тюрьмы были бы пусты!

Съ тоской прощалась я съ сыномъ. Какъ онъ ни бодрился, но въ глазахъ его свѣтилась грусть: свиданія со мной были его единственной поддержкой! Обѣщавъ другъ другу писать, какъ можно чаще, мы разстались.

Наше отношеніе къ обществу и знакомымъ со времени ареста сына очень измѣнилось: испытавъ теперь настоящее горе, мы инстинктивно стали сторониться людей съ чиновничьимъ кругозоромъ, и у насъ взаимно образовался небольшой, но очень тѣсный кружокъ единомышленниковъ. Мы же съ мужемъ, подъ влияніемъ событій, стали тревожно присматриваться къ дѣйствіямъ администраціи и изъ людей мирныхъ, довольствовавшихся чиновничьимъ благополучіемъ, мало-по-малу обратились въ людей, относящихся критически къ правительственному произволу. Факты нашей жизни сами собой на это насъ наталкивали.

Между тѣмъ завязалась переписка съ сыномъ. Но что можно было писать, зная, что каждое письмо прежде всего попадетъ въ руки жандармовъ? Эта мысль отравляла всякое желаніе приласкать сына, сказать ему нѣжныя слова... Въдь прежде, чѣмъ прочтеть ихъ онъ, прочтутъ снѣгіе мундиры, и чувства матери станутъ предметомъ пошлой и подлой насмѣшки! Получаемыя отъ сына письма всѣ были перечеркнуты какимъ-то рыжимъ составомъ и внизу имѣлся штампель: «дозволено». И письма его были короткія, недоговоренныя... Такимъ образомъ, самыя интимныя чувства были оскорблены грубымъ, безпощаднымъ произволомъ... И въ душѣ подымался глухой протестъ и росло озлобленіе.

Такъ прошло четыре мѣсяца... За это время мы узнали, что и у младшаго сына былъ обыскъ, и хотя онъ былъ на свободѣ, тѣмъ не менѣе это извѣстіе спокойствія намъ не прибавило. Нервы были въ постоянномъ напряженіи. Ложась спать, я представляла себѣ тюрьму, сырую комнату, шаги часовыхъ и звонъ замковъ. Что дѣлаетъ мой бѣдный сынъ? Спитъ ли? Ходить-ли по камерѣ? Тоскуетъ?.. И я ворочалась безъ сна. Въ воспоминаніи моемъ осталась похудѣвшая фигура сына и его изможденное лицо, и чѣмъ дальше подвигалось время его одиночнаго заключенія, тѣмъ болѣе я беспокоилась о его здоровьи. И не напрасно. Къ концу пятаго мѣсяца я получила письмо, съ совѣтомъ хлопотать объ освобожденіи сына хоть на поруки, такъ какъ здоровье его сильно ухудшилось. Я тотчасъ же собралась въ дорогу и, пріѣхавъ въ Петербургъ, въ тотъ же день отправилась въ департаментъ полиціи, такъ какъ это было въ четвергъ—день пріема у директора. Процедура пріема въ департаментъ была сложная, при-

ходилось ждать нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ быть принятой. Народу въ приемной всегда было множество. Кого только тутъ не было! Высшіе сановники въ орденахъ и лентахъ, дамы, шумящія шелковыми платьями, и дамы скромныя; профессора, священники, студенты, писатели, курсистки—все ждали терпѣливо лицезрѣнія директора.

Напрасно выложенный секретарь старался фильтровать публику, увѣряя, что дѣло отъ директора не зависитъ, напрасно и начальникъ отдѣленія объявлялъ вызываемымъ лицамъ положенныя уже резолюціи—ничто не помогало; все хотѣли видѣть самого директора, надѣясь черезъ него получить какое-нибудь облегченіе участи политиковъ. Не ушла и я, и въ семь часовъ вечера дождалась своей очереди.

Директоромъ департамента полиціи въ то время былъ Зволянскій. Изъ правовѣдовъ, съ весьма любезными приемами, элегантною внѣшности, онъ на первыхъ порахъ производилъ довольно хорошее впечатлѣніе, и только послѣ многократнаго опыта просители убѣждались, что все любезности и ласковыя обѣщанія директора—своего рода мыльные пузыри, лопавшіеся тотчасъ же, какъ затворялась за просителемъ дверь.

Когда я вошла въ его кабинетъ, директоръ, увидя входящую даму, любезно поднялся мнѣ на встрѣчу, подвинулъ кресло, съ ласковымъ вниманіемъ выслушалъ, качалъ головой, всплескивалъ руками, говорилъ сострадательнымъ тономъ о несчастныхъ родителяхъ и о заблуждающихся дѣтяхъ, обѣщалъ завтра же, никакъ не позже, назначить свидѣтельствованіе сына и, если онъ боленъ, тотчасъ же освободить его и, расшаркавшись самымъ галантнымъ образомъ, проводилъ меня до самой двери. Я вышла съ ликованіемъ въ душѣ... Я забыла усталость, тревогу, горе... Мысль, что, быть можетъ, завтра, освободятъ сына, опьяняла меня! Я вернулась въ отель утѣшенной! И скажу теперь же: прошелъ еще четвергъ, и еще, и еще, и мѣсяцъ, и другой, прежде чѣмъ, послѣ величайшихъ мытарствъ и хлопотъ, удалось мнѣ вырвать сына изъ тюрьмы.

Впоследствии, когда мнѣ опять приходилось хлопотать въ департаментѣ полиціи по дѣламъ сыновей при директорѣ Лопухинѣ, я вынесла гораздо лучшее впечатлѣніе. Я не знаю, что вызвало его отставку, и правдивы-ли ходившіе о ней слухи. Могу утверждать только то, что испытала сама: Лопухинъ былъ совершенной противоположностью Зволянскому; принималъ очень холодно и серьезно, состраданія не выражалъ, ни въ какіе лишніе разговоры не входилъ и обѣщалъ очень мало; но то, что обѣщалъ, исполнялъ скоро, и я нѣсколько разъ имѣла случай убѣждаться, что обѣщанная телеграмма дѣйствительно послана; что необходимая справка немедленно наведена и что вообще, что сказано, исполнено. И ужъ конечно такіе приемы были много симпатичнѣе любезныхъ манеръ господина Зволянскаго.

Скоро я выхлопотала себѣ разрѣшеніе свиданій съ сыномъ.

Боже мой, какъ сжалось мое сердце, когда послѣ четырехъ-мѣсячной разлуки я увидѣла его... На улицѣ я бы его не узнала, такъ онъ измѣнился: худой, блѣдный, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ щекъ, согбенный...

— Голубчикъ мой! Да что же сдѣлалъ ты, что они такъ тебя мучать?—воскликнула я.

— О дѣлѣ говорить не дозволяется,—раздался безстрастный голосъ.

Скажу еще разъ: много разъ пришлось мнѣ еще выслушивать ласковыя обѣщанія Зволянскаго, много разъ пришлось топтаться по пріемнымъ охраны и жандармскаго управленія, по пѣлымъ часамъ ожидая минутнаго пріема власти, съ неизмѣннымъ: «завтра», прежде чѣмъ совершенно изможденный сынъ мой былъ освидѣтельствованъ и выпущенъ на поруки родителямъ подѣ залогъ.

Въ ожиданіи этого рѣшенія, мнѣ въ то время, пришлось довольно долго пробыть въ Петербургѣ. Молодежь уже сильно волновалась, но волненія эти носили иной характеръ, чѣмъ теперь. До сихъ поръ происходили строго воспрещенныя, тайныя сходки, но не выходили еще на улицу. Но онѣ бывали очень многолюдны и отличались большой страстностью. Многочисленные аресты, тайная полиція, отравлявшая шпионами каждый шагъ подозрѣваемаго студента, плохой университетскій уставъ, ретрограды, за малыми исключеніями, профессора, мертвенно-педантичный министръ народнаго просвѣщенія, массовыя высылки и исключенія безъ права поступленія въ другія заведенія—все соединилось вмѣстѣ, чтобы вызвать бурное негодованіе и протестъ учащейся молодежи. Поводы для недовольства слишкомъ бросались въ глаза, а строгія мѣры правительства привели къ совершенно противоположнымъ результатамъ: молодежь сплотилась, заколыхалась и вынесла свои протесты на улицу. Такимъ образомъ, въ тотъ годъ состоялось многолюдное собраніе студентовъ всѣхъ высшихъ заведеній передъ Казанскимъ соборомъ.

Въ день казанской исторіи у меня не было свиданія съ сыномъ, и я вышла пройтись. На Невскомъ, у Литейнаго, была масса бѣгущаго въ сторону Адмиралтейства народа. Я спросила у городского, въ чемъ дѣло?

— Студенты у Казанскаго бунтуютъ—спокойно отвѣтилъ онъ.

Я тотчасъ подумала о младшемъ сынѣ студентѣ и, взявъ извозчика, поторопилась на Петербургскую сторону, гдѣ онъ жилъ съ женой и крошечнымъ ребенкомъ. По Невскому ѣзды не было, но по боковымъ улицамъ было спокойно, и только черезъ сквозныя улицы къ Невскому можно было видѣть, что тамъ собираются толпы народа.

Я не застала ни сына, ни невѣстки и, взявъ маленькую внучку на руки, съ тоской стала ждать ихъ возвращенія. Часы проходили, безпокойство мое росло. Я постоянно высылала няню

на улицу узнавать, что слышно, и всякій разъ, какъ она возвращалась, она приносила все худшія и худшія вѣсти:

— Студенты пошли къ Аничкову. Бьютъ ихъ—страсть! Много лошадьми потоптано! Говорятъ, мертвыхъ провезли.

Я сильно волновалась. Наконецъ, часовъ въ шесть, мои вернулись. Но, Боже мой, въ какомъ видѣ: у невѣстки распухла рука и было порвано пальто; сынъ получилъ ударъ въ голову! Они бросились защищать курсистку и, конечно, попали подъ нагайки казаковъ. Съ негодованіемъ передавали они подробности возмутительныхъ истязаній безоружной молодежи полиціей и казаками.

Мало-по-малу въ квартиру сына стали приходить товарищи, почти всѣ болѣе или менѣе потерпѣвшіе. Факты за фактами сыпались изъ ихъ устъ, глаза горѣли, губы дрожали, и не надо было быть пророкомъ, чтобъ, слушая ихъ пылкія, враждебныя правительству рѣчи, не предсказать, что сегодняшнее событіе—узелъ многихъ грядущихъ.

Наконецъ, старшаго сына моего выпустили. Уѣзжая съ нимъ изъ Петербурга, я тревожно прощалась съ младшимъ—ужъ очень онъ горячо относился къ текущимъ событіямъ. «Быть бѣдѣ», подумала я прощаясь съ нимъ. И я не обманулась. Не успѣла я вернуться домой съ старшимъ сыномъ и прожить не болѣе недѣли, какъ получила письмо отъ невѣстки, въ которомъ та извѣщала меня, что младшій сынъ также арестованъ и посаженъ въ крѣпость. Мужественная женщина изо всѣхъ силъ старалась представить дѣло въ успокоительномъ тонѣ, но фактъ, что сынъ въ крѣпости, говорилъ самъ за себя. Между прочимъ она убѣждала меня не пріѣзжать въ Петербургъ, такъ какъ я все равно ничего помочь не могла, ибо даже ее, жену, на свиданія съ нимъ не пускали. Нечего и говорить, что извѣстіе объ этой новой бѣдѣ привело меня въ отчаяніе, но, изъ жалости къ мужу и къ издерганнымъ нервамъ старшаго сына, я скрыла отъ нихъ, что младшій въ крѣпости, сказавъ просто, что онъ арестованъ.

Настало тяжелое время. Крѣпость, разстроенное здоровье старшаго сына, нервность мужа—все дѣлало жизнь горестной. Къ тому же душа рвалась къ новому узнику; крѣпость вѣдь—погребеніе живо. Сынъ послѣ рассказывалъ, что за нѣсколько мѣсяцевъ заключенія въ крѣпости, онъ такъ привыкъ къ гробовой тишинѣ и безмолвію, что, когда его потомъ перевели въ Домъ Преварительнаго Заключенія въ одиночное заключеніе, куда доносились нѣкоторые звуки, какъ шаги, голоса и звонки конокъ, то этотъ ничтожный шумъ на первыхъ порахъ казался ему невыносимо громкимъ. Нарушавшіе гробовую тишину крѣпости куранты казались узникамъ погребальнымъ звономъ. И, конечно, это заключеніе не прошло безслѣдно для нервной системы моего младшаго сына... Къ какимъ результатамъ приводитъ одиночное заключеніе—я могла воочию убѣдиться на своемъ старшемъ сынѣ: изъ полного жизни, цвѣтущаго юноши онъ превратился въ живую

тѣнь, вздрагивалъ отъ малѣйшаго звука, не выносилъ разговора, избѣгалъ людей. Въ былое время онъ былъ очень энергиченъ и работоспособенъ... теперь же все валилось изъ рукъ его, и душевное состояніе его было самое угнетенное. Я понимала всю тяжесть его положенія: помимо только что вынесеннаго заключенія и настоящее не могло не угнетать его; работы по его специальности въ нашемъ городѣ достать было нельзя, о Горномъ нечего было и думать, такъ какъ вѣздъ въ столицу былъ ему воспрещенъ, слѣдовательно, онъ былъ обреченъ на бездѣятельность, что при его натурѣ было невыносимо. Хотя время и поправило его физическое состояніе, но нравственно онъ продолжалъ оставаться въ такомъ угнетенномъ состояніи духа, что на него тяжело было смотрѣть. Я обратилась къ докторамъ. Они нашли его нервную систему очень потрясенной и совѣтовали перемѣну климата и обстановки; особенно рекомендовали они какой-нибудь интересный трудъ на свѣжемъ воздухѣ. Я предложила сыну похлопотать о разрѣшеніи до окончанія приговора отправиться ему на Уральскіе заводы, гдѣ онъ уже лѣтомъ не разъ занимался, какъ горный инженеръ, практическими работами.

Дѣло о немъ велось административнымъ порядкомъ, ни на какой судъ надѣяться было нечего, а что придумаетъ для него охрана и жандармы, того и надо было ждать.

Мое предложеніе сыну поѣздки на Уралъ было имъ встрѣчено съ радостью. Онъ горячо ухватился за эту идею. Мы послали просьбу о разрѣшеніи. Я сильно надѣялась, что не откажутъ, такъ какъ Уралъ—та же Сибирь. Отвѣта ждали нетерпѣливо. Но прошло много времени прежде его полученія.

За это время младшій сынъ мой, отсидѣвъ пять мѣсяцевъ въ крѣпости и четыре въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, былъ до окончанія приговора административно высланъ на житье въ Вологду и получилъ разрѣшеніе пріѣхать на три дня, проститься съ родителями. Онъ тоже очень измѣнился, похудѣлъ, поблѣднѣлъ и сталъ гораздо нервнѣе. Но онъ былъ крѣпче старшаго, и возможность жить съ семьей сильно поддержала его. Старался онъ подбодрить и насъ съ мужемъ, увѣряя, что ожидалъ худшаго.

Наконецъ, пришло разрѣшеніе и старшему отправиться до окончательнаго приговора на Уральскіе заводы. Мысль, что онъ будетъ работать, а стало быть будетъ и полезенъ, совершенно воскресила его, и онъ пылко сталъ собираться въ дорогу: купилъ книгъ, пріобрѣлъ скрипку и, сопровождаемый горячими пожеланіями родныхъ и друзей, радостный и оживленный, уѣхалъ, пообѣщавъ прислать изъ Москвы телеграмму. Какъ ни тяжела была для насъ съ мужемъ разлука съ нимъ, но, видя его бодрое настроеніе, мы уже не смѣли печалиться и старались ждать извѣстій отъ него. Однако ихъ не было. Прошло уже нѣсколько дней,—а ни телеграммы, ни письма. По нашимъ расчетамъ онъ давно уже долженъ былъ выѣхать изъ Москвы, почему же онъ молчалъ? Мы подождали еще—то же зловѣщее молчаніе. Тогда

мы запросили друзей нашихъ въ Москвѣ телеграммой, проѣхалъ-ли сынъ нашъ, и что съ нимъ?

И каковъ же былъ нашъ ужасъ, наше отчаяніе, когда въ отвѣтъ мы получили сообщеніе, что сынъ въ Москвѣ, но немедленно по прибытіи арестованъ и опять заключенъ въ тюрьму!

Это было невѣроятно! За что арестованъ? Девять мѣсяцевъ прожилъ онъ съ нами, почти не выходя изъ дому, видя только ближайшихъ друзей нашихъ. Въ его дѣйствіяхъ не было рѣшительно ничего подозрительнаго, а мы знали каждый его шагъ... Голова шла кругомъ отъ предположеній! Мы вспоминали съ какой вѣрой, съ какой радостью онъ уѣзжалъ!... Негодование душило насъ... Но медлить было нельзя, надо было такъ или иначе помочь ему: при его нервности опять тюрьма могла совсѣмъ погубить его.

Наладивъ кое-какъ домашнія дѣла и поручивъ убитаго горемъ мужа друзьямъ, я выѣхала въ Москву.

Я пріѣхала въ нее вечеромъ. Но отчаяніе мое было такъ велико, что я не въ состояніи была ждать утра и рѣшилась дѣйствовать немедленно.

Тогдашній прокуроръ судебной палаты Клугенъ былъ мнѣ знакомъ издавна... Поэтому, переодѣвшись съ дороги, несмотря на девятый часъ вечера, я отправилась къ нему на квартиру и черезъ дежурнаго внизу курьера передала свою карточку. Меня тотчасъ-же попросили наверхъ, и прокуроръ весело и любезно вышелъ ко мнѣ на встрѣчу.

Онъ встрѣтилъ меня, какъ старую знакомую и, несмотря на отсутствіе жены, просилъ непременно остаться. Посыпались обычные вопросы: «Давно-ли пріѣхала? Какъ здоровье мужа? Что дѣти?» Пока онъ меня усаживалъ, я молчала, меня душили слезы. Онъ взглянулъ на меня пристальнѣе и ужаснулся: «Что съ вами? Ради Бога, что съ вами?»

Но когда я объяснила, зачѣмъ пріѣхала, когда онъ узналъ о томъ, что сынъ мой политическій заключенный, лицо его измѣнилось, тонъ сталъ суше, и въ концѣ концовъ онъ перешелъ на совершенно официальную почву и объяснялъ, что объ арестѣ сына ему ничего не извѣстно, и что сдѣлать что-либо онъ для меня не можетъ, такъ какъ это—дѣло жандармскаго управленія...

Я не скажу, что этотъ прокуроръ былъ дурнымъ человекомъ... Нѣтъ, онъ былъ просто чиновникъ! Пока онъ думалъ, что я пріѣхала къ нему, какъ свѣтская знакомая, у него нашлись для меня и улыбки, и привѣты. Но какъ мать политическаго заключеннаго, я являлась для него личностью, неудобной для знакомства. Мундиръ чиновника—это совсѣмъ особенная, тѣсная оболочка, подъ которой сердце принимаетъ минимальные размѣры. И не разъ потомъ мнѣ пришлось видѣть такія метаморфозы среди добрыхъ знакомыхъ чиновничьяго круга.

Къ тому же, то были времена Плеве. Мягкосердіе для чиновника было преступленіемъ! Тѣмъ не менѣе прокуроръ «сдѣлалъ»,

что могъ»: онъ вынулъ свою визитную карточку и, сдѣлавъ на ней надпись, посоветовалъ отправиться съ ней къ начальнику жандармскаго управленія, который могъ мнѣ объяснить, за что сынъ арестованъ, и могъ разрѣшить свиданіе.

Я была рада и этому. Провожая меня совсѣмъ иначе, чѣмъ встрѣтилъ, прокуроръ заявилъ мнѣ, что если-бъ случилась въ немъ надобность, то онъ принимаетъ въ судебной палатѣ въ такой-то день и въ такой-то часъ. Я, конечно, поняла: личное наше знакомство, какъ несоотвѣтственное, прекращалось...

Я не спала всю ночь.

Въ десять часовъ утра я уже входила по лѣстницѣ московскаго жандармскаго управленія. Я ли не была знакома съ обычаями и приемами жандармовъ? Мало ли я перенесла униженій, суровыхъ отказовъ и полного равнодушія къ своему горю? Казалось, что бы могло меня удивить? И тѣмъ не менѣе порядки московскихъ жандармовъ, ихъ безсердечіе, ихъ глумленіе надъ человѣческими страданіями оказались таковы, что, по сравненію съ ними, петербургскіе жандармы стали казаться мнѣ прямо таки ангелами. а петербургскіе порядки—идеаломъ снисхожденія и мягкости. До сихъ поръ безъ содроганія не могу вспомнить того, что пережила я въ Москвѣ, за время заключенія сына.

Прежде всего поражало то, что въ управленіи не было для просителей отдѣльной приѣмной. Посѣтителы толклись въ маленькой, полутемной прихожей, вмѣстѣ съ жандармскими унтеръ-офицерами. Тутъ приходилось проводить положительно часы въ ожиданіи, пока выйдетъ нужный офицеръ. А во время этого томительнаго ожиданія, изъ сосѣднихъ комнатъ, гдѣ находились господа офицеры, доносился голосъ ожидаемаго, рассказывавшаго о вчерашнемъ времяпровожденіи, очень неторопливо. Иногда ожидаемый офицеръ, съ папирсосою въ зубахъ, проходилъ изъ одной комнаты въ другую черезъ переднюю, мимо ожидавшаго просителя и, скользнувъ по немъ взглядомъ и нагло усмѣхнувшись, скрывался за дверью. Господа офицеры, видимо, наслаждались возможностью мучить и терзать людей. Если случалось, сунувъ унтеру въ руку полтинникъ, упросить его напомнить офицеру, что ждетъ его больше часу, въ отвѣтъ изъ сосѣдней комнаты раздавался намѣренно громкій возгласъ: «пѣтъ ждеть!» и одобрителный смѣхъ товарищей.

Иногда, послѣ томительнаго ожиданія, приходилось увидѣть нужнаго офицера, входящаго въ переднюю, быстро надѣвающаго пальто и хлопающаго дверью, послѣ чего подходилъ унтеръ-офицеръ и твердо говорилъ:

— Поручикъ ушли—пожалуйте завтра!

А завтра приходилось ждать опять. Избѣжать это учрежденіе не было никакой возможности: всѣ передачи денегъ, вещей, книгъ, писемъ, всѣ разрѣшенія свиданій, т. е. рѣшительно все, относящееся къ заключеннымъ надо было дѣлать черезъ жандармское управленіе. Оно было неизбежно!

Въ первое же посѣщеніе этого учрежденія, я наткнулась на очень тяжелую сцену: по передней,—изъ угла въ уголъ, ходила не молодая, хорошо одѣтая женщина. Я никогда не забуду того выраженія скорби, которое читалось въ ея большихъ глазахъ. Она не плакала, но по мѣрѣ того, какъ проходило время, лицо ея становилось все блѣднѣе.

Наконецъ, вошелъ ротмистръ и, не глядя на нее, сунулъ въ руку унтеръ-офицера какую-то бумагу.

— Передай,—онъ назвалъ фамилію (безъ прибавленія господѣ)—что ей въ свиданіи отказано!—Очевидно, это касалось этой несчастной дамы, потому что она остановилась, какъ вкопанная.

— Какъ! опять отказано?—закричала она.—Господинъ ротмистръ! Именемъ Бога!

— Нельзя-съ,—злорадно усмѣхаясь, отвѣтилъ ротмистръ и съ торжествующимъ видомъ ушелъ въ сосѣднюю комнату.

— Такъ будьте же вы прокляты, все прокляты, прокляты!—во весь голосъ кричала посѣтельница. Изъ всѣхъ дверей появились офицерскія фигуры:

— Это что? Это что такое?—слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Да, прокляты, прокляты, прокляты!—въ изступленіи кричала женщина, доведенная до потери разсудка.—Берите меня арестуйте, надѣньте кандалы, но не разлучайте съ нимъ! Я должна быть съ нимъ... Я должна его видѣть... Слышите, проклятые? Пустите меня къ нему! Куда вы его запрятали? Гдѣ онъ? О, если бы ножъ, я бы убила васъ, проклятые!—Она металась, какъ изступленная, но въ крикъ было нѣчто до того хватавшее за сердце, было такое нечеловѣческое страданіе, что даже жандармы не рѣшились ее схватить и арестовать, а ограничились тѣмъ, что попрятались кто куда и только изъ-за двери послышался голосъ:

— Это сумасшедшая! Оставьте, господа, не стойте! Семеновъ! Выведи ее вонъ!

И ужъ на что безстрастный Семеновъ, и, у того сердце, видимо, дрогнуло и проняла эта безграничная скорбь, потому что онъ, подойдя къ ней и взявъ ее за локоть почти нѣжно сказалъ:

— Пожалуйте! Не тревожьтесь такъ! Что хорошаго? И впрямь вѣдь арестуютъ!

Мы тоже, всѣ здѣсь находившіеся просители, бросились ее уговаривать. Ни на кого не глядя, она дрожащими руками завязала на шеѣ косынку и, едва дыша отъ волненія, молча вышла. Я видѣла черезъ окно, какъ Семеновъ бережно ее свелъ съ лѣстницы.

Эта сцена потрясла мои нервы. Я почувствовала себя еще болѣе несчастной. Но нечего было дѣлать—надо было дѣйствовать. Я вынула карточку прокурора. Подъ его фамиліей было приписано: «покорнѣйше просить оказать содѣйствіе г-жѣ такой-то». Вернувшемуся Семенову я передала эту карточку съ просьбой передать ее генералу. Онъ вернулся не скоро.

— Что-же?—спросила я.

Онъ неопредѣленно мотнулъ головой и сталъ равнодушно смотрѣть въ окно. Время шло, генералъ не подавалъ признака жизни. Я сунула въ руку Семенова полтинникъ. Онъ молча опустилъ его въ карманъ и куда-то отправился. Вернувшись, опять мотнулъ головой и опять сталъ смотрѣть въ окно. Меня разбирало нетерпѣніе. Вѣдь я вообразила, что нѣтъ ничего проще, какъ выйти ко мнѣ, объяснить дѣло сына и пустить меня къ нему на свиданіе!

Я опять подошла къ Семенову:

— Что же генераль?

Семеновъ посмотрѣлъ на меня съ снисходительнымъ сожалѣніемъ:

— Вотъ еще, генераль!—протянулъ онъ и рѣшительно добавилъ:—Поручикъ выйдетъ.

— По мнѣ надо видѣть генерала!

Семеновъ мотнулъ головой сверху внизъ и отвернулся. Я отошла и сѣла. Съ каждой минутой я все болѣе падала духомъ...

Наконецъ, послѣ ожиданія, показавшагося мнѣ вѣчностью, въ передней появился какой-то офицеръ, съ моей карточкой въ рукѣ. Онъ оглядѣлъ меня съ ногъ до головы.

— Вы такая-то?—спросилъ онъ, тоже не прибавляя ничего къ фамилии.

— Да, я.

— Что вамъ нужно?

— Мнѣ нужно видѣть генерала!

— Зачѣмъ?

— По дѣлу сына.

— Вы можете объяснить мнѣ.

— Нѣтъ,—сказала я твердо.—Прокуроръ далъ мнѣ карточку къ генералу, а не къ вамъ. И я именно генерала хочу видѣть!

Офицеръ поглядѣлъ на меня сверху внизъ, пожалъ плечами и ушелъ.

Опять потянулось время. Я встала и заглянула въ сосѣднюю комнату, гдѣ сидѣли офицеры. Увидя меня, они переглянулись, и одинъ изъ нихъ громко крикнулъ:

— Семеновъ! Ты чего смотришь?

Семеновъ направился ко мнѣ.

— Сидите смирно,—внушительно сказалъ онъ. Немного погодя вышелъ другой офицеръ:

— Вы непременно хотите видѣть генерала?

— Да, хочу!

— Но вы можете мнѣ сказать все, что вамъ нужно.

— Нѣтъ, я хочу видѣть генерала.

Потомъ-то я поняла, насколько мое желаніе было бесполезно и нелѣпо. Но я воображала, что карточка прокурора палаты подѣйствуетъ, что генералъ меня выслушаетъ; вообще изъ того, что я видѣла и слышала въ передней, я вынесла впечатлѣніе,

что надо просить кого-нибудь другого, а не этих безчувственных офицеровъ.

Спустя еще полчаса, въ дверяхъ, наконецъ, появился третій офицеръ.

— Пожалуйте!—сказалъ онъ.

Обрадованная, я бросилась къ двери. Онъ быстро загородилъ ее.

— Не торопитесь! Слѣдуйте за мной!

Мы прошли двѣ комнаты. Въ третьей, у противоположной двери стоялъ сѣдой, съ густыми бровями генералъ и держалъ въ рукахъ мою карточку. То былъ генералъ Шраммъ. Его окружали офицеры, какъ бы охраняя. Мой провожатый остановилъ меня на порогѣ входной двери, такъ что между мной и генераломъ была цѣлая комната.

— Говорите отсюда!—сказалъ офицеръ, смотря на меня въ упоръ и слѣдя за каждымъ моимъ движеніемъ.

Только послѣ, вспоминая эту дикую обстановку, я сообразила, что во мнѣ видѣли опасную женщину... Входя сюда, я надѣялась рассказать исторію сына и выяснитъ всю жестокость его ареста. Но обстановка была такова, что я была совершенно уничтожена. Генералъ тоже оглядѣлъ меня съ головы до ногъ.

— Что вамъ нужно?—сурово спросилъ онъ.

— Вы арестовали моего сына, вы держите его въ тюрьмѣ, и намъ, родителямъ, совершенно неизвѣстно, за что,—заторопилась я. Онъ тотчасъ же прервалъ меня.

— Да, арестовали! Да, держимъ въ тюрьмѣ! А родителямъ мы и не обязаны объяснять, за что.

— Но мой сынъ не могъ совершить государственнаго преступленія въ дорогѣ. Онъ жилъ у насъ девять мѣсяцевъ, мы знали каждый его шагъ, и вдругъ, когда ему разрѣшено ѣхать на Уралъ, вы здѣсь, въ Москвѣ, перехватываете его и арестуете! За что?

— Повторяю вамъ, сударыня, я не намѣренъ объяснять за что! Арестовали—значитъ такъ нужно было.

— Но вѣдь это незаконно!—сказала я. Онъ только усмѣхнулся.

— Не вамъ объ этомъ судить. Имѣю честь кланяться.

— Но разрѣшите же мнѣ хоть свиданіе!—закричала я.

— Поручикъ Орчинскій, поговорите съ этой госпожей!—И... только я и видѣла генерала.

Участь моего сына оказалась въ рукахъ двухъ жандармскихъ поручиковъ. Одинъ изъ нихъ носилъ совершенно неподходящую для своего ремесла фамилію Анжело. Я должна сказать правду, о немъ у меня не осталось дурного воспоминанія. Онъ былъ еще очень молодъ, жандармскій мундиръ надѣлъ недавно и еще сохранилъ въ себѣ кое-что человѣческое, разумѣется, въ предѣлахъ служебнаго долга. Въ немъ была мягкость, не та фальшивая, извѣстная каждому побывавшему въ жандармскихъ рукахъ, а настоящая житейская. Его товарищъ Орчинскій былъ жандармъ

съ ногъ до головы, въ самомъ противномъ значеніи этого слова; жандармъ по призванію, обладавшій истиннымъ талантомъ доводить людей до отчаянія, до безнадежности. Впрочемъ, я говорю только за себя; каковъ онъ былъ съ другими, я не знаю; но возненавидѣлъ-ли онъ почему-либо особенно меня, или ненавидѣлъ за что-либо сына, я не могу рѣшить; знаю только, что для насъ обоихъ онъ былъ истиннымъ палачемъ.

Мнѣ въ жизни какъ-то случилось увидѣть выраженіе глазъ кошки, когда она играла съ пойманной мышью: оно было такъ злорадно, что съ тѣхъ поръ мнѣ противны кошки. Такое выраженіе глазъ было у поручика Орчинскаго.

Обыкновенно, прежде чѣмъ онъ подумаетъ допустить меня до разговора съ нимъ, мнѣ приходилось сидѣть въ передней не менѣе часа. Затѣмъ меня звали въ комнату, гдѣ онъ ждалъ меня за столомъ. Тутъ же стоялъ, можетъ быть, нарочно поставленный стулъ, на который онъ никогда не приглашалъ меня сѣсть, какъ бы длиненъ ни былъ нашъ разговоръ. Самъ же онъ сидѣлъ, закинувъ ногу за ногу, откинувшись на спинку кресла и съ злораднымъ выраженіемъ глазъ всегда отказывалъ мнѣ, хотя бы въ самой невинной просьбѣ. Тогда я всегда вспоминала гнусную кошку. Предлоги для отказовъ у него были безчисленны. Надо знать, что я жила и проживалась въ Москвѣ единственно ради сына, чтобы понять, какое значеніе имѣли для меня, свиданія съ нимъ!..

Поручикъ Орчинскій, всегда утверждалъ, что по закону онъ обязанъ давать мнѣ свиданія—разъ въ десять дней, хотя я знала навѣрное, что какъ пріѣзжая я имѣла право видѣть сына два раза въ недѣлю. Но кому было жаловаться? Не генералу-же! Я понимала, что это бесполезно. Къ тому же у Орчинскаго всегда были наготовѣ десятки явно выдуманныхъ предложений: то не хватало офицеровъ, то бѣдили зданіе, то боялись эпидеміи, то ожидали посѣщенія какого-то сановника, и такъ безъ конца.

— Но вѣдь я пріѣзжая!—говорила я.

— А мнѣ какое дѣло?—отвѣчалъ онъ.

— Мой сынъ нездоровъ!—пробовала я его тронуть.

— Вылѣчатъ!—былъ лаконическій отвѣтъ.

— Но я бы хотѣла навѣстить его!—настаивала я.

— Свиданіе съ нѣжной маменькой можетъ повредить его здоровью!—съ злораднымъ смѣхомъ говорилъ синій мундиръ.

Одинъ разъ, доведенная до отчаянія, я сказала ему, глядя на него въ упоръ, внѣ себя отъ негодованія:

— Поручикъ, у васъ, вѣрно, никогда не было матери!

— Не помню-съ!—лаконично отвѣтилъ онъ.

И всѣ эти издѣвательства были такъ себѣ, ни съ того, ни съ сего! Я его раньше не знала и послѣ, къ счастью, не встрѣчала.

Онъ также меня совсѣмъ не зналъ. Была-ли то профессиональ-

ная злоба? Была-ли месть сыну за упорное молчаніе на допросахъ? Не знаю. Но я жестоко страдала отъ такого обращенія.

На своего товарища Анжело онъ имѣлъ огромное вліяніе. Тотъ былъ еще неопытенъ и, видимо, ему подчинялся. Однако не разъ случалось, что послѣ отказа Орчинскаго мнѣ въ свиданіи съ сыномъ, въ переднюю выходилъ Анжело и тихо говорилъ: «пріѣзжайте въ семь часовъ—я тамъ буду и допущу!» Или бралъ принесенныя сыну книги и говорилъ:—«Пересмотрю сегодня, завтра онъ получитъ!»

А черезъ Орчинскаго книги доходили черезъ десять дней. Понятно, что я чувствовала къ Анжело живую благодарность.

Къ сыну тоже онъ относился корректно: присутствуя при свиданіяхъ, подавалъ ему руку, бралъ газету для чтенія, не слушая будто бы нашего разговора, вмѣсто двадцати минутъ—сидѣлъ часъ.

Если можно имѣть доброе чувство къ жандарму, я его сохранила къ поручику Анжело. Да и сынъ мой, когда былъ выпущенъ на свободу, счелъ возможнымъ пожать руку только ему.

Но такимъ, однако, онъ былъ только тогда, когда его не видѣлъ Орчинскій; при немъ же онъ не смѣлъ выказывать человѣческія чувства. Я очень хорошо запомнила разговоръ между ними, услышанный мною во время обычнаго ожиданія въ передней. Оба были въ сосѣдней комнатѣ; была упомянута моя фамилія; я прислушалась.

— Какъ ни какъ—мать!—сказалъ Анжело.

— Фю-фю-фю!—засвисталъ Орчинскій—мало тутъ матерей шляется!

— Бросила семью, живетъ одна-одинешенька для сына, никого здѣсь у нея знакомыхъ!—все еще соболѣзновалъ первый.

— Ну ты разнѣжился!—заоралъ второй.—Небось такое-же отродье, какъ и сынъ! Обыскать бы ее, какъ слѣдуетъ, пошарить—такъ я увѣренъ, что тоже можно бы подъ замокъ посадить. Глупъ ты еще, я вижу!

И Анжело въ этотъ день отказалъ мнѣ въ свиданіи.

Сына въ этотъ разъ я нашла не въ тюрьмѣ—тюрьмы всѣ были переполнены. Царство Плеве сказывалось во всемъ: хватали направо и налево, цѣлыми партіями отправляли въ Сибирь, и никакого снисхожденія къ малѣйшему проявленію свободомыслія не было. Сынъ былъ помѣщенъ въ Срѣтенской части. Когда я, въ первый разъ пріѣхавъ на свиданіе, вѣхала во дворъ части, я прямо противъ воротъ въ окнѣ за рѣшеткой увидѣла его голову. У меня немного отлегло отъ сердца. Былъ іюнь мѣсяцъ, окно было открыто, и онъ могъ видѣть происходящее во дворѣ. Правда, хорошаго видѣть не приходилось: приводили пьяныхъ десятками, да усердно колотили ихъ. Но все же это была не настоящая тюрьма. Какъ онъ мнѣ обрадовался, увидѣвъ меня изъ окна! Какъ замахалъ платкомъ! Сердце мое тре-

петало: опять взаперти! Но когда его привели въ приемную, я могла свободно его обнять. Однако, едва я спросила, за что онъ опять арестованъ, какъ изъ-за газеты раздался голосъ Анжело: «По дѣлу говорить не полагается!» Сынъ, только пожалъ плечами.

Какъ бы то ни было, положеніе сына относительно, конечно, было сносно. По крайней мѣрѣ онъ не задыхался: окна были открыты, и заключенные могли переговариваться, а и это уже много для узниковъ. Съ своей стороны я дѣлала, что могла, чтобы облегчить сыну жизнь: снабжала его книгами, хорошей пищей, цвѣтами... Но добиться, за что онъ былъ арестованъ, не было возможности. На всѣ мои вопросы господа жандармы отвѣчали такъ, чтобы можно было предположить самое худшее. Но я знала хорошо, что преступленія со стороны сына быть не могло. Знала я и повадку жандармовъ преувеличивать во много разъ вину политиковъ.

Время быстро летѣло отъ свиданія къ свиданію, и подошелъ августъ. Мои младшія дѣти учились въ гимназій, и наступавшее учебное время требовало настоятельно моего присутствія дома, пока не наладятся ихъ уроки. Что было дѣлать? Безконечно жаль оставить сына одного въ Москвѣ, гдѣ у него не было ни души близкой, невозможно было также не позаботиться о младшихъ. Я рѣшилась добиться узнать хоть приблизительный срокъ освобожденія сына, чтобы, устроивъ все дома, вернуться къ этому времени. Мнѣ пришлось говорить объ этомъ съ Орчинскимъ. Узнавъ, что мнѣ необходимо ѣхать, онъ какъ-то оживился, и въ глазахъ его мелькнуло странное выраженіе. Онъ вдругъ сталъ вѣжливымъ и словоохотливъ:

— Конечно, конечно поѣзжайте!—совѣтовалъ онъ.—Надо еще навести справки, получить отвѣты, вѣроятно, мы черезъ мѣсяцъ отпустимъ вашего сына продолжать путь на Уралъ!

Я была рада и этой надеждѣ. Могла-ли я подозревать, что мнѣ готовили западню?

Но прежде, чѣмъ ѣхать домой, я ранѣе проѣхала въ Петербургъ, надѣясь сдѣлать тамъ что-нибудь для него. Директоръ Лопухинъ меня тотчасъ же принялъ, но къ моему изумленію оказалось, что онъ ничего не зналъ о задержкѣ сына въ Москвѣ. Онъ отнесся къ этому серьезно, обѣщалъ немедленно узнать, въ чемъ дѣло, и сказалъ мнѣ на прощанье:

— Я думаю, что тутъ какое-то недоразумѣніе, иначе у насъ въ департаментѣ было бы что-нибудь извѣстно!

— Хорошо недоразумѣніе!—не удержалась я.—Изъ-за недоразумѣнія держатъ человека уже три мѣсяца взаперти!

Лопухинъ сконфузился немного и сказалъ, что если это такъ окажется, то онъ допустить сына вернуться въ Петербургъ держатъ экзаменъ въ Горномъ институтѣ, прежде исполненія приговора.

Окрыленная этой надеждой, вернувшись домой, я нѣсколько

успокоила встревоженного мужа этимъ обѣщаніемъ. Значить, дѣло было не такъ плохо, и нашимъ тревогамъ могъ настать скорый конецъ. Не тутъ-то было! Пока я устраивала младшихъ дѣтей, отъ сына получались письма, но что-то ужъ очень короткія: онъ писалъ только, что здоровъ и ни въ чемъ не нуждается. Краткость эта меня тревожила: обыкновенно онъ писалъ обстоятельныѣе. Поэтому, наладивъ кое-какъ учебную часть младшихъ, въ началѣ сентября я поспѣшила опять въ Москву, тотчасъ же отправилась въ жандармское управленіе и вызвала Орчинскаго. Послѣ обычныхъ пріемовъ ожиданія, онъ, наконецъ, вышелъ ко мнѣ. Лице его имѣло злорадное выраженіе, и онъ иронически улыбался.

— Опять пожаловали?—усмѣхнулся онъ и на мой вопросъ объ освобожденіи сына беззаботно прибавилъ:

— Да не скоро! мѣсяца черезъ три!

— Какъ?—спросила я.—Вы же сами обѣщали освободить сына въ сентябрѣ?

— Мало-ли что я обѣщаль! Открылись новыя обстоятельства... Пришлось перевести вашего сына въ тюрьму,—и глаза его приняли кошачье выраженіе.

— Какъ въ тюрьму? Опять? Въ одиночное заключеніе? —закричала я.

— Да-съ, въ одиночное заключеніе!—былъ отвѣтъ. Я едва удержалась на ногахъ... Но я не хотѣла дать ему наслаждаться моимъ отчаяніемъ. Я поборола себя и сказала:

— Потрудитесь дать мнѣ свиданіе съ сыномъ!

— Но это ужасно далеко!—сказалъ поручикъ Орчинскій съ видимой насмѣшкой.—Это у Бутырской заставы—долго ѣхать!

Я видѣла, что онъ издѣвается.

— Я прошу свиданія съ сыномъ на законномъ основаніи, какъ мать и какъ прѣзжая. Я желаю видѣть сына!

Онъ щелкнулъ шпорами.

— Завтра, въ два часа!

Нечего и говорить, что въ тюрьму я прѣехала своевременно. Меня встрѣтилъ Анжело. Онъ почему-то былъ смущенъ, но, взволнованная предстоящимъ свиданіемъ, я не обратила на это вниманія. Скоро, однако, я поняла причину этого смущенія, когда онъ привелъ меня въ какую-то комнату, въ которой, за двумя частыми, какъ рѣшето, рѣшетками, я едва могла различить какую-то человѣческую фигуру. И только хорошо присмотрѣвшись, я съ ужасомъ и отчаяніемъ убѣдилась, что это мой сынъ! Да! За двумя рѣшетками, какъ звѣрь, худой, какъ скелетъ, смертельно блѣдный, съ глубоко впавшими глазами, тяжело дышавшій, онъ не имѣлъ силы даже обрадоваться мнѣ. Тихо, апатично сказалъ онъ:

— Ты опять прѣехала!

— Но что же это? Ты боленъ? Ты едва стоишь!—спросила я его.

— Овилипили меня свѣта!--послышался прерывистый голосъ:— Я все могъ перенести, но не это! Я—въ могилѣ!

Я обернулась къ стоявшему около меня Анжело.

— Это злодѣйство!—внѣ себя сказала я.—И вы допустили? Вы могли? — Онъ молчалъ. Я обернулась къ сыну.— Мужайся!— твердо сказала я,—я вырву тебя отсюда. Прекратите свиданіе!— обратилась я къ Анжело, чувствуя, что сейчасъ упаду...

Какъ безумная, ѣхала я назадъ. Я знала одно, что къ жандармамъ болѣе не вернусь; всякое обращеніе къ нимъ было глубокимъ униженіемъ. Теперь я поняла желаніе Орчинскаго выводить меня изъ Москвы...

И, какъ послѣ оказалось, на другой же день послѣ моего отъѣзда, сынъ мой былъ переведенъ въ тюрьму и лишенъ свѣта. Эта пытка была придумана для того, чтобы заставить его говорить на допросахъ. Впослѣдствіи сынъ рассказывалъ мнѣ, что въ его камеру не доносилось ни единого звука, не было слышно даже шаговъ часовыхъ. Въ окнѣ же, съ наружной стороны, былъ вставленъ щитъ такимъ образомъ, чтобы не было видно даже неба. Въ комнатѣ былъ вѣчный полумракъ, нельзя было читать, нельзя было различать ясно маленькіе предметы. И онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ у щита, въ которомъ была крошечная дырочка. Черезъ эту дырочку что-то будто блестяло вдали, и онъ, не отрываясь, глядѣлъ въ нее.

Когда я впослѣдствіи жаловалась, то виноватыхъ не оказалось: жандармы ссылались на тюремное управленіе, это—на охрану, охрана на прокурорскій надзоръ, прокурорскій надзоръ—на департаментъ полиціи, департаментъ возвращался къ жандармскому управленію.

Изъ тюрьмы я прямо отправилась къ прокурору палаты. Въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ я заявила протестъ противъ примѣненной къ сыну пытки. Я предупредила прокурора, что не остановлюсь ни передъ чѣмъ, если мнѣ, наконецъ, не объявятъ, за что истязаютъ сына, что нынче же ночью я выйду въ Петербургъ, гдѣ буду хлопотать объ освобожденіи сына на мои поруки. Я твердо рѣшилась добиться истины.

— Если-бъ сынъ мой былъ цареубійцей,—сказала я—то и тогда не могли обращаться съ нимъ хуже... Между тѣмъ директоръ департамента полиціи, очевидно, не считаетъ его столь важнымъ государственнымъ преступникомъ, если счелъ возможнымъ обѣщать мнѣ допустить его, по освобожденіи, вернуться въ Петербургъ для сдачи экзаменовъ. Какъ согласить, что въ Петербургѣ считаютъ возможнымъ оказать снисхожденіе, а въ Москвѣ предають истязаніямъ?

Послѣ оказалось, что директоръ департамента исполнилъ свое обѣщаніе и навелъ справки, но жандармское управленіе послало такое донесеніе объ открытіи якобы новаго заговора, съ участіемъ сына, что Лопухину ничего не оставалось, какъ вѣрить.

Мой отчаянный протестъ подѣйствовалъ. Прокуроръ потребовалъ къ себѣ товарища прокурора по политическимъ дѣламъ

Добрынина, и они долго говорили между собой въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ, товарищъ прокурора вышелъ ко мнѣ:

— Вы увѣрены въ томъ, что сынъ вашъ лишентъ свѣта?—спросилъ онъ.

— Я прямо отъ него—заявила я.—Онъ близокъ къ помѣшательству, и если вы ничего сегодня не предпримете, я ночью ѣду въ Петербургъ.

Товарищъ прокурора успокаивалъ меня обѣщаніемъ сейчасъ же поѣхать въ тюрьму и произвести разслѣдованіе и предлагалъ подождать съ поѣздкой хоть до завтра, когда онъ объяснится съ жандармскимъ генераломъ. Я была сильно взволнована и не знала, на что рѣшиться. И онъ, и прокуроръ однако уговорили меня поѣхать домой и отдохнуть и взяли мой адресъ, съ обѣщаніемъ извѣстить меня завтра же о результатѣ.

На другой день утромъ, едва я успѣла встать, какъ мнѣ дали знать въ отель по телефону, что прокуроръ палаты проситъ меня пріѣхать въ часъ дня въ жандармское управленіе.

Какъ ни ненавистно было оно мнѣ, дѣлать было нечего; приходилось отправиться.

Меня встрѣтилъ очень любившій мои полтинники Семеновъ.

— Сынокъ вашъ здѣсь!—прошепталъ онъ мнѣ. Не успѣла я опомниться отъ этой ошеломляющей вѣсти, какъ ко мнѣ вышелъ вчерашній товарищъ прокурора Добрынинъ.

— Ну—сказалъ онъ мнѣ съ радостнымъ лицомъ.—Вамъ удивительно повезло. Сегодня ночью были получены важные отвѣты, которыхъ давно ждали по дѣлу вашего сына, благодаря которымъ является возможность освободить его!

Я не вѣрила своимъ ушамъ! Вчера еще—пытка, сегодня—освобожденіе! Я понимала, конечно, что слова прокурора—неправда: никакихъ отвѣтовъ не получено; просто они увидѣли, что зашли слишкомъ далеко, что молчать я не буду, и, чтобы закрыть мнѣ ротъ, освобождали сына! Я могла бы спросить, почему же ранѣе полученія этихъ таинственныхъ отвѣтовъ была примѣнена пытка, почему его держали въ сырой и темной камерѣ, почему лишили даже книгъ. Но мысль, что сынъ будетъ свободенъ, заслоняла все. Только бы отпустили его.

Ко мнѣ позвали сына: какъ онъ былъ худъ, блѣденъ, слабъ! Но на губахъ его блуждала теперь улыбка, и онъ протянулъ мнѣ руки...

Однако предстояло еще ѣхать въ охранное отдѣленіе, для получения отпускного билета. Я боялась отойти отъ сына, боялась оставить его руку изъ опасенія новой каверзы.

Въ охранѣ пришлось выдержать сущую пытку. Все, что можно сдѣлать, чтобы испытать человѣческое терпѣніе, было сдѣлано. Насъ продержали отъ часу до четырехъ, насъ неизвѣстно для чего раздѣлили—его въ одну комнату, меня въ другую; намъ объявили, что вмѣстѣ ѣхать намъ вельзя, намъ запретили оставаться на ночь въ Москвѣ и, только послѣ долгихъ протестовъ съ на-

шей стороны, намъ было объявлено, что мнѣ разрѣшается проводить сына и сыну заѣхать въ Вологду проститься съ братомъ, причемъ непремѣннымъ условіемъ было поставлено выѣхать съ девятичасовымъ вечернимъ поѣздомъ.

Не стану рассказывать подробно, какую горячку пришлось намъ пороть, чтобы успѣть заѣхать въ отель, улечься, пообѣдать, купить необходимыя вещи, послать мужу телеграмму... И только когда мы сѣли въ вагонъ, и поѣздъ тронулся, мы свободно вздохнули, просыпаясь отъ страшнаго кошмара.

Только теперь могла я узнать отъ сына причину его безчеловѣчнаго ареста. Дѣло было такъ просто: ему, послѣ долгой разлуки, захотѣлось повидать свою невѣсту. Она была нелегальная и проживала за границей. Они списались, и она пріѣхала въ Москву, конечно, подъ чужимъ именемъ, надѣясь, что въ такомъ большомъ городѣ ихъ не выслѣдятъ. Но ихъ переписка была перехвачена жандармами, и сыну моему нарочно дали возможность пріѣхать въ Москву, чтобы захватить его невѣсту. Едва они встрѣтились въ назначенномъ мѣстѣ, какъ ихъ схватили; они не успѣли даже обмѣняться нѣсколькими фразами. Поэтому, боясь повредить своей невѣстѣ, сынъ упорно молчалъ на допросахъ, и жандармы ему мстили... Тяжело поплатился онъ за свое кратковременное свиданіе съ любимой женщиной!

Съ глубокой печалью покидалъ сынъ Москву, и немудрено: въ ней оставалась въ тюремномъ заключеніи его невѣста; они свидѣлись впослѣдствіи въ Иркутской пересыльной тюрьмѣ.

Тяжело провелъ сынъ мой ночь своего освобожденія. Онъ бредилъ, вскакивалъ, долго смотрѣлъ на меня не узнавая, осматривалъ глазами стѣны купэ: его, видимо, душилъ тюремный кошмаръ! И только утромъ заснулъ онъ спокойноѣ. Я смотрѣла на его исхудалое лицо, покрытое зеленымъ налетомъ, на его впалые глаза... Какъ много выпало на его долю страданій... И за что? За то, что онъ былъ не тѣхъ убѣжденій, какихъ требовало правительство...

Три дня въ Вологдѣ прошли быстро... Эти дни остались одной изъ немногихъ свѣтлыхъ точекъ нашего существованія; по крайней мѣрѣ я видѣла обоихъ сыновей хоть въ ссылкѣ, но не въ тюрьмѣ! О многомъ мы тогда поговорили...

Младшій сынъ мой жилъ въ ссылкѣ вмѣстѣ съ семьей, и относительно ему жилось не плохо... Но ожидаемый приговоръ висѣлъ надъ нимъ, какъ Дамокловъ мечъ! Тогда впервые сказалъ онъ мнѣ, что если его сошлютъ въ Восточную Сибирь, онъ туда не пойдетъ. Я тогда не поняла. Я думала, что это сказано невзначай, какъ иногда говорится о томъ, что неприятно. Но, зная его полную жизни и энергіи натуру, я сознавала, что Якутская область для него равна живо-погребенію. Я увѣряла его, что его не ждетъ такое жестокое наказаніе, но онъ качалъ головой: свирѣпость Плеве была извѣстна... Съ глубокой скорбью разстались мы другъ съ другомъ... И братья больше не увидѣлись!...

Я проводила старшего сына по Волгѣ до Нижняго Новгорода и долго, долго стояла на пристани, пока скрывался изъ виду пароходъ, и пока мелькалъ въ воздухѣ бѣлый платокъ...

Эта зима прошла нѣсколько спокойнѣе... Сыновья хоть и были въ ссылкѣ, но по крайней мѣрѣ на свободѣ. И то ужъ было счастье! Ихъ письма, въ которыхъ они всячески старались подбодрить насъ, были для насъ большимъ утѣшеніемъ.

Но весна уже принесла съ собою новыя тревоги. Прежде всего до насъ дошелъ слухъ о приговорѣ по дѣлу младшаго сына—его ссылали въ Якутскую область. И сейчасъ же письма отъ него изъ Вологды прекратились... Напрасно я посылала письмо за письмомъ, телеграмму за телеграммой—отвѣта не было. Тогда я вспомнила нашъ разговоръ. Въ душѣ росло мучительное сомнѣніе. И много пришлось перечувствовать мнѣ, пока, наконецъ, я не была обрадована открыткой изъ Норвегіи, въ которой стояло единое слово: «Привѣтъ!» Но оно было написано дорогой, любимой рукой. Итакъ, нашъ младшій сынъ сталъ эмигрантомъ! Не зная, гдѣ онъ, что съ нимъ, живѣ-ли, вотъ что стало суждено намъ отнынѣ.

Все лѣто прошло въ великой тревогѣ за младшаго сына, а въ августѣ уже насъ ждалъ новый ударъ: старшаго ссылали тоже въ Якутскую область. Но мало того, что ссылали! онъ долженъ былъ еще отправиться къ мѣсту назначенія по этапу! Напрасно я обращалась къ властямъ, напрасно подала просьбу въ департаментъ полиціи о разрѣшеніи сыну ѣхать на свой счетъ. Я получила категорическій отказъ. Велико было мое горе, но прежде всего надо было позаботиться скрыть этотъ ужасъ отъ совершенно измученнаго тревогами мужа. Пришлось сочинить цѣлую исторію о томъ, что сынъ добровольно предпринялъ поездку, чтобы заранѣе прибыть къ мѣсту назначенія. Я научилась писать письма отъ имени сына и громко читать ихъ мужу. Къ моему счастью, онъ вѣрилъ имъ!

Наконецъ, послѣ долгаго, мучительнаго ожиданія, было получено отъ сына письмо о томъ, что онъ, наконецъ, прибылъ въ Иркутскъ.

Тонъ письма былъ бодрый, рассчитанный на то, чтобъ насъ успокоить. Онъ писалъ, что за наступленіемъ зимнихъ холодовъ, онъ остается до весны въ Александровской пересыльной тюрьмѣ. Описывалъ свою жизнь... Конечно, сравнительно съ жизнью всѣхъ живущихъ на свободѣ, она была ужасна! Но какъ тюрьма, въ сравненіи съ прошлыми, она была изъ лучшихъ. Смотритель былъ хорошій, сынъ жилъ между товарищами и пользовался свободой въ районѣ тюремнаго двора.

«Еслибъ вы могли быть здѣсь», писалъ онъ однажды намъ, «чтобы видѣть сколько ссыльныхъ—вы бы ужаснулись! Каждый понедѣльникъ, среду и пятницу прибываютъ сюда партіи политиковъ, по 70—80 человекъ въ каждой. Все молодые и большей частью интеллигентные! Но какая бѣдность! У большинства нѣтъ ничего, кромѣ того, что надѣто, въ чемъ кто захваченъ. У иного

только и теплаго, что шарфъ на шеѣ, а вѣдь идутъ на ужасающія условія суровѣйшаго климата. Хорошо, что мы имѣемъ свою собственную организацію помощи ссыльнымъ—иначе они бы замерзли. Мы одѣваемъ тулупами, полушубками, рукавицами и прочимъ. И какая это славная молодежь! Никто не падаетъ духомъ—все идутъ смѣло, гордо! Каждый знаетъ, что жертвуетъ собой во имя свободы, и не поддается! Но столько ссыльныхъ, столько, что иногда кажется, что Плеве задумалъ переселить сюда все, что есть въ Россіи мыслящаго и свѣтлаго!»

Такъ прошла зима. По письмамъ сына надо было ожидать его отъѣзда въ Якутскую область въ маѣ мѣсяцѣ. Съ первой весенней партіей случилась катастрофа, приведшая политическихъ ссыльныхъ на скамью подсудимыхъ, разыгралась такъ называемая «Якутская исторія». Ужасающій произволъ конвойныхъ, невыносимая обстановка пересылки привели къ отчаянному протесту. Объ избіеніи ссыльныхъ въ пути, объ истязаніяхъ ихъ ходили въ обществѣ глухіе, но душу возмущавшіе слухи. Я трепетала за участь сына, я ждала самаго худшаго! Случаю было угодно, чтобы онъ не попалъ въ эту фатальную партію, и только 15-го мая была нами получена телеграмма: «Завтра ѣду на мѣсто своей ссылки.»

Весенній путь былъ лучше зимняго. Ссыльные совершали его на баржѣ по Ленѣ, и онъ продолжался три недѣли до Якутска. Сынъ обѣщалъ писать съ каждой пристани, гдѣ принимали почту, увѣрялъ, что съ радостью покидаетъ опостылѣвшую ему тюрьму... Мы тоже вздохнули немного свободнѣе: какъ ни какъ, тюрьма была назади. Съ волненіемъ стали мы слѣдить по картѣ за его предполагаемымъ путешествіемъ. Но дни проходили—письма не было. Прошла недѣля, прошла другая, прошелъ мѣсяцъ. Тревога наша росла... Ужъ онъ долженъ былъ быть въ Якутскѣ... Почему же онъ молчитъ? Наконецъ прошло шесть недѣль—зловѣщее молчаніе продолжалось... Мужъ былъ самъ не свой отъ безпокойства, обо мнѣ и говорить нечего: я слишкомъ много знала, чего не зналъ мужъ изъ обстановки сына, чтобы приписывать отсутствіе вѣстей случайности... Наконецъ, не въ силахъ болѣе выносить неизвѣстности, я потихоньку отъ мужа послала телеграмму въ Иркутское тюремное управленіе, съ запросомъ, гдѣ въ настоящее время находится сынъ мой?

Какими словами могу я изобразить мое отчаяніе, когда получила оплаченный отвѣтъ: «Сынъ не отправленъ, заключенъ Иркутскую тюрьму!» Да что же это, наконецъ? Какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ нимъ! Кто могъ заключить его? Кто имѣлъ право измѣнить наказаніе? Надо сказать, что Иркутская тюрьма была совершенно отдѣльно отъ Александровской пересыльной, и я давно слышала, что условія заключенія въ ней ужасны! Мое отчаяніе было безгранично: опять тюрьма, опять одиночество, часовые, жандармы и это за нѣсколько тысячъ верстъ, безъ возможности помочь, безъ надежды увидѣть, облегчить! Съ величай-

шимъ трудомъ удалось мнѣ скрыть отъ мужа этотъ новый ударъ, увѣривъ его, что сынъ заболѣлъ и остался до выздоровленія въ Иркутскѣ. На другой день послѣ телеграммы, мнѣ было доставлено окольнымъ путемъ слѣдующее письмо отъ сына, писанное карандашомъ на клочкѣ бумаги: «15-го мая меня и трехъ товарищей, обманомъ, якобы отправляя къ мѣсту ссылки, увезли въ Иркутскъ. Всѣхъ насъ посадили въ одиночное заключеніе. Не даютъ курить, не даютъ книгъ, не позволяютъ писать письма. Ничего не знаемъ о своей участи. Если дойдетъ до васъ эта записка, помогите. Посылаю случайно».

Нечего и говорить, что я въ тотъ же день выѣхала въ Петербургъ. Въ департаментѣ полиціи, куда я поспѣшила, Лопухинъ меня тотчасъ же принялъ: ему слишкомъ хорошо была известна моя фамилія. Когда я показала ему записку сына, даже онъ, несмотря на все его хладнокровіе, смутился. Онъ долго держалъ записку въ рукахъ и нѣсколько разъ перечиталъ ее. Затѣмъ тутъ же при мнѣ позвалъ начальника отдѣленія и поручилъ ему тотчасъ же запросить по телеграфу генераль-губернатора Восточной Сибири о причинѣ задержанія сына. Отвѣтъ былъ полученъ черезъ нѣсколько дней и гласилъ слѣдующее: «вчера отправленъ по назначенію».

Итакъ, его продержали, промучили неизвѣстно за что два мѣсяца въ одиночномъ заключеніи и, Богъ знаетъ, сколько бы еще пытали его такимъ образомъ, если бы не запросъ директора! Но безграниченъ былъ произволъ и безпредѣльны издѣвательства надъ человѣческой личностью!

Воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ, я старалась развѣдать, куда направляютъ моего сына, и узнала, что ему назначенъ Колымскъ! Мнѣ было извѣстно это роковое мѣсто ссылки. Къ счастью, я узнала, что въ Петербургъ ожидается генераль-губернаторъ Восточной Сибири. Я рѣшилась ждать его и добиться у него свиданія. Была вторая половина іюля, и мой пріѣздъ совпалъ съ недавнимъ убійствомъ Плеве. Не одна материнская рука, я думаю, сотворила тогда крестное знаменіе при извѣстии о его смерти!...

Въ концѣ іюля пріѣхалъ графъ Кутайсовъ, восточный генераль-губернаторъ, и я немедленно принялась дѣйствовать. На счастье оказалось, что онъ остановился на той же улицѣ, гдѣ поселилась я въ меблированныхъ комнатахъ. И вотъ начались мои мытарства: изо дня въ день появлялась я въ швейцарской его квартиры, съ просьбой принять меня, и изо дня въ день получала отказъ:

«Его сіятельство только что выѣхалъ!» «Его сіятельство у Государя Императора!» «Его сіятельство почиваютъ!».

Такъ прошло 10 дней. На одиннадцатый, вернувшись въ свою комнату, я сѣла къ столу и написала слѣдующее письмо:

«Графъ! Десять дней сряду я не была Вами принята. Однако, мнѣ необходимо видѣть Васъ по дѣлу сына. Сынъ мой, находив-

шійся въ Александровской пересыльной тюрьмѣ въ ожиданіи отправления къ мѣсту ссылки, былъ 15-го мая сего года, совершенно незаконно заключенъ администраціей въ одиночную тюрьму, гдѣ и безъ того слабое здоровье его сильно пострадало, такъ что онъ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ. Желая по этому поводу, имѣть съ Вами личное объясненіе, я позволяю себѣ предупредить Васъ, графъ, что если въ теченіе трехъ дней послѣ этого письма я не буду Вами принята, то подаю прошеніе на Высочайшее Имя съ изложеніемъ всего вышесказаннаго. Жительство имѣю и пр. пр.».

Конечно, только отчаяніе продиктовало мнѣ это письмо, и если бы не смерть Плеве, то, разумѣется, оно осталось бы безъ послѣдствій.

Но подъ вліяніемъ переменъ въ политикѣ и начавшейся тогда знаменитой «весны», оно подѣйствовало скорѣе, чѣмъ я думала.

На другой же день, въ восемь часовъ утра, я была разбужена стукомъ въ мою дверь, и на мой вопросъ, я получила торжественный отвѣтъ:

«Отъ его сіятельства генераль-губернатора Восточной Сибири. Графъ требуетъ Васъ немедленно къ себѣ».

Разумѣется я моментально одѣлась и черезъ полчаса входила въ столь негостепріимную для меня до сихъ поръ швейцарскую квартиру графа Кутайсова. Мой разговоръ съ нимъ показался мнѣ столь замѣчательнымъ, что, вернувшись къ себѣ, я записала его дословно.

Меня провели въ гостиную, и ждать мнѣ пришлось недолго. Послышался звонъ шноръ, и ко мнѣ вышелъ старый, плотный генераль, бритый и съ густыми, нависшими надъ глазами, бровями. Я встала. Такъ вотъ онъ, тотъ, въ рукахъ котораго участь нашихъ дѣтей, тотъ, первымъ дѣломъ котораго было, по приѣздѣ въ край лишить ссыльныхъ свиданія съ ихъ товарищами, идущими по тракту! Я съ любопытствомъ смотрѣла на этого старца, ища въ чертахъ его слѣдовъ лютости. Но ихъ не было. Передо мной было ласково улыбавшееся, привѣтливое лицо.

— Прошу въ кабинетъ!—Онъ указалъ на кресло, я сѣла.

— Позвольте курить?—Я молча поклонилась. Однако, жандармская привычка сейчасъ же сказала: графъ посадилъ меня лицомъ къ свѣту, самъ сѣлъ въ тѣни.

— Вы писали мнѣ?

— Да, я!

— Въ письмѣ вашемъ—угроза!

— Просьба, графъ!.

— Нѣтъ, угроза!

— Нѣтъ, просьба принять меня, графъ!—Онъ нетерпѣливо передернулъ плечами.

— Не будемъ спорить о словахъ. Вы пишете, что надъ вашимъ сыномъ, будто-бы, совершено беззаконіе...—Мнѣ понравилось это «будто-бы»!

— Да, графъ! Возмутительное беззаконіе... Сынъ мой приговоренъ къ ссылкѣ на свободное поселеніе, и никто не имѣлъ права безъ новаго рѣшенія заключить его въ тюрьму и такимъ образомъ наложить новое взысканіе. Это жестокий произволъ!

Графъ насмѣшливо улыбнулся:

— Вашъ сынъ вовсе не былъ заключенъ въ тюрьму: онъ заболѣлъ, не могъ продолжать путешествія и былъ переведенъ въ больницу.

Теперь меня передернуло отъ негодованія.

— Извините, графъ, я хорошо знаю всѣ обстоятельства этого дѣла. Сынъ мой въ то время не былъ боленъ. Его посадили на телѣгу со всѣми вещами, онъ простился съ товарищами, думая, что ѣдетъ въ Якутскую область, но его отвезли въ Иркутскъ, прямо въ тюрьму, гдѣ посадили въ одиночное заключеніе. Послѣ, въ тюрьмѣ, онъ захворалъ, тѣмъ не менѣе все время оставался въ камерѣ; въ больницу его не перевели.

— Да, да, да!—сказалъ графъ,—теперь я вспоминаю; это случилось, вѣроятно, по недоразумѣнію. Это была ошибка одного чиновника моей канцеляріи.

— Какъ?—вскричала я.—Такъ участь нашихъ дѣтей въ рукахъ не только высшихъ властей, но зависитъ также отъ каждаго канцелярскаго чиновника? До сихъ поръ это было неизвѣстно родителямъ...

Графъ злобно бросилъ папиросу.

— Ну,—сказалъ онъ,—я не хотѣлъ вамъ говорить, такъ какъ это тайныя дѣла. Но какъ матери, по секрету, я сообщу вамъ: вашъ сынъ былъ арестованъ по распоряженію директора департамента полиціи.

Это была неправда отъ перваго слова до послѣдняго.

— Графъ, это невѣрно. Я лично была у директора департамента полиціи и сама видѣла посланную имъ генераль-губернатору Восточной Сибири телеграмму, съ запросомъ о причинѣ ареста сына, читала и отвѣтъ, что сынъ мой прослѣдовалъ дальше, но уже послѣ запроса!

Лицо генерала приняло багровый оттѣнокъ.

— Впрочемъ—разсердился онъ,—все это меня не касается, я выѣхалъ ранѣе, чѣмъ былъ арестованъ вашъ сынъ...

Чѣмъ болѣе онъ запутывался въ неправдѣ, тѣмъ сильнѣе я себя чувствовала; къ счастью я навела серьезныя справки и была очень хорошо освѣдомлена.

— Сынъ мой,—спокойно возразила я,—былъ заключенъ въ тюрьму 15-го мая, а вы, графъ, выѣхали изъ Иркутска 26-го іюня.

Улыбка совершенно исчезла съ лица генерала, грозныя брови зловѣще нахмурились, и фizioномія сразу стала свирѣпой.

— Но что же вамъ, наконецъ, угодно отъ меня, сударыня?—почти закричалъ онъ.

Я собралась съ духомъ и быстро рѣшилась:

— Въ виду того, что здоровье моего сына сильно пострадало отъ незаконнаго (я сдѣлала удареніе на этомъ словѣ) содержанія въ одиночномъ заключеніи въ теченіе цѣлыхъ шести недѣль, я прошу васъ, какъ лицо, отъ котораго это вполнѣ зависитъ, назначить ему такое мѣстопробываніе, гдѣ былъ бы докторъ, и гдѣ бы онъ могъ пользоваться всѣми медицинскими средствами. Я прошу оставить его въ Якутскѣ.

— Никогда!—закричалъ генераль.—Никогда! Вы бы пожелали еще поселить его въ Петербургѣ!

— Но почему же, графъ? Неужели же Якутская исторія...

Генераль едва не подскочилъ. Онъ пріѣхалъ съ докладомъ именно по этому дѣлу и воображалъ, что слухи до публики по этому поводу сюда не дошли, и что это тайна.

— Что вы знаете о Якутской исторіи? Какая такая Якутская исторія?—почти крича, перебилъ онъ меня.—Никакой исторіи не было!

Я старалась говорить совершенно спокойно.

— Неужели никакой исторіи не было? А у насъ тутъ рассказываютъ ужасы: говорятъ, несчастныхъ политиковъ привязывали къ столбамъ, били ихъ веревками и палками, связывали... Говорятъ даже объ убійствѣ...

— Вздоръ, вздоръ, вздоръ! — кричалъ генераль—«Освобожденія» начитались! «Освобожденіе» лжетъ! Все ложь!..

Я молчала, видя, что попала въ больное мѣсто. Вдругъ генераль перемѣнилъ тонъ:

— Меня выставляютъ звѣремъ, палачомъ! А я... я только исполнитель приказаній свыше... Этотъ мерзавецъ Плевел...

...Да, я не ослышалась... Генераль произнесъ именно это слово: «мерзавецъ!» Всего три недѣли назадъ, когда Плевел не былъ еще въ могилѣ, этого не могло случиться никакою цѣной. Генераль скорѣе вырвалъ бы себѣ языкъ, чѣмъ назвалъ всемогущаго, царившаго тогда министра внутреннихъ дѣлъ подобающимъ ему именемъ! Теперь, когда Плевел не могъ этого слышать, не могъ узнать, его ставленникъ, сотрудникъ, рабскій исполнитель его предначертаній отрекался отъ него при первомъ случаѣ, передъ совершенно незнакомымъ ему человѣкомъ! Я съ любопытствомъ слушала генерала.

— Этотъ мерзавецъ Плевел сыпалъ конфиденціальными предписаніями самаго возмутительнаго свойства, а отвѣчали передъ обществомъ за нихъ исполнители! А могъ-ли я не исполнять? Хотя бы взяли это во вниманіе: могъ-ли я не исполнять? Я вовсе не желаю угнетать несчастныхъ ссыльныхъ, я радъ, напротивъ, облегчить ихъ участь! Но я не властенъ! Я самъ подчиненный...

Я слушала съ негодованіемъ; сколько горя, слезъ, страданій прибавилъ своими лютыми приказами этотъ всесильный на далекой окраинѣ владыка, а теперь валилъ все на мертваго... Мнѣ стало невыносимо тяжело—лучше кончить.

— Графъ,—настойчиво сказала я,—если вы не можете почему-либо разрѣшить сыну пребываніе въ Якутскѣ, то оставьте его хоть въ Олекминскѣ: тамъ есть аптека, докторъ... Самая простая человѣческая справедливость требуетъ, чтобы загладили сколько-нибудь то зло, которое ему нанесли незаконнымъ задержаніемъ. И если правда, что вы не желаете усиливать горести несчастныхъ политическихъ ссыльныхъ, такъ докажите это.

Графъ молчалъ, какъ будто что-то обдумывая... Наконецъ, онъ произнесъ:

— Я знаю вашего сына: онъ не изъ покладистыхъ; его слѣдовало бы послать подальше. Но, можетъ быть, къ нему дѣйствительно отнеслись черезчуръ строго... Хорошо, я соглашаюсь! Онъ будетъ поселенъ въ Олекминскѣ.

— Извините, я—мать и хлопочу за сына. Поэтому простите мое недовѣріе: какая же гарантія этого?—недовѣрчиво спросила я.

Графъ нахмурился.

— Мое слово!—гордо отвѣтилъ онъ.

Увы! горькій опытъ научилъ меня давать мало вѣры словамъ высшей администраціи.

— Вы можете забыть... Мой сынъ не одинъ—въ вашемъ вѣдѣніи тысячи. Я прошу единственно для моего успокоенія дать мнѣ официальное подтвержденіе...

— Хорошо — сказалъ генераль-губернаторъ. — Вы его получите.

Я встала.

— И когда будете писать сыну, передайте, что вы здѣсь слышали: я не противъ нихъ дѣйствую, я дѣйствую за нихъ!—Онъ особенно выразительно произнесъ эту фразу. Я горько усмѣхнулась, поклонилась и вышла.

Справедливость требуетъ прибавить, что очень скоро я получила черезъ полицію официальную бумагу, гдѣ объявлялось матери политическаго ссыльнаго такого-то, что ея сынъ поселенъ въ г. Олекминскѣ.

Среди мрачныхъ условій жизни сына и это ужъ было облегченіемъ. Олекминскъ—одинъ изъ лучшихъ пунктовъ ссылки, на самой Ленѣ, въ 600 верстахъ отъ Якутска и довольно людень. Я поспѣшила домой, чтобы утѣшить этой вѣстью мужа, и мы порадовались этой относительной удачѣ.

Результатъ моего ходатайства скоро сказался: сынъ былъ обрадованъ своимъ мѣстожительствомъ. Не зная моей просьбы, онъ писалъ: «Не знаю, чему я обязанъ, что оставленъ здѣсь, но несказанно этому радъ, и послѣ проклятыхъ тюремъ мнѣ кажется, что я вновь родился. Ужъ одно то, что за мной не ходятъ часовые, что не вижу штыковъ, не слышу звона кандаловъ, способствуетъ моему благополучію. Не могу довольно надышаться свободнымъ воздухомъ и почти не возвращаюсь до-

мой: то иду къ рѣкѣ, то въ лѣсъ—такъ бы и не вернулся въ домъ».

Отрадно намъ было читать эти письма. Я стала надѣяться, что съ теченіемъ времени воспоминаніе жестокаго пережитаго изгладится; что потрясенная столькими тюрьмами, безъ воздуха, въ мучительномъ одиночествѣ нервная система, подъ вліяніемъ относительной свободы оправится. Но Якутская область не такое мѣсто, которое возрождаетъ людей... Хотя это былъ и не Колымскъ, но лѣтъ не менѣе, когда настала зима, жестокія климатическія условія, мало-по-малу, стали подтачивать силы моего сына. Онъ не могъ не страдать: бѣлоснѣжная безконечная равнина, пока достаешь глазъ, сорока-восемь градусные морозы, полная невозможность отъ холода заняться чѣмъ-нибудь—скоро привели его въ отчаяніе, и онъ писалъ мнѣ:

«Ахъ, эти холода! жестокіе, безсмѣнные, не поддающіеся описанію! цѣлый день сижу въ шубѣ, валенкахъ, рукавицахъ передъ пылающей печью, куда прямо въ огонь всовываю ноги. И вѣришь-ли: точно я весь изъ льда; ничто не согрѣваетъ. Внутри тѣла такой же холодъ, какъ и снаружи. Парализовано все: нѣтъ охоты двинуться, думать, читать... А ужъ о работѣ и говорить нечего. Какая работа, когда дыханіе замерзаетъ, когда пальцы окоченѣли! И вспоминается мнѣ Герценъ: «гибель, потуханье въ холодныхъ полянахъ, безъ участія, безъ отзыва—вотъ что остается несчастнымъ ссыльнымъ». Онъ писалъ это пятьдесятъ лѣтъ назадъ. А сегодня, какъ тогда... правительственная система безъ измѣненія... Такъ же карается мысль, чувство свободы, протестъ противъ насилія, тѣ же средства! И все то же безумное желаніе у людей—сбросить съ себя гнетъ и уничтожить тиранію».

Мало-по-малу письма сына стали принимать все болѣе и болѣе мрачный оттѣнокъ: имъ стала овладѣвать меланхолія. Что могла я сдѣлать? Разобщенная съ нимъ нѣсколькими тысячами верстъ, лишенная всякой возможности помочь ему, я могла только терзаться... Къ тому же настала несчастная война съ Японіей—условія сообщенія еще ухудшились: посланки перестали принимать, письма стали приходять все неаккуратнѣе, телеграммы получались не ранѣе десяти дней. А ссыльнымъ было еще хуже: продукты вздорожали, газеты не получались, и связь съ родиной почти прекратилась.

Россія между тѣмъ переживала горячее время. Смерть Плеве имѣла рѣшающее историческое значеніе и сразу измѣнила политическія условія страны: масса зашевелилась и мало-по-малу стала стряхивать свою вѣковую спячку. Затѣмъ неудачи войны пробудили народъ; проснулись инстинкты самосохраненія, и то, что казалось мѣломъ, мечтой, обѣцало осуществиться. Свобода грезилась всѣмъ! Ожились и заброшенные въ далекой Сибири! Я тоже радовалась... Надѣясь подбодрить и воскресить сына, я посылала ему письмо за письмомъ, описывая событія. Но отвѣты

его были печальны. Истрадавшись отъ жестокаго произвола, онъ не вѣрилъ, чтобы тѣ самые люди, которые съ легкимъ сердцемъ погребли заживо тысячи людей въ сугробахъ Азіи, могли бы взаправду начать уважать человѣческую личность и захотѣли предоставить людямъ свободу убѣжденій.

«Нѣтъ, нѣтъ!—писалъ онъ мнѣ,—у меня нѣтъ вѣры въ этихъ палачей! Не отдадутъ они добровольно свою власть. Не пожертвуютъ ни единой пядью своего благополучія во имя того, за что мы здѣсь страдаемъ! Зачѣмъ имъ давать конституцію, когда они сами въ ней не нуждаются? Имъ она не нужна, и, чтобы получить ее, придется ее вырвать у нихъ изъ горла!»

Меня огорчалъ пессимизмъ сына, а между тѣмъ время показало, что онъ былъ правъ!.. Тогда въ Россіи, среди постоянныхъ перебѣтъ правительственныхъ настроеній, жилось очень тревожно. И съ каждымъ днемъ положеніе ухудшалось. Наконецъ, наступили дни, когда казалось, что хуже уже не будетъ. Однако событія показали, что это была лишь прелюдія. Наступило время бомбъ, взрывовъ, убійствъ съ одной стороны, и ни передъ чѣмъ не останавливающагося яростнаго мщенія—съ другой. Общественная совѣсть была встревожена; все притаилось, притихло въ ожиданіи грозныхъ событій. На успокоеніе нельзя было рассчитывать, такъ какъ дѣйствія правительства лишь раздражали и возбуждали. И думали-ли мы съ мужемъ, что чаша нашего терпѣнія была еще не полна? Но то, что ждало насъ, затмило всѣ ужасы прошлаго..

Наступилъ 1905 годъ, роковой, какъ для несчастной нашей родины вообще, такъ и для моей бѣдной семьи въ частности.

Къ началу его, наши семейныя обстоятельства стояли такъ: старшій сынъ прозябалъ въ далекой ссылкѣ и, судя по письмамъ, становился все нервнѣе и нервнѣе... О младшемъ же не было никакого слуха. Гдѣ скитался онъ, что дѣлалъ? При мысли о сыновьяхъ, сердце исходило тоской.

А дома было тоже горько: постоянныя невзгоды убивали мужа. Онъ хирѣлъ и видимо таялъ. Единственной его отрадой были письма его сыновей, и когда ихъ не было, мнѣ приходилось сочинять ихъ, чтобы сколько-нибудь поддержать бодрость старика. Но скоро новый, неожиданный ударъ совершенно сразилъ его.

Это случилось въ мартѣ. Въ два часа ночи, едва я заснула, какъ почувствовала, что кто-то сильно взялъ меня за руку. Я быстро поднялась. Въ комнатѣ горѣла свѣча, и передо мной стоялъ мой младшій сынъ, гимназистъ 7-го класса.

— Что такое?—съ испугомъ спросила я.

— Обыскъ, мама! Не пугайся. Полный домъ жандармовъ. Папа черезчуръ волнуется. Иди туда, мама!

Я растерянно глядѣла на сына... У меня мелькнула страшная мысль, что пришли за нимъ, за послѣднимъ!

Дрожа отъ волненія, я быстро одѣлась. За дверью слыша-

лись шаги, бряцанье шпоръ, и доносился громкій голосъ мужа. Онъ волновался. Поспѣшно вошла я къ нему въ кабинетъ. Онъ стоялъ посреди комнаты и, прижимая къ груди карточку сына-эмигранта, блѣдный, съ блуждающими глазами, говорилъ одно:

— Не дамъ сына! Не дамъ сына!

Видъ старика съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, съ глазами, полными слезъ, былъ такъ трогателенъ, что и жандармскій ротмистръ, и приставъ, и начальникъ сыскаго отдѣленія—все молча стояли вокругъ, не зная, что предпринять, а онъ все повторялъ:

— Не дамъ сына, не дамъ!

Я пришла во время. Попросивъ у этихъ господъ позволенія уложить черезчуръ волновавшагося мужа вновь въ постель, съ которой они его подняли, я уговорила его лечь, съ тѣмъ, что портретъ останется у него. При немъ оставили пристава, а я предложила все ключи... Началась знакомая исторія... Я убѣдилась, что дѣло не въ сынѣ гимназистѣ, и стала спокойнѣе. Чего мнѣ было бояться? Что могло у насъ быть? Какого бы образа мыслей мы ни держались, но до заговоровъ ли намъ было, при нашихъ несчастіяхъ? Я спокойно водила ротмистра по дому, отворяла шкафы, сундуки... Онъ былъ вѣжливъ, но не пропустилъ ничего, что могло подлежать осмотру. Наконецъ, въ 10 часовъ утра, обыскъ былъ конченъ: все перерыто, пересмотрѣно, и безъ всякаго результата. Вся сыскавая компанія откланялась, извинилась за беспокойство (приличія иногда соблюдаются жандармами) и удалилась... Я осталась въ полномъ недоумѣніи насчетъ причины обыска. Однако на другой же день все объяснилось и притомъ самымъ роковымъ образомъ.

Взявъ утромъ, по обыкновенію, для чтенія мѣстную газету, я была поражена, какъ громомъ! Въ отдѣлѣ телеграммъ изъ Петербурга было сообщеніе, что арестовано нѣсколько важныхъ государственныхъ преступниковъ и въ числѣ фамилій я прочла... да, прочла фамилію нашего сына эмигранта! Въ глазахъ потемнѣло, газета выпала изъ рукъ!..

Вотъ онъ обыскъ! Какъ описать мое душевное состояніе? Тогда какъ разъ репрессія послѣ пресловутой «весны Святополкъ-Мирскаго» была въ разгарѣ. Царилъ Треповъ. Смертныя казни слѣдовали одна за другой. Я не могла сомнѣваться, я понимала, что грозитъ сыну! Тѣмъ болѣе, что въ телеграммѣ выраженіями не стѣснялись: «анархистъ, бомбы, заговоръ»... Но все это надо было скрыть отъ мужа. Съ улыбкой вошла я къ нему и, показавъ мною самой написанное подложное письмо о томъ, что меня экстренно вызываютъ въ Петербургъ по дѣлу о пенсіи, кое-какъ увѣрила его въ необходимости тотчасъ туда ѣхать. И въ ту же ночь, поручивъ бѣднаго мужа нашимъ друзьямъ, я выѣхала въ столицу.

Забросивъ вещи въ гостиницу, я прямо отправилась на Тверскую. Было всего одиннадцать часовъ утра, когда я вошла въ жандармское, столь знакомое мнѣ управленіе. Все было по-ста-

рому: у подъѣзда образъ и зажженная лампада, въ вестибюлѣ тоже, въ пріемной тоже. «Есть что замаливать», подумала я, передавая дежурному свою карточку для вызова офицера.

Скорѣе, чѣмъ я ожидала, появился вылощенный и выдрессированный полковникъ; вѣжливо щелкнувъ шпорами, онъ самымъ мягкимъ голосомъ спросилъ, чего я желаю.

Я заявила, что, прочитавъ въ газетахъ объ арестѣ сына, я пріѣхала видѣть его.

Полковникъ съ огорченіемъ покачалъ головой; къ сожалѣнію, онъ долженъ отказать мнѣ въ этомъ. Почему? Потому что преступленіе сына такъ тяжело и такъ сложно, что рѣшительно никто къ нему допущенъ не будетъ. Но мать? Невозможно и матери. Въ чемъ онъ обвиняется? Полковникъ сообщить не въправѣ, но въ газетахъ вѣдь было сказано: «анархистъ, бомбы».

— О,—закричала я съ негодованіемъ,—мало-ли что вы скажете! Не первый разъ мнѣ приходится имѣть дѣло съ жандармами... Но пусть по вашему онъ анархистъ и государственный преступникъ, для меня онъ—сынъ! Я пріѣхала спасти его: взять защитниковъ, дѣйствовать... Такъ дайте же мнѣ хоть увидѣться съ нимъ!

Полковникъ все съ тѣмъ же огорченіемъ качалъ головой.

— Невозможно!—сказалъ онъ.—Но вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали, такъ какъ все равно пришлось бы вызвать васъ телеграммой, для дачи показаній. Генералъ Ивановъ самъ хочетъ допросить васъ... Онъ еще не прочелъ все дѣло, но часамъ къ пяти будетъ готовъ... Подождите здѣсь!

Я рѣшительно отказалась. Мнѣ слишкомъ нуженъ былъ отдыхъ. Тогда мнѣ было предложено уѣхать и вернуться къ пяти часамъ, съ условіемъ, за это время ни съ кѣмъ не видѣться. «Такъ какъ—прибавилъ полковникъ,—все равно намъ это будетъ извѣстно». Конечно, я поняла въ чемъ дѣло: сыщики не были для меня новостью: каждый разъ, какъ я пріѣзжала въ Петербургъ, за мной неизмѣнно всюду ходилъ шпіонъ, а иногда и два. Я не обращала на нихъ никакого вниманія. Что мнѣ было скрывать? Хлопоты о дѣтяхъ? Пусть ходятъ...

Невыносимые часы пережила я въ номерѣ, въ ожиданіи пяти часовъ! Жутко вспомнить, что мнѣ представлялось...

Въ назначенный часъ я явилась въ управленіе. Во мнѣ все еще жила надежда на свиданіе съ сыномъ. Я рѣшила послѣ допроса просить объ этомъ генерала...

Меня встрѣтилъ тотъ же полковникъ и опять выразилъ сожалѣніе, что свиданіе съ сыномъ для меня невозможно; это было, по его словамъ, окончательно рѣшено. Затѣмъ онъ попросилъ меня слѣдовать за нимъ. Мы пошли какими-то внутренними корридорами, поднялись по лѣстницѣ и, наконецъ, остановились у закрытой двери. Пропустивъ меня впередъ, полковникъ какъ-то внезапно и широко открылъ дверь. Моимъ глазамъ представилась такая картина: посреди комнаты стоялъ письменный столъ; съ

лѣвой стороны его стоялъ на вытяжку генераль Ивановъ; съ правой стороны стояли офицеры, а впереди нихъ на стулѣ сидѣлъ какой-то молодой человѣкъ, въ пальто и котелкѣ. Онъ былъ очень спокоенъ и, улыбаясь, покручивалъ свои небольшіе усики. Я замѣтила, что онъ былъ очень молодъ, замѣтила и то, что глаза всѣхъ, кромѣ юноши, внимательно впились въ мое лицо. Я приостановилась на порогѣ, не понимая происходящаго: если меня будутъ допрашивать, зачѣмъ же здѣсь этотъ молодой человѣкъ? Но генераль поднялъ руку и, указывая ею на юношу, театрально произнесъ:

— Что-жъ, сударыня! Обнимите вашего сына!

Точно громъ грянулъ, такъ поразили меня эти слова. Я быстро обернулась и пристально посмотрѣла на сидѣвшаго: я его не знала, я видѣла его въ первый разъ въ жизни! Это не былъ сынъ мой!

На мгновеніе я была ошеломлена, но затѣмъ опомнилась. И спазмы сжали мое горло... А затѣмъ... затѣмъ все, что я вынесла за эти дни, страданія матери, мое безвыходное горе при мысли объ ожидавшей сына участи, все это вылилось въ одинъ сплошной нервный крикъ. Никакой цѣной я не могла бы остановиться! Слова вылетали сами собою, и я говорила, говорила...

— Какъ?—кричала я,—вы думаете что это мой сынъ? Но это не онъ, не онъ! И вы рѣшились напечатать имя сына, не провѣривъ личности? И вы не понимали, что дѣлали? Или вы не знаете, что значитъ несчастье? Вѣдь убивали цѣлую семью... Вѣдь вы наносили жесточайшій ударъ! За что? За что?

Генераль былъ пораженъ—онъ не ждалъ такого результата. Очевидно, нѣкоторое сходство фотографій ввело всѣхъ въ заблужденіе. Ярость была написана на его лицѣ, и онъ старался меня перекричать.

— Уведите, уведите его!—скомандовалъ онъ офицерамъ.—Не надо, чтобы онъ слышалъ... Скорѣе, ведите!

Молодого человѣка быстро вывели.

Генераль былъ внѣ себя, я тоже; оба мы кричали другъ на друга, забывъ всякія приличія.

— Такъ вы утверждаете, что это не сынъ вашъ?—кричалъ онъ.

— Какъ же мнѣ не утверждать, когда это не онъ!—такимъ же тономъ, отвѣчала я. Я все еще не могла опомниться отъ негодованія...

— А вотъ вы потрудитесь мнѣ объяснить, когда вы перестанете меня мучить?—нервно кричала я.—Девять лѣтъ, девять долгихъ лѣтъ вы терзаете меня... За то, что я мать! Только за то! И теперь, теперь вы не посовѣстились играть материнскими чувствами! Вы хотѣли поймать мать... мать!.. Вы рассчитали, что если это мой сынъ, то я не выдержу и брошусь къ нему... Да что же вы? Или не люди? Вѣдь это истязаніе! Вы нарочно сказали, что не дадите свиданія, чтобы я увидѣла сына внезапно?.. Вы ловили мать, понимаете-ли вы?—мать!

— А зачѣмъ они убиваютъ!—кричалъ генераль.

— Теперь всѣ всѣхъ убиваютъ... Онъ васъ—вы ихъ!.. Но если вы ловите ихъ, чтобы потомъ повѣсить, такъ не ошибайтесь же хоть личностью!.. Провѣряйте ее, какъ слѣдуетъ...

— Но вѣдь мы не напечатали ни имени, ни званія!—попробовалъ вывернуться генераль.

— А обыскъ?—истерично перебила я.—Обыскъ! Что же значилъ этотъ безобразный, перетревожившій весь домъ, обыскъ? Какое же право имѣли вы, изъ-за ошибки, такъ испугать насъ?

— Позвольте!—раздался вдругъ спокойный голосъ и передо мной внезапно появился товарищ прокурора петербургской судебной палаты по политическимъ дѣламъ Трусевичъ. Очевидно, онъ скрывался въ сосѣдней комнатѣ и все слышалъ. О, я хорошо его знала! Не разъ и мнѣ случалось разговаривать съ нимъ.

— Позвольте!—сказалъ онъ, глядя на меня съ нескрываемой насмѣшкой.—Ваше волненіе очень натурально, очень, можно сказать, даже естественно! А все же—это вашъ сынъ!

Очевидно, онъ подозрѣвалъ съ моей стороны комедію! Это было ужъ слишкомъ, и именно это заставило меня немного опомниться и притти въ себя: не стоитъ этотъ человѣкъ того, чтобы я выказывала передъ нимъ свои чувства. Я хрустнула пальцами, но сказала спокойнымъ тономъ:

— Мнѣ странно слышать это отъ васъ, именно отъ васъ! Не вы ли таскали по допросамъ моихъ сыновей и не вы ли сажали ихъ въ тюрьмы и крѣпости? Кажется, они должны быть вамъ хорошо знакомы...

— Да, но я не видалъ вашего сына три года, а этотъ господинъ, очень его напоминаетъ,—сказалъ прокуроръ.

— Пусть напоминаетъ!—рѣшительно отвѣтила я,—мнѣ это все равно. Я убѣдилась, что это не сынъ мой, и съ меня достаточно. А что вы полагаете, мнѣ это, право, все равно.

— Вотъ—вмѣшался генераль,—то вы требуете гласности, а когда ее вамъ даютъ, такъ вы кричите: зачѣмъ напечатано?

— Но развѣ это гласность?—опять возмущилась я.—Это безобразіе перепутывать личности и печатать на всю Россію! Однако, кончимте, господа! Прошу меня отпустить!

Меня заставили подписать бумагу съ заявленіемъ, что въ предъявленной мнѣ личности я сына не признала, и затѣмъ ничего болѣе не оставалось, какъ отпустить меня. Но на этомъ еще не кончилось: въ вестибюлѣ, гдѣ я одѣвалась, я увидѣла спускающагося съ лѣстницы, видѣннаго мною только что молодого человѣка. Его нарочно пустили пройти мимо меня, удаливъ предварительно жандармовъ, рассчитывая, что здѣсь я не выдержу, если это сынъ мой, и только, когда онъ прошелъ, жандармы опять подскочили съ вопросомъ: «такъ это не сынъ вашъ?» Я съ омерзѣніемъ поглядѣла на нихъ и отрицательно покачала головой.

Разбитая, усталая до изнеможенія, но счастливая сознаніемъ что буря пронеслась мимо, я не могла выѣхать въ тотъ же день

безъ памяти свалилась я на постель и послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей заснула, какъ убитая.

На другой день, пославъ телеграмму о выѣздѣ, я поспѣшила домой. Какъ ни была я утѣшена сознаниемъ, что вся эта исторія оказалась ошибкой, что сына нѣтъ въ Россіи, но я не была покойна. Опасеніе, что мужъ могъ безъ меня прочесть, несмотря на принятые мѣры, роковую телеграмму, сильно меня тревожило. Вѣдь не было газеты, въ которой бы наша фамилія не была пропечатана всѣми буквами? Что, если онъ прочелъ жестокое извѣстіе? Потрясающія событія моей жизни давно приучили меня быть готовой ко всему... Но это опасеніе угнетало меня. Вѣдь въ краскахъ не стѣснялись: анархистъ, бомбы! Я мучительно старалась не думать объ этомъ, но мысль эта меня не покидала. Ахъ, если онъ прочелъ!... Чѣмъ ближе я подвигалась къ дому, тѣмъ сильнѣе терзало меня предчувствіе... И оно не обмануло меня...

На вокзалѣ, черезъ окно вагона, я увидѣла своего сына гимназиста. Что онъ меня ждалъ — это меня не удивило... Но меня поразило видъ его: онъ былъ очень блѣденъ и какъ-то растерянъ. Когда я рассказала объ ошибкѣ, онъ не обрадовался, а отвернулся и старался не встрѣтиться со мной глазами. Сердце мое сжалось — я почувствовала недоброе.

— Все благополучно? — спросила я.

Онъ молчалъ. Я схватила его руку; онъ высвободилъ ее, обнялъ меня и тихо сказалъ:

— Мужайся, бѣдная мамочка! Тебя ждетъ новый ударъ!

— Что? что? отецъ?

Онъ молча кивнулъ головой — его душили рыданія...

— Умеръ? — не своимъ голосомъ закричала я.

— Хуже, мама! Бѣдный папа помѣшался!

— Нѣтъ, нѣтъ! Это неправда! Не можетъ быть! — отчаянно бормотала я...

Увы! Увы! Это была правда. Мой несчастный мужъ не выдержалъ болѣе: послѣднія событія доканали его. На столѣ его, впоследствии, я нашла номеръ газеты съ подчеркнутой телеграммой о сынѣ. Вотъ къ чему привела роковая ошибка!..

Когда я увидѣла мужа, его мутные глаза, услышала его то-ропливый шопотъ: «жандармы! Обыскъ! Сыновей ищутъ, сыновей!», я поняла, что все погибло! Въ каждомъ лицѣ онъ видѣлъ шпіона, каждый звонокъ приводилъ его въ ужасъ... Иногда ночью я видѣла, какъ онъ тихонько пробирался къ входной двери и, приложивъ къ ней ухо, прислушивался. Такъ притаившись, онъ готовъ былъ стоять цѣлую ночь. И когда я брала его за руку и старалась вернуть къ дѣйствительности, то онъ шепталъ мнѣ, глядя на меня безумными глазами:

— Не слышишь развѣ? Они идутъ... идутъ... Ихъ шаги... За дѣтьми!.. Не давай, не давай! Кто донесъ? Ты, ты донесла!

Отчаяніе овладѣло мною. Ничто не могло спасти мужа! И въ

моей жизни наступилъ безпросвѣтный мракъ! Съ каждымъ днемъ больной становился безпокойнѣе. Хотя бывали проблески сознанія, продолжавшіеся иногда даже по нѣскольку дней, но доктора не давали надежды на выздоровленіе. Эти минуты сознанія были особенно тяжелы, такъ какъ иногда мужъ мой начиналъ страдать тоской по отсутствовавшимъ сыновьямъ; всѣ его помыслы были направлены къ нимъ, всѣ разговоры — о нихъ! Тогда я читала ему подложныя отъ нихъ письма, и онъ радовался, какъ ребенокъ, когда въ нихъ было: «Скоро вернусь», «разрѣшено пріѣхать!», «до скорого свиданія!» Но наступалъ опять мракъ... Свѣтлыя промежутки были все рѣже... Наконецъ, доктора предложили послѣднее средство — помѣстить мужа въ лѣчебницу, въ надеждѣ, что перемѣна обстановки и лицъ подѣйствуетъ на него благотворно.

Ахъ, какъ мучительно тяжело было намъ, когда онъ выходилъ, окруженный семьей, изъ своей такой уютной, такой родной ему квартиры. Онъ улыбался! Онъ вѣрилъ доктору, отвозившему его, якобы, на дачу... Мы обставили, какъ могли лучше, на шего бѣднаго больного и ежедневно посѣщали его. Но все было напрасно: директоръ, доктора, служители — тотчасъ же приняли въ его глазахъ форму жандармовъ и шпионовъ, и когда я приходила къ нему, онъ съ ужасомъ говорилъ: «Во всѣхъ углахъ здѣсь шпионы и жандармы. А самый главный притворяется докторомъ. Но не обманетъ меня, нѣтъ!»

Какое зло могло еще совершиться? Но худшее было... впереди!..

Тѣмъ временемъ отъ сына изъ Сибири приходили вѣсти... и вѣсти плохія. Тонъ его писемъ былъ угнетенный. Въ каждомъ почти письмѣ была приписка: «Я такъ одинокъ, мамочка, такъ одинокъ!»

Напрасно я посылала ему письмо за письмомъ, изъ всѣхъ силъ стараясь поддерживать его, сообщая, что въ Россіи все идетъ къ обновленію, что ждутъ амнистіи, свободы... Отвѣты были унылы—онъ не вѣрилъ ни обновленію, ни амнистіи, ни свободѣ. «Повѣрь, все останется, какъ было»—писалъ онъ и прибавлялъ: «не стоитъ жить!» Эта приписка сводила меня съ ума... И опять, опять я писала ему... Нечего и говорить, что все, происходившее въ семьѣ, было отъ него скрыто. Отсутствіе писемъ отъ отца я объясняла болѣзнью руки. Посылала періодически и успокоительныя телеграммы: «все спокойно, все благополучно!»

Ничто не помогало—тоска его росла! И наконецъ были получены отъ его товарищей, одно за другимъ, два письма. Они меня извѣщали, что сыну плохо, что у него разыгрывается острая меланхолія, что надо хлопотать о разрѣшеніи взять его домой!

Надо сказать, что сыну до срока оставалось всего четыре мѣсяца. Въ концѣ іюля срокъ его ссылки кончался. Я была убѣждена, что ему разрѣшатъ вернуться до срока—вѣдь оставалось всего четыре мѣсяца! И поручивъ мужа, все еще находившагося въ лѣчебницѣ, друзьямъ и дѣтямъ, я поспѣшно выѣхала

въ опостылѣвшій мнѣ Петербургъ. Но всё мои хлопоты были напрасны. Лопухина уже не было, новый директоръ не принялъ меня... Я подала соответственное прошеніе. Прошла недѣля—отвѣта не было. Я сдѣлала опять попытку видѣть директора — и опять напрасно; онъ вновь меня не принялъ. Между тѣмъ письма сына были зловѣщи. Уже онъ писалъ: «Нѣтъ смысла жить! Всё ждутъ конституціи, всё вѣрятъ въ амнистію. Одинъ я ничего не жду и ничему не вѣрю. Не дадутъ свободу тѣ, кому она помѣшаетъ наслаждаться жизнью! А если и дадутъ, то такого сорта, что еще тошнѣе станетъ. И я предпочитаю умереть, чѣмъ жить среди насилія, произвола и угнетенія!»

Въ отчаяніи — я написала директору департамента частное письмо, въ которомъ умоляла его обратить вниманіе на болѣзнь сына. Я кончала письмо словами: «спасите сына, пока не поздно!» Отвѣта не было.

Въ департаментѣ же мнѣ сказали, что пошлютъ запросъ и наведутъ справки! Наведутъ справки, то есть пройдетъ мѣсяцъ, другой, а тутъ дорога каждая минута!...

И вернувшись домой, я нашла роковое извѣстіе... Свершилось!.. Сынъ мой застрѣлился!..

И я пережила это!

Да и какъ смѣла бы я не пережить, когда на рукахъ у меня оставался несчастный помѣшанный мужъ мой! Что было бы съ нимъ безъ меня? Это дало мнѣ силы жить. Лѣчебница ему не помогла, онъ тосковалъ, и я взяла его домой, взяла, чтобы онъ могъ умереть у себя, среди родной обстановки... И не забыть мнѣ, когда 17-го октября я прочла ему манифестъ о конституціи, онъ бѣднымъ затемненнымъ разсудкомъ своимъ понялъ одно: что теперь вернуть ему сыновей! Хлопотливо требовалъ онъ одѣваться и дрожащимъ голосомъ говорилъ:

— Ёду къ Витте! Ёду къ Скалону! Теперь они отдадутъ сыновей! Теперь они не смѣютъ больше держать ихъ!

Отдадутъ!!! Одинъ былъ въ могилѣ, другой неизвѣстно гдѣ!.. И ровно черезъ мѣсяцъ послѣ знаменитой конституціи мужа моего не стало. Закрывая ему глаза, я подумала: «Спи спокойно! Ты счастливѣе меня!»

О, родина! Я жду твоего обновленія! Каждымъ нервомъ своимъ я трепетно переживаю твое освободительное движеніе! И въ тотъ день, когда, наконецъ, надъ тобой засіяетъ солнце истинной свободы, въ тотъ день и я пойму чувствомъ, зачѣмъ нужны были такіа жертвы!..

С. А. Савинкова.

Февраль 1906 г.

Дѣло Делькевича.

(1863 г.).

3 мая 1861 г. военный кievскій, подольскій и волынский генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ сообщилъ дежурному штабъ-офицеру своего управленія подполковнику Шаврову, что до него дошли слухи о распространении среди офицеровъ Кременчугскаго пѣхотнаго полка прокламаціи къ войскамъ, и поручилъ ему произвести негласное по этому предмету дознаніе.

На другой день былъ произведенъ обыскъ въ квартирахъ офицеровъ указаннаго полка, поручиковъ Вылежинскаго и Авраменко, подпоручика Жилина и прапорщика Суходольскаго, но ничего подозрительнаго найдено не было; 2-го же мая прапорщикъ Суходольскій представилъ полковому командиру литографированное воззваніе.

Воззваніе это начинается привѣтствіемъ Польшѣ и русскому воину, отказавшемуся стрѣлять въ безоружныхъ, вопреки приказу Заблоцкаго. „Русскій офицеръ, — излагается въ прокламаціи, — пересталъ быть рабомъ, палкою и штыкомъ въ рукахъ Заблоцкихъ и другихъ негодяевъ, выслужившихся кровью невинныхъ жертвъ“. Далѣе усовѣщается войско, чтобы оно шло въ арестантскія роты, въ крѣпости, въ казематы, на смерть, но чтобы не убивать ни поляка, который хочетъ быть самимъ собою, ни крестьянина, требующаго свободы. „Поглощеніе Польши Россіею есть нелѣпость и насиліе; насильственныя соединенія увѣковѣчиваютъ только ненависть; только однимъ балтійскимъ нѣмцамъ пришлось по вкусу голштино-татарское управленіе“. Съ похвалою отзываясь о польскихъ помѣщикахъ, рѣшившихъ отдать крестьянамъ полный надѣлъ земли, воззваніе замѣчаетъ: „Какъ русское правительство поступить въ настоящемъ случаѣ, трудно сказать, потому что въ Петербургѣ нѣтъ русскаго правительства; изъ русскихъ тамъ только одинъ Александръ Николаевичъ, а извѣстно, одинъ въ полѣ не воинъ; бѣда наша въ томъ, что эта богадѣльная эполетъ, чающихъ движенія воды, несмысленныхъ стариковъ совѣта, сенаторовъ, негодящихся въ всякую другую службу, и прочее, состоитъ изъ нѣмецко-русскихъ татаръ; чисто русское въ нихъ только невѣжество, привычка драться и говорить ты, Правительство на нѣмецкій манеръ никогда не пойметъ, что для Россіи сильная, независимая Польша, какъ союзница, гораздо важнѣе, чѣмъ Польша четвертованная, оскорбленная, ненавидящая“.

Суходольскій показалъ, что онъ получилъ воззваніе отъ подпоручика

Жилина, который, какъ оказалось, нашелъ его въ комнатѣ поручика Авраменко, послѣднему же передалъ его поручикъ Вылежинскій. Вылежинскій, въ свою очередь, пояснилъ, что однажды, въ Великомъ посту онъ познакомился со студентомъ кievскаго университета Делькевичемъ, который нечаянно его толкнулъ и извинился, что и дало поводъ имъ познакомиться и разговориться. Чрезъ нѣсколько дней Делькевичъ пришелъ на квартиру Вылежинскаго и здѣсь уже передалъ ему воззваніе, которое затѣмъ и ходило по рукамъ полковыхъ офицеровъ. Самъ Делькевичъ затѣмъ бѣжалъ въ Молдавію.

По происхожденію, Титъ Делькевичъ, 26 лѣтъ, былъ дворяниномъ Кіевской губерніи.

Военный судъ приговорилъ Делькевича за побѣгъ за границу и неявку оттуда въ судъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и вѣчному изгнанію изъ предѣловъ Россіи, а по предмету передачи Вылежинскому воззванія оставить въ подозрѣніи.

Генераль-Аудиторіатъ полагалъ: Делькевича объявить измѣнникомъ, а по поимкѣ, добровольной явкѣ или доставленіи въ Россію, лишивъ дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ.

Заключеніе Генераль-Аудиторіата было подтверждено 16 августа 1863 г.

Станиславъ КУНИЦКІЙ.

„Пролетаріатъ“ передъ судомъ ¹⁾.

I.

Послѣ массовыхъ арестовъ 1883 и 1884 гг. за рѣшетками Х павильона варшавской цитадели очутилось около двухсотъ человѣкъ, принимавшихъ участіе въ дѣятельности «Пролетаріата». Тутъ были главные вожаки партіи и простые рядовые, интеллигенты и рабочіе, женщины и офицеры, поляки, евреи и русскіе. Правительство довольно долго колебалось, не зная, какъ отнестись къ арестованнымъ. Въ концѣ концовъ, осенью 1885 г., изъ Петербурга пришло распоряженіе предать военному суду 29 человѣкъ, остальныхъ же сослать въ Сибирь и рассадить по тюрьмамъ въ административномъ порядкѣ.

Засѣданія военного суда начались въ декабрѣ 1885 г., а до того времени арестованные томились въ цитадели въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ, переживая страшныя нравственныя, а подчасъ и физическія мученія. Слѣдствіе было ведено такъ, чтобы терроризовать болѣе слабыхъ, запугивать трусливыхъ и, такимъ образомъ, выпытывать отъ нихъ свѣдѣнія, могущія послужить къ распространенію обвиненія на возможно большее количество привлекаемыхъ къ отвѣтственности. Поддѣлка протоколовъ дознаній практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ—особенно, если дѣло касалось рабочихъ. О переводѣ протоколовъ на польскій языкъ для рабочихъ, не знающихъ по-русски, не было и рѣчи, и они должны были подписывать предлагаемыя имъ бумаги, совершенно не зная, каково ихъ содержаніе. Бывало и такъ, что рабочіе подписывали чистые листы, которые затѣмъ заполнялись ведущими слѣдствіе.

Прошло 2¹/₂ года со времени первыхъ арестовъ до врученія подсудимымъ обвинительнаго акта. Въ теченіе этого времени многіе изъ заключенныхъ не вынесли ужасныхъ условій тюрьмы и слѣдствія. Нѣкоторые умерли, нѣкоторые сошли съ ума или подверглись близкому къ умопомѣшательству нервному разстройству. Однако, несмотря на все это, громадное большинство за-

¹⁾ Обзоръ дѣятельности соціально-революціонной партіи „Пролетаріатъ“ данъ мною въ IV книжкѣ „Былое“.

ключенныхъ мужественно выдержало всѣ преслѣдованія, включительно до побоевъ, которымъ подвергались нѣкоторые—особенно рабочіе. Среди 200 арестованныхъ членовъ партіи злостнымъ предателемъ оказался только одинъ Соломонъ Пацановскій (сумасшедшаго Загурскаго, конечно, нельзя считать предателемъ).

Обвинительный актъ по дѣлу 29 лицъ, преданныхъ военному суду, составляетъ томъ въ десять печатныхъ листовъ.

Первая часть этого документа посвящена исторіи и организаціи «Пролетаріата». Помѣщенные тутъ свѣдѣнія отличаются большой долей фантастическаго элемента, вслѣдствіе чего подсудимые называли эту часть обвинительнаго акта «баснословной генеалогіей Пролетаріата». Во второй части разбираются «цѣли партіи и ея сношенія съ «Народной Волей». Здѣсь приводились официальные документы «Пролетаріата», при чемъ обвинительный актъ подчеркиваетъ фактъ симпатій «Пролетаріата» къ террористической дѣятельности «Народной Воли». Посвятивъ вниманіе теоретической пропагандѣ партіи и распространенію ея изданій социально-революціоннаго характера, обвинительный актъ переходитъ къ характеристикѣ «преступной дѣятельности» отдѣльных членовъ «Пролетаріата».

Главарями «Пролетаріата» обвинительный актъ считаетъ Варынского, Плоскаго, Дулембу и Рехневскаго. Кромѣ нихъ самыми энергичными дѣятелями, по его мнѣнію, были: Куницкій, Шмаусъ, Бугайскій, Томашевскій, Петрусинскій, Блюхъ, Янъ Гельшеръ, Дегурскій, Поплавскій, Пацановскій, Оссовскій, Домбровский, Сѣрошевскій, Форминскій, Гладышъ, Кмѣцкиъ, Словикъ, Яновичъ, Госткевичъ, Конъ и Маньковскій. Они были членами-руководителями партіи, принимали участіе въ рядѣ убійствъ и покушеній. Только Бугайскій представляетъ собой исключеніе, потому что онъ былъ лишь орудіемъ въ рукахъ другихъ.

Обвинительный актъ заключаетъ въ себѣ сводъ всѣхъ матеріаловъ, собранныхъ при слѣдствіи и относящихся къ вышеупомянутымъ, а также и къ остальнымъ участвующимъ въ процессѣ лицамъ. На основаніи этого матеріала прокуратура формулируетъ свое обвиненіе.

Варынскій, Плоскій, Дулемба, Рехневскій, Куницкій, Шмаусъ, Томашевскій, Петрусинскій, Блюхъ, Дегурскій, Янъ Гельшеръ, Поплавскій, Пацановскій, Оссовскій, Домбровский, Сѣрошевскій, Форминскій, Гладышъ, Кмѣцкиъ, Словикъ, Яновичъ, Госткевичъ, Конъ, Маньковскій, Бардовскій и Люри—обвиняются въ томъ, что они принадлежали къ тайному социально-революціонному обществу «Пролетаріатъ», солидарному съ партіей «Народной Воли» и съ ея пѣльями,—сообществу, которое вошло въ соглашеніе съ послѣдней въ 1883 г. путемъ договора Исполнительнаго Комитета, представителя партіи «Народной Воли», съ Центральнымъ Комитетомъ въ качествѣ представителя сообщества «Пролетаріатъ». Сообщество это, для скорѣйшаго достиженія своихъ

цѣлей, прибѣгало: 1) къ пропагандѣ при помощи печати и слова; къ организаціи рабочихъ въ фабричныхъ центрахъ Царства Польскаго, именно путемъ основанія рабочихъ кружковъ и устройства собраний, на которыхъ произносились рѣчи, призывающія къ явному непослушанію верховной власти; путемъ распространенія и толкованія печатныхъ прокламацій, брошюръ и вообще сочиненій такого содержанія, тайно печатаемыхъ въ Россіи или привозимыхъ изъ-за границы; 2) сообщество имѣло свою тайную типографію, гдѣ оно печатало свои изданія вышеозначеннаго содержанія; 3) оно издавало періодическій органъ того же направленія; 4) оно устраивало свои конспиративныя квартиры и склады социальнo-революціонныхъ изданій, писанныхъ, гектографированныхъ и печатныхъ; 5) сообщество организовало кассы и періодическіе денежные сборы; 6) располагало револьверами, кинжалами (въ томъ числѣ отравленными), кастетами, ядами, наконецъ, 7) сообщество, при помощи Центрального Комитета въ качествѣ своего представителя, публиковало приговоры заподозрѣннымъ въ предательствѣ и приговаривало къ смерти лицъ, находящихся на государственной службѣ; оно печатало эти приговоры, снабжало ихъ специальными печатями и исполняло вынесенные приговоры на томъ основаніи, что терроръ является самымъ успѣшнымъ средствомъ для достиженія намѣченной цѣли. Результатомъ этой дѣятельности былъ цѣлый рядъ убійствъ и покушеній на убійства, вслѣдствіе чего всѣ они привлекаются къ отвѣтственности на основаніи ст. 249 § 4 уложенія о наказаніяхъ.

Въ частности, каждому изъ вышеупомянутыхъ лицъ предъявляется специальное обвиненіе.

Такъ, *Людвигъ Варыньскій* обвиняется въ томъ, что, живя нелегально въ Варшавѣ, онъ завязалъ широкія сношенія въ рабочей сферѣ, устраивалъ многочисленныя рабочія собранія, велъ на нихъ революціонную пропаганду, подыскивалъ агентовъ для перевозки изъ-за границы революціонныхъ изданій, устроилъ при помощи Плоскаго, Дулембы и др. тайную типографію, былъ сотрудникомъ изданія «Пролетаріатъ», организовалъ сообщество того же названія, составилъ вмѣстѣ съ Куницкимъ его программу, вошелъ въ составъ Центрального Комитета, подстрекалъ рабочихъ къ убійству предателей, выписалъ изъ-за границы 10 револьверовъ и, наконецъ, уже находясь въ тюрьмѣ, вызвалъ фактъ убійства предателя Смышличинскаго.

Эдуардъ Плоскій обвиняется въ томъ, что, будучи агентомъ Центрального Комитета, бывалъ на собраніяхъ, поддерживалъ связи съ рабочими и учащейся молодежью, распространялъ революціонныя изданія, держалъ рѣчи, подстрекающія рабочихъ противъ фабрикантовъ и легальной власти, помогалъ организовать тайную типографію и былъ сотрудникомъ «Пролетаріата».

Генрихъ Дулемба обвиняется въ принадлежности къ Центральному Комитету и въ созданіи вмѣстѣ съ Варыньскимъ «Про-

летаріата», въ пропагандѣ революціонныхъ идей среди рабочихъ словомъ и печатью, въ участіи въ организаціи тайной типографіи.

Тадеушъ Рехневскій обвиняется въ томъ, что онъ былъ членомъ Центрального Комитета и поддерживалъ постоянныя сношенія съ «Народной Волей», состоя въ то же время соредакторомъ «Пролетаріата» и распространяя польскія и русскія революціонныя изданія.

Станиславъ Куницкій обвиняется въ томъ, что онъ принялъ на себя роль агента «Пролетаріата» въ Парижѣ, ѣздилъ по порученію Центрального Комитета въ Петербургъ, Ригу и Вильно, чтобы основать тамъ «колоніи» «Пролетаріата», завязалъ сношенія съ эмиграціей и основалъ заграничный органъ партіи «Walka Klas», не переставая быть главнымъ членомъ Центрального Комитета, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и агентомъ Исполнительнаго Комитета партіи «Народной Воли» и, наконецъ, организовалъ убійства предателей Гельшера и Скшыпчинскаго.

Шмаусъ обвиняется въ перевозкѣ изъ-за границы социалистическихъ изданій, въ пропагандѣ среди рабочихъ, въ организаціи тайной типографіи и въ участіи въ неудачномъ покушеніи на жизнь предателя Сремскаго. *Томашевскій* обвиняется главнымъ образомъ въ томъ, что онъ склонилъ Бугайскаго къ убійству Сремскаго и вручилъ ему для этой цѣли кинжалъ, послѣ чего Бугайскій совершилъ опять-таки неудачное покушеніе на Сремскаго. *Бугайскій* обвиняется въ совершеніи послѣдняго покушенія.

Петрусинскій и Блюхъ обвиняются въ убійствѣ по приговору Центрального Комитета предателя Гельшера въ Эгержѣ, гдѣ они руководили пропагандой социалистическихъ идей въ качествѣ видныхъ членовъ «Пролетаріата». *Янъ Гельшеръ, Поплавскій и Дегурскій* обвиняются въ содѣйствіи Петрусинскому и Блюху въ дѣлѣ исполненія смертнаго приговора Гельшеру. Въ томъ же обвиняется и *Пацановскій*, которому, кромѣ этого, ставится въ вину пропагандистская и организаторская дѣятельность въ партіи, а также сотрудничество въ «Пролетаріатѣ».

Оссовскій и Домбровскій обвиняются къ убійствѣ шпіона Скшыпчинскаго; первый—въ совершеніи этого убійства, а второй—въ содѣйствіи ему. Въ участіи въ этомъ убійствѣ обвиняется и *Спрошевскій*, относительно котораго обвинительный актъ утверждаетъ, что онъ принималъ участіе въ единогласномъ постановленіи убить въ интересахъ партіи товарища прокурора Янкулію и жандармскаго подполковника Секержинскаго, точно такъ же какъ и въ приготовленіяхъ къ взрыву канцеляріи прокурора. Такое же обвиненіе распространяется и на *Форминскаго* и *Гладыша*, причемъ обвинительный актъ выставляетъ участникомъ въ подготовленіи покушеній на Янкулію и Секержинскаго еще и *Яновича*, обвиняемаго въ поддержаніи «Пролетаріата» денежными

средствами и литературными работами, а кромѣ того—въ вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ полиціи при арестѣ.

Кмѣцкиѣ, Словики и Гостѣвичѣ обвиняются главнымъ образомъ въ пропагандистской дѣятельности и въ косвенномъ участіи въ террористическихъ актахъ. То же самое относится и къ *Маньковскому*, обвиняемому еще и въ организаціи и перевозкѣ тайной типографіи.

Конѣ обвиняется въ транспортировкѣ и распространеніи нелегальной литературы, а также въ оказаніи другихъ техническихъ услугъ партіи (работа въ типографіи и т. д.).

Мировой судья *Петръ Бардовскій* (русскій) обвиняется въ томъ, что онъ устроилъ у себя конспиративную квартиру, на которой сходились главные руководители «Пролетаріата», далѣе—организовалъ складъ изданій партіи, хранилъ у себя кассу послѣдней и стремился къ организаціи революціонной пропаганды въ арміи, для чего написалъ «Воззваніе къ военнымъ», подстрекавшее офицеровъ къ измѣнѣ долгу присяги и къ присоединенію къ революціи.

Три военныхъ: капитанъ *Люри* и подпоручики *Пгельстромъ* и *Сокольскій* обвинялись главнымъ образомъ въ сношеніи съ членами «Пролетаріата», причемъ только Люри оказывалъ сознательное содѣйствіе партіи и принималъ участіе въ редактированіи написаннаго Бардовскимъ «Воззванія къ военнымъ».

Предсѣдатель суда, ген. Фредериксъ, вручая подсудимымъ обвинительные акты, сообщилъ имъ, что на время сѣдебнаго разбирательства послѣдніе будутъ у нихъ отобраны. Это сообщеніе вызвало энергичный протестъ со стороны подсудимыхъ, и судебной власти пришлось уступить: обвинительные акты не были у подсудимыхъ отобраны. Зато адвокаты, готовящіеся защищать обвиняемыхъ, совсѣмъ не получили обвинительныхъ актовъ на руки. Имъ позволили только просматривать ихъ въ зданіи военнаго суда въ часы пріема. Такая мѣра объясняется желаніемъ правительства, чтобы извѣстія о процессѣ не проникли черезъ адвокатовъ въ печать.

Передъ началомъ судебного разбирательства всѣмъ 16-ти адвокатамъ было сообщено предсѣдателемъ суда отъ имени генералъ-губернатора Гурко, что они обязаны хранить въ глубочайшей тайнѣ все, что будетъ происходить на судѣ, и что они могутъ жестоко поплатиться, если станутъ распространять свѣдѣнія о ходѣ судебныхъ преній. Мало того, онъ присовокупилъ, что задача адвокатуры въ данномъ процессѣ состоитъ не въ томъ, чтобы оправдывать дѣйствія подсудимыхъ, а въ томъ, чтобы помочь раскрыть истину. Во время судебныхъ преній у одного изъ адвокатовъ былъ произведенъ обыскъ, такъ какъ его заподозрили въ пересылкѣ за границу отчетовъ о процессѣ.

Процессъ продолжался цѣлый мѣсяцъ, начиная съ 23-го ноября 1885 г. Подсудимыхъ вводили по одиночкѣ въ зданіе Александровской цитадели, гдѣ происходилъ судъ, изъ расположеннаго

напротивъ Х павильона. Каждого изъ подсудимыхъ сопровождали двое солдатъ и жандармъ. Во время перерыва засѣданій, подсудимыхъ, за исключеніемъ предателя Пацановскаго, содержимаго отдѣльно, переводили въ спеціальный залъ. Въ залѣ суда ихъ расположили на четырехъ возвышающихся амфитеатромъ, скамьяхъ. На первой скамьѣ были помѣщены: Варынский, Куницкій, Рехневскій, Дулемба, Бардовскій, Конъ и Яновичъ. Первоначально председатель суда старался сдѣлать совершенно невозможнымъ всякое общеніе подсудимыхъ съ ихъ адвокатами, но и первые, и послѣдніе такъ энергично протестовали противъ этого, что судебной власти пришлось уступить.

Въ залѣ суда присутствовало всего нѣсколько лицъ со стороны подсудимыхъ, и, такимъ образомъ, среди публики преобладали жандармы различныхъ степеней и разные военные. Во время допроса подсудимыхъ и также во время рѣчей адвоката Спасовича и Варынскаго присутствовали генераль-губернаторъ Гурко со своей свитой.

У одной изъ стѣнъ зала засѣданій помѣщался столъ, на которомъ находились вещественныя доказательства въ видѣ множества книгъ революціоннаго содержанія, брошюръ, прокламацій, номеровъ «Пролетаріата» и другихъ изданій партіи, типографскихъ кассъ, револьверовъ, кинжаловъ и т. д. На столѣ секретаря лежало 26 томовъ, заключающихъ въ себѣ дѣло о «Пролетаріатѣ». Четыре изъ этихъ томовъ были недоступны для защитниковъ, хотя военный прокуроръ Стрѣльниковъ (братъ прокурора, убитаго революціонерами въ Одессѣ) имѣлъ къ нимъ доступъ.

За особымъ столомъ засѣдало четверо прокуроровъ, съ прокуроромъ Моравскимъ во главѣ. Тутъ же присутствовалъ и жандармскій подполковникъ Бѣлановскій, который первоначально терроризовалъ свидѣтелей, становясь противъ нихъ съ карандашемъ въ рукѣ и не спуская съ нихъ глазъ, когда же, по требованію Варынскаго, Бѣлановскій принужденъ былъ покинуть это мѣсто, онъ перебрался на скамью подсудимыхъ и оттуда пытался магнетизировать взглядомъ свидѣтелей. Въ концѣ концовъ протестъ Варынскаго заставилъ его покинуть и это мѣсто.

II.

По прочтеніи обвинительнаго акта судъ приступилъ къ допросу обвиняемыхъ. Каждого изъ нихъ допрашивали въ отсутствіи остальныхъ, которыхъ на это время выводили изъ зала.

Варынский, на вопросъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ, отвѣтилъ, что въ этомъ дѣлѣ, какъ политическомъ, не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь винѣ. То, что въ Варшавѣ является преступленіемъ, вовсе не преступленіе на разстояніи 12 часовъ

къ западу отъ Варшавы. Пять лѣтъ тому назадъ онъ былъ въ Галиціи оправданъ по дѣлу, совершенно аналогичному настоящему. Варынский не отрицаетъ, что онъ былъ агентомъ Центральнаго Комитета, велъ пропаганду и агитацію среди рабочихъ, принималъ участіе въ устраиваніи тайной типографіи и содѣйствовалъ изданію двухъ первыхъ номеровъ «Пролетаріата». Хотя его арестовали раньше всѣхъ остальныхъ подсудимыхъ, однако онъ вполне солидаренъ съ ними во всемъ томъ, что они совершили послѣ его ареста. Особенно подчеркнул онъ свое сочувствіе сближенію съ «Народной Волей».

— Такъ вы солидарны съ «Народной Волей»?—прерываетъ его Стрѣльниковъ.

— Вполнѣ—отвѣчаетъ Варынский и переходитъ къ опроверженію страннаго пункта обвинительнаго акта, утверждающаго, будто Варынский уговаривалъ варшавскихъ работниковъ обратиться къ Александру III во время его пребыванія въ Варшавѣ съ требованіемъ уменьшенія налоговъ. Варынский удивляется, что ему можетъ быть приписываема подобная нелѣпость.

Передъ допросомъ Куницкаго прокуроръ потребовалъ удаленія изъ зала родственниковъ подсудимаго, что и было исполнено. Куницкій сознается въ принадлежности къ партіи «Пролетаріатъ». Начиная съ 1881 г. онъ велъ революціонную пропаганду среди польской молодежи въ Петербургѣ, въ началѣ 1883 г. сталъ агентомъ Центральнаго Комитета и предпринималъ по его порученію поѣздки въ Ригу, Вильно и Петербургъ. Въ убійствѣ Судейкина онъ не принималъ непосредственнаго участія, но зналъ, что оно готовится и сопутствовалъ Дегаеву въ его бѣгствѣ за границу. Въ концѣ января 1884 г. онъ получилъ порученіе отправиться за границу съ цѣлью основать тамъ теоретическій органъ партіи. Онъ дѣйствительно основалъ такой органъ «Walka Klas», сблизилъ его редакцію съ редакціей «Вѣстника Народной Воли» и велъ переговоры съ Исполнительнымъ Комитетомъ партіи «Народной Воли». Результатомъ этихъ переговоровъ былъ тайный договоръ между Центральнымъ Комитетомъ и Исполнительнымъ Комитетомъ. До утвержденія этого договора Куницкій былъ временнымъ представителемъ Исполнительнаго Комитета при центральномъ Комитетѣ. «Пролетаріатъ» вполне солидаренъ съ «Народной Волей», но такъ какъ изъ всѣхъ подсудимыхъ Куницкій одинъ былъ при составленіи тайнаго договора, документа, опредѣляющаго эту солидарность, и такъ какъ большинство подсудимыхъ было арестовано до утвержденія этого документа, поэтому Куницкій проситъ, чтобы судъ привлекалъ къ отвѣтственности, вытекающей изъ этого документа, только его одного. Начиная съ марта 1884 г. вплоть до своего ареста Куницкій постоянно пребывалъ въ Варшавѣ, руководя техникой партіи и содѣйствуя выходу № 5 «Пролетаріата». По распоряженію Центральнаго Комитета онъ переслалъ нѣкому Мелле смертный приговоръ Скъшччинскому, не исполненный вслѣдствіе предательства Мелле. Въ покушеніи

Бугайскаго на жизнь Сремскаго Куницкій не принималъ никакого участія. Установивъ фактъ предательства Гельшера, Куницкій передалъ Пацановскому смертный приговоръ, вынесенный Гельшеру Центральнымъ Комитетомъ. По дѣлу приготовленій къ взрыву канцеляріи товарища прокурора Куницкій далъ слѣдующія указанія. Центральному Комитету стало извѣстно, что лица, ведущія слѣдствіе по дѣлу «Пролетаріата», истязаютъ допрашиваемыхъ, поддѣлываютъ протоколы и, вообще, позволяютъ себѣ всякія злоупотребленія. Это вызвало страшное негодованіе, особенно среди рабочихъ, которые настоятельно требовали наказанія особенно ретивыхъ истязателей—товарища прокурора Янкулію и подполковника жандармеріи Секержинскаго. Центральный Комитетъ счелъ необходимымъ исполнить это требованіе и поручилъ Куницкому заняться разработкой плана покушенія на Янкулію и Секержинскаго. Онъ предложилъ взорвать канцелярію прокурора во время пребыванія въ ней обоихъ вышеупомянутыхъ лицъ, причемъ были бы уничтожены и документы, касающіеся «Пролетаріата». Кое какія приготовленія къ исполненію этого плана были Куницкимъ сдѣланы, но затѣмъ Центральный Комитетъ призналъ весь планъ не подходящимъ, и онъ былъ брошенъ. Куницкій сказалъ въ заключеніе своей рѣчи: «Партія относится съ отвращеніемъ къ убійству, но само правительство заставляетъ прибѣгать къ нему, особенно дѣйствуя при помощи такихъ своихъ агенто́въ, какъ Янкулію, Вѣлановскій и Секержинскій».

Громадное впечатлѣніе вызвало заявленіе *Поплавскаго*, сознававшегося въ томъ, что не Петрусинскій, а онъ собственно ручно убилъ предателя Гельшера. Поплавскій подробно изложилъ всѣ обстоятельства этого дѣла и доказалъ, что Петрусинскій въ убійствѣ Гельшера не повиненъ. На всѣ вопросы, предложенные ему прокуратурой и защитниками, Поплавскій отвѣчалъ съ полнымъ спокойствіемъ, не позволяя сбить себя съ толку прокураторѣ, для которой признаніе Поплавскаго было невыгодно, потому что оно дискредитировало показанія предателя Пацановскаго, между тѣмъ какъ именно на этихъ-то показаніяхъ и опиралось обвиненіе цѣлаго ряда подсудимыхъ.

Оссовскій заявилъ, что онъ былъ членомъ партіи «Пролетаріата» и по порученію Центральнаго Комитета принялъ на себя обязанность убить предателя Скшыпчинскаго. Онъ самъ предложилъ свои услуги Центральному Комитету. По убѣжденію Оссовскаго, партія стремится къ соціальному перевороту, и главная ея задача въ настоящее время состоитъ въ пропагандѣ и агитаціи среди рабочихъ. Однако, при существующемъ политическомъ строѣ и средствахъ борьбы съ социализмомъ, къ которымъ прибѣгаетъ правительство, партія не можетъ избѣжать террористическихъ актовъ. Убійство Скшыпчинскаго было актомъ самозащиты со стороны партіи. Описавъ подробно всѣ обстоятельства, сопровождавшія убійство Скшыпчинскаго, Оссовскій взялъ обратно по-

казанія, данныя имъ подѣ слѣдствіемъ, указывающія на Домбровскаго, какъ на сообщника въ этомъ дѣлѣ. Оссовскій далъ это показаніе потому, что жандармерія убѣдила его путемъ подложныхъ протоколовъ, что Домбровскийъ донесъ на него, а онъ между тѣмъ не желалъ указать на истиннаго своего сообщника.

Послѣднимъ изъ первой группы подсудимыхъ допрашивали предателя *Пацановскаго*. Бывшій студентъ Варшавскаго университета, Пацановскій первоначально принадлежалъ къ партіи «Солидарность», когда же послѣдняя распалась, онъ перешелъ въ «Пролетаріатъ» и былъ его дѣятельнымъ членомъ, поддерживая сношенія съ рабочими организаціями Лодзи и Згержа. Онъ принялъ участіе въ убійствѣ Гельшера. Арестованный въ 1884 г., онъ сначала держался безукоризненно, но потомъ сталъ выдавать товарищей и, заявивъ о своемъ полномъ раскаяніи, сообщилъ жандармской власти все, что только зналъ или о чемъ только догадывался. На судѣ онъ подтвердилъ все, сказанное подѣ слѣдствіемъ, настаивая на томъ, что Гельшера убилъ не Поплавскій, а Петрусинскій. Пацановскій закончилъ свою рѣчь мольбой о снисхожденіи. Во время рѣчи Пацановскаго, родственники подсудимыхъ были устранены изъ зала суда—по просьбѣ допрашиваемаго.

Допросъ свидѣтелей и чтеніе свидѣтельскихъ показаній начались на другой день послѣ допроса подсудимыхъ, и тутъ обнаружилась во всей своей наготѣ тактика, примѣнявшаяся во время веденія слѣдствія. Масса свидѣтелей заявила, что протоколы ихъ показаній записывались безъ ихъ вѣдома или въ ихъ отсутствіи, причемъ жандармерія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользовалась ихъ незнаніемъ русскаго языка. Многіе свидѣтели, принужденные подписать предъявленные имъ протоколы, только на судѣ узнавали о ихъ содержаніи и совершенно отказывались отъ записанныхъ, яко бы съ ихъ словъ, показаній. Оказалось, что нѣкоторые свидѣтели, ни о чемъ не знавшіе, рассказывали фантастическія исторіи, только бы избавиться отъ дальнѣйшихъ разспросовъ. Въ результатѣ свидѣтели давали на судѣ показанія, совершенно несходныя съ тѣмъ, что ими было показано на предварительномъ слѣдствіи, и чего отъ нихъ ожидала прокуратура. Многіе изъ нихъ совершенно не понимали словъ и выраженій, находящихся въ ихъ показаніяхъ.

При чтеніи показаній свидѣтелей обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что фамиліи Варынскаго, Плоскаго и Дулембы упоминаются всегда вмѣстѣ, когда дѣло идетъ объ агитаторахъ, посѣщавшихъ рабочія собранія и произносившихъ тамъ зажигательныя рѣчи. Между тѣмъ ни одинъ изъ свидѣтелей, знающихъ Варынскаго, не зналъ Плоскаго и наоборотъ. Варынскій и Плоскій утверждаютъ, что они никогда не ходили вмѣстѣ на одно и то же собраніе, а всегда на разныя. Оказывается, что три вышеупомянутыя фамиліи вписывались въ протоколы вмѣстѣ по привычкѣ. Одинъ изъ свидѣтелей, спрошенный, почему онъ го-

ворить, что Дембскій былъ у него только нѣсколько разъ, если въ протоколѣ записано 15, отвѣтилъ наивно: «я сказалъ, что Дембскій былъ у меня 10 разъ, а господинъ прокуроръ взялъ да и записалъ 15».

На судѣ обнаружили также факты, свидѣтельствующіе о провокаторскихъ дѣйствіяхъ шпионовъ—Мелле, Скшыпчинскаго, Сремскаго, Рутковскаго, Барановскаго и др. Вообще же свидѣтельскія показанія заключали въ себѣ очень мало фактовъ, которыми можно было воспользоваться противъ обвиняемыхъ. Эти показанія были настолько сбивчивы и неясны, что на нихъ можно было опереться только съ явно предвзятой тенденціей. Показанія Пацановскаго отличались обиліемъ преувеличенныхъ и прямо вымышленныхъ фактовъ, что выяснилось послѣ перекрестнаго опроса его защитой. Все это, однако, не помѣшало обвинительной власти продолжать оперировать этимъ въ высшей степени сомнительнымъ матеріаломъ какъ неопровержимыми доказательствами виновности подсудимыхъ. Такъ, въ крайне запутанномъ вопросѣ, кто убилъ Гельшера, судъ, несмотря на слова Поплавскаго и на противорѣчія, заключающіяся въ показаніяхъ Пацановскаго, призналъ виновнымъ Петрусинскаго единственно на основаніи словъ Пацановскаго.

Относительно лицъ, обвиняемыхъ въ причастіи къ убійству Скшыпчинскаго, прокуратура утверждала, что они принадлежатъ къ специальной «боевой дружинѣ», организованной Куницкимъ для совершенія террористическихъ актовъ. На судѣ прокуроръ не могъ сослаться ни на одно показаніе, подтверждающее существованіе такой «дружины». Характерно, что и Варынскаго обвиняли въ подстрекательствѣ къ убійству Скшыпчинскаго на томъ основаніи, что въ запискѣ, посылаемой имъ изъ Х павильона Куницкому и перехваченной жандармеріей, онъ писалъ: «Обратите вниманіе на шпиона, который выдалъ Дулембу». Его обвиняли въ подстрекательствѣ къ этому убійству, несмотря на то, что за мѣсяцъ до обнаруженія этой записки смертный приговоръ Скшыпчинскому уже былъ вынесенъ Центральнымъ Комитетомъ. И Куницкій былъ привлеченъ по этому же дѣлу, хотя убійство Скшыпчинскаго было совершено черезъ два мѣсяца послѣ ареста Куницкаго.

Сѣрошевскій, Форминскій, Гладышъ, Кмѣчикъ и Словики обвинялись въ участіи въ приготовленіяхъ къ покушенію на Янкулю и Секержинскаго и въ обвинительномъ актѣ сгруппированъ обильный матеріалъ, касающійся этого дѣла. Между тѣмъ на судѣ оказалось, что весь этотъ матеріалъ состоялъ изъ однихъ фантазій провокаторскаго свойства.

Вообще матеріалъ, сообщенный агентами-провокаторами, сыгралъ на судѣ видную роль. Такъ, по дѣлу Госткевича свидѣтелемъ былъ нѣкій Футерлейбъ—«сыщикъ по наслѣдству», такъ какъ его отецъ былъ въ 1863 г. повѣшенъ повстанцами за шпионство. Футерлейбъ, выманивавшій у рабочихъ прокламаціи, съ

которыми онъ затѣмъ являлся въ жандармское управленіе, чтобы указать на лицо, отъ котораго онъ ихъ получилъ, заявилъ, что онъ помнитъ наизусть распространяемую въ Лодзи прокламацію «Пролетаріата». И тутъ же онъ ее продекламировалъ отъ начала до конца, призывавшаго рабочихъ къ «ограбленію и убійству купцовъ и фабрикантовъ, къ истребленію царской фамилии и ниспроверженію трона». Подсудимымъ стоило не малыхъ усилий доказать, что конецъ этой прокламаціи присочиненъ Футерлейбомъ. Обвиненіе Маньковского въ различныхъ террористическихъ планахъ и проектахъ основывалось на показаніяхъ провокатора Рутковского, не явившагося на судъ, такъ какъ его «не удалось» разыскать. Эти показанія умалчиваютъ объ одномъ—о томъ, что вышеупомянутые проекты и планы исходили отъ него, Рутковского, и были Маньковскимъ систематически отвергаемы.

Важную роль сыграли на судѣ показанія Загурскаго. Онъ былъ арестованъ больнымъ и находящимся въ состояніи сильного нервнаго разстройства. Обвиненный въ убійствѣ Судейкина (въ томъ же обвинялись Куницкій, Рыдзевскій и Онуфровичъ), онъ сошелъ съ ума и всѣми силами старался доказать, что не онъ убилъ Судейкина. Чтобы доказать свое алиби, Загурскій указалъ на квартиры Бардовскаго и Кшывоблоцкаго, гдѣ онъ жилъ нелегально во время убійства Судейкина, что могутъ подтвердить оба квартировладельцы. Благодаря указаніямъ Загурскаго было обращено вниманіе на Бардовскаго, у котораго при обыскѣ найдены вещественныя доказательства его сношеній съ «Пролетаріатомъ». Далѣе Загурскій доказывалъ, что онъ знаетъ истинныхъ убійцъ Судейкина. Одинъ изъ нихъ—это Онуфровичъ, а другой—человѣкъ неизвѣстной фамиліи, пріѣхавшій изъ Петербурга въ Варшаву въ день убійства Судейкина. О проектѣ убійства Судейкина онъ, Загурскій, узналъ отъ Рехневскаго, который сообщилъ ему объ этомъ въ помѣщеніи тайной типографіи, гдѣ онъ, Загурскій, работалъ. Бредъ сумасшедшаго перемѣшивался въ этихъ показаніяхъ съ истинными фактами, которыми воспользовалась жандармерія.

На судѣ выяснилось, что жандармерія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользовалась нервнымъ разстройствомъ подсудимыхъ. Такъ напр., жандармскій офицеръ Фурса, узнавъ, что обвиняемая Плоская находится въ бреду, явился въ ея камеру, представился ей въ качествѣ товарища ея мужа, технолога Болеслава, и завязалъ съ ней бесѣду, записывая произносимыя ею безсвязныя фразы. Жена Бардовскаго, Наталія Поль, была допрашиваема нѣсколько разъ, преимущественно ночью, въ состояніи полной невмѣняемости, во время нервныхъ припадковъ и галлюцинацій.

Подсудимые и защитники установили фактъ сбивчивости и фантастичности показаній Загурскаго и Поль. Тогда прокуроръ Моравскій потребовалъ, чтобы въ качествѣ свидѣтелей были допрошены подполковникъ Бѣлановскій и товарищъ прокурора судебной палаты Турау, которые вели слѣдствіе, чтобы, на осно-

ваніи ихъ показаній, судъ могъ убѣдиться о нормальности или аномальности состоянія обоихъ подсудимыхъ. Защита воспротивилась этому самымъ энергичнымъ образомъ. Спасовичъ доказывалъ, что въ данномъ случаѣ нельзя допрашивать Бѣлановскаго и Турау, хотя бы ужъ по одному тому, что, признавъ невѣроятность Загурскаго и Поль во время слѣдствія, они должны были бы сами занять мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ. Вслѣдствіе этого ихъ собственные интересы требуютъ утвержденія противнаго. Несмотря на все это, судъ рѣшилъ допросить ихъ въ качествѣ свидѣтелей. Бѣлановскій и Турау, приведенные къ присягѣ, показали, что и Загурскій, и Поль были вполне нормальны во время слѣдствія.

Допросъ подсудимыхъ и свидѣтелей, чтеніе свидѣтельскихъ показаній, разборъ вещественныхъ доказательствъ и чтеніе документовъ, характеризующихъ дѣятельность партіи, заняли болѣе трехъ недѣль. Въ половинѣ четвертой недѣли начались пренія.

Первымъ взялъ слово прокуроръ Моравскій, доказывавшій, что, такъ какъ дѣятельность партіи «Пролетаріатъ» цѣликомъ подходитъ подъ опредѣленіе 249 статьи, то всѣ ея члены заслуживаютъ смертной казни, какъ зловерные террористы. Вторымъ говорилъ Борметовъ, обвинявшій Варынскаго, Плоскаго, Дулембу и Рехневскаго. Большую часть своей рѣчи онъ посвятилъ послѣднему, такъ какъ доказательствъ виновности трехъ первыхъ было вполне достаточно, да и они сами сознались во многомъ. Моравскій старался представить Рехневскаго самымъ опаснымъ анархистомъ (всѣхъ членовъ «Пролетаріата» онъ называлъ «анархистами») и, выходя изъ рамокъ обвинительнаго акта, доказывалъ, что онъ игралъ важную роль и въ «Народной Волѣ». Борметовъ коснулся и теоретическихъ основъ социализма, обнаруживая свое полное невѣжество по этому вопросу. Вторая рѣчь Моравскаго была посвящена Куницкому, Шмаусу, Бугайскому, Томашевскому и подсудимымъ, обвинявшимся въ убійствѣ Гельшера и Скрыпчинскаго. Въ этой рѣчи Моравскій настаивалъ на необходимости примѣненія смертной казни къ Куницкому. Бардовскаго и трехъ военныхъ (Люри, Сокольскаго и Игельстрома) обвинялъ капитанъ Россовскій. И онъ, подобно двумъ предыдущимъ своимъ товарищамъ, оперировалъ, главнымъ образомъ, фантастическимъ матеріаломъ обвинительнаго акта. Одинъ только Джуричъ, обвинявшій Яновича, Кона, Госткевича и Маньковскаго опирался на фактическомъ матеріалѣ, считаясь съ обстоятельствами дѣла, выяснившимися на судѣ, и не вдаваясь въ теоретическія мудрствованія. Въ концѣ концовъ онъ даже отказался отъ обвиненія Яновича въ участіи въ приготовленіяхъ къ покушенію на Янкулю и Секержинскаго, какъ ничѣмъ не подтвержденнаго во время судебного разбирательства.

III.

Первымъ изъ защитниковъ говорилъ В. Д. Спасовичъ. Въ смѣлой рѣчи, произнесенной въ присутствіи генераль-губернатора Гурки, Спасовичъ подвергнулъ критическому разбору всѣ показанія, касающіяся Рехневскаго, доказывая ихъ полную несостоятельность. Съ другой стороны, онъ утверждалъ, на основаніи непреложныхъ фактовъ, выяснившихся на судѣ, что Рехневскій провелъ послѣдніе мѣсяцы 1883 г. въ Петербургѣ и поэтому не могъ совершить въ Варшавѣ приписываемыхъ ему дѣяній. Остается одно подозрѣніе, что Рехневскій намѣревался принять участіе въ революціонной дѣятельности, переселившись въ Варшаву. Если у него и было такое намѣреніе, то онъ все-таки не привелъ его въ исполненіе, такъ какъ его арестовали до пріѣзда въ Варшаву. Такимъ образомъ, въ вину Рехневскому можно поставить только два факта: онъ написалъ статью, заключающую оскорбленіе величества (статья, однако, не была напечатана), и въ моментъ ареста имѣлъ при себѣ пакетъ съ революціонными изданіями. За это онъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности на основаніи 2-ой части 245 и 3 ей части 251 статьи, но ни въ коемъ случаѣ не на основаніи 249-ой. Затѣмъ Спасовичъ охарактеризовалъ дѣятельность «Пролетаріата», доказывая, что она совершенно не подходитъ подъ статью 249. Самъ прокуроръ допускаетъ возможность юридическаго опредѣленія партіи «Пролетаріатъ» на основаніи признаковъ, указанныхъ въ первой части 250 статьи, однако онъ требуетъ примѣненія 249 статьи, въ виду того, что теперь время неспокойное, и слѣдуетъ прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ. Спасовичъ выражаетъ свое удивленіе по поводу столь пессимистическаго взгляда на настоящее время. Эта странная мотивировка доказываетъ, что прокуроръ не чувствуетъ подъ собою твердой почвы. Къ одному и тому же факту нельзя примѣнять произвольно двухъ различныхъ статей. Дѣло юридической логики выбрать самую подходящую изъ нихъ, не руководясь никакими посторонними побужденіями. Ничто не доказываетъ, чтобы непосредственной цѣлью партіи «Пролетаріатъ» было вооруженное возстаніе, чтобы уже былъ составленъ заговоръ съ цѣлью немедленнаго ниспроверженія существующаго порядка. Партія стремилась въ будущемъ къ революціи, но теперешняя ея дѣятельность состояла въ социалистической пропагандѣ и агитаціи среди рабочихъ. Допустимъ, что когда-нибудь эта дѣятельность приведетъ къ насильственному перевороту. Даже въ такомъ случаѣ нелѣпо примѣнять къ причинамъ такое наказаніе, котораго заслуживаютъ только весьма отдаленныя послѣдствія. Точно такъ же нелѣпо судить «Пролетаріатъ» на основаніи 249 статьи за сношеніе съ «Народной Волей». Даже не поднимая вопроса, поскольку эта статья можетъ быть примѣнена къ самой «Народной Волѣ», для осужденія членовъ «Пролетаріата» необхо-

димо доказать, что они лично и непосредственно принимали участие въ тѣхъ дѣяніяхъ «Народной Воли», которыя наказуемы по статьѣ 249. Называть политическимъ терроромъ тѣ немногочисленные убійства и покушенія, которыя были совершены членами «Пролетаріата», нельзя. Въдѣ лица, павшія жертвой этихъ покушеній, не были государственными чиновниками—это все шпіоны и предатели. Государственный строй не подвергался вслѣдствіе этихъ покушеній опасности.

Спасовичъ протестуетъ противъ заявленія одного изъ прокуроровъ, что, хотя Варынского, Плоскаго, Дулембу и Рехневскаго арестовали раньше, нежели были совершены самыя тяжкія преступленія «Пролетаріата», однако наказаніе за эти преступленія слѣдуетъ распространить и на вышепоименованныхъ лицъ, такъ какъ эти преступленія являются лишь слѣдствіемъ ихъ дѣятельности. Если бы мы согласились на такую постановку вопроса—говорить Спасовичъ—то Христа мы должны были бы счесть отвѣтственнымъ за всѣ еретическія ученія, возникшія въ теченіе вѣковъ, потому что они тоже до извѣстной степени являются послѣдствіями его дѣятельности. Агитація партіи—закончилъ Спасовичъ—вела къ усиленію классоваго антагонизма и прежде всего подкапывала соціальныя порядки. Такимъ образомъ, юридическимъ лицомъ, терпящимъ въ этомъ случаѣ, является польское общество. Но это общество не является въ судъ со своей жалобой, не требуетъ наказанія для принесшихъ ему вредъ, здѣсь нѣтъ его представителей—обвиняютъ наемные прокуроры.

Послѣ Спасовича говорилъ Варынский, защищавшійся самъ. Его рѣчь, продолжавшаяся болѣе часа, произвела громадное впечатлѣніе. Вотъ вкратцѣ ея содержаніе.

Я не юристъ и потому я не буду останавливаться на юридической сторонѣ дѣла, которая была подвергнута критикѣ въ блестящей рѣчи г. Спасовича. Я обращаю только вниманіе на одинъ странный фактъ изъ исторіи обвиненія. Послѣ ареста, меня вмѣстѣ съ нѣкоторыми моими товарищами обвиняли по 318 статьѣ. Черезъ годъ намъ объявили, что насъ обвиняютъ по 250 статьѣ. Наконецъ, по истеченіи двухъ лѣтъ мы узнаемъ изъ обвинительнаго акта, что мы судимся по 249 статьѣ. Лично я не думаю защищаться. Моя задача состоитъ въ томъ, чтобы дать картину дѣйствительныхъ нашихъ стремленій и дѣятельности, представленныя прокуратурой въ ложномъ освѣщеніи. Мы не сектанты, не оторванные отъ реальной жизни мечтатели, какими насъ считаетъ обвинительный актъ да и защита. Соціалистическая теорія получила право гражданства въ наукѣ, и за нее говорятъ постоянно реальныя факты современной жизни. Серьезные мыслители создали уничтожающую критику современнаго соціальнаго строя. Тѣ же мыслители указываютъ на зародыши лучшаго строя, быстро развивающіеся на почвѣ современныхъ условій. Парламенты и даже самодержавныя правительства проводятъ законодательнымъ путемъ реформы, находящіяся въ

полномъ противорѣчіи съ господствующими понятіями о власти. Концентрація государственной земли, происходящая во многихъ странахъ Европы, переходъ желѣзнодорожнаго хозяйства въ руки государства, повсемѣстное введеніе фабричнаго законодательства— все это глубоко характеризуетъ наше время и приближаетъ моментъ торжества новаго соціального строя. Мы не игнорируемъ этихъ фактовъ, мы ясно видимъ ихъ значеніе и пользу для нашего дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждены, что освобожденіе рабочаго класса отъ давящаго его гнета должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Даже тѣ палліативныя средства, которыми современныя правительства стараются предотвратить соціальныя бѣдствія, вызваны напоромъ рабочаго движенія. Нѣтъ такого правительства, которое бы находилось въ полной независимости отъ входящихъ въ составъ даннаго государства соціальныхъ классовъ. Ихъ вліяніе на государственный строй находится въ прямомъ отношеніи къ степени ихъ политическаго развитія и организованности. До сихъ поръ перевѣсъ въ этомъ отношеніи оказывался на сторонѣ привилегированныхъ классовъ — буржуазіи и дворянства. Выступая на политическую арену, рабочій классъ долженъ противопоставить организацію организаціи и во имя опредѣленныхъ идеаловъ вести борьбу съ существующимъ соціальнымъ строемъ.

Стремясь къ радикальному преобразованію соціального строя, рабочая партія въ настоящее время ведетъ подготовительную работу, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы побудить рабочихъ къ сознательному отношенію къ ихъ интересамъ и призвать ихъ къ неуклонной защитѣ ихъ правъ. Рабочая партія образуетъ и организуетъ рабочій классъ и ведетъ его на борьбу съ правительствомъ и съ привилегированными классами. Мы стремились къ тому, чтобы вызвать рабочее движеніе и организовать рабочую партію въ Польшѣ. Насколько наши усилія увѣнчались успѣхомъ, вы можете судить по даннымъ, выяснившимся на слѣдствіи. Передъ вами продефилировалъ длинный рядъ свидѣтелей изъ рабочаго класса. Вы помните, судьи, какъ ихъ допрашивала прокуратура, какъ она домогалась желательныхъ для нея показаній. Вы также помните, что отвѣчали свидѣтели на предлагаемый имъ вопросъ, что они знаютъ о стремленіяхъ партіи «Пролетаріата». Ихъ отвѣты можно подвести подъ одну общую формулу: партія стремилась къ улучшенію быта рабочихъ и указывала на средства осуществленія этого. Симпатіи рабочихъ на нашей сторонѣ. Мы гордимся тѣмъ, что брошенное нами зерно принялось и пустило корни.

Мы—враги правительства, но мы не патріоты въ политическомъ значеніи этого слова, и мы не поднимаемъ національнаго вопроса. Мы—враги имущихъ и привилегированныхъ классовъ, которые въ нашемъ краѣ, благодаря его развитію и политическимъ традиціямъ, являются сильнымъ и опаснымъ противникомъ. Въ нашей дѣятельности мы прежде всего распространяли

соціалистическіе принципы, указывая рабочимъ на идеаль будущаго строя, къ которому они должны стремиться. Мы вели также агитацію во имя повседневныхъ интересовъ рабочаго класса, доказывая рабочимъ, какъ они должны защищать свои права, и чего они должны добиваться. Что наша агитація не была безплодна, доказательствомъ этого можетъ служить фактъ, что варшавскій оберъ-полицеймейстеръ принужденъ былъ отмѣнить распоряженіе, касающееся санитарнаго осмотра женщинъ, работающихъ на фабрикахъ.

Господинъ прокуроръ обвиняетъ «Пролетаріатъ» въ террористической дѣятельности. Однако убійства шпионовъ и предателей нельзя называть терроромъ. Съ самимъ существованіемъ тайной организаціи связана необходимость извѣстныхъ мѣръ безопасности. Это до такой степени естественно, что въ уставѣ тайнаго общества «Иллюминатовъ», къ которому принадлежали коронованныя особы и даже папы, находился параграфъ, карающій смертью предателей.

Я долженъ объяснить, что такое политическій и экономическій терроръ, потому что взгляды г. прокурора на этотъ вопросъ превратны и спутаны. Политическій терроръ является однимъ изъ средствъ политической агитаціи. Онъ направляется противъ извѣстныхъ, если такъ можно выразиться, правительственныхъ постовъ съ той цѣлью, чтобы подкопать или низвергнуть данную политическую систему. Экономическій терроръ направляется противъ людей, которые пользуются своимъ положеніемъ во вредъ рабочимъ, угнетаютъ ихъ, надругаются надъ ихъ человѣческимъ достоинствомъ. Очевидно поэтому, что экономическій терроръ имѣетъ дѣло не съ системой, а съ отдѣльными личностями. Такимъ образомъ, нелѣпо приписывать намъ желаніе ввести новый соціальный строй при помощи убійствъ. Убійство внушаетъ намъ отвращеніе. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить, что люди, одаренные высокоразвитымъ альтруистическимъ чувствомъ, люди мягкаго характера, неспособные причинить ближнему малѣйшій вредъ, вступаютъ въ наши ряды и часто становятся виновными въ совершеніи кровавыхъ преступленій?

Употребленіе насилія является грустнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежнымъ послѣдствіемъ несовершенства современнаго строя. Экономическій терроръ—вовсе не средство достиженія нашихъ соціальныхъ цѣлей. Но при извѣстныхъ условіяхъ онъ является единственнымъ средствомъ борьбы со зломъ, коренящимся въ современномъ соціальному строѣ. Устранить экономическій терроръ можетъ только устраненіе условій, которыя его вызываютъ. Принявъ на себя обязанность защищать рабочихъ отъ ихъ угнетателей, соціалистическая партія должна помириться съ необходимостью политическаго террора. Но она должна стараться по-возможности уменьшить количество жертвъ экономическаго террора.

Организуя рабочій классъ для борьбы съ существующимъ стро-

емъ, мы не организовали переворота, но мы организовали рабочий классъ для переворота. Мы знаемъ, что возрастающіе социальныя антагонизмы и язвы социального организма ведутъ неуклонно къ взрыву. Мы знаемъ также, до какихъ ужасныхъ послѣдствій онъ можетъ довести, если мы не исполнимъ нашей задачи — не подготовимъ рабочего класса къ революціи, не сдѣлаемъ его движеніе сознательнымъ, организованнымъ и имѣющимъ опредѣленные цѣли и средства. На переворотъ, къ которому мы стремимся, мы смотримъ, какъ на результатъ историческаго развитія и социальныхъ условий. Мы его предвидимъ и стараемся, чтобы онъ насъ не застигнулъ врасплохъ.

Я кончилъ, гг. судьи. Какой бы вы мнѣ не вынесли приговоръ, я васъ прошу, не отдѣляйте моей судьбы отъ судьбы моихъ товарищей. Я былъ арестованъ раньше всѣхъ товарищей. Но то, что совершено ими, и я бы совершилъ, будучи на ихъ мѣстѣ. Я честно служилъ дѣлу, и я готовъ пожертвовать за него жизнью.

Послѣ рѣчи Варынского наступилъ рядъ рѣчей защитниковъ. Самыя смѣлыя рѣчи были произнесены Анцемъ, Каминскимъ и Харитоновымъ. Харитоновъ изобличилъ передъ судомъ тотъ фактъ, что прокуратура скрыла собственноручное заявленіе Наталіи Поль, опровергавшее содержаніе протоколовъ, писанныхъ не ея рукой. Новодворскій — защитникъ Дегурскаго, Петрусинскаго и Блюха — подробно рассмотрѣлъ матеріалъ, которымъ пользовалась прокуратура противъ его кліентовъ, и доказалъ съ замѣчательной послѣдовательностью, что эти матеріалы не выдерживаютъ критики. Съ другой стороны, онъ выяснилъ, что предатель Пацановскій, желая очистить себя, сваливалъ вину на нихъ въ чемъ неповинныхъ людей. Анцъ — защитникъ Поплавскаго — далъ широкую картину социальныхъ бѣдствій нашего времени, создавшихъ почву для социалистической агитаціи и вызвавшихъ ее. Вообще Анцъ былъ единственнымъ защитникомъ, поставившимъ защиту на широкую почву социального вопроса. Большинство адвокатовъ ¹⁾ настолько перетрусило, что считало своимъ долгомъ заявлять о полной своей несолидарности съ подсудимыми. Они доказывали также, что у социализма нѣтъ въ Польшѣ почвы, и что онъ является результатомъ обрусѣнія. Эти интеллигенты — говорилъ Спасовичъ о Варынскомъ, Плоскомъ, Куницкомъ, Дембскомъ, Загурскомъ, Яновичѣ — люди денационализировавшіеся, которые воспитались вдали отъ родины, жили въ Петербургѣ и въ другихъ еще болѣе отдаленныхъ городахъ, поляки только по языку, ученики, которые съ успѣхомъ прошли русскую социалистическую школу. На нихъ написаны слова Костюшки «Finis Poloniae!» Впрочемъ къ самому дѣлу защиты своихъ кліентовъ всѣ адвокаты отнеслись вполне добросовѣстно, за ис-

¹⁾ Защитниками пролетариатцевъ были: Анцъ, Вагнеръ, Городецкій, Дзевульскій, Кіенскій, Каминскій, Кокели, Краевскій, Ликеттъ, Новодворскій, Рыдель, Спасовичъ, Сулиговскій, Харитоновъ, Шеллеръ, Шиферъ и Шуляковскій.

ключеніемъ одного Городецкаго изъ Одессы, защищавшаго Куницкаго. Городецкій спалъ во время судебного разбирательства, говорилъ поразительно бессмысленныя вещи, нападалъ самымъ безтактнымъ образомъ на подсудимыхъ и въ концѣ концовъ заявилъ, что онъ никогда въ жизни не слышалъ о «Народной Волѣ», что и подтверждаетъ своимъ честнымъ словомъ. Куницкій нѣсколько разъ протестовалъ противъ словъ Городецкаго, отказался отъ его защиты и просилъ лишить его слова.

Когда всѣ защитники уже высказались, начались реплики прокуратуры, сводившіяся къ цитированію опровергнутыхъ защитниками мѣстъ обвинительнаго акта. Одинъ изъ защитниковъ, Краевскій, заявилъ по этому поводу, что доводы прокурора Моравскаго можно объяснить развѣ только его отсутствіемъ въ залѣ суда. Всѣ защитники рѣзко оппонировали представителямъ прокуратуры.

Для произнесенія послѣдняго слова обвиняемыхъ вводили и сейчасъ же выводили изъ залы поодионочкѣ. *Варыинскій* сказалъ между прочимъ: «Настоящій моментъ имѣетъ историческое значеніе. Отъ вашего приговора зависитъ дальнѣйшее направленіе нашего движенія, его дальнѣйшій характеръ. Помните объ отвѣтственности, которая на васъ лежитъ, помните что и вы подлежите суду исторіи». *Яновичъ* просилъ, чтобы рабочимъ были вынесены не столь суровые приговоры, какъ интеллигентамъ. Особенно горячую рѣчь произнесъ *Куницкій*. «Позвольте мнѣ, судьи, въ моемъ послѣднемъ словѣ очистить себя отъ той грязи, которой забросали меня прокуроры и даже нѣкоторые изъ защитниковъ. Меня представили здѣсь какимъ-то кровожаднымъ чудовищемъ. По словамъ моихъ обвинителей, повсюду, куда я только ни являлся, лилась или должна была литься кровь. Мои убѣжденія были признаны вредными для общества, мои поступки были охарактеризованы какъ преступленія. Чтобы еще больше повліять на васъ, судьи, прокуратура подчеркивала фактъ полной моей солидарности съ «Народной Волей», совершившей актъ 1-го марта. Да, я солидаренъ съ «Народной Волей», я былъ членомъ этой партіи и расписываюсь подо всѣмъ, что она совершила. Это не преступленіе, а исполненіе священной обязанности. Вся моя вина заключается въ моей любви къ народу, за освобожденіе котораго я готовъ пролить послѣднюю каплю крови. Давленіе необходимости заставило насъ войти на путь террора. Возьмите отъ насъ такихъ людей какъ Янкулю и Бѣлановскій, прекратите безчеловѣчныя преслѣдованія, и тогда борьба сама собой потеряетъ свой рѣзкій характеръ. Слышите плачъ и рыданія, раздающіеся среди публики? Это плачутъ наши родные — отцы, матери и жены. Спросите ихъ, считаютъ ли они насъ преступниками. Вы можете насъ судить, можете и осудить — мы умремъ съ чувствомъ исполненнаго долга».

Конъ выяснялъ судьямъ причины, въ силу которыхъ онъ на 20-мъ году жизни былъ арестованъ, а на 22-мъ очутился на

скамьѣ подсудимыхъ. «Я былъ воспитанъ—говорилъ онъ—въ чисто патріотическихъ чувствахъ, съ малолѣтства во мнѣ воспитывали привязанность къ родному краю, между тѣмъ въ гимназін это ставилось мнѣ въ вину, тамъ надругались надо всѣмъ тѣмъ, что для меня было свято и неприкосновенно. Гнетъ, которому подвергается современная молодежь въ гимназіяхъ, не поддается никакому описанію. Въ университетѣ мы видимъ то же самое. Въ теченіе короткаго моего пребыванія тамъ я имѣлъ не мало столкновений съ университетскими властями. Я получилъ выговоръ отъ ректора за организацію студенческой кассы взаимопомощи. Гнетъ правительственнаго режима до такой степени стѣснилъ человѣческую жизнь, что стало прямо невозможнымъ не выйти изъ этихъ, созданныхъ правительствомъ рамокъ. Чтеніе и изученіе запрещенныхъ сочиненій—а у насъ запрещены и Бюхнеръ и Милль—вотъ первое нарушеніе закона. Будучи гимназистомъ или студентомъ, я не пересталъ, однако, быть человекомъ, на котораго производятъ впечатлѣніе факты повседневной жизни. Я, напримѣръ, не могъ не обратить вниманія на громадную массу блѣдныхъ, голодныхъ рабочихъ, которыми періодическіе кризисы заполняютъ улицы Варшавы. Всѣ эти факты вызывали у меня неудовлетворенность существующимъ порядкомъ. Познакомившись съ ученіемъ социализма, я проникнулся имъ и сталъ искать людей, принимающихъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ устарѣвшимъ социальнымъ строемъ. Найдя же ихъ, я умолялъ принять меня въ организацію, чтобы и я могъ исполнить свой долгъ передъ народомъ. Не было и рѣчи о томъ, чтобы меня кто-нибудь привлекалъ, потому что самое согласіе на работу подъ тѣмъ же знаменемъ, подъ которымъ боролись они, я считалъ для себя величайшей честью. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя я былъ арестованъ, а въ настоящее время прокуроръ требуетъ для меня смертной казни. Я не думаю защищаться и ожидаю своей судьбы съ чувствомъ исполненнаго долга».

Маньковский, не знающій русскаго языка, говорилъ по-польски. Онъ съ глубокой убѣжденностью выяснялъ причины и дѣли социалистическаго движенія. «Во всѣхъ странахъ Европы—такъ закончилъ онъ свою рѣчь—наша дѣятельность допускается невозбранно, а въ случаѣ конфликта съ существующими законами намъ угрожаютъ ничтожныя наказанія. Но здѣсь господствуетъ другой взглядъ на это дѣло, и г. прокуроръ требуетъ для насъ смертной казни. Если вы, судьи, приговорите меня къ смерти, я умру безъ страха, я умру съ убѣжденіемъ, что погибаю за правду и справедливость».

Оссовскій доказывалъ, что только правительство виновато въ томъ, что социалисты прибѣгаютъ къ террористическимъ средствамъ борьбы, и требовалъ для рабочихъ и интеллигентовъ одинаковаго наказанія, потому что рабочіе такъ же сознательно борются подъ знаменемъ социализма, какъ и интеллигенты.

Выслушавъ подсудимыхъ, судъ удалился для составленія приговора.

IV.

Нѣкоторые члены суда считали смертную казнь допустимой исключительно по отношенію къ Куницкому, между тѣмъ Фридериксъ и Стрѣльниковъ настаивали на примѣненіи смертной казни къ цѣлому ряду подсудимыхъ. Когда аргументы, приводимые Стрѣльниковымъ и Фридериксомъ, не оказали ожидаемаго дѣйствія, предсѣдатель суда вынулъ изъ портфеля письменное распоряженіе Гурки, требующее смертнаго приговора Куницкому, Бардовскому, Люри, Оссовскому, Петрусинскому и Шмаусу. «Вы рискуете своей карьерой» — присовокупилъ Фридериксъ, и оппозиція судей исчезла.

Приговоръ, вынесенный судомъ и прочтенный подсудимымъ въ ночь на 20-е декабря 1885 г., былъ для нихъ полной неожиданностью. Послѣ всего того, что выяснилось на судѣ, и послѣ рѣчей защитниковъ, можно было предполагать, что Петрусинскій, Блюхъ, Дегурскій, и Гельшеръ будутъ оправданы, то же самое думали о Словикѣ, Домбровскомъ и Томашевскомъ. Рехновскаго, Бардовскаго и Люри, вѣроятно, сошлють административнымъ порядкомъ — на этомъ сходилось мнѣніе всѣхъ. Только судьба одного Куницкаго вызывала всеобщую тревогу.

Между тѣмъ оказалось, что ни судебное разбирательство, ни рѣчи защитниковъ не сыграли никакой роли. Мотивы приговора повторили дословно (даже съ тѣми же опечатками) отдѣльные мѣста обвинительнаго акта. При этомъ въ приговорѣ не дѣлалось различія между руководителями и организаторами партіи съ одной стороны, и съ людьми, только сочувствовавшими ей или оказывавшими ей мелкія услуги; между участниками покушеній на убійство и обыкновенными пропагандистами. Самыя безсмысленныя обвиненія, совершенно опровергнутыя на судѣ, опять появились въ мотивахъ вердикта. Такъ, напр., приговоръ признавалъ Яновича виновнымъ въ подготовленіи покушенія на Янкулю и Секержинскаго, несмотря на то, что сама прокуратура отказалась отъ обвиненія по этому пункту. Вообще весь судъ былъ сплошной комедіей, инсценизированной только для формы, и судьба обвиняемыхъ была рѣшена заравѣ правительствомъ, желавшимъ терроризировать сторонниковъ социализма въ Польшѣ.

Военный судъ приговорилъ:

I. Къ смертной казни: 1) Петра Бардовскаго, мирового судью въ Варшавѣ; 2) Станислава Куницкаго, бывшаго студента института путей сообщенія; 3) Николая Люри, капитана, военного инженера; 4) Михаила Оссовскаго, сапожника изъ Варшавы; 5) Яна Петрусинскаго, ткача изъ Згержа; 6) Іосифа Шмауса, слесаря изъ Варшавы.

II. Къ 16-лѣтней каторгѣ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія: 7) Теофиля Блюха, ткача изъ Згержа; 8) Петра Домбровскаго, сапожника изъ Варшавы; 9) Леона Дегурскаго, ткача изъ

Згержа; 10) Генриха Дүлембу, рабочаго на мыловаренномъ заводѣ; 11) Адольфа Форминскаго, столяра изъ Варшавы; 12) Станислава Гладыша, конторщика изъ Варшавы; 13) Гиларія Госткевича, ткача изъ Лодзи; 14) Яна Гельшера, ткача изъ Згержа; 15) Людвига Яновича, бывшаго студента земледѣльческой академіи; 16) Іосифа Кмѣчика, разсыльнаго изъ Варшавы; 17) Мстислава Маньковского, столяра изъ Кракова; 18) Эдмунда Плоскаго, кандидата правъ; 19) Антонія Поплавскаго, слесаря изъ Лодзи; 20) Тадеуша Рехневскаго, студента-юриста; 21) Адама Сѣрошевскаго, плотника изъ Варшавы; 22) Адама Словики, разсыльнаго изъ Варшавы; 23) Казимира Томашевскаго, ткача изъ Згержа; 24) Людвига Варынскаго, бывшаго студента агрономическаго института.

III. Къ 10 годамъ и 8 мѣсяцамъ каторги: 25) Феликса Кона, бывшаго студента юриста; 26) предателя Соломона - Станислава Пацановскаго, бывшаго студента-юриста.

IV. Къ 8 годамъ каторги: 27) Станислава Бугайскаго, ткача изъ Згержа.

V. Къ поселенію въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Сибири съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія: 28) Андрея Игельстрома, подпоручика саперной бригады телеграфнаго парка и 29) Захарія Сокольскаго, артиллерійскаго подпоручика.

Осужденные обратились къ товарищамъ на свободѣ со слѣдующимъ письмомъ:

«Братья рабочіе!

Вамъ, несомнѣнно, извѣстны приговоры военнаго суда: 6 человекъ осуждены на смерть, 21—на каторгу. Правительство хотѣло однимъ ударомъ отрубить голову революціонной гидрѣ—«Пролетаріату», надѣясь вызвать такими приговорами панику среди социалистовъ. Но его усилія тщетны: ни насъ, ни васъ оно этимъ не устратило.

Мы спокойно приняли приговоры, жалѣя только о двухъ вещахъ: что мы не сдѣлали больше, и что мы надолго будемъ оторваны отъ работы.

Васъ же послѣдній процессъ еще больше убѣдилъ въ тѣсной связи между правительствомъ и капиталистами.

Тщетно мы доказывали передъ судомъ, что мы—рабочая партія, стремящаяся къ улучшенію быта рабочихъ, что мы стараемся завоевать для рабочихъ такія же права и такое же вліяніе, какими въ настоящее время пользуются капиталисты. (О революціи мы говорили, что не мы ее вызываемъ, а нынѣшнія экономическія отношенія, мы ее только предвидимъ). Все это было напрасно: судъ призналъ насъ партіей, которая желала ниспровергнуть правительство насильственнымъ путемъ, и примѣнилъ самую высшую степень наказанія, имѣющагося въ уложеніи о наказаніяхъ.

Мы предчувствуемъ крикъ негодованія, который долженъ раздаться въ рабочей Варшавѣ, потому, что судъ дѣйствительно въ наименьшей мѣрѣ руководился принципами справедливости.

Виновные и невинные, тотъ, кто совершилъ многое, и тотъ, кто мало сдѣлалъ—всѣ, кромѣ 6-ти, приговоренныхъ къ смертной казни, получили одинъ и тотъ же приговоръ: 16 лѣтъ каторги.

Мы полагаемъ, что въ этомъ случаѣ правительство ошиблось въ расчетѣ. Оно думало насъ запугать, между тѣмъ какъ оно вызоветъ у всѣхъ чувство ужаса, такъ какъ даже люди, совсѣмъ не понимающіе въ чемъ дѣло, за что мы боремся, поймутъ, что не можетъ быть дурной та идея, за которую люди жертвуютъ жизнью. Всѣ тѣ, которые никогда не слыхали о социализмѣ и о партіи «Пролетаріатъ», теперь узнаютъ о нихъ, потому что не будетъ въ Польшѣ человѣка, который бы не услышалъ о столь жестокой казни.

Поэтому, да здравствуетъ судъ, который сдѣлалъ популярнымъ наше дѣло! Мы должны быть благодарны Гуркѣ за то, что онъ этимъ процессомъ укрѣпилъ краеугольный камень, положенный нами.

Итакъ, не думайте, братья, о кровавой мести за насъ. Мести и гнѣвъ—плохіе совѣтники. Единственной местию съ нашей стороны должно быть развитіе нашего дѣла, кровавыя же средства слѣдуетъ употреблять единственно для самозащиты. Работайте же, братья-работчіе, въ томъ же направленіи, чтобы всѣмъ рабочимъ стало ясно, *что улучшеніе судьбы рабочихъ возможно и зависитъ отъ соединенныхъ усилій всѣхъ трудящихся.* Когда всѣ поймутъ это и станутъ руководствоваться этимъ принципомъ, настанетъ давно желанный день. Прощайте, братья! Да здравствуетъ рабочее дѣло! Да здравствуетъ социальная революція!

Приговоренные 20-го декабря къ смерти и каторгѣ».

Представители власти прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы склонить осужденныхъ подать просьбы о помилованіи. Всѣ отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. Для подачи кассационной жалобы былъ назначенъ 2-хъ-недѣльный срокъ, причемъ, однако, защитѣ было поставлено на видъ, что требованіе кассациі приговоровъ будетъ принято очень неблагосклонно. Несмотря на это, большинство защитниковъ потребовало кассациі, которой Гурко даже не далъ хода.

Первоначальный вердиктъ былъ измѣненъ въ Петербургѣ слѣдующимъ образомъ:

I. Смертный приговоръ получили: Бардовскій, Куницкій, Оссовскій и Петрусинскій;

II. 20 лѣтъ каторжныхъ работъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Люри и Шмаусъ;

III. 16 лѣтъ каторжныхъ работъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Блюхъ, Домбровскій, Яновичъ, Маньковскій и Варынскій;

IV. 15 лѣтъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Томашевскій, Гельшеръ;

V. 14 лѣтъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Рехневскій и Сѣрошевскій;

VI. 13 лѣтъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Дулемба, Госткевичъ, Плоскій, Поплавскій;

VII. 12 лѣтъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Форминскій и Кмѣцкѣ;

VIII. 10 лѣтъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Дегурскій, Гладышъ и Словикъ;

IX. 8 лѣтъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Конъ;

X. 6 лѣтъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ: Бугайскій;

XI. Ссылку въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири: предатель Пачановскій;

XII. Поселеніе въ Сибири съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ: Игельстромъ и Сокольскій.

28-го января 1886 г. смертный приговоръ былъ исполненъ. Бардовскій, Куницкій, Оссовскій и Петрусинскій были повѣшены въ варшавской цитадели. 40 дней они ожидали вмѣстѣ съ товарищами рѣшенія своей судьбы, пребывая въ полной неизвѣстности. Ихъ вызвали подъ разными предлогами въ канцелярію, откуда имъ уже не суждено было вернуться къ товарищамъ. Куницкій передъ смертю крикнулъ: «Да здравствуетъ Пролетаріатъ!», Бардовскій: «Да здравствуетъ свобода!», а Петрусинскій выругалъ Брока и другихъ жандармовъ. Только Оссовскій молчалъ. Выходя во дворъ всѣ четверо воскликнули: «Да здравствуетъ социальная революція!»

Къ четыремъ висѣлицамъ, воздвигнутымъ въ январѣ 1886 г. въ Варшавѣ, вскорѣ прибавилась пятая. Среди множества лицъ, арестованныхъ лѣтомъ 1886 г., находились *Ковалевскій* и *Гипшерь*; преданные военному суду по обвиненію въ покушеніи на убійство предателя Пинскаго. Ихъ судили при закрытыхъ дверяхъ, безъ свидѣтелей и защитниковъ. Гипшерь былъ приговоренъ къ 14 годамъ каторжныхъ работъ, Ковалевскій же къ смерти. Его повѣсили въ сентябрѣ 1886 года.

Громадное количество лицъ, привлеченныхъ по дѣлу «Пролетаріата», въ 1884—1886 г. было административнымъ порядкомъ осуждено на тюремное заключеніе и ссылку. Они распределяются по тремъ группамъ.

Къ первой принадлежатъ лица, близко стояція къ 29 осужденнымъ въ процессѣ 1885 г. Вотъ ихъ (къ сожалѣнію, не полный) списокъ съ обозначеніемъ полученныхъ ими административныхъ приговоровъ:

1. Амфнеръ—4 г. Вятской губ. 2. Быкъ Гершъ, студентъ ветеринарнаго института—4 г. Западной Сибири. 3. Ворнеховскій Казиміръ—б. ученикъ пинскаго реального училища—9 м. тюрьмы. 4. Вильбекъ Францишекъ—сапожникъ—1 г. 4 м. тюрьмы. 5. Вицкій—портной—1 г. тюрьмы. 6. Вычановскій Япъ—5 л. Вост. Сибири. 7. Гандельсманъ Вацлавъ—ученикъ коммерческаго училища—5 л. Вост. Сибири. 8. Гореландъ Тытусъ—4 м. тюрьмы. 9. Дзянковская Софія (урожд. Пласковицкая)—5 л. Вост. Сибири. 10. Дрешеръ Юліанъ—слесарь—5 л. Зап. Сибири. 11. Дрон-

жевскій Станиславъ—ветеринарный врачъ—1 г. тюрьмы. 12. Енджеевскій Болеславъ—бухгалтеръ—9 м. тюрьмы и 2 г. надзора. 13. Ентысъ Александра—классная дама—5 л. Зап. Сибири. 14. Зарэмба Петръ—кузнецъ—5 л. Зап. Сибири. 15. Зачынский—портной—9 м. тюрьмы. 16. Каллентронъ Теодоръ—кузнецъ—4 г. Зап. Сибири. 17. Киферъ Ксаверій—столяръ—5 л. Вост. Сибири. 18. Ключевскій—токарь—1 г. тюрьмы. 19. Крохмальскій Теодоръ, кузнецъ—4 г. Зап. Сибири. 20. Кшывоблодкій Игнатій—студ. ветеринарнаго инст.—1 г. 4 м. крѣпости. 21. Малиновскій—сапожникъ—4 г. Зап. Сибири. 22. Остерловъ—ученикъ коммерч. училища—1 г. тюрьмы. 23. Онуфровичъ Болеславъ—фармацевтъ—5 л. Вост. Сибири. 24. Остепко Іосифъ—технологъ—5 л. Вост. Сибири. 25. Пенке Янъ—токарь—4 г. Зап. Сибири. 26. Плоска Софія—4 г. Зап. Сибири. 27. Подбѣльскій Константинъ—плотникъ—5 л. Зап. Сибири. 28. Поль Наталія Михайловна (Бардовская)—5 л. Зап. Сибири. 29. Пташинскій Янъ—слесарь—4 г. Зап. Сибири. 30. Рехневская Витольда—9 м. тюрьмы и 2 г. надзора. 31. Рудницкій Лукашъ—сапожникъ—4 г. Зап. Сибири. 32. Рызевскій Люціянъ—б. студентъ агрономическаго института—5 л. Вост. Сибири. 33. Савицкій Людвигъ—студентъ—4 г. Зап. Сибири. 34. Сандбергъ Софія—9 м. ареста. 35. Ставицкій—химикъ—5 л. Зап. Сибири. 36. Тшесковскій Габріель—сапожникъ—5 л. Вост. Сибири. 37. Фаворскій—работчій на мыловаренномъ заводѣ—1 г. тюрьмы. 38. Яровскій М.—9 м. ареста.

Ко второй группѣ принадлежатъ арестованныя вмѣстѣ съ Маріей Богусевичъ (8 лѣтъ Сибири), Розалія Фельзенгардтъ, Іосифъ Разумѣйчикъ, Михаилъ Манцевичъ, Константинъ Стшешинскій, Вильфридъ Войничъ и нѣсколько другихъ лицъ—все приговорены късылкѣ въ Восточную Сибирь.

Къ третьей, наконецъ, относятся лица, привлеченныя вмѣстѣ съ Ковалевскимъ и Гипшеромъ по дѣлу о покушеніи на предателя Пинскаго или арестованныя сейчасъ же послѣ этого покушенія. Изъ нихъ къ 10-лѣтнейсылкѣ въ самыя отдаленныя мѣста Восточной Сибири приговорены:

1. Брониковскій Теофиль—слесарь; 2. Букшнисъ Винцентій—слесарь; 3. Вислоцкій Владиславъ—хористъ; 4. Крожевскій Янъ, слесарь; 5. Пшибыславскій Тадеушъ—столяръ; 6. Ульрихъ Стефанъ—бывшій студентъ.

Къ 8 годамъ Восточной Сибири: 7. Графинскій Эдуаръ—сапожникъ.

Къ 6 годамъ Восточной Сибири: 8. Зында Михаилъ—столяръ.

Къ 4 годамъ Восточной Сибири: 9. Красускій Эвзебій—работчій у золотыхъ дѣлъ мастера; 10. Брудневскій Владиславъ—лакировщикъ; 11. Эргардтъ Леонардъ—слесарь; 12) Манкевичъ Феликсъ—слесарь; 13. Пшибыславскій Адамъ—слесарь; 14. Юзвякъ Яковъ—сапожникъ; 15. Малеванецъ Янъ—сапожникъ.

Къ 5 годамъ Зап. Сибири: 16. Ковальскій Леонъ—сапожникъ;

17. Ендрушекъ Брониславъ—сапожникъ; 18. Проховскій Антоній—мѣховщикъ; 19. Шмидтъ Стефанія—учительница.

Къ годичному заключенію въ крѣпости: 20. Сидорекъ Владиславъ—столяръ; 21. Курчевскій Николай. Къ годичному тюремному заключенію: 22. Пlosка Марія.

Къ 6-мѣсячному тюремному заключенію: 23. Войцѣховскій Станиславъ—столяръ; 24. Срочинскій Юліанъ—слесарь; 25. Цесарскій, 26. Нейманъ и 27. Дружидкій — токари; 28. Азенбеймеръ.

Къ тюремному заключенію отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ были приговорены: 29. Станкевичъ; 30. Аксенбермеръ; 31. Траусъ—сапожники; 32. Гловинская Олимпія и 33. Мателицкая Фердинанда.

Правительству казалось, что всѣ эти казни и жестокіе приговоры совершенно искореняютъ польское социалистическое движеніе. Между тѣмъ прошло всего нѣсколько лѣтъ, и оно вспыхнуло новымъ, еще болѣе яркимъ пламенемъ, котораго уже не удалось потушить никакими мѣрами.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Къ исторіи отношеній партіи «Народной Воли» и партіи «Пролетаріатъ».

Въ настоящемъ номерѣ «Былого» мы перепечатаемъ нѣсколько страницъ изъ одного крайне рѣдкаго правительственнаго изданія: *«Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Царствѣ Польскомъ съ 1877 по 1885 г.»*. Какъ видно изъ подзаголовка, это изданіе заключаетъ въ себѣ «Заключенія Варшавской Судебной Палаты по дѣламъ о революціонномъ (патріотическомъ и социалистическомъ) движеніи въ Царствѣ Польскомъ. Напечатаны съ подлинныхъ заключеній безъ всякихъ измѣненій въ типографіи Варшавскаго Жандармскаго Округа исключительно для лицъ, наблюдающихъ за производствомъ упомянутыхъ дѣлъ и дающихъ послѣднимъ дальнѣйшее направленіе». Все изданіе было отпечатано всего въ 14 экземплярахъ и состоитъ изъ 4-хъ томовъ (227+267+157+107 стр.).¹⁾

Первый томъ открывается обстоятельнымъ докладомъ Плеве, бывшаго тогда только исправляющимъ должность прокурора Варшавской Судебной Палаты, посвященнымъ дѣлу Шиманскаго, разбиравшемуся въ 1878 г. Далѣе слѣдуетъ 5 другихъ прокурорскихъ докладовъ о польско-русскомъ революціонномъ движеніи въ 1878—1881 г.г.,—здѣсь очень много говорится о дѣятельности Варынскаго, Кобылянскаго, Пласковицкой, Маріи Гильдъ, Длусскаго, Гласко, Сѣрошевскаго, Лянда, Геринга, Балицкаго и др.

Второй томъ посвященъ дѣлу «Пролетаріатъ»,—причемъ изложены обвиненія противъ 190 лицъ, — 4 изъ характеристикъ мы и даемъ ниже.

Третій томъ заключаетъ обвинительный актъ по дѣлу 29-ти пролетаріатцевъ, извѣстный до сихъ поръ только въ пересказѣ, а не подлинникѣ. Процессъ 29-ти въ свое время вызвалъ къ себѣ общее вниманіе и правительства, и общества. «При самомъ поверхностномъ обзорѣнн настоящаго дѣла,—говорится въ предис-

¹⁾ Объ этомъ изданіи говорится на стр. 262, въ статьѣ Л. Плохоцкаго.

словіи къ 3-му тому о процессѣ 29-ти,—первое, что, такъ сказать, бросается въ глаза, это его громадность. Оно состоитъ изъ 26 объемистыхъ томовъ производства и изъ большого количества вещественныхъ доказательствъ, заключающихся въ 17 тюкахъ, изъ коихъ нѣкоторые наполнены письменными и печатными документами, подлежащими обстоятельному изученію».

Въ четвертомъ томѣ помѣщенъ докладъ о дѣятельности партіи «Пролетаріатъ» послѣ ареста Куницкаго и Бардовскаго въ 1884—1885 г.г., здѣсь, кромѣ характеристики дѣятельности «Пролетаріата», помѣщены очень интересныя свѣдѣнія о 55 лицахъ, привлечавшихся къ дѣлу, между прочимъ о Маріи Богусевичъ, І. Разумѣйчикъ, Фельзенгартъ, Лонцкомъ, Манцевичъ, Войничъ и др.

Варынскій.

16-го сентября 1883 года, въ 3 часу пополудни, въ мелочную лавку, содержимую Лейзеромъ Бутлефомъ, въ домѣ подъ № 14, по Рымарской улицѣ, въ Варшавѣ, явился неизвѣстный молодой человѣкъ, высокаго роста, брюнетъ, въ пенснѣ, купилъ на 14 коп. почтовыхъ марокъ и, написавъ тутъ-же, въ лавкѣ, на бывшемъ у него въ рукахъ запечатанномъ конвертѣ, какой-то адресъ, съ этимъ конвертомъ вышелъ. Вслѣдъ за его уходомъ, Бутлефъ замѣтилъ на прилавкѣ какой-то узелокъ и изъ любопытства развернулъ его. Въ узелкѣ оказалось 40 экземпляровъ соціально-революціоннаго стихотворенія на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Варшавянка“ (помѣщеннаго впервые въ газетѣ „Proletaryat“ № 1). Пока Бутлефъ, вмѣстѣ съ зашедшимъ къ нему Яковомъ Вальдомъ, разсматривали это стихотвореніе и совѣтовались, что предпринять, въ лавку вбѣжалъ тотъ же неизвѣстный человѣкъ, вырвалъ изъ рукъ Вальда означенный узелокъ свой и вышелъ. Замѣтивъ, что онъ вошелъ въ кондитерскую, помѣщавшуюся въ томъ же домѣ, Вальдъ, вмѣстѣ съ Бутлефомъ, стали караулить его, а между тѣмъ Абрамъ Софа отправился за полиціей. Вскорѣ прибылъ околоточный надзиратель Жвавичукъ, при содѣйствіи котораго означенный неизвѣстный молодой человѣкъ, несмотря на попытку бѣжать, задержанъ, находившаяся же съ нимъ въ кондитерской женщина (какъ впоследствии обнаружено дознаніемъ—Варвара Шуленникова) успѣла скрыться (т. IX, л. 750 об., т. II, л. 7, 15—25, 44, 45, 54—62).

Самый поверхностный осмотръ найденныхъ при задержанномъ, оказавшемся разыскиваемымъ съ 1878 года Людвигомъ Варынскимъ.—разной переписки, брошюръ, прокламаций, шрифта,—свидѣтельствовалъ уже о серьезной руководительской роли его въ соціально-революціонномъ сообществѣ. Именно, при обыскѣ этомъ, между прочимъ, обнаружены:

а) разные социальнo-революціонныя изданія, б) рукописи—корреспонденціи о стачкахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, выписки и вырѣзки изъ газетъ о случаяхъ смерти или изувѣченія рабочихъ во время работъ въ здѣшнемъ краѣ, разные замѣтки и часть статьи, начинающейся словами: „Bedzie wojna“, (Статья эта въ нѣсколько измѣненномъ видѣ помѣщена въ № 2 газеты „Proletaryat“, подъ заглавіемъ „Mu w obec wojny“; обсуждая, съ точки зрѣнія социалистической, послѣдствія для рабочаго класса отъ войны, возможной въ Европѣ, авторъ приходитъ къ выводу, что она только наноситъ вредъ рабочему дѣлу; но, заключаетъ онъ, „если бы желаніе воевать пришло имъ, рабочимъ: „Jeżeli chcą iść, choć to i przedwczesne, my im przodować bedziemy. Niech idą ale z nami, pod naszym sztandarem“—„если хотятъ воевать—хотя это и рано—мы пойдемъ впереди ихъ. Пусть идутъ, но съ нами, подъ нашимъ знаменемъ“); в) замѣтки, касающіяся свѣдѣній о Родзевичѣ, почитаемомъ партіей за измѣнника, и о шинкѣ Буйника (въ которомъ полиціей производился обыскъ, и также помѣщенные въ томъ же номерѣ); г) списки социальнo-революціонныхъ изданій: д) письмо, частью зашифрованное, подписанное неразборчиво; е) корректурный листъ прокламаціи на нѣмецкомъ языкѣ къ рабочимъ г. Лодзи; ж) шрифтъ, наконецъ, з) паспорта: 1) на имя прусскаго подданнаго Карла Постоля (т. II, л. 57—62, 106, 120), 2) крестьянки Каролины Франковской и 3) свидѣтельство на имя дворянина Николая Черепова; два послѣдніе документа оказались подложными (т. II, л. 7—9).

По доставленіи затѣмъ изъ Варшавской Губернской Почтовой конторы письма, опущеннаго Варынскимъ въ почтовый ящикъ по выходѣ изъ лавки Бутлефа и адресованнаго въ „Парижъ“ „Аннѣ Лефрансе“, въ немъ найдены двѣ печатныя прокламаціи социальнo-революціоннаго содержанія, на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, къ рабочимъ Лодзи и окрестностей ¹⁾ и записка къ „пріятельницѣ“ ²⁾, при которой прокламаціи эти препровождались (т. II, л. 11, 46—51, 64, 65).

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Варынскій по существу падавшего на него обвиненія отъ всякихъ показаній отказался; по поводу же обнаруженныхъ при немъ вещественныхъ доказательствъ далъ крайне уклончивыя объясненія, разновременно показавъ лишь, между прочимъ, что шрифтъ онъ привезъ въ видѣ образца, что подобный шрифтъ можетъ быть доставленъ для здѣшней тайной типографіи, паспортъ на имя Франковской ему дали за границую для передачи въ Варшавѣ, какъ равно и свидѣтельство на имя Черепова, которымъ и онъ могъ воспользоваться; наконецъ, что прокламаціи онъ посылалъ въ Парижъ къ одному своему знакомому для того, чтобы тамъ знали о ходѣ пропаганды въ здѣшнемъ краѣ т. II л. 97, 104,

26 апрѣля 1884 года Варынскій заявилъ желаніе дать нѣкоторыя

¹⁾ Появилась только въ Лодзи (Прил. II, л. 66, 68, 101, 103, 112),

²⁾ Не обнаружена.

показанія и по предъявленіи всѣхъ собранныхъ противъ него данныхъ какъ по прежнему дѣлу, по которому онъ былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго, но не допрошенъ за неразысканіемъ, такъ и по настоящему, объяснилъ, 1) что признаетъ принадлежность свою къ международной социальнo-революціонной партіи „Пролетаріатъ“, 2) что состоялъ агентомъ Центральнаго Комитета, съ которымъ и находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ, 3) что, въ качествѣ агента, онъ преобразовалъ „Рабочій Комитетъ“, озаботившись: а) присканіемъ людей для доставки брошюръ изъ-за границы, б) организаціею добровольныхъ денежныхъ сборовъ съ рабочихъ для увеличенія средствъ партіи, 4) что велъ, чрезъ агентовъ „Рабочаго Комитета“, пропаганду среди рабочихъ, первое время исключительно самъ, указывая рабочимъ на необходимость солидарности и на эксплуатацію ихъ фабрикантами 5) что, наконецъ, онъ сотрудничалъ въ газетѣ „Proletaryat“, и свѣдѣнія о Родзевичѣ и Буйникѣ и статья, при немъ оказавшаяся, написаны и собраны имъ для этой газеты.

Къ этому онъ присовокупилъ, что участвовалъ въ социальнo-революціонной пропагандѣ въ здѣшнемъ краѣ въ 1878 году, послѣ чего бѣжалъ за границу и прибылъ въ Варшаву впервые лишь въ 1882 году, желая узнать о положеніи революціоннаго дѣла въ Россіи и отыскать нѣкоторыя связи; проживалъ по подложнымъ паспортамъ Гроховскаго и Ходзынскаго до мая того-же года; затѣмъ, возвратясь сюда уже въ январѣ 1883 года, онъ жилъ здѣсь подъ фамиліей Постоля, наконецъ, въ августѣ выѣхалъ за границу и въ день возвращенія въ Варшаву былъ задержанъ. Таковы показанія Варынскаго. Затѣмъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ указаній онъ отказался.

Но эти показанія Варынскаго далеко не исчерпываютъ его дѣятельности; въ разъясненіе роли, которую онъ игралъ въ дѣлѣ пропаганды дознаніемъ добыты еще нижеслѣдующія данныя (т. II л. 28—38, 72—87 89—94, 95, 97, 105, 106—120; т. V, л. 476):

Уроженецъ Кіевской губерніи, Каневскаго уѣзда, деревни Мартыновки, дворянинъ Людвигъ-Оаддей Севериновъ Варынский, 26 лѣтъ, католикъ, по окончаніи курса наукъ въ Бѣлоцерковской гимназій, въ сентябрѣ 1874 года поступилъ въ число студентовъ С.-Петербургскаго Технологическаго института. Исключенный въ ноябрѣ 1875 года за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ (противодѣйствіе распоряженію о репетиціяхъ) и высланный на родину, Варынский въ декабрѣ 1876 года пріѣзжаетъ въ Варшаву и поступаетъ на фабрику Лильпопа и Рау, въ январѣ или февралѣ 1877 года, въ качествѣ простаго рабочаго (т. II л. 103). Съ этого момента, слѣдовательно, на 21-мъ году отъ рожденія, согласно собственнаго его объясненія, Варынский начинаетъ свою дѣятельность по пропагандѣ. На фабрикѣ онъ остается до августа 1877 года, затѣмъ поступаетъ въ Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ п. Ново-Александрія, но вскорѣ оставляетъ Институтъ и съ февраля 1878 года проживаетъ уже безъ заявленія въ Варшавѣ. Въ августѣ онъ узнаетъ, что о предполагавшейся въ квартирѣ его сходкѣ извѣстно властямъ, отмѣняетъ сходку (т. III, л. 103 об.), скрывается еще двѣ недѣли въ Варшавѣ и затѣмъ бѣжитъ за границу; нѣкоторое время живетъ во

Львовѣ, послѣ чего поселяется въ Краковѣ. Тутъ въ 1879 году его задерживаютъ по обвиненію въ преступной пропагандѣ и въ 1880 году высылаютъ изъ Австріи административнымъ порядкомъ до швейцарской границы. Въ 1880 и 1881 году Варынский живетъ большею частью за границею въ Парижѣ и Швейцаріи, гдѣ работаетъ въ типографіи; затѣмъ, съ декабря 1881 года, онъ уже появляется въ Варшавѣ, проживаетъ здѣсь подъ фамиліей Гроховскаго (т. II л. 29—38), то какъ Ходзынский и Постолю, то называетъ себя „торговымъ агентомъ“, то выдаетъ себя за „литографа“ или „помѣщика“; живетъ здѣсь постоянно, рѣдко выѣзжая; но при каждой перемѣнѣ квартиры отмѣчается на выѣздъ. Съ 17 августа 1883 года, когда онъ выявленъ за границу изъ дома № 1 по Новгородской улицѣ, дальнѣйшее мѣсто пребыванія его дознаніемъ не выяснено, но часть вещей его оказалась у Плоскаго, который объяснилъ, что около этого времени Варынский сообщилъ ему, что долженъ куда-то ѣхать, прислать къ нему чемоданъ свой на храненіе, причемъ въ чемоданѣ оказались, кромѣ бѣлья, найденныя у него при обыскѣ фотографіи Анны Сѣрошевской, группа Лянды Бейта и Сѣрошевскаго (осужденныхъ за социалистическую пропаганду) и визитныя карточки „Карлъ Постолю“ (т. II л. 179 об., с. IX л. 949).

Съ первой минуты прибытія своего въ Варшаву, Варынский заводитъ сношенія съ рабочими, организуетъ „Рабочій Комитетъ“, „вступаетъ въ сношенія съ „Секретнымъ совѣтомъ“ (Центральный Комитатъ), занимаясь, главнымъ образомъ, пропагандою въ рабочей средѣ. Нѣтъ ни одного рабочаго изъ числа вовлеченныхъ въ сообщество „Пролетаріатъ“ который бы не зналъ, не видѣлъ или не слышалъ Варынскаго. Извѣстный среди рабочихъ лишь подъ прозвищемъ „Длугаго“, Варынский былъ первый организаторъ и руководитель социально-революціоннаго движенія въ средѣ рабочихъ (т. III л. 214 об.). По показанію одного изъ наиболѣе развитыхъ и посвященныхъ въ дѣло рабочихъ Ивана Сливинскаго, — съ прибытіемъ Варынскаго въ Варшаву социально-революціонная пропаганда принимаетъ громадныя размѣры; самъ Варынский показалъ (т. II л. 97), что, когда онъ прибылъ сюда въ 1882 году, онъ нашелъ, что пропаганда заглохла. Для достиженія своихъ цѣлей Варынский (т. III л. 96 об., 233 об., 302 об.):

1) озабочивается возможно широкимъ образованіемъ социально-революціонныхъ кружковъ и сходокъ. Окружая себя такими людьми какъ Пташинскій, Дулемба, Госткевичъ, Вихржицкій, Шмаусъ, имѣя такого помощника какъ Плоскій, Варынский самъ, или чрезъ посредство ихъ, требуетъ отъ каждаго вновь вовлеченнаго въ партію, чтобы онъ образовалъ кружокъ и занялся пропагандою. Объ этомъ онъ просилъ Щепанскаго, того же требовалъ и отъ Скурковского, предлагалъ Высоцкому знакомить какъ можно большее число лицъ съ социалистическимъ ученіемъ, посредствомъ раздачи брошюръ, а затѣмъ образовывать изъ такихъ привлеченныхъ рабочихъ кружки (т. III л. 98, 113 об. 213 об., 234, 257 об., 264, 290, 302 об.—304 об., 306, 347, 353, 358 об.; т. V л. 26 и об., 236 и об., 327, 400, 466; т. VI л. 143; т. IX л. 695, 710; т. III л. 381 об., 478 об.—482).

Варынский не всегда самъ являлся на рабочія сходки въ Александровскомъ паркѣ, на Чисте, на Кошикахъ, въ квартирахъ Шаблевскаго Столыпѣ, на Повонзкахъ, въ трактирѣ Геркуланумъ, (гдѣ, между прочимъ, предложилъ рабочимъ, прибывшимъ на сходку, не обращаться къ нимъ, руководителямъ, иначе какъ на „ты“ или „товарищъ“), онъ возбуждалъ въ рабочихъ недовольство ихъ настоящимъ положеніемъ, указывалъ имъ на эксплуатацію ихъ фабрикантами и мастерами, возбуждалъ въ нихъ недовольство существующимъ государственнымъ и общественнымъ строемъ, вообще, внушалъ имъ недовѣріе къ существующему правительству (т. III л. 305 об., 349; т. V л. 236, 382; т. VI л. 144), совѣтовалъ рабочимъ, если начнутся обыски, „стать въ защиту жертвъ“, убивать тѣхъ (т. III л. 98, 104), которые будутъ противодѣйствовать имъ; наконецъ, какъ сказано уже, угрожалъ смертью за измѣну.

По показанію Гзовскаго, Варынский говорилъ рабочимъ на одной изъ сходокъ (т. III л. 352 об.), что, когда пріѣдетъ въ Варшаву царь, то всѣ ремесленники и рабочіе, по данному сигналу, должны будутъ выступить съ своими претензіями, заявляя, что подати большія, что заработковъ нѣтъ, каждый долженъ кричать „желаемъ улучшенія быта“ *zadamy polepszenia bytu*) (т. III 349 и об.). Царь,—добавилъ Варынский,—дастъ конституцію потому, что рабочій не можетъ такъ долго оставаться. По показанію Тржешковскаго, Варынский говорилъ (т. III л. 382), что правительство грабитъ народъ (т. V л. 401; т. VI л. 144 об.), но что наступитъ революція, и положеніе измѣнится. Не ограничиваясь знакомствами съ рабочими, дѣлаемыми на сходкахъ, Варынский знакомился съ рабочими и инымъ путемъ, появляясь къ нимъ на квартиры. Такъ, онъ былъ у Сѣдлецкаго (т. III л. 122 об., 123) вмѣстѣ съ Шиманскимъ два раза и говорилъ ему, что „Земля, фабрики и орудія должны принадлежать не единицамъ, а всѣмъ рабочимъ“, былъ у Мелле два раза (т. V л. 30), постоянно ходилъ съ Шмаусомъ, Госткевичемъ, Дулембою, приходилъ съ послѣднимъ подъ фабрики и тамъ знакомился съ рабочими, при чемъ, требуя, чтобы Скурковский помѣстилъ Шмауса на фабрикѣ Ортвейна, онъ сказалъ ему, что такихъ людей, какъ Шмаусъ, рабочіе должны устраивать (т. II л. 98 об.).

2) Варынский самъ признаетъ, что пріискалъ людей, которые занялись доставкою брошюръ изъ-за границы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что транспортъ социалистическихъ изданій, задержанный 31 мая 1883 года около Ченстохова, былъ водворенъ при участіи Варынскаго или, по крайней мѣрѣ, что Шмаусъ былъ имъ назначенъ для этой цѣли, чѣмъ и можетъ быть объяснено дальнѣйшее его поведеніе (т. III л. 308; т. V л. 259) а) содѣйствіе къ укрывательству Шмауса, котораго онъ вслѣдъ затѣмъ отправляетъ въ г. Люблинъ (т. II л. 51) б) обнаруженіе при немъ паспорта на имя Каролины Франковской и двухъ листовъ бумаги съ подписью: „Іосифъ Шмаусъ“, изъ которыхъ—паспортъ,—въ виду задержанія при Шмаусѣ вида на имя Адама Франковскаго (Прил. II л. 73, 91),—безъ сомнѣнія, предназначался для его жены, листы же съ подписями фамиліи Шмаусъ, повидимому, подлежали передачѣ также ей, для написанія на нихъ довѣренности, съ цѣлью полученія заработанныхъ Шмаусомъ въ мастерской денегъ, ко-

торыя, несмотря на всѣ хлопоты, начальство мастерскихъ, безъ такой довѣренности, не выдавало.

Пропаганда въ рабочей средѣ была главнымъ, но не единственнымъ занятіемъ Варынского (т. II л. 68, 70, 148, 150, 243, 272 об., 280; т. IV л. 243, 262, 270).

1) Въ квартирѣ его происходили сходки рабочаго Комитета, и у него собирались болѣе развитые и посвященные въ дѣло рабочіе Шмаусъ, Госткевичъ, Визбекъ. Изъ данныхъ дознаній слѣдуетъ заключить, что въ квартирѣ его происходили и сходки лицъ, руководившихъ социальнореволюціоннымъ движеніемъ—сходки Центрального Комитета. Такъ, у него бывали Плоскій, Янчевскій, Ульрихъ, Александра Ентысъ, Ѳаддѣй Ентысъ, Пухевичъ, какойто „Болеславъ“, какъ слѣдуетъ понимать, Болеславъ Онуфровичъ.—Кромѣ того онъ самъ посѣщалъ сходки, собиравшіяся у Пухевича (т. III л. 210—215), бывалъ съ Дулембой и Плоскимъ у Марчевскаго, съ Куницкимъ ходилъ на рабочія сходки (т. IX л. 565 об.); несомнѣнно, что и у Александры Ентысъ (т. VI л. 163 об. т. VII л. 101; т. IX л. 641, 750 об.), въ зданіи института, онъ бывалъ въ цѣляхъ социальнореволюціонныхъ; онъ былъ въ сношеніяхъ съ Бардовскимъ, Щупенниковой, Софіею Плоскою. (т. IX л. 878; т. X л. 1302 об.).

2) Варынский, по показанію Загурскаго и Пацановскаго, организовалъ, при содѣйствіи Дулембы, партію „Пролетаріатъ“. Варынский, Куницкій и Дембскій явились первыми представителями новаго направленія социальнореволюціоннаго движенія въ здѣшнемъ краѣ, выразившагося при дальнѣйшемъ развитіи въ рядѣ террористическихъ дѣйствій,—направленія, связывающаго сообщество это съ русскою революціонною террористическою партіею „Народная Воля“; по показаніямъ Пацановскаго, Варынский, вмѣстѣ съ Куницкимъ и Пекарскимъ, составили за границею программу этой партіи; по распоряженію Варынскаго изъза границы, для цѣлей партіи было доставлено десять револьверовъбульдоговъ (т. VI л. 162, 164, 166, 242).

3) Варынский первый, при содѣйствіи другихъ лицъ, устроилъ тайную типографію; нахожденіе же при немъ шрифта и зашифрованнаго письма, въ которомъ просятъ (очевидно,—его) напечатать каталоги книгъ, сообщаютъ о доставкѣ шрифта,—указываетъ, что Варынский работалъ въ этой типографіи. (т. II, л. 101, 145 об.).

4) Варынский, по собственному его показанію, сотрудничалъ въ журналѣ „Proletaryat“; но изъ показанія Плоскаго слѣдуетъ заключить, что и мысль о печатаніи этого журнала принадлежитъ Варынскому. Плоскій, по его требованію, собиралъ и передавалъ ему вырѣзки и выписки изъ газетъ „о случаяхъ смерти и изувѣченія рабочихъ“, и это должно было послужить матеріаломъ для статьи о вліяніи отвѣтственности патроновъ на такіе случаи; ему Плоскій передалъ корреспонденцію изъ Бѣлостока, у него занимался собираніемъ по источникамъ статистическихъ данныхъ о заработной платѣ на заводахъ и фабрикахъ; онъ поручилъ Плоскому написать статью о стачкахъ, у него при обыскѣ оказалась записка о Родзевичѣ, о шинкѣ Буйника, корреспонденціи о

стачках—все это вмѣстѣ уже само собою заставляло предполагать въ Варынскомъ, если не редактора газеты „Proletaryat“, то, во всякомъ случаѣ, одного изъ дѣятельныхъ членовъ редакціи. По показанію же Пацановскаго (т. X, л. 1240 об.—1241), Варынский, вмѣстѣ съ Куницкимъ, издавалъ эту газету. Варынский, по показанію Мелле, вмѣстѣ съ Пухевичемъ составляли инструкцію по поводу выборовъ старшинъ въ ремесленные цехи; по показанію Пацановскаго Варынский составилъ съ Куницкимъ программу партіи, прокламацію отъ 31 декабря 1882 года, 18 февраля 1883 года и 9 марта 1883 года. (т. III, л. 125 об., 124, 210, 215, 338 об., 390, 479; т. V, л. 259). Варынский говорилъ Сливинскому на сходкѣ у Пухевича, что „прибылъ сюда, чтобы попробовать не удастся ли ему что-нибудь сдѣлать“. (т. IX, л. 815, 878). Находясь уже въ заключеніи, Варынский нашелъ возможность писать къ Куницкому и Дембскому (т. VII, л. 102), и въ найденномъ при обыскѣ у Бардовскаго письмѣ его, онъ писалъ: „Самой высшей для насъ наградой и самымъ большимъ удовольствіемъ есть увѣренность, что наше дѣло живетъ... Мы только и думаемъ о томъ, какъ бы ускорить возможность работать для дѣла сообща... Дулемба посылаетъ самъ описаніе подробностей его ареста. Обратите вниманіе на шпіона, чтобы онъ не могъ болѣе вредить“. Это послѣднее выраженіе, очевидно, относится къ Скшыпчинскому, по указанію котораго былъ арестованъ, въ числѣ другихъ участниковъ социалистической сходки, и Дулемба. Послѣдовавшее затѣмъ, какъ выше упомянуто, убійство Скшыпчинскаго указываетъ, въ какой мѣрѣ Варынский, будучи уже въ заключеніи, продолжалъ вліять и руководить дѣломъ сообщества „Пролетаріатъ“. По показанію Загурскаго, Варынский состоялъ членомъ Центральнаго Комитета, его ближайшіе помощники Плоскій, Дулемба, Шиманскій, Шмаусъ, называли его руководителемъ главою всего дѣла въ рабочемъ движеніи, чѣмъ онъ въ дѣйствительности и былъ.

Куницкій.

(Т. 28, 119--124, 199, 247--229).

При входѣ 28 іюня 1884 года жандармскихъ чиновъ къ Бардовскому для обыска, въ квартирѣ его оказался неизвѣстный человѣкъ съ явно выкрашенными въ рыжій цвѣтъ волосами. На вопросъ о его фамиліи молодой человѣкъ этотъ назвался сербскимъ подданнымъ Драголюбомъ Моисеевымъ Джиричемъ, по личному же обыску при немъ оказались 1) письмо изъ Торна, отъ 6 7 1884 года, частью зашифрованное, содержаніе котораго осталось невыясненнымъ, 2) записка со спискомъ разныхъ типографскихъ вещей, наконецъ, 3) три записки, писанныя карандашемъ на папиросной бумагѣ, о ходѣ социально-революціонной пропаганды въ здѣшнемъ краѣ, составляющія письмо, обращенное къ друзьямъ-товарищамъ, въ которомъ между прочимъ говорится: „Не смотря на аресты, постоянно продолжающіеся, движеніе вовсе не осла-

бѣло... Рабочія организаціи учреждены не только въ Варшавѣ, но и въ г. Лодзи, Згержѣ, Ченстоховѣ, Петроковѣ, Радомѣ, Жирардовѣ и Бѣлостокѣ. Наши колоніи (Петербургъ, Москва, Кіевъ) также развились, № 5 „Proletaryat“ вышелъ, учредили за границу свой органъ „Walka klas“, и редакція состоитъ изъ меня, Мендельсона, Млота, Маріи Войнаровской, Длускаго, Пекарскаго“. Таково содержаніе этого письма, предназначавшагося къ отсылкѣ въ І Павильонъ Цитадели къ Варынскому. (т. II, л. 171, 173; т. VI, л. 240; т. VII, л. 118, 281; т. VIII, л. 333).

Только 8-го іюля, когда, чрезъ Стржеминскаго было установлено, что задержанный есть разыскивавшійся съ 5 декабря 1883 года по дознанію Станиславъ Куницкій,—сей послѣдній рѣшилъ обнаружить свою личность и заявилъ, что онъ, Станиславъ Чеславовъ Куницкій, 23 лѣтъ, католикъ, дворянинъ, по происхожденію иностранецъ, первоначальное образованіе получилъ въ Тифлисской гимназіи, затѣмъ вступилъ въ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія, откуда уволенъ изъ IV-го курса за невзносъ платы. Признавая принадлежность свою къ сообществу „Пролетаріатъ“, подобно Варынскому, лишь въ качествѣ агента, Куницкій заявилъ, что вступилъ въ сообщество въ мартѣ 1884 года, что все, обнаруженное у Бардовскаго, составляетъ собственность организаціи партіи, затѣмъ отъ дальнѣйшихъ объясненій отказался. (т. VII, л. 125—131, 281; т. IX, л. 658—671, 733 об., 763, 878, 880, 948; т. X, л. 1247, 1277).

Куницкій вмѣстѣ съ Варынскимъ и Дембскимъ были не только наиболѣе энергичными продолжателями существовавшей прежде пропаганды, но являлись первыми организаторами сообщества „Пролетаріатъ“ (т. VII, л. 3, 4, 8, 11, 12 об., 13, 14—25, 26; т. VIII, л. 435, 441, 457, 514, 548; т. X, л. 1209, 1247 об.—1248), составляли центръ, вокругъ котораго группировались остальные личности. Окружая себя таинственностью, прикрываясь именемъ Центральнаго Комитета, который они и составляли, Куницкій, Дембскій и Варынский (т. X, л. 1237—1239) были главными зачинщиками, руководителями всего нынѣ обнаруженнаго соціально-революціоннаго движенія въ здѣшнемъ краѣ.

Куницкій привлеченъ къ нѣсколькимъ дознаніямъ въ С.-Петербургѣ (революціонная дѣятельность его внѣ предѣловъ здѣшняго края,—его причастность къ дѣлу 1-го марта, къ тайнымъ типографіямъ, къ убійству подполковника Судейкина,—на что имѣются лишь указанія въ настоящемъ дознаніи, и о чемъ сообщено подлежащимъ жандармскимъ управленіямъ, равно какъ дѣятельность его въ Вильно, не входятъ въ составъ настоящаго заключенія).

По собственному объясненію Куницкаго, дѣятельность его начинается съ конца 1881 года. Въ это время онъ уже состоялъ въ кружкѣ „путейцевъ“, затѣмъ въ польско-литовской соціалистической партіи, находясь въ центральномъ правившемъ кружкѣ ея „Огниско“, и велъ сношенія съ одной стороны съ партіей „Народной Воли“, а съ другой, чрезъ Варынскаго,—съ только что образовавшейся партіей „Пролетаріатъ“. Варынский сразу приковалъ его къ себѣ (т. IX л. 665 об.), первый, по его словамъ, объяснилъ ему программу такъ, что онъ сразу съ нею согласился и только не раздѣлялъ его взгляда о близости революціи, но когда Ва-

рынский повелъ его на сходки, онъ „пришелъ въ такой восторгъ, что чуть-ли не сейчасъ готовъ былъ лѣзть на баррикады“. Затѣмъ онъ участвовалъ на съѣздѣ польскихъ социалистическихъ группъ, бывшемъ въ январѣ 1883 года, въ мѣстности, дознаніемъ не выясненной, съ цѣлью выработки программы общихъ дѣйствій, но до апрѣля 1883 года больше жилъ въ С.-Петербургѣ, участвуя въ дѣятельности партіи „Народная Воля“, въ организациі тайной типографіи вмѣстѣ съ Шебалинымъ, Дембскимъ и другими. Когда затѣмъ Дегаевъ, по его словамъ, донесъ на него, онъ въ апрѣлѣ бѣжалъ въ Варшаву, чтобы стать посредникомъ между партіей „Народная Воля“ и „Пролетаріатъ“. Нѣсколько мѣсяцевъ провелъ за границею, поддерживая сношенія съ партіей „Пролетаріатъ“, и, въ августѣ 1883 года, подъ фамиліей Радека (т. IX л. 668 об.) возвратился въ Варшаву. Съ этого времени онъ всецѣло отдается дѣятельности въ партіи „Пролетаріатъ“; вмѣстѣ съ Варыньскимъ появляется на рабочія сходки, заводитъ сношенія съ учащеюся молодежью, устраиваетъ кружки самообразованія, составляетъ съ Варыньскимъ программу партіи, прокламаціи къ рабочимъ Лодзи, участвуетъ въ изданіи газеты „Proletaryat“.

Вскорѣ Варыньскій былъ арестованъ, а съ нимъ арестованы и Плоскій, и Александра Ентысъ; въ январѣ 1884 года былъ, наконецъ, задержанъ и Рехневскій. Оставались только Дембскій и Куницкій; но первый былъ въ постоянныхъ разбѣздахъ, занятъ, главнымъ образомъ, завѣдываніемъ типографіею, и Куницкій забираетъ въ свои руки все, становится во главѣ движенія (т. VII л. 248; т. IX л. 778; т. X л. 1216, 1238 и об., 1250 об., 1289), безконтрольно, безусловно завѣдуетъ всѣмъ, одинъ составляетъ весь Центральный Комитетъ; ему представлялись отчеты о ходѣ пропаганды въ краѣ, всѣ порученія давались исключительно имъ, онъ высылалъ для пропаганды въ другія мѣстности края; послѣ убійства Гельшера отправилъ для цѣлей сообщества вмѣсто Пацановскаго, Славинскаго въ Лодзь, расширивъ районъ его дѣятельности и Жирардовымъ, Кмѣчика онъ высылалъ въ Ченстоховъ (т. VIII л. 490), а затѣмъ въ Радомъ; всѣ сношенія по дѣламъ партіи велъ онъ съ помощью Дембскаго (т. IX л. 770), причемъ, чрезъ посредство своихъ помощниковъ, устраивалъ и адреса „для писемъ“ на квартиры Франца Шиманскаго, Крживоблоцкаго, Гоголинской, очевидно, и Бардовскаго (т. IX л. 695); кассою „Пролетаріата“ распоряжался онъ съ Дембскимъ (т. VIII л. 373; т. IX об.; т. X 1214), печати Центральнаго Комитета прикладывали онъ и Дембскій, онъ далъ Пацановскому печати кассы Рабочаго Комитета и чернила для составленія квитанцій по сбору складчинъ съ рабочихъ; вознамѣрившись привести въ порядокъ все революціонное имущество (т. IX л. 1223 и об.), разбросанное по разнымъ квартирамъ, онъ поручилъ Пацановскому прискать для сего конспиративныя квартиры, вслѣдствіе чего Пацановскій часть имущества помѣстилъ въ квартирѣ Варпеховскаго и часть у Остерлова; Куницкій предполагалъ устроить паспортное бюро (т. VII л. 42; т. IX л. 450 об.) собиралъ уже для этого матеріалъ, оказавшійся у Бардовскаго. Само собою разумѣется (т. VII л. 245, т. X л. 1224), что какъ Дембскій съ нимъ въ остальной дѣятельности, такъ и онъ съ Дембскимъ участвовалъ въ ра-

ботахъ типографіи, принималъ набранныя у Крживоблоцкаго статьи и переносилъ ихъ въ типографію, поручилъ Феликсу Кону заняться наборомъ, передавалъ для храненія шрифтъ ему и Баховецкому (т. IX л. 758 а и об.; т. X л. 1224, 1241. 1300—1301). Наконецъ, Куницкій участвовалъ въ редакціи газеты „Proletaryat“, помѣщая и свои статьи, и въ № 5 этой газеты статьи отъ Центрального Комитета, передовая и корреспонденція изъ С.-Петербурга принадлежать ему. По показанію Пацановскаго, Куницкій говорилъ ему, что раньше въ квартирѣ его хранилось революціонное имущество партіи „Пролетаріатъ“, въ томъ числѣ была и печать партіи „Народной Воли“ для приложенія къ полномочіямъ при посылкѣ въ русскіе города для пропаганды агентовъ отъ партіи „Пролетаріатъ“. По показанію Загурскаго, Куницкій состоялъ агентомъ Исполнительнаго Комитета партіи „Народной Воли“. Это показаніе, согласное и со свѣдѣніями, имѣющимися въ дѣлѣ о томъ, что Куницкій, по паспорту Абрама Бендина, ѣздилъ за границу (т. VII л. 126) по требованію отдѣленія Исполнительнаго Комитета,—подтверждается и самимъ Куницкимъ (т. IX л. 952), удостовѣрившимъ, что онъ былъ представителемъ партіи „Народной Воли“ при „Пролетаріатѣ“. Не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что и соглашеніе между партіей „Народная Воля“ и „Пролетаріатомъ“ послѣдовало при непосредственномъ его участіи, и что упомянутый выше, въ главѣ 1-й, документъ объ этомъ соглашеніи, найденный въ квартирѣ Бардовскаго, принадлежитъ Куницкому. Въ январѣ 1884 г. Куницкій ѣздилъ въ Парижъ для основанія заграничнаго органа „Walka klas“ (т. IX л. 878 об.) и заведенія сношеній съ эмиграціей, и вмѣстѣ съ Пекарскимъ, Винаверомъ, Мендельсономъ, Дикштейномъ составилъ объявленіе объ изданіи этого журнала; по собственнымъ словамъ его письма (т. VII л. 124), онъ былъ однимъ изъ редакторовъ этого журнала.

Въ іюнѣ 1884 года онъ сообщалъ Пацановскому, что какъ представитель „Пролетаріата“ будетъ имѣть офиціальный разговоръ съ депутатомъ отъ новой партіи „Lud Polski“ (т. X л. 1252) о томъ, какое мѣсто думаетъ занять эта партія по отношенію къ партіи „Пролетаріатъ“. (т. II л. 179; т. V л. 63; т. VI л. 62, 64; т. VII л. 14—25, 268—270; т. VIII л. 574—575, 604—611; т. IX 640—645, 695, 748, 750 об., 751—758, 771, 877, 951, 985, 1007; т. X л. 1209, 1240, об., 1273, 1289, 1302 об.).

Возможно широкое распространеніе социальна-революціоннаго ученія больше всего озабочивало Куницкаго. Онъ участвовалъ въ водвореніи социальна-революціонныхъ изданій изъ-за границы, въ маѣ 1883 года, ѣздилъ въ Жирардовъ для свиданія съ рабочими, но по случаю какихъ-то арестовъ, возвратился; стремился ввести пропаганду въ войска и для этого заводилъ сношенія съ военными; по его предложенію была составлена Бардовскимъ въ этомъ смыслѣ прокламація; онъ предлагалъ Люри и Сокольскому заняться пропагандою среди войска, находился въ сношеніяхъ со Степуринымъ, отъ котораго, равно какъ и отъ Люри, получалъ и денежную помощь на дѣло партіи. Въ сходкахъ руководителей (Центрального Комитета) Куницкій, по словамъ Загурскаго, имѣлъ первенствующее значеніе (т. IX л. 878, 879), ни одна сходка организаци не обходилась безъ него. Куницкій (извѣстный подъ прозвищами сна-

чала „Григорія“, „Грипи“, „Стаха“, „Станислава“, „Чернаго“, а затѣмъ „Рыжаго“, „Мосенжнаго“, „Малпы“, „Антоновича“), давалъ на сходкахъ порученія, распредѣлялъ занятія, принималъ отчеты, приводилъ сюда лицъ, вступившихъ въ организацію; сюда являлись и представители рабочихъ кружковъ, здѣсь обсуждался текущій вопросъ о необходимости (т. X л. 1209, 1222 об. 1223, 1250) или пользы царевубійства, и Куницкій находилъ, что оно необходимо и полезно, такъ какъ, возбуждая ужасъ (т. X л. 1228), можно разсчитывать на уступки. Послѣ ареста Дулембы въ январѣ 1884 года, Куницкій, вмѣстѣ съ Дембскимъ, явился къ Фаворскому (т. VIII л. 609, 616) и предложилъ ему образовывать революціонные кружки; устраивалъ въ квартирѣ его сходки, на которыхъ, вмѣстѣ съ другими, проводилъ мысль, что Царя не нужно, что правительство только угнетаетъ народъ; послѣ Пасхи къ Фаворскому была перевезена типографія. Встрѣтившись лѣтомъ 1884 года съ Гладышемъ, Куницкій (т. X л. 1351) сталъ объяснять ему, что необходимо смѣнить правительство, что скоро будетъ революція, что капиталы будутъ раздѣлены поровну, что нужно къ этому готовиться, собираться въ кружки. По показанію Кмѣчика (т. X л. 1383), узнавъ, что его требуютъ власти для допроса, Куницкій отговорилъ его отъ исполненія этого требованія и велѣлъ ѣхать въ Ченстоховъ, а потомъ съ подложнымъ паспортомъ отправилъ Кмѣчика въ г. Радомъ. (т. VIII л. 123 об. 124; т. IX л. 877, 882, 951—955).

„Занятые внутреннею работою, мы нѣсколько запустили дѣло изданія и террора“, писалъ Куницкій Варыньскому. „Теперь беремся и за это“. Какъ на сходкахъ организаціи, такъ и на рабочихъ сходкахъ Куницкій и его послѣдователи проводили мысль о необходимости террора. Уже Варыньскій постоянно угрожалъ смертью за измѣну (т. IX л. 696 об.; т. X л. 1235, 1283—1285, 1341), что за нимъ повторяли и всѣ остальные, затѣмъ на сходкахъ стали требовать и доказывать необходимость террора (т. V л. 401, т. VI л. 144 об.). Но Куницкій былъ еще встревоженъ и многочисленными арестами, вызванными, по его мнѣнію, измѣною (т. X л. 1283, 1284). Находя необходимымъ для успѣха дѣла, чтобы рабочіе считали партію „Пролетаріатъ“ партіей сильной, онъ, для возстановленія упавшаго авторитета, задумалъ цѣлый рядъ покушеній, для чего и организовалъ „боевую дружину“. Мало того, что онъ рѣшился терроромъ дѣйствовать на измѣнниковъ, онъ носился съ мыслью проявить дѣятельность партіи какимъ-нибудь громкимъ протестомъ и пытался организовать нѣсколько покушеній на должностныхъ лицъ.

Такова была дѣятельность Куницкаго, продолжавшаго вмѣстѣ съ Дембскимъ, начатое Варыньскимъ дѣло, и непосредственными результатами этой дѣятельности были:

- 1) двукратное покушеніе на жизнь рабочаго Сремскаго,
- 2) убійство рабочаго Гельшера
- 3) убійство Скъшчпчинскаго въ Варшавѣ,
- 4) приготовленія къ взрыву прокурорской камеры, къ убійству должностныхъ лицъ, замыселъ взорвать магазины Познанскаго и Вольмана въ Лодзи и Згержѣ.

Всѣ эти преступленія должны быть вѣнены Куницкому въ вину,

какъ подстрекателю и зачинщику ихъ и руководителю сообщества. Самъ Куницкій показалъ (т. IX л. 952 и об.), что онъ взялъ на себя организацію боевой дружины и выполнение террористическихъ дѣйствій, а такъ какъ эта дѣятельность его тѣсно связана съ дѣятельностью многихъ изъ ближайшихъ его пособниковъ, то я считаю необходимымъ изложить здѣсь послѣдовательно какъ всѣ тѣ событія, въ которыхъ прямо или косвенно принималъ участіе Куницкій, такъ и дѣятельность тѣхъ лицъ, которые, въ большей или меньшей степени ему способствовали.

Примѣчаніе: Здѣсь излагаются отъ № 3 до № 25 включительно свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, дѣйствія которыхъ находились въ тѣсной связи съ преступною дѣятельностью Куницкаго, причемъ, для ясности, добытыя противъ Куницкаго улики перечислены особо при изложеніи cadaго отдѣльнаго случая террористическихъ дѣйствій сообщниковъ „Пролетаріата“.

Яновичъ.

18 іюля 1884 года, въ 6 часовъ по полудни, б. агентъ Альбрехтъ Лямбертъ, встрѣтивъ случайно на улицѣ разыскивавшагося по обвиненію въ государственномъ преступленіи студента Варшавскаго Университета Бронислава Славинскаго и, замѣтивъ, что онъ вошелъ въ молочное заведеніе Генеберга, находящееся на Новомъ-Свѣтѣ, подъ № 51, въ намѣреніи его задержать, отправился вслѣдъ за нимъ въ сопровожденіи помощника полицейскаго пристава ротмистра Оже. Въ заведеніи оказалось еще двое лицъ, находившихся въ обществѣ Славинскаго, и когда Лямбертъ, чрезъ ротмистра Оже, объявилъ лицамъ этимъ, что они арестованы, одинъ изъ нихъ замѣтилъ: „Странное дѣло“, а въ это время другой опустилъ руку въ карманъ и, произнеся: „Ну, это еще посмотримъ“, вынулъ револьверъ и хотѣлъ выстрѣлить въ Оже, но сей послѣдній ударомъ сабли отвелъ выстрѣлъ. Въ это время Лямбертъ схватилъ человѣка этого за руку, но тутъ на него бросились всѣ трое. Тогда Лямбертъ ударомъ въ животъ повалилъ вынужшаго револьверъ, и товарищи его Славинскій и Дембскій—пустились бѣжать преслѣдуемые ротмистромъ Оже. Оставшись вдвоемъ, неизвѣстный поднялся, и между нимъ и Лямбертомъ опять завязалась борьба, во время которой неизвѣстный произвелъ 4 выстрѣла, причемъ двумя нанесъ Лямберту тяжелую рану въ животъ. Послѣ четвертаго выстрѣла неизвѣстный успѣлъ повалить Лямберта, все время боровшагося съ нимъ, на землю и направилъ уже дуло револьвера ему въ лобъ, но Лямбертъ вырвалъ револьверъ и бросить въ сторону; по объясненію же ротмистра Оже, онъ саблею отклонилъ этотъ ударъ, послѣ чего стрѣлявшій бросился бѣжать, но былъ задержанъ при содѣйствіи прибывшихъ на помощь Войцѣха Стржалковскаго и Ипполита Василевскаго. Будучи пре-

проводимъ въ участокъ, онъ кричалъ, что арестованъ „за свободу, за Пролетаріатъ“. (т. VIII л. 414, 544—546, 622—624, 632).

Задержанный оказался жителемъ г. Варшавы Людвикомъ Яновичемъ, отказался указать свою квартиру, при личномъ же обыскѣ при немъ найдены: 716 руб. 65 коп. наличными деньгами, шестиствольный револьверъ центрального боя, въ коемъ было два не выпущенныхъ заряда, кинжалъ, нѣсколько экземпляровъ газеты „Proletaryat“ № 5, шифрованные замѣтки и адреса, записная книжка и разная переписка, свидѣтельствовавшая о руководительской его роли въ сообществѣ „Пролетаріатъ“.

Дворянинъ Людвикъ Ооминъ Яновичъ (Прил. Л), 25 лѣтъ, католикъ, родился въ дер. Лобкася, Шавельскаго уѣзда, Ковенской губерніи, первоначальное образованіе получилъ въ Виленскомъ реальномъ училищѣ, откуда поступилъ въ Московскую Петровскую академію. (т. VIII л. 416—425, 426, 427, 542 об.).

Сынъ весьма зажиточныхъ родителей, Яновичъ не окончилъ курса высшаго образованія. Въ бытность свою въ Москвѣ онъ сдѣлался организаторомъ кружка, именовавшагося „Общестуденческимъ союзомъ“. Въ апрѣлѣ 1884 г. онъ впервые пріѣзжаетъ въ Варшаву, вводится Куницкимъ въ кружокъ и уѣзжаетъ обратно, но въ іюнѣ возвращается и начинаетъ дѣйствовать въ здѣшнемъ краѣ. Скрывая свою личность подъ прозвищемъ „Конрада“ (т. V л. 1222 об), Яновичъ дѣлается однимъ изъ руководителей рабочаго движенія въ здѣшнемъ краѣ. Все при немъ оказавшееся подтверждаетъ это его положеніе въ партіи. Такъ, при немъ обнаружены въ черновикахъ и переписанные (т. VIII л. 418, 420, т. VII л. 39 об., 59 т. X л. 1230, 1231, 1233), въ большинствѣ его рукою, разные рукописи, уставъ рабочаго революціоннаго кружка ¹⁾, уставъ Рабочаго Комитета, форма отчета о положеніи даннаго кружка, правила для образованія кружковъ, вѣдомость о состояніи рабочихъ на фабрикахъ и разныхъ матеріалъ по этому вопросу, какъ оказавшійся при немъ, такъ и въ квартирѣ Крживоблоцкаго; записная же книжка его заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, отчетъ о его дѣятельности, какъ пропагандиста. Въ ней онъ записывалъ и свиданія, время и мѣсто сходокъ, выдачи денегъ (жалованья) разнымъ лицамъ и расходы суммъ, обращаемыхъ на дѣла партіи (94): Адасю (Сѣрошевскому), Телесфору (Госткевичу), Черному (Форминскому) (стр. 1, 10, 12). Тутъ же записаны складчины, дѣлаемые рабочими во время сходокъ (стр. 4), статистическія данныя объ эксплуатаціи рабочихъ (стр. 64) и программа рабочаго революціоннаго кружка (стр. 59); наконецъ, сюда же внесены нѣкоторые лица, подозрѣвавшіеся въ шпіонствѣ (стр. 61) и помѣщена хроника арестовъ (стр. 102). Но главною заботою Яновича было вызывать въ средѣ молодежи здѣшняго края сильное движеніе посредствомъ устройства такъ называемыхъ „кружковъ самообразованія“, (т. X л. 1249) и этимъ путемъ приготовить революціонныхъ дѣятелей. На одной изъ сходокъ онъ предложилъ основать съ этой цѣлью „цент-

¹⁾ Появился въ печатномъ видѣ, найденъ при обыскѣ у Госткевича и въ январѣ 1885 г. въ отхожемъ мѣстѣ домъ № 13 по улицѣ Налевки (Прил. К.).

ральный кружок". Этимъ же объясняется и нахожденіе въ означенной записной книжкѣ его списка разныхъ учебныхъ заведеній (стр. 32, 63, 65) и присутствіе въ числѣ отобранной у него переписки собственно-ручныхъ рукописей: программы кружка сомообразованія, программы для революціонной пропаганды. (т. VII л. 40, 97.; т. IX л. 696 об., 748, 749, 762, 879; т. X л. 1191, 1300, 1301).

По показанію Загурскаго, Яновичу было предложено Центральнымъ Комитетомъ званіе агента 1-ой степени. Но та роль, которую онъ игралъ въ сообществѣ, доказываетъ, что онъ былъ выше этого званія, что онъ нисколько не уступалъ Куницкому и Дембскому. Онъ составлялъ прокламаціи, и найденныя въ квартирѣ Бардовскаго прокламаціи (т. IX л. 777) а) „Рабочіе, застой господствуетъ теперь“... б) „Извѣстно вамъ, что на фабрикахъ“, писаны имъ, онъ же писалъ или, какъ объяснилъ самъ, переписывать съ польскаго оригинала рукопись: „Общія основанія программы и организаціонной дѣятельности Центрального Комитета социальна-революціонной партіи Пролетаріатъ“,—найденную также у Бардовскаго. Онъ участвовалъ въ сходкахъ организаціи партіи (т. IX л. 697), вскрывалъ корреспонденцію по дѣламъ партіи наравнѣ съ Дембскимъ и Куницкимъ; онъ же добывалъ деньги для цѣлей партіи. Съ этой цѣлью онъ 23 іюня выѣхалъ изъ Варшавы куда-то въ Россію, откуда писалъ Куницкому, что имѣетъ уже около 2 т. (т. X л. 1230 об., 1247), что надѣется достать еще 3 т. Куницкій говорилъ Пацановскому, что надѣется на пожертвованіе на цѣли партіи 15 т. отъ одного лица, ожидающаго наслѣдства; нельзя сомнѣваться, что это пожертвованіе ожидалось отъ Яновича, такъ какъ Бардовскій говорилъ Игель-строму, что Яновичъ такъ отданъ дѣлу партіи, что готовъ пожертвовать все свое состояніе, Яновичъ же ожидалъ раздѣла наслѣдства послѣ смерти отца; не подлежитъ поэтому сомнѣнію и то, что деньги, отобранныя при обыскѣ у Яновича, составляли также принадлежность партіи (т. X л. 1230 об., 1351, 1353 об., 1424—1426). Куницкій говорилъ о Яновичѣ, что онъ весьма энергиченъ, что, по объясненію Пацановскаго—означало террориста. Яновичъ самъ неоднократно высказывалъ при допросахъ, что онъ по убѣжденіямъ террористъ. Террористическія убѣжденія свои онъ старался вселить въ рабочихъ, и въ этомъ отношеніи шель рука объ руку съ Куницкимъ. По показанію Гладыша, Яновичъ бывалъ на сходкахъ въ квартирѣ у Сѣрошевскаго, участвовалъ затѣмъ въ сходкахъ на углу Новаго-Свѣта и Іерусалимской аллеи, на которыхъ обсуждались вопросы объ убійствѣ шпіоновъ. Послѣ ареста Куницкаго, Яновичъ вмѣстѣ съ Дембскимъ и Славинскимъ предложили Гладышу выслѣдить нѣкоего Влодарскаго, котораго подозрѣвали въ выдачѣ Куницкаго, съ цѣлью убить его. По возвращеніи засимъ изъ Ковенской губерніи, куда Яновичъ ѣздилъ опять за деньгами, онъ обратился къ Сѣрошевскому и Гладышу съ просьбою начертить ему планъ Прокурорской камеры, что Сѣрошевскій и исполнилъ, чѣмъ и объясняется нахожденіе въ его записной книжкѣ чертежа этой камеры (стр. 15), взрывъ которой, подобно Куницкому, онъ готовилъ. Послѣ этого онъ собралъ сходку въ Красинскомъ саду, на которой были Дембскій, Славинскій и Гладышъ, и тутъ

Петръ Васильевичъ
БАРДОВСКІЙ.

предложилъ убить товарища прокурора Янкуліо и подполковника Секе-ржинскаго, причемъ совершеніе этихъ убійствъ онъ взялъ на себя, помощ-никомъ же себя избралъ Гладыша. Предложеніе его было принято, и онъ вручить Гладышу 18 руб., причемъ, вмѣстѣ съ Дембскимъ и Славин-скимъ, сопровождалъ Гладыша до оружейнаго магазина Сосновскаго, и когда Гладышъ вышелъ изъ магазина съ купленными уже револьве-ромъ и патронами, передалъ Гладышу этотъ револьверъ и 6 патроновъ. Славинскій же снабдилъ Гладыша кинжаломъ; согласно плану Яновича, въ назначенный день и часъ, онъ, вмѣстѣ съ Гладышемъ, у дома на улицѣ Крулевской и Саксонской площади (гдѣ квартира товарища про-курора Янкуліо), долженъ былъ ожидать прибытія товарища прокурора Янкуліо и подполковника Секержинскаго, и въ то время, когда они оста-новятся у означеннаго дома и станутъ выходить изъ экипажа, предпо-лагалось стрѣлять въ нихъ, послѣ чего въ заранѣе приготовленномъ экипажѣ скрыться. По показанію Гладыша, планъ этотъ не былъ при-веденъ въ исполненіе только потому, что въ тотъ же день Яновичъ былъ арестованъ (т. VIII л. 439, 414).

Яновичъ, долженствовавшій заступить Куницкаго и устроить у себя такую же квартиру, какою была квартира Бардовскаго, призналъ принадлежность свою къ сообществу „Пролетаріатъ“, нанесеніе имъ раны Лямберту въ цѣляхъ самозащиты и защиты своихъ товарищей и заявилъ, что состоитъ членомъ организаціи, занимался пропагандою между ра-бочими, пропагандируя идеи социализма и необходимость сплотиться съ тѣмъ, чтобы въ удобный моментъ произвести государственный перево-ротъ, къ чему, какъ видно изъ вышеизложеннаго, онъ дѣйствительно и стремился.

Бардовскій.

Дворянинъ Петръ Васильевичъ Бардовскій, 38 лѣтъ, православный, родился въ С.-Петербургѣ и по окончаніи 1-й С.-Петербургской гимназіи и С.-Петербургскаго университета, со степенью кандидата правъ, въ 1868 году вступилъ на государственную службу и состоялъ въ послѣд-нее время, съ 1880 года, мировымъ судьей 1 участка г. Варшавы.

Приказомъ 2 іюля 1884 года уволенъ отъ службы безъ прошенія.

Вдова товарища виленскаго губернскаго прокурора, дворянка На-талія Михайловна Полль, 37 лѣтъ, православная, родилась въ С.-Петер-бургѣ и воспитывалась тамъ же въ Александровской гимназіи, гдѣ и окончила курсъ наукъ съ золотою медалью и съ правами домашней учительницы; въ Варшаву прибыла въ 1882 году и поселилась вмѣстѣ съ Бардовскимъ (т. VII, л. 5, 6, 8—10 об., 12 и об., 18, 21, 26, 199).

Поводомъ къ задержанію и привлеченію къ настоящему дознанію Бардовскаго и Полль послужили первоначально данныя негласнаго раз-слѣдованія, которыми было установлено, что важнѣйшіе дѣятели кружка,

руководившаго соціально-революціоннымъ движеніемъ въ здѣшнемъ краѣ, не только посѣщали Бардовскаго, но находили даже въ квартирѣ его убѣжище, скрываясь у него. При обыскѣ, произведенномъ вечеромъ 28 іюня 1884 года, въ квартирѣ Бардовскаго были застигнуты давно разыскиваемые Станиславъ Куницкій и Софія Дзянковская. Отъ указаній настоящихъ фамилій того и другой и Бардовскій и Поллъ отказались. Тамъ же былъ и столяръ Форминскій (т. IX. л. 696), прибывшій подѣ предложомъ производства столярныхъ работъ и не задержанный лишь потому, что въ то время объ участіи его въ сообществѣ ничего извѣстно не было.

По обыску въ квартирѣ Бардовскаго (т. VII л. 32), обнаружено громадное количество печатныхъ и гектографированныхъ соціально-революціонныхъ изданій, такъ сказать, архивъ этихъ изданій, какъ партіи „Пролетаріатъ“, такъ и партіи „Народной Воли“ (около 66 экземпляровъ разныхъ брошюръ на русскомъ и польскомъ языкѣ, по нѣскольку экземпляровъ,—всего 70 экземпляровъ отъ „Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли“, причемъ 29—„Императору Александру III“, 9—„Славному казачеству“, 4 — „Украинскому народу объявленіе“, 20—по поводу казни Желябова и другихъ государственныхъ преступниковъ, 1—„Русскому обществу отъ русскихъ революціонеровъ“, 1—„Къ товарищамъ русскимъ социалистамъ“, 5—„Отъ рабочихъ членовъ партіи Народной Воли“ и 1—по поводу убійства генераль-майора Стрѣльникова; около 1500 прокламацій на польскомъ языкѣ, причемъ 618 прокламацій „Манифестъ“, 90 —по поводу убійства Гельшера, 26—„общества „Краснаго креста“ соціально-революціонной партіи“, 23—„Къ рабочимъ Лодзи“ и проч); въ большомъ количествѣ заготовленные печатные листки для сбора пожертвованій; 483 листка отъ партіи „Пролетаріатъ“ на „дѣло освобожденія рабочаго класса“, 249 въ пользу „Краснаго креста для помощи жертвамъ правительственной тирани“, квитанціи „кассы Центрального Комитета соціально-революціонной партіи Пролетаріатъ“, шифръ (т. VII л. 114), разные адреса „для писемъ“ и „для явокъ“, проекты: прокламацій на польскомъ языкѣ, писанныхъ Дембскимъ, Куницкимъ, Яновичемъ (т. VII л. 49, 52, т. IX л. 758, а 759, 777, т. X л. 1300, 1301); разныхъ статей, составляющихъ матеріалъ для подпольной прессы, писанныхъ тѣми же лицами и Рехневскимъ, Пацановскимъ, по поводу разныхъ событій и, между прочимъ, по поводу убійства подполковника Судейкина; проекты уставовъ Рабочаго комитета а такого-же кружка, записныя книжки Куницкаго и Щулепниковой (стр. 123, 125), наконецъ, такія рукописи какъ а) соглашеніе редакціи „Walka klas“ и „Proletaryat“ съ Центральнымъ Комитетомъ соціально-революціонной партіи „Пролетаріатъ“, б) „Общія основанія программы и организаціонной дѣятельности Центрального Комитета соціально-революціонной партіи Пролетаріатъ“, в) „Конфиденціальное соглашеніе Исполнительнаго Комитета партіи „Народной Воли“ съ Центральнымъ Комитетомъ партіи „Пролетаріатъ“ по поводу ихъ взаимныхъ отношеній“, г) отчетъ (т. II л. 213 об.) о принятыхъ постановленіяхъ съѣзда представителей нѣсколькихъ соціально-революціонныхъ группъ. Далѣе, при обыскѣ этомъ были найдены тетради со списками разныхъ правительственныхъ учреждений и свѣдѣніями, не-

обходимыми для составленія подложныхъ видовъ, по словамъ Куницкаго—„матеріаль для паспортнаго бюро“, разные виды и свидѣтельства на жительство, въ числѣ которыхъ оказался билетъ на пропускъ въ Цитадель съ подписью завѣдывающаго X павильономъ капитана Александровича,—несомнѣнно пріобрѣтенный для поддѣлки подписи послѣдняго, образцы свидѣтельствъ, выдаваемыхъ на фабрикахъ рабочимъ, снимки на восковой бумагѣ печатей, штемпелей и подписей нѣкоторыхъ фабричныхъ заведеній и ихъ владѣльцевъ; типографскія принадлежности, шрифтъ, типографская краска, готовый наборъ нѣкоторыхъ статей, издававшихся партіей „Народной Воли“, политипажъ: „Biblioteczka Proletaryat“ работы Аренгейма (т. IX л. 802); 19 печатей общества „Пролетаріатъ“: „Центральнаго комитета“, „Рабочаго Комитета“, „Общества народнаго Просвѣщенія“, „Краснаго креста въ Царствѣ Польскомъ“, „Кассы Рабочихъ Комитетовъ“, „въ Згержѣ“, и „Лодзи“, книжныхъ „агентуръ Пролетаріата и Народной Воли“ (прикладываемыхъ ко всѣмъ изданіямъ партіи), а также печати правительственныхъ и общественныхъ учреждений: „Липновскаго уѣзднаго Управленія“, „гмины Чарне“, „гмины Модзеле“ (приложена къ паспорту Франковской, оказавшемуся при Варыньскомъ), „Управленія Одесскаго Полиціймейстера“, „г. Шавель“, „Сосновицкой“ и „Бардовской таможенъ“, „Самарскаго дворянскаго Депутатскаго Собранія“, „Конторы главнаго управленія пароходныхъ сообщений въ Варшавѣ“. Наконецъ, въ письменномъ столѣ Бардовскаго оказалось нѣсколько записокъ (т. VII л. 101, 102—107) отъ содержащихся въ X павильонѣ Цитадели Варыньскаго и Александры Ентысь и между ними записка на русскомъ языкѣ отъ Варыньскаго, по содержанію прямо относившаяся къ Бардовскому и заключавшая въ себѣ просьбу о передачѣ другой нго записки Куницкому или Дембскому, и записка отъ Александры Ентысь къ Полль, въ которой первая проситъ послѣднюю передать ея письмо также означеннымъ лицамъ. (т. VII л. 44; т. IX л. 752 об., 753 758 а об.).

Независимо сего, при томъ же обыскѣ, въ числѣ разнаго революціоннаго имущества, оказались: рукопись со спискомъ разныхъ революціонныхъ изданій, писанная Наталіей Полль, рукопись на русскомъ языкѣ, собственноручно писанная Бардовскимъ и составляющая воззваніе къ военнымъ крайне возмутительнаго содержанія, приглашающее ихъ къ участію въ революціонной дѣятельности и къ веденію социально-революціонной пропаганды среди нижнихъ чиновъ.

„Подъ гнетомъ невыносимаго положенія мы обращаемся къ вамъ, сотоварищи наши“, говорится въ этомъ воззваніи.

„Всякій изъ васъ, безъ сомнѣнія, понимаетъ, что войско составляетъ главную опору господствующаго деспотизма. Какъ только войско перестанетъ повиноваться правительству при столкновеніи съ народомъ, отжившее самодержавіе рухнетъ навсегда... Во всѣхъ концахъ Россіи растетъ глубже недовольство; тысячи жертвъ гибнутъ ежегодно, и ничто не въ силахъ задержать грознаго движенія. Въ войскахъ давно появились революціонные кружки, которые примыкаютъ къ общему революціонному движенію. Соединимся же дружно противъ общаго врага. Пусть въ каждомъ полку, въ каждой отдѣльной части войска обра-

зуется свой кружокъ, который будетъ преслѣдовать общую цѣль. Эти кружки должны войти въ сношенія между собою и постараться завести связи съ представителями партіи „Народной Воли“.... Затѣмъ необходимо дѣйствовать на солдатъ... Не хотимъ сомнѣваться въ томъ, что вы откликнетесь на общій кликъ русской молодежи. Имена Дубровина, Суханова, Буцевича и др. намъ въ томъ порукою. Помните великую цѣль, стоящую передъ нами: освобожденіе народа изъ долготѣннаго рабства для новой лучшей жизни...”

Такимъ образомъ, результаты этого обыска, въ связи съ данными негласнаго разслѣдованія, указывали, что квартира Бардовскаго есть такъ называемая конспиративная квартира, складъ для имущества социально-революціоннаго общества „Пролетаріатъ“ и мѣсто собранія кружка лицъ, руководившихъ социально-революціоннымъ движеніемъ въ здѣшнемъ краѣ и именовавшихъ себя „Центральнымъ Комитетомъ социально-революціонной партіи Пролетаріатъ“. Дальнѣйшимъ дознаніемъ это было вполне доказано. Такъ, уже вскорѣ послѣ ареста Бардовскаго (т. VII л. 207—212, 236; т. VIII л. 367 об.; т. IX л. 640—645), показаніями Маріаны Микель, Михаила Полль и Іосифа Бреда, а затѣмъ и Теодоры Русецкой было выяснено, что Куницкій, Дембскій, Загурскій были своими людьми въ домѣ Бардовскаго, что еще съ осени 1883 года Дембскій сталъ приносить въ квартиру Бардовскаго пачками социально-революціонныя изданія, которыя и прятались въ буфетѣ, что изданія эти Полль и Бардовскій раздавали посѣщавшимъ ихъ знакомымъ за деньги; что въ квартирѣ Бардовскаго жила Шулепникова и бывали Дзянковская, Острейко, Дулемба, что Бардовскій и Полль передали Игельстрому корзину съ революціонными изданіями для храненія, что она получала отъ Люри и передавала Куницкому деньги на цѣли партіи, что на собраніяхъ въ домѣ Бардовскаго неоднократно говорили, что „отъ измѣнниковъ можно избавиться кинжаломъ“. (т. VII л. 178, 179, 293; т. VIII л. 326—329, 366—368, 440, 629; т. IX л. 676, 750—759).

Таковы были данныя дознанія, когда Наталія Полль заявила желаніе дополнить свои показанія, которыми сначала, главнымъ образомъ хотѣла выгородить Бардовскаго. Въ маѣ 1883 года, согласно этимъ новымъ показаніямъ Полль, по предложенію Михаила Добровольскаго, она и Бардовскій познакомились съ Варварой Шулепниковой, которая первоначально назвалась имъ Вѣрой Антоновной Полонской; затѣмъ, сблизившись, принесла „Календарь Народной Воли“ и, созналась, что она нелегальная, просила указать квартиру, въ которой могла бы поселиться, вслѣдствіе чего, съ согласія Бардовскаго, Шулепникова и поселилась у нихъ подъ фамиліей Софіи Кочетовой; они же, Бардовскій и Полль, уѣхали въ деревню, но когда затѣмъ возвратились, Шулепникова встрѣтила ихъ со словами: „Я передъ вами виновата“. И, дѣйствительно, въ квартирѣ ихъ оказались: типографскія—рама, кассы для печатанія, за печкою шрифтъ, въ ея сундукѣ—типографскій валикъ, а въ чемоданѣ Шулепниковой—брошюры. Нужно было съ этимъ примириться, и она, Полль, потребовала лишь, чтобы все это было скоро вывезено. Но вскорѣ арестовали Варынского, и по просьбѣ Шулепниковой, она, Полль, пре-

дупредила объ этомъ Александру Ентысъ; потомъ Шулепникова познакомила ихъ съ Дембскимъ и Куницкимъ и, уѣзжая 21 ноября 1883 года въ Кіевъ, просила не отказывать въ приѣмъ нелегальныхъ вещей, которыя и стали носить къ нимъ Дембскій, Куницкій и Дулемба, вывезшій въ октябрѣ мѣсяцѣ 1883 года все, доставленное въ ихъ квартиру Шулепниковою. Такъ продолжалось до Рождественскихъ праздниковъ 1883 года, когда она и Бардовскій уѣхали въ С.-Петербургъ для свиданія съ родными. Тамъ она, Полль, познакомилась чрезъ Куницкаго со Степуринымъ, а чрезъ послѣдняго съ Люри, который, по возвращеніи ихъ въ Варшаву, сталъ также бывать въ ихъ домѣ, а затѣмъ привелъ къ нимъ Сокольскаго и Игельстрома. Послѣ этого въ домѣ ихъ бывали кромѣ названныхъ выше лицъ, принадлежащихъ къ партіи, еще Острейко, Анна Сѣрошевская, Александра Ентысъ, Софія Плоская, Болеславъ Онуфровичъ, Еадѣй Рехневскій, причемъ послѣдніе двое иногда и ночевали; пріѣзжала съ письмомъ отъ Степурина къ Дембскому нѣкая Софія Санденъ; получалась на адресъ Бардовскаго разная корреспонденція для партіи, и денежная, и простая.

Такимъ образомъ, насколько она, Полль, помнитъ, на имя Бардовскаго было получено 75 руб. и 100 руб. (одна изъ этихъ суммъ была получена изъ Москвы), получались письма для Люри отъ Степурина; въ мартѣ 1884 года было получено одно письмо, и, такъ какъ долго никто не бралъ его, то она, по указанію Куницкаго, зашла въ аптеку Мрозовскаго къ Ивану Выгоновскому, а вслѣдъ затѣмъ явился къ нимъ Дулемба и взялъ письмо, въ которомъ оказались прокламаціи объ убійствѣ Судейкина; равнымъ образомъ, и они, Бардовскій и Полль, получали и передавали деньги для лицъ, принадлежащихъ къ партіи. Такъ, въ февралѣ 1884 года, вслѣдствіе телеграммы Шулепниковой, она отправила послѣдней 20 руб. въ Кіевскую духовную академію по адресу Арсенія Селецкаго; въ бытность свою въ С.-Петербургѣ, въ декабрѣ 1883 года, она получила отъ Степурина 400 руб.; въ маѣ 1884 года отъ Люри 200 р. и въ іюнѣ 1884 года Бардовскій получилъ отъ Люри 140 руб. для передачи Куницкому, и деньги эти Куницкому они передали, причемъ 400 руб. она, Полль, передала Куницкому, заѣхавъ для этого въ Вильно; наконецъ, Бардовскій отправилъ къ Дембскому въ Петербургъ на имя Ержемскаго чрезъ Люри пожертвованныя послѣднимъ, какъ полагаетъ она, Полль, на восстановленіе сношеній „Пролетаріата“ съ „Народною Волею“, 500 руб. Сама она хранила деньги, принадлежащія партіи, присоединяя и тѣ, которыя ею добывались, если по какимъ-либо случаямъ ей удавалось получить, напр. за пользование книгами; деньги эти она выдавала по требованію Куницкаго и Дембскаго, не зная часто на что, но помнить, что выдала изъ кассы 15 руб. на покупку паспорта для Дзянковской на имя Новакъ. Наконецъ, заподозрѣвъ не задолго до ареста, что за квартирою слѣдятъ, она и Бардовскій стали очищать квартиру свою отъ всего нелегальнаго: Бардовскій отвезъ типографскую раму къ подпоручику Варшавской крѣпостной артиллеріи Яцутину, съ которымъ они познакомились черезъ Сокольскаго; она отвезла часть вещей къ Добровольскому, а затѣмъ къ Игельстрому; остальное вынесли Куницкій, Дембскій и Загурскій. Ко всему этому Полль присовокупила,

что списокъ социально-революціонныхъ изданій и стихотвореніе „Порогъ“, найденные въ ихъ квартирѣ, писала она, что прокламацію къ военнымъ писалъ Бардовскій по просьбѣ Куницкаго, причемъ совѣтовался съ Люри и, по совѣту послѣдняго, вычеркнулъ въ ней все, что говорилось о стѣсненномъ положеніи русской литературы; сначала предполагалось разослать прокламацію эту офицерамъ, для чего послать въ Окружный Штабъ и тамъ за деньги получить нужные адреса; но затѣмъ изъ прокламаціи этой никакого употребленія сдѣлано не было; что Бардовскій еще въ 1882 году встрѣчалъ Варынского у Добровольскаго, что, наконецъ, она, Полль, къ партіи не принадлежала и о террористическихъ замыслахъ ея членовъ не знала. (т. VII л. 31, 233, 298; т. VIII л. 336; т. IX л. 748, 773, 774, 920).

Допрошенный по поводу всего обнаруженнаго въ качествѣ обвиняемаго, Бардовскій, пытавшійся первоначально даже отказаться отъ собственноручной рукописи воззванія и отказавшійся дать объясненія по поводу письма крайне сомнительнаго содержанія, полученнаго отъ неизвѣстнаго лица изъ С.-Петербурга вслѣдъ за его арестомъ, — впослѣдствіи, видя себя изобличеннымъ, далъ нѣкоторые показанія, объяснивъ лишь, что все найденное въ его квартирѣ, принесено къ нему недѣли за полторы или двѣ до ареста для временнаго храненія Куницкимъ; но вещей этихъ не видѣлъ и знаетъ только письма изъ цитадели, доставленныя неизвѣстнымъ ему до того Степаномъ Ентысомъ, которыя онъ принялъ потому, что въ русской запискѣ было сказано отдать ихъ Стаху, т. е. Куницкому; относилась ли однако записка эта къ нему. Бардовскому, и кого подразумѣвалъ авторъ записки подъ буквами „М. І.“ онъ не знаетъ; что чрезъ Шулепникову онъ познакомился съ Куницкимъ, а чрезъ послѣдняго съ Агаѣономъ (Загурскимъ), Александромъ (Дембскимъ), Конрадомъ (Яновичемъ) и Дулембою; зналъ ихъ за людей нелегальныхъ, но дѣятельность ихъ въ Варшавѣ ему извѣстна не была, что Люри прибылъ къ нему въ половинѣ февраля 1884 г. съ номеромъ „Народной Воли“ отъ одного знакомаго его, Бардовскаго, котораго онъ назвать не желаетъ, и познакомился съ нимъ, какъ онъ думаетъ, для того, чтобы сдѣлать связи въ партіи „Пролетаріатъ“, причемъ однажды далъ ему для Куницкаго 140 руб., повидимому, на дѣло партіи. Ко всему этому Бардовскій присовокупилъ, что Степурина онъ не знаетъ, что отобранная у него при обыскѣ прокламація къ военнымъ написана имъ и составляетъ лишь передѣлку съ польской статьи, которую передалъ ему Куницкій, сказавъ, что „она написана однимъ изъ нашихъ и можетъ пригодиться“, что сдѣланнаго имъ перевода Куницкій однако же не взялъ по неразборчивости почерка; наконецъ, что письмо, полученное послѣ ареста его изъ С.-Петербурга, какъ онъ предполагаетъ, предназначалось Куницкому.

Дальнѣйшимъ дознаніемъ установлено, что въ квартирѣ Бардовскаго сходились руководители и всѣ наиболѣе дѣятельные члены сообщества для свиданій; туда приносили и оттуда выносили революціонныя изданія, оттуда исходила и тамъ получалась корреспонденція партіи, туда являлись делегаты отъ партіи „Народной Воли“, тамъ же происходили и собранія такъ называемаго „Центральнаго Комитета“ (т. IX л. 878 об.; т. X

л. 1450). Такъ, Загурскій помнитъ два такихъ собранія, одно происходило въ январѣ 1884 г. для обсужденія вопроса о поѣздкѣ Куницкаго за границу для учрежденія органа партіи „Walka klas“ и заведенія сношеній съ эмиграціей, причемъ рѣшеніе было выражено въ формѣ полномочія отъ Центральнаго Комитета на имя Куницкаго и переписано Полль; второе собраніе было въ февралѣ или мартѣ 1884 года по заявленію Куницкаго о предложеніи посыльнымъ Кмѣцикомъ своихъ услугъ для убійства товарища прокурора Янкуліо. На собраніи были кромѣ Куницкаго и Дембскаго, Загурскій, и предложеніе Кмѣчика было тогда, по словамъ Загурскаго, отвергнуто. По показанію Загурскаго, ни Бардовскій, ни Полль въ собраніяхъ этихъ участія не принимали, но знали цѣль этихъ собраній, и что на нихъ обсуждалось. Печати „Центральнаго Комитета“ были также въ распоряженіи Бардовскаго и Полль. (т. IX л. 789). Такъ, въ мартѣ 1884 г. Загурскій получилъ распоряженіе Куницкаго приложить эти печати къ составленнымъ Пацановскимъ уставамъ Рабочаго Комитета и выдать Пацановскому деньги на поѣздки въ Лодзь, отнесъ уставы эти на квартиру Бардовскаго, а на другой день получилъ отъ Полль 40 руб. для Пацановскаго и уставы уже съ печатами Центральнаго Комитета. Бардовскій не только отдалъ квартиру свою въ распоряженіе сообщества, но и самъ принималъ непосредственное участіе въ его дѣятельности (т. IX л. 879, 985—987, 990, 991, 993—996; т. X л. 1016, 1300 об.). По показанію Игельстрома, сначала Люри доставлялъ ему, Игельstromу, нелегальныя изданія, а затѣмъ сообщилъ, что получаетъ ихъ отъ Бардовскаго. Въ первый же его, Игельstromа, визитъ, Бардовскій или Полль онъ, Игельstromъ, не помнитъ, предложили ему сочиненіе Герцена и „Календарь Народной Воли“; знакомя затѣмъ съ Куницкимъ, сообщили, что онъ нелегальный и долженъ красить волосы; чрезъ нѣсколько дней онъ, Игельstromъ, зашелъ, чтобы возвратить книги, и Полль предложила ему еще книгъ, а такъ какъ она или Бардовскій намекнули ему (т. IX л. 986), что за чтеніе надо платить, то онъ и далъ Полль 2 р. 50 коп., а потомъ 3 руб. на окраску волосъ Куницкаго. По показанію Сокольскаго, Бардовскій говорилъ ему, Игельstromу, что существуетъ общество для помощи ссыльнымъ; Полль же замѣтила, что они принимаютъ пожертвованія; когда онъ сказалъ, что нечего читать по части нелегальной литературы, Полль возразила, что у нихъ можно и это достать. Затѣмъ Бардовскій передалъ Игельstromу корзину съ нелегальными изданіями для храненія и разсказалъ, что Сокольскій познакомилъ его съ Яцутинымъ, у котораго можно, въ случаѣ надобности, кое-что припрятать; при другомъ свиданіи Бардовскій сообщилъ Игельstromу, что Конрадъ (Яновичъ), бывший тогда въ отсутствіи, долженъ привезти 1000 руб., причемъ добавилъ о Яновичѣ, что онъ настолько проникнутъ идеей, что готовъ пожертвовать все свое состояніе на дѣло партіи. По показанію Загурскаго, Бардовскій написалъ статью о полицейскомъ чиновникѣ Сикорскомъ, для помѣщенія въ газетѣ „Proletaryat“ (и въ № 5 этой газеты статья помѣщена). Но, повидимому, самую серьезною заботою Бардовскаго было проведеніе соціально-революціонныхъ идей въ войскахъ. Этими могутъ быть объяснены и находженіе у него при обыскѣ прокламаціи къ военнымъ, и

та настойчивость, съ которою онъ заводилъ и поддерживалъ знакомства въ военной средѣ. Бардовскій упрекалъ Сокольскаго, что послѣдній рѣдко бываетъ у него, просилъ Якутина посѣщать его, хотя было очевидно, что Якутинъ уклонялся отъ этого знакомства.

Съ Люри Бардовскій познакомился чрезъ Степурина, который въ декабрѣ 1883 года предложилъ Люри это знакомство, говоря, что у Бардовскаго онъ всегда получаетъ книги, и Люри съ изданіями „Народной Воли“ (т. IX л. 1016 об., 1017) въ видѣ рекомендаціи явился къ Бардовскому, отъ котораго и сталъ получать революціонныя изданія. Въ свою очередь, Бардовскій получалъ большія суммы отъ Люри, о чемъ послѣдній самъ говорилъ Игельstromу, зато Бардовскій называлъ Люри „щедрымъ“. Однажды въ бытность Игельstromа у Бардовскаго (т. IX л. 986 об.), послѣдній вдругъ спросилъ его: „Что дѣлается въ войскѣ?“ Понявъ это за намекъ, чтобы онъ занялся пропагандою, Игельstromъ отвѣтилъ ему, что служить въ такой части, въ которой не имѣтъ дѣла съ солдатами. На этомъ разговоръ и прекратился. При другомъ свиданіи, въ маѣ 1884 года, Бардовскій сообщилъ ему, Игельstromу, что думаетъ написать прокламацію къ офицерамъ, въ которой, заявляя, что существуетъ офицерскій кружокъ, предложить другимъ офицерамъ составлять таковыя. На замѣчаніе, что кружка не существуетъ, Бардовскій отвѣтилъ: „Вы, да я—вотъ и кружокъ. Это вѣдь въ видѣ пробнаго ядра“. Спустя нѣкоторое время Игельstromъ узналъ отъ Бардовскаго или отъ Люри—хорошо не помнитъ, что прокламація уже написана Бардовскимъ; при новомъ затѣмъ свиданіи Бардовскій обратился уже къ Игельstromу съ просьбой указать фамиліи знакомыхъ офицеровъ для разсылки имъ прокламаціи. Когда же Игельstromъ отвѣтилъ, что не желаетъ подводить офицеровъ, Бардовскій возразилъ: „Мы такъ устроимъ, что никого не подведемъ“. Вышеупомянутая прокламація къ военнымъ, по словамъ Бардовскаго и Полля, распространяема не была; по показанію Падановскаго (т. X л. 1301), подобная ей по весьма характерному почерку рукопись была передана ему Куницкимъ вмѣстѣ съ 100 экземплярами газеты „Proletaryat“ № 5 и прокламаціями объ убійствѣ Гельшера для отсылки съ цѣлью напечатанія въ Парижѣ. Во всякомъ случаѣ, въ виду изложеннаго, необходимо заключить, что если эта прокламація и не была распространяема, то исключительно по случаю ареста Бардовскаго. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что Бардовскій стремился провести пропаганду въ войска, и въ этомъ отношеніи онъ былъ наиболѣе энергичнымъ сообщникомъ Куницкаго. Бардовскій имѣлъ даже прозвище „Мильковскаго“ и „Ежа“ и самъ говорилъ Игельstromу, что называется Мильковскимъ. А что дѣйствительно подъ такимъ прозвищемъ онъ былъ извѣстенъ въ партіи, это доказываетъ анонимная записка, присланная Игельstromу послѣ ареста Бардовскаго (т. IX л. 990), извѣщавшая его, что Мильковскій „опасно заболѣлъ, и болѣзнь его заразительная“.

Все вышеизложенное достаточно изобличаетъ Бардовскаго и Полля въ непосредственномъ участіи въ дѣятельности сообщества „Пролетаріатъ“. (т. IX л. 753, 986 об., 994, 1021—1029).

Примѣчаніе. Дознаніемъ не выяснено ни участія Яцута въ сообществѣ, ни того обстоятельства, чтобы онъ завѣдомо принялъ означенную типографскую раму на храненіе; почему и за необнаруженіемъ при обыскѣ какихъ-либо доказательствъ его виновности, онъ къ дознанію не привлеченъ.

Феликсъ Конъ.

Уроженецъ г. Варшавы, еврей Феликсъ Яковлевичъ Конъ, 20 лѣтъ, окончилъ курсъ въ Варшавской 11 классической гимназіи и состоялъ на 1-мъ курсѣ юридическаго факультета Варшавскаго университета. (т. VII л. 13 об., 14 об., 20 об., 26).

Задержанный по требованію начальника С.-Петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія вслѣдствіе привлеченія его къ дознанію, Феликсъ Конъ былъ также привлеченъ затѣмъ и къ настоящему дознанію на основаніи данныхъ негласнаго разслѣдованія, которымъ были выяснены сношенія его съ сообществомъ „Пролетаріатъ“ и участіе въ работахъ тайной типографіи партіи. (т. VII л. 285, 287; т. VIII л. 548—551, 601—611; т. IX л. 729, 731, 782, 788).

При первомъ же допросѣ Конъ призналъ принадлежность свою къ сообществу, заявляя, что другихъ показаній давать не станетъ; но потомъ показалъ, что съ социалистическимъ движеніемъ въ здѣшнемъ краѣ познакомился чрезъ Льва Винавера въ началѣ 1883 г. и, сблизившись съ нимъ, помогалъ партіи матеріально, доставилъ изъ-за границы транспортъ социально-революціонныхъ изданій, послѣ чего ему предложили вступить въ партію въ качествѣ „сочувствующаго“; въ январѣ 1884 г. онъ сдѣлался агентомъ 3 разряда и былъ введенъ Рентшке, на-стоящей фамилии котораго онъ не знаетъ, въ типографію партіи, гдѣ и сталъ работать. Вслѣдствіе вызова его къ допросу по дѣлу Гандельсмана, производившемуся петербургскимъ жандармскимъ начальствомъ, весною 1884 г., бросивъ работы въ типографіи, онъ сталъ набирать статьи для газеты „Proletaryat“ № 5 въ квартирѣ Крживоблоцкаго вмѣстѣ съ Шнакомъ, котораго уговорилъ помочь ему; затѣмъ составилъ статью изъ Варшавы, помѣщенную въ означенной газетѣ, участвовалъ въ разныхъ сходкахъ вмѣстѣ съ Куницкимъ, Яновичемъ и, между прочимъ, въ сходкѣ, на которую принесены были только что отпечатанныя прокламаціи о Гельшерѣ, переписывалъ по просьбѣ Рентшке въ видѣ услуги для партіи „Народной Воли“ рукопись о взрывчатыхъ веществахъ (оказавшуюся при обыскѣ у Остерлова).

Показанія свои Конъ заключилъ заявленіемъ, что признаетъ право дѣйствовать терроромъ прежде всего противъ предателей, такъ какъ никого не принуждаютъ вступать въ партію; затѣмъ—противъ шпионовъ, наконецъ—противъ фабрикантовъ и должностныхъ лицъ, какъ средство вліять на обхожденіе съ рабочими и съ политическими арестантами.

(т. VII л. 245, 248; т. VIII л. 441—443, 457, 465, 514; т. IX л. 695, 788, 952; т. X л. 1163, 1224, 1250, 1301, 1341, 1351—1352 об.).

Солидарность свою съ террористическими замыслами Куницкаго, Дембскаго, Яновича—Феликсъ Конъ доказалъ присутствіемъ своимъ вмѣстѣ съ этими лицами, Славинскимъ, Сѣрошевскимъ и Гладышемъ при попыткахъ взрыва пакластикомъ, несомнѣнно, зная о намѣреніи партіи произвести взрывъ прокурорской камеры. Конъ, какъ дѣйствовавшій въ Варшавѣ, по словамъ Пацановскаго, бывалъ у Бардовскаго, находился въ сношеніяхъ съ руководителями сообщества и съ рабочими, хотя ни одного изъ этихъ лицъ не назвалъ въ своихъ показаніяхъ. Феликсъ Конъ назывался въ партіи „Фисомъ“ „Стожинскимъ“ и „Стожекомъ“, по показанію Куницкаго, состоялъ агентомъ 2 степени; по показаніямъ Загурскаго (т. IX л. 878—879), Конъ участвовалъ въ работахъ типографіи на улицѣ Александрія у Дембскаго, у Крживоблоцкаго и у Славинскаго вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ и Загурскимъ. О довѣріи къ нему руководителей партіи можно судить по тому, что въ квартирѣ его не только хранились разныя нелегальныя вещи, но и происходило собраніе такъ называемаго Центральнаго Комитета (т. IX л. 713 и об.). Впрочемъ, его направленіе и отношеніе къ партіи лучше всего характеризуется собственными его словами, что „онъ никогда въ жизни не отступится отъ партіи, будетъ помогать ей, если только его освободятъ“ и поступитъ въ кружокъ, если таковой будетъ существовать, если же не окажется, то онъ составитъ новый“.

Историческая бібліографія.

А. Тунъ. *Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи.* Пер. Вѣры Засуличъ, Д. Кольцова и др. Съ воспоминаніями объ А. Тунѣ Л. Дейча, предисловіемъ Г. Плеханова, статьями «Восьмидесятые годы» Д. Кольцова, «О соціальной демократіи въ Россіи» Г. Плеханова, и примѣчаніями П. Лаврова. Изд. «Библіотеки для всѣхъ» О. Н. Рутенбергъ (безъ мѣста и года изд., издано въ 1906 г.). 392 стр. Цѣна 1 р.

А. Тунъ. *Исторія революціоннаго движенія въ Россіи.* Пер. съ вѣм. подъ ред. и съ прим. Л. Э. Шипко. Книгоиздательство «Земли и Воли». (безъ мѣста и года изд., вышло въ 1906). 394 стр. Цѣна 50 к.

Habent sua fata libelli. Книга покойнаго († 1886) сперва бавельскаго, потомъ фрейбургскаго профессора А. Туна, вышедшая въ подлинникѣ въ свѣтъ чуть не четверть вѣка тому назадъ (1883), появляется, наконецъ, въ русскомъ легальномъ изданіи, и даже не въ одномъ, а въ четырехъ или пяти; передъ нами два изданія, имѣющія цѣну; о другихъ, лишенныхъ всякаго значенія, мы не упоминаемъ. Изданіе этой книги въ русскомъ переводѣ, и притомъ непременно съ примѣчаніями и дополненіями, было завѣтною мечтой множества революціонныхъ кружковъ и отдѣльныхъ молодыхъ людей въ концѣ 1880-хъ и началѣ 1890-хъ годовъ; не мало людей поплатилось за эту книгу тюрьмой и ссылкой.

Попытки изданія въ свѣтъ этой книги по-русски сами по себѣ представляютъ не лишенную нѣкотораго интереса страницу изъ исторіи нашего общественнаго движенія. Не имѣя для нея достаточныхъ матеріаловъ, я позволю себѣ рассказать здѣсь о попыткѣ, предпринятой мною лично.

Съ 1885 года я, бывшій тогда еще студентомъ С.-Петербургскаго Университета, систематически занимался нелегальнымъ издательствомъ. Я мечталъ создать нелегальное книгоиздательство, не преслѣдующее какихъ-нибудь партійныхъ цѣлей, но ставящее своей задачей самымъ фактомъ изданія не пропущенныхъ цензурою книгъ, независимо отъ ихъ направленія, бороться съ цензурой. Руководясь этимъ стремленіемъ, я издалъ нѣсколько сочиненій Льва Толстого, идеямъ котораго вовсе не сочувствовалъ, книжку Шеффле «Сущность социализма», нѣсколько другихъ

брошюръ и приступилъ къ изданію Туна. Мои изданія не печатались, а только литографировались въ небольшой (легальной) литографіи Гробовой (на Петербургской сторонѣ), которая существовала преимущественно литографированіемъ лекцій для студентовъ и нелегальнымъ издательствомъ. Мои изданія выходили въ 300—500 экземплярахъ, расходились весьма быстро, быстро окупались и давали мнѣ легкую возможность продолжать безъ перерывовъ мою дѣятельность. Гробова брала съ меня по 6 коп. съ экземпляра листа, т. е. втрое больше, чѣмъ съ изданій легальныхъ, и была вполне довольна работою. Въ теченіе двухъ лѣтъ она дѣлала такого рода работу только для меня, но я получилъ ее какъ бы въ наслѣдство отъ Бориса Глинскаго (нынѣ постоянного сотрудника Суворинскаго «Историческаго Вѣстника») и князя Д. И. Шаховскаго (нынѣ члена Государственной Думы, кадета), бывшаго въ то время толстовцемъ и издававшего до меня Толстого, исходя изъ другихъ соображеній, чѣмъ я. Гробова изъ полудюжины своихъ рабочихъ вполне довѣряла только двумъ, и нелегальное литографированіе происходило по ночамъ при опущенныхъ шторахъ и запертыхъ дверяхъ.

Уже тогда я ясно сознавалъ неудовлетворительность сочиненія Туна во многихъ отношеніяхъ и потому снабжалъ переводъ его многочисленными примѣчаніями и приложениями.

Мнѣ помогали въ моей работѣ (переводѣ и составленіи примѣчаній) очень и очень многія лица; изъ нихъ нѣкоторые въ настоящее время потрясли прахъ юношескаго радикализма отъ ногъ своихъ и оказались въ томъ лагерѣ, изъ котораго можетъ изойти развѣ гоненіе на свободную мысль, а никоимъ образомъ не желаніе распространить ее въ обществѣ. Однимъ изъ людей, оказавшихъ мнѣ при этомъ изданіи большія услуги, былъ С. Е. Крыжановскій, тогда еще мой товарищъ по университету, впоследствии—директоръ одного изъ департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ и одинъ изъ вѣрныхъ сподвижниковъ покойнаго В. К. Плеве, нынѣ даже товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, вполне достойный своего шефа. С. Е. Крыжановскій для приложения къ Туну перевелъ съ польскаго изъ какого-то нелегальнаго журнала нѣсколько отрывковъ, касавшихся исторіи русскаго революціоннаго движенія.

Работа въ задуманныхъ мною рамкахъ была большая, слишкомъ большая для тогдашнихъ полицейскихъ условій и для моихъ конспираторскихъ способностей, именно слишкомъ широкій размахъ погубилъ ее. Открылось дѣло въ февр. 1887 г. по доносу одного рабочаго, уволеннаго изъ брошюровочной мастерской, въ которую я отвозилъ отпечатанные листы книги Туна, предполагая ее тамъ брошюровать. Въ переплетной былъ сдѣланъ обыскъ, хозяйка переплетной арестована, и тотчасъ же назвала мою фамилію, за что и была благополучно отпущена, если не ошибаюсь, даже безъ закрытія мастерской. Въ тотъ же день былъ сдѣланъ обыскъ у меня, и я арестованъ съ цѣлою грудой по-

личного, совершенно уличившаго меня. Къ счастью, никакихъ слѣдовъ литографіи, въ которой я литографировалъ, найдено не было. Черезъ нѣсколько дней былъ сдѣланъ повальный обыскъ во всѣхъ петербургскихъ литографіяхъ, но Грובה была предупреждена, и никакихъ слѣдовъ ея преступленія у нея найдено не было. Такимъ образомъ, для нея дѣло сошло благополучно. Однако она не унялась и, чувствуя въ нелегальной работѣ важное для себя подспорье, въ самомъ непродолжительномъ времени вновь согласилась на литографированіе какихъ-то другихъ нелегальныхъ изданій, на которыхъ она черезъ три года (въ 1890) и попалась. Кромѣ меня были привлечены къ дѣлу еще три лица, улики противъ которыхъ оказались въ отобранныхъ отъ меня бумагахъ: В. Глинскій, Л. К. Давыдова (дочь извѣстнаго музыканта, тогда директора петербургской консерваторіи, впоследствии г-жа Туганъ-Барановская) и нынѣшній товарищъ министра С. Е. Крыжановскій. Первый, впрочемъ, попался не за издательство, а вслѣдствіе найденнаго его письма ко мнѣ, указывавшаго на его знакомство съ Шевыревымъ (вскорѣ послѣ этого казненнымъ за участіе въ дѣлѣ 1 марта 1887 года) и за его прикосновенность къ организаціи студенческихъ столовыхъ. Глинскій былъ приговоренъ къ 10 днямъ тюремнаго заключенія, которые и отбылъ въ Крестахъ. Л. К. Давыдова перевела для меня одну главу книги Туна, и рукопись ея была найдена у меня; у меня же было найдено одно ея письмо, и по сходству почерковъ было удостовѣрено ея участіе въ издательствѣ. Она получила только высочайшій выговоръ. У меня же была найдена рукопись Крыжановскаго, а авторство его было дознано вслѣдствіе тождества почерка этой рукописи съ однимъ его письмомъ, найденнымъ не у меня, а у С. Ф. Ольденбурга (впоследствии профессора санскритскаго языка, нынѣ академика, кадета), у котораго былъ сдѣланъ обыскъ вскорѣ послѣ моего, вслѣдствіе удостовѣренной моей близости съ нимъ.

С. Е. Крыжановскій былъ приговоренъ къ двумъ недѣлямъ тюремнаго заключенія, но вслѣдствіе вліятельныхъ связей былъ отъ него освобожденъ. Я заплатилъ тремя съ половиною мѣсяцами предварительнаго тюремнаго заключенія и приговоромъ къ пяти господамъ ссылки въ Архангельскую губернію (изъ коихъ отбылъ три, послѣ чего переведенъ въ Самару). Книга Туна въ моемъ изданіи свѣта такъ и не увидѣла, оборванная на 12 листѣ текста и 8-мъ приложеній, печатавшихся одновременно съ текстомъ.

Послѣ меня было сдѣлано нѣсколько такихъ же, частью тоже безуспѣшныхъ, частью удачныхъ попытокъ, и въ обществѣ по рукамъ ходило, какъ кажется, нѣсколько литографированныхъ изданій Туна.

Въ концѣ 1890-хъ и началѣ 1900-хъ гг. она появилась за границей въ двухъ изданіяхъ: социаль-демократическомъ и соц.-

революціонномъ, и изданія, заглавія которыхъ выписаны выше, представляютъ изъ себя перепечатки изданій заграничныхъ.

Сдѣлавъ въ 1-й главѣ краткій и самый бѣглый очеркъ всей исторіи революціоннаго движенія до 1863 года, Тунъ посвящаетъ свою книгу двадцатилѣтію 1863—83, заканчивая ее, такимъ образомъ, упадкомъ партіи «Народной Воли». Даже въ свое время книга Туна далеко не стояла на высотѣ той задачи, за разрѣшеніе которой взялся авторъ. Живя за границей, авторъ, хотя и знакомый съ Россіей по личнымъ наблюденіямъ и удовлетворительно владѣвшій русскимъ языкомъ, тѣмъ не менѣ могъ воспользоваться только источниками, доступными за границей, въ Германіи и въ Швейцаріи. Такими источниками является почти исключительно русская революціонная литература, и то не вся: мелкія прокламаціи, представляющія иногда весьма значительный интересъ и весьма характерныя для опредѣленія историческаго момента, за границу попадаютъ рѣдко и не въ достаточномъ числѣ. Еще болѣе цѣнный матеріалъ для исторіи революціоннаго движенія представляютъ отчеты о политическихъ процессахъ, которые до 1881 года печатались въ русскихъ газетахъ, хотя и не въ полномъ видѣ; этотъ источникъ остался для Туна недоступнымъ. Понять исторію русскаго революціоннаго движенія можно только въ связи съ исторіею литературы и русскаго общества вообще.

Обладая весьма скудными свѣдѣніями въ этой области, Тунъ отличается крайней поверхностностью сужденій во всемъ, что касается причинъ смѣны различныхъ теченій въ русскомъ революціонномъ движеніи. Эти недостатки книги Туна были замѣтны даже во время ея появленія въ свѣтъ по - нѣмецки; появляется же въ свѣтъ по - русски она тогда, когда накопилось громадное количество новыхъ, ранѣе неизвѣстныхъ матеріаловъ, и когда, вслѣдствіе этого, она потеряла почти все свое значеніе. Это не осталось тайной, конечно, и для переводчиковъ, которые въ своихъ предисловіяхъ охотно указываютъ на неудовлетворительность книги во многихъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣ донинѣ она является единственнымъ цѣльнымъ очеркомъ исторіи революціонныхъ движеній 1860—1870 и 1880-ыхъ годовъ, т. е. того періода, на зарѣ котораго стоятъ Чернышевскій и Герценъ, въ который нигилизмъ 1860-ыхъ годовъ смѣнился народничествомъ 1870-ыхъ, сказавшимся хожденіемъ въ народъ, затѣмъ народо-вольчествомъ, которое сыграло такую крупную роль въ исторіи русскаго общественнаго развитія. Какъ ни поверхностны свѣдѣнія Туна, какъ ни мало удовлетворительны тѣ объясненія, которыя онъ даетъ для смѣны различныхъ направленій въ революціонномъ движеніи, все-таки изложеніе основныхъ принциповъ cadaго изъ нихъ сдѣлано у него довольно правильно, хотя однако не безъ промаховъ и не безъ внутреннихъ противорѣчій; разныя перипетіи борьбы революціонеровъ съ правительствомъ вообще, и полиціей—въ частности, нарисованы правильно и до-

вольно ярко; характеристики дѣятелей отличаются выпуклостью, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда у Туна были для нихъ хорошія пособія въ видѣ теперь уже мало доступныхъ біографическихъ очерковъ (Желябова, Перовской и др.), въ свое время изданныхъ за границей. Ради этихъ-то достоинствъ книгу Туна и переводятъ до сихъ поръ съ такимъ усердіемъ.

Сознавая однако недостатки Туна, всѣ переводчики считаютъ нужнымъ снабжать его книгу своими примѣчаніями дополненіями и возраженіями, которыя въ общей сложности, въ изданіи, напримѣръ, «Земли и Воли», занимаютъ болѣе мѣста, чѣмъ сама книга, а въ переводѣ Вѣры Засуличъ почти столько же, сколько книга.

Что касается изданія социаль-демократическаго, то его крупный недостатокъ—это обиліе людей, принимавшихъ въ немъ участіе, и различіе времени, въ которое они работали надъ нимъ. Правда, Вѣра Засуличъ, Кольцовъ, Дейчъ, Плехановъ—люди одинаковаго политическаго направленія; однако и у нихъ есть различія во взглядахъ. Между прочимъ, Дейчъ относится къ книгѣ Туна гораздо снисходительнѣе (по нашему мнѣнію, даже чрезмѣрно снисходительно), чѣмъ Плехановъ, не оставляющій отъ Туна камня на камнѣ.

Примѣчанія Лаврова, приведенныя въ этомъ изданіи, это примѣчанія Лаврова, сдѣланныя къ польскому изданію книги Туна и оттуда сюда переведенныя. Они составляютъ всего двѣ странички и являются строго и мелочно фактическими, такъ что принципъ *audiat et altera pars*, во имя котораго, по словамъ Плеханова, приведены они здѣсь, звучитъ какъ какая-то странная иронія. Въ самомъ дѣлѣ: Тунъ говоритъ, что Лавровъ былъ сосланъ въ Архангельскую губернію; Лавровъ въ примѣчаніи поправляетъ: «я былъ сосланъ въ Вологодскую, а не въ Архангельскую губернію». Тунъ говоритъ, что Лавровъ былъ профессоромъ Военной Академіи; Лавровъ поправляетъ: «я былъ профессоромъ въ Артиллерійской Академіи, а не въ Военной (такъ называется обыкновенная академія Генеральнаго Штаба)». Есть и болѣе обстоятельныя и болѣе важныя примѣчанія Лаврова, но всѣ они имѣютъ такой же фактическій характеръ, и почти всѣ касаются только лично Лаврова. Длинное (72 стр.) предисловіе Плеханова къ Туну довольно интересно, но интересно не какъ предисловіе къ Туну, а какъ самостоятельная статья Плеханова о нѣкоторыхъ моментахъ нашей революціонной исторіи, въ частности выясняющая вопросъ объ отношеніи между политическимъ радикализмомъ и социализмомъ въ различныхъ нашихъ революціонныхъ партіяхъ. Какъ и всѣ произведенія Плеханова, это предисловіе написано въ рѣзко полемическомъ тонѣ, далеко не безпристрастно, переполнено выходками и замѣчаніями весьма спорнаго характера и,—будучи не лишено интереса само по себѣ, взятое въ отдѣльности,—въ предисловіи къ

исторической книгѣ, претендующей на строгую объективность, производитъ впечатлѣніе чего-то, совершенно неумѣстнаго ¹⁾).

Необходимо замѣтить еще, что разныя статьи, приложенныя къ книгѣ Туна, въ социаль-демократическомъ изданіи, написаны въ разное время; статья Плеханова «О социальной демократіи въ Россіи» была написана первоначально для польскаго изданія книги Туна и въ настоящемъ изданіи является либо переведенной съ польскаго, либо напечатанной съ той рукописи, съ которой былъ сдѣланъ переводъ для польскаго изданія; и къ ней Плехановъ дѣлаетъ еще въ настоящее время новыя примѣчанія.

Такимъ образомъ, книга Туна въ социаль-демократическомъ изданіи является произведеніемъ, состоящимъ изъ цѣлаго ряда наслоеній, отложившихся въ разныя историческія эпохи. Каждое изъ нихъ представляетъ само по себѣ иногда значительный, иногда нѣкоторый интересъ; сравнительная объективность и безпристрастіе Туна, смотрящаго на движеніе безъ особенныхъ симпатій и антипатій къ различнымъ его идейнымъ направленіямъ (впрочемъ не безъ нѣкоторой антипатіи къ террору), съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя, не особенно глубокаго, не особенно свѣдущаго, безъ рѣзко выраженнаго міросозерцанія, но вполне добросовѣстнаго и стремящагося къ объективной истинѣ, тонетъ въ опредѣленно партійныхъ пристрастіяхъ авторовъ дополненій. Въ общемъ характеръ исторіи революціоннаго движенія совершенно теряется, и вся книга представляетъ изъ себя въ лучшемъ случаѣ матеріалъ для исторіи, въ которомъ читатель долженъ самостоятельно разбираться, провѣряя одного свидѣтеля другимъ, не имѣя единой путеводной нити. Въ дополненіе къ этому книга издана поразительно неряшливо: въ ней нѣтъ оглавленія, совершенно необходимаго для такой пестрой книги. Примѣчанія Лаврова, напечатанныя въ концѣ книги, составлены такимъ образомъ: «къ страницѣ 38», «къ страницѣ 40», «къ страницѣ 50» и т. д. Оказывается, что эти ссылки

¹⁾ Какъ примѣръ полемическихъ выхонокъ, не имѣющихъ права претендовать на историческую объективность, можно привести утвержденіе Плеханова (стр. 49), что „въ концѣ 80-хъ годовъ въ русской революціонной печати стали раздаваться голоса, приглашавшіе нашихъ революціонеровъ на время отказаться отъ социализма и превратиться въ либераловъ. Громче всего эта проповѣдь раздавалась въ органѣ Владиміра Бурцева, нывѣшняго союзника нашихъ социалистовъ-революціонеровъ“. Мы знаемъ со стороны Бурцева приглашеніе поддерживать либераловъ и въ извѣстныхъ случаяхъ идти съ ними рука объ руку, но не знаемъ ни одного приглашенія съ его стороны, точно такъ же какъ и со стороны какого бы то ни было революціонера 80-хъ годовъ, превратиться въ либераловъ. Другой образчикъ такой же точно партійности можно видѣть въ томъ, что Плехановъ систематически или, по крайней мѣрѣ, очень часто называетъ социалистовъ-революціонеровъ—социалистами-реакціонерами и говоритъ, что „о нихъ не даромъ сказано, что они носятъ двойное названіе единственно потому, что ихъ социализмъ не революціоненъ, а ихъ революціонность не имѣетъ ничего общаго съ социализмомъ“. (стр. 366). Можетъ быть, это замѣчаніе и остроумно, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно весьма мало доказательно и врядъ ли умѣстно въ примѣчаніяхъ къ исторической работѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что противники социаль-демократовъ точно такъ же могли бы сказать, что они носятъ двойное названіе потому, что ихъ социализмъ не демократиченъ, а ихъ демократизмъ не имѣетъ ничего общаго съ социализмомъ, но, конечно, они этимъ никого не убѣдили бы въ ошибочности взглядовъ социаль-демократовъ и ничего бы не выяснили.

сдѣланы на страницы польскаго изданія, а въ настоящемъ изданіи страницѣ 38 соотвѣтствуетъ страница 116-я; страницѣ 40—страница 118-я и т. д. Въ примѣчаніяхъ Лавровъ поправляетъ ошибку Туна о мѣстѣ его ссылки; между тѣмъ въ книгѣ переводчикъ самъ ее исправилъ, включивъ свою поправку въ текстъ книги, а не въ примѣчаніе, и читатель, видя поправку Лаврова и отыскавъ то мѣсто въ книгѣ, къ которому она относится, останавливается въ полнѣйшемъ недоумѣніи: Лавровъ поправляетъ, а между тѣмъ въ книгѣ сказана совершеннѣйшая правда,—и т. д. и т. д. Между тѣмъ безчисленное множество мелкихъ, но важныхъ въ исторической работѣ ошибокъ Туна (касающихся хронологіи, собственныхъ именъ и т. д.) осталось неисправленнымъ и неоговореннымъ. Наконецъ, очень цѣнная библіографія нелегальной русской литературы, приложенная въ подлинникѣ въ книгѣ Туна, въ переводѣ отсутствуетъ, и объ этомъ можно очень пожалѣть.

Та же книга въ переводѣ подъ редакціей и съ примѣчаніями стараго революціонера, дѣятеля народническаго періода русской революціи 1870-хъ годовъ, отставнаго артиллерійскаго поручика Э. Шишко, представляется во всякомъ случаѣ болѣе цѣнной. Тутъ кромѣ Туна мы видимъ всего только одного автора. Авторъ этотъ шагъ за шагомъ поправляетъ Туна, и хотя со многими изъ его мнѣній можно спорить, но всѣ они обставлены весьма серьезно.

Но именно при прочтеніи ихъ всего болѣе возникаетъ вопросъ: зачѣмъ Шишко написалъ свою работу въ формѣ перевода книги Туна съ дополненіями къ нему, а не въ формѣ самостоятельной исторической работы? Его примѣчанія чуть не къ каждой главѣ начинаются словами въ такомъ родѣ: «Характеристика нигилизма, сдѣланная Туномъ, отличается нѣкоторою запутанностью и кромѣ того оставляетъ совсѣмъ безъ отвѣта вопросъ о его происхожденіи» (стр. 71). И далѣе идетъ характеристика, дѣлаемая Шишко. Не лучше ли было бы, въ виду этого, пользуясь Туномъ, какъ и другими пособіями, написать самостоятельную работу? Конечно, она потребовала бы больше времени, но зато дала бы и гораздо болѣе цѣнные результаты, да и не много больше, такъ какъ, въ сущности, почти вся работа сдѣлана; слѣдуетъ придать ей только другую форму.

Съ внѣшней стороны изданіе Туна въ переводѣ Шишко нѣсколько лучше, чѣмъ изд. въ переводѣ Засуличъ, однако тоже далеко не удовлетворительно. Оглавленія нѣтъ тоже. Библіографія Туна тоже выкинута. Шишко въ своемъ переводѣ мѣстами сокращаетъ Туна; такъ, напримѣръ, на стр. 54 онъ выкинулъ нѣсколько строкъ, представляющихъ изъ себя оцѣнку автобіографіи Худякова, сдѣланную Туномъ; намъ кажется, что если переводчикъ считаетъ нужнымъ сокращать переводимаго автора, то онъ обязанъ это оговорить въ предисловіи; между тѣмъ Шишко этого не сдѣлалъ. Мѣстами онъ исправляетъ Туна въ самомъ

текстѣ вмѣсто того, чтобы сдѣлать это въ примѣчаніяхъ; это, впрочемъ, оговорено въ предисловіи.

В. Водовозовъ.

Zur Beurteilung der gegenwärtigen politischen Entwicklung Russlands von S. I. Giwago und Max. Weber. 125 стр. Оттискъ изъ журнала «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» (XXII B. 1 H.), издаваемого Зомбартомъ, Веберомъ и Яффе.

Настоящая книжка состоитъ изъ двухъ крайне неравныхъ частей: краткаго (на 5 стр.) общаго обзора г. Живаго извѣстнаго конституціоннаго проекта Россіи, изданнаго за границею «Освобожденіемъ», и объемистой серьезной статьи «Къ положенію буржуазной демократіи въ Россіи», гейдельбергскаго профессора Вебера. Интересъ представляетъ лишь эта послѣдняя.

Какъ ни парадоксально это можетъ представляться на первый взглядъ, но значительно легче писать работы болѣе общаго характера о чужой странѣ, чѣмъ о своей собственной. Принадлежность къ извѣстной націи требуетъ отъ серьезнаго писателя исчерпанія относящейся къ соотвѣтствующему вопросу литературы, обращенія къ первоисточникамъ, привлеченія къ труду архивныхъ матеріаловъ и проч. Для иностранца большую заслугу составляетъ уже правильное использование наиболѣе главныхъ печатныхъ источниковъ литературы того народа, съ которымъ онъ хочетъ познакомиться свою родину. Не даромъ единственная общая исторія русской революціи до сихъ поръ написана иностранцемъ—Туномъ. Изъ русскихъ никто не посмѣлъ взяться пока за этотъ гигантскій трудъ.

На сравненіе съ Туномъ невольно напрашивается Веберъ, дающій въ своей статьѣ (120 стр. плотнаго шрифта) общій очеркъ политическаго движенія въ Россіи съ 1902 г. до первыхъ дней 1906 г. Въ его распоряженіи была богатая русская читальня въ Гейдельбергѣ, съ періодическими изданіями, ею выписываемыми, нѣсколько газетъ (главнымъ образомъ, «Новое Время» и «Русь»), наконецъ, помощь Б. Кистяковского, ориентировавшаго его въ болѣе сложныхъ вопросахъ. Веберъ самъ прежде всего не дѣлаетъ себѣ никакихъ иллюзій относительно полноты своего труда. Онъ ждетъ будущаго исчерпывающаго описанія движеній и событій со стороны русскихъ «Но,—говоритъ онъ,—въ концѣ концовъ и несовершенное сопоставленіе можетъ пригодиться для многихъ, не могущихъ слѣдить за событіями, нашимъ же русскимъ коллегамъ сейчасъ не до того, чтобы знакомить съ ними заграницу». Въ указанныхъ рамкахъ работу Вебера надо признать выполненной удовлетворительно. Авторъ достаточно сумѣлъ использовать имѣвшіеся въ его распоряженіи матеріалы и пытается, хотя это далеко не всегда ему удается, относиться возможно объективно

къ нимъ. Онъ обнаруживаетъ вообще хорошее, хотя и одностороннее знаніе русской жизни и въ интересныхъ примѣчаніяхъ къ тексту своей работы даетъ много любопытныхъ даже для насъ характеристикъ русскихъ политическихъ дѣятелей, органовъ печати, наконецъ, различныхъ общественныхъ организацій (напр. Вольнаго экономическаго общества), такъ сильно расплодившихся у насъ въ послѣдніе годы. Собственно текстъ посвященъ изображенію болѣе крупныхъ линій нашего освободительнаго движенія; образованію и исторіи союза освобожденія, земскаго союза, союза союзовъ, конституціонно-демократической партіи, петербургскаго социальна-политическаго клуба, «создавагося въ декабрѣ 1905 г. изъ мѣстной группы союза освобожденія» послѣ вступленія части членовъ его въ конституціонно-демократическую партію, наконецъ, крестьянскаго союза, выдвинутаго аграрными требованіями крестьянъ. Большое вниманіе удѣляетъ авторъ также современнымъ національнымъ автономистскимъ теченіямъ въ русскомъ государствѣ.

Фактическихъ ошибокъ въ книгѣ не много (укажемъ, напримеръ, на сообщеніе о томъ, что В. А. Мякотинъ подвергался «многолѣтней ссылкѣ въ Сибирь»—стр. 59). Гораздо больше промаховъ—и это понятно—тамъ, гдѣ авторъ даетъ общія характеристики партій, программъ ихъ и т. п. Здѣсь сказывается все же и недостаточно близкое знаніе нашей жизни, и передача многого съ чужихъ словъ. При этомъ, конечно, получаются часто слишкомъ быстрыя обобщенія, исчезаютъ болѣе детальныя оттѣнки мнѣній и взглядовъ, и изложеніе мѣстами пріобрѣтаетъ слишкомъ схематическій характеръ, не отвѣчающій сложности теченій, перекрещивающихся въ нашей современной жизни. Встрѣчаются и прямо невѣрныя характеристики, напр. «Народной Воли», какъ исключительно террористической партіи, въ противоположность «мирно-революціонному» «Черному передѣлу» (стр. 74).

Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ въ своей работѣ обнаруживаетъ нѣкоторые литературные псевдонимы, которые, конечно, не безъ основаній, у насъ до сихъ поръ оставались нераскрытыми. Мы не будемъ останавливаться на томъ, дѣлаетъ ли онъ при этомъ какія-либо ошибки или нѣтъ, а отмѣтимъ настоящій фактъ, лишь какъ характерный съ точки зрѣнія того значенія, которое для работы Вебера имѣли, повидимому, устные рассказы пребывавшихъ въ Гейдельбергѣ нашихъ соотечественниковъ. Отъ передачи этихъ рассказовъ выиграла у него живость и полнота изложенія, но, несомнѣнно, понизился научный уровень его работы.

Все сказанное относится къ выполненію прямой задачи Вебера дать картину положенія буржуазной демократіи въ Россіи. Понятно ему приходится останавливаться, однако, и на болѣе крайнихъ партіяхъ, главнымъ образомъ, на «пролетарской интеллигенціи», и здѣсь онъ оказывается совершенно не въ своей области. Печатная социаль-демократическая литература не могла дать ему по своей бѣдности полнаго понятія о русскомъ рабочемъ движе-

ній; личные его знакомства съ русскими, очевидно, не распространялись на сторонниковъ этого движенія. Наконецъ, авторъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ изложенія, по своимъ личнымъ взглядамъ является противникомъ социаль-демократіи вообще. Въ результатѣ, мѣста его работы, посвященные русской социаль-демократіи, выдѣляются отъ остальныхъ частей ея и субъективностью изложенія, выражающейся въ повтореніи общихъ избитыхъ замѣчаній (о «сектантскомъ» характерѣ партіи и т. п.), и рядомъ прямыхъ ошибокъ—напр., въ изложеніи роли, которую она играла въ московскомъ возстаніи.

Б. В.

Russen über Russland. Ein Sammelwerk, herausgegeben von Josef Melnik.

Сочиненія, посвященныя изображенію текущей русской жизни, быстро старѣютъ въ наши бурные дни, и изданная г. Мельникомъ во Франкфуртѣ «для уясненія пониманію Западной Европы совершающихся въ Россіи событій» книга въ значительной степени представляетъ уже историческій интересъ, хотя предисловіе къ ней написано всего только въ октябрѣ прошлаго года.

Иностранецъ найдетъ въ ней фундаментальный (въ 670 стр.) коллективный трудъ, отдѣльныя главы котораго написаны, въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно лучшими знатоками и специалистами по различнымъ вопросамъ внутренней жизни нашего отечества. Имѣется, конечно, не полное соотвѣтствіе между отдѣльными статьями книги, но все же въ общемъ онѣ являются достаточно близкими другъ другу и выдержанными въ одномъ тонѣ и направленіи—желаніи дать общую картину развитія Россіи за послѣднія десятилѣтія и прослѣдить за это время причины и ходъ того обостренія внутреннихъ отношеній, которое привело ее, наконецъ, къ рѣшительному кризису.

Коснемся тѣхъ сторонъ изданія г. Мельника, которыя имѣютъ болѣе прямое отношеніе къ освободительной борьбѣ русскаго народа.

Прежде всего надо отмѣтить чрезмѣрную сдержанность, проходящую красною нитью черезъ всю книгу. Лозунгъ ея—умѣренный либерализмъ. Оппозиція существующему режиму рисуется почти исключительно, какъ протестъ противъ господствующаго азіатскаго деспотизма со стороны всѣхъ честныхъ и разумныхъ гражданъ. Революціонныя стороны этого протеста, рожденіе новыхъ общественныхъ классовъ, стремленіе части интеллигенціи достигнуть высшихъ идеаловъ, изъ-за которыхъ происходитъ борьба въ самой Европѣ, ступеваны. Объ этомъ можно только пожалѣть. Во-первыхъ, практически важно было бы показать лучшей части этой Европы не только русское конституціонное движеніе, но и русскія революціонныя теченія, понынѣ вселяющія

трепетъ своею таинственностью въ сердца европейскихъ не только умѣренныхъ, но и радикальныхъ круговъ. Во-вторыхъ, книга, несомнѣнно, проиграла отъ упомянутой односторонности въ своей цѣлости и полнотѣ. Какъ это ни удивительно, но въ ней нѣтъ въ сущности важнѣйшей, съ нашей точки зрѣнія, главы—исторіи русскаго революціоннаго движенія. Правда, она открывается статьею П. Б. Струве «Замѣчанія о русской революціи», но при всемъ интересѣ этой статьи, она касается не столько русскихъ революціонныхъ силъ, сколько изложенія того, какимъ образомъ правительство само у себя отняло всякую опору, уничтоживъ возможность появленія сколько-нибудь разумныхъ консервативныхъ теченій.

Подобнымъ же образомъ мы тщетно стали бы искать въ книгѣ и описанія политическаго движенія рабочаго класса, роста самосознанія пролетаріата и борьбы его въ Россіи. Если не въ сухой и узко-экономической статьѣ проф. Озерова объ экономической политикѣ, то въ главѣ о рабочемъ движеніи г. Тотомьянца, можно было бы, казалось, найти всѣ данныя по этому вопросу. Къ сожалѣнію, этотъ послѣдній авторъ также ограничивается исключительно экономическими сторонами рабочей жизни. Онъ касается стачекъ, лишь поскольку онѣ преслѣдуютъ уменьшеніе рабочаго дня, увеличеніе заработной платы и улучшеніе фабричнаго законодательства, и поэтому слишкомъ узко освѣщаетъ зубатовщину, какъ попытку борьбы съ нелегальными профессиональными организаціями рабочихъ, а не съ политическими партіями ихъ. О послѣднихъ г. Тотомьянецъ ограничивается буквально 10 строками (изъ 40 страницъ), въ которыхъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что «въ Россіи нѣтъ еще большой соединенной социаль-демократической партіи, которая положила бы въ основу своей рабочей программы опытъ не только нѣмецкихъ, но бельгійскихъ и итальянскихъ социалистовъ, и въ которой могли бы работать не только Плехановъ, Аксельродъ, Засуличъ, Парвусъ, Мартовъ, Ленинъ, Черновъ, Русановъ, Рубановичъ, но и Гапонъ, Поссе, Акимовъ, Кричевскій и др.»¹⁾

Тотъ же указанный выше недостатокъ ясно замѣчается и въ статьяхъ, посвященныхъ угнетаемымъ въ Россіи національностямъ: евреямъ (Виртуса), полякамъ (Нѣмоевского), малороссамъ (Грушецкаго), армянамъ (Берберова) и финнамъ (Лилле). Во всѣхъ нихъ проводится общая мысль, что всѣ эти народы охотно тяготѣли бы къ Россіи и оставались вѣрноподанными правительству, если бы оно само не провоцировало ихъ на оппозицію. Соотвѣтственно этому подробно излагаются ужасы гоненій, которымъ онѣ подвергались и подвергаются, и лишь слабо отмѣчена исторія самостоятельнаго роста внутри ихъ политическихъ партій. Особенно это чувствуется по отношенію къ евреямъ, для кото-

¹⁾ Статья Тотомьянца напечатана и по-русски подъ болѣе подходящимъ содержанію ея заглавіемъ «Экономическое положеніе рабочаго класса въ Россіи» въ апрѣльской книжкѣ «Образованія». Цитированныя нами строки выброшены, однако, изъ русскаго текста.

рыхъ полностью опущено описаніе сіонистскаго движенія и «Бунда», и къ финнамъ, о рабочемъ движеніи которыхъ не говорится ни слова. Относительно лучше охарактеризованы партія армянскія.

Если, такимъ образомъ, крайнія теченія въ русскомъ обществѣ въ общемъ недостаточно освѣщены въ рецензируемой книгѣ, то движенія и настроенія либеральной интеллигенціи и наиболѣе тѣсно связанныя съ нею стороны русской жизни изложены въ ней весьма полно и хорошо. Проф. Е. Трубецкой, въ главѣ объ университетскомъ вопросѣ, подробно описываетъ (отчасти на основаніи нелегальныхъ матеріаловъ) исторію студенческихъ волненій, начиная съ 1881 г., и объясняетъ значеніе ихъ, конечно, съ умѣренно-либеральной точки зрѣнія. Замѣтимъ только, что онъ обычнымъ днемъ студенческихъ демонстрацій ошибочно называетъ 3 ноября, какъ день казни Балмашева, повѣшеннаго притомъ не 3 ноября. В. Голубевъ въ прекрасной статьѣ о земствѣ, вполне оправдывающей нѣсколько рекламную характеристику его въ объявленіи о настоящей книгѣ, какъ «лучшаго знатока земства», даетъ полный очеркъ борьбы между земствомъ и правительствомъ. Въ блестящей главѣ о женщинахъ Амфитеатровъ подчеркиваетъ роль, сыгранную женщинами въ русскомъ революціонномъ движеніи и вкратцѣ знакомитъ съ нѣкоторыми дѣятельницами его—Бардиной, Лешернъ, Перовской, Фигнеръ, Гинсбургъ и др. В. Набоковъ и Москвичъ (псевдонимъ) даютъ яркія картины—первый примѣненія у насъ административныхъ каръ, второй—дѣятельности полиціи. Статья Н. Чехова даетъ достаточное понятіе о ненормальномъ положеніи у насъ народнаго образованія.

Отмѣтимъ еще главу о крестьянскомъ вопросѣ Корнилова, который вкратцѣ охарактеризовалъ въ исторіи его и дѣятельность народниковъ 70-хъ годовъ и землевольцевъ, а также главу о деревнѣ А. Новикова, предвѣщающаго близость кровавой борьбы деревни противъ царскаго войска. Статьи Розанова о церкви и Бенуа объ искусствѣ въ Россіи никакого общественнаго интереса не представляютъ.

Въ общемъ изданіе Мельника, несомнѣнно, принесетъ значительную пользу въ смыслѣ ознакомленія съ Россією иностранцевъ, да и для многихъ русскихъ могло бы быть небезполезнымъ. Интересно было бы и на русскомъ языкѣ издать подобную же книгу.

Б. В.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Адоल्фо Росси. Движеніе въ Сициліи. Издан. „Колоколь“. СПБ. 1906 г. ц. 25 к.

Октавъ Мирбо. Дурные пастыри. Драма въ 5 дѣйст. Издан. „Колоколь“. М. 1906 г. ц. 10 к.

Станиславъ (А. Вольскій). Къ вопросу о націонализациі земли. Изд. „Колоколь“ СПБ. 1906 г. ц. 25 к.

М. Батыревъ. Что такое бюрократія? Изд. „Колоколь“. М. 1906 г. ц. 4 к.

А. Блюмъ. Какая свобода нужна рабочему классу. Издат. „Колоколь“. Москва, 1906 г. ц. 10 к.

К. Каутскій. Бернштейнъ и социаль-демократическая программа. Издан. „Колоколь“. СПБ. 1906 г. ц. 50 к.

В. Я. Канель. Фабричная медицина и бюрократія. Издан. „Колоколь“. Москва. 1906 г. ц. 8 к.

Минаевъ. Восьмичасовой рабочій день. Издан. „Колоколь“, СПБ. 1906 г. ц. 10 к.

Кампфмейеръ. Социаль-демократія при свѣтѣ исторіи культуры. Изд. „Колоколь“. СПБ. 1906 г. ц. 20 к.

Перев. М. Переса. Объ анархизмѣ. Издан. „Колоколь“. СПБ. 1906 г. ц. 15 к.

П. Лафаргъ. Трудъ и Капиталь. Издан. „Колоколь“. СПБ. 1906 г. ц. 25 к.

Э. Марксъ. Классовое рабочее движеніе въ Англіи. Изд. „Колоколь“. СПБ. 1906 г. ц. 10 к.

М. Таганскій. Демократическая республика и Новая Зеландія. Издан. „Колоколь“. СПБ. 1906 г. ц. 5 к.

В. Либкнехтъ. Изъ исторіи Германіи XIX в. Издан. „Колоколь“. Москва. 1906 г. ц. 25 к.

Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Издан. „Колоколь“. Москва. 1906 г. ц. 20 к.

Минаевъ Изъ исторіи рабочаго класса. Издан. „Колоколь“. Москва. 1906 г. ц. 10 к.

Гере. Три мѣсяца рабочимъ на фабрикахъ. Изд. „Колоколь“. Москва, 1906 г. ц. 40 к.

Люсьенъ Декавъ. Фленго. Майскія воспоминанія 1871 г. Издан. „Колоколь“. Москва. 1906 г. ц. 3 к.

Л. Толстой. Царство Божіе внутри васъ. Томъ I. Издан. „Русскаго Свободнаго Слова“. СПБ. 1906 г. ц. 50 к.

Е. Тарле. Роль студенчества въ революціонномъ движеніи въ Европѣ въ 1848 г. издан. „Свободный Трудъ“. СПБ. 1906 г. ц. 8 к.

Э. Геккель. Міровыя загадки. Изд. „Мысль“. СПБ. 1906 г. ц. 80 к.

П. Гуревичъ. Роль интеллигенціи въ современномъ рабочемъ движеніи, Изд. „Товарищъ“. ц. 4 к.

П. Гуревичъ. Почему нѣтъ сильной С. Д. въ свободной Америкѣ? Изд. „Товарищъ“. ц. 8 к.

Рунича. Письма. Изд. Имп. О-ва Исторіи. Москва. 1905 г.

Титовъ. Одинъ изъ заключенныхъ въ Суздальской крѣпости. Москва.

„Крестьянское Дѣло“. Непериодическое изданіе Симферопольск. комитета партіи социалистовъ-революц. 20 мая 1906 г. № 1,

„Отклики Народной Борьбы“. Изданіе неперіодическое Симфероп. комитета партіи социал.-революціон. 1-го іюня 1906 г. № 8.

Прокламація къ крестьянамъ крымскаго союза р. с.-д. р. п. Май, 1906 г.

Солдатская памятка. Изданіе военной организациі партіи социал.-революціонеровъ. № 1.

Прокламація Ялтинскаго комитета р. с.-д. р. партіи на татарскомъ языкѣ. Ялта. 1906 г.

Отчетъ общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ за 1896 г. СПб.

„Южный Рабочій“. Издан. р. с.-д. р. партіи. 1902 г. № 10

Прокламація Петербур. комитета с. р. партіи. Апрѣль, 1906 г.

Прокламація областного комитета центральной области партіи социал.-революціонеровъ.

Прокламація къ рабочимъ. Изданіе „Раб. партіи политическ. освобожденія Россіи“.

„Военный Листокъ“. Изданіе военной организациі Симферопол. гарнизона партіи с.-р. 15 іюня 1906 г.

Прокламація Читинскаго комитета р. с.-д. р. п. № 7.

Волкъ-оборотень или зубатовская политика. Изданіе СПб. комитета р. с.-д. р. п. Мартъ, 1903 г.

„Летучій листокъ революціонной Россіи“. Изданіе СПб. комитета партіи с.-р. Февраль, 1903 г.

Открытое письмо группѣ летучаго листка. Изданіе кружка народовольцевъ. СПб. 20 марта.

Рѣчь ткача Петра Алексѣева. Изданіе социаль-демократической группы „Практическая Работа“. Лондонъ. 1905 г.

„Извѣстія московскаго совѣта рабочихъ депутатовъ“. 9 декабря 1905 г.

Рѣчь Власова. Изданіе Самарскаго комитета партіи соц.-революціонеровъ.

Трудящимся о Государственной Думѣ. Изданіе поволжскаго областного комитета п. с.-р. Іюнь 1906 г.

Прокламація къ солдатамъ. Изданіе Самарскаго комитета п. с.-р. Іюнь 1906 г.

„Красное Знамя“. 4 іюня 1906 года. Изданіе нѣмецкаго и бутырскаго районовъ п. соц.-революціонеровъ.

Современная лѣтопись.

Въ теченіе іюня газетами зарегистрированы нижеслѣдующіе судебныя приговоры по политическимъ дѣламъ и смертныя казни:

1) Въ Ригѣ, 1 іюня, временнымъ военнымъ судомъ закончено слушаніемъ дѣло о стрѣльбѣ по батальону вяземскаго полка въ минувшемъ декабрѣ. Изъ семи обвиняемыхъ Робертъ Антоновичъ *приговоренъ къ смертной казни*, остальные оправданы.

2) Въ Варшавѣ, 3 іюня, смертную казнь, назначенную приговоромъ военнаго суда политическимъ преступникамъ Новаковскому, Вейнеровичу, Ярошевскому и Доманскому, варшавскій генераль-губернаторъ замѣнилъ ссылкой въ каторжныя работы, перваго—на 20, а остальныхъ на 15 лѣтъ.

3) Въ Одессѣ, 7 іюня, военный судъ приговорилъ къ *смертной казни черезъ разстрѣлианіе* К. Чечкина, П. Лобеева, Н. Менцгана и М. Гетта за разбойное нападеніе съ оружіемъ въ рукахъ на магазинъ, сопровождавшееся грабежомъ. Постановлено ходатайствовать передъ командующимъ войсками о смягченіи ихъ участи.

4) Въ Варшавѣ, 8 іюня, въ военномъ судѣ разсматривалось 6 и 7 іюня дѣло о мѣщанахъ Файбисякѣ, Кимельманѣ, Пудловскомъ и Громовѣ, обвиняемыхъ въ умышленномъ убійствѣ стражника. Признавъ всѣхъ виновными, судъ *приговорилъ первыхъ трехъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе* и послѣдняго къ заключенію въ тюрьму на 10 лѣтъ.

5) Въ Кіевѣ, 8 іюня, военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло Раковца, Пастушенко и Костюка по обвиненію въ изготовленіи бомбъ для ниспроверженія существующаго строя, приговорилъ первыхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и четырехлѣтней каторгѣ, а третьяго къ восьми мѣсяцамъ тюрьмы.

6) Въ Поті, 9 іюня, на разсвѣтѣ *казненъ* Мигинейшвили, приговоренный военнымъ судомъ.

7) Въ Ташкентѣ, 9 іюня. Военнымъ судомъ въ Ходжентѣ, по дѣлу о безпорядкахъ въ прошломъ декабрѣ, въ понтонной ротѣ, присуждены одинъ къ безсрочной каторгѣ, нѣсколько—на 10 лѣтъ. Всѣхъ подсудимыхъ было 27.

8) Въ Орлѣ, 9 іюня. Въ Малоархангельскѣ по аграрному дѣлу изъ 97 обвиняемыхъ оправданы 28; остальные приговорены къ арестантскимъ ротамъ и къ тюремному заключенію на разные сроки.

9) 7—9 іюня выѣздная сессія с.-петербургской судебной палаты—совмѣстно съ сословными представителями—разсматривала въ г. Каргополѣ дѣло по обвиненію служащихъ Няндомской желѣзнодорожной станціи (ст. М.-Я.-Архангельской ж. д., въ предѣлахъ Олонецкой губ.) въ участіи въ декабрьской забастовкѣ.

На скамѣ подсудимыхъ заняли мѣсто 16 человѣкъ.

Судъ совѣщался болѣе 2-хъ часовъ, и на постановленные вопросы вынесъ такую резолюцію: инженеръ Спѣсивцевъ, начальникъ станціи Михайловъ, машинистъ Надіоновъ, смотритель зданій Козловъ, счетоводъ Елисѣевъ, слесарь Трескинъ—признаны судомъ виновными и подвергаются заключенію въ крѣпость на 2 мѣсяца, съ зачетомъ предварительнаго заключенія. Остальные обвиняемые оправданы.

10) Въ Кіевѣ, 10 іюня, въ военно-окружномъ судѣ разсматривалось дѣло подпоручика Иванова, приговореннаго ранѣе судомъ къ заключенію въ крѣпости на 2 года и къ исключенію изъ военной службы за отказъ вести солдатъ на Дальній Востокъ. Теперь Ивановъ обвинялся въ подговариваніи солдатъ не стрѣлять въ товарищей во время бунта 17 октября 1905 года и сочиненіи по этому поводу прокламаціи, которую онъ выбросилъ изъ окна крѣпости. Судъ призналъ Иванова виновнымъ и приговорилъ по совокупности преступленій къ заключенію въ крѣпости на 2 года съ лишеніемъ всѣхъ личныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и късылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

11) 12 іюня, во временномъ военномъ судѣ въ гор. Ригѣ слушалось дѣло *крестьянъ*: Домбровскаго, Богдана, Якубанца, Спиридовскаго и Жунда и мѣщанина Фридмана *по обвиненію и въ участіи въ креславской революціонной организаціи*, избравшей райономъ своей дѣятельности Курляндскую губернію. Дѣло было передано въ военный судъ на основаніи ст. 17 Положенія объ усиленной охранѣ.

Судъ призналъ обвиненіе недоказаннымъ и всѣхъ подсудимыхъ оправдалъ.

12) Въ Варшавѣ, 12 (25) іюня. Сегодня въ варшавской судебной палатѣ слушалось дѣло Тарковского и Кравчика, обвиняемыхъ въ распространеніи прокламацій среди войскъ, и Ольшика, обвиняемаго въ подстрекательствѣ къ бунту. Первые оба приговорены съ зачетомъ предварительнаго ареста, послѣдній оправданъ.

13) Въ Кременчугѣ, 13 іюня, временный военно-окружный судъ приговорилъ крестьянина Гавриленко, обвинявшагося въ покушеніи на убійство стражника Келеберде, въ Кременчугскомъ уѣздѣ, въ мартѣ текущаго года, къ *смертной казни черезъ повѣшеніе*. Генераль-губернаторъ смягчилъ приговоръ: казнь замѣнена шестью годами каторги.

14) 13 іюня. Приговоръ военно-окружного суда по дѣлу объ убійствѣ директора путиловскаго завода Назарова смягченъ командующимъ войсками петербургскаго округа. *Смертная казнь Котлову замѣнена 15-лѣтней каторгой; Тимофееву—15-лѣтняя каторга замѣнена—5-лѣтней, всѣмъ остальнымъ осужденнымъ смертная казнь замѣнена каторгой на различные сроки.*

15) Въ Варшавѣ, 14 іюня, варшавскимъ военнымъ судомъ пригово-

рены къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ Малановичъ и Залевскій, за вооруженное нападеніе на фабрику Ротмиля.

16) Въ Ригѣ, 14 іюня, въ главномъ военномъ судѣ разсматривалась *кассационная жалоба по дѣлу 36*, по которому, какъ извѣстно, *семь человекъ приговорены къ смертной казни*, а остальные къ каторгѣ на различные сроки.

Главный военный судъ постановилъ: приговоръ отмѣнить и передать дѣло въ виленскій военно-окружный судъ для новаго разсмотрѣнія.

17) Въ Алешкахъ (Таврич. губ.), 14 іюня, окружнымъ судомъ съ сословными представителями разсмотрѣно первое аграрное дѣло. Изъ обвиняемыхъ трое приговорены къ заключенію въ арестантскихъ отдѣленіяхъ на годъ и трое къ заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ.

18) Въ Кельцахъ, 14 іюня, особое присутствіе варшавской судебной палаты, рассмотрѣвъ дѣло Циховскаго и Дацука, обвиняемыхъ въ распространеніи прокламацій среди войскъ, приговорило ихъ къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

Квапишъ, обвиняемый въ распространеніи прокламацій о забастовкахъ, приговоренъ къ тюрьмѣ на три мѣсяца съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

По дѣлу о сопротивленіи военной командѣ, при разсѣяніи скопища, 7 подсудимыхъ оправданы.

19) Въ Митавѣ, 15 іюня, митавскій военный судъ *приговорилъ къ повѣшенію* Аунса; послѣдній съ бандой явился въ имѣніе барона Гана, угрозами принудилъ прислугу указать мѣстонахожденія желѣзнаго шкафа, взломалъ его и поджегъ барскій домъ. Судъ возбудилъ ходатайство о замѣнѣ смертной казни каторгой.

20) Въ Варшавѣ, 14 іюня, варшавскій военный судъ, рассмотрѣвъ дѣло о девяти мѣщанахъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ нападеніи и ограбленіи усадьбы въ сокольскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, приговорилъ Осташевскаго Осипа, Онихимюка Владислава, Боровскаго Ивана, Савицкаго и Калиновскаго къ *смертной казни черезъ повѣшеніе*; Петра Онихимюка, Годлевскаго и Августиновича къ *ссылкѣ въ каторжные работы на 15 лѣтъ*.

21) Въ Кѣльцахъ, 15 іюня, особое присутствіе судебной палаты, рассмотрѣвъ дѣло запаснаго унтеръ-офицера Кржижкевича, обвиняемаго въ подстрекательствѣ нижнихъ чиновъ къ неисполненію требованій военнаго начальства, приговорило его къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ съ зачетомъ полностью предварительнаго содержанія подъ стражей.

22) Въ Харьковѣ, 15 іюня, въ 10 ч. утра, при закрытыхъ дверяхъ, военный судъ подъ предѣтельствомъ г.-м. Креховецкаго началъ слушаніемъ дѣло о вооруженномъ нападеніи четырехъ лицъ на мѣстное отдѣленіе волжско-камскаго банка съ цѣлью грабежа. Эти лица слѣдующія: гимназисты Галкинъ, 18 лѣтъ, и Коваленко, 18 лѣтъ, ученикъ реального училища Ушацкій, 18 л., студентъ-технологъ Новожиловъ 20 л. и служащій банка Крутовъ 19 лѣтъ. Послѣдній обвинялся въ соучастіи.

16 іюня, военный судъ, рассмотрѣвъ дѣло, оправдалъ Крутова и

приговорилъ остальныхъ четырехъ обвиняемыхъ къ каторжнымъ работамъ на 6 лѣтъ 8 мѣсяцевъ cadaго. Приговоръ будетъ представленъ генералъ-губернатору.

23) Въ Варшавѣ, 16 іюня, въ цитадели приведенъ въ исполненіе приговоръ военно-окружнаго суда, приговорившаго крестьянина Ивана Папая, обвиненнаго къ убійствѣ, *къ смертной казни черезъ повѣшеніе.*

24) Въ Кременчугѣ, 15 іюня, кіевскій военно-окружный судъ, рассмотрѣвъ дѣло крестьянина Агейкина, и мѣщанина Абрамова по обвиненію въ принадлежности къ тайному сообществу, имѣющему цѣлью ниспроверженіе существующаго строя, и въ храненіи рецептовъ взрывчатыхъ веществъ, приговорилъ къ лишенію правъ и къ каторжнымъ работамъ Агейкина на четыре года и Абрамова на годъ восемь мѣсяцевъ.

25) Въ Вильнѣ, 16 іюня, военно-окружный судъ, рассмотрѣвъ дѣло унтеръ-офицера Гордѣева, обвинявшагося въ неисполненіи приказанія своего начальника и оскорбленіи его на словахъ, приговорилъ къ заключенію въ военной тюрьмѣ на три мѣсяца.

26) Въ Радомѣ, 17 іюня, особое присутствіе варшавской судебной палаты приговорило Лалека, за возбужденіе нижнихъ чиновъ къ неисполненію обязанностей, къ заключенію на годъ въ крѣпости, съ зачетомъ предварительнаго заключенія. Бржозовскій, обвинявшійся въ участіи въ скопищѣ, оправданъ.

27) Въ Тифлисѣ, 18 іюня, военно-окружный судъ, рассмотрѣвъ дѣло пяти татаръ, обвиняемыхъ въ ограбленіи и нанесеніи смертельныхъ ранъ помѣщику Агасарову, а также въ вооруженномъ сопротивленіи разъѣздной командѣ, *приговорилъ* персидскаго подданнаго Ширалія и крестьянина Мамеда Мустафа-оглы *къ смертной казни.* Трое подсудимыхъ оправданы.

28) Въ Кременчугѣ, 18 іюня, рядовой Курпикъ за разбой и убійство двухъ городовыхъ *приговоренъ* военно-окружнымъ судомъ *къ смертной казни черезъ повѣшеніе.*

29) Въ Кременчугѣ, 19 іюня, военно-окружный судъ, рассмотрѣвъ дѣло о нижнихъ чинахъ Мухинъ и Наливайко, обвинявшихся въ буйствѣ, неотданіи чести офицерамъ и неповиновеніи начальству, приговорилъ ихъ къ отдачѣ въ дисциплинарный батальонъ на 2 года.

30) Въ Саратовѣ, 19 іюня, мѣщанинъ Аргуновъ за принадлежность къ сообществу, поставившему цѣлью ниспроверженіе существующаго строя, и за устройство въ квартирѣ тайной типографіи приговоренъ судебной палатой къ заключенію въ крѣпость на 2 мѣсяца и 10 дней.

31) Въ Варшавѣ, 20 іюня, варшавскій окружный военный судъ, послѣ трехдневнаго разбора дѣла по обвиненію 20 лицъ комитета военно-революціонной организаціи, вынесъ резолюцію, осудивъ Богоцкаго и Петренко къ четыремъ годамъ каторги, Писаревскаго съ женой, офицера Фріауфа, солдатъ—Золотухина, Періазева, Княжинскаго и Соколова—на вѣчное поселеніе съ лишеніемъ правъ,—Амбарцу-Аветьянца, Галамея къ заключенію въ крѣпости на три года, рабочаго Чепкевича, Ронжеса на полтора года, Ратнера на годъ и четыре мѣсяца съ зачетомъ всѣмъ отбывшихъ уже въ тюрьмѣ восьми мѣсяцевъ. Освобождены Длуголенская-Аронкова, Комарова, офицеръ Александръ Фріауфъ и Гершгорнъ.

32) Въ Либавѣ, 20 іюня, въ крѣпости *приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ Германомъ Марковскимъ, приговореннымъ рижскимъ военнымъ судомъ къ смертной казни.*

33) Въ Варшавѣ, 20 іюня, варшавскій военный окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло крестьянина Качаровскаго и признавъ его виновнымъ въ убійствѣ стражника Несвѣтлова, *приговорилъ Качаровскаго къ смертной казни чрезъ повѣшеніе.*

34) Въ Кременчугѣ, 20 іюня, приговоренному военнымъ судомъ за покушеніе на убійство желѣзнодорожнаго сторожа къ четыремъ годамъ восьми мѣсяцамъ каторги Сидоренко генераль-губернаторъ смягчилъ приговоръ до двухъ лѣтъ арестантскихъ отдѣленій.

35) Въ Кременчугѣ военнымъ судомъ за распространеніе нелегальной литературы и прокламацій приговорены къ заключенію въ крѣпости Епштейнъ на 6 мѣсяцевъ, Гуревичъ и Животовская на 2 мѣсяца съ зачетомъ времени, проведеннаго въ тюрьмѣ. Обвиняемые послѣ суда освобождены.

36) Въ Саратовѣ, 20 іюня, крестьянинъ Козловъ, обвинявшійся въ покушеніи на бывшаго саратовскаго губернатора, нынѣ министра внутреннихъ дѣлъ, Столыпина, оправданъ палатой. Дѣло слушалось при открытыхъ дверяхъ.

37) Въ Митавѣ, 21 іюня, митавскій военный судъ *приговорилъ къ смертной казни 5 человекъ* изъ числа крестьянъ, устроившихъ въ ноябрѣ прошлаго года нападеніе изъ засады на слѣдовавшій черезъ лѣсъ драгунскій разъѣздъ. причемъ были ранены корнетъ Миллеръ и двое драгунъ.

38) Въ Полтавѣ, 21 іюня, временнымъ военнымъ судомъ рассмотрѣно дѣло семнадцати нижнихъ чиновъ Грайворонскаго полка, подавшихъ коллективную жалобу на ротнаго командира Яськова за грубое съ ними обращеніе и просьбу о его удаленіи. Всѣ обвиняемые признаны виновными и приговорены къ лишенію нѣкоторыхъ правъ, переводу въ разрядъ штрафованныхъ и заключенію въ военную тюрьму на срокъ отъ четырехъ до двухъ мѣсяцевъ.

39) Въ Баку, 22 іюня, военнымъ судомъ *приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе* Агамовъ и Данильянцъ за убійство городского. Приговоръ представленъ на усмотрѣніе генераль-губернатора.

40) Въ Варшавѣ, 22 іюня, варшавскій военно-окружный судъ, рассмотрѣвъ дѣло о крестьянинѣ Николаѣ Стаквисѣ, призналъ его виновнымъ въ вооруженномъ сопротивленіи полиціи при исполненіи обязанностей и постановилъ сослать Стаквиса въ каторжныя работы на 6 лѣтъ.

41) Въ Кіевѣ, 29 іюня, военно-окружный судъ приговорилъ рядового охотскаго полка Воронина за распространеніе въ войскахъ сужденій, возбуждающихъ воинскихъ чиновъ къ нарушенію обязанностей службы, къ ссылкѣ на поселеніе, съ лишеніемъ правъ состоянія и военного званія.

42) Въ Рязани, 22 іюня, въ рязанскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось много шумѣвшее здѣсь дѣло о восьми крестьянахъ села Вышгорода, Рязанскаго уѣзда, обвинявшихся въ участіи въ публичномъ скопищѣ, разгромившемъ 12 ноября прошлаго года двѣ лавки въ селѣ Вышгородѣ. Защищали обвиняемыхъ присяжный

повѣренный Шиловскій и помощникъ его Леоновъ; свидѣтельскими показаніями и защитой выяснено, что одинъ обвиняемый во время разгрома даже и не находился въ Вышгородѣ, и что статья 269 уложенія примѣнена къ обвиняемымъ неправильно. Судъ послѣ двухчасового совѣщанія вынесъ всѣмъ подсудимымъ оправдательный вердиктъ. Обвинявшіеся отсидѣли три съ половиной мѣсяца въ тюрьмѣ.

43) Въ Казани, 23 іюня, судебная палата, разсмотрѣвъ 4 политическихъ дѣла, приговорила студента Орлова, обвинявшагося по 126 и 132 статьямъ уголовного уложенія, къ заключенію въ крѣпости на годъ безъ лишенія правъ и съ зачетомъ 6 мѣсяцевъ, проведенныхъ въ тюрьмѣ. Крестьянинъ Исаковъ, обвинявшійся въ распространеніи прокламаций оправданъ. Дѣла о Питеркинѣ и Очарковѣ отложены. Последняго постановлено освободить отъ стражи подъ залогъ 200 рублей.

44) Въ Полтавѣ, 23—іюня. Въ Пирятинѣ слушалось въ особомъ присутствіи Лубенскаго окружного суда дѣло о разгромѣ крестьянами имѣнія Шульца. Изъ 23 обвиняемыхъ 18 оправданы, пять приговорены къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и восьмимѣсячному тюремному заключенію съ отдачей затѣмъ на два года подъ надзоръ полиціи.

45) Въ Варшавѣ, 23 іюня, военно-окружный судъ *приговорилъ мѣщанина Вальческаго къ смертной казни чрезъ повѣшеніе за вооруженное нападеніе и ограбленіе казенной винной лавки въ посадѣ Адамовѣ, Луковского уѣзда.*

46) Въ Рыльскѣ, 24 іюня, сумскимъ окружнымъ судомъ оправданы крестьяне, обвинявшіеся въ сопротивленіи властямъ во время обыска у учителя Волкова. Администрація оправданныхъ опять заключила въ тюрьму и высылаетъ на нѣсколько лѣтъ въ Вологодскую губ.

47) Въ Чигиринѣ, 28 іюня, слушалось погромное дѣло восемнадцати обвиняемыхъ. Приговорены одинъ къ арестантскимъ ротамъ на годъ, восемь къ восьмимѣсячному тюремному заключенію, остальные оправданы.

48) Въ Тифлисѣ, 25 іюня. Въ военно-окружномъ судѣ закончилось разсмотрѣніемъ дѣло о 27 нижнихъ чинахъ мингрельскаго полка, обвинявшихся въ мятежѣ. Резолюція объявлена относительно 22, изъ которыхъ 9 оправданы, 7 приговорены въ арестантскія роты отъ 1 до 3 лѣтъ, остальные къ заключенію въ военной тюрьмѣ и аресту отъ 20 дней до 6 недѣль.

49) Въ Новочеркасскѣ, 27 іюня. Изъ судившихся въ станицѣ Каменской за участіе въ аграрныхъ безпорядкахъ крестьянъ 10 оправданы 13 приговорены къ тюремному заключенію на сроки до 6 мѣсяцевъ.

50) Въ Ревелѣ, 28 іюня кассационная жалоба крестьянина Гольдберга, приговореннаго вторично къ смертной казни за покушеніе на убійство городского, уважена прибалтійскимъ генераль-губнаторомъ.

51) Въ Варшавѣ, 29 іюня, военно-окружный судъ *приговорилъ* крестьянъ Войцеховскаго и Шубу, мѣщанъ Яворскаго, Шалиборскаго и Піорункевича—всего 5 человекъ, *къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, за убійство начальника уѣзда Юноцкевича.*

52) Въ Ригѣ генераль-губернаторъ замѣнилъ смертную казнь осужденному рижскимъ военнымъ судомъ за стрѣльбу въ патруль Анто-

новичу каторжными работами на 15 лѣтъ. Кассационная жалоба Антоновича не уважена.

53) Изъ Владивостока сообщаютъ, что въ с. Спасскомъ военнымъ судомъ разбиралось дѣло по обвиненію 118 нижнихъ чиновъ владивостокской артиллеріи въ участіи въ происходившемъ тамъ 11 января вооруженномъ возстаніи. Военнымъ судомъ 7 человекъ приговорены къ смертной казни, причемъ постановлено ходатайствовать предъ ген. Гродековымъ о смягченіи наказанія; 30 человекъ оправданы, всѣ же остальные присуждены къ каторжнымъ работамъ и арестантскимъ ротамъ на разные сроки.

54) Приговоръ по дѣлу мѣщанина И. Фридмана, крестьянъ: Ст. Домбровскаго, В. Богдала, Якубанца, Спиридовскаго и Жунда, обвинявшихся на основаніи 117 ст. и 279 ст. ХХІІ кн. св. в. п. 1869 г., изд. третье, неожиданно опротестованъ. Всѣ эти лица 10 іюня были оправданы рижскимъ военнымъ судомъ по всѣмъ статьямъ и, такимъ образомъ, избѣгли смертной казни.

55) Изъ Варшавы телеграфируютъ: „Кассационныя жалобы защитниковъ четырехъ участниковъ нападенія на гминную кассу въ Вискитномъ, приговоренныхъ къ смертной казни, оставлены безъ послѣдствій. Такимъ образомъ, приведеніе въ исполненіе смертнаго приговора можетъ быть теперь остановлено только волею монарха“.

Приговоры по литературнымъ дѣламъ и преслѣдованія печати въ теченіе іюня мѣсяца:

1) Определеніемъ судебной палаты утвержденъ наложенный комитетомъ по дѣламъ печати арестъ на произведеніе „Амністія“, конфискованное до выхода въ свѣтъ въ типографіи г. Шака по Загородному пр. 21. Содержатель типографіи и издатель этого произведенія г. Мовшензонъ привлекаются къ отвѣтственности по 1 ч. 103, 107, 128 и 4 п. 129 ст. угол. уложенія.

2) Судебной палатой приостановлены слѣдующія изданія: 1) „Народный Вѣстникъ“ за напечатаніе въ №№ 11 и 12 статей: „Вопль Грузіи“, „Мысли социалиста вслухъ“ и др.; къ редактору г. Корнильеву предъявлено обвиненіе по 103 и 4 п. 129 ст. угол. улож. и 6 ст. VIII отд. врем. прав. о печати; 2) „Извѣстія крестьянскихъ депутатовъ“ за напечатаніе въ №№ 3, 4 и 5 статей: „Стѣна“, „О звѣздной палатѣ“, „Военная хитрость“ и др.; редакторъ г. Бондаревъ привлекается къ отвѣтственности по 2 ч. 103 и 1 и 5 пп. 129 ст. угол. улож. и 281 ст. улож. о наказ. и 3) издающаяся въ Ригѣ латышская газета „Atbalss“ за напечатаніе въ № 9 корреспонденціи: „Изъ имѣнія Умурга“; редакторъ г. Апсиль привлекается къ отвѣтственности по 103 ст. угол. улож.

3) Въ Полтавѣ, 1-го іюня конфисковано вышедшее въ большомъ ко-

личествъ прибавленіемъ къ „Колоколу“ воззваніе рабочихъ лекутатовъ ко всѣмъ рабочимъ.

4) Рано утромъ, 2-го іюня, въ типографію В. К. Агафонова, гдѣ печатается газета „Голосъ“, явилась полиція съ цѣлью *конфискаціи перваго номера газеты*. Ни въ типографіи, ни въ конторѣ газеты ни одного номера, однако, уже не оказалось. Полиціи пришлось ограничиться составленіемъ соотвѣтственнаго протокола.

5) Въ Каменецъ-Подольскѣ, 2-го іюня, номеръ „Подольскаго Края“ конфискованъ за напечатаніе обращенія члена Государственной Думы Ковалевскаго о приостановкѣ смертной казни.

6) Въ Полтавѣ, 8-го іюня, послѣ пяти конфискацій, газета „Колоколь“ по распоряженію администраціи совершенно закрыта.

Редакторъ закрытой газеты „Колоколь“ студентъ Герасимовъ ночью арестованъ.

7) Въ Полтавѣ, 8 іюня, къ редактору „Полтавщины“ Ярошевичу предъявлено обвиненіе по 129 ст. ул. о нак., въ возбужденіи войскъ къ неповиновенію начальству.

8) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлекается къ отвѣтственности по 3 п. 129 ст. угол. улож. редакторъ журнала „Земля и Народъ“ г. Громанъ за напечатаніе приложенія къ № 1 журнала «Всероссійская крестьянская партія»,—заключающаго въ себѣ постановленія крестьянскаго союза.

Опредѣленіемъ судебной палаты № 13 газета „Народный Вѣстникъ“ *отъ ареста освобожденъ*.

9) Возбужденное главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности редактора газеты „Дума“ г. Винберга по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 25 статья „Въ Государственной Думѣ“—судебной палатой оставлено *безъ удовлетворенія*, и номеръ этотъ отъ ареста освобожденъ.

Прокуроромъ судебной палаты *опротестованъ* въ сенатъ приговоръ судебной палаты отъ 30 мая *по дѣлу о редакторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“*, С. М. Пропперъ, и секретарѣ редакціи А. Е. Кауфманъ, согласно котораго они были оправданы за напечатаніе телеграммы и воззванія московскаго центрального бюро почтово-телеграфнаго союза.

По ходатайству двинскаго полицеймейстера главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ *отвѣтственности редактора „Биржевыхъ Вѣдомостей“* за напечатаніе въ №№ 30, 32 и 35 завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ полицейскихъ чиновъ г. Двинска.

10) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 8-го іюня возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи слѣдующихъ лицъ:

1) Редактора-издателя газеты „Впередъ“ М.-Л. И. Страсунскаго по п. в. ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года, п. 1 ст. 129 угол. улож. и п. г. ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года, съ примѣненіемъ къ № 12 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 2) редактора-издателя газеты „Голосъ“ члена Государственной Думы М. А. Меркулова по пп. в. и г. ст. отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года, по п. 1 ст. 129 угол. улож., по ст. 6 отд. VIII закона

24-го ноября 1905 года, по п. 5 ст. 129 уголов. улож. и ст. 103 ч. 1 того же уложения, съ примѣненіемъ къ № 15 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 3) редактора газ. „Дума“ А. В. Винберга, по п. в. ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года; 4) редакт. журнала „Земля и Народъ“, пранорщика запаса С. Г. Громана, по п. 3 ст. 129 уголовн. улож., съ примѣненіемъ къ № 1 означеннаго журнала и къ приложенію къ нему подъ заглавіемъ „Всероссійская крестьянская (земледѣльческая) партія“ п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 5) редактора-издателя газеты „Курьеръ“, потомственнаго почетнаго гражданина С. И. Цедербаума по п. 1 ст. 129 уголов. улож., съ примѣненіемъ къ № 20 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 6) редактора газеты „Наша Жизнь“ К. И. Диксона, по п. в. ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года; 7) редактора газеты „Призывъ“, окончившаго спеціальныя классы Лазаревского института Ф. М. Азнаурова, по пп. в. и г. ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года, по п. 1 ст. 129 угол. улож., по ст. 6 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года и по пп. 1 и 5 ст. 129 уголов. улож., съ примѣненіемъ къ № 100 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 8) редактора газеты „Реформа“, помощника присяжнаго повѣреннаго О. Е. Бужанскаго, по п. в. ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года; 9) редактора газеты „Русскій Набатъ“, окончившаго спеціальныя классы Лазаревского института Ф. М. Азнаурова, по п. 1 ст. 129 уголов. улож., по пп. в. и г. ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года и пп. 1 и 5 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 3 п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 10) редактора газеты „Рѣчь“ помощника присяжнаго повѣреннаго О. Е. Бужанскаго, по п. в. ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года; 11) редактора газеты „Современная Жизнь“ отвѣстнаго губернскаго секретаря А. Е. Зарина, по ст. 103 уголов. улож. и п. 1 ст. 120 того же улож., съ примѣненіемъ къ № 121 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года и 12) редактора-издателя газеты „Трудовая Россія“ члена Государственной Думы О. М. Онипко, по п. 1 ст. 129 уголов. улож., по ст. 6 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года, по пп. в. и г. ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года и п. 3 ст. 129 уголов. улож. съ примѣненіемъ къ № 6 вышеозначеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года.

11) Въ судебную палату поступило для разсмотрѣнія дѣло о редакторѣ журнала „Вѣсть“ г. Петрицевѣ, обвиняемомъ по 1, 2 и 5 пп. 129 ст. угол. улож., за напечатаніе въ № 5 журнала статей: „Крестьяне-крамольники“, „Севастополь“ и „Праздничный вечеръ“.

12) Определеніемъ судебной палаты прекращены возбужденныя главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати уголовныя преслѣдованія противъ редакторовъ газетъ: 1) „Военный Голосъ“ г. Шнеура по 5 п. 129 ст. угол. улож., за напечатаніе въ № 118 газеты извлеченій изъ помѣщенной въ газетѣ „Дѣло Народа“ статьи: „Слѣпое безуміе“, и 2) „Latwija“ г. Блаумана по 129 ст. угол. улож., за напечатаніе въ № 102 статьи „Хозяйство русскаго государства“.

13) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ „Наша Жизнь“

г. Диксона по 1 п. 129 ст. угол. улож., и п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII вр. прав. о печати, за напечатаніе въ № 465 резолюціи рабочихъ фабрикъ механическаго производстра (перепечатанной изъ газеты „Впередъ“ и статей о бѣлостокскомъ погромѣ: 2) „XX Вѣкъ“ г. Долгова по п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII вр. прав. о печати, за напечатаніе въ № 68 резолюціи соціально-политическаго клуба и о бѣлостокскомъ погромѣ и 3) журнала „Ясная Поляна“ г. Максимова по 3 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 3 сочиненія Л. Н. Толстого „Единственное средство“.

14) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 10 іюня возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи слѣдующихъ лицъ:

1) редактора-издателя газеты „Восходъ“ прис. пов. М. Г. Сыркина, по п. п. в и г ст. 5 отд. VII закона 24 ноября 1905 года и п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 23 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 2) редактора-издателя газеты „Впередъ“ М. Л. И. Струнскаго, по п. 5 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 14 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 3) редактора-издателя газеты „Голосъ“, члена Государственной Думы А. М. Меркулова, по ст. 103 ч. 2 угол. улож., по п. 1 ст. 129 того же уложенія и по ст. 128 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 17 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 4) редактора-издательницы журнала подъ названіемъ „Знаніе—сила, сила—знаніе“ дочери томскаго купца М. А. Малыхъ, по ст. 73 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 7—8 (май—1906 года) означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 г., 5) редактора-издателя газеты „Курьеръ“ пот. поч. гражд. С. І. Цедербаума, по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 22 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 6) редактора газеты „Призывъ“ Ф. М. Азнаурова, по п. г ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года и п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 102 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 7) его же, какъ редактора газеты „Русскій Набатъ“, по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 5 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года, и 8) редактора-издателя газеты „Трудовая Россія“, члена Государственной Думы Ѳ. М. Онипко, по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 8 означеннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года.

15) Въ Харьковѣ, 11 іюня, газета „Родная земля“ приостановлена генералъ-губернаторомъ за призывъ войскъ къ неповиновенію, выразившійся въ перепечаткахъ изъ столичныхъ газетъ о движеніи въ войскахъ.

16) Определеніемъ судебной палаты, состоявшимся 12 іюня, *приостановлены изданія газетъ* „Русскій Набатъ“ и „Впередъ“.

17) Въ Полтавѣ, 12 іюня, конфискованъ вышедшій послѣ двухнедѣльнаго перерыва соціаль - демократическій журналъ „Наканунъ“, Редакторшѣ журнала, Бергѣ Зеленской, предъявляется обвиненіе.

18) Въ Курскѣ, 13 іюня, полиція произвела обыскъ въ редакціи „Голоса Курска“, забрала рукописи, запечатала редакцію. Редакторъ Шуба скрылся.

19) Во Владивостокѣ, 13 іюня. За послѣднее время приходящіе сюда

изъ-за границы иностранныя газеты подвергаются строжайшей цензурѣ. не только покрываются краской цѣлые столбцы, но даже вырѣзываются цѣлыя страницы.

20) Въ Ромнахъ, 13 іюня, конфискованъ номеръ газеты „Свободное Слово“ за статьи „Удѣльныя земли“ и „Доходы царской семьи“.

21) *Возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи редакторовъ слѣдующихъ провинціальныхъ газетъ:*

„Колоколь“ въ Полтавѣ по п. п. 1 и 2 ст. 129 угол. улож. и п. 6 ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г., съ примѣненіемъ къ № 100 этой газеты п. а ст. 9 отд. VII того же закона; „Полтавщина“ (въ томъ же городѣ) по п. п. 1, 2 и 5 ст. 129 угол. улож. и п. 6 ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г.; „Могилевскій Голосъ“—(въ Могилевѣ-губ.) по 129 ст. угол. улож.; „Десна“—(въ Черниговѣ) по ст. 129; „Сѣверные Отклики“ (въ Ярославлѣ)—по п. 6 ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года; „Сѣверный Голосъ“—(въ томъ же городѣ) по ст. 128 угол. улож.; „Костромская газета“—(въ Костромѣ) по ст. 129 угол. улож.; „Голосъ Труда“ (въ Воронежѣ) по ст. 129 угол. улож.; съ примѣненіемъ къ № 1 газеты п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 г.; „Отклики Крыма“ (въ Симферополѣ) по п. п. 1, 2 3 и 5 ст. 120 угол. улож.; „Южная Народная Газета“ (въ томъ же городѣ), по ст. 128 и п. п. 1, 2 и 3 ст. 129 угол. улож. и ст. 281¹ улож. о нак.; „Жизнь Крыма“—(въ томъ же городѣ) по п. 2 ст. 129 угол. улож.; „Первый Лучъ“—(въ томъ же городѣ) по п. 2 ст. 129 угол. ул.; „Наканунъ“—(въ Керчи), по ст. 129 угол. улож.; „Полтавскія Думки“—(въ Полтавѣ), по п. 5 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 18 п. а ст. 6 отд. VII закона 24 ноября 1905 г.; „Курская Жизнь“—(въ Курскѣ), по ст. 129 уг. улож.; „Голосъ Курска“—(въ томъ же городѣ), по ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ №№ 21 23 и 24 этой газеты—п. а, ст. 9, отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; „Отголоски Жизни“—(въ Кіевѣ) по п. 2, ст. 281 улож. о нак.; „Молодая Жизнь“ журналъ (въ томъ же городѣ) по п. а, ст. 5, отд. VIII закона 24-го ноября 1905 г.; „Крымскій Курьеръ“—(въ Ялтѣ) по ст. 129 угол. улож.; „Боротьба“—(въ Кіевѣ), по п. п. 1, 2 и 5 ст. 129 угол. улож.; съ примѣненіемъ къ номеру газеты отъ 27-го мая п. а, ст. 9, отд. VII, закона 24-го ноября 1905 г.; „Брянскій Голосъ“—(въ Брянскѣ), по ст. 129 угол. улож.; „Тульская Жизнь“—(въ Тулѣ), по ст. 129 угол. улож.; „Клязьма“—(во Владимірѣ губ.) по п. 6 ст. 5 и ст. 6, отд. VII закона 24-го ноября 1905 г.; ст. 281¹ улож. о наказ. и по п. п. 1, 3 и 5 ст. 129 угол. улож.; „Новоторжскій Голосъ“ (въ Торжкѣ), по ст. 128 угол. улож.

Московскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи редакторовъ слѣдующихъ газетъ:

„Ремесленный Голосъ“—по ст. 129 угол. улож.; „Свѣточъ“—по ст. 104 и 129 угол. улож. и 1036 ст. улож. о наказ., съ примѣненіемъ къ № 17 этой газеты п. а, ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 г.; „Крестьянская Газета“—по ст. 129 угол. улож. и ст. ст. 281¹ и 1036 улож. о нак.; „Сѣверная Россія“—по ст. ст. 104 и 129 угол. улож.; „Современникъ“—по ст. ст. 128 и 129 угол. улож.; „Русское Слово“—по ст. 129 угол. улож.; „Народное Дѣло“—по ст. 129 угол. улож.; „Лѣтопись“—

по ст. 129 угол. улож. и журнала „Семь Дней“—по ст. 129 угол. уложенія.

22) 13 іюня, въ 9 ч. 30 м. вечера въ типографію г. Когана (Фонтанка 94), гдѣ печатался „Курьеръ“, явился усиленный нарядъ полиціи, во главѣ съ приставомъ Барачъ, и предъявили предписаніе г. с.-петербургскаго градоначальника о закрытіи и запечатаніи типографіи, что и было ими въ точности исполнено.

Газета пока еще не приостановлена.

23) Въ ночь съ 13 на 14 іюня въ типографію Вейсберга и Гершунина нагрянула полиція и въ отсутствіи владѣльцевъ типографіи произвела тщательный обыскъ, но ничего крамольнаго не нашла. Тогда она направилась въ рядомъ находящуюся переплетную Лидскаго, гдѣ также въ отсутствіи хозяина конфисковала 700 экз. журнала „Мірское Дѣло“.

24) Во Полтавѣ, 13 іюня, конфискованъ номеръ социаль-демократической газеты „Полтавскій Работникъ“. Въ виду систематическихъ конфискацій газеты, редакція объявила ее закрытой.

25) Въ Уфѣ, 13 іюня, прокуроръ предложилъ наложить арестъ на номеръ „Уфимскаго Вѣстника“, вышедшій 24 мая, и приостановить изданіе. Окружной судъ это предложеніе оставилъ безъ разсмотрѣнія по существу, находя, что приостановка изданія можетъ слѣдовать одновременно съ предложеніемъ о составленіи обвинительнаго акта,

26) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Страна“ М. М. Ковалевскаго и И. И. Иванюкова по пп. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 92 статьи „С.-Петербургскій клубъ о погромѣ“, 2) латышской газеты „*Peterburgas Atbalsis*“ г. Юрьянса по 1, 2 и 3 пп. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ №№ 12, 13, 14, 15 и 16 этой газеты статей: „Пролетаріатъ и его конечныя цѣли“ и „Объединительный съѣздъ р. с.-д. р. п.“; журналовъ: 1) „Неделя“ г. Битнера по 73 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 15 статьи „Разрушеніе ада и его возстановленіе“ и 2) „Народный листокъ“ г. Магалифа по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 1 статей: „Въ думѣ и внѣ думы“, „Отвѣтственность министерства“, „Объединительный съѣздъ р. с.-д. р. п.“ и „Post festum“.

27) Определеніемъ судебной палаты утверждены аресты на брошюры 1) „Правительство, дума и революція“, напечатанную въ типографіи М. С. Персона и 2) „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“, изд. „Молотъ“, типогр. „Трудъ“. Виновыя въ изданіи и печатаніи этихъ брошюръ привлекаются къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. угол. улож. Комитетъ по дѣламъ печати наложилъ арестъ на брошюру: „К. Каутскій. Русскій и американскій рабочій. Предисловіе и редакція А. И. Луначарскаго“, какъ заключающую въ себѣ признаки 128 ст. угол. улож.

28) Судебной палатой утвержденъ арестъ на № 5 журнала „Жизнь и Соціализмъ“. Редакторъ г. Марсовъ привлекается къ отвѣтственности.

29) „Расправы и расстрѣлы“—новая книга В. Климова, рисующая репрессіи нашихъ дней въ Москвѣ, Прибалтійскомъ краѣ, Польшѣ и на Кавказѣ, арестована московской цензурой. Дѣло передано на заключеніе прокурора.

30) 14 іюня въ типографіи „Енергія“ (Загородный пр., д. № 17) явился типографскій инспекторъ *Вальденбергъ* и предъявилъ предписаніе цензурнаго комитета о конфискованіи напечатанной въ этой типографіи книгоиздательства „Новый Міръ“ брошюры „Жныва Ивана Гылька“ на малороссійскомъ языкѣ. Конфисковано 4.040 экзempl.

31) Определеніемъ судебной палаты наложенъ арестъ на брошюру Костина „Что такое социалистическій строй“, книгоиздательства „Молоть“.

32) Уголовное преслѣдованіе редактора журнала „Социалистическая Библіотека“ г. *Яковенко* по 3 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 3 статьи; „Предисловіе“ согласно заключенію прокурорскаго надзора, *прекращено*.

33) Во Владикавказѣ, 14 іюня, генераль-губернаторомъ приостановлена газета „Жизнь Сѣвернаго Кавказа“.

34) 14 іюня состоялось постановленіе о *приостановленіи* изданія газеты „Курьеръ“.

35) Въ Ригѣ, 15 іюня, редакторъ-издатель „Рижскихъ Вѣдомостей“ Витвицкій, привлеченный къ отвѣтственности за перепечатку изъ „Нашей Жизни“ свѣдѣній о дѣйствіяхъ карательнаго отряда, окружнымъ судомъ оправданъ.

36) Въ Полтавѣ, 15 іюня, администраціей конфискована брошюра Льва Николаевича Толстого о военной службѣ, изданная мѣстнымъ издательствомъ „Эхо“.

37) Въ Митавѣ, 15 іюня, приняты строгія мѣры противъ латышскихъ газетъ, въ виду появленія въ нихъ поименныхъ [указаній лицъ, неугодныхъ радикальнымъ кружкамъ] и подлежащихъ терроризованію.

38) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати—16-го іюня возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи слѣдующихъ лицъ:

1) редактора газеты „Обрывъ“ Ф. М. Азнаурова по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 1 вышеназваннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года; 2) редактора-издателя журнала „Посединокъ“, сына двор. Онгирскаго, по п. 1 ст. 129 угол. улож. и по п. 5 ст. 129 того же уложенія, съ примѣненіемъ къ № 2 вышеназваннаго изданія п. а ст. 9 от. VII закона 24-го ноября 1905 года и 3) редактора газеты „Наша Жизнь“ К. И. Диксона, по ст. 6 отд. VIII закона 24-го ноября 1905 года и по п. 5 ст. 129 угол. улож., съ примѣнен. къ № 473 вышеназваннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24-го ноября 1905 года.

— Тѣмъ же комитетомъ возбуждены вопросы объ уголовномъ преслѣдованіи слѣдующихъ обществъ и издательствъ, виновныхъ въ составленіи, изданіи или напечатаніи неповременныхъ произведеній печати, въ коихъ усматриваются признаки преступныхъ дѣяній: 1) Императорскаго вольнаго экономическаго общества, сдѣлавшаго заказъ о напечатаніи брошюры подъ заглавіемъ „Всероссійскій союзъ“. Постановленія сѣздовъ крестьянскаго союза. Изданіе сѣвернаго областного бюро солѣиствія крестьянскому союзу. Типографія Н. Н. Клобукова, по пп. 1 и 3 ст. 129 уголов. улож., и 2) книгоиздательства „Новый Міръ“.

за напечатаніе брошюры подъ заглавіемъ „Поль Лафаргъ“ Христіанская благотворительность“. Переводъ съ французскаго. 2-е изданіе. Книгоиздательство „Новый Міръ“, Владимірская типо-литографія, по ст. 73 угол. улож., съ наложеніемъ на вышеуказанную брошюру ареста.

39) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ ответственности редакторовъ газеты „Хроника еврейской жизни“ Идельсона по 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 23 статьи: „Анархія власти“; журнала „Щитъ“ О. А. Зильберманъ по 128 ст. угол. улож. и п. „в“ ст. 5 отд. VIII вр. пр. о печати за напечатаніе въ № 6 статей: „Погромъ въ Бѣлостокѣ“ и „Награда сибирскимъ казакамъ“ и газеты „Мірское дѣло“ г. Караваева по п. „в“ ст. 5 отд. VIII вр. пр. о печати и 1 и. 5 п. п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 4 передовой статьи и „Хроники внутренней жизни“.

40) Судебной палатой наложенъ арестъ на брошюру Л. Н. Толстого „Какъ освободиться народу“ книгоиздательства „Обновленіе“. Виновные въ напечатаніи и распространеніи брошюры привлекаются къ отвѣтственности по 129 ст. угол. улож.

Комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра Вѣтрова „Анархизмъ, его теорія и практика“, какъ заключающая въ себѣ признаки 2, 3 и 5 п. п. 129 ст. угол. улож.

41) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлекается къ отвѣтственности по 5 п. 129 ст. угол. улож. редакторъ газеты „Наша Жизнь“ г. Диксонъ за напечатаніе въ № 470 письма въ редакцію за подписью „Офицера изъ Сунгари“.

42) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ ответственности редакторовъ газетъ: 1) „Наша Жизнь“, К. И. Диксона по 5 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 479 статьи „Въ Рождественскомъ клубѣ к. д.“; 2) „Обрывъ“, Ф. М. Азнаурова по 5 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 7 статьи „Изъ бесѣды“; 3) „Современная Жизнь“, по пп. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года за напечатаніе въ № 134 статьи „Третій этапъ революціи“; 4) „Сѣверная Земля“, А. Ф. Иванова по 1 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 1 статьи „Мысли и впечатлѣнія“ и др.; 5) „Эхо“, Е. С. Милановой по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 2 статьи „Почему нельзя разстрѣливать полицію“; 6) „Голосъ Труда“, М. И. Свѣчиной по п. „в“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 3 „Телеграммы рабочихъ изъ Одессы на имя депутата Михайличенка“ и 7) „Мысль“, И. Е. Соломко по 1 и 5 пп. 129 ст. угол. улож. и пп. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 4 статей „Тайные совѣтники—явные погромщики“ и „Прощальное письмо“ и др.

43) Въ Полтавѣ, 15 іюня, конфискованъ вышедшій номеръ „Полтавщина“ за помѣщенные резолюціи думы относительно полтавскихъ типографовъ и относительно произвола администраціи по поводу бѣлостокскаго погрома.

44) Судебной палатой утвержденъ наложенный комитетомъ по дѣламъ печати арестъ на брошюру „Положеніе трудового крестьянства въ связи съ социализмомъ“.

45) 15 іюня конфискованъ 2-й выпускъ сборника „Въ борьбѣ“.

46) Изданіе печатающейся въ Москвѣ газеты „Сѣверная Россія“ приостановлено градоначальникомъ.

Выпущенные книгоиздательствомъ „Новая Россія“, „Протоколы перваго всероссійскаго крестьянскаго съѣзда“, по распоряженію администраціи, арестованы.

17 іюня приостановлена выходившая въ Либавѣ соц.-дем. газета „Leeras Awise“. Полиція явилась въ типографію и опечатала всѣ приготовленные къ выпуску экземпляры. Всѣ прогрессивныя и даже умѣренныя газеты конфискуются ежедневно.

47) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: „Наша Жизнь“ г. Диксона по 5 п. 129 ст. угол. улож. и 6 ст. VI отд. закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 473 статьи „Армія и погромы“; 2) Современная жизнь“ г. Зорина по 1 п. 129 ст. угол. улож. за печатаніе въ № 127 статьи: „Резолюція служащихъ на невиской жел. дорогѣ“.

48) Въ главномъ управленіи по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Голосъ“ г. Хирьякова по 1 и 2 и 3 п. 129 ст. угол. улож., пп. „в“ и „г“, ст. 5 и ст. 6 отд. VIII, закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ №№ 10 и 12 статей: „Записки социалиста о текущемъ“, „Бѣлостокъ“, „Открытое письмо къ высшему духовенству“, „Адская какофонія“ и письма „Какъ я думалъ и какъ я думаю“; 2) „Биржевыя Вѣдомости“ г. Бонди по пп. „в“ и „г“ ст. 5, отд. VIII, закона 24 ноября 1905 года за напечатаніе въ №№ 9, 3, 2, 4 и 143 статей: „Бѣлостокскій погромъ“, „Рядъ вопросовъ“, „Официальная ложь“, „Губернаторское опроверженіе“; 3) „Трудовая Россія“ г. Опишко по пп. „в“ и „г“, ст. 5, отд. VIII, закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 3 статей: „Наканунъ“, „Кто устраиваетъ погромы“, „Поступать согласно преподанной инструкціи“, „Гвардія подъ конвоемъ“ и „Последнія извѣстія“.

Опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 14-го текущаго іюня, приостановлены впредъ до судебного приговора изданія газетъ: „Голосъ“, „Трудовая Россія“ и „Призывъ“.

49) Въ Брянскѣ, 18 іюня, конфискованъ въ помѣщеніи редакціи № 16 газеты „Брянскій Листокъ“.

50) Въ Тифлисѣ, 18 іюня, по распоряженію генераль-губернатора приостановлена газета „Гвоздь“. Редакторъ ея, Ланге, арестованъ, а типографія, въ которой она печаталась, закрыта.

51) Въ Костромѣ, 18 іюня, номеръ „Костромской Газеты“ конфискованъ безъ представленія предписанія, по ошибкѣ былъ конфискованъ и „Поволжскій Вѣстникъ“, но возвращенъ обратно. Столичныя газеты на вокзалѣ осматриваются жандармами. „Наша Жизнь“ отъ 16 іюня конфискована на вокзалѣ.

52) Въ Ярославлѣ, 19 іюня. Ярославскій окружный судъ въ своемъ засѣданіи вынесъ весьма жестокой приговоръ по двумъ литературнымъ дѣламъ. Онъ закрылъ навсегда двѣ газеты „Сѣверные Отклики“ и „Сѣверную Газету“. Редактору первой изъ нихъ присуждено наказаніе 1 1/2 мѣсяца ареста при тюрьмѣ, редакторъ второй приговоренъ къ

50 рублямъ штрафу. „Сѣверная Газета“ судомъ закрыта исключительно за напечатаніе рѣчи, произнесенной профессоромъ Шершеневичемъ въ г. Костромѣ въ февралѣ мѣсяцѣ. Рѣчь въ себѣ не заключала никакихъ „завѣдомо ложныхъ свѣдѣній“ (редакторы привлекались по пун. в. ст. 5-й врем. прав. о печати), а прокуроръ костромского окружнаго суда за ея произнесеніе не нашелъ нужнымъ привлечь къ суду члена думы профессора Шершеневича. Каждому редактору пяти закрытыхъ газетъ за послѣдніе полгода предъявлено нѣсколько обвиненій въ окружномъ судѣ, а также судебной палатѣ.

53) Во Владивостокѣ, 19 іюня, газета „Восточная Краина“ закрыта на 29 номерѣ, за статью о препровожденіи по улицамъ города тройнымъ конвоемъ инженеровъ, служащихъ на желѣзной дорогѣ.

Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о *привлеченіи къ отвѣтственности* редакторовъ газетъ: 1) „Сѣверная Земля“ А. Ф. Иванова по 1 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ №№ 2 и 3 статей „На злобу дия“ и резолюціи „конференцій сѣверныхъ комитетовъ Р. С.-Д. Р. П. и ц. к. Бунда“ и 2) „Мысль“ И. Е. Соломко по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 6, въ отдѣлѣ „Парламентская трудовая группа“ сообщенія изъ Саратовской губерніи.

54) Комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра книгоиздательства „Максималистъ“ № 1 „Прямо къ цѣли“, какъ заключающая въ себѣ признаки 1 и 2 п. п. 129 ст. угол. улож.

55) Определеніемъ судебной палаты, состоявшимся 19 іюня, прекращены уголовныя преслѣдованія, возбужденныя комитетомъ по дѣламъ печати противъ редакторовъ брошюры „Проектъ основнаго закона о землѣ“ Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина по обвиненію ихъ по 2 п. 129 ст. угол. улож., и издателя брошюры „Революція 1848 года въ Вѣнѣ“ г. Парамонова по обвиненію его по 2 п. 129 ст. угол. улож. Приостановленіе изданія и печатанія этихъ брошюръ отмѣнено.

56) Прокурорскимъ надзоромъ возбужденъ вопросъ о *привлеченіи къ отвѣтственности* по 1088 ст. улож. о нак. редакторовъ газетъ, печатающихъ обвинительные акты по дѣламъ, слушаніе коихъ назначено при закрытыхъ дверяхъ.

57) 20 іюня, поздно вечеромъ, въ типографію „Энергія“ явился типографскій инспекторъ Вальденбергъ и предъявилъ предписаніе цензурнаго комитета наложить арестъ на печатающіеся въ этой типографіи сатирическій журналъ „Застрыльщикъ“ № 3. Въ предписаніи было указано, что арестъ вызванъ однимъ изображеніемъ „преступнаго вида“; клише этого изображенія было опечатано и увезено въ участокъ.

58) Второй номеръ журнала „Буравчикъ“ конфискованъ во время печатанія.

59) Въ Брянскѣ 20 іюня, постановленіемъ судебной палаты газета „Брянскій Голосъ“ приостановлена; редакторъ-издатель М. И. Юдинъ привлекается къ отвѣтственности по 3 п. 129 статьи.

60) Въ Казани 20 іюня, окружный судъ отмѣнилъ произведенную инспекторомъ печати конфискацію № 95 „Волжскаго Курьера“. Редакція заявила, что она намѣрена предъявить къ инспектору искъ объ убыткахъ.

61) Въ Иркутскѣ, 20 іюня, генераль-губернаторъ прекратилъ изданіе въ г. Иркутскѣ „Сибирскаго Обзорнія“ и выслалъ редактора въ Верхоленскъ.

62) Въ Благовѣщенскѣ, 20 іюня, пріамурскій генераль-губернаторъ Унтербергеръ пріостановилъ изданіе газеты „Голосъ Окраины“. Это шестой случай закрытія мѣстныхъ газетъ; теперь Амурская область осталась совершенно безъ газетъ, наканунѣ объявленныхъ выборовъ въ Государственную Думу“.

63) Возбужденное главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: „Наша Жизнь“, „Дума“ и „Волна“ судебной палатой оставлено безъ удовлетворенія.

Дѣло по обвиненію редактора журнала „Ясная Поляна“ г. Максимова *прекращено*.

64) С.-петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 21 іюня возбужденъ вопросъ *объ уголовномъ преслѣдованіи* слѣдующихъ лицъ:

1) редактора-издательницы газеты „Голосъ Труда“ М. П. Свѣчиной, по п. 1, ст. 129 угол. улож. и ст. 128 того же уложенія; 2) редактора-издателя журнала „Земля и Народъ“ С. Г. Громана (по п. в. ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года и по ст. 6 отд. VIII того же закона, съ примѣненіемъ къ № 2 вышеназваннаго журнала п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года; 3) редактора-издателя газеты „Мысль“, члена Государственной Думы И. Е. Соломко, по п. 5 ст. 129 уголов. улож., по п. в. ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года и по п. 1 ст. 129 угол. улож., съ примѣненіемъ къ № 2 вышеназваннаго изданія п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года, и 4) редактора газеты „Наша Жизнь“ К. И. Диксона, по п. 5 ст. 129 уголов. уложенія.

Опредѣленіемъ с.-петербургской судебной палаты—дѣло, возбужденное по постановленію с.-петербургскаго комитета по дѣламъ печати, о привлеченіи къ *уголовной отвѣтственности* редактора-издательницы газеты „Волна“—Е. И. Ширяевой, по обвиненію ея по пп. 1, 2 и 3 ст. 129 угол. улож.—*дальнѣйшимъ производствомъ прекращено*.

65) Въ Красноярскѣ, 21 іюня, распоряженіемъ иркутскаго генераль-губернатора редакторъ пріостановленной газеты „Голосъ Сибири“ Всеволодъ Крутовскій высылается въ административномъ порядкѣ въ Киренскъ.

66) Въ Иркутскѣ 21 іюня, газета „Молодая Сибирь“, вышедшая вмѣсто „Обзорнія“, пріостановлена послѣ перваго номера.

67) Въ Костромѣ 22 іюня, опредѣленіемъ судебной палаты „Костромская Газета“ пріостановлена; вышелъ „Костромской Край“.

68) Въ Харьковѣ 22 іюня, за статьи о бѣлостокскомъ погромѣ прис. повѣр. Станиславскій, редакторъ-издатель „Наканунѣ“, пріостановленной состоявшимся до рѣчей князя Урусова опредѣленіемъ суда впредь до судебного приговора, на основаніи временныхъ правилъ, признанъ виновнымъ въ печатномъ распространеніи завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительства и подвергнутъ штрафу въ 25 рублей. Первоначальное опредѣленіе о пріостановкѣ судомъ не подтверждено, и вопросъ о правѣ продолжать изданіе оставленъ открытымъ. Газета „Де-

вятий Валь“, смѣнившая „Наканунѣ“, вчера приостановлена временнымъ генераль-губернаторомъ.

69) Въ Батумѣ третій разъ конфискованы номера газеты „Заря“.

70) Газета „Правда Божія“, редактируемая священникомъ Г. С. Петровымъ, приостановлена распоряженіемъ градоначальника, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ.

71) Въ судебную палату поступило для разсмотрѣнія дѣло редактора газеты „Наша Жизнь“ В. Водовозова по обвиненію по 1 пп. 129 ст. угол. ул. и п. 6 ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года за напечатаніе въ №№ 410, 413 и 414 письма, за подписью Александра Микеладзе, и статей „Къ разгрому ксеніинскаго института“ и „Объ активномъ выступленіи“.

72) Комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра Платонова „Какъ начала работать государственная дума“, изданіе вятскаго товарищества „Народная бібліотека“, какъ заключающая въ себѣ признаки преступленія, пред. 1 п. 129 ст. уголов. улож.

73) Въ главномъ управленіи по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Рыцъ“ г. Бужановскаго по п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 91 статьи „Возобновленіе эксперимента“; 2) „Наша Жизнь“ г. Диксона по п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 462 статьи: „Погромъ въ Бѣлостокѣ“ и по 5 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 463 статьи „Законъ и законность“; 3) „Трудовая Россія“ г. Оникко по 1 и 5 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 1 статьи: „На поворотѣ“, „Письма въ редакцію“ и стихотвореній „Изъ пѣсенъ свободы“ и „Стонетъ мать сыра земля“ и по п. „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатанныя въ № 2 статьи.

74) Въ Курскѣ 23 іюня, звѣрски задушена „Курская Жизнь“.

75) Во Владивостокѣ, какъ телеграфируютъ оттуда „Русск. Слово“, судили на-дняхъ редактора газеты „Владивостокъ“ г. Ремезова. Онъ обвинялся по 128 и 129 ст. угол. улож. До суда онъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ содержался на гауптвахтѣ Русскаго острова. Слушаніе дѣла продолжалось 20 часовъ. Г. Ремезовъ приговоренъ къ денежному штрафу въ 500 руб. за „неосторожное перепечатываніе политическихъ статей изъ другихъ газетъ“.

76) По возбужденному главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати дѣлу о редакторъ газеты „Страна“, членѣ государственной Думы М. М. Ковалевскомъ, по обвиненію его по 5 п. 199 ст. угол. улож. за перепечатаніе въ № 70 письма офицера, судебная палата отклонила это обвиненіе, признавъ въ дѣлѣ лишь признаки 6 ст. VIII отд. закона 24 ноября 1905 г., и передавъ его для разсмотрѣнія въ окружный судъ.

77) Въ Полтавѣ, 24 іюня, вышедшій номеръ социаль-демократическаго журнала „Наканунѣ“ конфискованъ, и къ редактору предъявлено обвиненіе по 129 ст. улож. о наказ. Редакція объявила журналъ закрытымъ.

78) Приговоръ судебной палаты отъ 24 мая по дѣлу о редакторъ газеты „Наша Жизнь“ Л. В. Ходскомъ и А. Н. Котельниковѣ, согласно которому они признаны по суду оправданными за напечатаніе извѣст-

наго „манифеста“ и резолюціи почтово-телеграфныхъ служащихъ,—опротестованъ прокуроромъ судебной палаты въ сенатъ.

79) 24 іюня комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра „Хлѣбъ и Воля“.

80) Въ Спб. окружной судъ по II уголовному отдѣленію поступило интересное дѣло по обвиненію редактора сатирическаго журнала „Заноза“ Р. Л. Антропова и сотрудника того же журнала Апполона Коринфскаго въ помѣщеніи въ № 2 журнала стихотворенія „Застольная пѣсня“, въ которомъ говорилось, что воинскіе чины—опричники, опозорившіе на войнѣ „знамя родины своей“ и стрѣлявшіе въ женщинъ и дѣтей „какъ въ мишень“, когда тѣ праздновали „свободы первый день“. Обвиненіе предъявлено по ст. 6 отд. VIII временныхъ правилъ о печати отъ 24 ноября 1905 года. Дѣло это будетъ слушаться по II отдѣленію спб. окружного суда.

81) Возбужденное главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати ходатайство о привлеченіи къ ответственности редактора газеты „XX Вѣкъ“ г. Долгова по 2 ч. 103 ст. угол. улож., и п. „в“ ст. 5 отд. VIII вр. прав. о печати, за напечатаніе въ № 58 статей: „Въ поискахъ золотого руна“, „Въ кулуарахъ Думы и письма въ редакцію“, „Въ скоромъ будущемъ“—судебной палатой отклонено, и номеръ этотъ отъ ареста освобожденъ.

82) Полиція произвела обыскъ въ типографіи Левенштейна, гдѣ печатался журналъ „Народный Листокъ“, и въ конторѣ редакціи. Въ типографіи номеровъ журнала не оказалось, а въ конторѣ конфисковано два экземпляра.

83) Въ судебную палату поступило для разсмотрѣнія дѣло о редакторѣ газеты „Народный Вѣстникъ“, членѣ государственной думы С. М. Корнильевѣ, обв. по 128 ст. угол. улож., и 6 ст. VIII отд. врем. прав. о печати, за напечатаніе въ № 9 газеты, статьи „О казакахъ“ и „Сообщенія изъ Пскова“.

84) По распоряженію московскаго градоначальника пріостановлены газеты „Илья Муромецъ“ и „Моментъ“.

85) Въ Полтавѣ, 25 іюня, харьковской судебной палатой пріостановленъ выходъ социаль-революціонной газеты „Полтавскія Думки“.

86) Въ Козловѣ, 25 іюня, редакторъ „Козловской Жизни“ высылается изъ предѣловъ Тамбовской губерніи. Типографія, въ которой печаталась газета, опечатана.

87) Въ Тифлисѣ, 25 іюня, газета „Кавказская Рѣчь“, замѣнявшая „Кавказскій Курьеръ“, органъ конституціонно-демократической партіи, закрыта генералъ-губернаторомъ. Очередной номеръ ночью въ типографіи конфискованъ; редакція запечатана.

88) Судебнымъ слѣдователемъ 12 уч. г. Петербурга закончено слѣдствіе по дѣлу о напечатаніи въ № 61 газеты „Русь“ извѣстнаго произведенія А. И. Амфитеатрова „Зарубежные отклики. Стихиры россійскія, усовершенствованныя по закону сего времени“. Въ качествѣ обвиняемыхъ привлечены редакторъ газеты М. М. Крамалей и авторъ, въ виду же отсутствія г. Амфитеатрова, слѣдователемъ сдѣлано распоряженіе о сыскѣ его чрезъ публикацію, какъ обвиняемаго по 2 п. 73 ст. угол. улож.

89) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ ответственности редакторовъ газетъ „Мысль“ И. Е. Соломко по 1 и 5 п. п. 129, 103 ст. угол. улож. и п. „в“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ №№ 1, 2 и 3 статей „Сообщеніе изъ Николаева“, „Официальная провокація“, „Бѣлостокскій погромъ въ „Прав. Вѣстникѣ“, „Документъ“, „Странички изъ современной идилліи“ и проч., и стихотворенія „Выручай“; 2) „Голосъ Труда“ М. И. Свѣчиной по 2 и 5 п. п. 129 ст. уг. ул. п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ №№ 1 и 2 газеты статей: „Оправданіе вахмистровъ“, „Корреспонденція изъ Вологды“ и др.; 3) „Обрывъ“ Ф. М. Азнаурова по 5 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 6 газеты статьи „Разжалованіе преображенскаго полка“; 4) „Наша Жизнь“ К. И. Диксона по 5 п. 129 ст. уг. ул. и п. „г“ и „в“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября за напечатаніе въ №№ 477 и 478 статей „Сообщеніе изъ Баку“, „По городамъ и селамъ“, „Трудовая группа и войско“ и передовой статьи (№ 478) „О погромѣ“ 5) „Эхо“ Е. С. Миллюковой по 1 и 5 п. п. 129 ст. уг. улож. и п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 1 статьи „Досадная обмолвка“ и др.; 6) „Биржевыхъ Вѣдомостей“ г. Бонди по п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 9354 письма Ф. Львова „Утверждаю“.

90) Опрежденіями С.-Петербургской судебной палаты оставлены въ силѣ постановленія С.-Петербургскаго комитета по дѣламъ печати о наложеніи ареста на слѣдующіе номера издающихся въ С.-Петербургѣ повременныхъ органовъ печати:

1) на № 23 газеты „Восходъ“, 2) на №№ 13 и 14 газеты „Впередъ“ 3) на № 14 газеты „Голосъ“, 4) на № 69 газеты „Двадцатый Вѣкъ“ 5) на №№ 7—8 журнала „Знаніе—сила, сила—знаніе“, 6) на №№ 20 и 22 газеты „Курьеръ“, 7) на № 4 газеты „Мірское Дѣло“, 8) на № 2 журнала „Народный Листокъ“, 9) на № 473 газеты „Наша Жизнь“, 10) на № 1 газеты „Обрывъ“, 11) на № 2 журнала „Поединокъ“, 12) на №№ 100 и 102 газеты „Призывъ“, 13) на № 4 газеты „Русскій Набатъ“. 14) на №№ 120 и 121 газеты „Современная Жизнь“, 15) на № 7 газеты „Трудовая Россія“ и 16) на № 23 газеты „Хроника еврейской жизни“.

91) Въ Кіевѣ, 27 іюня, распоряженіемъ губернатора изъ предѣловъ Черниговской губерніи высланъ черниговскій корреспондентъ „Кіевской Зари“, исключительно за корреспонденціи мѣстной жизни.

92) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ въ просъ о привлеченіи къ ответственности редакторовъ газетъ: 1) „Трудовая Россія“ г. Онишко по 103, 1, 3 и 6 п. п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 4 этой газеты статей: „За землю и волю“, „Трудовое дворянство и трудовой народъ“, „Близка развязка“ и др., 2) „Дума“ г. Винберга по п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 34 статьи „Погромъ въ Бѣлостокѣ“, 3) „Русскій Набатъ“ г. Азнаурова по 1, 5 и 6 п. п. 129 ст. угол. улож. и п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ №№ 1 и 2 статей: „Армія и народъ“, „Въ кровавой сатрапіи“, „О казачествѣ“, „Телеграммы и наказы“ и др.; 4) „Голосъ“ г. Хирьякова по, 1, 5 и 6 п.

129 ст. угол. улож. и п. п. „в“ и „г“ ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 13 „Бѣлостокская бойня“, „Новые трудовики“, „Въ парламентской трудовой группѣ“, „Приговоры“ и др.

93) Нѣсколько разъ въ теченіе іюня въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ конфисковались номера петербургскихъ газетъ: „Призывъ“, „Русскій Набатъ“, „Впередъ“, „Курьеръ“, „Обрывъ“, „Голосъ“, „Современная Россія“, „Голосъ Труда“, „Сѣверная Земля“, „Крестьянскій Депутатъ“, „Современная Жизнь“, „Наша Жизнь“, „Мысль“ и „XX вѣкъ“.

94) Въ Кіевѣ, 28 іюня. Начиная съ ноября въ Кіевѣ конфисковано газетъ, журналовъ и брошюръ 225 названій. Сегодня конфискована „Громадська Думка“ и на время военнаго положенія запрещена продажа черносотеннаго „Вѣче“. „Кіевлянинъ“ по-прежнему продается свободно.

95) Въ Ярославлѣ, 28 іюня, Московская судебная палата, рассмотрѣвъ дѣло обвиняемыхъ по 129 ст. редакторовъ-издателей приостановленныхъ, издававшихся въ Ярославлѣ газетъ „Сѣвернаго Края“ Михѣева, „Сѣверной Газеты“ Троицкаго, „Сѣверной Области“ Ливанова, — всѣхъ ихъ оправдала.

96) Въ Саратовѣ, 29 іюня, вышелъ первый номеръ газеты „Рабочій“, который немедленно былъ конфискованъ.

97) Въ Бердичевѣ, 29 іюня, газета „Общественная жизнь“ приостановлена.

98) Въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ отъ продавцовъ газетъ взята подписка, которой они обязались не держать газетъ *крайнихъ лѣвыхъ партій*. Въ число газетъ, не подлежащихъ обращенію среди мѣстной публики въ розничной продажѣ, зачислены и „XX вѣкъ“. По отношенію къ послѣдней газетѣ, впрочемъ, сдѣлана нѣкоторая уступка: „XX вѣкъ“ разрѣшено продавать въ розницу лишь въ кіоскахъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ.

99) Конфискація газетъ понемногу принимаетъ всероссійскій характеръ. На станціяхъ желѣзныхъ дорогъ конфискуютъ многія столичные газеты за одно ихъ названіе, хотя бы онѣ въ самомъ номерѣ и не заключали ничего предосудительнаго. Очевидцы говорятъ, что во многихъ мѣстахъ навлекшія на себя немилость начальства газеты, къ которымъ, между прочимъ, принадлежитъ и „XX вѣкъ“, отбираются жандармеріей немедленно по ихъ полученіи, и пассажиры въ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ получать ихъ не могутъ. По словамъ очевидца, „XX вѣкъ“ конфискуется почти по всему Поволжью.

Воззваніе.

Страшное несчастье обрушилось на еврейское населеніе города Бѣлостока. Погромъ, организованный злодѣями и длившійся 1—3 іюня, далъ въ результатъ массу жертвъ; до ста безчеловѣчно убитыхъ и сотни раненыхъ. Множество магазиновъ, лавокъ, мастерскихъ и квартиръ безпощадно разгромлены. Многія семейства лишились своихъ кормильцевъ, остались безъ хлѣба и крова. Въ городѣ полный застой. Помогите! Человѣколюбивые братья! Помогите жертвамъ звѣрскаго насилія!

Пожертвованія просимъ направлять казначею Комитета Маркусу А. Ш. Гордону.

Бѣлостокскій комитетъ по оказанію помощи евреямъ, пострадавшимъ отъ погрома.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я:

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОРТРЕТОВЪ И КАРТИНЪ

В. П. ВОДОВОЗОВОИ.

Невскій пр., 19, книжный магазинъ «Наша Жизнь».

Поступили въ продажу:

- 1) Альбомъ «Шлиссельбургская крѣпость». 8 рис. Ц. 75 к.
- 2) Портреты бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ: Антонова, Балмашева, Волкенштейнъ, Гершуни, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Новорусскаго, Поливанова, Иванова, Каляева, Карповича, Попова, Сазонова, Стародворскаго, Фигнеръ. Ц. 35 к.

Доходъ отъ изданія поступить въ Шлиссельбургскій Комитетъ.

Готовятся къ печати портреты:

ТРИГОНИ, ФРОЛЕНКА, МЫШКИНА, АШЕНБРЕННЕРА.

— ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО. —

Книгоиздательство „КУЛЬТУРА“.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева.

XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія—книжный магазинъ «КУЛЬТУРА», С.-Петербургъ, Загородный, 28.

Принимается подписка
на полное собраніе сочиненій
Н. Г. Чернышевскаго

въ 10 томахъ большого формата съ 4 портретами
(около 400 печ. лист.).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

ПОДПСКА—принимается въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (СПБ.—Литейный пр. 46; Москва—Моховая ул., д. Баженова; Варшава—Новый свѣтъ, 69; Вильна—Большая ул., д. Гордона), а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

ЦѢНА—по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдней книги 15 руб. безъ пересылки и 20 руб. съ пересылкою; по выходѣ въ свѣтъ послѣдней книги цѣна будетъ повышена. Книжные магазины и всѣ, имѣющіе надобность по дѣламъ изданія, обращаются въ складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (СПБ., Литейный пр., 46).

РАЗСРОЧКА подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) для **городскихъ** подписчиковъ: при подпискѣ уплачивается 2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; при полученіи слѣдующихъ 5 книжекъ — по 2 р. за каждую, а всего 15 р. Остальные 4 книжки выдаются бесплатно.
- 2) для **иностранцевъ**: при подпискѣ—2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; за слѣдующія 7 книжекъ уплачивается по 2 р. и за девятую—1 р., а всего 20 р.—Десятая книжка выдается бесплатно.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.—Для удобства изданія книги будутъ выходить въ свѣтъ не по порядку нумераціи томовъ. Каждое первое число будетъ выходить по книжкѣ. Все изданіе будетъ закончено осенью 1906 г.

Вышли и раздаются подписчикамъ томы VII, VI, VIII, III, VI, I.

„Библиотека Освободительной Борьбы“.

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (Л. МЕЛЬШИНЪ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ съ изданія поступить въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

№ 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

№ 3:

В. Н. Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна 20 коп.

Складъ изданій: 1) въ ред. журн. «Былое», Спасская ул., д. 25, кв. 20. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Спасскій пер., д. 5, кв. 1. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.

Николай Морозовъ.

ИЗЪ СТѢНЪ НЕВОЛИ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЯ и ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ книжкѣ приложены:

Рисунокъ „Шлиссельбургскіе Мотивы“ академика И. Е. Рѣпина;
Портретъ автора, сфотографированный съ картины художника Я. А. Чахрова и предисловіе П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Н. Е. Парамонова. Складъ—Спасскій переулочъ, д. 5.

Въ книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“ (Спасскій, 5)

поступили въ продажу

а) Картины изъ французской революціи:

1) Взятіе Тюльери. 2) Столкновение республиканцевъ съ вандейцами
3) Защита позиціи. 4) Наполеонъ въ Совѣтѣ 500. 5) Клятва въ національн.
собраніи. 6) Разстрѣлъ коммунаровъ и др.

б) Картины съ выставокъ 1906 г.:

1) Послѣ погрома. 2) Очистка площади. 3) Обыскъ. 4) „Не ходи“.
5) „Вы жертвою пали...“ 6) Случайная жертва. 7) „Безумство храбрыхъ...“

в) Портреты:

1) Крапоткинъ. 2) Лавровъ. 3) Морозовъ. 4) Волкенштейнъ. 5) Пет-
рашевскій и др.

г) Отдѣльныя картины:

1) Свобода ведетъ народъ. 2) Стачка углекоповъ. 3) Забастовщикъ
и др. Цѣна 20 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ „БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ вѣдѣ партійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая бібліографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Антоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуриискій; В. Я. Богучарскій; А. К. Бороздинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Бѣлоконскій; Л. Василевскій (Плохоцкій); П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; В. В. Водозовъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьевскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ; Л. Н. Клейнборгъ; Д. А. Клеменцъ; Е. Н. Ковальская; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костуринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; І. Д. Лукашевичъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляцкий; И. И. Майновъ; О. С. Миноръ; И. Л. Манучаровъ; М. Маньковский; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милуковъ; Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсянко-Куликъ; Г. Ф. Осмоловскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; Н. А. Рубакинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій; Н. П. Стародверскій; Е. В. Тарле; М. Н. Тригони; А. В. Тырковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хижняковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковский; В. М. Черновъ; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шишко; Л. Я. Штернбергъ; П. Е. Щеголевъ; П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на $\frac{1}{2}$ года—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 р.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 5, кв. 1. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская *улица*, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { **В. Я. Богучарскій.**
П. Е. Щеголевъ.

Издатель **Н. Е. Парамоновъ.**

Отъ Редакціи.

Кромѣ окончанія воспоминаній **М. В. Новорусскаго** въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предположены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣд. статьи: **П. Е. Щеголевъ**—Агитационная литература декабристовъ и **С. И. Муравьевъ-Апостолъ** (историко-психологическій этюдъ); **Е. В. Тарле**—Самодержавіе Николая Перваго и общественное мнѣніе Франціи; **А. Бахъ**—Воспоминанія народовольца; **Ф. Я. Конъ**—У подножія вистѣлицы (Изъ воспоминаній); **С. А. Иванова-Борейша**—Первая типографія «Народной Воли»; **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспоминаній (о Липецкомъ съѣздѣ народовольцевъ въ 1879 году); **М. Р. Поповъ**—«Земля и Воля» наканунѣ Воронежскаго съѣзда въ 1879 г.; **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній; **М. Н. Тригони**—Изъ воспоминаній; **С. С. Синегубъ**—Воспоминанія чайковца; **А. В. Прибылевъ**—О процессѣ 17; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **О. С. Миноръ**—Драма 1889 года въ Якутскѣ; **З. Ралли**—Изъ воспоминаній о **М. А. Бакунинѣ**. **А. Л.**—Организація «Рабочее Знамя»; **М. К. Лемке**—Дѣло Мартянова; процессъ **Н. А. Серно-Соловьевича**; неизданныя стихотворенія **Т. Г. Шевченко**; обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, (между прочимъ будетъ помѣщенъ отчетъ о кассационномъ процессѣ **И. П. Каляева**, процессъ 17-ти народовольцевъ: **Богдановича**, **Будевича**, **Грачевскаго**, **Корбы**, **Сав. Златопольскаго** и др. обзоры дознаній по дѣламъ **Грачевскаго**, **В. Фигнеръ**, **А. Корбы**, **Н. А. Морозова**), письма **М. А. Бакунина** и др. извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты: **Н. А. Серно-Соловьевича**, **П. И. Войноральскаго**, **П. А. Алексѣва**, **Н. В. Чайковскаго**, **В. А. Осинскаго**, **Д. А. Лизогуба**, **Н. И. Колодкевича**, **А. И. Желябова** (гимназической его поры), **Н. Д. Похитонова**, **А. В. Будевича**, **Н. Л. Зотова**, **А. Л. Гаусмана**, **Л. М. Коганъ-Бернштейна**, **Г. А. Лопатина**, **Н. А. Морозова**, виды **Карійской** и **Акатуйской** каторги, и проч.

3 8198 319 173 330

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO

